

РУССКОЕ СЛОВО.

• V.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1859.

May

М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

*QCA

252886

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 8 мая 1859 года.

Ценсоръ С. Палаузовъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.
Поездка на хуторъ. Н. НИКИТИНА	1
А. С. Грибоедовъ. Черновая тетрадь Грибоедова. Статья вторая. Д. СМЕРНОВА	9
Афинны и Константинополь. (Изъ путевыхъ записокъ 1857 года.) Часть первая. А. МИЛЮКОВА	117
Взяточникъ. Повѣсть А. ВИТТЕ	201
Маккиавелли. Статья вторая. В. ПОПОВА	271
Надежды Италіи (1, Delle speranze d'Italia di Cesare Balbo. 1855. 2, Napoléon III et l'Italie. 1859.) ГР. БЛАГО- СВѢТЛОВА	321

ОТДѢЛЪ II.

Британія. Нѣсколько словъ о законахъ и терми- нахъ органической критики. АП. ГРИГОРЬЕВА	1
И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу ро- мана: «Дворянское гнѣздо» (Современникъ 1859 г. № 4). Письма къ Г. Г. А. К. Б. Статья вторая. АП. ГРИГОРЬЕВА	20
Библиографія. Опытъ исторической грамматики русскаго языка. Учебное пособие для преподавателей, составленное Ө. Буслаевымъ. В. ВОДОВОЗОВА	42
Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ рассказанная. Новое изданіе Григорія Книжника. — Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей. — Олегъ подъ Константинополемъ, драматическая пародія съ эпило- гомъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Акса- кова. — Раскрытый портфель: выдержки изъ «смытыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявлять своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. — Василій Григорьевичъ Ту- манскій (библиографическій очеркъ). В—ДА К—АГО.	62

Библиографическій перечень. Малорусскій ли- тературный Сборникъ. Изд. <i>Д. Мордовцевъ</i> . — Мова зъ Украины. Сборникъ сочиненій на южно-русскомъ языкѣ. <i>С. М. Родины</i> . — Повісті Грыгѳрїя Квітки (Основьяненка). Издаль <i>П. А. Кулишъ</i> . — Украинскіе народные рассказы Марка Вовчка. Пер. <i>И. С. Тургенева</i> . — Богданъ Хмель- ницкїй. Соч. <i>Николая Костомарова</i> . — Бунтъ Стеньки Разина. Соч. <i>Николая Костомарова</i> . — Собраніе важ- нѣйшихъ памятникѡвъ по исторїи древняго русскаго права. Состав. <i>И. Лазаревскимъ</i> и <i>Як. Утинымъ</i> . — Сказанїя современникѡвъ о Дмитрїи самозванцѣ. Изд. 3-е, исправл. <i>Н. Устрялова</i> . — Матерїалы для словаря русскихъ писа- телей, собираемые <i>Сергѣемъ Полторацкимъ</i> . — Собраніе литературныхъ статей <i>Н. И. Пирогова</i> . — Сочиненїя П. А. Крылова съ біографїей его, написанною <i>П. А. Шлетне- вымъ</i> . — Для легкаго чтенїя. Т. IX. Изд. <i>Давыдова</i> . — Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторїи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. <i>А. Ава- насьева</i> . — Осипъ Ивановичъ Сенковскїй, біографическія записки его жены. — Лицей князя Безбородко. Изд. графъ <i>Г. А. Кушелевъ-Безбородко</i> . — Отчетъ Императорской Публичной Библіотети за 1858 годъ. Барона <i>Корфа</i> . Г. МИЛОРАДОВИЧА 80
--

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Воспоминанїя о путешествїи за границей. (Продолженіе.) К. Б. 1
Гейнрихъ Гейце. АП. ГРИГОРЪЕВА, АЛ. ПЛЕЩЕЕВА, А. ФЕТА, Л. МЕЯ, В. КРЕСТОВСКАГО, Н. М—ВА. 15
Отвѣтъ на статью г. Правдухина, помѣщенную въ 12 N° «Сѣверной Пчелы» нынѣшняго года. П. БЪЛОВА. 64
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Смерть Бозіо и ея артистическая карьера. — Новый балетъ и московская тан- цовщица. — Парижскіе фарсы, падающіе на нашей сценѣ. — Поучительное происшествїе. — Дебютантка на французской сценѣ и ея отецъ. — Нѣсколько словъ о драматическомъ воспитанїи. — М. С. Щепкинъ. — Дебютанты и дебютантки

на русской сценѣ. — Новая драма. — Благородное Собрание и семейные вечера. — Г-жа Кохъ. — Одинъ изъ концертовъ, имѣющихъ семейный характеръ. — Нѣчто о мостовыхъ и перевозкѣ мебели. — Новая пожарная машина. — Телеграфы и гласность, какъ средство добыть деньги. — Рисунки художника Лебедева. — Фотографія г. Оже и комп. — Выставка на биржевомъ скверѣ. — Двѣ выставки въ будущемъ. — Смерть А. Гумбольдта. **ЕГОРА МОЛМЕРА** . . .

69

Отъ Редаціи

85

Шахматный листокъ. № 5. Замѣчанія г-на М. А.

на сочиненіе князя Урусова. — Искусственная партія къ одной изъ задачъ Стаммы. — Новый шахматный журналъ «La Rivista degli Scacchi». — Извѣстія изъ Америки, Австраліи, Остъ-Индіи. — Партіи: Дюбуа съ де-Ровіеромъ; Дюбуа съ герц. Брауншвейгскимъ, гр. Козабіанка и г-мъ Прети (игравшими по консультаціи); Дюбуа съ Муромъ; Индуса Рунхундера съ Гринномъ; И. С. Шумова съ кн. Д. С. Урусовымъ; кн. Д. С. Урусова съ В. М. Михайловымъ. — Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. С. Урусова (статья 4-ая). — Рѣшеніе задачъ. — Задачи.

ВИКТОРА МИХАЙЛОВА. 109

Записки Мелкотравчатого. Глава 1—4. **Е. Э. ДРЯНСКАГО**, въ приложеніи (продолженіе ихъ будетъ въ слѣдующихъ книжкахъ).

ПОЕЗДКА НА ХУТОРЪ.

(Отрывокъ изъ поэмы «Городской голова».)

Ужъ кони у крыльца стояли.
Отъ нетерпѣнья коренной
Сухую землю рылъ ногой;
Порой бубенчики звучали.
Семень сидѣлъ на облучкѣ,
Въ рубашкѣ красной, кнутъ въ рукѣ;
На упряжь гордо любовался,
Глядѣлъ, глядѣлъ — и засмѣяся,
Вслухъ кореннаго похвалилъ
И шляпу на бокъ заломилъ.
Ворота настезь отворили,
Семень присвистнулъ, — туча пыли
Вслѣдъ за конями понеслась,
Не догнала п — улеглась.

По всей степи — ковыль, по краямъ — все туманъ.
Далеко, далеко отъ кургана курганъ;
Облака въ синевѣ бѣлымъ стадомъ плывутъ,
Журавли въ облакахъ перекличку ведутъ.
Не видать ни души. Тонетъ въ золотѣ день,
Пробѣжать по травѣ вѣтру сонному лѣни.
А цвѣты-то, цвѣты! какъ живые стоятъ,
Улыбаются, глазки на солнце глядятъ,
Словно рѣчи ведутъ, какъ ихъ жизнь коротка,
Коротка да безъ слезъ, отъ заботъ далека.
Воить и рѣчка... не вѣрь! то подъ жуучимъ лучемъ
Отливается тонкій ковыль серебромъ.
Высоко, высоко въ небѣ точка дрожитъ,
Колокольчикъ веселый надъ степью звенитъ.

Въ ковылѣ гудовень — и поють и жужжатъ,
 Раздаются свистки, молоточки стучать;
 Среди дорожки глухой пылъ столбомъ поднялась,
 Закружилась, въ широкую даль понеслась...
 На всѣ стороны путь: ни лѣсочка, ни горъ!
 Необъятная гладь! неоглядный просторъ!

Мчится тройка, изъ упряжи рвется,
 Не смолкаетъ бубенчиковъ звонъ,
 Облачко за телѣгою вьется,
 Ходить кругомъ земля съ двухъ сторонъ,
 Путь-дорожка назадъ убѣгаетъ,
 А курганы заходятъ впередъ;
 Лучъ горячій на бляхахъ играетъ,
 То подкова, то шина блеснетъ.
 Кучеръ къ мѣсту какъ-будто прикованъ,
 Руки вытянулъ, возжи въ рукахъ;
 Синей степью сѣдокъ очарованъ —
 Любо сердцу, душа вся въ очахъ!

Не погоняй, Семень! устали!
 Хозяинъ весело сказалъ, —
 Но кони съ версту пробѣжали,
 Пока ихъ кучеръ удержалъ.
 Лѣниво катится телѣга,
 Хруститъ подъ шинами песокъ;
 Вдохнетъ и стихнетъ вѣтерокъ;
 Надъ головою блескъ и нѣга.
 Воздушный продолжая бѣгъ,
 Сверкаютъ облака, какъ снѣгъ.
 Жара. Вотъ оводъ закружился,
 Гудитъ, на коренную сѣлѣ;
 Съ-просонокъ кучеръ изловчился,
 Хватъ кнутовищемъ — улетѣлъ!
 Ну, погоди! — Передъ глазами
 Мелькаютъ нестрые цвѣты.
 Умъ занять прежними годами,
 Иль праздно погруженъ въ мечты.
 Евграфъ вдохнулъ. Воображенье
 На память дѣтство привело:
 Въ просторной комнатѣ свѣтло;

Складовъ томительное чтение
 Тоску наводитъ на него.
 За дверью шумъ: отецъ его
 Торгуеть что-то... Слышны споры,
 О дегтѣ, лыкахъ разговоры,
 И серебра и рюмокъ звонъ...
 А садъ сянъемъ затопленъ;
 Тамъ зелень, листьевъ трепетанье,
 Тамъ лепеть, пѣнье и жужжанье —
 И голоса ему звучать:
 Иди-же въ садъ! иди-же въ садъ! —
 Вотъ онъ въ гимназію отправленъ,
 Подрось и умный ученикъ;
 Но какъ-то нелюдимъ и дикъ,
 Кружкомъ товарищей оставленъ.
 День сѣрый. Въ классѣ тишина.
 Вопросъ учитель предлагаетъ;
 Евграфъ удачно отвѣчаетъ,
 Восторга грудь его полна.
 Наставникъ строго замѣчаетъ:
 «Мѣщанскій выговоръ у васъ!»
 И весело хохочетъ классъ,
 Евграфъ блѣднѣетъ. — Вотъ онъ дома:
 Ему торговля ужъ знакома.
 Но, Боже! эти торгаша!...
 Но это смрадное болото,
 Гдѣ ихъ умомъ, душой, работой
 До гроба двигаютъ гроши!
 Гдѣ все бессмысленно и грязно,
 Гдѣ все коснѣетъ и гниетъ...
 Тутъ ужасъ сердце обдастъ!
 Тутъ вѣетъ смертью безобразной!...
 Но вотъ, знакомый изволокъ.
 Ужъ виднѣтъ хуторъ одинокой,
 Затерянный въ степи широкой,
 Какъ въ синемъ морѣ островокъ.
 Гумно заставлено скирдами,
 Передъ избюю на шестѣ
 Бадья заснула въ высотѣ;
 Полусклоненными столбами
 Подперта рига. Тамъ — вдали

Волы у стога прилегли.
 Вокругъ безлюдье. Жизни полны,
 Безъ отдыха и безъ сѣда,
 Бѣгутъ, бѣгутъ, Богъ вѣсть — куда,
 Цвѣтовъ и травъ и свѣта волны...

Семень къ крылечку подкатилъ
 И тройку ловко осадилъ.
 Собака съ лаемъ подбѣжала,
 Но дорогихъ гостей узнала,
 Хвостомъ махая, отошла
 И на завалинкѣ легла.
 Евграфъ прикащика Федота
 Засталъ въ-расплахъ. За творогомъ
 Сидѣлъ онъ съ заспаннымъ лицомъ.
 Его печаль, его забота,
 Жена смазливая — въ углу
 Цыплятъ кормила на полу,
 Жбитлемъ мужа называла,
 Но вдругъ Евграфа увидала,
 Смутясь, вскочила въ-торопяхъ
 Съ густымъ румянцемъ на щекахъ.

Прикащикъ бормоталъ невнятно:
 «Здоровы-ль? очень пріятно!»
 Кафтанъ посиѣшно надѣвалъ
 И въ рукава не попадалъ.
 «Эй, Марья! Ты-бы хоть покуда...
 Сѣпа! творогъ-то прибери!
 Да пыль-то съ лавки, ниль сотри...
 Эхъ, баба!... Кши! пошли отсюда!...
 А я, того-съ... вегѣлъ пахать...
 Вотъ гречу будемъ засѣвать.»
 Евграфъ сказалъ: «давно-бы время!»
 Въ амбаръ прикащика повелъ
 И гречу указалъ на сѣмя;
 Всѣ закрома съ нимъ обошелъ;
 Въ овесъ и въ просо и въ пшеницу
 Глубоко руку погружалъ, —
 Все было сухо. Приказалъ
 Смѣшпть худую половницу
 И, выходя, на хлѣвъ взглянулъ,
 Федота строго упрекнулъ:

«Эхъ, братъ! навозу по колѣни...
За чѣмъ ты смотришь?»

— Все дѣла!

Запущень, знамо, не отъ лѣни...

Кобыла, жаль, занемогла! —

«Какая шерстью?»

— Вороная. —

Евграфъ конюшню отворилъ,

Прикащикъ лошадь выводилъ.

Съ боками впалыми, больная,

Тащилась, чуть переступая.

«Хорошъ присмотръ! опоена!»

Ему, знать, черти рассказали, —

Прикащикъ думалъ. — Нѣтъ-съ, едра-ли!

Мы смотримъ. Оттого больна —

Не любитъ домовой. Бываетъ,

На ней всю ночь онъ разъѣзжаетъ

По стойлу; поутру придешь —

Такъ у бѣдняжки потъ и дрожь. —

Евграфъ вспыхнулъ. «Вѣдь вотъ, мученье!

Найдетъ хоть сказку въ извненье!»

Но, проходя межамъ въ полѣ,

Казалось, онъ вздохнулъ на волѣ,

Свою досаду позабылъ

И всходы зелени хвалилъ.

Прикащикъ разводилъ рукама.

«Распашка много-съ помогла...

Вотъ точно пухъ земля была, —

Такъ размягчили боронами!»

— Гдѣ овцы? Я ихъ не видалъ. —

«Вонъ-тамъ... гдѣ кустъ-то на курганѣ.»

Но взоръ Евграфа замѣчалъ

Лишь пятна сѣрыя въ туманѣ;

Что-жъ! Ночью можно отдохнуть —

И онъ къ гурту направилъ путь.

Заснула степь, прохладой дышетъ.

Въ огнѣ зари полъ-неба пышетъ,

Полъ-неба въ сумракѣ виситъ;

По тучамъ молнія блескитъ;

Проворно крыльями махая,

Съ тревожнымъ крикомъ въ вышинѣ

Степныхъ гостей несется стая.
 Маячитъ всадникъ въ сторонѣ,
 Помчался конь, — хвостомъ и гривой
 Играетъ вѣтеръ шаловливой,
 При зорькѣ пыль изъ-подъ копытъ
 Румянымъ облачкомъ летитъ.
 Не слышнымъ шагомъ ночь подходитъ,
 Не мнетъ травы, — и вотъ она
 Легла, недвижна и темна,
 Молчаньемъ чуткимъ страхъ наводитъ...
 Вотъ снова блескъ — и грянулъ громъ,
 И степь откликнулась кругомъ.

Евграфъ къ избушкѣ торопился,
 Прикащикъ слѣдомъ поспѣшалъ;
 Барбось ихъ издали узналъ,
 На встрѣчу весело пустился,
 Но вдругъ на вѣтеръ поднялъ носъ,
 Вдали послышавъ скрипъ колесъ —
 И въ степь шархнулся.

За щами,

Румянъ и пѣтомъ окропленъ,
 Межъ-тѣмъ посиживалъ Семень.
 Его веселыми рѣчами
 Была прикащика жена
 Чуть не до слезъ разсмѣшена.
 «Эхъ, Марья Львовна! Ты на волю
 Сама недавно отошла;
 Ты, значить, въ милости была
 У барина: и чаю въ волю
 Шла, и все... А я, какъ пѣсъ,
 Я, какъ щенокъ, средь двори росъ;
 Вѣтъ, что попало. Съ тумаканъ
 Всей барской челяди знакомъ.
 Отецъ мой, знаешь, былъ псаремъ,
 Да умеръ. Баринъ жилъ на-славу:
 Давалъ пиры, держалъ собакъ;
 Чужой-ли, свой-ли, — чуть не такъ,
 Своей рукой чинилъ расправу.
 Жилъ я, ни думалъ, ни гадалъ,
 Да въ музыканты и попалъ.
 Ну, воля барская, извѣстно...

Ужъ и пришло тогда мнѣ тѣсно!
 Одѣли, выдали ѳаготъ, —
 Играй! Бывало, потъ пробьетъ,
 Что силы дую, — все не складно!
 Растянуть, выдеруть изрядно, —
 Опять играй! Да цѣлый годъ
 Такимъ порядкомъ дулъ въ ѳаготъ!
 И вдругъ въ отставку: не годился!
 Я радъ, молебень отслужилъ,
 Да видно много согрѣшилъ:
 У насъ ахтеръ вина опился —
 Меня въ ахтеры.. Стало, рокъ!
 Пошла мнѣ грамота не въ прокъ!
 Бывало, что: рога приставятъ,
 Твердить на память рѣчь заставятъ,
 Ошибся — въ зубы! въ гробъ-бы легъ, —
 Евграфъ Антипычъ мнѣ помогъ.
 Я, значитъ, зналъ его довольно,
 Ну, вижу — добръ; давай просить:
 «Нельзя-ль на волю откупить?»
 Вѣдь откупилъ! А было больно! —
 И пятерней Семень хватилъ
 Объ столъ. — «Эхъ-ма! собакой жилъ!»

Евграфъ за ужинъ не садился;
 И не хотѣлъ, и утомился,
 И свѣчку сальную зажегъ,
 На лавку въ горенкѣ прилегъ.
 Разъ десять Марья появлялась,
 Скользилъ платокъ съ открытыхъ плечъ,
 Лукавы были взглядъ и рѣчь,
 Тревожно грудь приподнималась..
 Евграфъ лежалъ къ стѣнѣ лицомъ
 И думалъ вовсе о другомъ.
 Носилась мысль его безъ цѣли;
 Едва глаза онъ закрывалъ,
 Въ степи ковыль припоминалъ,
 Надъ степью облака летѣли;
 То снова вздоръ о домовомъ
 Въ ухахъ, казалось, раздавался,
 Прикащикъ глупо улыбался..

«Гм... Знахарь нужень-съ... Мы найдемъ...»
 Взаясь читать, — въ глазахъ нестрѣлю,
 Вниманье скоро холодѣло,
 Но, постепенно увлечень,
 Забылъ онъ все, забылъ и сонъ.

Ужь иѣтухи давно проѣли.
 Надъ свѣчкой вьется мотылекъ ;
 Кругъ свѣта палъ на потолокъ,
 И тишь и сумракъ вкругъ постели ;
 По стекламъ красной полосой
 Мелькастъ молнія порой,
 И вѣтеръ ставнемъ ударяетъ...
 Евграфъ страпицу пробѣгаетъ,
 Его душа потрясена,
 И что за пѣснь ему слышна!

«Вы пойте мнѣ пву, зеленую пву...»
 Стоитъ Дездемона, снимаетъ уборъ,
 Чело наклонила, потупила взоръ ;
 «Вы пойте мнѣ пву, зеленую пву...»
 Блѣдна и прекрасна, въ тоскѣ замираетъ,
 Печальная пѣсня изъ устъ вылетаетъ :
 «Вы пойте мнѣ пву, зеленую пву!
 Зеленая пва мнѣ будетъ вѣнкомъ...»
 И падаютъ слезы съ послѣднимъ стихомъ.

Уходитъ ночь, разсвѣтъ блеснулъ,
 И наконецъ Евграфъ уснулъ.

И. Покитинъ.

А. С. ГРИБОЋДОВЪ.

ЧЕРНОВАЯ ТЕТРАДЬ ГРИБОЋДОВА.

Статья вторая.

ОТДѢЛЪ I.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

(Продолженіе.)

Въ 1822 году мы видимъ Грибоѣдова уже въ Грузіи и на Кавказѣ.—Намъ сохранились путевыя его записки, относящіяся, какъ видно по концу ихъ, къ этому именно году и писанныя во время какого-то перехода черезъ горы. Онѣ ведены перечнемъ и писаны на почтовой, золотообрѣзной, старой фабрикаціи бумагѣ, какой нынѣ, конечно, и гдѣ не найдешь (съ какими-то крупными продольными и мелкими поперечными чертами), въ большую осьмушку, сперва карандашемъ, потомъ переведены чернилами, но почеркомъ мелкимъ, связнымъ и потомъ, въ концѣ, опять однимъ уже карандашемъ, но крупнымъ почеркомъ.

1-й переходъ.

«Свѣтлый день. Верхи снѣжныхъ горъ иногда просвѣчиваютъ изъ-за тучъ; цвѣтъ ихъ свѣтлооблачный, перемежаемый съ лазурью. Быстрина Терека, переправа, караванъ ждетъ долго. Кусты. Убитый въ виду главнокомандующаго. Караванъ, описаніе, странствующие 600 (человѣкъ): ружейные Армяне, пушки, пѣхота, конные рекогносцируютъ. При-

ближаемся къ ландшафту: верхи въ снѣгу, но еще не снѣжныя горы, которыя скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода мѣняется, вѣтеръ, небо обложилось; вступаемъ въ царство непогодъ. Взглядъ назадъ — темно, смятеніе, обозы, барабанный бой для сбора, огни въ редутъ. Приѣздъ въ редутъ Кабардинскій.»

2-й переходъ.

«Свѣжее утро. Выступаемъ изъ редута. Опъ на нижнемъ склонѣ горы. Противъ воротъ бивуаки, дымъ, грѣются. Поднимаемся въ гору болѣе и болѣе, путь скользкій, грязный, излучпстый, съ крутизны на крутизну, часъ-отъ-часу тѣснѣе отъ густѣющихъ кустовъ, которые наконецъ преобразуются въ дубраву. Смѣшеніе временъ года; тепло и я открываюсь; за тѣмъ стужа, на верхнихъ, замерзшихъ листьяхъ пней, смѣшеніе зелени. Пускаю лошадь на удачу въ сторону; пріятное одиночество; лошадь ушла, возвращается къ верховымъ. Ёдемъ гусемъ, все круче, зовъ товарища, скачу, прискакиваю, картина. Гальтъ. На ближнемъ холмѣ расположимъ пріютъ.

Отъѣздъ далѣе. Мы впередъ ёдемъ. Орлы и ястреба, потомки прометеевыхъ терзателей. Приѣзжаемъ къ Кумбалеевкѣ; редутъ. Вечеромъ иллюминація».

3-й переходъ.

«Пускаемся впередъ съ десятью казаками. Пасмурно, разныя виды на горахъ. Снѣгъ, какъ полотно, навѣшанъ въ складки, золотистые холмы по временамъ. Шумъ отъ Терека, отъ низверженій въ горахъ. Ёдемъ по берегу, онъ течетъ между дикихъ и зеленыхъ круглыхъ камушковъ; тьма обломковъ, которые за собой влечетъ изъ горъ. Дубнякъ. Судбище птицъ: какъ отца и мать не почтеть — сослать. Владикавказъ (1) на плоскомъ мѣстѣ; красота долины. Контрастъ зеленыхъ огородъ съ сѣдыми верхами горъ. Ворота, надпись; оно тутъ неглупо. Фазаны, вепри, серпы (различныя названія), да негдѣ ихъ поѣсть въ Владикавказѣ».

4-й переходъ.

«Аулъ на главѣ горы на-лѣво. Подробная исторія убитыхъ на сѣнокосѣ. Редутъ направо. Замокъ оссетинскій. Кривизна дороги между утесовъ, которые болѣе и болѣе

высятся и сближаются. Облака между горъ. Замокъ и коннеческія башни нагъво. Подъёмъ на гору, направо оброшенный замокъ. Шумъ Терека. Нападеніе на Огарева. Извилистая дорога; не видать ни восхода, ни исхода. Проломъ отъ пороха. Даріель (2). Копны, стога, лошаки на вершинѣ.»

(Съ боку приписано чернилами): «товарищи порываются впередъ, я за ними не слѣдую.»

«Ночь въ Даріелѣ. Ужасъ отъ необычайно высокихъ утесовъ, шумъ отъ Терека, ночлегъ въ казармахъ.»

5-й переходъ.

«Руины на скалѣ. Выѣздъ изъ Даріеля. Непроходимость отъ множества каменьевъ; иные изъ нихъ огромны, одинъ раздѣленъ на двое, служитъ вратами; такой-же передъ въѣздомъ въ Даріель. Подъ иными Оссетицы варятъ, какъ въ пещерѣ (3). Тьма арбовъ (4) и артиллерійскій спарядъ, заграждаютъ путь на завалѣ. Остатокъ завала теперь необъятенъ,—каковъ-же былъ прежде! Терекъ сквозь его промываетъ себѣ протокъ, будто искусственный. Большой объездъ по причинѣ завала; нѣсколько переправъ черезъ Терекъ, множество селеній, pittoresque. Селеніе Казбекъ, видъ огромнаго замка, тюрьма внутри, церковь изъ гранита, покрыта плитою, монастырь посреди горы Казбека. Сама гора въ 25-ти верстахъ».

«Сіонъ (5). Множество другихъ, будто висящихъ на скалахъ, башенъ и селеній, иныя руины, иныя новопостроенныя, точно руины. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видовъ до снѣговъ, холодъ, зима, снѣговья горы внизу и сверху, между ними Коби (6) въ дномъ краю, подобномъ Даріелю. Множество народу встрѣчается на дорогѣ».

6-й переходъ.

«Ужасное положеніе Коби, — вѣтеръ, снѣгъ кругомъ, высота и пропасть. Идемъ все по кособору; узкая, скользкая дорога, съ боку Терекъ; поминутно всё падаютъ, и все камни и снѣга, солнца не видать. Все вверхъ, часто проходимъ черезъ быструю воду, верхомъ почти не можно, болѣе пѣшкомъ. Усталость, никакого селенія, кромѣ трехъ, четырехъ оссетнскихъ лачужекъ, еще выше и выше, наконецъ добираемся до Крестовой горы (7). Немного не доходя

дотудова истоки горъ уже къ югу. Видъ съ Крестовой, крутой спускъ, слишкомъ двѣ версты. Встрѣчаемъ персидскій караванъ съ лошадьми. Отъ усталости падаю нѣсколько разъ.»

«Подѣмъ на Гудъ-гору (8) по косогору преузкому; пропасть неизмѣримая съ боку. По ту сторону ея горы превысокиа, вблизи рѣчка; едва можно различить на крутой уединенной горкѣ оссетинскія жилия. Дорога вьется черезъ Гудъ-гору кругомъ; нѣсколько верховыхъ встрѣчаются. Не знаю, какъ не падаютъ въ пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спускъ большой и нѣсколько другихъ спусковъ. Башни оброшенныя; на самомъ верху столбъ и руины. Наконецъ приходимъ въ Кашауръ (9), навьючиваемъ, беремъ другихъ лошадей, отправляемся далѣе, сибѣгъ мало-по-малу пропадаетъ, все начинаетъ зеленѣться, спускаемся съ Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва (10) внизу вся въ кустарникахъ, тѣмъ пашней, стадъ, разнообразныхъ домовъ, башень, хатъ, селеній, стадъ овецъ и козъ (по камнямъ все ходятъ), рунъ замковъ, церквей и монастырей разнообразныхъ, пные дикп, какъ въ американскихъ плантаціяхъ, нные среди деревъ, другіе въ лѣсу, которые какъ привѣшены къ горамъ, другіе надъ Арагвой. Мостикъ, Арагва течетъ быстро и шумно, какъ Терекъ. Дорога какъ въ саду, — грушевыя деревья, мелоны, яблонп.»

«И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьевъ и рѣчекъ изъ горъ стремятся въ Арагву. Смерклось; длинная тѣнь монастыря на сибѣжномъ верху. Чувствуемъ въ темнотѣ, что иногда по мостикамъ проѣзжаемъ. Утесы, воспоминаніе о прежнихъ,—горы востока, а не страшны, какъ прежнія. Впереди румянные облака. Посакануръ (11)».

«Мы въ дрожкахъ; одинъ изъ насъ править.»

7-й переходъ.

«Вдоль по берегу Арагвы, которая вся въ зелени. Букъ, яблонь, груши, сливы, тополи, кленъ; на скалѣ рупны, много замковъ. Анануръ, карантинъ (12). Удаляемся вправо отъ Ананура, Душетъ (13). Замокъ и замки. Наша квартира какъ.... (14).»

8-й переходъ.

«Отъѣздъ вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя иѣсьнь Грузинцевъ.»

Черезъ одну, бѣлую, страницу написаны, карандашомъ-же, слѣдующія строки:

«Я легъ между обгорѣлымъ иѣмъ и лѣсистымъ букомъ, позади меня рѣчка подъ горою, кругомъ кустарникъ, между ними большія деревья. Холмы изъ-за деревъ, фазанъ въ рощѣ; лошади, козляки мимо меня проходятъ. Товарщикъ на солнышкѣ. Наши лошади кормятся.»

Черезъ двѣ бѣлыхъ страницы, въ самомъ концѣ дорожной тетрадки, чернилами:

5-го марта 1822. Тифлисъ.

«Прихожу къ Полю; биче его, который тарелки чистить, принимаетъ депутацію отъ крѣпостныхъ своихъ мужиковъ. Они жалуются, что имъ ѣсть нечего; онъ, князь, имъ удѣляетъ рубль изъ своего жалованья. И мой биче, конюхъ Иванъ — князь, сынъ маіорскій. Прихожу домой, у моего Амилха гости. «Кто у тебя?»—Царь.—«Какъ царь?»—«Да-съ, царевнины сыновья, царевичи, намъ сосѣди.»

Прежде, нежели я приступлю къ другимъ путевымъ замѣткамъ Грибоѣдова, я долженъ сказать, что въ той дорожной тетрадкѣ, о которой сейчасъ было говорено, состоящей изъ семи полныхъ почтовыхъ листовъ осьмушечнаго, какъ я уже говорилъ, формата, между страницами путевого журнала находятся нѣсколько отдѣльныхъ, бѣглыхъ, вовсе не относящихся къ дѣлу путешествія замѣтокъ, доказывающихъ только, серьезныя мысли, или, говоря точнѣе—стремленіе къ серьезному, дѣльному направленію такъ уже случилось съ Грибоѣдовымъ, что нигдѣ его не покидало: мысль его, какъ видно, постоянно вращалась въ этой сферѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ: всѣхъ напечатать было нельзя по причинамъ, которыя легко пойметъ читатель.

«Измѣна нашихъ нѣмецкихъ офицеровъ подъ Ригой при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Визл. ч. III. стр. 41.»

«Царь Алексѣй Михайловичъ послалъ бѣднаго дворянина на воеводство въ Кострому для *нажитка*.»

«Запорожець, набогатившись въ дальнемъ походѣ, приѣзжаетъ домой, катается на лодкѣ по сухому пути на 25 быкахъ, пляшетъ въ богатомъ платьѣ, потомъ въ немъ-же прыгнетъ въ кадку съ дегтемъ.»

«Излишняя точность въ стопосложеніи бесполезна и только видна у Французовъ и у насъ; у Англичанъ и у Нѣмцевъ этого нѣтъ, а у древнихъ экзаметръ доказываетъ, что тоже ее тамъ не придерживались.»

«Чтобы русскихъ къ чтенію приохотить, Петръ велѣлъ перевести Пуфендорфа, который Русскихъ не на животъ, а на смерть бранить (15)».

Тутъ-же, въ этихъ замѣткахъ, находится, написанное карандашемъ, и то знаменитое двустиніе о Петрѣ Великомъ, которое знаетъ пол-Россіи, но привести котораго здѣсь нельзя, по причинамъ, которыя легко пойметъ читатель.

Въ «Черновой тетради» Грибоѣдова находится замѣшанный между сказаніями, несоответствующими ему бумагами (а именно между выпискою изъ сказанія Свагина о Татарѣхъ и дорожникомъ 1820 г.) почтовой поллистъ четвертнаго формата, который я долго не зналъ, куда правильно отнести. Прежде всего замѣчу, что на этомъ листкѣ существуетъ странная особенность: съ лѣвой его стороны, съ боку, дѣлая, связанная прядь оранжеваго шелка припечатана чернымъ сургучемъ, печатью съ двумя гербовыми щитами, сходящимися подъ одной княжеской короной. Ничто, однако, и самое, странное, мѣсто печати, и отсутствіе на поллистѣ всякихъ сгибовъ (plis), и самое содержаніе бумаги, не показываютъ, чтобы поллистъ этотъ принадлежалъ какому-либо письму. Теперь, когда мы видѣли, что Грибоѣдовъ въ своихъ «переходахъ» упомянулъ объ Анапурѣ и карантинѣ и, кромѣ того, говоритъ еще о какомъ-то товарищѣ своего путешествія, можно со всею основательностію заключить, что поллистъ этотъ долженъ непосредственно слѣдовать за этими «переходами». Вотъ онъ:

АНАПУРСКІЙ КАРАНТИНЪ.

29 ноября (... декабря).

«Впозываемъ въ страннопріимную хату, гдѣ дѣйствительно очень странно принимаютъ. Холодъ, спрашиваемъ дровъ. Нѣтъ, а кругомъ лѣсъ. У ветхаго инвалида покупаемъ дорого охапку. Затапливаемъ, отъ дыму задыхаемся. Истопили, угаръ смертельный и морозно по прежнему. Спрашиваемъ корму для себя и для лошадей, — ничего съѣстнаго. Наконецъ, является маленькій, глупенькій докторъ, съ хлыстикомъ, вертится на одной ножкѣ и объявляетъ, что мы въ «политическомъ госпиталѣ» (въ мѣфитическомъ: отъ сырости запахъ претяжелый), что нашу комнату, иногда, заливаетъ вода по колѣна, что срокъ сидѣнья зависитъ отъ комиссара. Докторишка исчезъ и я отъ угара проболѣлъ 24 часа. Явился комиссаръ, какъ смерть курносый.»

— «Спасите. Карантинъ вашъ очень мудро устроенъ, чтобы чумы далѣе не пропускать: потому что она съ тѣми, которыхъ постигнетъ здѣсь, непременно похоронится, потому что отъ холоду смерть, отъ дыму смерть, отъ угару смерть, (да и самъ комиссаръ, какъ смерть, курносый, — мы его, наконецъ, видѣли), но Беб. и я не чумные, не прикажите морить. . . .»

Наконецъ, въ «Черновой» Грибоѣдова находится, не вполне исписанный, почтовый листъ, не принадлежащій, какъ видно съ перваго - же взгляда къ путевымъ запискамъ, стало-быть такой, которому въ строгомъ смыслѣ, не слѣдовало-бы давать мѣста въ отдѣлѣ путешествій. Но какъ онъ содержитъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній, касающихся Грузіи и Кавказа и по характеру этихъ замѣчаній близко подходитъ къ характеру путевыхъ замѣтокъ, то я и помещаю его здѣсь.

«Изгибистый Терекъ обсаженъ лѣсомъ отъ Моздока до Шелкозаводска. Въ станицахъ старообрядцы и жены на службѣ у Гребенцевъ, дѣти вооружены. Отъ 15 — до 100 лѣтъ. Изъ 1600 — 1400 служить.»

«Даданіуртъ (16), Андреевская (17), окруженная лѣсомъ. Кумычка (18). Жиды, Армяне, Чеченцы. Тамъ, на базарѣ,

прежде Ермолова выводили на продажу захваченныхъ людей, — нынче самихъ продавцевъ вѣшаютъ.»

«Тезава и Сигнахи взбунтовались въ 1812 г. Въ Сигнахѣ (19) Русскихъ загнали въ крѣпость. Потомъ они заперлись въ монастырь. Ихъ выпустили на переговорахъ, раздѣли голыми, пустили бѣжать въ разныя стороны и перестрѣляли, какъ дичь. Коменданту отрѣзали часть языка и дали ему-же отвѣдать. Потомъ искрошили всего въ мелкіе куски.»

«Исправникъ Соколовскій не беретъ взятокъ и не имѣетъ жены, которая, изъ низкаго состоянія вышедши въ классныя дамы, поощряла-бы мужа къ лихоимству.»

«Казакъ бѣжалъ. Циціановъ спросилъ подобно царю Ираклію: «Горы ихъ на томъ-же мѣстѣ? Ну, такъ и они воротятся.»

«На мудрое уничтоженіе стряпчихъ Циціановымъ, мерзость провіантскихъ комиссаровъ. Не скупаютъ во-время хлѣбъ, всё хотятъ дешевле. Время уходитъ и они, въ зимнюю пору и въ отдаленныхъ мѣстахъ, подражаютъ нѣскольکو тысячъ арбъ; волы падаютъ безъ корма. За отпускъ пыли деньги выморжаютъ. Учители обременяются и войска не довольствуются во-время.»

«Амхлаваровъ въ башнѣ.

«Внизу сторожа, въ среднемъ этажѣ онъ самъ, въ верхнемъ его казна. вмѣсто оконъ скважны. Начальствовалъ въ Кахетин. Смѣненный, получилъ 2000 руб. сереб. пенсію, которую и сберегаетъ. «Русскіе даромъ ничего не даютъ. Коли придерутся: вотъ имъ за 14-ть лѣтъ пенсія обратно.» — Съ боку приписано: «Дѣтямъ ничего не дастъ (20).»

Г. Булгаринъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ» говоритъ, что Грибоѣдовъ, отказавшись отъ намѣренія ѣхать за-границу, рѣшился возвратиться въ Грузію, *побывавъ въ юж-*

ной Россіи и въ Крыму. (Изд. 1834. стр. 250.) «На возвратномъ пути изъ Петербурга, 1825 года» — говоритъ С. Н. Бѣгичевъ въ своей біографической запискѣ — «ГрибоѢдовъ уже ко мнѣ не заѣхалъ, а проѣхалъ въ Грузію черезъ Крымъ, который желалъ видѣть.»

Вотъ все, что доселѣ было, или могло быть извѣстно о посѣщеніи ГрибоѢдовымъ полуденной Россіи и Крыма.

Неудивительно, что ГрибоѢдовъ желалъ видѣть Крымъ: туда, въ этотъ «садъ Россіи» всегда, выражаясь мѣткимъ простонароднымъ словомъ, «тянуло» лучшихъ нашихъ поэтовъ. Всѣ они тамъ перебивали и оставили какія-либо о немъ воспоминанія.

Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ заколося Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Лытву воспоминалъ.

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля,
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ...

Кто не знаетъ этихъ стиховъ? Кто не знаетъ прелестной «Тамани» Лермонтова?

Отъ одного ГрибоѢдова не было у насъ доселѣ по Крыму ничего — ниже бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ.

«Братъ и другъ!» — писалъ ГрибоѢдовъ С. Н. Бѣгичеву, отъ 9 іюля 1825 года изъ Симферополя — «я объѣхалъ часть южную и восточную полуострова. Очень доволенъ моимъ путешествіемъ, хотя здѣсь природа противъ Кавказа все представляетъ словно въ сокращеніи (21): нѣтъ такихъ гранитныхъ громадъ, снѣговыхъ вершинъ Эльбруса и Казбека, ни ревущаго Терека или Арагвы, душа не обмираетъ при видѣ бездонныхъ пропастей, какъ тамъ, въ нашихъ краяхъ. За-то

прелесть моря и пылых долинъ, Качи, Бельбека, Каспий-Узенья и проч., ни съ чѣмъ сравнить не можно. Я мои записки велъ порядочно; коли не погѣнюсь, перепишу и пришлю тебѣ. . . .»

Погѣпился, не переписалъ и не прислалъ: иначе-бы онѣ, и въ видѣ, конечно, обработанномъ, обдѣланномъ, сохранились у С. Н. Бѣгичева, — но ихъ у него нѣтъ. По совершенной и счастливой случайности, замѣтки эти и, какъ я предполагаю, въ подлинномъ, первобытномъ ихъ видѣ (ибо онѣ введены все перечнемъ), сохранены «Черновой» Грибоѣдова, забытой имъ у Бѣгичева.

Прежде, нежели я приступлю къ этимъ путевымъ замѣткамъ, я почитаю прямой своей передъ читателемъ обязанностью высказать, и притомъ на основаніи фактовъ самой же «Черновой», слѣдующее:

Хотя выше было сказано, что всѣхъ нашихъ поэтовъ дѣйствительно какъ-бы «тянуло» на югъ Россіи, въ нашъ прелестный Крымъ, но должно замѣтить, что Грибоѣдовъ посѣтилъ и полуденную Россію и Крымъ совѣмъ съ другимъ взглядомъ на вещи, съ другими тенденціями и, если можно такъ выразиться, съ другимъ умственнымъ запасомъ, нежели наши исключительные поэты-путешественники. Съ душой поэтической и любящей, способной сильно сочувствовать всему изящному, Грибоѣдовъ, въ то время уже знаменитый авторъ «Горя отъ ума», бывший въ апогеѣ своей славы, былъ человѣкъ не исключительно поэтической, способный только восхищаться прекраснымъ и на все смотрѣть беззаботно («но мы, ребята безъ печали»....) не думающимъ, неглубокимъ взглядомъ, — это былъ человѣкъ сосредоточенный, серьезный и что слѣдуетъ особенно замѣтить, — человѣкъ, если не въ строгомъ смыслѣ слова *ученый*, то въ полномъ смыслѣ слова *основательно, классически образованный*. Этого не видно изъ листовъ его путевого дневника, но все это ниже докажется его учеными замѣтками, преимущественно касающимися его пути отъ Москвы до Тавриды, замѣтками, посвящими честное и скромное имя «Desiderata», о которыхъ я говорилъ во введеніи и которыя помѣщаю во II-мъ отдѣлѣ. Я не привелъ ихъ здѣсь для того, чтобы онѣ не входили, какъ говорить

русскій народъ, клиномъ въ рубрику путешествій, не составляя въ этомъ отдѣлѣ совершенно разноцвѣтной съ нимъ полосы.

Крымъ.

Юня 24. Середа, Ивановъ день. Вверхъ по Салгиру (22) верхомъ. Сады, минареты, Перовскаго дачка — пріятной, легкой архитектуры домикъ. Облако столбомъ надъ Чатырь-дагомъ (23), будто курится. Ручьи падаютъ справа отъ нашей дороги въ Салгиръ. Тополи, надгробные камни съ чалмами. — Аянъ (24), на востокъ отъ него въ полуверстѣ источникъ Салгира въ известковой каменной котловинѣ. Пещера, входъ съ двухъ сторонъ; спереди съ шумомъ извергается источникъ, слѣва родъ окошка; мы, разутые, лѣземъ въ него, цѣпляемся по голымъ камнямъ, надъ нами сводъ, родъ пролома сверху, летучая мышь прилѣплена къ стѣнѣ возлѣ, и внутренняя продолговатая пещера позади насъ. Мы спдемъ надъ самымъ О-мъ. М. Ш. называетъ это глазомъ. Вода холодная, какъ ледъ.

Послѣ обѣда изъ Аяна косогоромъ къ западу, направо лѣсистая впадина къ дорогѣ между Ч.-Д. и Темирджи (25), склоненіе къ сѣверу Яйлы (26), подъ нимъ домикъ, тутъ дача Офрена, сзади подошва Чатырь-дага, впереди ущелье Кизиль-Кюбе (27), проѣзжаемъ чрезъ ущелье Альгаръ (28), деревня Човки (станція къ Алуштѣ), влѣво малый Джанкой (29), вправо рѣчка Кизиль-Кюбе, ущелье входитъ клиномъ въ гору, тамъ родникъ сперва наружу, потомъ отвѣсно подъ землею, потомъ снова широкою лентою падаетъ на камни и течетъ въ долину, которая позади насъ; орлиныя гнѣзда, орѣшникъ, кизиль, родъ воротъ между двухъ самородныхъ камней, пещеры, своды, корридоры, столбики, накинни.

Симферополь. Цыганская цыпѣшняя музыка въ Крыму смѣсь татарскаго съ польскимъ и малороссійскимъ.

Юня 25. Дождливый день. Беремъ нѣсколько назадъ, потомъ лѣвѣе, по сѣверной подошвѣ Чат.-Д. до Буюкъ (30) Джанской, оттуда вверхъ довольно отлогая дорога, лѣсистая, справа овраги, тѣсныя и глубокія долины, бездны лѣсныя, тамъ течетъ Альма (ея истокъ между Ч.-Д. и С.-Г.) (31), бѣлые холмы Саблы (32) въ отдаленіи, еще далѣе горы

Бахчисарая (33). Поднимаемся на террасу каменную, видъ поросшую лѣсомъ, убѣжище чобановъ (34) въ низу, а далѣе въ равнинѣ все еще туманъ. Шатаемся по овчарнямъ.

Послѣ обѣда. Наѣлись шашлыка (35), каймака (36), на кругломъ столпкѣ, поселившись въ каменной ямѣ къ сѣверу отъ овчарнаго хлѣва. Зелень и климатъ сѣверные. Низменная даль все еще подернута непроницаемою завѣсою, отудова тучи поднимаются къ намъ, ползуть по Чатырь-дагу. Онъ совершенно дымится. Горизонтъ болѣе-и-болѣе сужается, наконецъ я весь увить облаками.

У здѣшнихъ пастуховъ лица не монгольскія и не турецкія. Паласъ производитъ ихъ отъ Лигурійцевъ и Грековъ, но они бѣлокуры, черты сѣверныя, какъ у Осетиновъ на Кавказѣ.

Гроты снѣговые, стѣны покрыты мохомъ, надъ ними нависли деревья. Спускаюсь въ глубь, впалзываю въ узкое отверстіе и тамъ снѣжное пріятельце — родникъ замерзшій. Скатываемъ камень, — продолжительный грохотъ означаетъ непомѣрную глубину. Выхожу отудова, — еинее небо.

Поднимаемся на самую вершину. Встрѣча зайца. На шпихъ зубцахъ самаго верхняго шатра и на полянахъ ясно, но у самаго верхняго зубца насъ захватываютъ облака, — ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваемъ пристанища. Розовая полоса надъ мрачными облаками, игра вечерняго солнца; Судакъ (37) синѣется вдали; корабль въ Алуштѣ (38), будто на воздухѣ; море слито съ небомъ. Попадаемъ въ овчарню на восточной вершинѣ, обращенной лицомъ къ югу. Сыворотка, холодъ, грѣюсь, ложусь на попону, сѣдло въ головахъ, блѣніе козловъ и овецъ, нависшихъ на стремнинахъ. Ночью встаю, луна плаваетъ надъ моремъ между двухъ мысовъ. Звѣзда изъ-за чернаго облака. Другая скатилась падо мною. Какой геній подхватилъ ее?

Юня 26. Пятница. Кочуемъ въ туманѣ и въ облакахъ цѣлое утро. Сажусь на восточный утесъ, видъ на глубину къ Темирджи. Два корабля въ Алуштѣ. Съѣзжаемъ до лучшей погоды въ Корбекъ (39), лѣсомъ ручьи. На квартирѣ (крайней къверху) съ балкона видъ на море. Справа пѣзъ за Салтанъ-горы (40) высовывается Кастель (41). Балконъ

подъ сливою и грецкимъ орѣшникомъ. — Подъ вечеръ пѣшкомъ въ Алушту средними возвышеніями, подошвою Чатырь-дага. Замокъ Алустонъ (42) въ развалинахъ, на лѣво Шумы (43), деревня Темирджи на воздухѣ; возвращаюсь низомъ, сперва-садами, потомъ тропою, которая ведетъ въ Бешмы (44), ногами растираю душистыя травы, отъ которыхъ весь воздухъ окуренъ. Татары любятъ земные плоды.

Ночью встаю, мѣсячно.

27. Опять въ гору; сперва лѣсомъ, потомъ голыя вершины уступами. Круча.

Панорама съ Чатырь-дага:

Впереди подъ ногами площадь, терраса Чатырь-дага, первая подъ самымъ темемъ, шатромъ (чадирь), всѣ негладкости будто стесаны, пониже дичь, густой лѣсъ, въ немъ источникъ Альмы между С.-Г. и Ч.-Д. Далѣе дугою Севастополь (45), Бахчисарай, Саблы, бѣлыя мѣловыя горы, правѣе Салгиръ, Акмечеть (46), еще далѣе Козловъ (57) и море, между всѣмъ этимъ; ближе къ мѣсту, съ котораго смотрю, волнистые холмы, по нимъ солнце играетъ. — Справа Зуя (48), Карасу-базаръ (49), надъ нимъ дымокъ, задняя пологая часть восточной Яйлы, часть Азовскаго моря голубою полосою окружаетъ съ востока степь и доль до Перекопа. — Слѣва западная часть задней Яйлы, Св. Носъ (50) къ Балаклавѣ (51) чернѣется. — Обратясь назадъ — море, даль непомѣрная, съ запада спускается къ нему Яйла, изъ-за ней Кастель, прямо Алушта, къ востоку берегъ изгибомъ до Судака, выдавагоса далеко въ море, точно между Обсерваторіей и Горнымъ Корнусомъ. За Судакомъ Кара-дагъ (52) и проч. 3 корабля. На вершинѣ (западномъ зубцѣ, гдѣ мы стоимъ) между двухъ угловъ, шаговъ 50 стремительный спускъ къ югу, пологій къ сѣверу, обрывъ къ Альмѣ, дебрь. — За Темирджи нѣсколько слоевъ горъ еще ей возвышеннѣе. — Отъ Чатырь-дага къ сѣверу площадь, терраса, будто укрѣпленіе съ исходящими углами, съ бойницами, изъ нихъ иныя красныя, желтыя, сѣрыя, и между ними зеленъ. Близна мѣловыхъ горъ, которыя тянутся какъ лагерь.

Нѣсколько орловъ съ закрюченными крыльями; ихъ плавный и быстрый полетъ. Дождь, словно залавѣсь, постепенно

закрываетъ предметы и близится къ намъ, наконецъ съчетъ насъ. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я надъ стремшиной. Опять ведренно, выхожу изъ засады. Противуположность, — спереди былъ мракъ, сзади ясно, теперь на оборотъ. — Слѣдую направленію верхняго обрѣза отъ з. къ востоку, смотрю на дольные картины изъ-за промежутокъ скаль, какъ изъ-за зубцевъ Кремля. — Сперва Салгиръ былъ вправа, потомъ прямо противъ меня, теперь влѣво, по мѣрѣ моего шествія. Къ западу картина становится уже и расширяется къ востоку. Съ восточной оконечности видъ на дебрь между Кизиль-кобе (вчера казался такъ высокъ, а нынче черезъ него гляжу), Темирджи и Ч.-Д. Вѣтеръ перемѣнился, облака назадъ пошли и, послѣ дождя, розодранныя, какъ послѣ битвы, тянутся отъ Султанъ-горы серединою Чатыръ-дага въ Темирджиинское ущелье, словно оттуда паръ воскуриваются; позади всего море, пропасти подъ ногами и зубцы. Не понимаю, какъ меня вѣтеръ не снесъ! Прихожу къ пастухамъ, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь въ Корбекъ.

Послѣ обѣда въ Шуму; плутаю по оврагамъ; лошадь мнѣ ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью въ Алушту.

Алушта древнія развалины замка, около котораго домики съ плоскими кровлями прислонены къ холму, образующему со многими другими подошву Чатыръ-дага; около него ручьи и сады въ яминахъ. Все мѣсто окружено амфитеатромъ, къ морю отрогами обонхъ Яйлъ и Чатыръ-дага, котораго вершины господствуютъ надъ сей долиною. Корабль нагружается лѣсомъ; другой отъ флота зашелъ за прѣсной водою. Разговоръ съ офицерами о Чатыръ-дагѣ. Морскія ванны. Эфенди хвастаетъ крѣпкою черешнею.

28 іюня. Идемъ берегомъ. Узенькая тропка. Жаръ неспосный. Вправа то голые утесы, то лѣсъ. Кастель. Иногда крутой вѣздъ, потомъ опять спускъ къ морю. Мысь. Проѣхавъ изъ-за него выказался Кучукъ-Ламбатъ (53). Съ одной стороны голый и не самый высокій утесъ, съ другой возвышенный и лѣсистый Аюдагъ (54), далѣе выдавшійся въ море, окружаютъ пріятнѣйшій заливъ; волны дробятся о берегъ. Фонтанъ подъ фигою; видъ благосостоянія въ селеніи.

Домъ. Воскресный день. Бороздинъ называетъ это, «пользоваться премією природы, не выѣзжая изъ отечества». Садъ, розмарины, laugiers-roses, маслины, смоковницы, ллени, дѣва утеса въ Кизильтамъ (55). — Еще родникъ въ саду; бесѣда къ морю, затишіе отъ бури, напоминаетъ такую-же въ Выдубецѣ (56). Подводные камни, не доѣзжая до деревни. Баклавы (57), дельфины (58). Venite adoremus (59).

29. Парфенятъ (60), вправо Кизильтамъ, шелковицы, смоковницы, за Аюдагомъ дикія каменистыя мѣста, участокъ Олизара, шумное, однообразное плесканіе волнъ, мрачная погода, утесъ Юрзуфскій (61), видъ съ галереи, кипарисники возлѣ балкона; въ мнимомъ саду гранатники, вправо море безпредѣльное, прямо противъ галереи Аю и впереди его два голые бѣлые камня.

Отобѣдавъ у Монта (у жены его прекрасное греческое, задумчивое лице и глаза черные, восточные), ѣду далѣ; Аю скрывается позади, сосны на Яйлѣ, лѣсистыя высокія мѣста, впереди Гаспринскій мысъ (62) ограничиваетъ горизонтъ.

Подѣздъ къ Ник. саду (63) лучше самаго сада. Заглохшая тѣнистая тропа посреди одичалыхъ остатковъ греческаго садоводства, подъ гору, плющемъ увитыя, ясени и кленъ, грецкій орѣшникъ, акація, дикій виноградъ, смоковницы, плачущія ивы. Въ саду *tus delphinus*, котораго я давно домогался названія въ Ширванѣ.

Всегда-ли лѣто бываетъ такъ прохладно? Дорога болѣе возвышена. Родъ часовни, гдѣ лошадь привязана. Выѣзжая изъ саду и поднявшись къ верху, въ перелѣскѣ руины греческой церкви. Вообще до-сихъ-поръ развалины не живописны, исключая алустонскихъ торчащихъ трехъ обломанныхъ башень.

Пріятный запахъ листьевъ грецкаго орѣшника, когда его въ рукахъ растираешь.

НВ. Отѣхавъ отъ Юрзуфы и посмотрѣть назадъ, видъ берега расширяется черезъ передовые отроги Яйлы, видъ на долины къ Ялтѣ тоже пространенъ и пожелтѣвшія ивы разнообразятъ темную, многотѣнную картину.

Ночую въ Дерекоеъ (64). Кладовая хозяйина. Одинъ каштанникъ во всемъ краю. Садъ Мордвинова въ Ялтѣ (65).

Округъ Никиты (66). Запущенные и оброшенные сады Грековъ, выведенныхъ въ Мариуполь.

30 июня. Пространная долина и плодоносная. Горы почти также высоки, какъ около Алушты и окружаютъ до пристани. Аутка греческое селеніе въ сторону отъ дороги, но въ ней все по-татарски. Отъ Аутки лѣсомъ прямо въ гору, справа съ Яйлы водопады Ялты. Оборотясь назадъ, видъ расширяется отъ верха Яйлы до Никиты-буруна; прелестная темная (foncée) долина, усаженная лѣсомъ; пестрота нивъ, садовъ и деревень, часть моря у Яйлы. Спустясь на большую дорогу опять лѣсомъ, Кушелева садъ въ Урьянда. Носъ Айтодоръ (67) каменистый выдается въ море; тутъ развалины монастыря. Выѣзжая изъ лѣса и подвѣвшись на высоту — пространный видъ. Яйла, голая, дикою стѣною господствуетъ надъ Гаспри, Хурсисъ, Мускоръ (68) и Алупкою (69). Съ пригорка надъ Гаспрою опять видѣнъ Аюдагъ, который было исчезъ за Никитинскимъ мысомъ. — Чрезвычайно каменисто; земляничный лѣсъ на Яйлѣ, какъ кровь красный. Вчера высота Яйлы была осѣнена соснами, а нынѣ безлѣсна.

Въ Алупкѣ обѣдаю, сию подъ кровлю, которая съ одной стороны опирается на стѣну, а съ другой на камень; полъ выходитъ на плоскую кровлю другого хозяина, изъ-за нея выглядываетъ башенка мечети, Муэдзень-Селами-Эфенди, шелковицы, виноградныя лозы, сюда впереди два кипарисника тонкіе и высокіе, возлѣ нихъ гранатовый кустъ; вообще здѣсь вездѣ оливы, лавры и гранатники рдѣютъ. Палась говорить, что у Айтодора устрицы, но пора рабочая, теперь не ловятъ. Греки въ Ауткѣ.

Посль обѣда. Изъ Алупки въ Сименсъ (70), сливы, грапаты; Коурмѣ (71); роскошь прозябенія въ Сименсѣ; отсюда утесъ, обрушенный въ море торчма, на немъ развалины замка; проѣзжаемъ сквозь тѣснины частію нависшихъ и въ море обрушенныхъ громадъ, другая на сушѣ, надъ нею прямо обломанный утесъ, повсюду разрушеніе. Дождь, укрываемся къ казакамъ, (береговой кордонъ, далѣе содержитъ его балаклавскій полкъ), отъ дождя быстрые потоки и водопады. Яйла совершенно обнажилась изъ-за передовыхъ

горь. Кукунейсь (72); между нимъ и Кучуккоемъ (73) обвалъ отъ землетрясенія, будто свѣжевспаханная земля; отсюда видъ на крайній мысъ южнаго берега Форусъ (74), темный, зубцы и округлости отрисовываются позади свѣтящимъ вечернимъ заревомъ. (На другой день я увидѣлъ, что это только зубчатая поперечная скала между Пшеткою (75) и Кучукъ-коемъ).

Лѣнь и бѣдность Татаръ. Нѣтъ народа, который-бы такъ легко завоевывалъ и такъ плохо умѣлъ пользоваться завоеваніями, какъ Русскіе.

1 июля. Изъ Кучукъ-коя косогоромъ. Я задумался и не примѣчалъ мѣстоположенія; впрочемъ тѣ-же обвалы, скалы справа, море слѣва, поперечныя зубчатыя скалы. Поднимаемся близъ Форусскаго утеса вверхъ лѣсомъ, похоже на подъемъ съ моря на Чатыръ-дагъ, краснорѣчивыя страницы Муравьева, перевалаясь черезъ Мердвень (76). Палась правъ на счетъ лицеочертаній приморскихъ Татаръ трехъ послѣднихъ деревень.

Байдарская долина (77) — возвышенная плоскость, пріятная, похожая на Куткашинскую. Кровли черепичныя; кажется хозяйство въ лучшемъ порядкѣ; хозяйскій сынъ хорошенькій. Тутъ я видѣлъ, что во всей Азии, какъ хлѣбъ молятъ: подсыпаютъ подъ ноги лошадямъ, которыхъ гоняютъ на кордѣ.

Послѣ обѣда въ лѣсъ до Мискоміи (78). Отсюда двѣ трети долины заслонены выступающею съ сѣвера горою, такъ-что тутъ дѣлается особенная долина; отсюда въ гору извивистой тропою спускаемся къ хуторку, къ морю (bergeie), гдѣ была разбита палатка для Екатерины во время ея путешествія; справа изъ-за плетня бѣлѣются мѣловыя горы, между Узенемъ (79) и Бельбекомъ (80). Поднимаюсь на гору. Панорама: вправо долина Узеня, подъ пригоркомъ Комара или Карловка (81), слѣва море разными бухтами входитъ, врѣзывается въ берега. Прямо впереди тоже море окружаетъ полуостровъ, котораго двѣ оконечности — Севастополь и Балаклава. Влѣво, въ морѣ флотъ изъ 9-ти кораблей; подъ ногами два мыса, какъ клавиши. Еще ниже островеиый пригорокъ, на немъ замокъ и башии древяго

Чемболо (82); на второмъ мысу (изъ двухъ параллельныхъ) сады и обработанная поляна.

Объѣзжаемъ ближайшую гору, къ сѣверу Кадикой (83), бухта тихая, какъ прудъ и мѣстечко балаклавское на подошвѣ западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на видъ безвыходными. Школа, домъ Ревсльота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улицу. Ночью мало видно. Дежурный капитанъ. Готовится мнѣ яликъ для прогулки по бухтѣ, на другой день, на разсвѣтѣ. Комната моя въ трактирѣ съ бильярдомъ. Морская рыба макрель, кефала (84).

2 июля. По утру, бухтою, внизъ къ устью, — не видать никакого выхода; на протяженіе до открытаго моря на 1½ версты заслонено утесами съ обѣихъ сторонъ; слѣва замокъ, полукруглый заливъ по выходѣ въ море. Дельфины и баклапы. Плыдемъ въ оба направленія, къ востоку Святой-носъ, гдѣ будто развалины монастыря. Воротясь назадъ, пріятный видъ мѣстечка, — въ церковной оградѣ кипарисъ, мечеть внизу, старая церковь въ горѣ, школа самое чистенькое зданіе. Настоящій Грекъ, слуга въ трактирѣ, нымаеть желаніемъ сразиться съ Греками и сдираетъ съ меня въ три-дорога за квартиру.

Уѣзжаемъ изъ Балаклавы назадъ къ верху бухты, налѣво въ гору, вправо внизу Кадикой, церковь бѣленькая, пріятный видъ послѣ запачканныхъ мечетей, еще въ гору, мимо Коранн (всѣ 4 деревни греческія). Хорошо отстроеные домики.

Возвышеніе, съ котораго Гераклиевскій полуостровъ (85) какъ на ладони; окруженъ моремъ. Поворама: мы лицомъ прямо на западъ, вправо бѣлѣются дома Севастополя и большая бухта, корабельныя мачты, далѣе *сѣверная коса* и еще далѣе козловскій берегъ, впереди маякъ и двѣ бухты, какъ на чертежѣ. Хуторъ монастырскій и другіе, налѣво новая колокольня св. Георгія (напрасно выстроенная). Позади гористый видъ, мысъ Ай-Дакъ, Св. гора, отвсюду видѣнь; говорятъ, что онъ первый въ Крыму представляется плывущимъ изъ Царь-града. Не это - ли *Крѣметопонъ*? (86) Это похожее на дѣло, нежели «баранья голова» Муравьева. Долина Узеня, слѣва бѣлый кряжъ горъ известковыхъ новѣй-

шаго образованія: въ глубь всей картины верхъ Чатырьдага, нависшаго какъ облако.

NB. Воспоминаніе о В. К. Владиміръ.

Ѣдемъ въ монастырь. Крутизна по входѣ въ ворота; внезапности для меня нѣтъ, потому что слишкомъ часто описано (также какъ и Байдарская долина, если-бы безъмянная, она-бы мнѣ болѣе понравилась; слишкомъ прославлена). Спускаюсь къ морю, глазъ меня обманулъ: гораздо глубочайшій спускъ, чѣмъ я думалъ. Отъ церкви глядѣтъ на верхъ, къ колокольнѣ, похоже на Кіевскую Лавру, но видъ изъ Лавры несравненно лучше. — Въ морѣ справа два камня, какъ башни, между ними утесъ вогнутою дугою, слѣва скалы; подъ ихъ тѣнью раздѣваюсь и бросаюсь въ море. Вода холодная, какъ ледъ. Красивые разноцвѣтные камушки, прекрасно округленные. Назадъ подъѣмъ тяжелъ. Змѣя. Митрополитъ изъ Кефалоники.

Ѣдемъ въ Севастополь; жарко, сухо, мерзко и цикакого виду. Городъ красивъ. Сначала видѣнъ съ Артиллеріской-бухты домъ Снакіарева. Мы беремъ вправо, въ заставу. Подъ-вечеръ гуляю. Лучшее строеніе города гошпиталь надъ южной, самой пространной бухтою. Огибаю Артиллерійскую-бухту, базаръ, живопись, купаются, скверныя испаренія. Батарея, закатъ солнца, иду на Графскую - пристань, оттуда большою улицею вверхъ, мимо двухъ церквей, домой. Ночь звѣздная, прекрасная, но безлунная. Маяки свѣтятся въ сторонѣ къ Инкерману.

3 іюля. Севастополь лежитъ лицомъ къ Ктенусу (87), одною стороною на южную военную (или Корабельную) бухту, а другою на Артиллерійскую. Нѣсколько батарей на сѣверной косѣ и на мысѣ военной гавани. Ктенусомъ плывемъ 7-мь вертъ; глѣсъ истребленъ (жаль, а то бы прелестное гулянье по водѣ). Въ Балкахъ (88) справа казенный садъ, гдѣ гулянье 1-го мая, пороховой магазинъ, слѣва сахарный заводъ, справа и слѣва хутора. Въѣзжаемъ въ камышевый Узень, струйка прѣсной воды, ясени и другія деревья; на право гора двойная, изрытая пещерами, корридоръ, полуразрушенная внутренность церкви, (живопись: святой съ ликомъ, стертый), точно арки Гостиннаго двора или Кара-

вансарая. Древній мостъ слыветь Ханскимъ; перейдя черезъ него, пасупротивъ прежнихъ и выше ихъ двѣ другія горы, тоже пробитыя пещерами, иныя застроены и вымазаны, съ окошечками, нашими артиллеристами, рабочими на селитренномъ заводѣ. Здѣсь церковь цѣлѣе, фигурныя украшенія, горнее сѣдалище. Изъ придѣла церкви обломанный сводъ безъ лѣстницы; Александръ туда и я за нимъ. Въ верху ступени въ крѣпость, идетъ къ южной крутизнѣ, тамъ пещеры ярусовъ въ десять иныя раскрашенныя, иныя клѣтчатая, выдобленныя украшенія.

Видъ на лугъ и долину Узеня прелестный. Также, оборотясь вправо, на заливъ. Вѣроятно, когда нападали на жителей, то они спасались въ верхнія жилища; если подламывали пилястры, то бросались въ крѣпость. Съ сѣвера и востока стѣны и башни довольно цѣлы, такъ-какъ этѣ обѣ стороны здѣсь приступиѣе и положе, то и былъ тутъ онъ укрѣпленъ тверже, двойною стѣною. На сѣверъ башня круглая и далѣе четырехъ-сторонняя; на востокъ зубчатая стѣна, башня круглая, опять стѣна, четырехъ-угольная башня

и еще стѣны и круглая башня угловая.

Инкерманъ (89) самый фантастическій городъ; представляю себѣ его съ низу до верху освѣщеннымъ вечеромъ. — Но гдѣ брали воду? — Отъ чего монахи? — Во всякомъ случаѣ Аріане, пбо Готфы сперва были Аріане; таковъ былъ и переводчикъ ихъ библии епископъ Ульфила.

Съ сѣвера сходъ, крыльце къ роднику. Пріятно умываться, когда самъ божокъ или нимфа ручья подаетъ воду изъ рукомошника.

Панорама съ крѣпости: къ западу Ктенусъ и горы такія-же, какъ та, на которой крѣпость и которыя отдѣляютъ полуостровокъ. Къ югу, за долиною Узеня, Байдарскія горы; съ востока и сѣвера протяженія тѣхъ горъ, на которыхъ крѣпость.

Послѣ обѣда. Часовъ въ 5-ть послѣ обѣда їду къ карантину. Стѣна, въ которой проломъ, прилежитъ къ нынѣшнимъ зданіямъ и тянется къ заливу направо и по возвыше-

нѣжъ югомъ, гдѣ обращается вдавшимися углами многоугольница къ западу, возлѣ песчаной бухты упирается въ море и тутъ проломъ и части стѣнъ и башень. Къ сей сторонѣ, внутри, насыпной холмъ. Не здѣсь-ли Владиміръ построилъ церковь? («Корсуняне подкопавше стѣну градскую крадяху сыпшему персть и ношаху себѣ въ градъ, сыпуще посредѣ града и войны Владиміровы присыпаху болѣе». Исторья.) — Можетъ, Великій Князь стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я теперь, между Песочной и Стрѣлецкой бухты. Тутъ, теперь, наравнѣ съ землею основаніе круглой башни и четверосторонней площади къ Стр. бухтѣ. — Впередѣ все видно, что происходитъ въ древнемъ Корсунѣ и приступъ легкокъ. Черезъ городъ видны холмы Инкермана и два его маяка и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонтъ, какъ по обрѣзу; Чатыръ-дагъ лѣвѣе и почти на одной чертѣ съ городомъ особится отъ всѣхъ, какъ облако, но фигура его явственна и правильна. Смотрящему назадъ видны два кургана, одинъ прибрежный, другой средн-земной. Я на этомъ былъ, — груда камней и около него два основанія древнихъ зданій. Солнце заходитъ въ море и черное облако застѣняетъ часть его; остальная въ видѣ багроваго серпа мѣсяца. Худое знаменіе для Варяговъ. Съ насыпнаго холма, внутри города, видѣнъ маякъ, а далѣе, по морю и кругомъ, не видать. — Пещеры къ югу; ихъ множество. Проводникъ увѣряетъ, что они ведутъ къ Инкерману, обложены огромными дикими квадратными камнями. — Колодезь, водопроводъ. — Лясица. — Два корабля и флотъ.

4 июля. По утру однообразною дорогою, тою-же заставою, въ которую вѣхалъ. Надоѣло, велѣлъ своротить вправо, чтобы сблизиться съ моремъ; ѣдемъ рвомъ, множество четверосторонниковъ; поля раздѣлены на клѣтки каменными основаніями; налѣво, надъ рвомъ возвышеніе, на немъ □ изъ огромныхъ, грубоотесанныхъ камней, сложенныхъ одни надъ другими въ два ряда, къ югу два круглыя основанія, въ нихъ ямины, далѣе параллелограмъ; тутъ и кончится возвышеніе.

Подѣхавъ къ морю: позади осталась Стрѣлецкая-бухта, круглая впереди; тѣже клѣтки и фундаменты параллельныхъ оградъ. Палласъ предоставилъ себѣ со временемъ вниматель-

нѣе осмотрѣть остатки древностей около бухтъ Казацкой, Круглой и Стрѣлецкой, но при томъ и остался. Вотъ, что я видѣлъ. Въ концѣ загиба Камышевой-бухты два хутора, второй купца Сергѣева «Екима Сергѣевича покойнаго; сынъ его Левушка махыньскій, 22-й годочикъ.» Въ одномъ изъ его огородовъ □: одинъ бокъ 16, другой 24 шага, съ одной стороны въ 4 ряда камни, и еще наддѣланъ неполный рядъ; иной камень въ $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{3}{4}$ ширины; другіе бока въ три ряда. Обойдя загибъ бухты и перевалиясь черезъ пригорокъ таной-же □ и тутъ на холмѣ, до самаго маячнаго перешейка, груды огромныхъ и средственныхъ.

Маякъ въ 12 саженой вышины. Панорамный видъ полуострова не такъ хорошъ, какъ съ горы Карани (90): кромѣ двухъ возвышенныхъ мысовъ съ правыи стороны ничего не видать. Флотъ въ морѣ, идетъ къ Николаеву на всѣхъ парусахъ. У берега свинки (дельфины) кувыркаются, фонтаномъ пуцаютъ воду изъ головныхъ отдушникъ; столпили въ стадо рыбу салтанку (91), которая отъ нихъ не можетъ отбиться, море наполнили кровью и насыщаются. Стая чаекъ рѣлетъ округъ ихъ и подхватываетъ объѣдки трапезы. Бакланы, уже сытые, плывутъ впереди.

На возвратномъ пути, перейдя ровъ Стрѣлецкой-бухты, на пологомъ возвышеніи къ древнему Корсуню древніе фундаменты, круглые огромные камни и площади. Не здѣсь-ли витійствовали Херсонцы, живали на дачахъ и сюда сходились на совѣщанія? А нынѣшній остатокъ стѣнъ можетъ быть только Акрополь (92). Впрочемъ, я ужасный варваръ на счетъ этихъ безмолвныхъ свидѣтелей былыхъ временъ; не позволяю себѣ даже догадокъ. Что такое *bâtisses cyclo-réennes*? Похоже на Турокъ и Персіанъ, у которыхъ тезеевъ храмъ въ Аеннахъ и Персеполь приписываются построению Дивовъ. — Съ маяка и на здѣшнемъ полуостровѣ видно тоже направление земли, какъ во всемъ Крыму, — сѣверные берега пологи южные круты и обрывисты.

5 июля. Черезъ Ахтіарскій заливъ (93) на сѣверную косу; оттуда видъ на Севастополь. Корсунъ и маякъ. Ёдемъ вдоль берега, поворачиваемъ, мпновавъ Учкуй (24), вдоль Бельбека. Берега въ садахъ; справа горы положе и въ зе-

лени, слѣва крутыя и голыя, мѣловыя. Вѣроятно на Качѣ и на Альмѣ тоже. Дуванъ-кой (95), долина расширяется, справа восточная часть Мангупской горы (96), прямо срѣзана, , выглядываетъ изъ-за протяженія горъ, что съ правой стороны отъ дороги.

Сворачиваемъ еще правѣе, переѣзжаемъ черезъ Бальбекъ и продолжаемъ путь вдоль рѣчки Кара-Илаза (97). Примѣчательный и оригинальный видъ горъ, чрезъ которыя прорывается Бальбекъ, — сахарныя головы, верхушки блсквитныя. Иной бокъ закругленъ впередъ или назадъ, на верху родъ теремовъ и замковъ, или бельведеровъ разноцвѣтныхъ отъ смѣшенія зелени со слоями камней. Гора надъ Кара-Илазомъ тоже какъ-будто сверху укрѣплена нисходящими башенками. Оттуда уступами тополи высочайшіе. Мельница, домъ, гаремъ (желтѣнкій, въ оградѣ). Гостинница, прекрасное угощеніе.

Гроза великолѣпная.

Поднимаемся въ верхній Кара-Илазъ, ущельемъ вдоль Суукъ-су (98), потомъ въ Ходжа-сала (99), влѣво въ ущелье, плутаемъ заглохшею тропею, въѣздъ на Мангупскую гору съ

сѣвера, ворота, стѣны, часть замка

окна съ готическими украшеніями.

Въ утесѣ высѣчены комнаты. Ходы, лѣстницы, галереи къ с. в. внѣ крѣпости. На самомъ концѣ площадка, подъ нею вторымъ уступомъ острый зубецъ утеса, на-право долина, на-лѣво подъ ногами голое ущелье, гдѣ Ходжа-сала; дагѣ море. Спуски, сходни въ круглый залъ, шесть комнатъ къ западу, къ востоку три, узкій ходъ по парапету, множество другихъ развалинъ.

Башни и стѣны къ востоку въ маленькомъ промежуткѣ, гдѣ не такъ отвѣсно. Большая, мѣстами довольно цѣлая, стѣна западная. Спускаемся заросшею стремниною. Жидовское кладбище. *Не худо-бы разобрать надписи.* Видъ прямо на Кара-Илазъ. Ночью въ Бахчисарай. Музыка, кофейня, журчаніе фонтановъ, мечети, тополи. Татаринъ мимо насъ скачетъ вонъ изъ города, искры сыплются изъ трубки.

6 *Юля*. Ханъ-сарай полуразвалившійся. Видъ съ минарета. — Иду пѣшкомъ вверхъ по нашему переулку, оттуда къ мавзолею Грузишки, отъ него вверхъ и опять внизъ къ мостику. Въ перспективѣ гаремная бесѣдка, видъ города: тополи, трубы, минареты. Азись (100), внизъ по Чурукъ-Су (101) базарною улицею, деревня, 6 мавзолеевъ, одинъ осьмиугольный, карнизы обложены мраморомъ. Опять въ Бахчисарай; отъ него на востокъ ущельемъ вверхъ по Чурукъ-Су. Дома подъ навѣсомъ утесовъ. Минареты, куполы развалившихся баней. Вправо лощина врѣзана въ ту-же гору, которая съ юга господствуетъ надъ Бахчисараемъ. Сворачиваемъ туда; проѣхавъ немного, справа монастырь нависъ подъ горою и прилѣпленъ къ горѣ; лѣстница и церковь и корридоры высѣчены въ камнѣ, балконъ пристроенъ снаружи и келейка, гдѣ старикъ съ старушкою. Внизу надгробный памятникъ неизвѣстнаго, надпись русская сглажена. Оттуда ложбиною вверхъ, вездѣ фонтаны, дорога влѣво, клиномъ на верху Юсафатова долина въ дубовой роцѣ (102). На-лѣво отвѣсная гора Чуфуть-Кале (103), туда ведетъ лѣстница. Таже система укрѣпленія, что въ Мангупѣ. Оленье поле; на стремнинѣ противъ монастыря остатки башни и стѣны.

Мѣстоположеніе Чуфуть-Кале: къ сѣверу ущелье, гдѣ протекаетъ Чурукъ-Су и гдѣ Бахчисарайскія горы; къ з. ложбина монастырская; къ ю. лощина кладбищная; къ в. долина глубокая и лѣсистая между горъ, гдѣ низменная дорога отъ Алмы къ Качѣ (104). Тутъ видъ горный до самой Яйлы-западной. Промежуточные возвышенія, холмы и долина погружены въ тѣни, надъ ними природа разбила шатерь, онъ свѣтозаренъ отъ заходящаго солнца, которое прямо въ него ударяетъ; все прочее отъ нашедшихъ съ запада облаковъ покрыто темнотою. Эту картину я видѣлъ, проѣхавъ Юсафатову долину; къ югу отъ нея и выше, надъ стремниною, за которой внезапно выставляется Тепе-Кермень (105) съ пещернымъ его вѣнцемъ, — точно вышка, крѣпостца на верху. Тутъ я увидѣлъ почти все теченіе Качи, какъ она вьется изъ горъ, а позади насъ впаденіе ея въ море, которое свѣтится. Впаденіе въ Качу Чурукъ-Су. Дождь въ

Бахчисарайскомъ ущельѣ. Вправо горы Кара-Илаза. На Качѣ Татарь-кой (106). Возвращаюсь къ мавзолею Грузинки.

Чуфуть-гора (107) одна изъ мѣловыхъ бѣлыхъ горъ между Салгиромъ и Каспли-Узенемъ, подобно какъ Тепе-Черкесъ-Инкерманъ и Мангупъ и всѣ онѣ пещеристы. Кто этотъ народъ и противъ кого окапывался къ югу? Раббинъ говоритъ Хазары, которые прежде назывались Готоами.

9 *Юля*. По двух-дневномъ странствованіи ѣду къ М-те Hoffène въ Татарь-кой. Изъ Ахмечета (108) дорога влѣво отъ кладбища, вправо остается запговъ хуторъ и еще далѣе его-же деревенька. Верстахъ въ шести отъ города съ высоты видъ моря. Во всемъ Крыму, какъ-бы должна глубока ни была, — подняться на ближайшую гору, и откуда нибудь море неперемѣнно видно. Спускъ къ Сабламъ (109), гдѣ все зелено, между-тѣмъ какъ въ степи, позади меня, все желто. Чатырь-дагъ. Сѣнные покосы. Крестьяне въ Саблахъ выведенцы изъ Россіи. Султанъ Ирландскій проповѣдникъ. Джемсъ (110) въ Саблахъ, увидавши меня, радъ, какъ мѣдный грошъ. Школа плодовыхъ деревьевъ: коли слишкомъ растутъ въ вышину, то это плохо для плодовъ. Столѣтнее алое. Переѣзжаемъ Алму у Карагата; ниже садъ Чернова на Алмѣ же; далѣе лѣсомъ, низенькимъ. Переѣзжаемъ Бодракъ, налѣво Мангупъ (111). Вступленіе вправо въ ущелье Бахчисарайское съ востока, наполнено садами, строениями, развалины дворца, влѣво, сверху, торчитъ Чуфуть-Кале, ложбина вправо. — Баня въ Бахчисараѣ хуже тифлисской; прежде я тамъ не былъ, потому что, когда прочелъ Муравьева, — какъ-будто самъ водою окатился.

10 *Юля*. Утромъ въ Татарь-кой. Крутизна къ Качѣ; прекрасная Качипская долина, милыя хозяйки. Султанъ о религіи толковалъ очень порядочно въ Бахчисараѣ; свое и чужое, но премудрость изливается иногда изъ устъ юридическихъ.

11 *Юля*. Кавалькада въ Тепе-Керменъ. Гора, нависшая надъ Татарь-коемъ, верхъ которой въ видѣ стѣны, стойма поставленной. Ораторство Султана. Ходимъ по пещерамъ.

12 Июл. Лунная ночь. Пускаюсь въ путь между вер-
хнею и нижнею дорогою. Приѣзжаю въ Саблы, ночью тамъ
и остаюсь утро. Теряюсь по садовымъ извилямъ и темнымъ
дорожкамъ. Одинъ и счастливъ. Джемсъ кормить, поить,
пляшетъ и, отъ избытка усердія, лакомить лошадей, кото-
рая ему руку сломла. Возвращаюсь въ городъ.....

Этимъ кончаются путевыя замѣтки Гривоѣдова о Кры-
мѣ. — Черновая тетрадь его не представляетъ никакихъ
данныхъ, т. е. никакихъ бумагъ, въ ней заключающихся,
которыя можно было-бы *несомненно* отнести къ почти-
что двухлѣтнему продолженію времени (считая съ 12 іюля
1825 по 12 Мая 1827.) Исключеніе, по всей вѣроятности,
остается въ этомъ случаѣ только за двумя записками: 1) О
лучшихъ способахъ построить городъ Тифлисъ и 2) О Ги-
лаши, — которыя будутъ приведены ниже и которыя могли
быть писаны Гривоѣдовымъ во время его службы въ Тиф-
лисѣ, при тогдашнемъ главнокомандующемъ, генералѣ Ер-
моловѣ. — Въ Маѣ 1827 года Гривоѣдовъ выступаетъ вмѣ-
стѣ съ генераломъ Паскевичемъ въ персидскій (эриванскій)
походъ, начинается, съ самаго дня отъѣзда изъ Тифлиса, пи-
сать бѣглыя, неречевыя путевыя замѣтки и прерываетъ
ихъ тогда, когда дѣла становятся интересны — какъ во-
обще, такъ и въ частности, по отношенію къ Гривоѣдову,
человѣку, который былъ вменше драгоцененъ графу Паске-
вичу, какъ хорошо знавшій Персіанъ, ихъ языкъ и находив-
шійся въ близкихъ, можно сказать дружественныхъ, связяхъ
съ главнымъ тогдашнимъ военнымъ и политическимъ со сто-
роны Персін дѣятелемъ, прицемъ Аббасъ-Мирзою. — При-
чина, почему этотъ дневникъ порванъ очень ясная: Гривоѣ-
дову въ то время стало не до замѣтокъ, не до занятій са-
мимъ собою, — нужно было дѣло дѣлать, а записывать о
дѣлѣ было уже некогда.

Во всякомъ случаѣ, какъ-бы сжатъ и сухъ ни показался
этотъ дневникъ читателю, я почитаю необходимымъ приве-
сти его, по причинамъ, о которыхъ говорилъ въ самомъ
началѣ статьи.

1827.

12 Мая. Четвертокъ. Прибытіе Семптеръ-аги изъ Карса. Новости отъ Бенкендорфа, Нахичеванцевъ переселяютъ. Въ виду у насъ входъ въ пустыни знойныя и безпщныя. Выѣзжаемъ изъ Тифлиса, Вознесенье. Въ Сейдъ-Абадѣ (112) многолюдно и весело. Толпа музыкантовъ на деревѣ, при проѣздѣ генерала гремятъ въ бубны. Обогнувъ послѣднюю оконечность мыса, видъ къ югу туманнаго Акзибегака (113); вершина его поливается дождемъ. По дорогѣ заноздалый шженерный инструментъ и сломанныя арбы съ дребезгами искусственнаго моста, разметанныя по дорогѣ, производятъ на генерала дурное впечатлѣніе. Минуемъ Коду (114), верстахъ въ двухъ отъ большой дороги сворачиваемъ въ Серванъ (115), вдали лагерь у храма. Услужливость масульманъ. Рѣчь мулы.

13. Пятница. По утру прибыли къ храму. Быстрота чрезвычайная, новое направленіе рѣки, мостъ снесенъ. Ночью Шулаверы (116), живописныя ставки въ садахъ. Казакъ линейскій по-чеченски шашкою огонь вырубаетъ и всегда напередъ скажетъ, какой конь будетъ убитъ въ сраженіи.

14. Суббота. Драгунскій полкъ проходитъ. Лошади навьючены продовольствіемъ и фуражемъ; люди пѣшіе.

15. Воскресенье. Ущелье вверхъ по Шулаверкѣ чрезвычайно похоже на Салгирскую долину. Лѣсистыя, разнообразныя горы; позади всего высовывается Лалверъ [мѣдно-заводская гора (117)], какъ Чатырь-дагъ съ каменнымъ, обложеннымъ челомъ.

Лагерь на пріятномъ мѣстѣ. *Бабій мостъ* 4 версты отъ Самійскаго погоста (118), гдѣ расширеніе вида необыкновенно пріятное. Генералъ дѣлается опасно болѣнъ. Безпокойная ночь.

16. Понедѣльникъ. Вверхъ поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дорогѣ. Тѣснина иногда расширяется; видъ съ Акзибегака обратно въ Самійскую долину, на Кавказъ и проч. Клянуть русскій, волчья ворота (119). Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей какъ на Крестовскомъ острову, покуда чернила не разлились по отсырѣ-

шей бумагѣ и самъ я промокъ до костей. Ночую съ генераломъ; онъ все болѣнъ. Тутъ и докторъ и блохи.

17. Днёвка.

18. Въ 4 часа меня будятъ; тащатъ съ меня халатъ; сырость, холодъ, Лапландія, всѣ больны. Ъду впередъ по верховой дорогѣ; нѣсколько руинъ справа и слѣва и селенія. Крутой спускъ въ оврагъ каменной рѣчки. Вся помпа воинственная, съ которой ожидаютъ прибытія главнокомандующаго.

19, 20. Дневка. Карапахцы поселились на турецкой границѣ, перехватываютъ и рѣжутъ нашихъ посланныхъ. Какъ бы ихъ оттудова вытѣснить? Заботы о транспортахъ.

21. Тамъ-же. Принятіе турецкаго посланца съ музыкою. Толстъ, глупъ и важень.

22. Тамъ-же. Чѣмъ свѣтъ сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь къ развалинамъ Лори въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря (120). Деревня, беру проводника. Слѣзаю въ оврагъ каменный и крутобрегій, гдѣ протекаетъ Тебеде съ шумомъ, съ ревомъ и съ пѣной (121). Чистый водопадъ дробится о камни справа. Смѣлая арка изъ крупнаго, тесаннаго камня черезъ него перекинута. Развалина другого моста черезъ Тебеде. Стѣны и бойницы въ нѣсколько ярусовъ по противулежащему утесу; вползаю черезъ малое отверстіе въ широкую, зубчатую башню, гдѣ былъ водоемъ; вѣроятно вода подъ землю была проведена изъ рѣки. Тутъ съ в. вытекаетъ другая рѣчка и въ виду по сему новому ущелью водопадъ крутитъ пѣну, какъ-будто млечный протокъ. Изъ тайника крутая и узкая стежка (122) вьется надъ пропастью. Духомъ собираюсь вверхъ. Развалины двухъ церквей, бань, замка съ бойницами, къ с. оттудова ворота, много рѣзной работы; вообще положеніе развалинъ родъ Трапезонда. Къ югу два мыса надъ Тебедою, къ з. бокъ надъ нею же, къ в. надъ другою рѣчкою, къ с. замокъ и ровъ оборонялъ его отъ нападений съ луговой плоскости. Прежде здѣсь царствовала сильная династія Таи (123), отъ 8 до 12-го столѣтія; храбрые, умные цари много обращались съ Византіяцами, отъ которыхъ заняли зодчество и другія искусства.

Нынѣ на развалинахъ въ недавнемъ времени поселились бамбакскіе выходцы въ маломъ количествѣ.

Здѣсь у Грибоѣдова перерывъ; продолженіе-же этѣхъ замѣтокъ находится на другихъ листкахъ и въ другомъ мѣстѣ.

— Письмо Игурлехана. *Лишеніе надежды есть тоже покой.*

Просьба, адресъ поздравительный Карбахцевъ. *Роза разцвѣла въ роцѣ, съ ея появленіемъ всѣ цвѣты получили новую жизнь.*

Отъѣздъ турецкаго посланца. — Приѣздъ Обрѣскова (124).
Полная ночь. — Походъ.

Іюнь.

1. *Среда.* Въ Гергеры, вдоль Тебеде. Налѣво руины Лори. Попы армянскіе на дорогѣ въ ризахъ подносятъ Бога главнокомандующему, который его отъ нихъ какъ рапортъ принимаетъ.

Къ востоку синѣются дальнія горы; одинъ копусъ похожъ на Тепе-Керменъ.

Приходимъ къ лѣсной подошвѣ Безобдала (125); мой шатеръ надъ ручьемъ, приятное журчаніе.

2-го. Дневка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верхъ горы надъ лагеремъ. Ароматическій воздухъ лѣсной и луговой. Теряю лошадь.

3-го. Подъѣмъ на Безобдалъ. Трудность обозамъ. Я боковой стезжкой дохожу до самага верьха, гдѣ вѣтръ порывистый. Спускъ грязный на Кишлаки (126). Гвардейскій лагерь прелестень.

Палатка Аббасъ-Кула надъ рѣкою. Заглохшія тропы къ опустѣлымъ саклямъ.

Ночью отъ блохъ житья нѣтъ; въ дождь ложусъ на дворѣ.

4-го. Приѣздъ грузинскаго ополченія. Свалка на дорогѣ. Пещеры. Мавзолей Монтрезора (127). Дурной лагерь въ Амамлахъ (128).

5-го. *Воскресенье.* Вдоль южной цѣпи горъ переваливаемся черезъ Памву (129). Видъ Бамбахской долины (130) въ родѣ

котловины. — Прекрасное лагерное мѣсто. Алагезъ къ ю-з. (131).

Иду на шкетъ казачій. Табуны. Боюсь за нихъ.

6-го. Завтракъ у Раевского. Лагерное мѣсто у руины церкви въ Судогентѣ (132).

Алагезъ къ з. Громъ, убита лошадь. Араратъ открывается.

7-го. Алагезъ къ с.-в. Хорошо до привала. До-сихъ-поръ въ полдень жаръ несносный, ночью холодъ жестокий. Кормы тучные.

Артемій Араратскій (133).

Съ пригорка видъ на обширную и презестную долину Аракса. Араратъ неподобенъ. Множество селеній.

Съ привала мѣста, сожженные солнцемъ. Лагерь за версту отъ деревни Аштаракъ. Скорпионы, фаланги (134). Кутноль Арарата.

Прелестное селеніе Аштараки, — мостъ въ три яруса на трехъ аркахъ, подъ нихъ рѣка Абарень дробится о камни. Сады, городъ. Селеніе принадлежитъ матеря Хосро-Хана. Жара.

Ночью головы сняты съ двухъ людей, солдатъ и маркшанта.

8-го. Приѣздъ въ Эчмязинъ. Кліръ, духовное торжество. Главнокомандующій встрѣчепъ съ колокольнымъ звономъ.

Разбиваю палатку между двухъ деревьевъ; цвѣты, водопроводы. Большой обѣдъ у Архіерея.

Гассанъ-Ханъ врагъ монастыря. Багдатскій паша принялъ къ себѣ жителей.

Султанъ Шадимскій на нашей сторонѣ и его 4 племени. Мехти-Кули-Ханъ перешелъ къ намъ съ 3000 семействами.

9-го. Четвергъ. Поѣздка въ лагерь подъ Эриванью. Послѣ обѣда генераль ходитъ рекогносцировать крѣпость. Гдѣ только завидятъ бѣлыя шапки, туда и цѣляютъ. Шадимскій Султанъ и ему подвластные народы намъ сдались.

Въ четвергъ извѣстіе о замыслѣ Гассанъ-Хана съ 3000 Кутали и Карапапахами напасть на наши транспорты. Вечеромъ гвардія отправляется въ экспедицію; радость молодежи.

Вальховскій съ колокольні видитъ ниль вдали.

10-е. Пятница, 11-е Суббота. Приѣздъ посланнаго отъ Аббасъ-Мирзы.

12-е. Воскресенье. У обѣдни въ монастырѣ.

Подъ вечеромъ ѣдемъ къ Эривани. Араратъ безоблачный возвышается до сневы во всей красѣ.

Ночь звѣздная на Гераклеевой горѣ. Генераль сходитъ въ траншею. Выстрѣлы. Перепалка. Освѣщеніе крѣпости фальшфейеромъ.

13-е. Изъ Эривани скачу обратно въ Эчмядзинъ. Араратъ опять прекрасенъ. Жаръ подь Эриванью, въ Эчмядзинѣ прохладно.

Съ этого дня жары отъ 43 до 45°; въ тѣни 37°. Въ 5-мъ часу поднимается регулярно вѣтеръ и ниль и продолжается до глубокой ночи.

18-е. Кто хочетъ истинно быть другомъ людей, долженъ сократить свои связи, какъ Адрианъ изрѣзалъ границы Римской Имперіи, чтобы лучше охранять ихъ.

Вотъ задача моей жизни въ главной квартирѣ.

C'est encore une folie de vouloir étudier le monde en simple spectateur. Celui qui ne pretend qu'observer, n'observe rien, parcequ'étant inutile dans les affaires et importun dans les plaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agir les autres, qu'autant, qu'on agit soi-même, dans l'école du monde, comme dans celle de l'amour. Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre.

Поэтический вечеръ въ галереѣ Эчмядзинской; въ окна свѣтитъ луна; Архіерей какъ тѣнь бродитъ. Извѣстіе о вырѣзанныхъ лорійскихъ жителяхъ съ 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19-е. Въ Эривань. Переправа черезъ Зангу. Обѣдъ у Красовскаго; споръ генераловъ о брешѣ. Посылаютъ Кольбей-Султана, чтобы способствовалъ Курганову къ выгону скота.

Каменисто, скверно, вечеромъ ужасные вѣтеръ и ниль. Лагерь на Гарнычаѣ (135), топу въ рѣкѣ. Ночлегъ у Раевского. André Chénier.

20. Дневка. Являются съ покорностію племянникъ и сынъ

Вели-аги. Вечеромъ переносимъ лагерь на противоположный берегъ рѣки. Степь ожила при свѣтѣ огней. Мѣсяць. Ара-ратъ. Ущелье Горнычая.

Кургановъ, ложное о немъ извѣстiе. Сакенъ въ моей палаткѣ.

21. Поутру извѣстiя опровергаются. Обработанный край: куда ни кинешь глазомъ, все деревни; яркая зелень у подошвы вѣчныхъ свѣговъ Арарата. Лагерь на Ведичаѣ (136), куда выгнать скотъ. Являются Асланъ-Султанъ и другiе. Кургановъ со скотомъ. Карапапахцы (137).

Чудесная ночь. Извѣстiе о неприятелѣ за Араксомъ.

22. Идемъ черезъ Девалу (138). Два апста на мечетѣ стерегутъ опустѣлую деревню. Край безводный. Деревецъ не видать. Привалъ безъ воды. Генераль по слуху о неприятелѣ, отправляется въ авангардъ. Прокламацiя Садакамъ и Миллинцамъ. Садараки прекрасный ночлеги.

23. Проходимъ версты 4 въ малое ущелье, какъ ворота Шарурскихъ горъ. Прекрасная открывается, обработанная страна; множество деревень и садовъ; хлѣба поспѣли, некому снимать. Но осенью видъ всего этого прескверный. Я бывалъ въ сентябрѣ, — все сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачаѣ.

24. Днѣвка. Термометръ до 47°. Приѣздъ Карапапахцевъ, Мехметъ-аги, Гумбетъ-аги бамбахскаго и другихъ. Ночью не сплю. Рано, въ 3 часа поднимаемся.

25. День хорошо начатъ, избавляемъ деревенскихъ жителей отъ утѣшенiя. Имъ платятъ на привалѣ по 6-ти реаловъ лишникъ на быка; они благословляютъ неприятеля. Вообще, война самая человѣколюбивая.

На привалѣ отправленiе бумаги къ Красовскому. Раздача знамовъ, подарковъ. Я открываю лавку царскихъ милостей. Извѣстiе, что Шарульцы и Миллинцы гонять къ намъ скотъ. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Бѣду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, нные снопы начаты, но не довязаны; видъ недавняго бѣгства. Прекрасная деревня надъ Араксомъ, Хоки. Заѣзжаю въ авангардъ. Лагерь не доѣзжая до Хокъ. Тучи и дождь, потомъ луна восхо-

дять. Огни бивуакъ въ ночи производять дѣйствіе прекрасное.

26. Рано поднимаемся; жаръ ужасный. Разсказъ Аббасъ-Кули, что елисаветпольское сраженіе дано на могилѣ поэта Низами (139).

8 верстъ отъ Нахичевани пригорокъ. Оттуда пространнѣй видъ къ Аббасъ-Абаду (140) и за Араксъ. Видъ Нахичеванской долины, къ с.-в. Карабахскія горы, каменистыя, самаго чуднаго очертанія. Эйланъ-дакъ и двѣ другія ей подобныя горы за Араксомъ, далѣе къ з. Араратъ. Самъ Нахичеванъ стоитъ на длинномъ возвышеніи, которое также отъ Карабахскихъ горъ.

Вступленіе въ Нахичеванъ. Ханскій теремъ. Видъ отсюда изъ моей комнаты.

Непріятель оставилъ городъ наканунѣ. Въ Аббасъ-Абадѣ 4000 сарбазовъ и 500 конницы. Комендантъ смѣненъ.

Змѣнная гора въ увеличенномъ видѣ обожженный уродливый пенъ. Такія еще двѣ (141).

27, 28. Извѣстія о шахѣ отъ Мекти-Кули-Хана. Муравьевъ посланъ рекогносцировать крѣпость. Съ моего балкона слѣдую въ подзорную трубу за всѣми его движеніями.

29. Въ 4½ ч. кончаю почту, сѣдлаю лошадь и ѣду къ крѣпости, гдѣ 50 человекъ казаковъ въ ста саженьяхъ отъ стѣнъ заманивають непріятеля. Засада въ деревнѣ съ восточной стороны. Къ 10 часамъ сильная рекогносцировка — 2 полка уланскихъ, 1 драгунскій, 2 казачьихъ, 22 конныхъ орудій обступаютъ крѣпость. Кононируютъ. Бенкендорфъ перебрасываетъ 2000 человекъ черезъ Араксъ, которые на противоположныхъ высотахъ гонять передъ собою непріятеля. Изъ крѣпости стрѣляютъ на переправу. Парламентеръ изъ крѣпости. Али-Наги сыновья Исмиль и Мустафа-ага переговариваются съ нами съ гласиса.

30. Приѣздъ Іавера. Отпущенъ съ угрозами. Вечеромъ поѣздка къ Раевскому въ лагерь. Водопады.

Іюль.

1-е Переносится лагерь къ крѣпости. Начало работъ не производится за недостаткомъ матер

За тѣмъ — бѣлые листы.

Какъ ни сжать этотъ дневникъ военно-походнаго путешественника, какимъ сталъ на ту пору Грибоѣдовъ, но нельзя не пожалѣть, что Грибоѣдовъ не продолжалъ его: дневникъ этотъ относился-бы къ самой любопытной эпохѣ въ жизни Грибоѣдова, — къ тому именно времени, когда его огромныя дарованія, вплоть обработанныя многосторонней, правильной образованностию, его дипломатическій тактъ и ловкость, его способность къ труду огромному, сложному и требующему большихъ соображеній, явились во всемъ блескѣ и были оцѣнены по достоинству, такъ-что Грибоѣдовъ, можно сказать, вдругъ возвысился изъ второстепенныхъ чиновниковъ, чѣмъ онъ былъ доселѣ, до степени — государственнаго человека.

ОТДѢЛЪ II.

Замѣтки.

Я начинаю этотъ отдѣлъ двумя записками Грибоѣдова — о Гилани и о Тифлисѣ, потому что онѣ мнѣ кажутся старше другихъ, относящихся къ этому отдѣлу, бумагахъ по слѣдующимъ причинамъ:

Изъ самихъ записокъ ясно, что онѣ писаны въ теченіе службы Грибоѣдова въ Грузію. Но, къ какому именно періоду времени и службы этой должно правильнѣе отнести ихъ? Грибоѣдовъ, говоритъ г. Булгаринъ, перешелъ на службу изъ Персіи въ Грузію въ февралѣ 1822 года, а въ мартѣ 1823-го онъ, по показанію г. Булгарина и по свидѣтельству С. Н. Бѣгичева, приѣхалъ въ отпускъ въ Москву. Въ концѣ 1824-го и началѣ 1825 года мы, по перепискѣ его съ С. Н. Бѣгичевымъ, видимъ его въ Петербургѣ; іюнь 1825 года, что видно изъ «Черновой», застаётъ его въ Крыму, откуда только осенью возвратился онъ въ Грузію (12 сентября онъ былъ еще въ Феодосіи и оттуда писалъ С. Н. Бѣгичеву). — «Событія, опечалившія Россію въ концѣ 1825 года» — говоритъ г. Булгаринъ — «потребовали его

присутствія въ Петербургъ», Последнее его въ этомъ году письмо къ С. Н. Бѣгичеву — изъ Екатериноградской станицы, отъ 7 декабря. Безъ біографической записки о Грибоѣдовѣ С. Н. Бѣгичева трудно было-бы, хоть приблизительно, опредѣлить: когда именно возвратился Грибоѣдовъ изъ Петербурга въ Грузію? Г. Булгаринъ этого не опредѣляетъ, говоря только, что «пріѣхавъ въ Грузію при началѣ войны съ Персією, Грибоѣдовъ находился при особѣ графа Паскевича, своего родственника». Показаніе это совершенно справедливо. «Въ началѣ 1826 года» — говорятъ С. Н. Бѣгичевъ въ своей запискѣ — «Грибоѣдовъ былъ отправленъ генераломъ Ермоловымъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, возвратился оттуда въ Москву въ концѣ іюля и въ началѣ августа былъ у меня въ деревнѣ на одинъ день: опъ спѣшилъ съѣхаться съ генераломъ Паскевичемъ въ Воронежѣ.» — Изъ бумагъ «Черновой» мы уже видѣли, что 12 мая 1827 года Грибоѣдовъ выступилъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ въ персидскій походъ. Вотъ точныя біографическія данныя, на основаніи которыхъ должно рѣшить вопросъ: къ какому-же времени отнести этѣ двѣ записки — о Гилани и о Тифлисѣ? Очевидно, что никакъ нельзя относить ихъ къ послѣднему, кратковременному и тревожному, передъ началомъ войны, пребыванію Грибоѣдова въ Грузіи, съ осени 1826 по весну 1827, но всего правильнѣе отнести ихъ ко времени его мирной тамъ жизни и служебныхъ занятій, то-есть къ году съ февраля 1822 по мартъ 1823. Самъ Грибоѣдовъ, по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторой степени, подтвердитъ правильность этого вывода, основаннаго на крѣпко-біографическомъ изслѣдованіи и укажетъ, что эти записки не могутъ относиться къ послѣднему его пребыванію въ Грузіи: «Милый мой» — писалъ Грибоѣдовъ С. Н. Бѣгичеву отъ 9-го декабря 1826 г. изъ Тифлиса — «плохое мое житіе здѣсь. На войну не попалъ, потому-что и Алексѣй Петровичъ туда не попалъ. А теперь другого рода война: два старшихъ генерала ссорятся, а у подчиненныхъ перья летятъ». Кажется, послѣ этого не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что Грибоѣдову въ это время было не до прозреть и записокъ.

I.

О Ги л а н и.

Къ югу отъ нынѣшнихъ нашихъ границъ, къ востоку отъ Адербеджана, омываемая съ сѣвера моремъ и съ прочихъ сторонъ окруженная высокими, неудобопроходимыми горами, простирается приморская каспійская область Гилянъ. Она изобилуетъ шелкомъ и лѣсами всякаго рода. Воздухъ въ пей, кромѣ высотъ, нездоровъ: сырость поражаетъ многія болѣзни, она даже проникаетъ въ закрытыя часовыя дружины и покрываетъ ихъ ржавчиной. Иные приписываютъ болѣзни и заразу воздуха изобильнымъ сорочинскимъ полямъ, другіе множеству растений, которыми заглохла большая часть провинціи, испаряющихъ, будто-бы, вредный запахъ. Въ политическомъ и торговомъ отношеніи этотъ край для насъ чрезвычайно важенъ. Народъ отдѣленъ отъ Персіи географическимъ положеніемъ, отмѣною въ нарѣчій и даже окладомъ лица. Въ Энзелеѣ, близъ столицы Рящъ, удобный портъ, гдѣ прежде была наша контора и консульское пребываніе. Въ Гилянъ черезъ горы идутъ только три дороги и всѣ три трудныя, едва проходимыя: одна къ намъ на Лапкеранъ ущельемъ, другая изъ Ардебиля въ Астрабадъ, третья изъ Казбина, изъ Рубаръ въ Рящъ и эти обѣ тѣсныя, въ трущобахъ, заваленныхъ обломками утесовъ и черезъ которыя войско, безъ сношеній благопріятныхъ въ самой землѣ, не проникнетъ. Фамилія Решти управляла также независимо въ Гиляни, какъ цари въ Грузіи, съ одинаковымъ титуломъ «Вали» (142), признаннымъ нашими Государями. Я убѣдился частыми нашими сношеніями съ симъ краемъ по-случаю вновь учреждаемаго консульства, что приверженность тамошнихъ жителей къ сему дому не исчезла. Родоначальникъ былъ Джемаль-Ханъ, сынъ Кемаль-Ханъ, внукъ Гедастъ-Ханъ, получившій отъ Императрицы Екатерины почетную саблю и чинъ генераль-аншефа, въ то время какъ великая Государыня, извѣстная въ Персіи подъ именемъ Хуршидъ-Кюла, *свѣтлое солнце*, подкрѣпляла права Муртеза-Кули-Хана на персидскій престоль. Братъ его, дѣдъ нынѣшняго шаха, ожесточенный противъ правителя Гиляни, убилъ его и лишилъ родъ его всякой власти хитростію и силою оружія. Съ тѣхъ-

поръ провинція сія въ безпрестанномъ волненіи: поборы, тиранства шахскихъ намѣстниковъ заставляли ее часто обращаться къ русской границѣ съ надеждою избавленія. Въ бытность мою въ Султানেѣ въ 1819 году жители Рящъ взбунтовались противъ правителя ихъ, шахскаго евнуха, Хосровъ-Хана. Онъ былъ смѣненъ. Посланъ туда шахскій сынъ Риза-Мирза, который заставилъ вздыхать о своемъ предшественникѣ. И его смѣнили. Нынѣ тамъ другой сынъ шахскій Ягъча-Мирза, но поборы подъ управленіемъ главнаго шахскаго евнуха Ага-Манугеръ-Хана, брата нашего здѣсь въ Тифлисѣ переводчика Енаколопова. — Сынъ незабвеннаго въ Рящѣ Гедастъ-Хана называется Фетъ-Али-Ханъ, нынѣшній генералъ-губернаторъ, беглеръ-бекъ табризскій, воспитанъ при шахскомъ дворѣ; но онъ и два сына его и все его семейство привержены къ Россіи чрезвычайно. Я это испыталъ во-время моего пребыванія въ Персіи. Это одинъ домъ, съ которымъ мы были точно дружны. Также чрезвычайный посолъ нашъ г. Ермоловъ почтилъ его искреннимъ уваженіемъ. — Если-бы того требовала польза нашего правительства, Фетъ-Али-Ханъ, при первомъ ему тайномъ сообщеніи, тотчасъ-бы явился подъ наши знамена, и въ Гилани, принятый жителями, утвердилъ-бы тамъ наше владычество. Но и сія область тогда только принесетъ истинную пользу, если будетъ управляема по своимъ обычаямъ, независимо отъ нашихъ министерствъ, такъ какъ, по трактатамъ Циціанова съ ханами Шехинскимъ, Ширванскимъ и Карабахскимъ, управлялись ихъ ханства до нынѣшняго ихъ преобразованія.

II.

Записка о лучшихъ способахъ вновь построить городъ Тифлисъ (143).

Городъ Тифлисъ состоитъ изъ трехъ, весьма отдѣльныхъ, частей:

1) Сѣверное предмѣстіе, Каратубанъ. Прежде здѣсь были незначущія лачуги и землянки; два только строенія выставились изъ прочихъ: домъ главнокомандующаго и госпиталь. Генералъ Ермоловъ перевелъ прежнихъ жителей частію въ западную ложбину, къ ручью Салалаки, частію вовсе высе-

лиль изъ города. На мѣсто ихъ возвышаются многія хорошія зданія, шіяя на-скоро воздвигнутыя, въ родѣ украшеній, которыя, по своей непрочности, угрожаютъ близкимъ паденіемъ. Домъ госпиталя имѣлъ уже другое назначеніе, переломанъ и надстроенъ. Вообще, цыпче улицы и площади сего предмѣстія слишкомъ разбросаны, пересѣкаемы пустырями, сообщеніе затруднительно, порядочное освѣщеніе невозможно и сѣверный вѣтеръ безпрестанно взметаетъ все это обширное пространство, такъ-что изъ домовъ выходить нельзя во время вихря. Въ сей части города всего болѣе надлежитъ заботиться объ устроеніи моста противъ армянскаго монастыря или артиллерійскаго дома, или между сими двумя пунктами. На противоположной сторонѣ расположены селенія Куки, Чегурети и нѣмецкая колонія; жители съ городскими занимаются одинаковой промышленностію взаимныя падобности ихъ сближаютъ, а объездъ на единственный мостъ, наведенный у подошвы мегинскаго бастіона, слишкомъ далекъ.

2) Настоящій городъ или Кале, къ югу отъ предмѣстія, въ видѣ прямоугольника, котораго діагональ плотно примыкаетъ къ Курѣ. Здѣсь находятся присутственныя мѣста, базары, караванъ-сарай, большая часть лавокъ и коренные жители, издавна тмѣющие свои дома. Къ перестройкѣ сей части города труднѣе было приступить: каждый аршинъ земли дорого цѣнится, и потому когда хотѣли привести въ исполненіе новые планы, — на всякомъ шагу нарушали права владѣльцевъ и тѣмъ возбудили справедливый ропотъ. Также многія новизны не служили ни къ удобству, ни къ красотѣ.

Впредь надлежитъ имѣть въ виду слѣдующія соображенія:

1. Допускать возможное расширеніе только главныхъ улицъ для проѣзда экипажей: побочныя переулки не заслуживаютъ вниманія тогда, какъ вся сія часть города имѣетъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ версты въ поперечникѣ.

2. Не только не мѣшать, но одобрять хозяина дома, желающаго имѣть крытый балконъ или деревянную галлерею вокругъ всего дома. Навѣсь, который отъ кровельной застрѣхи прикрѣпляется къ столбамъ на аршинъ и болѣе отъ стѣны, доставляетъ тѣнь, благотворную въ здѣшнемъ жаркомъ полднѣ и препятствуетъ кирпичу распекаться отъ жара.

Внутри дома меньше свѣта, но болѣе прохлады. — По свидѣтельству всѣхъ здѣшнихъ врачей это и для здоровья необходимо.

3. Дарбазы, въ восточномъ вкусѣ, тоже для прохлады и здоровья чрезвычайно полезны (движеніе воздуха). Раскрытое строеніе обращать не на улицу. Наша сѣверная архитектура, съ малыми окошками, не годится.

4. Не раскрывать базара.

5. Поуправленіе крѣпости. Вся эта часть города была обведена стѣною, разрушенною въ недавнемъ времени.

3) Предмѣстье Авлабарское. Тамъ только одна большая улица, вновь перестраивается.

III.

Desiderata.

1) Въ историческомъ изслѣдованіи о мѣстоположеніи древняго *Тмутараканя* говорятъ подѣ статью: *Суздадь* (стр. VIII) о замѣчательной надписи, которая находится въ храмѣ Успенія Богородицы. Эта надпись существуетъ-ли еще? — Имѣетъ-ли она признаки древности?

2) Мы мало знаемъ исторію *Муромскихъ* князей. Едва извѣстенъ князь Федоръ Глѣбовичъ, о которомъ исторіи упоминаетъ подѣ г. 1355 и князь Андрей, бывший на Донской битвѣ въ 1380, и только въ нѣсколькихъ словахъ объявляютъ въ 1392, что великій князь завладѣлъ ихъ княжествомъ. Стоило-бы потрудиться надѣ поясненіемъ этого историческаго мрака и опредѣлить розысканіями родословными послѣдованіе владѣтелей и пространство области, которая вначалѣ составляла часть Рязанскаго княжества.

3) Правда-ли, что сѣверная часть Рязанской губерніи, по лѣвому берегу Оки, еще понынѣ удержала названіе *Мещерской стороны* (словарь Геогр. подѣ статью: «Мещерская сторона»). — Откуда это наименованіе? Сохранились-ли слѣды народа, который нѣкогда въ томъ краю былъ извѣстенъ подѣ именемъ *Мещеры*?

4) Въ *сорочинскомъ монастырѣ*, въ 15 верстахъ отъ Рязани, находятся гробницы нѣкоторыхъ князей Рязанскихъ. Но, имена князей и княгинь, тамъ похороненныхъ?

5) Между именами городовъ великаго княжества Рязанскаго, въ изчисленіи русскихъ городовъ (Воскресенск. лѣтопись, стран. 22), иные намъ знакомы, другіе вовсе исчезли. Наша историческая географія много-бы свѣту приобрѣла, кабы кто потрудился опредѣлить ихъ мѣстоположеніе. Н. пр. гдѣ полагать должно *Торческъ*, *Тешиловъ*, *Крылатескъ*, *Неринскъ* (Нерильскъ?), *Кулатескъ* и тотъ *Рославль* или лучше *Ярославль Польскій*, который, конечно, далъ имя обширнымъ равнинамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *стѣни Ярославльскои*, *большой* и *малой*, въ южной части Тамбовской губерніи. — Последнее имя *Оурюпискъ* показано *Юрюпискъ* въ шлецеровомъ спискѣ. —

6) Герберштейнъ говоритъ, что въ (древней) Рязани была крѣпость *Ярославль*, которой только слѣды остались. Можно-ли ихъ еще распознать? И какой это островъ *Струбъ*, о которомъ онъ упоминаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

«*Rezan, provincia inter Occam et Tanaim sita, civitatem ligneam non longea ripa Occae habet. Erat in ea castrum quod Iaroslav vocabatur, cuius nunc praeter vestigia existat. Haud procul ab ea civitate Occa fluvius insulam facit, quae Strub dicitur*» (144).

7) Гдѣ отыскивать этотъ уѣздъ *Мстиславль*, *Жадено городище*, *Жадемль*, *Дубокъ*, *Брондичь*, которыхъ имена приводятся въ Древн. Росс. Вифл. изд. второе, часть I, стр. 92?

8) Договоръ между двухъ братьевъ князей Рязанскихъ, а не такъ какъ его ложно называлъ г. Новиковъ договоромъ великаго князя Московскаго съ Рязанскимъ. (*Древн. Росс. Виф. II*, стр. 263.). Сей договоръ наполненъ географическими подробностями, но наши карты недостаточны для ихъ изслѣдованія.

9) Имя *Гремячи* часто встрѣчается на нашихъ картахъ, но который «Гремячи», во время Петра I-го, почитался *узднымъ городомъ*, на коломенской дорогѣ, въ 230 верстѣ отъ Москвы?

10) Много-ли *Мордовцевъ* въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ? Какія ихъ *деревни* и *волости*? Смѣшаны-ли они гдѣ-нибудь съ Русскими? Различаются-ли они также въ сихъ губерніяхъ въ двухъ народахъ *Мокшанцевъ* и *Ерзанцевъ*?

Иурасова Мордва, которая въ 1228 году нападала на Нижній-Новгородъ, конечно въ этой губерніи (Нижегород.) должна быть отыскиваема? Нельзя-ли имѣть точнѣйшаго свѣдѣнія о жилыхъ деревняхъ и волостяхъ мордовскихъ въ той губерніи?

11) Любопытное извѣстіе въ нашихъ лѣтописяхъ есть описаніе путешествія (плаванія) по Дону митрополита *Пимена*, въ 1389 г. Тамъ, между прочимъ, сказано, что въ пятое воскресенье (мая 16) они проѣхали рѣку *Медвѣдицу* и горы *высокія* и *Бѣлый-Яръ* рѣку. Эта рѣка, кажется, должна быть *Перекопка*. Но, какъ велико разстояніе между *Медвѣдицею* и *Перекопкою*? Можно-ли туда поспѣть въ одинъ день? — Въ понедѣльникъ они проѣхали горы *каменные красныя* и, коли не ошибаюсь, прибыли къ *Иловль*. — Во вторникъ они видѣли развалины *Терклмо града*, которыя, вѣроятпо, находились между *Качалинскою* и *Трехъ-Островянскою* станицею. (Рѣка, которая ниже *Трехъ-Островянскою* станицы вливается слѣва въ *Донъ*, называется въ подробн. картѣ, X 54, *Сакарка*. Не *Саркела*-ли? При *Петрѣ* еще тутъ не далеко находится высокій и крутой валъ, будтобы изъ глины (*terre glaise*.) Существуетъ-ли онъ еще? И какъ называется? Какая его фигура? Точно-ли онъ сдѣланъ просто изъ глины, или можетъ-быть изъ кирпичей? Не находится-ли здѣсь, какъ обыкновенно на правомъ берегу *Дона*, известковая земля? (сличить *Stritt. Mem. III p. 567.*) — Потомъ странствователи въ тотъ-же день проѣхали *перевозъ*; не тамъ ли лѣтомъ *Донъ* снадаетъ до 4-хъ фут. глубины, нѣсколько повыше рѣки *Голубенки*? Но, во сколькохъ отъ нея верстахъ? Не худо-бы знать замѣчательные броды и перевозы рѣки *Дона*.

12) Какія есть развалины возлѣ *Глазуновскою*, на *Медвѣдицѣ*, выше ея устья?

13) Упоминаютъ еще о замѣчательныхъ *могилахъ* на берегахъ *Медвѣдицы* и *Дона* въ окрестностяхъ *Перекопскою* и *Свротинскою*. Имѣютъ-ли сіѣ отличные признаки?

14) Академикъ *Фалькъ* (*Beiträge zur topographisch. Kennt. des Russ. Reichs*) говоритъ о *двухъ городищахъ значительн-*

ныхъ возлѣ *Цимлянской* станицы. Онъ самъ ихъ не видалъ, но что казачій атаманъ ему объ нихъ рассказывалъ всемѣрно заслуживаетъ любопытнаго изслѣдованія имени, фигуры и вещества этѣхъ развалинъ. Не видать-ли тамъ слѣдовъ искусства? Какое свойство грунта? Не раскапывали-ли земли и что въ ней найдено?

15) Герберштейнъ говорить о городѣ *Ахасъ* въ разстоянн 4-хъ дневномъ плн также, по его словамъ, въ 12 миляхъ (нѣмецкихъ?) выше Азова, на берегахъ Дона. — Въ его время *Ахасъ* и *Азовъ* были тамъ единственные города. Отъ Азова считалось до Перекопа пять дней ѣзды, до Астрахани семь, до Шамахи двѣнадцать. — По сему показанію, на которое нельзя, впрочемъ, очень полагаться, Ахасъ должно отыскивать въ Цимлянской, а коли вѣрнѣе 12 милямъ, то въ окрестностяхъ Черкаска. — Есть еще *слобода Городище* на *Салѣ*, а можетъ быть и другіе *городищи*, которые во все неизвѣстны.

16) *Донецъ* или *Салѣ*, которая изъ этѣхъ двухъ рѣка *Бузукъ* въ путешествіи митрополита Пимена?

17) *Сальница*, которая по кн. больш. чертежа впадаетъ въ Донецъ выше Изюма, извѣстна-ли еще подъ симъ именемъ?

18) Направо отъ устій Дона, между *Иедвиговской* и *Сильявской* есть *гдше*, гдѣ будто-бы находили монеты, серебряныя и золотыя, довольно отдаленныхъ временъ. Можно-ли ихъ имѣть или видѣть?

19) Въ Азовѣ, конечно, такія найдутся.

Саркель стоялъ на Дону, ниже Черкаска, между нпмъ и устьемъ Дона, притомъ на восточной сторонѣ.

20) Нельзя-ли достать словарь языка *Закубанскихъ Черкесовъ*? Въ Гильденштедтѣ есть словарь кабардинскій; такимъ-образомъ можно было-бы научиться различать разныя нарѣчія языка черкесскаго.

21) Палласъ въ описанн острова Тамана (*Reise in die südl. Statthalter d. R. R. II. p. 294, 296.*) говоритъ о разныхъ *нефтяныхъ ключахъ*. Ихъ еще болѣе должно находиться во внутренности того края. Сличить Stritt. Mem. por. IV.

249, 250. Мѣсто, приведенное изъ Константина Порфиророднаго, заслуживаетъ всячески вниманіе путешественника.

22) Палласъ слишкомъ мало говоритъ о гробницахъ близъ селенія *Торкрукъ* (R. in d. südl. Statth. II. 231.). Нельзя-ли открыть одну изъ нихъ? Можетъ-быть онѣ готическія.

23) Тотъ-же авторъ далъ намъ (ibid. II. 44. 54. etc.) прекрасное описаніе окрестностей Севастополя, но, чтобы его совершенно уразумѣть и распознать три бухты Страбона, нужна подробѣйшая карта сей части Крыма. Говорятъ, что гр. Воронцовымъ это поручено Сергестори.

24) Какой это *каменный мостъ*, на Каланчикѣ, въ 35 в. отъ Перекопа, когда къ нему ѣдешь изъ Крыма? (См. геогр. Каланчикъ).

Есть въ Крыму множество надписей временъ Генуэзскихъ, но никто до-сихъ-поръ не обращалъ на нихъ вниманія.

25) *Березовскій островъ*, въ концѣ Днѣпровскаго лимана, также называется *Гага* (Hata). Какое это слово — греческое или турецкое? И что оно значитъ?

26) *Сто-Могилы*, при устьѣ Буга, остатки *Ольги* или *Борисовна* весьма замѣчательны для путешественника (см. Муравьева).

27) Можно-ли объяснить имена *Ингуль*, *Бузулукъ*?

28) Есть-ли заливъ (или заводь) Днѣпра, бухта, ниже пороговъ, извѣстная *Перуня рень*? (Несторъ, лѣта 988).

29) Въ какомъ состояніи теперь островъ *Хортицы*? Есть-ли тамъ еще Меннониты, поселенные кн. Потемкинымъ? Побрыть-ли островъ дубнякомъ?

30) Бопланъ, въ описаніи Украины, говоритъ о *Таволшанскомъ островѣ* возлѣ Таволшанскаго порога: «Cette isle a bien près de 2000 pas de long et 150 de large; elle est toute de roches, mais sans precipices. Ce lieu est fort de nature et beau pour habiter. Il croit en cette isle force de Taval, qui est un bois rouge dur comme buits et qui a la vertu de faire uriner les chevaux.» Это описаніе острова справедливо-ли? И какое это дерево, о которомъ Бопланъ говоритъ? Нельзя-ли достать нѣсколько вѣтвей съ листьями, цвѣтами и сѣ-

менами? Растеніе, извѣстное подъ именемъ *Таволги*, обыкновенно не имѣеть никакого дерева (*Spirea*, Linn.).

31) Будиловскій=Будильскій=Будинскій порогъ Зуевымъ причисляется къ *большимъ* порогамъ (Пут. Зап., стр. 254.). Онъ его самъ не посѣщалъ. Правъ-ли онъ?

32) Бопланъ говоритъ объ островѣ: «au travers du quatrième saut appelé Стрѣльчій, une île toute de roche, haute de trente pieds et faite en precipices tout autour; elle est environ de 500 pas de long et de 70 ou 80 de large. Je ne sais si elle a quelques eaux au dedans, car personne n'en aborde que les oiseaux, au reste tout le tour de cette île est fort ombragé de vigne sauvage.» Лучшія наши карты не показываютъ никакого острова поперегъ *Стрѣльчаго порога* и кажется, что по ошибкѣ Бопланъ относитъ къ сему порогу утесистые острова, которые находятся на *Лоханскомъ пороге*. Но сіи имѣють-ли 30 футовъ вышины? Или это мѣра возвышенія праваго днѣпровскаго берега? Есть-ли тамъ дикій виноградъ?

33) Какой величины разстояніе между первымъ или Кайдацкимъ и послѣднимъ или Вольнымъ порогомъ?

34) Въ судоходствѣ по Днѣпру употребляются-ли парусы?

35) Во сколько времени барки и суда проходятъ разстояніе, занимаемое порогамъ?

36) Во сколько времени ѣздить водою отъ Хортиць въ Херсонъ? Будетъ-ли тутъ 270—280 верстъ?

37) Книга Больш. Чертеж. говоритъ о рѣкѣ *Овечьи-Воды*, которая ниже *Быка* впадаетъ въ Самару и въ исторіи о ней упоминается, но на нашихъ картахъ она не означена.

38) Рѣка *Орель* еще-ли извѣстна подъ названіемъ *Уль*? (Татищ. ист. II. 379. примѣч. 98). Составляла-ли она природную границу между земель по-сю и по-ту сторону ея теченія?

39) Есть-ли островъ на Днѣпрѣ, противъ впаденія Трубежа, подъ названіемъ *Варяжскій островъ*? (см. годъ 1224.)

40) Какъ объяснить себѣ сіе мѣсто въ татищевой исторіи (II. 344.) «Изяславъ съ братією, перешедъ *Лопицу*, ста позади града по Трубежу, а Юрій, стоя у Стрякова три дня,

въ четвертый, на утренней зорѣ, пошелъ мимо Переяславля и сталъ между валомъ и по оной странѣ Трубежа за злырицель у Роцены?»

41) Кіевъ! Прочестъ въ Гюльденштедтѣ описаніе сего города.

42) Извѣстны-ли еще Дорогожичъ и Капичъ? (годъ 980).

43) Рѣки Сетомль и Сутень (года 1036, 1064 или 1605)?

44) Озеро Дулевское или Бузское и рѣка Солоча (Золога? 1151 г.) замѣчательны по ратнымъ движеніямъ к. Юрія Володиміровича.

45) Звенигородъ (г. 1151 и Татищ. II. 138.)

46) Пароснѣгъ (г. 1160 и Татищ. III. 131.)

47) Олжичи (г. 947. 1141. 1182. 1214 и Татищ. II. 390. примѣч. 129.)

48) *Бѣла Вежа* при верховіи *Осетра* слишкомъ древна, чтобы на ней не остановить вниманіе. Гюльденштедтъ говоритъ о ней, но плана не снялъ.

49) Надгробные камни въ церквахъ въ Черниговѣ, Глуховѣ, Рыльскѣ, Новгородѣ - Сѣверскомъ, Трубчевскѣ, Карачевѣ, Новосилѣ, Оболенскѣ и Тарусѣ и въ близъ-лежащихъ монастыряхъ, выведутъ можетъ - быть хоть нѣсколько изъ мрака родословную Черниговскихъ князей, которымъ она покрыта по бархатной книгѣ и по таблицамъ Стриттера, особенно въ 13 и 14 столѣтіи. — Намъ неизвѣстны потомки Романа Михайловича, князя черниговскаго и брянскаго съ 1246 года (Барх. кн. I. 180), въ которомъ отецъ его былъ убитъ. Можно-ли, чтобы *Семень, Юрій и Мстиславъ* были его братья, когда ихъ дѣти являются въ исторіи позже 1365 года.

Въ 1286 г. упоминаютъ о Романѣ Брянскомъ.

1319 г. о Романѣ Михайловичѣ Брянскомъ.

1330. Прежде сего года построенъ монастырь Успенскій Свенскій, въ 4 верстахъ отъ Брянска, тоже Романомъ Михайловичемъ (Зуевъ, Пут. Зап., стр. 128.)

1375. Еще какой-то Романъ Михайловичъ Брянскій является подъ Тверью.

1401. Того-же имени князь въ Смоленскѣ.

Подъ статью *Горчаковы князя* въ Бархатной книгѣ II. 305, кажется, что отрасль князей Козельскихъ древнѣе Ка-

рачевскихъ. Стоило - бы справиться въ Разрядномъ Архивѣ подь № 202, а для князей Совецкихъ или Осовяцкихъ подь № 207.

50) Извѣстны - ли еще въ окрестностяхъ Чернигова мѣста, упоминаемая въ исторіи при осадѣ сего города въ 1152 году? То, что Татищевъ (III. 69.) говоритъ о Березовѣ и Свинѣ должно быть ошибочно.

51) Извѣстно-ли селеніе подь названіемъ *Мерликово* близъ Новгородъ-Сѣверска?

52) И волость карачевская подь именемъ *Хороборъ* или *Хоборъ*.

53) Рѣка *Щижъ*, о которой упоминается въ книгѣ Больши. Чертежа, не находится на нашихъ картахъ. — Какое ея теченіе? Нѣтъ - ли на берегахъ ея городища? Не придала - ли она своего названія какой-либо волости?

54) Мезецкъ, Мезеческъ и Мещовскъ — одно - ли это и тоже?

55) Въ слов. Геогр. подь статью *Шилино* сказано, что деревня сего имени паходилась въ Бежецкомъ уѣздѣ. — Какъ же ее обозначить на нашихъ картахъ?

56) Вообще отличительныя черты мѣстныя (physionomies) на-счетъ равнинъ, долинъ, лѣсовъ и проч. Можно-ли опредѣлить границы краю лѣсному, покрытому кустами и степному.

57) Нарѣчія русскаго языка и крестьянская одежда, гдѣ и какъ переменяются?

Въ «Черновой» находится одинъ отдѣльный листокъ; по содержанію своему совершенно подходящій къ «Desiderata», по этому-то я и помѣщаю его здѣсь.

Варяги = франги. Ф. нѣтъ въ русскомъ языкѣ и *an* назальнаго германскаго звука. *Русы* — отъ цвѣта волосъ.

Я думаю, что *Россы*, которые подходили въ 866 году подь Царь-градъ и отъ которыхъ Греки избавились посредствомъ ризы Влахериской Божіей Матери, были *Иры-Оссы*. Патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи говоритъ, что они потомъ сдѣлались кроткими Христіанами, а Оссетины около этого времени точно приняли христіанскую вѣру, ко-

торую потомъ утратили. Церкви того времени въ ущелии Оссырѣки и близъ каменнаго моста на Кубани; также и въ иныхъ мѣстахъ о томъ свидѣлствуютъ. Извѣстно, что оссетинское племя, нынѣ заключенное въ среднемъ Кавказѣ, прежде далеко по плоскости простиралось до Таврии и Понта-Эвксинскаго.

Не Славяне, а Словене,—въ противоположность Нѣмцамъ.

Татищ. въ г. 964. — Ольга упычтожила *Княжѣе* (Droit du seigneur) и замѣнила поборомъ черной купницы отъ жениха, подданнаго князю или боярину. Елагинъ замѣчаетъ, что поборъ свадебный и по-нынѣ называется *куничнымъ*.

Кѣметъ, кѣмети (сподвижники, слуги, дружина). Не то-ли, что Comte, въ первоначальномъ значеніи? «А мой Куряши свѣдоми кѣметп.» (см. слов. о пол. Игоревѣ.)

IV.

Неизвѣстно, когда именно, но, судя по концу, въ которомъ говорится о Сарбазахъ, стало-быть послѣ пребыванія Грибоѣдова въ Персіи, то-есть послѣ февраля 1822 года, были писаны имъ —

Замѣчанія, касающіяся исторіи Петра I-го (145).

кн. I.

Стр. 19. Калмыкъ, возвратившійся съ господиномъ изъ чужихъ краевъ, былъ пожалованъ въ офицеры, а господинъ его въ матросы Петромъ I. Калмыкъ дошелъ потомъ до контръ-адмиральскаго чина.

• 27. Тайная канцелярія.

28. Слуги доносятъ на господъ своихъ, на тѣхъ, напр.; которыя, запершись въ комнатѣ, пишутъ.

29. Безмѣрныя подати.

33—34. Введеніе рабства чрезъ подушную подать, чрезъ запрещеніе переходить крестьянамъ.

36. Квитки.

37. Забраніе въ казенное вѣдомство рыбьяго клея, икры, соболей, ревеню, поташу, смольгучу и табаку.

Соболи покупались въ Сибирскомъ приказѣ.

38. Введеніе табаку.

56. Преображеніе Думы въ Сенатъ. Отмѣна формулы: «Государь указалъ, Бояре приговорили.»

57. Военный судъ, несвѣдующіе судьи.

64. Заточеніе жены въ Суздальскій монастырь, убиеніе сына.

87. Изъ письма Петра: *большія бороды нынѣ не въ авантажъ обрѣтаются.*

90. Ibidem: *Питербурхъ.*

90—98. Алексѣй укрывается подъ австрійское покровительство. Петръ, письмомъ изъ Амстердама, черезъ Толстаго и Румянцева, обѣщаетъ ему прощеніе. Алексѣй возвращается. Петръ будто-бы ему прощаетъ, съ тѣмъ, однако, чтобы: 1) объявилъ свои умыслы и преступленія, безъ того нѣтъ ему прощенія; 2) отрѣшаетъ его отъ наслѣдованія престола (обезнаслѣдилъ его).

102. Заставляютъ царевича Алексѣя признаться, что онъ на духовенствѣ опирался въ мятежныхъ своихъ замыслахъ. И это объявляется всенародно.

Около сего времени регламенты коллегіямъ, учрежденіе генералъ—и оберъ-прокуроровъ. Во время слѣдствія царевичева дѣла казнъ ростовскаго архіерея Досифея.

111. Обличаютъ обвиненнаго царевича Алексѣя въ томъ, что онъ духовному отцу на исповѣди говорилъ.

105—115. Судьи произнесли: *виновенъ, хочешь губи, хочешь щадн, сердце Царевъ въ руцѣ Божіей.*

Ad memorandum. Соврем. изслѣдовать.

117. Смерть царевича будто-бы *отъ удара*, при выслушаніи приговора. — Можетъ-быть правда. —

. (146)

132. Монахи Симеонъ Полоцкій и святой Димитрій гороскопъ Петровъ за 9 мѣсяцевъ до рожденія его выводятъ, угадываютъ, что онъ назовется Петромъ. Объ этомъ пишетъ изъ Москвы въ Утрехтъ Николай Гензіусъ къ Іоанну Георгію Гревіусу.

Петръ родился въ 1672 г. мая 30.

Крещенъ въ Чудовомъ монастырѣ. (Ст. 138) Восточное обыкновеніе: младенцу Петру купецъ подноситъ саблю въ третьи его именины.

Купецъ пожалованъ гостемъ.

139. Отроча любитъ военныя выметки. Дѣду его бояр. Кириллѣ Полуехтовичу Нарышкину и другимъ наставникамъ повелѣно хранить его яко зѣницу ока.

140. Штатъ петровой матери — 102 стольника и проч., огромный. — Учитель, чилобитнаго приказа дьякъ Никита Моисеичъ Зотовъ, смышленный въ писаніи и чтеніи, по благословенію святѣйшаго патріарха, вступаетъ въ свою должность, учить исторіи въ лицахъ.

145. Царь Фед. Алекс. Языкова за дерзость отдавалъ головою царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ.

146. Мирный договоръ съ крымскимъ Ханомъ, и со включеніемъ турецкаго Султана, 5 генв., 1681.

151. Иоаниъ Алекс. брату своему царствомъ поступается. (Въ посольской рукописи).

Патріархъ Іоакимъ.

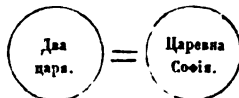
152. Патріархъ во всемъ облаченіи и бояре спрашиваютъ у народа: кого избрать на царство? 1682. И стольники, и страпчіе, и дворяне, и дьяки, и жалъцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскія, и гости, и гостинные, и черныхъ сотень и проч. избираютъ Петра.

Также бояре, и окольникіе, и думные и ближніе люди.

Выборныхъ полковъ солдаты, и нѣмцы, и весь народъ присягаютъ.

159. Бунтъ 15-го мая, по водосвятіи въ Знаменскомъ монастырѣ. Заговорщики: Милославскій и племянникъ его Милошъ, Щегловитый, Цыклеръ, Иванъ и Петръ Толстые, Озеровъ и Санбуловъ и стрѣлецкіе начальники — Петровъ, Чермновъ, Озеровъ и проч. 159). Стрѣльцы разбиваютъ холоній приказъ.

160. Монеты.

161. Стрѣльцы и переименованы въ надворную пѣхоту.

164. Прѣніе о вѣрѣ стрѣльцевъ въ Грановитой Палатѣ.

166. Софіннъ канцлеръ кн. Голицынъ возобновляетъ миръ съ Швеціею на 20 лѣтъ.

174. Коммиссія при Софін для возобновленія мѣстничества (или, можетъ, только для разобранія дворянскихъ родовъ). Предсѣдательствуютъ бояринъ Вл. Дм. Долгорукій и окольникій Чаадаевъ.

178. Отрочество проводить въ Преображенскомъ на Яузѣ.

191. Клевета на Хованскихъ и ихъ казнь не дѣлаетъ чести прозорливости Петра.

207. Доносъ офицеровъ на Голицына, что онъ, въ походѣ противъ Крымскихъ Татаръ, подкупленъ былъ Ханомъ.

210. Сборное мѣсто стрѣльцевъ — лыковъ дворъ, въ Кремлѣ, гдѣ нынѣ арсеналь.

212. Бѣгство Петра въ 1689 году въ Троицкій монастырь отъ горсти (600) стрѣльцевъ Щегловитаго, между тѣмъ какъ онъ находился посреди потѣшной своей гвардіи, либо несказанная трусость, либо недовѣрчивость къ его окружающимъ. Онъ зналъ отъ двухъ, къ нему перебѣжавшихъ, число мятежниковъ. •

216) Софія ѣдетъ въ монастырь оправдаться, имѣя въ рукахъ икону Спасителю.

Спальникъ Бутурлинъ съ отвѣтомъ, что будетъ съ нею поступлено нечестно.

Никакъ незамѣтно, чтобы софінно властолюбіе много вредило Петру и такъ было опасно, какъ намъ внушить стараются. У нея была тоже своя партія у Нарышкиныхъ; послѣдняя восторжествовала, — ей въ пользу, пишутъ. Мѣшала-ли Софія набрашію войска въ Преображенскомъ и Семеновскомъ? (300 съ Соколиного двора, 15 барабанщиковъ бутырскаго полка). Не могла-же она почитать это шуткою, какъ силятся насъ увѣрить писатели, придающіе ей свою глупость. — Явная немилость Петра къ любимцу Софін Голицыну, такъ-что она принуждена была за него ходатайствовать. — Наконецъ, гнѣвъ Софін на Петра, а Петровъ — во время крестнаго хода, что и приблизило разрывъ; все это свидѣтельствуеетъ превосходство силы, власти Петровой, а не Софінной.

Древ. Виол. часть 20. стр. 164. — Петръ положилъ дѣтямъ боярскимъ жалованье въ-половину противъ иностран-ныхъ офицеровъ. Мнѣхъ одну службу служащихъ жалованьемъ сравнилъ.

Ibid. стр. 238. Говоря о стрѣльцахъ: «такое войско, въ коемъ презрительно было быть полковникомъ, заслуживало, чтобы Государь Петръ В. оное уничтожилъ.»

Ня чуть не заслуживало, если хотѣлъ онъ имѣть регу-лярное войско. Наше отечество въ концѣ XVII столѣтія было болѣе предано восточнымъ обычаямъ, а я по опыту знаю — какъ въ азіатскихъ государствахъ презираютъ войско постоянное, содержимое, нераспускное. Сарбазы въ Персіи новоустроенный регулярный корпусъ и въ укору ему нечего замѣтить. Я, думавши сдѣлать привѣтствіе молодому Ахметъ-Хану, сыну табризскаго беглербега, сказалъ ему, что онъ, конечно, носить свою службу Сергенгомъ, полковникомъ, въ Сарбазахъ. Онъ обидѣлся и отвѣчалъ мнѣ: «я ханъ и сынъ хана.» Такъ думаетъ всякій писецъ при дворѣ персидскомъ. Всегда предпочтетъ на войну вести съ собою безпорядочное скопище людей, ему преданныхъ, и, по окончаніи компаніи или войны, быть съ ними отпущеннымъ во-свояси, либо продолжать придворную службу. Вѣроятно и петровы регуляр-ные полки не менѣе Сарбазовъ были ненавистны дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и проч., но *кнутъ*....

ОТДѢЛЪ III.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Нигдѣ столько, какъ въ началѣ этого отдѣла, собран-наго мной изъ бумагъ «Черновой», имѣющихъ значеніе чи-сто-литературное, нельзя не пожалѣть, что ГрибоѢдовъ не имѣлъ, подобно Пушкину, привычки ставить годовыя помѣты на своихъ сочиненіяхъ. Все это было-бы важно для размѣ-щенія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, — а порядокъ этотъ, какъ извѣстно, имѣетъ слишкомъ большое значеніе какъ матеріалъ для возможно-правильнаго изслѣдованія въ дѣлѣ

развитія писателя. Это тотъ біографическій матеріалъ, который можно назвать по преимуществу важнымъ, потому что онъ представляетъ намъ данныя для раскрытія внутренней, духовной дѣятельности человѣка въ ея постепенномъ процессѣ, даетъ средство не только опредѣлить, или по крайней-мѣрѣ съ достаточной вѣрностію заключать вообще о личности и стремленіяхъ писателя, о смѣнахъ этихъ стремленій и причинахъ этихъ смѣнъ, но и о томъ, чѣмъ писатель соприкасался съ общеою сферою идей и наклонностей своего времени и общества, принадлежалъ этой сферѣ; однимъ словомъ былъ, какъ говорится, «сынъ своего времени» и что должно быть, при основательной критикѣ, отнесено исключительно къ его личности, къ его самодѣятельности, въ частномъ, ограниченномъ смыслѣ слова, къ тому, что обусловливалось особенностями его природы, образованія и личнаго положенія въ извѣстномъ кругу людей и въ извѣстной мѣстности. Возьмемъ въ примѣръ проэктъ трагедіи или драмы «Родамистъ и Зенобія», который я въ этомъ отдѣлѣ помѣщаю первымъ, — къ какому времени, къ какой эпохѣ жизни и развитія Грибоѣдова отнести его мысль? «Что это?» — можетъ быть скажетъ читатель по прочтеніи этого проэкта, — «ничто въ родѣ, блаженной памяти, *разговора въ царствѣ мертвыхъ?*» — Во-первыхъ, воздержимся отъ такого опрометчиваго сужденія: остовъ — не живой организмъ, и по немъ нельзя судить о красотѣ тѣла, по которому струилась-бы теплая кровь, въ которомъ было-бы настоящее дыханіе жизни. Грибоѣдовъ могъ, пожалуй, записать проэктъ и «Горе отъ ума» такимъ образомъ, что никто въ этомъ проэктѣ не заподозрилъ-бы зародыша живой, народной комедіи. Но, пусть мысль этой проэктированной трагедіи относится къ тѣмъ временамъ и той сферѣ литературныхъ понятій и воззрѣній, которыя характеристически опредѣляются словами *«разговоръ въ царствѣ мертвыхъ»*, когда нисколько не было обязательнымъ для писателя то справедливое, уже въ позднѣйшее время строго сознанное, требованіе, основанное на точной идеѣ искусства, чтобы всякое произведеніе такъ-называемой изящной словесности ясно выражало свой вѣкъ и народъ, отличаясь типическими ихъ осо-

бенностями, чтобы лица его были лица живыя, а не «образы безъ лицъ,» не блѣдныя тѣни, — развѣ не важно было-бы опредѣлить: въ какомъ именно году своей жизни и за долго-ли до появленія «Горе отъ ума» ГрибоѢдовъ еще такъ сказать «вращался» въ этой сферѣ.

Первоначальная мысль «Родамиста и Зенобін» принадлежитъ Кребильону, но мысль эта совершенно измѣнена ГрибоѢдовымъ въ его проэктѣ трагедіи, такъ-что между трагедіей Кребильона и проэктомъ ГрибоѢдова остается общаго — только мѣсто дѣйствія, древняя Арменія, и нѣкоторыя собственныя имена.

Еще болѣе затрудненій къ какому-либо хронологическому указанію и повода къ очень основательному любопытству представляетъ собой проэктъ какого-то драматическаго сочиненія, помѣщаемый мною во второмъ номерѣ и лаконически названный мною по эпохѣ, къ которой онъ относится «къ 1812 году». Не возможно сказать что-либо определенное объ этомъ проэктѣ. Это какая-то трилогія, въ которую входитъ и чудесное, и мысли и показанія слишкомъ практическія.

За двумя этими проектами я помѣстилъ «частные случаи петербургскаго наводненія» (имя дано самимъ ГрибоѢдовымъ), относящіяся къ роду записокъ (мемуаровъ).

Отдѣлъ этотъ заключается собраніемъ всѣхъ стихотвореній, находящихся въ «Черновой».

I.

Родамистъ и Зенобія (147).

АКТЪ I.

Дебрь, лай, звукъ роговъ, громъ бубень. Нѣсколько охотниковъ, потомъ Родамистъ и за нимъ приближенный оруженосецъ Семпадъ, которому онъ довѣряетъ безпокойство души, алчущей великихъ дѣлъ и нынѣ принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и сервъ. Ему ненавистны и Фарасманъ, и Римляне, и Пары, но онъ сперва ополчится на сихъ, а Римъ страшень царю, едва твердому на собственномъ престолѣ. Велитъ пригласить къ себѣ посланца отъ римскихъ восточныхъ легионовъ, который тутъ-же тѣшится

охотою. Семпадъ идетъ, Родамистъ раскаивается, что былъ съ нимъ слишкомъ чистосердеченъ.

Является Касперій. Переговоры, хвастовство съ обѣихъ сторонъ. Римлянинъ кичится свободою и славою отечества, Родамистъ даетъ ему чувствовать, что то и другое живо только въ памяти, по преданіямъ. Римъ рабствуетъ и сила его оружія давно уже не испытана, власть царя восточнаго народа вѣрнѣе и чистосердечнѣе, — велитъ и любой изъ дружины его пожертвуетъ ему жизнью. Касперій не удивляется, упоминаетъ о Деціи и о многихъ другихъ опытахъ самопожертвованія, но для благороднѣйшей цѣли. — Родамистъ велитъ удалиться прочимъ, а Семпаду готовится къ бою съ тигромъ. Наединѣ съ Касперіемъ пытается подкупить его притворною пріязнью, корыстію, честолюбіемъ. Касперій непоколебимъ. Родамистъ отпускаетъ его прежде себя на зрѣлищѣ. Самъ остается одинъ и разсуждаетъ: къ чему такой человѣкъ, какъ Касперій, въ самовластной имперіи, — опасенъ правительству, и самъ себѣ бремя, ибо пнаго вѣка гражданинъ. — Кося! Кося! отправляется за Касперіемъ на ту же травлю.

2-я сцена въ царскомъ теремномъ саду. По восточному прямолинейная аллея чанаровъ, миндаляныхъ деревьевъ, которые все примыкаютъ къ большой пурпурной ставкѣ. Около нея главные чины въ раболѣпномъ ожиданіи властителя, — Ярвандъ, Мирванъ, Бахратъ, Аспрухъ, Армасиль и проч.

Аспрухъ сидящій, все около него стоятъ. Онъ Грузинъ, албанскаго происхожденія, взятъ въ плѣнъ Фарасманомъ, имъ вскормленъ, дрался противъ соотечественниковъ и тѣмъ гордится. Арфаксатъ первый по Родамистѣ, все передъ нимъ преклоняются; онъ кичится тѣмъ, что знаетъ только царево слово, которое ему вмѣсто совѣсти и славы. Толки о близкомъ возвращеніи царя съ охоты, объ отправленіи римскаго посла и о томъ, чтобы никто изъ жителей не имѣлъ сообщенія съ чужеземцами — Паробы они, или Римляне. Все соглашается на все, что онъ ни говоритъ, потому онъ уходитъ. Долго никто не смѣетъ сказать своего мнѣнія, наконецъ Армасиль, славный воинъ, воспитанный въ Римѣ, гдѣ онъ былъ при Митридатѣ, во время его заточе-

нiя, прерываетъ молчанiе и своею откровенностию и убѣжденiемъ невольно исторгаетъ у каждаго одно желанiе: смерть утѣснителя. Въ Бахратѣ, Ярвандѣ и Мирванѣ видны мелкiя страсти. Жалобы, что всѣ главнѣйшiя мѣста воинскiя и всѣ поборы поручены Грузинамъ, иноземцамъ. Одинъ жалуется, что уже не онъ орлоносець, котораго важное преимущество, но наслѣдственное, по закону Вагаршана, о которомъ всѣ вспоминаютъ съ энтузиазмомъ, какъ и съ превеличенною ненавистию къ нынѣшнему царю, — при вѣнчанiи царя на него возлагать корону; другой, что евнуху поручена царская сокровищница, которой онъ по наслѣдству былъ хранителемъ; третiй, что Аспрухъ первый въ довѣренности царя, когда, по роду и богатству ему принадлежитъ сей санъ. Иные даже попрекаютъ царю, что онъ воздерженъ съ женщинами, почти не имѣетъ наложницъ и въ пиршествахъ мало участвуетъ, что онъ болѣе похожъ на простолюдина, нежели на царя. Армасилъ упрекаетъ ихъ въ малодушiи. Въбѣгаетъ Ассюдъ, его остерегаются. Онъ объявляетъ о насильственной смерти брата, о мщении, которымъ пылаетъ за сiе злодѣйство противъ Родамиста. Армасилъ недоувѣрчивъ. — «Отъ чего-же ты равнодушиемъ его отбиваешь отъ нашего сообщества?» — «Онъ вскормленъ въ царедворцахъ, вчера еще дышалъ милостию царицы, нынѣ мгновенно возбужденъ противъ него однимъ внезапнымъ случаемъ, — но кто поручится: завтра не обратится-ли опять слабодушиемъ въ ревностнаго ласкателя?» — «Миѣ-ли, юношѣ, быть опынѣе васъ, старцевъ? Но, помните: не во множествѣ сила, когда дѣло правое, но въ испытанномъ, надежномъ, несомнѣнномъ мужествѣ участниковъ.» — Является юродивый, пророчить. Онъ нищiй скиталець, просить милостыню, или соглядатай царевъ? Притворно-ли проповѣдуетъ, или точно безумный? Но многiе, въ томъ числѣ Бахратъ, его знаютъ. Всѣ въ него вѣруютъ, онъ давно уже стяжалъ славу святости; пещера его въ утесѣ, на берегу Аракса. — Здѣсь онъ тайными словами изъ Зендавесты прорицаетъ успѣхъ заговорщикамъ. Сперва тоже нѣмъ, не отваживается говорить. Армасилъ: «я знаю отчего онъ нѣмствуетъ, — сей юноша, бывшiй ласкатель царевъ, ему заграждаетъ уста.»

Армасилъ убѣждаетъ ему вѣрить и онъ религіею истиннаго Армянина еще болѣе ихъ воспаляетъ къ скорбѣшему взрыву, назначаетъ имъ ночное, рѣшительное сходбище въ склепѣ царей армянскихъ. Заговорщики назначаютъ ночь къ тайному сходбищу въ капищѣ за южными воротами города. Потомъ пустынный исчезаетъ. Ассюдь удаляется съ разтерзаннымъ сердцемъ, что никто не принимаетъ участія къ его скорби. Онъ Армянинъ, но Армяне къ нему холоднѣе Иверовъ. — «Я дебри оглашу моими справедливыми проклятіями за жестокость царя къ несчастному брату.» — Цѣлый полкъ прислужниковъ, за ними Родамистъ. Аспрухъ всѣхъ раболѣпнѣе. — Противуположность аспруховой спѣси съ нисшими и униженія передъ властителемъ. — Родамистъ иныхъ даритъ дичью съ охоты, кому благоволеніе, кому грозный судъ, — Армасилу попрекъ, что не былъ на охотѣ. Говоритъ объ отъѣздѣ Римлянина, съ которымъ онъ заключилъ союзъ и въ мирѣ съ Парсами. Ждетъ отъ отца подкрѣпленія. Всѣ подъ его державою благоденствуютъ. «Тотъ день потерянъ, въ который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивыхъ. Идите, покойтесь въ мирныхъ семейственныхъ упражненіяхъ, но не дремлетъ царево око. Враговъ я имѣю и благодарю за нихъ Небо: они поощряютъ меня на безлѣнностную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги.»

АКТЪ II.

ЖЕНСКІЙ ТЕРЕМЪ.

Зенобія, Перизада и прочія прислужницы. Зенобія — дочь убіеннаго Родамистомъ Митридата, его дяди, но выданная замужъ еще прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственнаго наслажденія супруга, и потому Перизада напрасно хочетъ возбудить въ ней ненависть, желаніе мести, — страсти ея невинному сердцу вовсе чуждыя. Перизада ей напоминаетъ о удавленіи отца и кто его убійца, Зенобія едва этому вѣрить. Отца она мало впадала, почти не знала, мужъ ближе къ ея сердцу и ея долгъ его любить, угождать ему во всемъ и трепетать его гнѣва. Что пріобрѣтетъ она безплодною местию? Успѣхъ невѣроят-

тень, способы къ тому превыше женскихъ ея силъ. Но, если бы и удалось, — какое отъ того счастье? Перизада трогаетъ ея совѣсть гнѣвомъ небеснымъ (148). Зенобія впадаетъ въ грусть, Перизада предлагаетъ ей ворожбу для развлечения и святаго пустынножителя, который давно управляетъ ея собственнымъ суевѣріемъ. Его вводятъ сѣнныя дѣвушки потаенно. Онъ еще болѣе подкрѣпляетъ слова Перизады. Наконецъ Зенобія совершенно разстроена его таинственными прощаніями. Онъ съ нея беретъ слово, что она ночью, въ сопровожденіи Перизады, придетъ въ капище внѣ города, гдѣ склепъ царей армянскихъ, и мертвыхъ зоветъ во свидѣтели что тамъ откроетъ ей тайну, отъ которой зависить будущее безмятежное теченіе ея жизни. Зенобія говоритъ ему, что Родамистъ всѣмъ любимъ и злодѣямъ страшенъ; кто покусится возстать противъ него. Юродивый пустышникъ увѣряетъ ее въ противномъ.

Евнухъ возвѣщаетъ приходъ Родамиста. Пустышникъ скрытъ толпою женщинъ. Сцена Родамиста съ Зенобією на-единѣ: она печальна; воспоминанія, которыми ей сейчасъ возмутили душу, препятствуютъ ей предаться иному чувству. Родамистъ недоволенъ ею, подозрѣваетъ въ ней притворство, нелюбовь. Ни въ комъ не увѣренный, окруженный трепещущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами... неужли въ лонѣ супружеской любви нѣтъ ему успокоенія!! Оставляетъ ее разстроенную и самъ въ волненіи.

Бахратъ входитъ съ Ассюдомъ, который уже включенъ совершенно въ тайное умышленіе противъ Родамиста. Армасилъ скорбитъ при самомъ Ассюдѣ о сей неосторожности. Ассюдь горитъ нетерпѣніемъ отомстить царю, Армасилъ объ одномъ его проситъ, — о совершенномъ бездѣйствіи и о скромномъ сохраненіи тайны. Ассюдь общаетъ болѣе: онъ на себя беретъ убить царя. Армасилъ всѣмъ въ свѣтѣ закликаетъ его не предаваться сему нетерпѣнію, что онъ прочихъ тѣмъ губитъ, не совершивъ ничего; наконецъ говоритъ, что ихъ дѣло слишкомъ зрѣло, еще нѣсколько мгновеній и кто пору-

чится, что они не будутъ преданы — участниковъ слишкомъ много, въ которыхъ онъ не увѣренъ, и потому надобна рѣшимость; послѣднее слово — сходбище ночью и потомъ за оружiе. (NB. Характеръ Армасила самый основательный: онъ не скоръ, но твердъ въ поступкахъ и болѣе молчаливъ; опасность его не пугаетъ, но неосторожности не проститъ себѣ. Въ 3-мъ дѣйствии совершенное развитiе его характера, которому Ассюдь во всемъ противоположенъ). Нѣкоторые изъ заговорщиковъ присоединяются къ сей бесѣдѣ. Вообще надобно замѣтить, что народъ не имѣетъ участiя въ ихъ дѣлѣ, — онъ будто не существуетъ. Въ 3-мъ уже дѣйствии возмущенiе дѣлается народнымъ, но совсѣмъ не по тѣмъ причинамъ, которыми движимы вельможи: возставъ сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищенiями у гражданъ женъ и имущества возстановляетъ ихъ противъ себя.

Аспрухъ велитъ черезъ свнуха, чтобы всѣ удалились; ему повинуются. Входитъ Родамистъ, нѣсколько словъ съ Аспрухомъ о порядкѣ дружины. Аспрухъ доноситъ о содружествѣ между собою многихъ сомнительныхъ царедворцевъ, Ярванда, Бахрата и проч. Родамистъ презираетъ слишкомъ людей, чтобы отъ нихъ бояться чего-нибудь важнаго. Онъ желаетъ какого-нибудь важнаго происшествiя, чтобы въ полной мѣрѣ предаться своей дѣятельности, измѣрить себя, людей и силу обстоятельствъ, на сколько онъ ихъ превысить можетъ, — враги нужны великому человѣку. Но скрытно и прилежно велитъ за ними наблюдать, при первомъ двусмысленномъ движенiи донести ему вновь; если требуется спѣха, — схватить ихъ безъ доклада ему и ввергнуть въ оковы; если опасность неминуема, — безъ изслѣдованiя предать смерти. Отпускаетъ Аспруха съ свнухомъ; нѣсколько словъ о Зелобин, о гаремѣ; свнуху поручаетъ на счетъ женщинъ, какъ Аспруху о вельможахъ. Родамистъ одинъ. Смутное предчувствiе, недоволенiе своимъ положенiемъ.

Но, кто этотъ, бродитъ округъ ставки, въ часы царскаго отдохновенiя, когда никто сюда не смѣетъ приближаться?

Боязливъ, озирается.... Родамисть готовится къ оборонѣ, но дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ скрытнаго врага. Ассюдь сперва медленно подступаетъ, потомъ устремляется на царя, обезоруженъ имъ и раненъ въ руку.

Проекъ сочиненія не конченъ, но въ одномъ мѣстѣ этихъ двухъ съ половиною листовъ, на которыхъ онъ записанъ, находятся слѣдующія двѣ краткія, бѣглыя замѣтки, нѣсколько поясняющія то, какъ должно было идти дѣло въ дальнѣйшемъ его развитіи:

Во 2-мъ, Ассюдь хочетъ заколотъ Родамиста, тотъ удерживаетъ его, притворное соучастіе, выманиваетъ у него тайну, потомъ свирѣпствуетъ. Въ 3-мъ заговорщики ссорятся о будущей власти, въ эту минуту устремляется на нихъ Родамисть. —

И только. Все это, конечно, поясняетъ дѣло очень-мало, вислолько не раскрывая ни правильнаго теченія драмы, ни того, какъ она должна была завершиться, при участіи главнаго, выѣстѣ съ Родамистомъ, дѣйствующаго лица — Зенобіи.

Цѣль, сущность и самый характеръ драмы, однимъ словомъ то, что должно было составлять ее настоящую жизнь, со всѣми самостоятельными особенностями этой жизни, — все это для насъ потеряно.

II.

Къ 1812 году.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска, народныя черты, приѣздъ Государя, обозъ раненныхъ, рассказъ о битвѣ Бородинской. М* съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера.

Соборъ Архангельскій.

Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ — Святослава, Владиміра

Мономаха, Иоанна, Петра и проч., изъ разныхъ стихій сложенныхъ и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ-будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ ихъ смерти были участниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у нихъ память о томъ, что было съ ними за предѣлами сей жизни и гдѣ были и откуда нынѣ вновь призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годинѣ искушенія для Россіи, если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбуждаютъ въ нихъ огонь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются, герои поднимаются выспрь и исчезаютъ.

Теремъ царей въ Кремль.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н* одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе — или нѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семь народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, правовъ. Самъ себѣ преданный, — что-бы онъ могъ произвести?

отдѣленіе 2.

Галлерей въ домъ Познякова.

Входятъ офицеръ R. изъ приближенныхъ къ Наполеону, (см. сц. 3-я, 1-го отд.), исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдѣлый воинъ съ горькимъ предчувствіемъ опытности остерегаетъ на счетъ будущихъ бѣдствій. Ему не вѣрятъ. Хохотъ. Изъ театра несутся звуки плеска и отголоски веселыхъ пѣсень. Между-тѣмъ зарево обнимаетъ повременшо окна галлерей; болѣе-и-болѣе устрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня.

Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ. — R* и M* въ разныхъ случаяхъ.

Село подъ Москвой.

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства — выставлена или нѣтъ, какъ случится).

ОТДѢЛЕНІЕ 3.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятели и ужасныхъ смертей. Истязаніе R* и посѣдѣлаго воина. Сей юноша показываетъ примѣръ и оба умирають героями. Подвиги M*. Множество другихъ сценъ.

эпилогъ.

В п л я н а.

Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. M* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Село или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. M* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяшіе,..... самоубійство.

III.

Частные случаи петербургскаго наводненія.

Я проснулся за часъ передъ полднемъ; говорятъ, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили съ крѣпости, затопила всю нашу Коломну. Подхожу къ окошку и вижу быстрый протокъ; волны пришибаютъ къ возвышеннымъ троттуарамъ; скоро ихъ захлеснуло; еще нѣсколько минутъ и черные пристѣнные столбики исчезли въ грозной новорожденной рѣкѣ. Она посекундно прибывала. Я закричалъ, чтобы выносили что поужитѣ въ верхнія жилья (это было на Торговой, въ домѣ В. В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до насъ нескоро дойдетъ; бѣгаю, распоряжаю — и вотъ уже изъ-подъ полу выступаютъ ручки, въ одно мгновеніе всѣ мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, въ приспѣшную, которая на полтора аршина выше остальныхъ покоевъ; еще полчаса и туда воды со всѣхъ сторонъ нахлынули, люди съ частію вещей перебрались на чердакъ, самъ я нашелъ убѣжище во 2-мъ ярусѣ, у N. П. — Его снокойствіе меня не обмануло: отцу семейства не хотѣлось показать домашнимъ,

чего надлежало страшиться отъ свирѣпой, безошадной стихіи. Въ окна видѣ ужасный: гдѣ за-часъ пролегла оживленная, проѣзжая улица, катились ярыя волны съ ревомъ и съ пѣною, вихри не умолкали. Къ театральной площади, отъ конца Торговой и со взморья горизонтъ примѣтно понижается; оттуда бугры и холмы одишь на другомъ ложился въ видѣ неудержимаго водоската.

* * *

Свирѣпыя вѣтры дули прямо по протяженію улицы, порывомъ копъ скоро воздымается бурная рѣка. Она мгновенно мелкимъ дождемъ прыщеть въ воздухѣ, и выше рстетъ и быстрѣе мчтся. Между-тѣмъ, въ людяхъ мертвое молчаніе; конопать и двойныя рамы не допускаютъ слышать дальнихъ отголосковъ, а вблизи ни одного звука ежедневнаго человѣческаго; ни одна лодка не появилась, чтобы воскресить упавшую надежду. Первая — гобвахта какая-то, сорванная съ мѣста, пронеслась къ Кашину мосту, который тоже былъ сломленъ и опрокинутъ; лошадь съ дрожками долго боролась съ смертію, наконецъ уступила напору и увлечена была изъ виду вонъ; потомъ поплыли безпрерывно связи, отломки отъ строеній, дрова, бревна и доски отъ судовъ-ли разбитыхъ, отъ домовъ-ли разрушенныхъ, различить было невозможно. Видѣ стѣсненъ былъ противустоящими домами; я черезъ смежную квартиру П. побѣжалъ и взобрался подъ самую кровлю, раскрылъ всѣ слуховыя окны. Вѣтеръ сильнѣйшій и въ напорамѣ пространное зрѣлище бѣдствій. Съ правой стороны, (стоя задомъ къ Торговой), поперечный рукавъ на мѣсто улицы между Офицерской и Торговой; далѣе часть площади въ видѣ широкаго залява, прямо и слѣва Офицерская и Англійскій проспектъ и множество перекрестковъ, гдѣ водоворотъ сносилъ громады мостовыхъ развалинъ; онѣ плотно спирались, ихъ съ тротуаровъ вскорѣ отбивало; въ самой отдаленности хаосъ, океанъ, смутное смѣшеніе хлябей, которыя отсюду обтекали видимую часть города, а въ сосѣднихъ дворахъ примѣчала я, какъ вода пристунала къ дровянымъ запасамъ, разбирала по частямъ, по кускамъ и ихъ и бочки, ушаты, повозки и уносила въ общую пучину, гдѣ вѣтры не давали имъ за-

пужать каналы, все, изломанное въ щепки, несло, влеклось неустойчивымъ, неотразимымъ стремленіемъ. Гибнущихъ людей я не видалъ, но, сошедши нѣсколько ступеней, узналъ, что пятнадцать дѣтей, цѣпляясь, перелѣзали по кровлямъ и еще неопрокинутымъ загородамъ, спаслись въ людскую, къ хозяйку дома, въ форточку, также одна (149), которая на этотъ разъ одарена была необыкновенною упругостію членовъ. Все это осиротѣло. Гдѣ отцы ихъ, матери!! Возвратясь въ залу къ С., я уже нашелъ, по сравненію съ прежнимъ наблюденіемъ, что вода нижніе этажи нынѣ совершенно заняла, а въ другихъ подвѣлась до вторыхъ косяковъ 3-хъ стекольныхъ большихъ окончинъ, вообще до 4-хъ аршинъ отъ уличной поверхности. Былъ третій часъ пополудни; погода не угасала, но иногда солнце освѣщало влажное пространство, потомъ снова повлеклось тучами. Между-тѣмъ вода съ четверть часа остановилась на той-же высотѣ, вдали появились два катера, наконецъ волны улеглись и потопъ не далѣе простеръ смерть и опустошеніе; вода начала сбывать.

* * *

Между-тѣмъ (и это узнали мы послѣ), сама Нева противъ дворца и адмиралтейства горами скопившихся водъ сдвинула и расчленила огромные мосты Исакіевскій, Троицкій и ные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда гибли и съ ними люди, нынѣ истощавшіе послѣднія силы поверхъ зыбей, другіе на деревьяхъ бульвара висѣли надъ клокочущей бездною. Въ эту роковую минуту государь явился на балконѣ. Изъ окружавшихъ его одинъ сбросилъ съ себя мундиръ, сбѣжалъ въ-низъ, погорло вошелъ въ воду, потомъ на катерѣ поплылъ спасать несчастныхъ. Это былъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Онъ многихъ избавилъ отъ потопленія, но скорѣе исчезъ изъ виду и во весь этотъ день о немъ не было вѣсти. Графъ Милорадовичъ въ началѣ наводненія пронесся къ Екатерингофу, но его по утру не было и колеса его кареты, какъ парходныя крылья, рыли бездну и онъ едва могъ добраться до дворца, откуда, взявши катеръ, спасъ нѣсколькихъ.

* * *

Все, по-сю-сторону Фонтанки до Литейной и Владимірской, было наводнено. Невскій преспектъ превращенъ былъ въ бурный проливъ; всё запасы въ подвалахъ погибли; изъ нижнихъ магазиновъ выписныя издѣлья быстро поплыли къ Аничкову мосту; набережныя различныхъ каналовъ исчезали и всё каналы соединились въ одно. Столѣтнія деревья въ Лѣтнемъ-саду лежали грядми, исторгнутые, въ-верхъ корнями. Ограда Ломбарда на Мѣщанской и другія, кирпичныя и деревянныя, подмытыя въ основаніи обрушивались съ трескомъ и грохотомъ.

* * *

На другой день поутру я пошелъ осматривать слѣдствія стихійнаго разрушенія. Кашиный и Поцѣлуевъ мосты были сдвинуты съ мѣста. Я повернулъ вдоль Пряжки. Набережные желѣзные перилы и гранитныя пиластры лежали лоскомъ. Храповицкій отторгнуть отъ мостовыхъ укрѣпленій, неспособный къ проѣзду. Я перешелъ черезъ него и возлѣ дома графини Бобринской, среди улицы очутился мостъ съ Галернаго канала; на большой Галерной раздутые трупы коровъ и лошадей. Я воротился опять къ Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ея изрытой набережной, дошелъ до другого моста, который наканунѣ отправило вдоль по Офицерской. Бертовъ мостъ тоже исчезъ. По пловучему лѣсу и по наваленнымъ полѣнамъ, погружаясь въ воду то одной ногою, то другою, добрался я до Матиловыхъ тоней. Видѣть открытъ былъ на Васильевскій островъ. Тутъ, въ окрестности, не существовало уже нѣсколькихъ сотъ домовъ; одинъ, и то безобразная груда, въ которой фундаментъ и крыша все было перемѣшано; я подивился какъ и это уцѣлѣло. — Это не здѣшніе; отсюда строенія Богъ вѣдастъ куда унесло, а это прибыло сюда съ Ивановской гавани. — Между тѣмъ подошло нѣсколько любопытныхъ; иные, завлеченные сильнымъ спиртовымъ запахомъ, начали разбирать кровельныя доски; подъ ними скотъ домашній и люди мертвые и всякія вещи. Далѣе нельзя было идти по развалинамъ; я приговорилъ яликъ и пустился въ Неву; мы поплыли въ Галерную гавань; но сильный вѣтеръ прибилъ меня къ Сальнымъ-буянамъ, гдѣ, на возвышенномъ гранитномъ берегу,

стояло двухъ - мачтовое чухонское судно, необыкновенной сиюю такъ высоко взмощенное; кругомъ поврежденныя огромныя суда, издалика туда заброшенныя. Я взобрался вверхъ; тутъ огромное кирпичное зданіе, вся его лицевая сторона была въ нѣсколькихъ мѣстахъ проломлена, какъ-бы десяткомъ стѣнобитныхъ орудій; бочки съ саломъ разметало повсюду; у ногъ мохъ черепки, луковица, капуста и толстая связанная кипа бумагъ съ надписью: «№ 16. Февр. 20. Дѣла казенныя.»

* * *

Возвращаясь по Мясной, во второмъ домѣ отъ Екатерингофскаго проспекта заглянулъ я въ нижнія окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трехъ столахъ. Я вошелъ во внутренній дворъ, — ни души живой. Проникнулъ въ тотъ покой, гдѣ были усопшіе, раскрылъ лица двоихъ; пожилая женщина и дѣвочка съ открытыми глазами, съ оскалѣнными бѣлыми зубами; ни малѣйшаго признака насильственной смерти. До третьяго тѣла я немогъ добраться отъ ужаснѣйшей напосной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленниковъ, или скончавшихся иною смертію. На Торговой, недалеко отъ моей квартиры, стоялъ пароходъ на сушѣ.

Необыкновенныя событія придають духу сильную внѣшнюю дѣятельность; я не могъ оставаться на мѣстѣ и поѣхалъ на Англійскую набережную. Большая часть ея загромождена была частями развалившихся судовъ и ихъ груза. На дрожкахъ нельзя было пробраться; перешедъ съ половиною версты, я воротился; видъ столькихъ различныхъ предметовъ, беспорядочно разметанныхъ, становился однообразнымъ; по всюду странная смѣсь раздробленныхъ.... (150)

* * *

Я наскоро собралъ нѣкоторыя черты, поразившія меня наиболѣе въ картинѣ гнѣва разсвирѣпѣвшей природы и гибели человѣковъ. Тутъ не было мѣста ни краскамъ витійственности, отъ разсужденій я также воздерживался: дать имъ волю, значило-бы поставить собственную личность на мѣсто великаго событія. Другіе могутъ добавить несовершенство моего сказанія тѣмъ, что сами знаютъ, г-да Гречь и Булга-

рингъ берутся его дополнить всѣмъ, что окажется истинно замѣчательнымъ при второмъ изданіи этой тетрадки, если первое скоро разоидется и меня здѣсь уже не будетъ.

* * *

Теперь прошло нѣсколько времени со дня грознаго происшествія. Рѣка возвратилась въ предписанные ей предѣлы; душевныя силы не такъ скоро могутъ придти въ спокойное равновѣсіе. Но бѣдствія народа уже получаютъ возможное уврачеваніе; впечатлѣнія ужаса мало-по-малу ослабѣваютъ и я на семь останавливаюсь. Въ общественныхъ скорбяхъ утѣшенъ мыслю, что посредствомъ сихъ листковъ друзья мои въ отдаленной Грузіи узнаютъ о моемъ сохраненіи въ минувшей опасности и гдѣ нынѣ нахожусь и чему былъ очевидцемъ.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

«Черновая» тетрадь Грибоѣдова начинается небольшою поэмою «Кальянчи», которую я не привожу здѣсь потому, что она была уже нѣсколько разъ напечатана.

Что касается до другихъ, находящихся въ «Черновой», стихотвореній, то ихъ невозможно размѣстить въ строгомъ, безукоризненномъ хронологическомъ порядкѣ по недостатку, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ большинству изъ нихъ, прямыхъ хронологическихъ указаній. Во-всякомъ-случаѣ, я приведу все то, что мнѣ о времени написанія Грибоѣдовыми стихотвореній извѣстно или что я въ этомъ отношеніи предполагаю о нихъ на основаніи какихъ-либо, болѣе или менѣе уважительныхъ, данныхъ. Это-то и послужило мнѣ руководствомъ къ размѣщенію ихъ въ томъ порядкѣ, какой здѣсь принятъ.

Въ «Черновой» тетради Грибоѣдова находятся шесть стиховъ, — конечно начало какого-нибудь лирическаго стихотворенія, идея котораго взята изъ родной намъ сферы нашихъ повѣрій, или правильнѣе — суевѣрій.

Я помѣщаю это стихотвореніе, или правильнѣе, начало

стихотворенія, первымъ, потому что нельзя опредѣлить, къ какому именно оно относится году.

ДОМОВОЙ.

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
 Спать ложиться заканвались:
 Больно тревожить насъ дѣдь-непосѣдъ,
 Зла творить много и множество бѣдъ,
 Ступней топочеть, столами ворочить,
 Душить, навалится, щиплетъ, щекочить.

Продолженія не было: за этими шестью стихами — цѣлая бѣлая четвертка бумаги.

Стихотвореніе «Прости Отечество» я отношу ко времени перваго выѣзда Грибоѣдова изъ Россіи, то есть къ 1819 году и, конечно, не потому, что листокъ, на которомъ оно написано, переплетенъ въ «Черновой» между листами путеваго, въ 1819 году веденнаго, дневника отъ Тифлиса до Тагерана, но потому, что Грибоѣдовъ въ это время чрезвычайно тосковалъ по родицѣ, покинутой почти-что насильно, вслѣдствіе одной только служебной необходимости и писалъ съ дороги: къ С. Н. Бѣгичеву: «нѣтъ, я не путешественникъ!» и проч., что было видно въ 1-мъ отдѣлѣ этѣхъ статей. Стихотвореніе это представляетъ собою собственно не прощаніе съ родиной, а рядъ грустныхъ, можно сказать мрачныхъ, размышленій, брошенныхъ на бумагу въ совершенно вольной, безыскусственной, неотдѣланной формѣ.

ПРОСТИ ОТЕЧЕСТВО!

Не наслажденье жизнь цѣль,
 Не утѣшенье наша жизнь!
 О, не обманывайся, сердце!
 О, призраки, — не увлекайте!...
 Насъ цѣпь утрюмыхъ должностей
 Опутываетъ неразрывно;
 Когда же въ уголокъ проникъ
 Свѣтъ счастья на единый мигъ...
 Какъ неожиданно, какъ дивно!...
 Но скоро бросишь кисть и прочь
 Бѣжишь отъ радужной палитры!

Мы молоды и вѣримъ въ рай
 И гонимся и вслѣдъ и вдаль
 За слабо брежжущимъ видѣньемъ...
 Пойдите!... Нѣтъ его, угасло!
 Обмануты, утомлены...
 И что-жь съ-тѣхъ-поръ? Мы мудры стали,
 ногой отмѣрили пять стопъ,
 Соорудили темный гробъ
 И въ немъ живыхъ себя заклали.

Премудрость! Вотъ урокъ ея:
 Чужихъ законовъ несть ярмо,
 Свободу схоронить въ могилу,
 Не вѣрить въ собственную силу,
 Отвагу, дружбу, честь, любовь.
 Займемся былью стародавней,
 Какъ люди весело шли въ бой,
 Когда плѣняю ихъ собой
 Чтò такъ обманчиво и славно.

Вотъ стихотвореніе, которое принадлежит не иначе, какъ ко времени знакомства Грибоѣдова съ нашимъ юго-востокомъ: оно, очевидно, навѣяно его природой и впечатлѣніями; да и кромѣ того, стихъ «Тамъ, гдѣ вьется Алазань» (главная рѣка Кахетин) и весь второй куплетъ такъ ясно указываютъ на мѣстность, на которой такъ-сказать выросло, возникло это стихотвореніе, что сомнѣнія на этотъ разъ не можетъ быть никакого. Стало-быть, это стихотвореніе не старше 1822 года, весной котораго Грибоѣдовъ покинулъ Персію для Грузіи и Кавказа.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ.

Дугъ шелковый, мирный гѣсъ!
 Сквозь колеблемые своды
 Ясная лазурь небесъ!
 Тихо плещущія воды!
 Миѣ-ль возвращены назадъ
 Всѣ очарованья ваши?
 Снова-ль черпаю изъ чаши
 Нескудѣющихъ отрадъ?

Будто сладостно-душистый
 Въ воздухъ пролилась струя;
 Снова упиваюсь я
 Вольностью и нѣгой чистой.
 Но, гдѣ другъ?... но, я одинъ!...
 Но, давно-ль, какъ привидѣнье,
 Предстоятъ очамъ моимъ
 Вѣстникъ зла? Я мчался съ нимъ
 Въ дальній край на заточенье.
 Окрестъ дикія мѣста,
 Сябгъ пушился подъ ногами,
 Горемъ скованы уста,
 Руки тяжкими цѣпями.

Тамъ, гдѣ вьется Алазань,
 Вѣетъ нѣга и прохлада,
 Гдѣ въ садахъ собираютъ дань
 Пурпурнаго винограда,
 Свѣтло свѣтитъ лучъ дневной,
 Рано ищутъ, любятъ друга...
 Ты знакомъ-ли съ той страной,
 Гдѣ земля не знаетъ плуга,
 Вѣчно-юная блеститъ
 Пышно яркими цвѣтами
 И садителя даритъ
 Золотистыми плодами?...
 Странникъ, знаешь-ли любовь,
 Не подругу снамъ покойнымъ,
 Страшную подъ небомъ знойнымъ?
 Какъ пылаетъ ею кровь?
 Ей живуть и ею дышать,
 Страждутъ и падутъ въ бояхъ
 Съ ней въ душѣ и на устахъ.
 Такъ Самумы съ юга пышать,
 Рассказяютъ степь...
 Что судьба, разлука, смерть!...

Между страницами отрывокъ изъ «Грузинской Ночи» за-
 нѣшались два листка, не только къ этой трагедіи не прина-
 дежащіе, но и ни съ чѣмъ, составляющимъ «Черную» Гри-

боѣдова, не связанные. Это разговоръ какихъ-то двухъ *половецкихъ мужей*, воспоминающихъ свои прежніе, молодые годы. Въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы рѣшить что это такое именно: отрывокъ-ли изъ какого-нибудь драматическаго сочиненія *существовашаго*, но почему-либо утраченнаго, или только отдѣльная, набросанная на бумагу, часть драматическаго сочиненія *задуманнаго*, но никогда не приведеннаго въ исполненіе. Какъ-бы то ни было, но эти два листка представились мнѣ какъ предметъ отдѣльный, особенный и я не придумалъ лучшаго имъ имени, какъ назвавши ихъ просто —

ТРИ МОНОЛОГА.

СЕРЧАКЪ.

Ты помнишь-ли, какъ мы съ тобой, Итляръ,
 На поиски счастливые дерзали,
 Съ коней три дня, три ночи не слѣзали,
 Имъ тяжело: градомъ потъ и клубомъ паръ,
 А мы на нихъ — то вихрями въ пустынь,
 То вплавь по быстринамъ сердитыхъ рѣкъ...
 Кручины, горя не было во вѣкъ
 И мощь руки не та была, что нынѣ.
 Зачѣмъ старѣютъ люди и живутъ,
 Когда по жиламъ кровь едва струнтел!
 Когда подъять безсильны ратный трудъ
 И темя ихъ свѣгами убѣлится!
 Смотри на степь, — что день, то шумный бой,
 Духъ вѣтренный, другаго превозмогшій,
 И самъ гонимъ... сшибутся межъ собой
 И завиваютъ пыль и злакъ изсохшій:
 Такъ человѣкъ рожденъ гонять врага,
 Настичь, убить или запереть арканомъ.
 Кто на путяхъ не рыщетъ алчнымъ враномъ,
 Кому уже конь прыткій не слуга,
 Въ осенней мглѣ, съ дрожаньемъ молодецкимъ,
 Онъ, притаясь, добычи не блюдетъ, —
 Тотъ лягъ въ сыру землю: онъ не живеть!
 Не называйся сыномъ Половецкимъ!

Итляръ.

Мы дряхлы, другъ, но ожили въ сынахъ,
 И отроки у насъ для битвы зрѣлы.

Не праздниъ лукъ, — натянуть въ ихъ рукахъ.
 Не даромъ мещутъ копья, сыплютъ стрѣлы.
 Давно-ль они несчетный ловъ въ полонъ
 Добыли намъ цѣною лютыхъ браней,
 Блестящихъ сбруй и разноцвѣтныхъ тканей,
 И тучныхъ стадъ, и бѣлолицыхъ женъ.
 О, плачься, Русь богатая! Бываю,
 Ея полки и въ нашихъ рубежахъ
 Корысть дѣлятъ. Теперь не то настало!
 Огни ночной порою въ камышахъ
 Не такъ разлитымъ заревомъ пугають,
 Какъ пламя русскихъ селъ, — еще пылають
 По берегамъ Трубежа и Десны...
 Тамъ бранные пожары засвѣчаютъ
 Въ честь намъ, отцамъ, любезные сыны.

СЕРЧАКЪ.

Въ твоихъ сынахъ твой духъ отцовскій виѣдренъ!
 Гордись, Итляръ! Тебя ихъ мужественный видъ,
 Какъ въ зпмній день лучъ солнечный, живить.
 Я отъ небесъ лишь дочерью ущедренъ
 И тою счастливъ... Вѣрь, когда съ утра
 Зову ее и къ груди прижимаю, —
 Всю тяжесть лѣтъ съ согбенныхъ плечь стрясаю.
 Но ей отбыть изъ отчаго шатра:
 Наступитъ день, когда пришельцу руку
 Должна подать на брачное житье;
 Душей скорбя, я провожу ее,
 И, можетъ-быть, на вѣчную разлуку...
 Тогда приди всѣмъ людямъ общій рокъ!
 Закройтесь очи — не въ смѣхъ чадъ милыхъ...
 Наѣздникъ горькій: ветхъ и одинокъ,
 Я доживу остатокъ дней постылыхъ!
 Гдѣ лягутъ кости? Въ землю ихъ вселятъ
 Чужія руки, свѣжій дернъ настелятъ,
 Чужіе межъ собой броню, булатъ
 И все мое завѣтное раздѣлятъ!...

Въ «Черновой» есть еще одинъ драматическій отрывокъ,
 о которомъ, также, какъ и о предъидущемъ, невозможно въ
 настоящее время рѣшить: какому именно принадлежитъ онъ

сочиненію — исполненному или только задуманному. Содержаніе его взято изъ событій 1812 года.

Что касается до времени, въ которое онъ написанъ Грибоѣдовымъ, то я могу положительно удостовѣрить, что онъ не можетъ быть старше 1822 года: въ просвѣтъ бумаги я очень ясно увидалъ годъ ея фабрикаціи — 1822-ой.

Этотъ отрывокъ я называлъ —

ОТЕЦЪ и ДОЧЬ.

ПЕТРЪ Ан.

Дитя мое любезное, Надежда!
 Оставь шитье, узоры кружевные:
 Не выражать тебѣ красы своей
 На свѣтлыхъ праздникахъ. Не выѣзжать
 Съ боярами, князьями. Было время
 Ласкають и манятъ тебя съ собой
 И мчатъ въ богато-убранной каретѣ.
 А нынѣ знать, вельможи, — гдѣ они?...
 Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купели?
 Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
 Ихъ пышные хоромы опустѣли.
 Когда слыла веселою Москва,
 Они роились въ ней. Палаты ихъ
 Блистали разноцвѣтными огнями..
 Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
 Безсчастныя разсыпалися дѣти,
 Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,
 Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ
 И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
 Ты изъ житья роскошнаго обратно
 Въ убогій домъ отцовскій отдана,
 А мнѣ куда съ тобой?... Куда укрыться?
 И если-бъ могъ бѣжать отселъ я,
 Нѣтъ! Нѣтъ!... Не оторвался-бъ отъ тебя,
 О мать наша, мать Россіи всей,
 Кормилица моя, моихъ дѣтей!
 Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
 Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Надежда,
 Гроза надъ нами носится, — потерпимъ,
 И съ вѣрою вдадимся той судьбѣ,
 Которую Господь намъ уготовилъ.

Грустна, грустна!.. О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

НАТАША.

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора... *(Рыдаетъ.)*

ПЕТРЪ АН.

И тѣ-ли времена? О братъ что-ли?
Нашъ Алексѣй... Даруй ему Господь
Со славой устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердить, — онъ будетъ живъ.

НАТАША.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ.
(Рыдаетъ пуце пресжляю.)

ПЕТРЪ АН.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя, — и для тебя
Отраднago я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно, — посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало, посѣтишь и ты меня, отца,
Обнимешь, все осмотришь... Уголь мой
На полгода весельемъ просвѣтится..
А нынѣ вмѣстѣ мы и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожилъ!..
(Растворяетъ окно.)

«Для открытія новаго театра въ Москвѣ осенью 1823 года» — говоритъ С. П. Бѣгичевъ въ своей біографической запискѣ о Грибоѣдовѣ — «онъ располагалъ написать прологъ въ двухъ актахъ, подъ названіемъ *Юность Влццого*. — При поднятіи занавѣсы юноша-рыбакъ Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ, — сначала разныя волшебныя явленія, потомъ Музъ, которыя его призываютъ и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величіи. Онъ просыпается въ какомъ-то очарованіи, сонъ этотъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ и на необитаемомъ островѣ, куда онъ съ прочими рыбаками отправился за рыбнымъ промысломъ. Душа его получила жажду познанія, чего-то высшаго, имъ невидимаго — и онъ убѣ-

гаеть изъ отческаго дома. — При открытіи занавѣсы во 2-мъ актѣ Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной-площади. Далѣе я не помню.... Пролога онъ написать не успѣлъ, а театръ открылся.»

Все это безъ «Черновой» осталось-бы однимъ простымъ указаніемъ; она сохранила намъ по-крайней-мѣрѣ хоть часть, отрывокъ этого пролога, который замышлялъ Грибоѣдовъ.

Отрывокъ этотъ существуетъ въ «Черновой» въ двухъ экземплярахъ: въ-черпѣ (въ началѣ тетради) и перебѣленный Грибоѣдовымъ (въ самомъ концѣ ея). Я не упомянулъ-бы объ этомъ обстоятельстве, если-бы въ концѣ черноваго экземпляра не сохранилось нѣсколькихъ строкъ, состоящихъ изъ однихъ, лаконически выраженныхъ, лаконически «поставленныхъ» — если можно такъ сказать — словъ (какъ это иногда дѣлывалъ Пушкинъ), которыя все-таки составляютъ конспектъ сочиненія, хотя нѣсколько, до извѣстной границы обличающій намъ мысль его автора.

ЮНОСТЬ ВЪЩАГО.

(Куростровъ. Ищутъ Михаила. Находятъ его. Ночь передъ отплытіемъ въ дальній путь.)

Орелъ, едва лишь пухомъ оперенный,
 Едва въ себѣ почуялъ дерзость силъ,
 Разсѣкъ эфиръ, съ размаху воспарилъ;
 Хоръ птицъ, его явленьемъ изумленный,
 Неспорный крикъ ему на встрѣчу шлетъ.
 Нѣтъ! Дерзость тѣхъ очей и тотъ полетъ
 Не зреть себѣ ни равныхъ, ни преслушныхъ
 И властвуетъ въ селеньяхъ онъ воздушныхъ.
 Не такъ между людьми: ахъ! отъ пленъ
 Томится сколько лѣтъ ревнитель славы!
 Еще томится возмужалый онъ,
 Отверженъ и не признавъ, угнетенъ....
 Судьба! О, какъ тверды твои уставы!
 Великимъ средъ Австраліи зыбей,
 Иль въ сѣвера-снѣгахъ, вездѣ одно-ли
 Присуждено? — Искать желанной доли,
 Путемъ вражды, препятствій и скорбей!
 И тотъ пѣвецъ, кому никто не смѣетъ

Во слѣдъ ступить изъ бардовъ снѣгъ времятъ,
 Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣтъ,
 Онъ отрокомъ, безвѣстенъ и презрѣтъ,
 Сынъ рыбака, чудовищъ земноводныхъ
 Ловитвой жилъ; въ пучинахъ ледяныхъ,
 Душей алкая странъ и дѣтъ иныхъ,
 Изнемогатъ въ усиліяхъ безплодныхъ!..

Океанъ, пустынный островъ. Любопытство юноши.

Скорбь отца. Вновь отъѣздъ.

Нелюбовь.

Соловцы. Невѣдомый мужъ, богомолецъ. Вѣсть о вечернихъ странахъ.

Возвращеніе домой. Побѣгъ. Тотъ-же таинственный спутникъ.

Находящееся въ «Черновой» стихотвореніе съ надписью *Двѣлежъ добычи* было напечатано въ 1825 году самимъ Грибодовымъ въ Сѣверной Пчелѣ подъ названіемъ *Хищники на Чегемѣ* (151) и перепечатано издателями сочиненій Грибодова. Я не сталъ-бы приводить его здѣсь, если-бы въ печатныхъ текстахъ этого стихотворенія не находилось нѣсколькихъ разнорѣчій и пропуска противъ автографа, нынѣ мнѣ принадлежащаго. — Печатаемое съ автографа, конечно, всегда заслуживаетъ полную вѣру и преимущественное вниманіе.

ДВѢЛЕЖЪ ДОБЫЧИ.

1.

Окопайтесь рвами, рвами!
 Отрадите смерть и плѣнъ
 Блѣскомъ ружей, твержей стѣнъ!
 Какъ ни крѣпки вы стѣнами,
 Мы надъ вами, мы надъ вами,
 Будто быстрые орлы
 Надъ челомъ крутой скалы.

2.

Мракъ за пасъ ночей безлунныхъ,
 Шумъ потока, темный боръ (152),
 Дождь и мгла и вихрей споръ.
 На стада-ли бѣлорунныхъ,

На угонъ коней табунныхъ (153),
Гдѣ витають вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.

3.

Живы въ насъ отцевъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива,
Та-же въ небѣ синева,
Тѣ-же лдяныя громады,
Тѣ-же съ ревомъ водопады,
Та-же дикость, красота,
По ущельямъ разлита.

4.

Наши — камни, наши — кручи.
Русь! Зачѣмъ воюешь ты
Вѣковыя высоты?
Досягнешь-ли? Вонъ, могучій,
Двувершинный, дѣлтъ тучи (154),
Рѣжется изъ облаковъ,
Надъ главою твоихъ полковъ.

5.

Паръ, изъ бездны отдаленной,
Вьется по его плечамъ,
Вотъ, невидимъ онъ очамъ,
Той-же тканію свиенный.
Также скрыты мы мгновенно,
Средь зіяющихъ вамъ бѣдъ.... (155).
Выстрѣлъ, два — и сгнулъ слѣдъ.

6.

Двиньтесь узкою тропюю,
Далеко отъ селъ и нивъ (156), —
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утесъ; берите съ бою.
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ. —
Гиньтесь съ нимъ, откиньте страхъ.

7.

Идемъ. Готовы къ новой сѣчѣ.
Но и слухъ о нихъ исчезъ!
Загорайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,

И, по-ряду, дѣлежемъ,
Дѣлимъ взятое ножемъ.

8.

Доли лучшія отложимъ
Нашимъ панцырнымъ князьямъ,
Нашимъ храбымъ узденямъ (157).
Юныхъ плѣнницъ приумножимъ,
И кадіямъ, людямъ божьимъ,
Красныхъ отроковъ дадимъ (158).
Вѣрой стань нашъ невредимъ.

9.

Узникамъ удѣлъ обычный:
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука.
Узы жребій имъ приличныи.
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темничныи.
И ужасенъ-ли обмѣнъ:
..... (159).

10.

Дѣлимъ женамъ ожерелье,
Вотъ обломки хрустала!
Пьемъ бузу! Стои, земля!
Клкомъ огласимъ ущелье!
Надшимъ мръ! Живымъ веселье!
Разъ еще увидѣлъ взоръ
Вольный край родныхъ горъ.

На одной изъ страницъ поэмы «Калыячи» написано небольшое стихотвореніе, всего въ восемь стиховъ, надъ которымъ стоятъ буквы А. О.

Долго всё мои вопросы С. Н. Бѣгичеву, который, конечно, лучше всѣхъ знаетъ, до самыхъ мелкихъ подробностей, біографію Грибоѣдова, о томъ: къ кому относится это стихотвореніе, оставались тщетными, — онъ не могъ этого припомнить. Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ (отъ 15 февраля 1858 г.) онъ высказалъ мнѣніе, что оно относится къ князю Александру Одоевскому, съ которымъ Грибоѣдовъ былъ братски-друженъ. Впослѣдствіи, я довольно коротко узналъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ близкими

Грибоѣдову, о взаимныхъ отношеніяхъ его и князя Алекс. Одоевскаго и тогда не только не оставалось для меня никакого сомнѣнія, что стихотвореніе это писано къ нему, но и оно само получило въ глазахъ моихъ новый, настоящій смыслъ и значеніе, — я увидалъ въ немъ страдальческій, горькій вопль души, пораженной очень тяжелымъ ударомъ. Для того, чтобы и читатель могъ, хоть сколько-нибудь, взглянуть на это стихотвореніе съ настоящей точки зрѣнія, я, пока, скажу только то, что кн. Алекс. Одоевскій, въ то время, когда дружба С. Н. Бѣгичева (тогда уже женатаго и удалившагося въ деревню) не могла наблюдать за Грибоѣдовымъ, — человѣкомъ, какъ говорится, чрезвычайно «подвижнымъ», безпокойнымъ, въ ту пору не рѣдко шалупомъ и еще чаще человѣкомъ желчнымъ, — былъ истиннымъ ангеломъ-хранителемъ Грибоѣдова, несмотря на то, что былъ его гораздо моложе. Безъ кн. Алекс. Одоевскаго Грибоѣдовъ нажпль-бы себѣ великое множество всякихъ бѣдъ и хлопотъ.... и вдругъ Грибоѣдовъ узнаетъ, что этотъ человѣкъ, братски берегшій и соблюдавшій его, человѣкъ, котораго онъ любилъ искренно, всѣмъ сердцемъ, погнбъ вслѣдствіе несчастныхъ происшествій 14 декабря 1825 года. — С. Н. Бѣгичевъ говоритъ, что Грибоѣдовъ, въ свою очередь, уберечь-бы кн. Одоевскаго если-бы былъ въ это время въ Петербургѣ. Вотъ — ключъ къ этому стихотворенію, объясненіе его смысла и значенія. Нужно прибавить, что это тотъ самый кн. Алекс. Одоевскій, памяти котораго Лермонтовъ посвятилъ впоследствии это прелестное стихотвореніе :

«Я зналъ его: мы странствовалъ съ нимъ
 Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
 Дѣлили дружно.»

Несомнѣнно, что стихотвореніе это должно относиться къ 1826 году, стало быть позднѣе всѣхъ предыдущихъ.

А. О.

Я дружбу пѣлъ... когда струнамъ касался,
 Твой геній надъ головой моей парилъ,
 Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ
 И призывалъ и о тебѣ терзался!..

О, мой Творецъ! Едва раздвѣтшии вѣкъ
 Ужели ты безжалостно пресѣкъ!
 Допустишь-ли, чтобы его могла
 Живаго отъ любви моей сокрыла!..

Для окончательнаго и полнаго обзора грибоѣдовской «Черновой» остается только привести отрывки изъ знаменитой «Грузинской Ночи», о которой, по слухамъ, знаютъ всѣ, говорятъ всѣ, но ни одного стиха которой не было доселѣ извѣстно публикѣ.

Грибоѣдовъ, какъ говорятъ его биографы, въ послѣднѣй приѣздъ свой въ Петербургъ (въ 1828 г.) читалъ друзьямъ своимъ отрывки изъ этой романтической трагедіи или драмы *ламзутъ*. (160) Всѣмъ извѣстны слова г. Греча, сказанныя послѣ выслушанія этихъ отрывковъ, что Грибоѣдовъ только попробовалъ перо на «Горе отъ ума». — Вотъ что на этотъ разъ говоритъ С. Н. Бѣгичевъ въ своей биографической запискѣ: «Нѣтъ, говорилъ онъ» — (Грибоѣдовъ, при послѣднемъ съ нимъ свиданіи, на пути въ Персію) — «я не напишу болѣе комедіи: веселость моя исчезла, а безъ веселости нѣтъ хорошей комедіи. Но есть у меня написанная «трагедія». И тутъ-же рассказалъ онъ мнѣ ея содержаніе и прочелъ нѣзубъ сцены, читанныя имъ въ Петербургѣ. Но, на убѣжденія мои прочесть мнѣ всю трагедію, никакъ не согласился. «Я теперь еще къ ней страстенъ» — отвѣчалъ онъ мнѣ — «и далъ себѣ слово не читать еѣ пять лѣтъ, а тогда, сдѣлавшись равнодушнѣе, прочту какъ чужое сочиненіе и, если буду доволенъ, то отдамъ въ печать.» — Обращаюсь опять къ словамъ г. Булгарина: «самые холодные люди» — говоритъ онъ — «были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедія сія погибла вмѣстѣ съ авторомъ!»... Потомъ, въ примѣчаніи, г. Булгаринъ прибавляетъ слѣдующія строки, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія: «Нынѣ (въ ноябрѣ 1830 г.) получилъ я извѣстіе, что отрывки изъ сей трагедіи и нѣкоторые другія сочиненія Грибоѣдова уцѣлѣли», не поясняя, впрочемъ, откуда получилъ онъ это, во всякомъ случаѣ очень важное, извѣстіе (161).

Такимъ образомъ, послѣднее произведеніе Грибоѣдова — «Грузинская Ночь», или хоть отрывки изъ нея составляли у насъ доселѣ что-то загадочное, какъ-бы таинственное, въ высокой степени любопытное уже потому, что всѣ, кому они были извѣстны, ихъ хвалили, всѣ ими восхищались и все это, какъ всѣ говорили, погибло.

Показаніе г. Булгарина, что и отрывки изъ «Грузинской Ночи» и нѣкоторыя другія сочиненія Грибоѣдова уцѣлѣли, совершенно справедливо: представляемая мною нынѣ «Черновая тетрадь» Грибоѣдова служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Прежде напечатанія отрывковъ надо, для большинства публики и полноты дѣла, рассказать содержаніе трагедіи, какъ передано оно г. Булгаринымъ и не опровергнуто г. Бѣгичевымъ въ его біографической запискѣ. «Одинъ Грузинскій князь, за выкупъ любимаго коня, отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, а потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, напоминаетъ службу свою, и требуетъ или возврата сына или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю, — забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ Азіятка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели, злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Дели вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье прицѣливается въ офицера, но Дели несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобъ поразить князя, и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ Небомъ за презрѣніе чувствъ родитель-

скихъ и познаетъ цѣну потери дѣтища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местию. Они гибнуть въ отчаяніи.»

Вотъ содержаніе «Грузинской Ночи». Г. Булгаринъ сдѣлалъ одну, конечно невольную, но довольно-важную, ошибку: злыхъ духовъ Грузіи зовутъ не *Дели*, а *Али* и такъ названы они и Грибоѣдовымъ въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ его трагедіи. Для того, чтобы дать читателю опредѣленное и ясное понятіе объ этихъ злыхъ духахъ Али, адской силой которыхъ совершается главное дѣло грибоѣдовской трагедіи, я выпишываю довольно подробныя о нихъ свѣдѣнія изъ статьи г. Березнова о «Грузинской медицинѣ». «Есть молитва, въ которой гномъ, извѣстный у Грузинъ подъ именемъ Али (буквально: пламень), обрисованъ рельефно. По народному повѣрью, Али-духъ женскаго пола, и онъ въ особенности преслѣдуетъ родильницъ; часто является онъ имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Али всегда на первомъ планѣ въ сказаньяхъ старухъ и нянекъ. Много страшнаго случалось мнѣ слышать въ моей молодости про этого героя, или правильнѣе, героиню женскихъ ужасовъ, которыми весьма часто тревожили молодое воображеніе. При этомъ, бывало, волосы шевелятся на головѣ и всю ночь бредишь страшную женщину, у которой зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь ростъ, и говорить - то она хотя и языкомъ человѣческимъ, но все на оборотъ, и вся она создана будто наизнанку, и всѣ члены у ней будто выворотные. Сказываютъ, были и теперь будто-бы есть неустрашимые люди, которымъ удавалось поймать Али и держать ее нѣсколько лѣтъ въ услуженіи; увѣряютъ, что она невольно дѣлается рабою того, кто отрѣжетъ у ней косу, а такъ-какъ Али часто расчесываетъ свои волосы на пустынномъ берегу рѣки, то это можно сдѣлать при извѣстныхъ условіяхъ.»

Обратимся къ отрывкамъ :

Буква К. видимо обозначаетъ у Грибоѣдова слово «князь» буква Т. должна быть начальной буквой имени кормилицы, намъ неизвѣстнаго.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ НОЧИ.

1.

(Кормилица, какъ надо судить, уже успѣла объявить князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль; князь отвѣчаетъ:)

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали....

Т.

Ругаться старостью — то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да, — но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живаго отъ могилы,
Моимъ-же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда-жъ былъ многія години въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Такъ знай-же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Когѣнь моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ мядые дни убиты.
А ты? Ты совѣсти и Богу вопреки
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы....
И кочеть, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный,
А мнѣ передъ тобой не можно умолчать, —
О сынѣ я скорблю; я человекъ, я мать....
Гдѣ громъ твой, власть твоя, о Боже Вседержавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету,
И на главу мою всё ужасы природы,
Скорѣе въ томъ ущельи пропаду,
Гдѣ бурный Ксанъ крутитъ сѣдыя воды,

Терпѣть разбойникомъ гоженья, голодъ, страхъ,
 Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
 Чѣмъ этой фуріи присутствие сносить
 И злость души и ядъ ея уврековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умирать!
 Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
 Подумай, — самъ отецъ и сына ты лишишь.
 Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ
 И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
 Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ,
 И оживить хотѣлъ потухшій взоръ,
 Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и женъ вой дикій
 И вторили раскаты этихъ горъ
 Съ утра до вечера пронзительные крики, —
 Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ.
 Но, взятый смертію, во вѣкъ невозвратимъ!
 Когда-же бъ искупить ты могъ его изъ плѣна,
 Какой тогда казны-бы пожалѣлъ?
 На чей-бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
 Ты чьи тогда не обнялъ-бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще къ тебѣ вражды!..
 Я помню о людяхъ, о Богѣ,
 И сына твоего не далъ-бы безъ нужды,
 Но честь моя была въ залогъ:
 Его цѣной я выкупилъ коня,
 Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ.
 Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня...
 Тотъ подлѣ, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
 Никто, изъ слугъ твоихъ любимыхъ,
 Такъ вѣрой, правдою тебѣ не послужилъ,
 Какъ я въ трудахъ несчастливыхъ
 Мой отрокъ, если-бъ возмужалъ,
 За славу твоего онъ княжескаго дома
 Сто разъ-бы притупилъ и саблю и кинжалъ,
 Не убоился-бы онъ язвъ и пушекъ грома.
 Какъ матерью его ты былъ не разъ спасеиъ,
 Такъ на плечахъ своихъ тебя-бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
 Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
 И не терзай мнѣ жалобами слуха...
 Безвремененъ кому твой вопль, и стонъ, и ревъ.
 Ужь сынъ твой рабъ другого господина,
 И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,
 Онъ проданъ мной и я былъ возенъ въ томъ, —
 Онъ былъ мой крѣпостной...

Т. *(падаетъ на колѣна.)*

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
 И я твоя раба, — зачѣмъ-же мать
 Отъ дѣтища ты разлучилъ роднаго?
 Дай разъ еще къ груди его прижать!...
 Ахъ, ради Бога имени святаго,
 Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
 Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки!
 Въ поля и въ горы вотъ пути широки,
 Тамъ мчится шумная рѣка,
 Садись надъ пропастью, бесѣдуй съ высока
 О сынѣ съ мраками ночными
 И степь буди стenanьями своими,
 Но въ домъ не возвращайся мой...
 Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Т.

Достойное заслугамъ воздаянъе!
 Такъ будь-же проклять ты и весь твой родъ,
 И дочь твоя, и все твое стяжанъе!
 Какъ ловчіе, — ни быстриною водъ,
 Ни крутизною скалъ не удержимы,
 Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
 Покуда звѣрь отъ пхъ ударовъ не падетъ,
 Истекшіи кровію и гнѣной, —
 Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
 Пускай преслѣдуютъ тебя ножемъ, измѣной
 И слуги, и родные, и друзья!
 Неблагодарности въ награду,
 Конца не знай мученья своего;
 Тогда продай ты душу аду,

Какъ продалъ сына моего.
 Отступникъ, самъ себя карая,
 Въ безумьи плоть свою гложи,
 И ночью майся, днемъ дрожи,
 На церковь Божию взирая.
 Твой прахъ землѣ не предадутъ,
 Лишь путники пронесутъ
 Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
 И будь добычею чекаламъ плотояднымъ....
 А тамъ, — передъ судомъ Всевышняго Творца,
 Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

2.

(Кормилица, призываетъ, съ помощь своей мести, Али, — злыхъ духовъ Грузин.)

О люди! Кто назвалъ людьми псчадіи зла,
 Которыхъ отъ кровей утробныхъ,
 Судьба на то произвела,
 Чтобъ были гибелью, бичемъ себѣ подобныхъ!
 Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!...
 Ночныя чуда! Али! Али!
 Явите мнѣ свою пріязнь,
 Какъ вы всегда являли
 Предавшимъ вѣру и законъ,
 Душей преступнымъ и безспынымъ,
 Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,
 Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ,
 Дружны Али! Знакъ условный —
 Вотъ пять волосъ
 Отъ васъ унесъ

Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный,
 Когда въ (162) онъ блуждалъ.
 На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ.
 Я крестнымъ знаменемъ отъ васъ оборонялась.
 Я матерью тогда счастливой называлась,
 А нынѣ кинутой быть горько сиротой (163)!
 Равны страданія въ сей жизни или въ той?...

Слетайтесь, слетайтесь,
 Откозѣ въ темну ночь исходятъ провидѣнья,
 Изъ снѣжныхъ горъ,
 Изъ дикихъ норъ,
 Изъ груди тли и разрушенья,

Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
 Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ,
 Гдѣ служатъ пиршествомъ червѣй
 Останки праведныхъ и злобныхъ.
 Но нѣтъ ихъ! Непокорны миѣ!
 На мой призывъ не отзовутся!
 Лишь тучи на небѣ несутся
 И воетъ вѣтръ... Ахъ, вотъ онѣ!

(Прислоняется къ утесу и не глядитъ на нихъ) (164).

Али *(плаваютъ въ туманъ у подошвы горъ)*.

Въ парахъ вечернихъ, передъ восходомъ
 Печальной, дѣвственной луны,
 Мы выступаемъ хороводомъ
 Изъ недозримой глубины.

Т.

Робѣть духъ, языкъ прикованъ мой!
 Земля, не разступайся подо мной... (165).

Али.

Таятся въ мрачной глубинѣ,
 Непримиримыхъ оскорбленья,
 И созрѣваютъ въ тишинѣ,
 До дня рѣшительнаго мщенья,
 Но тотъ, чей замыселъ не скрытъ,
 Какъ темная гробовъ обитель,
 Вражды вовѣкъ не утолить,
 Нетерпѣливый мститель.

Р.

.....
 (166).

Настанетъ день и часъ пробѣтеть.

Али.

Непзъяснимое свершится:
 Тогда мать сына обрѣтеть
 И ближній ближняго лишится.

(Молчаніе.)

Куда мы, Али? Въ эту ночь
 Бѣжить отъ глазъ успокоенье.

Одна изъ нихъ.

Спѣшу родильницѣ помочь,
 Чтобы задушить грѣха рожденье.

ДРУГІЯ.

А мы въ за-горскіе края,
Гдѣ пирь пируютъ кровопійцы.
Послѣдняя
Тамъ замокъ есть.... Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы.

Вотъ все, что находится въ «Черновой тетради» Грибоѣдова, за исключеніемъ небольшихъ выпусковъ, о которыхъ я говорилъ во введеніи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Крѣпость на правомъ берегу Терека, въ виду Тагаурскаго ущелья, построена въ 1800 году, когда предполагено было учредить рядъ укрѣпленій между Моздокомъ и этимъ главнымъ передовымъ ущельемъ (Тагаурскимъ); началомъ къ выполнению этого предположенія было построеніе Владикавказа, какъ главнаго наблюдательнаго пункта относительно сосѣдственныхъ Горцевъ.

(2) *Даріель* — крѣпость на правомъ берегу Терека, въ ана-нурскомъ уѣздѣ, знаменитое въ Азіи мѣсто, среди Кавказскихъ горъ, въ дефилеѣ, отъ которой заимствовало свое названіе. Новая крѣпость выстроена непосредственно подъ прежнюю, стоявшей на неприступной скалѣ и теперь находящейся въ разрушеніи. Ея-то и называетъ Грибоѣдовъ «оброшеннымъ замкомъ». Со времени постройки новой крѣпости значительно расширили даріельскій проходъ, что замѣчаетъ Грибоѣдовъ словами «проломъ отъ пороха».

(3) Вѣроятно, не договорено — пишу.

(4) *Арба*, по-турецки телѣга. Арбы бываютъ двухколесныя, какъ въ Астрахани, для перевозки тяжестей чрезъ степи и четырехколесныя, часто размалеванныя и съ балдахиномъ, какъ въ Константинополѣ.

(5) *Сіонъ* — монастырь и селеніе (возв. 1264 туаза). Надо замѣтить, что имя Сіона, неоднократно и даже довольно-часто повторяемое въ одной лишь Грузіи и притомъ все въ храмахъ *усманскихъ*, не можетъ, вѣроятно, имѣть другого объясненія, какъ желаніе напомнить ту священную гору, на которой представилась Богоматерь Своему Сыну.

(6) *Коби* или *Кобійскій военный постъ* — первая станція отъ

Казбекъ къ Тифлису, стоитъ подлѣ старыхъ разваинъ, въ самомъ верховьи долины Терека, тамъ, гдѣ три потока сливаются вмѣстѣ и составляютъ одинъ Терекъ.

(7) *Крестовая гора* находится около станціи Коби. Это самая высокая точка кавказскаго перевала. Въ иное время года здѣсь дорога чрезвычайно-трудна; весною осыпается рыхлый снѣгъ подъ ногами и частыя лавины, катясь съ вершины окрестныхъ горъ, обрываются въ бездну вмѣстѣ съ путникомъ. «Крестовой» гора эта названа потому, что влѣво отъ дороги стоятъ на вершинѣ горы, которую объѣзжаютъ лѣтомъ, но не минуютъ зимой, каменный крестъ, освящающій путь надъ безднами и свидѣтельствующій о христіанскомъ обладаніи Кавказа.

(8) *Гудъ-гора* — (возв. 1238 туазовъ). Подъемъ на нея чрезвычайно-затруднителенъ, почему и предполагалась дорога съ Крестовой горы въ объѣздъ горы Гудъ. Гудъ-гору отъ Крестовой отдѣляетъ пространная равнина, которую туземцы назвали *чертовой*, отъ живописныхъ ужасовъ, ее окружающихъ и частыхъ несчастій, случающихся въ ней отъ снѣжныхъ заваловъ. Съ Гудъ-горы открывается грозный, но чудный видъ въ бездну, дно которой совершенно недоступно взору: такъ она глубока. Арагва съ какимъ-то бѣшенствомъ падаетъ здѣсь съ вершины утесовъ, куда — не видно. Около самой бездны есть небольшое оссетинское селеніе.

(9) Правильно — *Кайшауръ*, селеніе и станція. Около него возвышается снѣговая гора того-же цмени, начинающаяся еще у самой Коби. Подъемъ и спускъ съ нея, очень-трудные, простираются на 16 верстъ. Въ зимнее время эта гора чрезвычайно-опасна отъ снѣговъ необычайной глубины и ужасныхъ мятелей, отъ которыхъ нѣтъ почти никакого спасенія, а весною отъ падающихъ съ горъ на дорогу съ ужаснѣйшимъ громомъ обваловъ, покрывающихъ въ одно мгновеніе пространство около полуверсты снѣгомъ и льдомъ, глубиною отъ 5 до 15 сажень. — Царь Ираклій поселилъ на высотѣ этой горы одного Оссетинца съ семействомъ и опредѣлялъ ему содержаніе; онъ не только давалъ многимъ убѣжище во время жестокихъ холодовъ и мятелей, но извѣщалъ проѣзжающихъ о временахъ, въ которыя путешествіе опасно и указывалъ тѣ мѣста, на которыя, по положенію горъ, неминуемо должны упасть снѣга. Въ 1800 году этотъ старикъ спасъ цѣлый егерскій полкъ. Князь Циціановъ отказалъ ему въ содержаніи и онъ оставилъ Кайшаурскую гору.

(10) Рѣка, впадающая въ Куръ. Арагвъ на Кавказѣ нѣ-

сколько; въ одномъ душетскомъ уѣздѣ ихъ двѣ — теулетская и пшавская.

(11) Правильно: *Пассанауръ*, селеніе и станція по военно-грузинской дорогѣ (выш. 619 туазовъ), стоитъ на серединѣ лѣсистаго ущелья. Изъ Коби ѣдущій изъ Россіи поднимается на кавказскій перевалъ въ Кашауръ, а отсюда спускается въ Пассанауръ.

(12) Заштатный городъ въ душетскомъ уѣздѣ, на военно-грузинской дорогѣ, по Тагаурскому ущелью. Замѣчательнъ по карантину.

(13) Главный городъ уѣзда того-же имени.

(14) Не дописано.

(15) Эта короткая, бѣглая замѣтка слишкомъ-важна по существу своему, по внутреннему своему смыслу, чтобы можно было оставить ее безъ какого-либо, по-крайней-мѣрѣ библиографическаго, объясненія. Оно въ этомъ случаѣ будетъ имѣть достоинство фактическое: пусть, на основаніи его всякій судить, какъ хочетъ.

Вотъ заглавіе книги Пуфендорфа въ переводѣ:

«Введеніе въ Гисторію Европейскую чрезъ Самула Пуфендорфія на нѣмецкомъ языкѣ сложенное, та-же чрезъ Иоанна Фридеріка Крамера на Латинскімъ переложенное, нымъ-же посельніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Перваго, Всероссийскаго Императора, на російскій съ латинскаго переведенное. Печатано въ Санктпетербурхѣ, 1718, декабря въ 5-й день». Большое in-8°.

Переведено іеромонахомъ Префектомъ Гаврииломъ и посвящено Государю.

Пуфендорфъ говоритъ о Россіи очень-мало, въ главѣ XXI-й. Вотъ его слова о «природѣ Россіянъ». «О нравѣхъ и о разумѣ народа російскаго ничто-же вспоминати имѣемъ, еже-бы съ великою ихъ славою сопряжено было. Ніже бо Россіане тако суть устроенны и політичны яко-же прочіи народы Европскіи. Въ пісьменахъ-же толь неіскусны суть, яко въ пісаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагають. Паче-же и самыя Священяцы толіко суть грубы и всякаго ученія непричастны, яко токмо прочітовати едину и вторую Божественнаго писанія главу, или толкованіе Евангельское умѣють, болше-же ничто-же знаютъ. Зазорны-же и невѣродержательны суть, свирѣпы и крове жаждущіе челоуѣцы, въ вещехъ благополучныхъ безчинно и нестерпимую гордостію возносятся: въ противныхъ-же вещехъ нѣзложен-

наго ума п сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мнѣящїи, ниже высокоумїе ихъ всякимъ хотя и великимъ почитанїемъ удоволїтїся можетъ. Ко прїбылѣ п лпхвѣ хїтростно собираемой никїже народъ наче удобенъ есть. Рабскїй народъ рабско смпрятїся п жестокостїю власти воздержатїся въ повїновенїи любятъ. И яко-же вси игры въ бояхъ п ранахъ у нихъ состоятся, тако бїчевъ п плетей великое у нихъ п частое есть употребленїе. Россїанс великотѣлесны суть п крѣпки п всякїя неудобства п труды, хладъ п гладъ удобно терпятъ. Прочее къ прямому бою или ко осадѣ градовъ мало угодны суть воїни: ибо въ чїнахъ абїе мѣшаются, сего ради яко болше въ дѣлѣ вопнскомъ непрїятелей искуснѣйшихъ быти чаютъ, обаче егда во осадѣ бываютъ въ мѣстахъ огражденныхъ жестоко защищаются п воюющихъ протївныя нападенїя, дондеже къ послѣдней пуждѣ не прїдутъ, терпятъ. Суть не токмо въ трудахъ п бѣдахъ терпѣливѣйшии, но такожеде толь имѣютъ жестокія уставы, яко ащебы поддалися непрїятелю, країнїя казни избѣжати никакїмъ образомъ могутъ. Ибо по указу Великаго Кнѣзя удавляеми бываютъ. Обаче вещи воїнскїя день-отъ-дне псправити тцатся, прїявши къ сему военачальниковъ Нѣмцовъ п Скоттовъ, которые волновъ во всей Европѣ въ художествѣ воїнскомъ п во обученїяхъ наставляють, Россїанамъ-же самимъ у иностранннхъ служить невольно, опасенїе бо имать Великїи Кнѣзь, дабы ученїе отъ прочихъ стяжавше п укрѣпившеса, вещей новыхъ замышлати не начинали.» (Стр. 407 и 408.) — «Великїй Кнѣзь повелїтельство владычественное имѣетъ п по воли своен п угодію вся творїти п управлять можетъ» (стр. 409).

(16) Вѣроятно Грибоѣдовъ подъ именемъ *Даданїурта* разумѣетъ *Дадїанетское ущелье*, въ южной части дистанцїи горскнхъ народовъ, въ которомъ находится цѣлыхъ пять деревень. Это какъ-бы маленькїй отдѣльный округъ.

(17) *Андреевская крѣпость* первоначально была заложена Борисомъ Годуновымъ п при немъ-же раззорена Черкесами, соединившимися съ Турками, причемъ погнбъ п строитель, окольникїй Бутурлинъ; послѣ того мѣсто это было заселено турецкими бѣглецами п до похода Петра Великаго въ Персію 1722, служило убѣжищемъ воровъ п разбойниковъ, которые п напали въ лѣсной тѣснїнѣ на отрядъ Петрова войска; однако-же селенїе взяли п сожгли. Послѣ того оно было заселено ногайскими Татарами. Нынѣшняя Андреевская крѣпость, съ лежащею внизу ея деревнею, вѣроятно, находится на томъ-же мѣстѣ, гдѣ была старая.

(18) Мѣстечко въ землѣ племени Кумыковъ, недалеко отъ Андреевской крѣпости, то-есть на границахъ Грузіи и кавказской области.

(19) *Синахскій* уѣздъ составляетъ часть Кахетин, которая была прежде отдѣльнымъ владѣніемъ и управлялась самостоятельными властителями. Городъ Синахъ необширенъ и неваженъ по населенію и промышленности. Впрочемъ, академикъ Гильденштедтъ, путешествовавшій въ 1770 году, описываетъ его сильной крѣпостію. И дѣйствительно, какъ говорятъ нѣкоторые писатели, въ этой крѣпости царя Ираклія, въ обширной оградѣ укрывалось отъ лезгинскихъ набѣговъ все окрестное населеніе и даже вмѣстѣ съ своими стадами.

(20) Эту, впрочемъ давнопрошедшую, исторію не могли мнѣ пояснить современные туземцы, отъ которыхъ однихъ можно было получить какія-либо о ней свѣдѣнія. Они сообщили мнѣ только то, что фамилія Амилахваровыхъ грузинская княжеская.

(21) Какое мѣткое слово!

(22) *Салуръ* — главная рѣка Таврическаго полуострова; источникъ ея находится у подошвы Чатырь-дага, она течетъ 140 верстъ и впадаетъ въ Гнилое море.

(23) *Чатырь-дагъ* или *Палатъ-гора* (*Чатырь* — палатка, *Дагъ* — гора). Самая высокая гора въ Тавридѣ. Съ западной стороны она пмѣетъ надъ уровнемъ моря до 1580 метровъ (724 саж.), а съ восточной — 1510 метровъ: 70 метровъ или 32 сажени разницы между обоими краями.

(24) *Аіань*, правильнѣе *Аіанъ* — большая татарская деревня, близъ деревни Тавель, пмѣнія генеральши Поповой.

(25) Правильно «*Демирджи*» — угольная гора сѣверной Яйлы, тамъ, гдѣ Яйла раздвигается и даетъ проходъ къ морю.

(26) *Яйла* — цѣпь южныхъ горъ, крымскіе Альпы. Высшая ихъ точка называется *Стилле-Богаъ*; съ нея открывается прелестнѣйшая панорама — съ одной стороны, къ югу, къ Ялтѣ, на море, къ С. и З. на горные хребты, посреди которыхъ возвышается Чатырь-дагъ.

(27) Правильно: «*Кызылы-Кобъ*», ущелье, въ которомъ есть деревня и неподалеку отъ нея пещера.

(28) *Алыаръ* — только ущелье, деревни-же этого имени, какъ сообщилъ мнѣ мой корреспондентъ по Крыму, во всемъ Таврическомъ полуостровѣ нѣтъ.

(29) *Джанка* или правильнѣе *Джанъ-кой* — см. выноски Чатырь-дагъ.

(30) *Бююковъ* въ Крыму нѣсколько: есть этого племени и деревни, и озера, и даже дорога черезъ горы (изъ Ласпи въ Кайту), называемая Бююкъ-Богазъ. Вѣроятно Грибоѣдовъ упоминаетъ тутъ о татарской деревнѣ Бююкъ-Узень-Бачъ.

(31) *Алма* — одна изъ главныхъ рѣкъ Таврическаго полуострова, вытекаетъ изъ Яйлы, стремится на западъ и впадаетъ въ Черное море. Она принимаетъ въ себя очень много ручьевъ и рѣчекъ и имѣетъ теченія около 65 верстъ. По Алмѣ много фруктовыхъ садовъ, въ которыхъ разводятся яблоки (*симанъ*, пзвѣстные въ Россіи подъ именемъ крымскихъ) и виноградъ.

(32) *Сабла*, правильнѣе *Саблы* — деревня (пѣніе княгини Лаваль), въ 20-ти верстахъ отъ Симферополя; около нея гора и рѣчка того-же имени, впадающая въ Алму.

(33) *Бахчисарай* — прежняя столица крымскихъ хановъ, съ знаменитымъ дворцемъ и фонтаномъ слезъ, описанными столькими путешественниками. О нихъ и Грибоѣдовъ будетъ говорить въ послѣдствіи.

(34) *Чобанъ* — по-татарски пастухъ.

(35) *Шашлыкъ* — любимое въ Крыму кушанье, готовится слѣдующимъ образомъ. Молодую баранину нарезаютъ кусочками и жарятъ на вертелѣ или на чемъ-то похожемъ на вертелъ, на чемъ дѣлаются желѣзные пглы съ крючками. Устраивается каминъ, по одну сторону котораго кладется желѣзный листъ, сдѣланный желобомъ, и надъ нимъ протягивается проволока; по другую, противоположную сторону кладутся дрова и зажигаются; самый сильный жаръ уходитъ, разумѣется, къверху, а на бокъ дѣйствуетъ жаръ, уже нѣсколько умѣренный; въ это время на крючьяхъ проволоки, противъ огня, вѣшаютъ куски баранины, постоянно переворачиваютъ ихъ къ жару желѣзнымъ прутомъ, посыпаютъ перцемъ и смачиваютъ ромомъ, — изъ этого выходитъ превкусное кушанье.

(36) *Каймакъ* — національное и, какъ утверждаютъ туземцы, прекрасное лакомство. Это ничто иное какъ пѣнка сливокъ, которая кипятятъ въ кастрюлѣ или маленькомъ котелкѣ и постоянно «снимаютъ» (слово техническое) до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ, всѣ сливки не обратятся въ пѣнку. Каймакъ употребляютъ или съ кофе, или просто, какъ лакомство.

(37) *Судакъ* — нынѣ заштатный городъ, былъ прежде крѣпостію, потомъ хорошимъ торговымъ пунктомъ. Итальянцы называли его *Солдап*, а въ послѣдствіи, уже Татарамъ, названъ онъ *Судакомъ*, что значитъ «водяная гора». потому-что онъ

стоитъ на горѣ, изобилующей ключами и родниками. Кеппентъ называетъ Судакъ нѣмецкой колоніей, выше которой находятся развалины древней крѣпости.

(38) *Алушта* — весьма древнее греческое укрѣпленіе, въ настоящее время небогатое горное мѣстечко, съ развалинами стариннаго замка, расположенное на живописной мѣстности и посѣщаемое почти всѣми путешественниками, потому-что здѣсь находится почтовая станція. Постройку древняго укрѣпленія приписываютъ императору Юстиніану I-му. Ученый изслѣдователь Крыма, г. Кеппентъ, отвергаетъ мнѣніе, будто-бы Алушта называлась въ древности Фуриономъ. Какъ-бы то ни было, но Алушту можно почитать, по словамъ маршала Мармона, средоточнымъ мѣстомъ обработанной части крымскаго берега, потому-что большая разница въ природѣ между протяженіемъ къ востоку и къ западу отъ Алушты. Въ западной части встрѣчаются всѣ роды богатства и красоты; на этой сторонѣ плодоносная и глубокая почва, обильные источники, сланцовыя земли, удивительно пригодныя для винограда и верхніе холмы покрыты превосходными лѣсами, надъ которыми господствуютъ величественныя скалы.

(39) *Корбекъ*, правильно «*Корбекль*», — татарская деревня близъ Чатыръ-дага, выстроенная на живописномъ, величественномъ мѣстоположеніи: изъ Корбека видно море, алуштская лощина, простирающаяся въ видѣ огромнаго рва до самаго морскаго берега, и наконецъ самая Алушта, которая сторожитъ, какъ передовой караульный, входъ въ этотъ исполнскій оврагъ.

(40) *Салтанъ-гора* — неподалеку отъ мѣстечка Султанъ-Махмутъ, украшеннаго высокимъ минаретомъ, возносящимся изъ среды садовъ. Это одна изъ незначительныхъ отраслей Чатыръ-дага.

(41) *Кастель-гора*, прежде укрѣпленная, и, близъ нея селеніе того-же племени, между Алуштою и Кучукъ-Ламбатомъ.

(42) Построеніе его приписываютъ Юстиніану. Нынѣ остались однѣ развалины.

(43) Правильно — *Шули*, деревня, вся, какъ говорятъ путешественники, утонувшая въ садахъ.

(44) *Бешмы*, правильно — *Бешуй* или *Бешъ-ёвъ* (т. е. 5 жпшъ) — деревня.

(45) О немъ Грибоѣдовъ будетъ говорить ниже.

(46) *Акмечеть* — губернский городъ Симферополь. «Ак-мечеть» по-татарски значитъ «бѣлая мечеть». Муравьевъ подозреваетъ,

что названіе *Симферополя* дано городу ученымъ митрополитомъ Евгеніемъ, который этимъ названіемъ хотѣлъ ознаменовать пользу, ожидаемую для всего тамошняго края отъ основанія губернскаго города, ибо *Симферополь* значитъ *городъ пользы* или приносящій пользу (*Συμφέρω* — приношу пользу). Симферополь раздѣляется на двѣ части — старый и новый. Ак-мечеть — старый городъ.

(47) *Козловъ*, или *Кезлевъ* (Евпаторія), въ чемъ, однако, нѣкоторые писатели сомнѣваются. На этомъ мѣстѣ была построена крѣпость Діофантомъ, полководцемъ Митридата, въ защиту противъ Скифовъ. Нынѣшній Козловъ основанъ Татарами, которые называли его *Гуцловомъ* или *Гейцлево*.

(48) *Зул* — деревня въ 20-ти верстахъ отъ Симферополя, по еоодосійской дорогѣ, населенная Русскими и Татарами. Тутъ почтовая станція. Деревня получила названіе отъ рѣчки Зуи, близъ нея протекающей и которая принадлежитъ къ числу четырехъ ручьевъ, вытекающихъ изъ южныхъ горъ и впадающихъ въ Салгиръ.

(49) *Карасу-базаръ*, (*кара* — черный, *су* — вода, *базаръ* — рынокъ, Карасубазаръ — *рынокъ на черной водѣ* или *рыкъ*), заштатный городъ въ 40 верстахъ отъ Симферополя къ Феодосіи, наиболѣе заселенный во всемъ Крыму. Улицы въ немъ грязныя, плохо вымощенныя, по съ обѣихъ сторонъ окаймлены множествомъ лавокъ. Родина знаменитаго Айвазовскаго.

(50) *Св. Носъ*, или *Св. Мысъ* (*Ая-бурунъ*), близъ Аю-дага. По мнѣнію Палласа, который видѣлъ на немъ развалины, опѣ были ничто иное, какъ *fanum Daemonis Virginis*, капище Богини-Дѣвы, гдѣ была жрицею Ифгенія.

(51) *Балаклава* (*Булаклага* — рыбій затонъ, *Символовъ* Грековъ, *Цембало* Итальянцевъ, *Ямбол* нынѣшнихъ Грековъ) — городокъ на западномъ берегу Крыма, недалеко отъ Севастополя. Нѣкогда въ немъ владычествовали Генуезцы, потомъ онъ подпалъ татарскому игу и постепенно приходилъ въ упадокъ до покоренія Крыма Россіи. При Екатеринѣ II сюда изъ Морен и Архипелага переселились многіе Греки. Близость Феодосіи, Евпаторіи и Керчи не допускаетъ развитія значительной торговли въ Балаклавѣ. Гавань въ пей очень-хороша, но имѣетъ узкій входъ — 25 сажень.

(52) *Кара-дагъ* — *Черная-гора*, (*Кара* — черный, *дагъ* — гора), близъ заштатнаго города Судака.

(53) *Кучукъ-Ламбатъ*, — мѣстечко, нынѣ населенное Татарами. Оно существуетъ болѣе двухъ тысячелѣтій и было из-

вѣстно хіосскому уроженцу Скильну, жившему болѣе нежели за сто лѣтъ до Р. Х. Первые обитатели этого мѣста были, вѣроятно, Греки: самое названіе *Ламбатъ* или *Лампасъ*, означающее свѣтильникъ факель, или, просто, какъ мы заимствовали это слово отъ Грековъ, лампада, подтверждаетъ это мнѣніе. Слово *кучукъ* по-татарски значитъ маленькій.

(54) *Аю-дагъ* — *Медвѣдь-гора* (Аю — медвѣдь, *дагъ* — гора), самый, какъ утверждаютъ многіе путешественники, красивый мысъ въ Тавридѣ. Это высокая гора, далеко отъ береговъ выступающая въ море. Хребетъ ея, представляющій видъ продолговатой правильной дуги и черный, отъ лѣсовъ, ея цвѣтъ, подали Татарамъ мысль назвать ее медвѣдемъ. Она дѣйствительно имѣетъ сходство съ медвѣдемъ, когда онъ лежитъ, уткнувъ рыло между лапъ. — Муравьевъ въ мысѣ Аю-дагъ видитъ древній Кріуметопонъ, бараній лобъ; Кеппенъ не дѣлаетъ никакого противъ этого возраженія, но думаетъ, что слово *ю*, медвѣдь, не замѣнилось-ли ново-греческимъ *ἄγιος*, святой. Онъ видѣлъ на вершинѣ Аю-дага развалины древняго укрѣпленія, рисунокъ котораго прилагаетъ и о самыхъ развалинахъ говоритъ очень подробно.

(55) *Кизиль-тамъ* (кислый камень) — деревня и около нея скала того-же имени.

(56) *Выдубецъ* или *Выдубичи* — урочище не подалеку отъ выдубицкаго монастыря, едва-ли не древнѣйшаго во всей Россіи, на берегу Днѣпра, немного ниже Кіева.

(57) *Бакланъ* — порода водяныхъ птицъ. Бакланы живутъ въ моряхъ и питаются рыбами, которыхъ добываютъ ударомъ или ныряя. Они бываютъ различной величины — отъ гуся до утки; гнѣзда дѣлаютъ на утесахъ изъ морскихъ поростовъ. Цвѣтъ ихъ преимущественно черный.

(58) *Дельфины* — морскія млекопитающія животныя, отдѣльное семейство китовидныхъ. Дельфины, подобно китамъ, нѣкогда были причисляемы къ рыбамъ, отъ которыхъ они совершенно отличаются горизонтальнымъ хвостомъ (у рыбъ хвостъ вертикальный). Они живутъ почти во всѣхъ моряхъ и часто сопровождаютъ большими стадами корабли, чтобы воспользоваться остатками яствъ, которые оттуда выбрасываются. Потому-то дельфины уже съ весьма древнихъ временъ пользуются извѣстностію; творческое воображеніе Грековъ приписало имъ особую дружбу къ человѣку и указало почетное мѣсто въ мифологіи и поэзіи.

(59) Кого *adoremus*? Вѣроятно, ради шутки, дельфиновъ.

(60) *Пароенионъ* — сначала крѣпость, потомъ торговый городъ, нынѣ хорошенъкая деревня, замѣчательная прекрасными виноградниками. Вѣроятно это Пароенионъ (мысль дѣвы), о которомъ говоритъ Страбонъ, — прекрасный, величественный мысъ, называвшійся у Генуэзцевъ *Фиоренте*; крайняя скала его совершенно нависла надъ моремъ, на которое, также какъ и на остро-конечные утесы съ другой стороны, — превосходный видъ. Пароенионъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ стоялъ храмъ Діаны-Таврической, которой жившіе тутъ Тавры приносили жертвы, убивая всѣхъ чужестранцевъ, пристающихъ къ ихъ берегамъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей (вопреки выше изложенному мнѣнію Палласа) здѣсь-то и была жрицею Ифигенія.

(61) *Юрзуфскій утесъ*, или *Гурзуфъ*, около Біукъ-Ламбата, внизъ къ морю. На немъ видны развалины укрѣпленія, построеннаго въ VI вѣкѣ Юстиніаномъ. Деревня Гурзуфъ принадлежала герцогу Рипелье, который выстроилъ въ ней огромный замокъ, въ какомъ-то необыкновенномъ вкусѣ.

(62) Мысъ, покрытый лѣсомъ, не подалеку отъ селенія Гаспри, греческаго происхожденія.

(63) Превосходнѣйшій казенный ботаническій садъ. О немъ говорятъ всѣ путешественники, особенно Муравьевъ, котораго другіе даже упрекаютъ въ преувеличеніи и риторикѣ при описаніи этого сада. Онъ разведенъ въ 1812 году. Въ немъ находится бюстъ Линнея.

(64) *Дере-кой* (*дере* — долина, *кой* — деревня) — большая татарская деревня, расположенная на берегу потока и осѣненная прекрасными орѣховыми деревьями.

(65) *Ялта* — весьма древнее поселеніе, нынѣ небольшой, но пзятный городъ, оживленный торговлею, съ превосходной пристанью, всегда наполненной судами. Путешественники говорятъ, что мало найдется мѣстностей, столько живописныхъ, какъ та которую занимаетъ Ялта; самая гавань ея можетъ скорѣй назваться украшеніемъ, нежели гаванью.

(66) *Никита* — прекрасная деревня, осѣненная большими орѣховыми деревьями.

(67) *Айтодоръ* — каменный мысъ, выдающійся въ море; находится не подалеку отъ Буюкъ-Ламбата. На немъ развалины.

(68) *Хурсисъ*, прав. *Хурисъ* — красивая дача принадлежащая кн. Голицыной; *Мусхоръ*, прав. *Мисхоръ* — деревня, гдѣ почтовая станція.

(69) *Алука* — известное великолѣпное нѣвнѣе кн. Воронцова

(70) *Самемь* — деревня, которая вмѣстѣ съ Алукою составляетъ какъ-бы послѣднюю съ этой стороны грань роскошнѣйшей природы Юга.

(71) *Коурме* — деревня близъ самой Ягты.

(72) *Кукунейсь* или *Кикинейсь* — по инымъ путешественникамъ — богатое цвѣтущее село, а по другимъ просто деревня. За ней горы становятся неприступны; здѣсь береговой путь прекращается. Палась описываетъ жителей Кикинейса безобразными, но съ нимъ многіе путешественники несогласны.

(73) *Кучукъ-кой* (*кучукъ* — маленькій, *кой* — деревня) со множествомъ превосходныхъ садовъ.

(74) *Форусъ*, прав. *Фѳоросъ* — гора, утесъ, на немъ деревня. Нія ея свидѣтельствуеетъ объ ея греческомъ происхожденіи.

(75) *Пшетка*, прав. *Миатка*, по-татарски *Пиатка* — деревня и станція.

(76) *Мердвень* — каменная лѣстница, которая, въ довольно широкой горной разсѣлинѣ, по обрыву одной скалы въ Яйгѣ, вьется отъ подошвы къ вершинѣ. Мѣстами она чрезвычайно круто новорачивается то въ одну, то въ другую сторону; ступени ея составляютъ огромные дикіе камни и затвердѣлый известнякъ, иногда осыпающійся, когда лошадь неосторожно на него ступитъ. Весною, когда дожди бываютъ обильны, Мердвень служитъ мѣстомъ истока горныхъ водъ; тогда нѣтъ никакой возможности пробраться по этому пути, который и во всякое другое время неудобенъ. Лѣстница эта длинной болѣе полуверсты.

(77) *Байдарская долина* прославлена многими путешественниками, которые ей восхищались. Передаю дошедшее до меня по слухамъ: Айвазовскій будто-бы сказалъ, что рѣдко можно найдти что-либо лучше Байдарской долины. Другіе-же, и первый Палась, говорятъ, что въ ней краски природы блѣдны въ сравненіи съ тѣми, которыя по ту сторону Яйлы, что это уже не та природа, что надъ моремъ, за горами и что славой своей эта долина одолжена не столько природѣ, сколько воображенію ея посѣтителей. Въ Байдарской долинѣ находятся два камня со сводами, образующіе какъ-бы гротъ; онъ называется «байдарскими воротами». Самый лучший видъ на Байдарскую долину — при вѣздѣ въ нея изъ Ягты, черезъ этотъ гротъ.

(78) *Кучукъ-Мискомил* — татарская деревня.

(79) *Узень* значитъ ручей. Узеней нѣсколько: *Кучукъ-Узень*

(Маленькій ручей) и *Курю-Узень* (Сухой ручей). *Узенемъ* называется рѣчка, текущая по Инкерманской долинѣ. *Улу-Узенемъ* (большой рѣчкой) называется верховье Алмы.

(80) *Бельбекъ* или *Бальбекъ* — полу-русская, полу-татарская деревня, находится въ узкой лощинѣ, по которой протекаетъ небольшая рѣчка того-же имени. Эта прелестная лощина наполнена садами и огородами, столь красивыми и плодородными, что они напоминаютъ, по свидѣтельству очень образованныхъ путешественниковъ, самыя прекрасныя и наилучшимъ образомъ воздѣланныя страны западной Европы.

(81) *Комара* или *Карловка*, собственно татарская деревня *Чоруны*, прежде принадлежавшая Карлу Габлицу и названная по его имени.

(82) *Чемболо* — близъ Балаклавы, на краю скалы, надъ самымъ берегомъ висящая генуезская башня. Крѣпость Чемболо принадлежала сперва Грекамъ, потомъ Генуезцамъ, была обнесена высокими стѣнами и сильно укрѣплена башнями, особливо отъ устья залива.

(83) *Кадикой* (*кади* — духовный санъ, выше муллы, въ родѣ протоіерея, *кой* — деревня) — селеніе въ трехъ верстахъ отъ Балаклавы.

(84) *Макрель* — маленькая рыбка въ родѣ сардинки, *кефала* (по гречески голова) гораздо больше макрели, очень вкусная, самая любимая рыба Грековъ.

(85) *Гераклейскій полу-островъ* или *Гераклеотическій Херсонесъ*. Ираклиты понтійскіе, какъ говорятъ иные антикваріи, пристали къ малому западному полуострову и основали на немъ свои первыя поселенія за семь столѣтій до нашей эры, потому-то древніе и назвали «Гераклейскимъ» полуостровъ, образуемый Севастопольскимъ и Балаклавскимъ заливами; другіе въ этомъ сомнѣваются. Несомнѣнно то, что къ юго-западу отъ Севастополя тянется длинная коса, едва возвышающаяся надъ поверхностью моря. Здѣсь разсыяны остатки стѣнъ, правильно распределенныхъ на равныхъ четверугольныхъ пространствахъ. Эти-то параллелограммы нѣкоторые ученые и принимаютъ за развалины древняго Херсонеса. Такіе развалины находятся почти на всемъ протяженіи полу-острова, составлявшаго древній *Гераклеотическій Херсонесъ*. Мѣстами встрѣчаются также остатки большихъ башенъ, замѣчательныхъ по громаднымъ камнямъ, изъ коихъ онѣ были выстроены, складеннымъ безъ смазки.

(86) *Кримутопокъ* (бараній лобъ) — составлялъ южнѣйшую

часть Таврическаго полу-острова и находился противъ мыса Караванса, находящагося прямо по ту сторону моря, на азіатскомъ берегу, такъ-что, по свидѣтельству Страбона, мореходцы, проѣзжающіе между обими, могли видѣть тотъ и другой.

(87) Страбонъ упоминаетъ о гавани *Ктекусы*, которая, какъ утверждаетъ Муравьевъ, есть сѣверная Севастопольская или Архтарская гавань.

(88) Балки — мѣсто около Черной рѣчки. Тамъ жилия нѣтъ, а только сады.

(89) *Инкерманъ* — по-татарски значитъ «пещерный городъ», у Грековъ назывался *Дори*, *Дорасъ* и наконецъ *Теодори*; находится на концѣ Севастопольской гавани, около сѣвера, на горѣ, которая вся ископана пещерами. Въ горѣ этой, въ камнѣ, высѣчены двѣ церкви. Палласъ думаетъ, что сюда укрывались Аріане, гонимые византійскими императорами.

(90) Правильно *Коракм* или *Корану* — деревня.

(91) *Салтанка* — рыба, немного болѣе сардинки, не имѣетъ чешуи, какъ налимъ.

(92) *Акрополисъ* — верхній городъ или крѣпость.

(93) То-есть севастопольскій. Въ цѣлой Европѣ, какъ единогласно говорятъ путешественники, мало найдется гаваней, представляющихъ столько удобствъ для многочисленнаго флота, какъ севастопольская, вдающаяся во внутренность берега слишкомъ на 8 верстъ. Въ этомъ великолѣпнѣйшемъ бассейнѣ нѣтъ ни подводныхъ камней, ни опасныхъ отмелей. Съ высоты холмовъ, гдѣ баттареп открывается безплодная, голая страна, оправдывающая татарское названіе этого мѣста *Акъ-Тіаръ* (бѣлый утесъ).

(94) *Учкуй* — деревня въ 4-хъ верстахъ отъ Севастополя по дорогѣ черезъ Бельбекъ въ Симферополь.

(95) *Дуванъ-кой* очень хорошенькая татарская деревня.

(96) *Мангупская гора* — необыкновенно, какъ говорятъ, живописная, такъ что, по увѣренію нѣкоторыхъ, ни одно мѣсто на берегу Рейна или на Альпахъ не можетъ сравниться съ ужасающею величественностію Мангупа. На немъ видны развалины древняго замка.

(97) *Кара-Ильязъ* (Черный Илья) — рѣка и три деревни того же имени — верхній, средній и нижній Кара-Ильязъ.

(98) *Суукъ-Су* (*Суукъ* — холодный, *Су* — вода) — ручей, впадающій въ море. Этихъ-же именемъ называется пустое мѣсто, гдѣ, между горами, источникъ св. Козьмы и Даміана, церковь, келья, надъ источникомъ часовня, не далеко отъ Демурджинской

скалы, въ 25 верстахъ отъ Алушты. Горный ключъ, чистая, холодная вода котораго вытекаетъ изъ горъ, обдѣланъ камнемъ. Студенецъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что близъ него М. И. Кутузовъ раненъ пулей въ правый високъ; пуля вышла въ гѣвѣшій и, пройдя позади глазъ, одинъ изъ нихъ повредила. Ключъ, въ память этого событія, названъ «Кутузовымъ Фонтаномъ».

(99) Правильно: *Каджа-Сала*, — послѣдняя деревня на Мангупской скалѣ, лежитъ въ ущельи.

(100) *Азисъ* — деревня, предмѣстье Бахчисарая, въ полу-верстѣ отъ города; тамъ и станція.

(101) *Чурукъ-Су* — рѣка, или точнѣе ручей въ Бахчисараѣ. Вода его не годна для употребленія.

(102) *Иосафатова долина* — къ юго-западу отъ Чуфуть-Кале, въ лощинѣ, гдѣ великолѣпная роща и въ ней множество гробницъ съ еврейскими надписями: это кладбище Каранмовъ. Каранмы, или правильнѣе Каранты — по обычаю, по образу жизни Татары, а по вѣрѣ — Жиды и, можно сказать, настоящіе Іудеи, потому-что болѣе другихъ сохранили чистоту Моисеева закона. Мѣсто крымской Иосафатовой долины выбрано гораздо лучшее въ сравненіи съ настоящей Иосафатовой долиной, вдоль которой тянется изсохшее русло Кедрона и гдѣ нѣтъ ни одного дерева. Крымская долина противъ настоящей восхитительна. Видъ ея приложенъ къ пут. Анат. Демидова.

(103) *Чуфуть-Кале*, или *Чуфуть-Галекъ*, въ древности назывался *Киркъ* — восточное предмѣстье Бахчисарая, верстахъ въ трехъ отъ города, стоитъ на самой вершинѣ крутой каменной горы и положеніемъ своимъ ясно доказываетъ, что построено какии-нибудь древнимъ, искавшимъ себѣ убѣжища народомъ. Нынѣ это предмѣстье все населено Жидами и оно можетъ-быть единственный въ цѣломъ мірѣ городокъ, принадлежащій израильскому племени. Всѣ Жиды здѣсь каранской секты: они слѣдуютъ буквально только тому, что написано въ Библии, отвергая Талмудъ и всѣ другіе толкованія раввинизма. Каранмы отличаются строгой честностью. Не смотря на совершенный недостатокъ въ Чуфуть-Кале воды, которую нужно возить съ большимъ трудомъ отъ самой подошвы горы, Жиды избрали себѣ это мѣсто, вѣроятно спасаясь отъ сосѣдства Татаръ.

(104) *Кача* — рѣка; верховье ея называется *Бююкъ-Езень*.

(105) *Тепе-Керменъ*, т. е. *горная крѣпость*, близъ Бахчисарая гора, или правильнѣе три горы, на которыхъ находятся развалины того-же имени и пещеры. Тепе-Керменъ называется Татарами

Ески-Кирманъ и *Черкесъ-Кирманъ*: пня *теме* значить по-татарски гора, или холмъ, *ески* — деревня, *черкесъ* — черкесская и *кирманъ* — крѣпость. Есть въ этой горѣ гроты довольно пространныя, шаговъ по восьми въ ширину, но они не столь высоки. чтобы рослому человѣку можно было стоять въ нихъ прямо: есть и такія пещеры, къ которымъ должно спускаться съ верху горы, между-тѣмъ какъ онѣ отверстіями обращены къ яру, состоя въ связи съ другими, находящимися при нихъ, пещерами. Вершина Тепе-Керменской горы — голая скала.

(106) *Татаръ-кой* — деревня, самое имя которой опредѣляетъ ее въ этнографическомъ отношеніи.

(107) *Чуфутъ-гора* — скала, на вершинѣ которой есть долина. около миль въ окружности, чрезвычайно плодосная.

(108) См. примѣч.

(109) См. примѣч.

(110) Трактирщикъ.

(111) Имена: *Алма*, *Карагачъ*, *Мангупъ* и проч. были объяснены выше.

(112) *Сейдъ-Абадъ* — нѣкогда предмѣстье, нынѣ часть города Тифлиса, къ выѣзду въ эриванскую заставу, между Банными-воротами и рѣкою Курю. Здѣсь въ 1836 году находился персидскій гарнизонъ, называвшійся *Сейдоми*, откуда и названіе Сейдъ-Абада, которое нынѣ сохранилось только у простаго народа.

(113) *Акзебеюкъ*, правильно *Ази-Буюкъ* (*Волчьи-Ворота*) — гора въ тифлисскомъ уѣздѣ, въ смежности съ границею александропольскаго, имѣющая 5818 фут. надъ уровнемъ моря. *Ази-Буюкъ* слово татарское, лексически значить «ротъ большой».

(114) *Коди* — смотри примѣч.

(115) *Серванъ*, правильно *Сарванъ* — селеніе и вторая станція отъ Тифлиса къ Елисаветполю.

(116) *Шулаверы* — селеніе въ борчалинской дистанціи. Царевичъ Вакушъ въ своей географіи Грузіи говоритъ, что Шулаверы «un gros bourg» (какъ сказано во французскомъ переводѣ грузинскаго текста).

(117) См. выше, выпуску.

(118) Моста, подъ названіемъ *Бабьяю* теперь не запомнятъ. Очень можетъ быть, что Грибодовъ разумѣлъ тутъ *Красный мостъ*, находящійся по тракту отъ Тифлиса къ Елисаветполю, между третьей станціей, Муганлинскою и четвертою, Салаоглинскою. Постъ называется *Самскій*.

(119) О нихъ сейчасъ было сказано выше.

(120) *Лори* или *Лорійская степь*, въ Бамбако-турагельской дистанціи, представляетъ равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. Широкая долина Лори простиралась прежде въ длину болѣе, нежели на 30 верстѣ, но постепенно стала стѣсняться, когда потокъ Бамбака вырвался изъ своего каменистаго ущелья, чтобы слиться съ Каменкою или Дебедою. Царевичъ Вактушъ въ своемъ описаніи Грузіи говоритъ, что въ долину Лори есть, между двухъ рѣкъ, крѣпость и маленькій городокъ, очень пріятные лѣтомъ, но несносные зимою. Крѣпость Лори, о которой говоритъ Грибоѣдовъ, въ большомъ упадкѣ, но еще держится и въ послѣднюю персидскую войну служила убѣжищемъ для всѣхъ окрестныхъ жителей. Теперь внутри ея мирное поселеніе нѣсколькихъ армянскихъ семействъ. Лори былъ нѣкоторое время столицею Арменіи.

(121) *Дебед* или *Тебед* — рѣка, берущая свое начало въ сѣверныхъ передовыхъ горахъ Арарата и впадающая съ правой стороны въ рѣку Храмъ.

(122) Слово вовсе не употребительное. Очевидно, однако, что это уменьшительное отъ слова «стезя».

(123) Въ армянской исторіи династіи Тап не было, а какъ Арменія не однократно подпала подъ власть то Турокъ, то Персіянъ, то не должно-ли вмѣсто *Тап* разумѣть *Шеан*: такъ называлась фамилія, нѣкогда оспаривавшая престолъ у Каджарской династіи.

(124) Это былъ нашъ старшій дипломатическій чиновникъ при генералѣ Паскевичѣ.

(125) См. выше, выноски.

(126) *Кишлаки*, *Кизиль-Кишлакъ*, русское селеніе въ Карабахѣ. Впрочемъ, академикъ Гильденштедтъ говоритъ, что это армянское селеніе.

(127) Храбрый майоръ Монтрезоръ занималъ въ 1804 году, во время войны съ Персіею, когда русскими силами командовалъ знаменитый Циціановъ, постъ въ Бамбакахъ. Онъ совсѣмъ отрядомъ, послѣ жестокаго сопротивленія, былъ взятъ Персіянами и изрубленъ.

(128) *Амамы* — селеніе и станція по тракту изъ Тифлиса въ Александрополь, верстахъ въ 42 отъ послѣдняго.

(129) *Памва* — гора по хребту, идущему между горами Безобдаюмъ и Алагезомъ въ Александропольскомъ уѣздѣ.

(130) *Бамбахская* дистанція — составная часть Грузіи, за-

ключаетъ въ себѣ 1500 кв. верстъ, имѣетъ возвышенное мѣсто-положеніе, холодноватый и здоровый климатъ.

(131) *Алазъ* — гора въ эриванскомъ уѣздѣ, высочайшій пикъ по хребту Аджарскому и Малому Кавказу, пгблющій 13,450 футовъ надъ уровнемъ моря.

(132) О *Судоентъ* я не могъ найти никакихъ извѣстій. Должно быть это какое-нибудь незначительное мѣстечко.

(133) *Артемій Араратскій* жилъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка. Это былъ человекъ замѣчательный странными, преимущественно-же несчастными, приключеніями своей жизни. Онъ написалъ автобіографію. Вотъ полное заглавіе его книги, мало у насъ извѣстной: «Жизнь Артемія Араратскаго, уроженца селенія Вагаршапатъ, близъ горы Арарата, и приключенія, случившіяся съ нимъ отъ младенчества до совершенныхъ лѣтъ, удаленіе его изъ своего отечества въ Грузію, оттуда въ Россію, потомъ въ Персію и наконецъ возвращеніе обратно въ Россію чрезъ Каспійское море, съ описаніемъ многихъ любопытныхъ предметовъ, находящихся въ его сторонѣ и прочихъ мѣстахъ Персіи, съ приложеніемъ шести гравированныхъ эстамповъ, изображающихъ виды городовъ персидскихъ. Писанныя и переведенныя пишъ самимъ съ армянскаго на російскій. С. Пб. 1813, in 8°. Пышное названіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ интересу книги.

(134) Скорпіоны извѣстны всѣмъ; фаланга — изъ той-же породы. Этѣ ядовитыя насѣкомыя водятся во множествѣ въ эриванскомъ и нахичеванскомъ уѣздахъ.

(135) *Гарничай* — собственно не рѣка, а горный протокъ, впадающій съ лѣвой стороны въ Зангу.

(136) *Ведичай* — рѣка въ эриванской губерніи, протекаетъ близъ деревни того-же имени, между шарурскимъ и зангибазарскимъ участками. Веди — испорченное арабское слово *Ваади* — ущелье и *чай* — рѣка.

(137) *Караналцы* — племя мусульманское, происходящее отъ Монголовъ, принадлежащее къ суннитской сектѣ и живущее въ бывшихъ Борчалахъ, Казахѣ и Шамшадалѣ, — дистанціяхъ или участкахъ, вошедшихъ въ составъ тифлисскаго и елисаветопольскаго уѣздовъ.

(138) *Дева.лу* или *Давалу* — горы, состоящія изъ отдѣльныхъ утесовъ, какъ-бы брошенныхъ пустыннымъ островомъ на равнину, около Шарурскаго ущелья, неподалеку отъ Нахчевани.

(139) Елисаветпольское сраженіе одно изъ самыхъ блистатель-

ныхъ дѣлѣ Циціанова. Ганжа, столица ганжинскаго ханства, была взята штурмомъ въ декабрѣ 1803 года и въ честь Императрицы Елисаветы Алексѣевны названа Елисаветполемъ. «Низами» — какъ объясняетъ г. проф. Каземъ-Бекъ — «одинъ изъ первыхъ по достоинству поэтовъ восточной литературы. Родомъ онъ былъ изъ Генджи (нынѣ Елисаветополь). Своимъ талантомъ и способностями онъ скоро занялъ первое мѣсто между поэтами двора 1-ой дин. Сельджукидовъ. Онъ началъ свое поприще въ 549 = 1154 г. и умеръ въ 576 = 1180 г. Низами писалъ много; его слогъ и вкусъ считаются образцовыми».

(140) *Аббасъ-Абадъ*, — крѣпость на гѣвомъ берегу Аракса, не подалеку отъ Нахичевани, построена по новой системѣ принцемъ Аббасъ-Мирзою на развалинахъ старой крѣпости того-же имени.

(141) *Змѣиная гора* — *Иланъ-дагъ* (*иланъ* — по-персидски змѣя, *дагъ* — гора), въ нахичеванскомъ уѣздѣ, возвышается на 7985 фут. надъ уровнемъ моря. Она состоитъ изъ огромной конусообразной скалы чернаго цвѣта. Названіе «Змѣиной», по мнѣнію жителей, дано ей потому, что змѣи никогда не смѣютъ приближаться къ ней.

(142) «Вали» слово арабское, означаетъ того, кто идетъ за своимъ господиномъ, придворнаго и, въ обыкновенномъ употребленіи, генераль-губернатора провинціи.

(143) «Записку» Грибоѣдова о Тифлисѣ я передавалъ на судъ одному изъ просвѣщеннѣйшихъ туземцевъ — М. К. Ломидзе и получилъ отъ него отвѣтъ, который, какъ современный критическій взглядъ на эту «Записку», почитаю необходимымъ привести здѣсь вполнѣ: «Замѣтки Грибоѣдова о Тифлисѣ составляютъ, можно сказать, анахронизмъ въ отношеніи къ настоящему его состоянію и устройству. *Гаретубанъ*, а не *Каратубанъ* — слово грузинское, значитъ *опышная улица*, или кварталъ; названіе *Горетубани* произошло отъ того, что улица эта находилась вѣтъ стѣны, окружавшей нѣкогда Тифлисъ, т. е. ту самую нынѣшнюю часть его, которая называется теперь «старымъ городомъ», *Гаретубанъ* не есть нынѣ весьма отдѣльная часть или сѣверное предмѣстіе, — какъ пишетъ авторъ «Записки о Тифлисѣ», — а лучший, богатѣйшій и вполнѣ европейскій пунктъ города. Здѣсь проходитъ главная улица, называемая «Головинскимъ проспектомъ». Прѣжныхъ *значительныхъ пустырей* уже нѣтъ, а если и есть кое-какіе пустопорожнія мѣста, то они застраиваются домами европейской архитектуры: не проходитъ года, чтобы здѣсь

не появилось нѣсколькихъ большихъ зданій; нижніе этажи ихъ большею частію отдаются подъ помѣщеніе магазиновъ, а въ верхнихъ квартируетъ служащій людъ вышшаго и средняго сословія. На замѣчаніе Грибоѣдова, что порядочное освѣщеніе здѣсь невозможно, скажемъ, что можетъ-быть оно и было справедливо тридцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, когда строенія въ этой части города были раскинуты и отдѣлялись одно отъ другого пустырями, но теперь, когда эта часть застроилась по правильной планировкѣ, она освѣщается съ полнымъ удобствомъ. За нѣсколько передъ этимъ лѣтъ, при князѣ М. С. Воронцовѣ, былъ произведенъ опытъ освѣщенія этого пункта города газомъ. Теперь по всему проспекту и по другимъ улицамъ тянется стройный рядъ фонарныхъ столбовъ, снабжающихъ его достаточнымъ освѣщеніемъ. Сѣверный вѣтеръ и теперь, по прежнему, взмываетъ иногда пылъ вдоль проспекта, но охотники до гулянья не отказываютъ себѣ въ удовольствіи гулять по троттуару, обсаженному двумя рядами деревьевъ или, правильнѣе, по бульвару, который идетъ по всему преспекту. Мысль Грибоѣдова о необходимости постройки здѣсь моста наша почти буквальное осуществленіе въ устройствѣ новаго каменнаго «Михайловскаго моста», соединяющаго центральную часть города съ Куками, — лучшимъ его предмѣстіемъ, застроеннымъ вплоть до нѣмецкой колоніи (такимъ образомъ соединившейся съ городомъ) и далѣе, теперь Куки и Чугурети (а не Чегурети) — не селеніе, какъ называетъ ее Грибоѣдовъ, а, взятая вмѣстѣ, составляютъ саму собою цѣлый городокъ, находящійся въ ближайшей и постоянной связи съ средоточіемъ Тифлиса. Независимо отъ этого моста, — который, дѣйствительно, начинается недалеко отъ Артиллерійскаго дома, у Метехской крѣпости (а не Метинскаго или даже Метехскаго бастиона) есть еще два моста, связывающіе старый городъ съ Авабаромъ или такъ называемою Кахетинскою стороною Тифлиса, (такъ какъ здѣсь выѣздъ или застава на Кахетинскую дорогу). Подъ названіемъ «Старого города» разумѣется та часть Тифлиса, которая въ «Запискѣ» названа настоящимъ городомъ или *кале* (слово арабское знач. крѣпость). Часть эта, сравнительно съ другими, потерпѣла мало измѣненій въ смыслѣ европейскаго благоустройства. Хотя здѣсь нѣтъ теперь ни одного присутственнаго мѣста, но базары, караванъ-сарай и лавки остаются въ прежнемъ видѣ, за немногими исключеніями. Часть эта по-сіе-время носитъ на себѣ характеръ чисто восточный: узкія и кривыя улицы, дома съ плоскими крышами, стоящіе безъ

плана и симметріи, старинныя *дарбазы* (слово персидское, означает главную и большую комнату въ домѣ, или залу, въ которую свѣтъ проходитъ сверху, изъ конусообразнаго купола); — все это весьма мало подверглось измѣненію. Крѣпость Метехская давно уже возобновлена и нынѣ представляетъ видъ европейской цитадели. Предмѣстье *Аслабартъ* очень населено, имѣетъ множество улицъ и въ немъ старыя сакли уступаютъ мѣсто домамъ и другимъ строеніямъ европейской архитектуры. Добавлю, что Тифлисъ (*Тилиси* по-грузински), столица грузинскаго царства съ 493 г., основанъ царемъ Вахтангомъ Гарсалономъ и замѣчательнъ горячими минеральными банями. Общій взглядъ на построеніе Тифлиса представляетъ смѣсь европейской архитектуры съ азіатскою. Отъ Московской заставы почти до Армянскаго базара правильныя улицы, площади, каменные въ два и три этажа дома напоминаютъ собою лучшія улицы большихъ городовъ внутренней Россіи; съ Армянскаго-же базара, (который составляетъ центръ города), до самой Эриванской заставы характеристика города рѣзко измѣняется: улицы и площади узки, переулки тѣсны. Въ этой части города, которую можно назвать «торговою», ремесленники, по прежнему, открыто производятъ свои работы, какъ въ большей части азіатскихъ городовъ. Дома съ плоскими, земляными крышами, издали и съ высоты представляющіе для европейца живописное зрѣлище, вблизи не имѣютъ ничего привлекательнаго. Деревянныхъ домовъ вовсе нѣтъ въ городѣ, оттого и пожары случаются весьма рѣдко. Большая часть домовъ снабжена крытыми балконами и галереями, что въ жаркомъ климатѣ представляетъ большое удобство; по этому-то одинъ изъ современныхъ поэтовъ называлъ Тифлисъ *городомъ многобалконнымъ*.

(144) Т. е. «Рязань, провинція, находящаяся между Окою и Танаисомъ (Дономъ), имѣетъ деревянный городъ не подалеку отъ берега Оки. Въ немъ была крѣпость, называвшаяся Ярославлемъ, которой нынѣ остаются одни слѣды. Недалеко отъ этого города рѣка Ока образуетъ островъ, который называется Струбомъ».

(145) Надо думать, что замѣтки этѣ были дѣланы Грибоѣдовымъ при чтеніи какого-либо сочиненія о Петрѣ: на это указываютъ помѣты — находящіяся вверху «Кн. 1» и первая по порядку «стр. 19». Впрочемъ, я не выдаю этой мысли моей за несомнѣнную: замѣтки этѣ могли быть и чѣмъ-нибудь въ родѣ проэкта или помѣтъ задуманнаго самимъ Грибоѣдовымъ сочиненія о Петрѣ.

(146) Здѣсь пропускъ сдѣланъ самимъ мною — См.

(147) Эта статейка — прозекъ написана ГрибоѢдовымъ на двухъ съ половиной, вмѣстѣ, то-есть рядомъ находящихся въ «Черновой», листахъ, но съ такимъ множествомъ, тамъ-и-сямъ существующихъ, пропусковъ, вставокъ и выпосокъ, что едва можно было привести ее въ такой видъ, чтобы она представляла собой нѣчто послѣдовательное.

(148) Съ боку, на полѣ листа, у ГрибоѢдова приписано: «Это должно быть отнесено въ 1 дѣйствіе, между 1-ой и 2-ой сценой».

(149) Должно быть «дѣвушка». Въ этомъ мѣстѣ рукопись ГрибоѢдова, писанная блѣдными чернилами, до того стерта и захвачена руками, что слова, вмѣсто котораго я поставилъ точки, нѣтъ совершенно никакой возможности разобрать.

(150) Недописано самимъ ГрибоѢдовымъ.

(151) Чегемъ — горная рѣка при сѣверномъ склоненіи Кавказа.

(152) Вариантъ: Выси горъ.

(153) На угонъ коней табунныхъ.

И овецъ золоторунныхъ.

(154) Досягнешь-ли? Вотъ надъ тучей
Двувершинный и могучій... (Эльбрусъ.)

(155) Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ.

(156) Не въ краю вы селъ и нивъ.

(157) И джигитамъ узденямъ.

(158) Плѣнныхъ отроковъ дадимъ.

(159) Этотъ куплетъ вовсе пропущенъ въ печатныхъ текстахъ.

(160) Соч. г. Булгарина, изд. 1844, т. VII, стр. 254.

(161) Ibid.

(162) Я поставилъ точки вмѣсто словъ, которыхъ совершенно невозможно было разобрать.

(163) На отдѣльномъ полу-листѣ (285-мъ моей номераціи), въ самомъ концѣ этѣхъ страницъ — отрывковъ изъ «Грузинской Ночи» находятся, написанныя чрезвычайно блѣдными чернилами и въ обратномъ порядкѣ противъ всѣхъ другихъ страницъ трагеди, слѣдующіе стихи, явно служащіе вариантомъ, или точнѣе, отдѣльною, можетъ-быть даже первоначальною, обработкою этого мѣста трагедіи:

Такъ отъ людей надежды болѣ нѣтъ,
И Вседержителемъ отвергнуто моленье!
Услышите вы отчаянья призывъ.
И мрака порождение!

Далѣе, нѣсколько отступя отъ этихъ стиховъ, Грибоѣдовъ продолжаетъ:

Я крестнымъ знаменемъ отъ васъ оборонялась,
Тогда была добра, имѣла сына я..
(Одна Али появляется на уединенномъ мѣстѣ.)
Кого клянешь?
На чью главу
Бѣды зовешь?

(164) На 283 стр. моей номер. находится, — тоже въ обратномъ порядкѣ противъ страницъ тетради, — слѣдующій вариантъ этого мѣста, написанный чернилами до того блѣдными, что его едва можно разобрать:

Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!..
Лишь тучи длинными грядами
Перебѣгаютъ надъ холмами
И все крутятся... Ахъ, онѣ!

На 284 стр. — еще другой вариантъ:

Но нѣтъ ихъ! Нѣтъ! И чтѣ мнѣ въ чудесахъ
И въ заклинаніяхъ напрасныхъ!
Нѣтъ друга на землѣ и въ небесахъ,
Ни въ Богѣ помощи, ни въ адѣ для несчастныхъ!

(165) На отдѣльной, — 282 моей номер., — страницѣ находятся слѣдующія переработки этого мѣста:

Али.
Ты здѣсь! Но ты, исчадь праха,
Гдѣ ты украла волосъ?
Они намъ сила и душа.
Отдай ихъ намъ...

Умри со страха!

Мы здѣсь, но гибель и напасть
Тому, кто възыщетъ ада власти.
Не цѣпенѣешь-ли со страха,
Увидя насъ, исчадь праха?

Т.

Ахъ! Вотъ онѣ! Языкъ прикованъ мой!
Но не умру съ испуги.
Вотъ ваши волоса... Вотъ судъ вамъ роковой:
Кто ихъ имѣетъ, тѣхъ вы слуги.

(166) Два ряда точекъ, поставленные самимъ Грибоѣдовымъ.

Д. Смирновъ.

АѢНЫ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(Изъ путевыхъ записокъ 1857 года.)

А. МЕЛЮКОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Корфу.

Когда я вышелъ въ Триестъ изъ конторы Ллойда, я былъ веселъ и доволенъ, точно театраль, которому въ потъ лица удалось добыть мѣсто на какой-нибудь вожделънный спектакль. Какъ-же было и не радоваться! Въ карманѣ у меня лежалъ билетъ на право прогулки въ АѢны и Константинополь и паспортъ, визированный уже въ греческомъ и турецкомъ консульствѣ. Наконецъ-то я увижу этотъ край, на который съ любопытствомъ смотритъ теперь вся Европа. Хоть въ одинъ мѣсяцъ и нельзя будетъ понять смысла всей мистеріи, разыгрываемой теперь на Востокѣ, но я увижу по-крайней-мѣрѣ эту любопытную сцену, съ декораціями Архипелага и Босфора, Акрополя и Сераля, взгляну на кого-нибудь изъ актеровъ, а можетъ-быть успѣю подмѣтить два-три явленія, которыя могутъ дать понятіе и о самой драмѣ.

Послѣ завтрака, въ жаркое іюльское утро, сѣлъ я въ лодку и переѣхалъ на Плутонъ. Тамъ собралась уже толпа довольно разнообразная, но съ характеромъ еще европейскимъ: изъ-за черныхъ и сѣрыхъ шляпъ кое-гдѣ только выглядывала красная феска, и среди итальянскаго и нѣмецкаго говора изрѣдка слышалась греческая фраза. Когда матросы,

послѣ третьяго звонка, забѣгали на палубѣ, кругомъ ворота, вытягивая якорную цѣпь, Триестъ въ первый разъ показался мнѣ веселымъ. Скользящіе въ гавани паруса адриатическихъ барокъ, полосатые и клѣтчатые, словно маркизы на итальянскихъ балконахъ, бѣлые ряды амфитеатромъ поднимающихся домовъ и за ними извилистая линія дымчатыхъ горъ, — все это отражалось въ морѣ такъ нарядно и кокетливо, что я забылъ скучную жизнь меркантильнаго наслѣдника Венеціи.

Весь переѣздъ нашъ по Адриатическому морю похожъ былъ на увеселительную прогулку. Ни дождь, ни вѣтеръ не мѣшали любоваться южнымъ воздухомъ... да, именно любоваться! Кто видѣлъ только Балтійское да Нѣмецкое море, тотъ и представить не можетъ всей прелести Адриатики. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Отрантскому проливу, тѣмъ море и небо становились привлекательнѣе. Албанскія горы такъ и таютъ въ солнечномъ свѣтѣ. По яхонтовой поверхности моря разбѣгаются свѣтлыя пятна и разводы, точно бѣлое море на синемъ атласѣ, а пѣна отъ колесъ парохода брызжетъ молочнымъ каскадомъ. Но что за ночи! Небо все въ золотомъ уборѣ. Звѣзды горятъ такъ ярко, какъ-будто ихъ раздуваетъ кто-нибудь. Вода свѣтится фосфорическимъ блескомъ; отъ пароходныхъ колесъ летятъ искры и огненными полосами гаснутъ за кормою. А въ воздухѣ какая-то теплая влажность. Если-бы не опасеніе познакомиться съ южной лихорадкой, то, кажется, цѣлыя ночи готовъ-бы просидѣть на палубѣ.

На третье утро пришли мы въ Корфу. Я выбѣжалъ изъ каюты взглянуть первый разъ на Грецію. И первое впечатлѣніе, по-крайней-мѣрѣ въ живописномъ отношеніи, было прекрасное. Огибая маякъ, входила мы въ гавань. Справа, на песчаныхъ холмахъ зеленѣютъ виноградники, и темныя группы тополей перемежаются блѣдной зеленью маслинныхъ деревьевъ. Прямо на гранитныхъ скалахъ громоздится въ два уступа гранитная крѣпость, окруженная фортами, разбросанными на отдѣльныхъ утесахъ, и сливается съ ними въ одну твердыню. На бастіонахъ вѣетъ англійское знамя, и часовые въ красныхъ мундирахъ двигаются взадъ и впередъ по стѣнамъ, сверкая своими ружьями. Налѣво подни-

мается амфитеатромъ красивый городъ, съ высокими бѣлыми домами, которые тѣснятся и привстаютъ одни надъ другими, какъ-будто затѣмъ, чтобы посмотрѣться въ свѣтломъ заливѣ. А кругомъ синее море и голубыя горы, утопающія въ солнечномъ свѣтѣ.

— Въ одну минуту налетѣло къ пароходу множество легкихъ феллукъ. Гребцы въ соломенныхъ шляпахъ, бѣлыхъ рубахахъ съ красной выпушкой и въ страшно широкихъ черныхъ шароварахъ, прихваченныхъ у колѣнъ и болтающихся назадъ огромнымъ мѣшкомъ, шумно цѣплялись за пароходъ. Цѣлая толпа носильщиковъ и комиссіонеровъ наводнила палубу. Греческія, итальянскія, англійскія фразы слились въ одинъ хаосъ неопредѣленныхъ криковъ. И вся эта тревога была почти напрасна: большая часть пассажировъ оставалась на Плутопѣ, который шелъ кругомъ Мореи, прямо въ Смирну и Константинополь. Только я да двое Грековъ съѣзжали на берегъ. Пароходъ, на которомъ предстояла мнѣ поѣздка въ Лепантскій заливъ, долженъ былъ отправиться вечеромъ. Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани. Надъ колесами его видѣлась надпись: *Oriente*.

Я не успѣлъ опомниться, какъ увидѣлъ свой чемоданъ въ рукахъ какого-то господина, съ черной шелковистой бородою, очень прилично одѣтаго. Онъ кланялся мнѣ съ занскивающей улыбкою и, сверкая глазами, на какомъ-то французско-итальянскомъ нарѣчій предлагалъ свои услуги для обзорѣнія города. Знакомый уже нѣсколько съ такими господами въ Италіи, я хотѣлъ напередъ условиться.

— Вы свезете только мою поклажу на пароходъ и покажете мнѣ какую-нибудь порядочную гостинницу! — сказалъ я.

— *Si, monsieur!* — отвѣчалъ онъ, прыгнувъ въ лодку прямо съ борта.

— Смотрите-же, я беру васъ только на часъ! — прибавилъ я, сходя въ феллуку.

— *Oui, signore!* — закричалъ онъ и уперся обѣими руками въ пароходъ, чтобы скорѣе оттолкнуть лодку.

Я сдалъ чемоданъ на *Oriente* и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже на пристани. Передо мной открылась новая для меня картина. Къ самой набережной примыкаетъ рынокъ.

Не смотря на раннее утро, здѣсь все уже было въ движеніи. На площади навалены горами арбузы, желтые персики, свѣжія фиги, невиданная зелень, какія-то большія золотистыя рыбы. Вокругъ движется пестрая толпа: Греки въ своихъ неизмѣримыхъ коленкоровыхъ шароварахъ и алыхъ курткахъ, мальчики на ослахъ въ привѣшенныхъ съ обѣихъ сторонъ корзинами, полными зелени и плодовъ, женщины подъ черными кисейными покрывалами, разнощики съ аптичными лицами, торговцы съ профилью Аякса.

По гладкой макадамовской мостовой поднялись мы въ городъ. Прямые улицы обстроены прекрасными домами въ итальянскомъ вкусѣ. На балконахъ раскинуты вездѣ полосатые палатки, уставленные цвѣтами; а большія окна, закрытыя зелеными рѣшетками, точно опустили рѣсницы отъ нестерпимаго сіянія солнца. Черезъ полчаса проводникъ привелъ меня къ Hôtel d'Europe.

— Сколько-же я вамъ долженъ? — спросилъ я.

— О, что пожалуете, *signore!* — отвѣчалъ онъ съ кротостью.

Я далъ ему два цванцигера. Въ одну минуту улыбающееся лице моего Іонійца вытянулось какъ-то свирѣпо.

— Два цванцигера! — закричалъ онъ, возвышая голосъ. — Сеньоръ не за нищаго-ли меня принимаетъ?

— Но вѣдь здѣсь платится комиссіонеру четыре франка за весь день, а мы не проходили съ вами и часа.

— Да развѣ *monsieur* не знаетъ, что день и часъ для нашего брата одно и то-же? Вотъ такъ-таки все одно, какъ эти пальцы!

И онъ поднесъ мнѣ къ самому носу два растопыренные пальца.

Я подалъ ему еще цванцигеръ. Онъ торопливо схватилъ его, по въ ту-же минуту закричалъ такъ, какъ-будто я отнималъ у него и прежнія деньги. Мнѣ становилось неловко. Чтобъ отвязаться отъ него, я хотѣлъ уже заплатить за цѣлый день, какъ вдругъ проводникъ мой торопливо повернулся и исчезъ за угломъ. Это меня чрезвычайно удивило. Но загадка тотчасъ-же объяснилась: въ нѣсколькихъ шагахъ показалась рыжая фигура англійскаго полицмена.

Завтракъ мой былъ настоящимъ представителемъ Ионическихъ острововъ. Мнѣ подали англійскій ростбифъ и цѣлую корзину фигъ и абрикосовъ, портеръ и черный кофе въ миниатюрной чашечкѣ.

Я вышелъ бродить по городу. Не смотря на палицій жаръ, улицы казались оживленными. На нихъ встрѣчаются безпрестанно коляски и кэбы съ англійской упряжью, островитяне въ алыхъ и голубыхъ курткахъ на неосѣданныхъ ослахъ, католическіе падре подъ широкополыми шляпами à la don Basilio, англійскіе офицеры въ красныхъ мундирахъ, греческіе попы съ большими бѣлыми зонтиками. Все это придаетъ городу видъ очень живописный. Солнце загнало меня въ городской садъ, который называется здѣсь Эспланадой. Какая пышная растительность! Прямая аллея изъ колоссальныхъ акацій полна тѣнью и прохладой, а между ними— то темный кипарисъ взлетаетъ вверхъ тонкимъ обелискомъ, то вѣрная пальма широко раскидываетъ свои изящные листья. Но запахъ отъ лимонныхъ деревьевъ и цвѣтущихъ гераній такъ густъ и поразителенъ, что черезъ часъ мнѣ стало душно въ этой благовонной атмосферѣ, и я вышелъ перевести духъ отъ ошеломляющаго избытка благоуханія.

На улицѣ встрѣтилъ меня мой утренній проводникъ. Съ необыкновенной кротостью и привѣтливой улыбкой освѣдомился онъ, доволенъ-ли я гостинницей. Я поблагодарилъ его за любезность, но онъ не отставалъ отъ меня.

— Сеньору надобно посмотрѣть городъ! — говорилъ онъ, забѣгая передо мною.

— Я и безъ васъ увижу!

— Какъ это можно! Non è possibile! Monsieur долженъ взглянуть на домъ графа Каподистри. Лучше меня никто не покажетъ. Да мнѣ и дѣлать-то больше нечего; я теперь совсѣмъ свободенъ. Мнѣ и денегъ не надо... Un zwanziger per tutto giorno, monsieur!

— Послушайте: ежели вы не оставите меня въ покоѣ, то я найду противъ васъ талисманъ.

— Талисманъ, signore! какой это?

— Полисмена! — сказалъ я, возвышая голосъ.

Это магическое слово подѣйствовало сильнѣе, чѣмъ я

думалъ. Злой духъ мой исчезъ, точно въ-самомъ-дѣлѣ отъ какого-нибудь волшебнаго заклинанія.

Въ Корфу я замѣтилъ одну общую черту съ Миланомъ. Какъ Ломбардцы вездѣ избѣгаютъ Австрійцевъ, такъ и Греки не сходятся никогда съ Англичанами. Ни на улицахъ, ни въ кофейняхъ не видалъ я ни разу краснаго мундира подлѣ бѣлой фустанеллы. Видно, въ наше время отношенія между работителемъ и притѣспеннымъ вездѣ одни и тѣ-же, будетъ-ли цѣпь между ними просто желѣзная, какъ въ Ломбардіи, или позолоченная конституціями и палатами, какъ на Ионическихъ островахъ.

Я засталъ Корфиотовъ въ сильномъ волненіи. Въ городѣ шли горячіе толки о проэктѣ Англіи колонизировать Корфу. Покровительница ионической республики, въ материнской заботливости о процвѣтаніи острова, вздумала заселить его англійскими земледѣльцами. Новость эта взволновала городъ. Затаенная ненависть къ Англичанамъ вся вышла наружу. Палата протестовала и выразила народное желаніе о соединеніи острововъ съ Греческимъ королевствомъ. Конечно, такія желанія передъ стѣнами гранитныхъ фортовъ и подъ сѣнью англійскихъ пушекъ, останутся не больше, какъ утѣшительными *ria desideria*. Но опасеніе-ли общественнаго мнѣнія, какъ говорятъ Греки, или скорѣе война въ Индіи подѣйствовала на «жоварный Альбіонъ», только онъ на этотъ разъ уступилъ и отказался отъ своего плана ионической колонизаціи. Это чрезвычайно одушевило Грековъ.

Когда я зашелъ послѣ обѣда въ кафе передъ Эспланадою, вокругъ столиковъ живописными группами сидѣли Греки. Дымя изъ длинныхъ трубокъ, или перебирая зерна своихъ комболой, они шумно толковали о колонизаціи и рѣшеніи палаты, гордо поглаживали усы и кидали вызывающіе взгляды на проходившихъ мимо англійскихъ солдатъ. Тутъ встрѣтилъ я одного изъ пассажировъ Плутона, пожилаго Грека, съ которымъ познакомился на пароходѣ. Онъ подсѣлъ ко мнѣ, и мы разговорились.

— Слышали вы, какую гуманную мѣру придумалъ Пальмерстонъ? — сказалъ мой знакомецъ, — населить Корфу Ан-

глицанами, стереть съ него совсѣмъ греческое населеніе! Какова мысль?

— Однако-же я слышалъ, что гроза прошла на этотъ разъ мимо! — замѣтилъ я.

— А надолго-ли? Англичане не скоро отказываются отъ того, что разъ засядетъ имъ въ голову. Мы сами виноваты: зачѣмъ было отдаваться въ руки Англіи! Видѣли форты? Вонъ въ какихъ гранитныхъ объятіяхъ держитъ она друзей своихъ.

— Такъ вы полагаете, что Ионическимъ островамъ было-бы лучше подъ покровительствомъ Россіи?

— Во-сто-разъ лучше. Россія не давила-бы нашей торговли, не захватывала-бы флотовъ нашихъ по проискамъ какого-нибудь Пачифико, не поддерживала-бы въ Греціи разбойниковъ, чтобъ представить ее страной анархической!

— Но вѣдь Англичане воздѣлали вашъ островъ, провели шоссе, построили мосты. У васъ есть университетъ, свобода книгопечатанья, палата... она вотируеть соединеніе съ Греціей, и ее не распускаютъ. Согласитесь, что и это чего-нибудь стоитъ въ наше время!

— Такъ.... да зачѣмъ у насъ на шею вотъ этотъ гранитный ошейникъ!

И онъ показалъ на фортъ, чернѣвшій вдали передъ окнами кофейни.

Солнце садилось, и горы начинали подергиваться темно-синей дымкой, когда я отправился на пристань. По улицамъ пахло миртами и лимонами, и на балконахъ мелькали женскія фигуры, подъ черными кружевными покрывалами. Въ городѣ начли зажигать газъ, и крѣпость исполнинскимъ темнымъ силуэтомъ вырѣзывалась на розовомъ свѣтѣ заката.

Гребецъ съ длинными сѣдыми усами перевезъ меня на Oriente, гдѣ собирались уже поднимать якорь.

II.

Лепантскій заливъ.

Пароходъ, на которомъ предстояло намъ путешествовать до Кориноскаго перешейка, былъ настоящій ковчегъ. Гото-

вась къ поѣздкѣ, онъ какъ-будто нарочно забралъ экземпляры всѣхъ животныхъ и образцы разныхъ народностей. Напередѣ стояла лошадь англійскаго офицера, уѣзжавшаго въ Санта-Мауру, подлѣ нея мычалъ теленокъ и неумолкаемо блѣялъ толстый баранъ; въ рѣшетчатыхъ ящикахъ кричали куры и утки и хлопали индѣйки. У самой паровой печи, въ большой жестяной клѣткѣ сидѣли три зеленые попугая, и какой-то господинъ съ черными усиками давалъ имъ уроки новогреческаго языка. На палубѣ было немалое разнообразіе: капитанъ Иллиріецъ, матросы — Далматы, пассажиры — Греки, Англичане, Итальянцы, Французы. И все это населеніе ковчега шумѣло и кричало такъ, что, казалось, я попалъ на какой-нибудь рынокъ въ минуту вавилонскаго смѣшенія языковъ. Ночью куры, пассажиры и попугай пріутихли, но баранъ кричалъ не переводя духу, и къ этому присоединилось богатырское храпѣнье Англичанина, да рѣзкій говоръ двухъ Итальянцевъ, которые перекидывались изъ одного угла каюты въ другой нестерпимо-звучными фразами. Я заснулъ только подъ-утро.

Меня разбудилъ шумъ на пароходѣ: мы пришли въ Превезу. Это первый турецкій городъ, который я вижу. Съ моря онъ очень живописенъ. Бѣлые домики плотно тѣснятся на берегу залива, выступая впередъ верхними этажами; а надъ ними легко взлетаетъ остроконечный минаретъ, посреди группы такихъ-же тонкихъ, стрѣльчатыхъ кипарисовъ, которыхъ темная зелень пріятно гармонируетъ съ голубымъ отливомъ Эпирскихъ горъ, замыкающихъ весь ландшафтъ.

Не смотря на раннее утро, картина была очень-оживлена. На берегу пестрѣли толпы Грековъ и Турокъ, а на рейдѣ взадъ и впередъ сновали легкія лодки. Кажется, мы пришли сюда затѣмъ, чтобы дополнить населеніе нашего ковчега новыми видами. На палубу легко взбѣжали двое Эпиротовъ, въ сѣрыхъ овчинныхъ буркахъ, красиво наброшенныхъ на одно плечо, и въ бѣлыхъ вязанныхъ колпакахъ съ длинной кистью. Медленно поднялся турецкій офицеръ, молодой человекъ съ старческимъ, изношеннымъ лицомъ, въ однопортномъ форменномъ сюртукѣ и круглой малиновой фескѣ. За нимъ взобрался съ двумя круглыми чемоданами деньщикъ

его, низенькій, толстый Турокъ съ сѣдыми усами. Это была фигура довольно-оригинальная. На голое тѣло надѣта у него была зеленая куртка на истасканномъ лишемъ мѣху, съ рукавами до локтей, и подъ нею виднѣлась загорѣлая мохнатая грудь. Шаровары, взятые съ какого-то великана и обрѣзанные выше колѣнъ, висѣли такъ низко, что, казалось, у него вовсе не было ногъ, а однѣ только ступни. На головѣ, сверхъ полинялой фески, повязанъ былъ желтый платокъ въ видѣ какого-то жалкаго подобія чалмы. И все это было въ состояніи близкомъ къ разрушенію.

Сложивъ чемоданы въ переднемъ концѣ парохода, онъ поглядѣлъ кругомъ и, не смотря на то, что на скамейкѣ были еще свободныя мѣста, подошелъ къ якорной цѣпи, сложенной грудю на палубѣ, приладился на ней, согнувшись на корточкахъ, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ закурилъ трубку.

Передъ Санта-Маурой мы позавтракали пилавомъ изъ ненавистнаго барана и высадили на берегъ Англичанина съ лошадыю, а передъ Кефалоніей съѣли за обѣдомъ куръ и теленка и избавились отъ крикливыхъ Итальянцевъ. Все это обѣщало впереди болѣе спокойную ночь.

Когда послѣ обѣда я развернулъ свою дорожную карту, турецкій офицеръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ: есть-ли на ней дорога къ Стамбулу. Я показалъ ему.

— Далеко вы ѣдете? — заговорилъ онъ.

— Въ АѢины, въ Константинополь.

— Вы Фрунцузъ?

— Русскій.

— Вѣрно по торговымъ дѣламъ?

— Нѣтъ, только изъ любопытства.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и недовѣрчивостью. Я въ свою очередь узналъ, что его зовутъ Османъ-агою и что онъ ѣдетъ на бэйрамъ въ Константинополь. Впрочемъ, Турокъ величалъ себя агою на томъ-же, кажется, основаніи, какъ у насъ статскіе совѣтники любятъ величаться генералами.

При закатѣ солнца мы пришли къ Занту. Берега Іоніи-

ческих острововъ голы и лишены земли, только кое-гдѣ одинокая хижина или вѣтреная мельница показываютъ, что на нихъ есть населеніе. Занятъ гораздо веселѣе и привѣтливѣе. Высокіе берега его покрыты зеленою оливковыхъ роуцъ и виноградниковъ, а по вершинамъ горъ лѣнятся вѣтренныя мельницы, поворачивая медленно своей восьмикрылой звѣздой. У подножія холмовъ, полукругомъ замыкающихъ портъ, раскинутъ красивый городъ, съ рядами бѣлыхъ домиковъ, которые гнѣздятся по берегу, какъ стая отдыхающихъ чаекъ. Когда мы остановились, весь онъ былъ залитъ розовымъ свѣтомъ вечерней зары, въ которомъ окрестныя горы тонули черными силуэтами.

Нигдѣ не слыхалъ я такого шума, съ какимъ здѣсь спу-скали на берегъ пассажировъ: это былъ цѣлый хаосъ бѣготни, криковъ и сумятицы. Когда феллуки облѣпили со всѣхъ сторонъ пароходъ и толпа лодочниковъ наводнила палубу, можно было подумать, что насъ берутъ на abordажъ какіе-нибудь разбойники. Оборванцы въ красныхъ фескахъ и соломенныхъ шляпахъ прыгали на пароходъ, соскакивали опять въ лодки, бѣгали по палубѣ, хватались за ящики, за пассажировъ. Въ смѣшанномъ гулѣ сотни голосовъ слышались только призывные крики: Георги! Спиры! Дмитри!

Когда я, облокотясь на бортъ, смотрѣлъ, какъ лодки тѣснились къ пароходу, едва не взлетая одна на другую, подлѣ меня раздались громкіе крики: Платоно! Аристотели! Я обернулся, заслыша такія классическія имена. Оказалось, что они принадлежали двумъ лодочникамъ, въ черныхъ шароварахъ и алыхъ фескахъ, натянутыхъ на соломенные шляпы. Оба они возились на палубѣ, около двухъ большихъ ящиковъ, и въ двухъ шагахъ другъ отъ друга кричали во всю мочь звонкаго горла.

— Платоно! иди сюда!—ревѣлъ одинъ, который чувствовалъ, кажется, что ящикъ ему не подь-силу.

— Тащи свой, Аристотели!—вопилъ другой, возясь съ бесплоднымъ напряженіемъ около другого сундука.

— Одному не стащить!—отвѣчалъ положительный Аристотель, окончателью убѣжденный въ невозможности подвинуть ящикъ.

— Берн спльнѣ! — кричалъ идеальный Платонъ, съ благородной увѣренностью въ своихъ силахъ.

Эта философская борьба заинтересовала меня, — и я ждалъ, чѣмъ она кончится. Вдругъ Аристотель въ порывѣ отчаянія плюнулъ энергически на свой ящикъ и бросился къ сундуку собрата, съ очевидной цѣлью раздѣлить его трудъ; но Платонъ, не теряя еще идеальной надежды одному заработать то, что иначе придется раздѣлить на двоихъ, брыкнулъ его ногою въ грудь, такъ-что тотъ снова отлетѣлъ къ своему сундуку. Въ это время капитанъ замѣтилъ классическую борьбу. Онъ кивнулъ головой матросамъ. Двое здоровыхъ Далматовъ схватили за шиворотъ обоихъ противниковъ и прямо черезъ бортъ вытолкали въ лодку. Платонъ и Аристотель обмѣнялись десяткомъ звучныхъ ругательствъ, а потомъ какъ истинные философы принялись грести къ пристани.

Когда мы пошли отъ Занта, на маякѣ кружились уже огни, отбрасывая широкія красныя полосы на темное море. Мы опять повернули къ сѣверу, чтобы начать прогулку по Лепантскому заливу.

Въ Ионическомъ морѣ поразила меня истина и простота греческихъ мифовъ. Ихъ создала здѣсь сама природа. Взглянешь на небо передъ восходомъ солнца, и образъ Авроры съ розовыми перстами самъ собою приходитъ въ голову; увидишь, какъ солнце поднимается изъ-за горъ Ахайи въ нестерпимо ослѣпительномъ блескѣ — и колесница Феба кажется не мечтою, а самымъ простымъ объясненіемъ явленія. Рожденіе Киприды изъ морской пѣны не понятно гдѣ-нибудь на Балтійскомъ морѣ, а здѣсь это голая дѣйствительность. Когда вода закружится въ широкую волну и, сверкнувъ на солнцѣ нѣжной спиевою, опадетъ и рассыплется въ спѣзкую пѣну, — такъ и кажется, что вотъ сей-часъ поднимется изъ нея античный торсъ богини. Все это такъ естественно, такъ мало требуетъ воображенія или легко настраиваетъ ваше собственное, что готовъ отказать древнимъ Грекамъ въ изобрѣтательности. Кажется, всякій другой народъ, живя подъ этимъ небомъ, создалъ-бы тѣ-же самые мифы, такіе-же точно образы.

Рано утромъ мы бымы уже въ виду Миссолонги. Какъ

ни хотѣлось мнѣ посмотреть этотъ греческій Севастополь и взглянуть на могилу Байрона, но пароходъ нашъ остановился на четверть часа и съѣхать на берегъ было невозможно.

Черезъ три часа Oriente бросилъ якорь въ гавани Патраса. Сначала капитанъ хотѣлъ пробыть здѣсь только до обѣда, а потомъ намъ сказали, что, по случаю большой нагрузки товаровъ, пароходъ останется до слѣдующаго утра. Мнѣ было досадно, что я не вышелъ въ Миссолонги.

Патрасъ раскинутъ у самой подошвы Ахайскихъ горъ, которыя извиистой линіей вырѣзываются на голубомъ небѣ, До-сихъ-поръ я видѣлъ еще англійскую колонію, теперь мы въ настоящей Греціи! Съ перваго взгляда видно, что городъ растетъ и богатѣетъ: по улицамъ строятся новые дома, набережная уставлена кладовыми и магазинами, въ гавани стоятъ тѣсными рядами корабли, на пристани множество лодокъ. Какъ-же и не цвѣсти Патрасу! Онъ первый торговецъ коринкой, а коринка въ Греціи то-же самое, что пшеница въ южной Россіи: отъ ея неурожая останавливаются торговля дѣла, теряютъ вкусъ англійскіе пудинги. Вотъ почему все благосостояніе города, всѣ его интересы основаны на одномъ только урожаѣ коринки. Первый слухъ о болѣзни винограда въ Мореѣ былъ для него настоящимъ—
to be or not to be.

Разумѣется, Патрасъ могъ-бы играть и другую роль. Какъ средоточіе торговли между Ионическими островами, Мореею и Эпиромъ, онъ могъ сдѣлаться главнымъ торговымъ пунктомъ во всей Греціи. Но ему мѣшаетъ завистливое соперничество Сиры. Племенная вражда между округами, которая такъ вредила Грекамъ въ войнѣ за независимость, переродилась теперь въ коммерческое соперничество между городами и точно такъ-же вредить ихъ торговлѣ. Какъ, бывало, предводители изъ-зависти другъ-къ-другу дѣйствовали порознь, истощали силы въ интересахъ и междоусобіяхъ, такъ точно соперничаютъ теперь коммерческіе города, подрывая взаимный кредитъ и общія выгоды. Купцы наследовали въ Греціи нетерпимость клеветовъ. Недавно какъ-то вздумали открыть въ Патрасѣ порто-франко. Но едва только вѣсть объ этомъ пришла въ Сирю, она взволновалась, какъ-

будто дѣло шло о томъ, чтобъ взорвать ее на воздухъ; начались интриги, протесты — и правительство принуждено было отказаться отъ своего плана.

Въ городѣ я встрѣтилъ погребальную процессію: это были похороны русскаго вице-консула Калуераки. Она тянулась по главной улицѣ къ Андреевскому собору. Впереди съдой старикъ несъ корзину съ хлѣбомъ и виномъ. За нимъ шелъ низенькій Грекъ, точно разнощикъ, съ плоской гробовой крышкой на головѣ; а позади выступала длинная, сухая фигура съ огромнымъ блюдомъ, на которомъ дымилась курильница. За этимъ передовымъ отрядомъ двигалось духовенство въ шерстяныхъ полнялыхъ ризахъ. Позади всѣхъ, между двумя дяконами, вооруженными восковыми факелами, шелъ митрополитъ морейскій. Вся эта духовная толпа пѣла какой-то погребальный концертъ, съ помощью десятковъ двухъ свѣтскихъ аматеровъ. Трудно представить что-нибудь непріятнѣе этого пѣнія: гимнъ исполнялся не голосами, а тремя десятками большихъ греческихъ носовъ, которые изо-всѣхъ-силъ заливались въ рѣзко-гнусливыхъ звукахъ какого-то нестерпимо-однообразнаго напѣва. Тутъ не было и слѣдовъ какого-нибудь согласія: одинъ носъ быстро уносился впередъ, другой отставалъ, иной на минуту замолкалъ, наклоняясь къ платку, и потомъ опять начиналъ тянуть свою ноту, не заботясь ни мало, что другіе давно опередили его. Передъ гробомъ трое мальчиковъ кидали въ народъ конфеты изъ плетеныхъ корзиночекъ. Ребятишки, а нерѣдко и высокіе атлеты съ сѣдѣющими усами бросались со всѣхъ ногъ подбирать эти даровыя лакомства. Гробъ несли родные покойника, а кисти покрыва поддерживали консулы. Солнце жгло немилосердо, и густая толпа валяла за гробомъ, въ облакахъ раззолоченной пыли, при едва замѣтномъ мерцаши свѣтѣ, тонувшемъ въ яркомъ дневномъ свѣтѣ.

Я провелъ весь день въ гостепримномъ домѣ консула. Вечеромъ мы гуляли по городу. Въ Патрасѣ національный костюмъ не тронуть еще прикосновеніемъ европейской моды; бѣлая фустанелла и алый фесъ съ голубой кистью одинаково видны и на богатомъ купцѣ, и на послѣднемъ лодочникѣ. Правда, женщины начинаютъ уже носить французское платье,

но и у нихъ остались еще вышитые греческіе паруканники и феска съ длинной золотой кпстью. Поздно ночью сѣлъ я въ лодку, чтобы переѣхать на пароходъ: за кормою бѣжала огненная струя и отъ веселья брызгали сверкающія искры.

Утромъ вошли мы въ Лепантскій заливъ. При самомъ входѣ встрѣтила насъ цѣлая стая дельфиновъ; они прыгали черезъ волны, кувыркались, ныряли, играли на солнцѣ и неутомимо гнались за пароходомъ. Изъ Лепанто мы пошли въ Востипу, а оттуда въ Амфису, кидая якорь то на сѣверномъ, то на южномъ берегу залива, и провожаемые взадъ и впередъ дельфинами. Что за прелесть этотъ Лепантскій заливъ! Вокругъ тянутся горы, выгибаясь изящными линиями, и изъ-за нихъ выглядываютъ кое-гдѣ вершины Парнаса ослѣпительно-бѣлыми пятнами снѣговъ; по берегамъ, у самой подошвы ближнихъ холмовъ, лѣнятся городки и селенія, ярко вырѣзываясь на темномъ фонѣ горной цѣпи, а по синей поверхности моря скользятъ легкія фелуки и каравеллы, блистая длинными и тонкими парусами, какъ распушенными крыльями. Не хочется глазъ отвести отъ этихъ чудныхъ горъ, которыя на первомъ планѣ желтѣютъ золотистымъ отливомъ, а вдали пропадаютъ въ дымкѣ фіолетоваго тумана. Онѣ, разумѣется, не такъ высоки, какъ Альпы, но отъ пѣжности воздуха или соразмѣрности залива кажутся величественнѣе, и линіи ихъ нѣжнѣе и живописнѣе.

Деньщикъ Османа-аги по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на грудѣ якорныхъ цѣпей. Изрѣдка вставалъ онъ подать трубку, потомъ опять возвращался на пригрѣтое мѣсто и опускался на корточки на своемъ желѣзномъ сидѣннѣ. Но этотъ постоянный кейфъ на якорной цѣпи значительно дѣйствовалъ на его шаровары: они видимо разрушались и подавали надежду не доѣхать въ Константинополь. Утромъ, проходя мимо Турка, я замѣтилъ, что онъ набилъ трубку и до поту лица трудился надъ избитымъ огнемъ. Я подалъ ему спичку, и онъ поблагодарилъ меня, проворно приложивъ руку ко лбу и къ колѣну. Съ помощью пантомимы я умудрился спросить, какъ его зовутъ.

— Мустафа! — проговорилъ онъ, ткнувъ себя въ грудь чубукомъ.

Послѣ этого онъ обернулъ чубукъ, и указывая на меня, спросилъ:

— Фиренги?

— Московъ!—отвѣчалъ я.

Это видимо не понравилось моему новому знакомцу: онъ еще ниже присѣлъ на корточки, уставилъ впередъ ни на что не смотрѣвшіе глаза и погрузился въ кейфъ на своей якорной цѣпи.

Отъ Амфисы шли мы придерживаясь сѣвернаго берега. Налѣво тянулись зубчатыми изгибами сѣрыя скалы Эппра, направо горы Морей въ синевато-дымчатыхъ фестопахъ; а прямо передъ нами, въ ясной дали, начала подниматься темная гора, съ бѣлой точкою наверху, которую я принялъ за полосу сигга. Съ каждой минутой гора эта стаповилась все виднѣе, а свѣтлая точка на ней ярче и отчетливѣе, и наконецъ превратилась въ бѣлое зданіе. Это былъ Акрокопиноъ.

III.

КОРИНОСКІЙ ПЕРЕШЕЕКЪ.

При всей антипатіи къ Австріи, нельзя не сознаться, что компанія триестскаго Ллойда заслуживаетъ полное уваженіе туристовъ. Пароходы ея удобны и чисты, буфетъ не роскошный, но свѣжій, цѣны за мѣста и обѣдъ умѣренныя, обращеніе съ пассажирами внимательное и вѣжливое. Здѣсь не заставляютъ васъ обѣдать насильно на пароходѣ, какъ иногда бываетъ на Рейнѣ, и капитанъ отвѣчаетъ на ваши вопросы не однимъ свистомъ, что случается нерѣдко въ Англіи. Нѣмецкая компанія Ллойда до-того даже любезна къ путешественникамъ, что совсѣмъ не держитъ на своихъ пароходахъ Нѣмцевъ: вся команда и прислуга на нихъ набрана изъ Далматовъ и Илирійцевъ.

Передъ самымъ обѣдомъ пришли мы къ деревенькѣ Лугтраки, на западный конецъ Кориноскаго перешейка. Здѣсь должно было оставаться до утра, когда отправляется почтовый поѣздъ черезъ перешеекъ. Одни пассажиры остались обѣдать на пароходѣ, другіе поѣхали на берегъ. Прекрас-

ный домъ лloydской компаніи построенъ у самаго залива для сбора и отдыха пассажировъ. Спереди примыкаетъ къ нему открытый перистиль, вымощенный мозанкой изъ бѣлыхъ и черныхъ раковинъ. Въ одной половинѣ дома столовая зала, въ другой—пассажирскія комнаты, съ особой половиной для дамъ. Вездѣ чисто и удобно. Вокругъ зеленѣютъ мнртовые кусты и цѣлая роща олеандровъ, залитыя цвѣтами.

Наканунѣ познакомился я на пароходѣ съ молодымъ Грекомъ изъ Кефалоніи, который пять лѣтъ назадъ учился въ аѳинскомъ университетѣ и теперь ѣхалъ хлопотать по какому-то процессу въ столицу. Его звали Ликадисомъ. Онъ предложилъ мнѣ, кажется изъ экономіи, отобѣдать въ народной тавернѣ, и я, какъ охотникъ до мѣстныхъ красокъ, съ удовольствіемъ согласился.

Мы пошли вдоль залива. Позади гостинницы группируется съ подлужины каменныхъ домиковъ. На одномъ изъ нихъ увидѣли мы вывѣску: *Locanda delle isole Jonie*. Толпа въ національныхъ костюмахъ, пестрѣвшая у дверей, показывала, что, не смотря на итальянскій титулъ, это самая народная таверна во всей Лутраки. Мы вошли.

Въ большой комнатѣ, прямо передъ входомъ, стояла огромная низенькая печь, точно какой-нибудь жертвенникъ, гдѣ на грудѣ горячихъ угольевъ кипятилось множество маленькихъ, закоптѣлыхъ кофейниковъ. Налѣво тянулся длинный прилавокъ, и на немъ разставлены были кадки съ черными, какъ уголь оливками, блюда жареной рыбы, жаринны съ арбузами и абрикосами, тарелки съ краснымъ и бѣлымъ рахатъ-лукумомъ и цѣлый рядъ бутылей съ виномъ темно-сандальнаго цвѣта. За прилавкомъ стоялъ трактирщикъ или ксенодохосъ, смуглый мущина въ фустанеллѣ и фесѣ, съ длинными усами и распущенными по плечамъ локонами. Направо, за длиннымъ столомъ, обставленнымъ скамьями, сидѣли живописнымъ рядомъ Греки, поджавъ ноги по-турецки, и одни ѣли оливки или прихлебывали изъ крошечныхъ фиджановъ черной кофе, другіе дымили длинныя трубки. Два мальчика въ черныхъ коленкоровыхъ шароварахъ и красныхъ курткахъ бѣгали взадъ и впередъ, то разносили ку-

шанье съ прилавка, то подавали съ очага уголья для трубок тонкими желѣзными щипцами. Среди общаго молчанія изрѣдка слышався возгласъ: Леонидасть! И ксенодохосъ выходилъ на этотъ призывъ изъ-за прилавка выслушать какое-нибудь требованіе или получить деньги.

Мы сѣли въ концѣ стола и попросили Леонида приготовить намъ греческій обѣдъ. Онъ не заставлялъ дожидаться. Мальчикъ проворно началъ подавать намъ издѣлія эллипской кухни. Прежде-всего явилось блюдо черныхъ оливокъ, привлекательныхъ развѣ только для Грека да записнаго туриста. Эта національная закуска смѣнилась яичами, жареными въ оливковомъ маслѣ, за которыя едва-ли принялся-бы и самый пламенный филеллинъ. За тѣмъ подали плавъ съ бараниной, и наконецъ угощеніе заключилось тарелкою персиковъ и рахатъ-лукума и большой кружкой морейскаго вина, которое Овидій величалъ молокомъ Киприды. Оно показалось мнѣ очень-горько. Пиръ этотъ обошелся намъ въ одну драхму, то-есть немного больше двугривеннаго. И вѣроятно, мы позволили себѣ роскошь, не совсѣмъ обыкновенную въ деревенской тавернѣ, потому-что Леонидъ на прощаньи вышелъ изъ своихъ «термопиль» и проводилъ насъ величественнымъ поклономъ.

Не смотря на то, что Коринѣъ лежалъ всего на полчаса пути, мнѣ не удалось побывать въ немъ: клефты своими грабежами нагнали здѣсь такой страхъ, что я не могъ найти ни товарищей, ни проводниковъ. На предложенья мои отвѣчали разсказами о томъ, какъ въ прошломъ году клефты остановили пассажирскій поѣздъ Ллойда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни, а нынче весною среди бѣлаго дня захватили богатаго греческаго купца въ самомъ Коринѣѣ. Я хотѣлъ нанять жандармовъ, которые стояли въ Лутраки, но и тѣ отказались, боясь, что мы не успѣемъ воротиться до наступленія ночи.

Отъ нечего дѣлать пошли мы на горячій ключъ, отъ котораго деревня получила названіе. Узенькая тропинка вилась въ чащѣ олеандровыхъ кустовъ, у самаго подножія Эпирскихъ горъ, гдѣ по обрывамъ лѣпились мирты и иммортели. Здѣсь нѣсколько нашихъ пассажировъ купалось въ водѣ, го-

рячей какъ щолокъ. Я подговорилъ человѣкъ пять идти въ открытое море. Что за вода! Она такъ густа и съ такой легкостью поддерживаетъ васъ, что кажется и утонуть въ ней нельзя безъ особаго искусства. Если таковъ и Гелеспонтъ, то неудивительно, что Байроузъ перенялъ его.

Когда мы возвращались провести послѣднюю ночь на Oriente, Лутраки принимала вопиющій характеръ: на восточномъ краю деревни расположился пикетъ жапцармовъ, поставилъ при входѣ часовыхъ и двухъ конныхъ выслалъ впередъ на дорогу.

Рано утромъ разбудилъ меня шумъ на пароходѣ; это свозили на берегъ наши чемоданы. Пока мы пили кофе въ станціонномъ домѣ, на площадкѣ появился шумный поѣздъ: пять каретъ, запряженныхъ четверками лошадей, восемь парныхъ каросси или рѣшетчатыхъ телѣгъ и одна большая фура, къ которой прицѣплено было три лошади и двѣ пары муловъ. Сбруя, связанная на живую нитку веревками, безконечное прилаживанье пастромокъ, безтолковые крики и бѣготня, — все сильно напоминало наши почтовые станціи. Только пестрыя тряпки яркихъ костюмовъ да звучная энергія греческой рѣчи говорили о классической Эладѣ. Погонщики съ крикомъ и бранью кидали въ фуру наши чемоданы, а передъ нхъ шумной толпою, низко опустясь на корточки, сидѣлъ Мустафа и невозмутимо курилъ свою длинную трубку.

Пассажировъ съ билетами перваго и втораго класса пригласили садиться въ кареты, остальныхъ помѣстили въ каросси. Смотритель станціоннаго дома вышелъ спросить, все ли довольны мѣстами, извозчики въ изорванныхъ фустанеллахъ махнули вмѣсто кнутовъ длинными хворостинами изъ олеандровыхъ вѣтвей, и при шумныхъ крикахъ мы двинулись изъ Лутраки.

При выѣздѣ изъ деревни поѣздъ остановился. Тутъ ждалъ насъ цѣлый караванъ для общаго переѣзда черезъ Коринѳскій перешеекъ. Крестяне на лошадяхъ, въ овчинныхъ буркахъ и бѣлыхъ колпакахъ, ослы навьюченные большими корзинами и мѣшками, женщины верхомъ на мулахъ, съ грудными дѣтьми на рукахъ, — все это составляло картину очень характерную. Черезъ нѣсколько минутъ явился отрядъ кон-

ныхъ жандармовъ, въ синихъ мундирахъ французскаго покроя: двое расположились впереди поѣзда, другіе при багажной фурѣ и экипажахъ. Это нашъ конвой на случай нападенія клефтовъ. Они выправили ружья, — и караванъ нашъ съ необыкновенной здѣсь тишиною и важностью выступилъ на гладкое шоссе, которое недавно австрійская компанія провела на свой счетъ черезъ весь перешеекъ.

Дорога пролегла прекрасной долиною, поросшей кустами миртъ и дикими оливами и замкнутой съ одной стороны ближними отрогами Эпирскаго хребта, а съ другой извилистой линіей Морейскихъ горъ, надъ которой ярко свѣтилась въ воздухѣ бѣлая цитадель Акрокоринна. По откосамъ холмовъ гѣпшлись кусты олеандровъ и желтыхъ иммортелей, а изъ тощей зелени, до половины спаленной солнцемъ, слышалось бѣшеное стрекотанье классическихъ цикадъ, которыя при торжественномъ молчаніи нашего поѣзда задавали самый оглушительный концертъ. Между-тѣмъ въ кустахъ и на вышенихъ безпрестанно показывались группы изъ двухъ или трехъ жандармовъ, которые опершись на ружья или прислонясь къ дереву, внимательно смотрѣли въ горы.

Я помѣстился въ каретѣ съ Ликадисомъ. Напротивъ меня сѣлъ Османъ-ага, а подлѣ него старый Грекъ съ сѣдыми усами, положи правую ногу на лѣвое колѣно, одной рукой держался за свой желтый тубель, а въ другой перебиралъ комболою. Оба мои христіанскіе товарища очевидно недовольны были присутствіемъ Турка. Когда я обращался съ какимъ-нибудь вопросомъ къ офицеру, Ликадисъ посматривалъ на меня съ огорченіемъ, а старикъ громко вздыхалъ и поспѣшно отсчитывалъ пальцемъ зерна своихъ четокъ. Всякій разъ, когда жандармъ скакалъ мимо насъ впередъ, онъ съ испугомъ подымалъ брови и посматривалъ на горы.

Разговоръ натурально зашелъ о греческихъ разбойникахъ. Клефты имѣютъ свою исторію. Это почтенное сословіе возникло вмѣстѣ съ турецкимъ поработченіемъ. Въ то время всякій, кто ненавидѣлъ притѣсненіе, бѣжалъ въ горы: разбой сдѣлался почти законнымъ протестомъ противъ мусульманскихъ варваровъ. Часто люди самые благородные спасались въ горы отъ петли или ятагана и дѣлались клеф-

тами. Щадя земляковъ, горцы эти неумолимо преслѣдовали Турокъ. Поэтому имя разбойника сдѣлалось однозначительно съ именемъ патриота, давало право на уваженіе, становилось почетнымъ титуломъ. Какъ-скоро началась война съ Турками, клѣфты явились первые на защиту отечества и образовали тѣ смѣлыя толпы, которыхъ не могли одолѣть цѣлыя турецкія арміи; изъ рядовъ ихъ вышли десятки героевъ, эти Карайскаки, Одиссеи, возбуждавшіе удивленіе во всей Европѣ. Съ освобожденіемъ Греціи эти люди нелегко переходили въ категорію мирныхъ гражданъ. Привычка къ грабежу и кочевой жизни въ партизанской войнѣ вошла въ нравы: люди, которые умѣли только стрѣлять изъ ружей да рѣзать Турокъ, не чувствовали особенной любви къ быту пастуховъ и земледѣльцевъ. Горы на новой турецкой границѣ опять начали населяться толпами отважныхъ разбойниковъ, которые принялись грабить чужихъ и своихъ, дѣлая набѣги до Кориноскаго перешейка и самыхъ Аѳинъ.

Въ Европѣ удивляются, какимъ-образомъ греческое правительство не можетъ истребить клѣфтовъ, и въ то время, когда Шварцвальдъ перерѣзанъ желѣзными дорогами, муромскіе лѣса истреблены фабриками и лѣсничими, когда въ Италіи перевелись фра-дьяволы, а въ Испаніи нищій проситъ уже милостыню безъ карабина — въ Греціи процвѣтаетъ послѣдняя династія разбойниковъ. Это объясняется очень-просто. Жандармамъ короля Оттона такъ-же не легко гоняться за клѣфтами, какъ трудно было арміямъ Ибрагима-паши и Омеръ-Вріони преслѣдовать дерзкія и вѣчно-ускользающія толпы греческихъ удалцовъ. Деревенское населеніе, особенно на турецкой границѣ, покровительствуетъ клѣфтамъ, изъ страха или выгоды, а иногда и по симпатіи. Говорятъ, въ городахъ есть антрепренеры, которые держатъ въ горахъ труппу разбойниковъ, заочно управляютъ ею и пользуются выгодами грабежа, а въ голодное время помогаютъ ей деньгами. Между торговцами встрѣчаются отцы семействъ, проводившіе молодость въ охотѣ на чужіе кошельки: даже въ селеніяхъ бываютъ цинцивнаты, которые отъ пашни не разъ уходили на разбой и при недостаткѣ практики опять возвращались къ своему мирному плугу. Случается, что въ самыхъ

Аюнахъ поваръ, слуга или кучеръ уходитъ на побывку въ горы, какъ у насъ дворники отправляются въ деревню.

— Во всемъ этомъ виноваты Турки и Англичане! — сказалъ старый Грекъ, который молча прислушивался къ нашему французскому разговору.

— Какимъ-же образомъ они виноваты въ этомъ? — спросилъ я.

— Турки слишкомъ близко живутъ на нашей границѣ, потому многіе идутъ въ горы только для того, чтобы ихъ грабить; а Англичане подкупаютъ и укрываютъ клефтовъ, чтобы разорять Грецію и кричать вездѣ о нашей неспособности къ гражданской свободѣ.

Это оригинальное замѣчаніе такъ озадачило насъ, что мы всѣ замолчали.

На половинѣ дороги мы проѣхали мимо небольшого каменнаго дома. Это — казарма, гдѣ расположенъ постоянный никетъ. У входа толпились человѣкъ десять жандармовъ, а на дворѣ стоялъ рядъ осѣдланныхъ лошадей. Караванъ нашъ медленно и въ тишинѣ тянулся по жаркой дорогѣ. Вдругъ послышался рѣзкій свистъ. Ужъ не клефты-ли? Мы выглянули изъ кареты: передъ нами было большое оливковое дерево, и на немъ, на прилаженной между сучьями коротенькой доскѣ сидѣлъ, свѣся ноги, человѣкъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ ружье, а въ другой перебиралъ четки. Но это былъ не греческій соловей-разбойникъ, а караульный жандармъ, который свистомъ перекликался съ товарищами.

Подъ конецъ дорога стала живописнѣе. Она тянулась по откосу горы, отдѣляясь каменной оградой отъ глубокаго оврага, на днѣ котораго алѣли кусты цвѣтущихъ олеандровъ. Въмѣсто дикой пустыни начали показываться слѣды человеческой жизни — то небольшое поле, гдѣ зеленѣлъ маисъ вышиною въ человѣческой ростъ, то маленькій лугъ, на которомъ паслось стадо черныхъ козъ, а подлѣ сидѣлъ на камнѣ пастухъ, въ бѣлой фустанеллѣ, опершись на длинный посохъ.

Ровно черезъ часъ караванъ нашъ пришелъ въ мѣстечко Каламаки, и мы остановились передъ станціоннымъ домомъ совершенно такимъ-же, какой недавно покинули на другомъ концѣ перешейка. Передъ нами синимъ зеркаломъ сверкало

Эгейское море. На берегу живописно выгнутого залива, обрамленного горами, толпилось десятка два домиковъ съ плоскими крышками и рѣшетчатыми окнами, полузакрытыхъ въ зелени садовъ. На лугу передъ станціоннымъ домомъ стояло нѣсколько ословъ и муловъ, и оборванные Греки таскали нарубленные олеандры съ цвѣтами и кидали имъ подъ ноги.

Пока грузили поклажу на пароходъ *Сгоазіа*, я пошелъ съ Ликадисомъ гулять по деревнѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ растетъ коринка на самой ея родинѣ. Товарищъ мой предложилъ зайти въ какой-нибудь садъ. Мы подошли къ небольшому дому, за которымъ видѣлись плодовые деревья. Ликадисъ вызвалъ хозяина и сказалъ ему, что русскій путешественникъ хотѣлъ-бы посмотреть его садъ. Грекъ тотчасъ-же пригласилъ насъ войти. — Садъ невеликъ, но чего тутъ не было! Прямо передъ входомъ рядами тянулись оливы, между ними миндальныя, фиговые и гранатныя деревья, всѣ въ плодахъ, а по оградѣ гирляндами развѣшанный виноградъ и кустики коринки съ вызрѣвающими гроздами: все это сверкало въ солнечномъ свѣтѣ, какъ наши праздничныя ёлки, обвѣшанныя конфетами и плодами. Хозяинъ пригласилъ насъ къ маленькому столику, въ тѣни платана, взялъ корзинку, нарвалъ коринки и фигъ и съ поклонами просилъ попробовать. Черезъ нѣсколько минутъ молоденькая жепщина поставила передъ нами двѣ маленькія чашечки съ чернымъ кофе. Оба они кланялись, прижимая руку къ сердцу, и увѣряли черезъ моего переводчика, что имъ пріятно видѣть у себя русскаго гостя.

— Чѣмъ-же мнѣ отблагодарить этихъ добрыхъ людей? — шепнулъ я Ликадису.

— Какая тутъ благодарность: они денегъ не возьмутъ.

Со мной ничего не было кромѣ сигаръ, купленныхъ въ Корфу. Я предложилъ ихъ хозяину, и онъ кажется принялъ ихъ не безъ удовольствія. Хозяева проводили насъ до дверей: кланяясь и поминутно прижимая руку къ сердцу, Грекъ не переставалъ твердить: благодарю васъ! эвхаристо! эвхаристо!

Въ полдень Кроація подняла якорь, и мы вышли изъ Каламаки.

IV.

Пирей. — Приездъ въ АѦны.

Въ Архипелагѣ море и небо показались мнѣ еще синѣе и бархатнѣе. Въ водѣ какъ-будто разведено громадное количество синьки, а въ тонкомъ воздухѣ сверкають мириады мелкихъ искорокъ. Море такъ прозрачно, что кажется освѣщено внизу какимъ-то другимъ солнцемъ, которое насквозь пронизало и налило его свѣтомъ. Мы идемъ по водамъ, гдѣ человѣческая мысль создала самые поэтическіе мѡы, гдѣ исторія человѣческой молодости разбросала самыя увлекательныя сказанія. Вправо отъ насъ убѣгають вдаль фіолетовыя горы Мореи, налѣво все яснѣе вырѣзывается извилистая линия холмовъ вождельной Аттики. Прямо встають изъ воды скалы Эгины и Саламина, между ними надъ синей чертой горизонта свѣтлой полоской виднѣются домики Пирея, а выше на темномъ пятнушкѣ Акрополя сверкаетъ бѣлой точкою вѣчный Партеонъ, замыкаясь вдали почти ускользящею изъ глазъ лазурной линіей Гиметскихъ горъ. Я не могъ отвести глазъ отъ картины, о которой мечталъ такъ долго.

Мы вошли въ голубой промежутокъ двухъ классическихъ острововъ. Вправо подымались бѣлые берега Эгины, точно фаянсовая игрушка, окаймленная по краямъ рисункомъ свѣжей зелени, и на ней, вся облитая солнцемъ, стояла одинокая колонна какого-то падшаго храма. Налѣво тянулись мѣловатыя остроугольныя вершины Саламина, разрумяненные солнцемъ, и изъ-за нихъ выглядывала гора, съ которой Ксерксъ смотрѣлъ на гибель своего флота. Могила Темистокла привѣтствовала насъ своей нетлѣнной памятью у входа въ Пирейскій заливъ, гдѣ взадь и впередъ сповали сотни голезовъ, сверкая на солнцѣ алыми шапками своихъ гребцовъ.

Едва успѣли мы бросить якорь въ Пирейской гавани, какъ множество легкихъ лодокъ съ бойкими гребцами тѣсной толпою оцѣнили пароходъ. Варкарисы въ бѣлыхъ фустанеллахъ и красныхъ фесахъ лѣзли со всѣхъ сторонъ на палубу Кроаціи. Раздался цѣлый потопъ разноязычныхъ криковъ.

— Возьмите варку, эфенди! La barca, signore! Voilà un

bateau, monsieur! Гдѣ вашъ багажъ, синьоръ? За поддрахмы на берегъ, сэръ! Съ двумя гребцами за одну драхму, господа! Эпаминонда, бери чемоданъ! Мильтиади, помоги эфеци сойти въ варку!

Я подошелъ проститься съ Османъ-агою: онъ ѣхалъ прямо въ Сиру и теперь спокойно смотрѣлъ на всю парходную тревогу. Мустафа сидѣлъ передъ нимъ на корточкахъ и набивалъ трубку изъ своего кожанаго мѣшка, не обращая никакого вниманія на послѣднія минуты своихъ шароваръ.

— Мы увидимся въ Сирѣ! — сказалъ Османъ.

— Почему-же вы не ѣдете въ Аѳины? — спросилъ я.

— Зачѣмъ, — отвѣчалъ Турокъ: — вѣдь я никогда не бывалъ тамъ.

Когда я вернулся къ своему чемодану, за него держалось уже больше десятка рукъ, которыя тащили его въ разныя стороны. Я надѣялся на плотность англійской кожи и спокойно смотрѣлъ, чѣмъ это кончится. Наконецъ одинъ здоровый варкарисъ отбилъ призъ послѣ упорной борьбы, поднялъ чемоданъ на голову и прямо съ борта прыгнуть въ лодку. Ликадисъ съ своей стороны храбро отстоялъ свою поклажу, и мы помѣстились въ одной варкѣ. Товарищи нашего гребца не скоро однакожъ отказались отъ своихъ видовъ на насъ: двое изъ нихъ уцѣпились за бортъ, а третій, надѣясь овладѣть которымъ-нибудь чемоданомъ, вскочилъ даже къ намъ въ лодку. Но варкарисъ нашъ отразилъ противниковъ, и вооружась весломъ такъ оттолкнулъ варку, что мы едва не вылетѣли въ море.

Провожаемые криками лодочниковъ, мы въ нѣсколько минутъ переплыли гавань и были на пристани.

Преимъ съ перваго взгляда показался мнѣ веселымъ и привѣтливымъ. Каменные дома и магазины, окаймляющіе синій заливъ, плотно тѣснятся другъ къ другу, оставляя только промежутки для убѣгающихъ перпендикулярно улицъ. Трактиры и кофейни съ греческими и французскими вывѣсками, ослы и мулы, навьюченные кипами товаровъ, ряды кораблей въ гавани и шныряющія между ними взадъ и впередъ лодки — сообщаютъ городу видъ европейской дѣятель-

ности; а высокіе пирамидальныя кипарисы между строеніями и толпы народа въ живописномъ костюмѣ на набережной — придаютъ ландшафту оригинальную прелесть. Это Триестъ въ миниатюрѣ, съ восточнымъ оттѣнкомъ въ физиономіи.

Мы пристали къ широкому молу, выложенному гранитомъ, который желтой полосой убѣгаетъ отъ набережной въ гавань. Онъ обставленъ былъ множествомъ лодокъ, и на крупномъ пескѣ его лежали варкарисы, опираясь на локти и грѣя спину на солнцѣ. Все это переселенцы съ Ипсары, по смѣлости и ловкости первые моряки въ свѣтѣ. Лодочникъ схватилъ наши чемоданы и побѣжалъ къ какому-то высокому Греку въ довольно-засаленной фустанеллѣ, который величественно прохаживался по набережной. Оказалось, что это былъ телонисъ или таможенный досмотрщикъ. Я началъ отпирать дорожный мѣшокъ, но Грекъ съ большой любезностью приложилъ руку къ своему фесу и сказалъ:

— Если эфенди не желаетъ, чтобъ его безпокоили, то потрудится дать что-нибудь телонису.

У меня не было на совѣсти большихъ контрабандныхъ грѣховъ. Я далъ ему полдрахмы, то-есть почти гривенникъ на русскія деньги. Онъ любезно улыбнулся мнѣ и спросилъ: эфенди — Французъ?

— Русскій! — отвѣчалъ я.

— Россосъ? какъ-же это я не замѣтилъ! Но вѣдь Русскіе имѣютъ обыкновеніе давать цѣлую драхму. Можетъ-быть эфенди еще не знаетъ — но это ужъ такъ заведено.

— Отчего-же это?

— Какъ отчего! — проговорилъ телонисъ, взглянувъ на меня съ видимымъ удивленіемъ: — оттого, что Русскіе — не Французы. Вы понимаете разницу, и Греки понимаютъ, давно всё понимаютъ. Видите вы этотъ пароходъ, вонъ — гдѣ люди купаются?

— Вижу! — сказалъ я, ожидая, что изъ этого выйдетъ.

— Ну, такъ это пароходъ русскій. Господа офицеры съѣзжаютъ съ него на берегъ совсѣмъ безъ чемодановъ, и всякій разъ даютъ драхму.

— За что-же?

— Да вѣдь они Русскіе! Вы тоже Русскій... мы одной вѣры: эфенди вѣрять, во-что я вѣрю...

Убѣжденный такой несомнѣнной логикой, я въ-самомъ-дѣлѣ прибавилъ еще поддрахмы. Телонисъ вѣжливо приложилъ руку къ фесу и повернулся къ чемоданамъ Ликадиса, но, убѣдясь съ перваго взгляда, что товарищъ мой былъ совсѣмъ не-Русскій, грустно махнулъ рукою и величественно пошелъ къ пристани, куда подходили еще двѣ лодки отъ нашего парохода. Ликадисъ сердился за мою драхму, я хоталъ.

Варкарисъ подхватилъ наши чемоданы и почти бѣгомъ пустился къ площади, обставленной прекрасными европейскими домами съ разноцвѣтными вывѣсками магазиновъ. Тамъ стояло съ десятокъ каретъ. Извозчики ухватились за нашу поклажу съ такою-же энергіей, какъ и лодчики, и я не знаю, какимъ-образомъ удалось намъ съ Ликадисомъ попасть въ одну карету. Автомедонъ нашъ въ грязной фустанеллѣ и засаленномъ фесѣ ударилъ по лошадамъ, прощаясь звонкой бранью съ своими достойными товарищами.

Изъ города мы выѣхали на довольно-плохое шоссе: это священная дорога въ Аѳины. Передъ нами открылось голое, печальное поле, спаленное солнцемъ и почти совсѣмъ помертвѣлое. Нигдѣ не видно было ни деревца, ни травки: казалось, земля эта покинута навсегда и богами и людьми. Карета наша катилась въ облакѣ мелкой пыли, и бѣлая юпка извозчика въ одну минуту почернѣла, какъ фартукъ у кузнеца. Какой грустный, утомительный путь!

Минуть черезъ десять дорога стала однакоже нѣсколько измѣняться. Мы вѣхали въ аллею, обсаженную густыми серебристыми тополями, и хотя съ правой стороны тянулась еще неплодная равнина, примыкающая вдали къ Фалернскому заливу, но слѣва начали уже показываться виноградники, и видъ становился замѣтно веселѣе. Кое-гдѣ порхали птицы, вдали паслось стадо черныхъ козъ.

На половинѣ дороги вѣтся полузасохшій, каменный ручей: кто-бы подумалъ, что это знаменитый классическій Цефизъ! Недалеко отъ него мы остановились передъ кафэ-несомъ, гдѣ стояло у входа нѣсколько маленькихъ столиковъ,

и мальчишки проворно бѣгали съ кофеемъ и трубками, потряхивая голубой кистью своихъ фесокъ. Извощикъ нашъ, не говоря ни слова, слѣзъ съ козелъ, страхнулъ юпку, усѣлся за столъ, съ важностью погладилъ усы и потребовалъ кружку вина. Въ то-же время мальчижъ подбѣжалъ къ нашей каретѣ съ мѣднымъ подносомъ, на которомъ стояло два стакана лимонада и тарелка съ бѣлымъ и розовымъ рахатъ-лукумомъ. Эта остановка обязательна для всѣхъ проѣзжающихъ въ Аонины, и рѣдко случается, чтобы кто-нибудь миновалъ эту кофейню. Мы застали уже передъ нею нѣсколько экипажей: изъ нихъ выставлялись длинные чубуки и столбомъ валилъ дымъ. Ликадисъ сердился на остановку и твердилъ о необходимости желѣзной дороги изъ Пирея въ Аонины.

— Здѣсь всякій разъ тратишь двадцать лентъ!— ворчалъ онъ, поглядывая на извощика, который преспокойно курилъ трубку.

Отъ Цефиза дорога стала несравненно живописнѣе. Мы въѣхали въ оливковую рощу, которой родословная восходитъ до священной вѣтви, насажденной здѣсь Минервою. Маститыя деревья, съ узловатыми стволами и блѣдной зеленью, пощажены не только временемъ, но и варварствомъ ибрагимовыхъ солдатъ. Остатки стѣнъ, построенныхъ въ пелопонезскую войну, мелькаютъ кое-гдѣ между священными оливами, а густыя фиговые деревья и яркая зелень виноградниковъ оживляютъ пейзажъ. Съ лѣвой стороны показались загородные дома, въ зелени фруктовыхъ садовъ, а прямо противъ насъ поднялись холмы Музея и Акрополя съ сверкающимъ Партеономъ. Воздухъ былъ такъ свѣжъ и прозраченъ, что кажется стоило пройти нѣсколько шаговъ, чтобы дотронуться до вершинъ Гимета; а по словамъ Ликадиса нужно ѣхать неменьше двухъ часовъ до подножія этихъ горъ. Но вотъ дорога повернула немного въ сторону — и вся сверкающая поднялась бѣлая колоннада тезеева храма, а за нею показались строенія новаго города, какъ-будто съ робостью выглядывая изъ-за великихъ остатковъ древности. Ликадисъ что-то говорилъ и рассказывалъ мнѣ, но я ничего не слышалъ: мы подъѣзжали къ «августѣйшимъ Аонинамъ».

Оставя назади храмъ Тезея, въѣхали мы въ улицу Гер-

меса, упирающуюся вдали въ бѣлое зданіе королевскаго дворца, почти на серединѣ ея повернули въ другую улицу Эола и остановились передъ гостинницей съ прозанческой вывѣскою *Ville de Paris*. Мнѣ хотѣлось поселиться въ какой-нибудь чисто-греческой ксенодохеи, но сами Греки напугали меня рассказами о нечистотѣ этихъ національныхъ постоянныхъ дворовъ, и я принужденъ былъ искать пріюта во французскомъ отелѣ. Это было что-то въ родѣ тѣхъ маленькихъ германскихъ гостинницъ, о которыхъ не упоминается даже въ Рейхардовомъ Путеводителѣ.

Хозяинъ, офранцузившійся Грекъ, встрѣтилъ насъ улыбками и поклонами и принялся читать на ломаномъ французскомъ языкѣ похвальную рѣчь своей гостинницѣ и цѣлый каталогъ болѣе или менѣе неизвѣстныхъ путешественниковъ, которые наслаждались удобствами добраго *Ville de Paris*. Намъ отвели въ третьемъ этажѣ двѣ маленькія спальни, съ порядочной залою въ серединѣ, уставленной цвѣтами и обвѣшанной гравюрами изъ исторіи Наполеона. Стеклянная дверь вела изъ нея на балконъ, откуда открывался видъ съ одной стороны на пирейскую дорогу и вершины отдаленнаго Саламина, съ другой на скалу Акрополя съ колоннадою Партенона, до которой такъ и хотѣлось дотронуться рукою. Когда я вышелъ на балконъ, то готовъ былъ разцѣловать Ликадиса за то, что онъ привезъ меня въ эту гостинницу.

Французскій обѣдъ съ бургонскимъ виномъ напоминалъ парижскіе рестораны средней руки. Хозяинъ бѣгалъ и служивалъ намъ съ такой заботливостью, какъ-будто отъ этого зависѣло все его состояніе, между-тѣмъ какъ я платилъ всего двѣ драхмы за квартиру и четыре за обѣдъ. Когда онъ узналъ, что я Русскій, то принялся хлопотать еще больше и торжественно объявилъ, что у него останавливаются всѣ Русскіе и даже въ гостинницѣ его и поваръ изъ Россіи. Я подумалъ, что это новая любезность съ его стороны. Но патронъ нашъ угадалъ, кажется, мое сомнѣніе, опрометью кинулся изъ столовой и закричалъ: подайте альбомъ! позовите Петра!

Мальчикъ принесъ довольно-толстую, засаленную книгу. Хозяинъ съ сверкающими глазами принялся перебирать листы, и я въ-самомъ-дѣлѣ увидѣлъ нѣсколько русскихъ строкъ,

въ которыхъ какіе-то статскіе и коллежскіе совѣтники лестно отзывались объ удобствахъ и дешевизнѣ гостиницы. Грекъ торжествовалъ, стараясь прочесть на лицѣ моемъ силу чиновныхъ рекомендацій. Но гдѣ-же русскій поварь-то, — подумалъ я. Въ эту минуту въ дверяхъ столовой показался человѣкъ съ несомнѣнными чертами русскаго происхожденія и съ румянымъ носомъ, окрашеннымъ, кажется, не отъ одного жара кухонной печи. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ по-русски. Оказалось, что этотъ аонскій Каремъ въ-самомъ-дѣлѣ родомъ изъ московской губерніи, заѣхалъ въ Грецію съ своимъ бариномъ и остался здѣсь, не желая вѣчно стряпать на крѣпостной кухнѣ. Хозяинъ хвалилъ его талантъ и честность, но жаловался, что съ тоски по родицѣ у него открылась жажда, въ особенности по воскресеньямъ.

— Не слыхатъ-ли чего въ Петербургѣ на счетъ крѣпостныхъ людей? — спросилъ меня московскій выходецъ.

Я рассказалъ ему, что зналъ.

— Дай-то Богъ, чтобы насъ отпустили! — говорилъ онъ, переступая съ ноги на ногу.

— А ты скучаешь по Москвѣ? — спросилъ я.

— Какъ-же: вѣдь у меня тамъ двѣ сестры остались. Кабы что далъ Богъ — тотчасъ-бы воротился.

Итакъ у подножія Акрополя я прежде-всего встрѣтился съ нашимъ современнымъ вопросомъ: чувствительный русскій нервъ и здѣсь откликнулся мнѣ своею болью.

Въ Афинахъ приходилось мнѣ прожить только пять дней, а потому послѣ обѣда я приказалъ привести экипажъ и поѣхалъ развозить мои рекомендательныя письма. Профессора университета, которымъ я былъ рекомендованъ, приняли меня очень-радушно: я получилъ приглашеніе ѣхать на другой день въ университетъ, осматривать Акрополь и древности. Я сошелся особенно съ Куманудисомъ, профессоромъ латинскої Литературы. Это молодой человѣкъ съ современнымъ взглядомъ на науку, глубокій знатокъ античнаго искусства и одинъ изъ самыхъ популярныхъ греческихъ поэтовъ. Съ любезной предупредительностью онъ вызвался познакомить меня съ аонскими памятниками.

Отпустя экипажъ, я пошелъ бродить по городу. Планъ

новыхъ Афинъ очень-просто и наглядно. Улица Гермеса, которая идетъ отъ пирейской дороги ко дворцу Оттона, раздѣляетъ городъ на двѣ половины, можно сказать на двѣ отдѣльныя эпохи. Направо лежитъ старый городъ. Тутъ вы видите Акрополь и храмъ Тезея, Пниксъ и Ареопагъ, древности и развалины, тѣсныя улицы на обломкахъ старины, гдѣ и самая почва поднялась такъ, что основанія нынѣшнихъ домовъ лежатъ выше кровель старинныхъ построекъ. Налѣво раскидывается новый городъ: тамъ университетъ, институтъ Арсакеопъ, новый Соборъ, дома французскаго и англійскаго посольствъ, прямыя улицы, европейскія зданія и магазны. Кофейни, отели и вывѣски столпились сюда, почтительно отступя отъ великихъ святынь древности. Улица Эола, начинаясь отъ Башни-Вѣтровъ, у подножя Акрополя, перерѣзываетъ вертикально главную городскую артерю, а королевскій дворецъ, на концѣ города, какъ-будто соединяетъ древнiя и новыя Аены.

Я поздно воротился домой и до полуночи просидѣлъ на балконѣ, любуясь изящнымъ силуэтомъ потемнѣвшаго Партенона и стройной фигурою одинокой пальмы, которая раскидывала свой темный и неподвижный плюмажъ передъ куполомъ Башни-Вѣтровъ.

V.

Акрополь.

На слѣдующее утро профессоръ Куманудисъ прїѣхалъ въ Ville de Paris и пригласилъ меня идти въ Акрополь. Когда мы прошли улицу Эола и миновали Башню-Вѣтровъ, на меня напало раздумье. Чтò я увижу въ этомъ святилищѣ искусства, гдѣ еще недавно все было въ разрушенiи и обломкахъ? Чтò уцѣлѣло тамъ, послѣ нашествiя варваровъ, венеціанскихъ бомбъ, фанатизма первыхъ Христіанъ и послѣднихъ Турокъ, грабительства Англичанъ и новѣйшихъ реставрацій? Неужели придется мнѣ остановиться передъ грудями античнаго щебня, съ обыкновенной жалобой на время и людское невѣжество, и уйти съ пошлымъ проклятіемъ войнѣ и лорду Эльгину?

Съ такими мыслями подходилъ я къ сѣрой скалѣ Акрополя, окаймленной наверху бѣлымъ гребнемъ кимоновыхъ стѣнъ. По узкой дорожкѣ, опоясывающей гору, поднялись мы до половины скалы. Старый нивалидъ встрѣтилъ насъ въ воротахъ афинскаго кремля, посмотрѣлъ нашъ билетъ и пошелъ слѣдомъ, какъ докучная тѣнь. Греческое правительство стало такъ недоуверчиво, что не позволяетъ никому ходить въ Акрополѣ безъ проводника. Когда зданія совсѣмъ уже ограбили, вывезли лучшія статуи и колонны, оно боится, чтобы туристъ не унесъ подъ полою кусочка античнаго мрамора. Это напомнило мнѣ, какъ мельникъ Крылова пугалъ куръ, которыя приходили пить къ прорвавшейся плотинѣ.

Мы вошли, и я остановился въ изумленіи. Передо мной была бѣлая мраморная лѣстница неописанной красоты. Величественно стояли па верху шесть іоническихъ колоннъ, составляющихъ выходы на площадку, и къ этому чудному портику, между двумя стѣнами вносились бѣлыя мраморныя ступени лѣстницы, передъ которой падаютъ въ прахъ всѣ стюковые входы лондонскаго Парламента и луврскаго дворца. Это были Пропилеи. Я не могъ дать себѣ отчета, что меня поразило здѣсь. Ужъ конечно не колоссальность! Я помню, какое непріятное впечатлѣніе произвела на меня знаменитая лѣстница въ Одессѣ, которая ведетъ съ моря на бульваръ: съ одного взгляда на нее сердце сжимается при мысли, какъ тяжело отшагать по всѣмъ этимъ ступенямъ, чтобы добратсь наверхъ. Здѣсь это не приходило въ голову. Лѣстница поднимается съ такой видимой легкостью, что кажется вы не будете идти по ней, а подниметесь сами собою. Въ ней точно какая-то притягательная сила, которая манитъ войти на нее.

— Тутъ, вѣроятно, какая-нибудь архитектурная тайна! — сказалъ Куманудисъ, когда мы любовались Пропилеями.

— Да что-же за тайна въ расположеніи ступень?

— А можетъ-быть такая-же, какія открыты теперь въ самомъ Акрополѣ: вы сей-часъ увидите.

Мы поднялись по лѣстницѣ и вышли на площадку. Я осмотрѣлся. Къ самымъ Пропилеямъ справа примыкаетъ храмъ Безкрылой-Побѣды, слѣва Пинакотека, а за ними по одну сторону подымается колоннада Партефона, по другую

храмъ Эрехтея. Съ перваго взгляда удивленіе смѣшалось у меня съ какимъ-то чувствомъ обманутаго ожиданія: мнѣ казалось, что я нашелъ тутъ что-то не такъ, какъ воображалъ, что здѣсь что-то противорѣчило общимъ понятіямъ объ искусствѣ, и однакожь не портило, а увеличивало наслажденіе.

— Вотъ, одинъ изъ секретовъ древней архитектуры! — сказалъ Куманудисъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мы привыкли строить ворота и входы прямо передъ зданіемъ, такъ-чтобы храмъ или дворецъ стоялъ къ намъ лицомъ. Это обыкновенное правило нашей архитектуры. А между-тѣмъ передо мной было опроверженіе этой аксіомы. Когда я взошелъ на верхнюю ступеню Пропилей, ни одно зданіе Акрополя не обращалось ко мнѣ ни портикомъ, ни боковымъ фасадомъ, а каждое выставялось ребромъ, открываясь заразъ и передней и боковой стороною. Сначала это кажется странно. Но Греки до-того чувствовали красоту, что самое расположеніе зданій основано было у нихъ на расчетъ изящнаго впечатлѣнія. Они застроивали Акрополь такъ, чтобы вы, входя на лѣстницу Пропилей, съ перваго взгляда видѣли каждое зданіе во всемъ блескѣ, чтобъ оно развертывалось передъ вами заразъ и передней и боковой стороною, вдругъ поражало всю пропорцію частей, всю роскошью своей красоты. И этого мало! Всѣ зданія въ Акрополѣ расположены еще такъ, что если вы остановитесь у одного изъ нихъ, другіе всегда обращены къ вамъ угломъ и смотрятъ на васъ вдругъ двумя сторонами, будто въ какомъ-то гордомъ убѣжденіи, что ими будутъ восхищаться десятки поколѣній. И при величественной простотѣ ихъ формъ и скромной чистотѣ линий, это кокетство кажется такъ натуральнымъ, что не замѣчаешь въ немъ и тѣни изысканности или эффекта.

Ближайшія зданія къ Пропилеямъ — храмъ Безкрылой Побѣды и Пинакотека. При сдачѣ Аенія Турками здѣсь оставались только полуразрушенныя стѣны, но ихъ прекрасно реставрировали, — и теперь передъ вами хоть и развалины, но уже развалины живописныя, которыя даютъ понятіе о первобытной красотѣ зданія. На храмъ Побѣды іоническія

колонны подняли уже архитравъ и фризы, представляющіе марсаонскую битву. Пинакотека, древняя картинная галерея, открываетъ уже входъ и два боковыя окна съ изящными карнизами, на которыхъ видна еще пунсовая и голубая краска, не поблекшія въ продолженіе двадцати столѣтій. Оба эти маленькія зданія кажутся не строеніями, а какими-то художественными игрушками, надъ которыми работалъ не архитекторъ, а скульпторъ. Съ непривычки странно какъ-то видѣть ихъ подъ открытымъ небомъ: такъ и кажется, что любуешься ими въ какомъ-нибудь музее.

Мы прошли на площадку Акрополя, на то самое мѣсто, гдѣ при Периклѣ стояла колоссальная бронзовая статуя Минервы, въ десять саженъ вышины, съ золотымъ копьемъ, которое въ то время, какъ крестъ Ивановской колокольни, издали привѣтствовало путниковъ. Съ правой стороны раскидывается колоссальный Партеонъ, съ лѣвой изящный Эрехтеонъ.

Я сомнѣваюсь, чтобъ можно было передать красоту Партеона, не только перомъ, но даже и кистью. Что, кажется, особеннаго въ этомъ полуразрушенномъ четырехъугольномъ, обведенномъ со всѣхъ сторонъ поврежденными дорическими колоннами, пожелтѣломъ, изувѣченномъ, безъ кровли, съ голыми фронтонами, съ обнаженнымъ фризомъ; а между тѣмъ нельзя налюбоваться этимъ архитектурнымъ скелетомъ. Онъ стоитъ предъ вами во всей поэзіи живописныхъ развалинъ. Бывало, при видѣ какого-нибудь полуразрушеннаго зданія, невольно стараешься представить его въ первобытной полнотѣ. Партеонъ прекрасенъ такъ, какъ есть, безъ всякихъ усилій воображенія и мысленныхъ реставрацій. Цѣлый онъ былъ конечно полнѣе, но кажется никогда не могъ быть изящнѣе. Время, похищая у зданія его цѣлость и украшенія, придало неописанную красоту его мрамору. Съ сѣверной стороны онъ потемнѣлъ, но не той грязной копотью, которая обратила лондонскаго Павла въ какую-то каменно-угольную массу съ бѣлыми лысынами, а нѣжнымъ свѣтло-сѣрымъ отливомъ, мягкимъ и пріятнымъ. На южномъ-же фасадѣ сѣрый мраморъ переходитъ въ золотистый цвѣтъ соломѣ съ легкимъ розовымъ румянцемъ, который придало ему солнце, столько вѣковъ щедро осыпающее его горькими лучами.

— Еще архитектурная тайна!—сказалъ мнѣ Куманудисъ.— Замѣчаете-ли вы, что основаніе и архитравъ Партефона слегка выгнуты?

— Я и прежде слыхалъ объ этомъ; но помнится, кто-то доказывалъ, что это отъ того, будто само зданіе погнулось отъ времени.

— Нѣтъ: его измѣрили съ математической точностью и убѣдились, что не время, а художникъ выгнулъ нарочно основаніе. Вѣдь въ большемъ зданіи линіи кажутся не совершенно прямыми, такъ здѣсь основаніе закруглено нарочно, чтобъ оно являлось для глазъ во всей стройности оптической прямой линіи.

Люди были гораздо безпощаднѣе времени: они раззорили, ограбили Партефонъ и ничего не дали ему въ замѣну. На стѣнахъ его осталась одна позорная лѣтопись разрушенія и невѣжества, съ Гунновъ до Англичанъ, съ дикаго Аларика и Стиликона до послѣднихъ грабителей.

При Периклѣ входъ въ Партефонъ былъ со стороны противоположной Пропилеямъ, вѣроятно для того, чтобы посѣтитель невольно обошелъ весь храмъ, налюбовался изяществомъ его линій и вступилъ въ святилище, упоенный красотой. Теперь въ храмъ вы входите прямо отъ Проплей. Внутренность его пощажена еще менѣе. Здѣсь все въ наготѣ, и для полноты наслажденія нужны уже память и воображеніе. Среди блага помоста видѣнъ только продолговатый четырехъугольникъ, не застланный мраморомъ: это мѣсто пьедестала, на которомъ стояла Фидіева Минерва изъ золота и слоновой кости. Мы не знаемъ, какіе варвары опустошили зданіе Калликрата, но знаемъ, какъ его постепенно искажали. Когда Христіане овладѣли храмомъ, они задѣлали древній входъ, чтобы поставить алтарь на востокъ и отъ Проплей намостили новое крыльцо изъ обломковъ античнаго мрамора. На стѣнахъ до-сихъ-поръ сохранилась ихъ живопись. Всѣ онѣ покрыты цвѣтными фигурами, полинялыми отъ времени и выглядывающими съ бѣломраморныхъ стѣнъ, какъ печальныя привидѣнія среди яснаго дня. Всмотриваясь, видишь блѣдные образы, которые кутаются въ противные для древности покровы, какъ-будто стыдятся, что явились наслѣдниками святилища, гдѣ царство-

вала красота. Въ свою очередь Турки обратили храмъ въ мечеть — покрыли стѣны грубымъ слоемъ штукатурки, на мѣстѣ алтаря поставили свою миру съ кораномъ, а у входа пробрили на верхъ лѣстницу для муэззина. Последними грабителями Партеона были Англичане, и Байронъ справедливо сказалъ, что его соотечественники докончили то, чего не успѣли сдѣлать варвары. Лордъ Эльгинъ лишилъ храмъ послѣднихъ остатковъ скульптуры, сорвалъ барельефы, обижилъ фризы и оставилъ одинъ остовъ великаго зданія.

Помню, съ какимъ чувствомъ наслажденія и негодованія два мѣсяца назадъ ходилъ я по эльгинской галереѣ Британскаго-Музея. Три большія залы его наполнены мраморами, которые благородный лордъ вывезъ изъ Греціи и продалъ своему отечеству за тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. И эти тридцать сребренниковъ выплатилъ Парламентъ. Бывали и прежде художественные грабежи. Венеція не разъ обирала Константинополь, похищала колонны изъ храмовъ, коней съ Гипподрома, двери изъ Софійскаго собора. Наполеонъ перевозилъ обелиски изъ Египта, король ворованныхъ коней въ Венеціи, похищалъ картины изъ Мадрита и Дрездена. Но грабежъ Эльгина совсѣмъ другое дѣло. Тамъ было мародерство побѣдоносныхъ солдатъ, насильственная военная контрибуція; здѣсь одна мошенническая спекуляція торговца неграми, помышлявшего не о трофеяхъ отечества, а только о пользѣ своего кармана.

Если Партеонъ поражаетъ величіемъ и простотою, то Эрехтеонъ можно назвать полнѣйшимъ выраженіемъ граціи. Это гармоническое соединеніе трехъ небольшихъ храмовъ. Въ серединѣ, на мраморномъ возвышенномъ подножіи стоитъ изящный портикъ изъ желобчатыхъ коринтскихъ колоннъ неописанной красоты. Это храмъ Миневры-Полиады, гдѣ въ древности, передъ статуей богини изъ оливковаго дерева, горѣла неугасимая золотая лампада и жпла священная змѣя, хранительница Акрополя. Къ нему, со стороны Партеона, примыкаетъ маленькій храмъ Пандрозы, самое удивительное зданіе Перикла, съ чуднымъ архитравомъ, опирающимся на бессмертныя каріатиды Фидіи. Тутъ хранилась священная оливковая вѣтвь, произращенная богинею. Съ другой сторо-

ны прислоненъ іонической портикъ, съ подымающимися прямо съ земли колоннами. Это храмъ Нептуна - Эрехта, гдѣ былъ алтарь бога, спорившаго съ Минервой за владычество Афинами, и теперь еще видны круглыя углубленія въ скалѣ, пробитыя по преданію его трезубцемъ. Всѣ эти три маленькіе храма, сами по себѣ изящныя, сливаются въ одно гармоническое цѣлое: чувствуешь, что одинъ безъ другого они были-бы прекрасны, но только вмѣстѣ составляютъ идеальную архитектурную группу.

Двадцать лѣтъ назадъ это зданіе представляло груду развалинъ; теперь-же прекрасно реставрируется. Правда, храмъ Полиады стоитъ еще безъ кровли, но портикъ его почти весь уже поднятъ; пять коринскихъ колоннъ поддерживаютъ архитравъ и только недостаетъ шестой, увезенной въ Лондонъ. Пандрозеонъ видѣнъ во всей красотѣ, хотя только четыре каріатиды Фидія сохранились вполнѣ, въ пятой остался одинъ античный торсъ, а шестая состоитъ изъ гипсовой копіи, присланной Англичанами въ замѣнъ украденнаго подлинника. Въ Афинахъ есть легенда, что, во время похищенія статуи, въ городѣ слышались стоны ея прощанія съ мраморными сестрами. Менѣе сохранился храмъ Нептуна, но и его желобчатыя колонны, изувѣченныя турецкими ядрами, поднялись уже на своихъ базахъ и накрылись чудными коринскими капителями. Искусство потратило на эту постройку всѣ свои средства: отдѣлка колоннъ и карнизовъ отличается такой тонкостью рѣзца, въ остаткахъ красокъ и позолоты видно столько вкуса, что кажется разсматриваешь не зданіе, а нѣжную отдѣлку какой-нибудь вазы или саркофага. Эрехтеонъ не постройка, а скорѣе произведеніе скульптуры, пзваянное для какого-нибудь двора.

Вотъ, древнія сокровища, которыя придаютъ Акрополю характеръ архитектурнаго музея. И этотъ общій характеръ дооляется подробностями: кругомъ храмовъ видны вездѣ мраморы, обломки колоннъ и капителей, части разбитыхъ статуй и орнаментовъ, вынутыя изъ земли при разработкѣ. Въ деревянномъ сараѣ, въ углу Акрополя собраны маленькіе антики: гипсовыя вазы съ силуэтами черныхъ фигуръ, свѣ-

тильники и лампы, храмовыя утвари и могильныя урны. Но все это неважно.

Во все время нашей прогулки въ цитадели Кекроуса, съдой инвалидъ не отставалъ отъ насъ ни на шагъ: онъ ревниво слѣдилъ за нами даже въ самомъ Партефонѣ и, кажется, боялся, чтобъ мы не спрятали въ карманъ одну изъ колоннъ его. При выходѣ онъ рекомендовался мнѣ, какъ сослуживецъ знаменитаго Карайскаки, и въ заключеніе намекнулъ, что мы не потеряли-бы нисколько въ его мнѣніи, если-бы предложили ему нѣсколько лептъ. Я далъ ему поддрахмы, и онъ привѣтствовалъ меня названіемъ филеллина.

VI.

Пниксъ и Ареопагъ. — Тюрьма Сократа.

Подъ громадной скалою Акрополя улеглось нѣсколько сърыхъ каменныхъ холмовъ, окруженныхъ голымъ, однообразнымъ полемъ. Но эти печальныя скалы никогда не перестанутъ привлекать къ себѣ путешественниковъ: тутъ лежатъ Пниксъ и Ареопагъ. Послѣ обѣда Ликадисъ привелъ ко мнѣ свосго пріятеля, студента аонскаго университета. Это былъ горячій патріотъ, съ длинными классическими локонами на плечахъ и съ самыми романтическими идеями о будущей судьбѣ Греціи. Мы согласились идти на Пниксъ. Отъ Акрополя повернули мы за тезеевъ храмъ и вышли на обнаженное, пустынное поле, слегка взбугренное возвышеніями и усѣянное мелкими, острыми камнями, сквозь которые мѣстами пробивались кустики тмина и блѣдая зелень полыни. Солнце жгло немилосердно и южный ветеръ дулъ точно изъ раскаленной печи.

Съ трудомъ перешли мы эту печальную равнину, то подымаясь на возвышеніе, то спускаясь въ лощину. Передъ нами открылась ровная, полукруглая площадь, которая, слегка приподымаясь въ одну сторону, оканчивалась вертикальной гранитной скалой съ вырубленной на верху маленькой площадью. Это былъ Пниксъ. Вершина скалы и есть та знаменитая вема или трибуна, съ которой раздавались рѣчи Демосфена и Перикла; а примыкающая къ ней площадь, та во-

ликая аудиторія, гдѣ собирались вольные граждане Аонія, эта университетская молодежь древности, какъ говорить Гейне. Тутъ волновались и шумѣли эти классическіе монтаньяры и консерваторы, готовые отдать жизнь за отечество и осудить великаго гражданина на остракизмъ или цыкату.

Аонійскій Пниксъ, съ голубымъ небомъ вмѣсто темнаго плафона, съ видами на памятники и окрестности вмѣсто голыхъ стѣнъ, конечно больше могъ вдохновить оратора, чѣмъ залы лондонскаго Парламента и парижской Палаты Депутатовъ. Мѣсто выбрано удивительно - краснорѣчиво: съ одной стороны видѣнь Партедонъ, съ другой храмъ Тезея, посвященные оданъ мудрости, другой силѣ, а позади Ареопагъ, какъ идея верховнаго правосудія. Что можно придумать лучше этой обстановки! Не понятно только, какъ аонійскіе демагоги собирались подъ открытымъ небомъ, подъ этими палящими лучами солнца! Въ наше время самая любовь къ отечеству любитъ комфортъ, и краснорѣчіе нуждается въ стаканѣ сахарной воды. Я не думаю, чтобъ самые демократическіе представители какого-нибудь воѣннаго народа рѣшились теперь слушать Брайта или Ледрю-Роллена на этомъ голомъ полѣ, подъ знойнымъ дыханіемъ шпрукко. Только аонійская страсть къ публичнымъ дѣламъ могла заставить десятки тысячъ людей ходить на эти — не засѣданія, а стоянки, потому-что и сѣсть тутъ было не на чемъ.

По ступенямъ, вырубленнымъ въ скалѣ, мы поднялись на площадку.

— Что, еслибъ теперь явился здѣсь Демосоенъ, а на площади собрались нынѣшніе Аоніяне? — сказалъ намъ студентъ.

— О чемъ-же ему говорить съ нами! — возразилъ Ликадисъ.

— Какъ о чемъ! горячо сказалъ молодой демагогъ. — Да развѣ Греція такъ счастлива и народъ доволенъ, правительство до-того твердо и безкорыстно, что старому оратору осталось-бы только молчать отъ удовольствія! О чемъ говорить ему? Да неужели некого обличать теперь! Развѣ въ наше время онъ не нашелъ-бы въ Греціи ни пронырливыхъ Филипповъ, ни продажныхъ Эскиновъ? И вы думаете, онъ

остался-бы доволенъ и молчалъ, когда у насъ строить мраморные дворцы, а нѣтъ нигдѣ проѣзжихъ дорогъ, когда ежегодно тратятъ десятки тысячъ драхмъ на поливку королевскаго сада, а столичныя улицы освѣщаются не газомъ и даже не масломъ, а одной кроткой луною.

— Вы читаете настоящую филиппику! — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это только слабая оттошіада! — возразилъ студентъ, одушевляясь еще болѣе. — Неужели, думаете вы, не возмутило-бы Демосеена это преслѣдованіе книгопечатанія и ограниченіе свободы мыслей, эти подкупы на выборахъ и интриги въ министерствѣ, эта продажность законовъ и вопиющая несправедливость нашихъ маститыхъ архонтовъ. Нѣтъ, онъ сорвалъ-бы маску съ этихъ безстыдныхъ правителей и судей и заставилъ-бы привести ихъ — вотъ на этотъ холмъ!

И нашъ молодой Демосеенъ протянулъ руку къ сосѣднему возвышенію.

— Что-же это такое? — спросилъ я.

— Ареопагъ.

Я предложилъ идти туда. Мы сошли съ трибуны и потому-же каменному полю добрались до другого холма, поднимающагося между Пниксонъ и Акрополемъ. Это мѣсто славнаго судилища. Въ скалѣ сѣраго гранита высѣчены грубыя ступени. Мы поднялись по этой лѣстницѣ и вышли на площадку, вырубленную въ видѣ правильнаго полукружія въ каменномъ утѣсѣ. Вокругъ, какъ въ театрѣ, изгибаются высѣченныя въ скалѣ сидѣнья, похожія на выгнутый подковою рядъ грубыхъ каменныхъ креселъ. Здѣсь-то, передъ алтаремъ Эвмениды, собирался ареопагъ въ свои ночныя засѣданія. Въ виду Акрополя и Пникса, при свѣтѣ мѣсяца или зажженныхъ факеловъ, приводили передъ этотъ страшный судъ умъ, красоту и талантъ, въ лицѣ Сократовъ, Аспазій, Фидіевъ.

Мы сѣли на гранитныя кресла архонтовъ и закурили папирсы.

— Такъ сюда-то хотѣли-бы вы по голосу Демосеена привести вашихъ министровъ? — спросилъ я нашего оратора.

Онъ улыбнулся и кивнулъ головою.

— А знаете-ли, чѣмъ кончилось-бы теперь такое обви-

неніе?—сказалъ Ликадисъ.—Еслибы Демосеенъ явился здѣсь, хоть среди бѣлаго дня, а на этихъ каменныхъ скамьяхъ сидѣли наши современные архонты, болѣе знакомые съ драмами, чѣмъ съ законами Солона, куда попалъ-бы отсюда ораторъ? Знаете-ли, на что указали-бы ему судьи?

— На что-же?

— А вотъ на этотъ утесъ, гдѣ видите пасутся козы.

— Что-же это за утесъ?

— Это тюрьма Сократа.

— Пойдемте-же посмотрѣть ее.

Опять пошли мы тою-же пустынею. Солнце жгло такъ-же безопадно, но мы довольно бодро подвигались къ древней афинской тюрьмѣ, гдѣ по преданію заключенъ былъ Мильтиадъ и умеръ Сократъ. Это конечно не доказано исторически, но туристу дорого иногда и то, во что онъ не вѣритъ. Не смотря на сомнительную достовѣрность тюрьмы, мнѣ хотѣлось посмотрѣть на нее.

Мы пришли къ скалѣ, саженъ въ пять вышиною, примыкавшей къ другимъ каменнымъ холмамъ, которые тянутся по всему побережью до самаго моря. Скала эта со стороны Ареопага обтесана отвѣсной стѣною, и въ ней пробито три входа. Надъ ними видѣнъ рядъ четырехугольныхъ отверстій: вѣроятно, тутъ были вставлены балки, которыя поддерживались столбами и составляли родъ навѣса или галерей.

Когда мы подошли къ пещерѣ, пастухи только-что вогнажи въ нее своихъ козъ. У праваго входа вертѣлась и громко лаяла большая черная собака, внутри слышались крики. Вдругъ, не смотря на бдительность мохнатого сторожа, изъ пещеры выскочилъ черный козелъ и бросился вдоль скалы. Въ слѣдъ за бѣглецомъ кинулся молодой пастухъ, высокій и стройный, въ овчинной буркѣ и бѣломъ вязаномъ калпакѣ, съ длинной палкою въ рукахъ, которая оканчивалась желѣзнымъ крючкомъ. Козелъ добѣжалъ до конца отвѣсной скалы, прыгнувъ на уступъ, съ него на другой, но молодой атлетъ не отставалъ отъ своей жертвы. Съ удивительной легкостью поднялся онъ на холмъ, зацѣпилъ бѣглеца за ногу крючкомъ своей палки, приволокъ къ обрыву скалы и нагнулъ. Послышалось слабое хрипяіе. Черезъ минуту

Грекъ поднялъ свою добычу, раскочагъ и швырнулъ внизъ: козелъ съ перерѣзаннымъ горломъ рухнулъ въ десяти шагахъ отъ насъ, у самаго входа въ пещеру, медленно закрывая потухающіе глаза.

Молодой атлетъ пронзительно и протяжно крикнулъ. Двое другихъ пастуховъ вышли изъ пещеры, и въ слѣдъ за ними высыпало стадо и разсѣялось по полю; собака принялась бѣгать вокругъ, не давая козамъ далеко расходиться въ стороны. Одинъ пастухъ принялся свѣжевать убитаго козла.

— Вѣрно собираетесь готовить жаркое на ужинъ? — сказалъ Ликадистъ молодому пастуху, который сошелъ со скалы и отиралъ потъ своимъ колпакомъ.

— Мы не такъ богаты, эффенди, чтобы ѣсть козлиное мясо, — отвѣчалъ онъ: — этотъ козелъ пойдетъ сегодня на базаръ.

Черезъ лужу крови вошли мы въ среднюю пещеру. Это маленькая квадратная комната, высѣченная въ гранитной скалѣ. Она, говорятъ, пазначалась для стражи: въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ ея пробиты окна, въ которыя наблюдали за узниками. Съ правой стороны, окно выходитъ въ тюрьму Мильтіада, съ лѣвой — въ темницу Сократа. Много славныхъ именъ и кровавыхъ воспоминаній связано со стѣнами венеціанскихъ поцци, парижской бастиліи, лондонскаго тоуэра, но въ этой скалѣ живетъ память первыхъ страдальцевъ за любовь къ отечеству и убѣжденія.

Мы перешли въ правый входъ. Тюрьма мараонскаго героя состоятъ изъ двухъ пещеръ. Сперваходишь въ четырехугольную комнату, которая сообщается окномъ со сторожкой. На голыхъ каменныхъ стѣнахъ ея не осталось никакихъ слѣдовъ ни времени, ни человѣка — ни одной надписи, ни даже плесени. Здѣсь тѣсно, темно, но сухо и прохладно. Видно, аѳинскіе Греки не были очень свѣдущи въ искусствѣ морить людей: имъ, кажется, и въ голову не приходило, что можно устроить тюрьмы подъ свинцовой кровлей или вырывать казематы въ уровень съ водою. Мы въ этомъ отношеніи ушли гораздо дальше. Въ глубинѣ комнаты пробито отверстіе въ другую пещеру. Это совершенно круглый каменный шатеръ, похожій на опрокинутую воронку,

съ длиннымъ и узкимъ отверстіемъ, которое оканчивается круглой отдушной, закрытой до половины камешной плитой на вершинѣ горы. Миѣ казалось, что я стою подѣ московскимъ царь-колоколомъ: не только форма и величина однѣ и тѣ-же, но даже входъ совершенно похожъ на выбитый край кремлевскаго великана. Самое эхо перелливается здѣсь звучнымъ гуломъ, какъ внутри мѣднаго колокола. Только отверстие на сводѣ, въ видѣ полумѣсяца, мѣшаетъ полнотѣ сходства. Стѣны сильно закопчены: пастухи варятъ здѣсь обѣды и грѣются зимой у костра.

Лѣвая наружная дверь ведетъ въ тюрьму Сократа. Мы вошли въ квадратную комнату, немного просторнѣе другихъ, съ едва выгнутымъ сводомъ. Изъ нея съ правой стороны пробито тоже окно въ сторожку. Бѣлыя известковыя стѣны ея совершенно голы, и только кое-гдѣ видируются надписи, которыми обыкновенно туристы любятъ заявлять свое присутствіе въ историческихъ мѣстахъ. Надписи эти по большей части англійскія: какъ Французъ любитъ завести визитную карточку какой-нибудь живой знаменитости, такъ Англичанинъ никогда не забудетъ записать свое имя на старомъ памятникѣ.

Въ тюрьмѣ нашли мы живописную картину. На буркахъ, разостланныхъ по полу, сидѣли наши пастухи, поджавъ ноги, драпированныя фустанеллами. Что это за характерныя лица! Одинъ изъ нихъ, старикъ съ загорѣлымъ лицомъ, съ разбросанными по плечамъ сѣдыми волосами, похожъ былъ скорѣе на какого-нибудь клефга, чѣмъ на мирнаго пастыря. Двое другихъ, молодые люди съ едва-пробивающимися усами, съ золотистымъ загаромъ кожи, стройные и гибкіе, напоминали тѣхъ Филисовъ и Дамоновъ, о которыхъ вздыхали нимфы и дриады. Ихъ стройныя формы, правильныя лица и какая-то мужественная скромность, кажется, такъ и вызывали любовь какой-нибудь богини. Передъ ними стояла плетеная корзина съ хлѣбомъ и большая глиняная амфора, грубая, но довольно-красивая. Казалось, это была живая сцена изъ какой-нибудь древней пьесы, со всей ея простотою и наивностью.

Когда мы вошли, пастухи встрѣтили насъ обыкновен-

нымъ греческимъ привѣтствіемъ — слегка наклонили головы и приложили руку къ сердцу. Мнѣ давно уже хотѣлось пить, товарищи мои устали не меньше меня, — и всѣ мы дружно взглянули на амфору. Пастухи, кажется, угадали наши мысли. Молодой человѣкъ, прекрасный какъ Адонисъ, проворно всталъ, взявъ сосудъ за вынутыя ручки и поднесъ намъ. Мы по-очереди нагбались къ краямъ: вода была довольно холодна, но съ какимъ-то горькимъ, непріятнымъ вкусомъ. Она напомнила-бы цикуту даже и не въ тюрьмѣ Сократа.

Разговоръ шель у насъ по-французски, и я замѣтилъ, что старый пастухъ посматривалъ на меня нѣсколько сурово. Видно было, что онъ хотѣлъ о чемъ-то заговорить. Наконецъ онъ обратился къ Ликадису съ вопросомъ: — вашъ товарищъ Нѣмецъ?

— Русскій! — отвѣчалъ онъ.

Нахмуренное лицо старика прояснилось. Онъ отодвинулся немного въ сторону, очистилъ мѣсто на буркѣ и знаками просилъ меня сѣсть. Мнѣ давно хотѣлось отдохнуть, и мы присѣли къ пастуху.

— Россось! — проговорилъ старикъ, прикладывая руку къ сердцу: — садись, садись! Русскіе наши гости! Русскіе наши братья!

И онъ подвинулъ къ намъ корзинку съ хлѣбомъ. Не желая обидѣть нашихъ хозяевъ, мы отломали по куску и залили водой. Мнѣ хотѣлось знать, до какой степени память о Сократѣ сохранилась здѣсь въ простомъ народѣ, и знаютели эти пастухи преданіе о его смерти. Я сказалъ объ этомъ Ликадису. Онъ спросилъ старика:

— Слыхалъ-ли ты что-нибудь объ этомъ мѣстѣ?

— Здѣсь умеръ мудрецъ! — отвѣчалъ онъ. — Я зналъ его ния, да забылъ... Что дѣлать — старъ! не помню совсѣмъ!

Молодой пастухъ взглянулъ на старика и, кажется, хотѣлъ что-то сказать, но точно ждалъ его позволенія.

— Не знаешь-ли ты, Дмитро: какъ звали этого человѣка? — спросилъ его старый пастухъ.

— Сократомъ! — отвѣчалъ нашъ Адонисъ.

— Да, теперь помню. Умные люди говорятъ, что его отравили. Господа изъ далекихъ земель ѣздятъ смотрѣть

нашу пещеру. Что-же удивительнаго, что здѣсь умнаго чело-
вѣка уморили! Вѣдь это было давно, когда наши отцы еще
и во Христа не вѣрили. А развѣ теперь ненависти меньше?
Мы люди простые, не все знаемъ, что дѣлается на свѣтѣ —
только вряд-ли и теперь мудрецамъ-то лучше, чѣмъ въ ста-
рину было!

— Правда, правда! — закричалъ нашъ студентъ и при-
нялся цѣловать старика.

Мы отдохнули и простился съ патриархальными жиль-
цами сократовой тюрьмы. Жаръ замѣтно уменьшился, и я
безъ большого утомленія прошелъ каменистое поле до са-
мыхъ воротъ Агоры. Черезъ полчаса мы сидѣли уже пе-
редъ кофейней Belle Grèce, на перекресткѣ улицъ Эола и
Гермеса, и, прихлебывая черный кофе, читали въ Indépen-
dance описаніе похоронъ Беранже.

VII.

Храмы Тезея и Юпитера.

Ни одинъ изъ древнихъ аѳинскихъ памятниковъ не уцѣ-
лѣлъ такъ хорошо, какъ храмъ Тезея, и ни одно великое
зданіе не было разрушено такъ страшно и безнадежно, какъ
храмъ Юпитера-олимпійскаго. У зданій, какъ и у людей,
есть свое счастье и судьба.

Былъ вечеръ, когда профессоръ Куманудисъ пригласилъ
меня идти къ этимъ классическимъ памятникамъ. Неразъ уже
видѣлъ я падали храмъ Тезея, но теперь, когда мы подошли
къ нему, меня поразила цѣлость этого зданія, которое про-
жило уже двѣ-тысячи пять-сотъ лѣтъ. Оно такъ удивитель-
но сохранилось, что не хочется вѣрить его древности: еслибъ
не эта непостижимая красота, передъ которой блѣднѣютъ
всѣ наши подражанія, то можно-бы подумать, что храмъ по-
строенъ какиа-нибудь сто лѣтъ назадъ. Сама судьба берегла
этотъ памятникъ. Построенный въ сторонѣ отъ города, ку-
да не долетали венеціанскія бомбы и турецкія ядра, онъ
часто былъ оскорбляемъ — служилъ пороховымъ магазиномъ,
казармой египетскихъ солдатъ, конюшней для албанскихъ му-
ловъ, но уцѣлѣлъ лучше Партенона, лучше всѣхъ другихъ

остатковъ старины. Твердость постройки спасла его отъ землетрясеній, а простота отъ собирателей древностей: не имѣя изящныхъ каріатидъ Эрехтеона, ни художественныхъ фризозъ Партефона, онъ ускользнулъ и отъ грабительства Элыгина. И вотъ двадцать-пять вѣковъ пронеслось надъ мраморной кровлей мараонскаго трофея, а онъ стоитъ еще во всемъ величїи и красотѣ, переживъ и удары молнїи, и народныя бури.

Что это за чудный мраморный параллелограмъ! Его дорическій перистиль, его гладкія колонны такъ просты, что кажется ребенокъ могъ-бы начертить такое зданіе, а между тѣмъ нельзя налюбоваться его художественной красотой. Время почти ничего не отняло у храма, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ придало ему такую-же красоту, какъ и Партефону: его мраморъ съ одной стороны потемнѣлъ отъ лѣтъ, съ другой позолотился отъ лучей солнца. Когда мы подошли къ зданію, западная сторона его вся облита была свѣтомъ, и колонны горѣли точно позолоченныя, отбрасывая гигантскія черныя тѣни на бѣломраморную стѣну храма.

Въ настоящее время этотъ памятникъ, посвященный нѣкогда силѣ, обращенъ на служеніе искусству: въ храмъ Тезея помѣщается теперь музей древностей. Я не очень любопытствовалъ видѣть его. Въ путешествіе мое по Европѣ я обошелъ столько галерей и выставокъ, что онѣ начинали утомлять меня. Художественное наслажденіе тогда только совершенно полно, когда видишь изящное произведеніе на своемъ мѣстѣ. Картины Тиціана и Веронеза въ дожевомъ дворцѣ, Тайная Вечера Леонарда-Винчи въ монастырской трапезѣ, каріатиды Фидїа на портикѣ эрехтеова храма, — больше дѣйствуютъ на душу, потому-что вы любуетесь ими тамъ, куда назначалъ ихъ художникъ. Перенесите ихъ въ галерею—и они утратятъ много прелести. Всякій музей похожъ на художественную казарму, а въ выставкахъ видѣнъ какой-то парадъ искусства. Да и какія музеи займутъ васъ въ Афинахъ, гдѣ подъ открытымъ небомъ вы встрѣчаете на каждомъ шагѣ великіе памятники.

Но инвалиды-сторожъ завидѣлъ насъ издали и поспѣшно отперъ двери. Внутренность храма совсѣмъ почти уцѣлѣла,

и мраморныя стѣны его блестятъ еще неувядающей свѣжестью. Музей, какъ я и полагалъ, довольно бѣденъ и не заслуживаетъ вниманія послѣ европейскихъ галерей. Весь онъ состоитъ изъ скульптурныхъ антиковъ, открытыхъ въ Греціи послѣ ея возрожденія, когда лучшіе остаткп ея искусства разнесены уже были по всей Европѣ. Можетъ-быть въ ея классической почвѣ и найдутся еще какія-нибудь великія произведенія, но въ настоящее время музей незначителенъ. Смотри на поврежденные статуи, полуразбитые торсы, барельефы съ искаженными божествами и центаврами, мавзолеи и гробницы съ полунзглаженной рѣзбою, желтыя вазы съ черными силуэтами фавновъ и вакханокъ, чувствуешь, что это немного прибавляетъ къ тому, съ чѣмъ вы знакомы даже по Эрмитажу. Воображеніе невольно переноситъ васъ къ памятникамъ болѣе совершеннымъ, въ Британскій Музей къ барельефамъ Партефона, въ Лувръ къ пьедесталу Венеры милосской, въ Ватиканъ къ статуѣ бельведерскаго Аполлона.

Греки жалуется, что важнѣйшіе остатки ихъ искусства разсѣяны по свѣту вдали отъ ихъ родины. Въ-самомъ-дѣлѣ греческіе памятники, съ первыхъ статуй, вывезенныхъ Римлянами, до Венеры милосской, которая подарена Франціи султаномъ, разбрелись по Европѣ, наводнили всѣ наши музеи.

Но мнѣ всегда казалось, что эта мраморная эмиграція была для Греціи полезна и много помогла ея освобожденію. Всѣ эти Морозини, похищавшіе пирейскихъ львовъ, Эльгины, вывозившіе акропольскія каріатиды, эти султаны и паши, раздававшіе Европейцамъ греческія статуи, не воображали, что посылаютъ въ Европу ходатаевъ за освобожденіе Греціи. Не шайки Карайскаки, не брандеры Міаулиса, не паваринскія пушки были главными ея спасателями: она больше всего обязана свободой своему искусству. Всѣ эти языческіе боги, Юпитеры и Венеры, вакханки и фавны говорили за нее краснорѣчивѣе ораторовъ, молились усерднѣе аонскихъ отшельниковъ. Античныя статуи нашихъ музейевъ проповѣдывали за Грецію во всей Европѣ. За нее ватиканскій Аполлонъ прострлялъ руку, поразившую панаона; за нее вѣчнымъ упрекомъ стоялъ Лаокоонъ, ошутанный змѣями; за нее меди-

пейская Венера молила дѣвственной наготой божественныхъ формъ, и во всѣхъ европейскихъ галереяхъ говорила красота въ самыхъ очаровательныхъ созданіяхъ искусства. Конечно, Греки храбро дрались за свою свободу, но и теперь, какъ подъ стѣнами Трон, за нихъ сражался невидимо весь Олимпъ, возбуждая къ нимъ общую симпатію. Какъ нѣкогда Петръ-пустышникъ призывалъ къ освобожденію Святой земли, — и Европа шла бороться за нее съ исламомъ; такъ и теперь мраморные боги проповѣдывали новый крестовый походъ противъ тѣхъ-же варваровъ за святую землю искусства, — и новые Готфреды, эти Байроны, Фавье, Кохрены, Санта-розы приносили золото, талантъ и шпагу на освобожденіе Греціи.

И кто знаетъ: можетъ-быть это не послѣднее торжество искусства. Тамъ, за этой полосой голубаго моря, ждетъ свободы другая прекрасная сторона, другая *mother of arts*, по выраженію Байрона. За нее такъ-же краснорѣчиво говорятъ рафаэлева Мадонна и сикстинскій Страшный Судъ, Колизей и подземные дома Помпеи, храмъ Петра и дворецъ Дожей. И къ этому голосу не всегда будутъ равнодушны. Австрійскій орелъ не долговѣчнѣ турецкой луны. Кто былъ въ Италиі, тотъ вѣрно убѣдился, что бѣлый мундиръ рано или поздно исчезнетъ въ ней, какъ въ Греціи янычарская чалма, отъ миланскихъ казармъ не останется слѣдовъ, какъ отъ аоинскихъ мечетей, и швейцарскіе солдаты въ Неаполѣ кончатъ тѣмъ-же, чѣмъ кончили въ Морей египетскія толпы Ибрагима.

Солнце скрывалось въ золотистомъ заревѣ на дальнихъ вершинахъ Пентелики. Мы прошли мимо Акрополя въ улицу Байрона, къ маленькому памятнику, извѣстному подъ именемъ демосѵенова-фонаря. Въ-самомъ-дѣлѣ эта игрушка похожа на круглый фонарь, вырубленный изъ бѣлаго мрамора, въ которомъ тонкія желобчатая колонны поддерживаютъ куполь съ рѣзнымъ карнизомъ, увѣнчанный снопомъ коринскихъ акантовъ. Не далеко отъ него росла, говорятъ, большая пальма, подъ которой Байронъ любилъ бесѣдовать съ филеллинами, но недавно она засохла. Съ правой стороны отъ насъ подымалась скала Акрополя, съ полуразрушенными ар-

ками театра Ирода-Агриппы; налѣво тянулась ближняя стѣна Гиметскихъ горъ, въ которой виднѣлось вырубленное амфитеатромъ углубленіе Стадеона, гдѣ въ древности бывали аѳинскія игры, а ближе вставала на темномъ фонѣ горъ бѣломраморная арка Адриана, и за нею группа колоннъ Юпитера олимпійскаго. Все это догорало послѣднимъ отблескомъ заката.

Не смотря на то, что адриановы ворота стоятъ посреди голаго поля, я прошелъ подъ ними съ извинительнымъ педантизмомъ туриста. Здѣсь можно убѣдиться, что и при Римлянахъ тайна греческаго искусства не была еще забыта: арка построена не прямо передъ храмомъ, а обращена къ одному углу его, какъ и Пропилеи въ отношеніи къ Партенону.

Помню, когда я по симплонской дорогѣ подѣзжалъ къ Альпамъ, онѣ сначала показались мнѣ совсѣмъ не высокими и нимало не поразили той колоссальностью, въ какой мы привыкли представлять ихъ. Мнѣ было обидно и горько. Кто виноватъ въ этомъ: я-ли не въ состояніи ихъ понимать, или путешественники обманываютъ насъ преувеличенными разсказами! Но когда отъ Брига сталъ я подниматься пѣшкомъ, на половину по шоссе, на половину по старой до-наполеоновской дорогѣ, и черезъ три часа увидѣлъ съ одной стороны покинутый городокъ въ видѣ бѣлаго пятнышка, а съ другой новыя стѣны высоко взлетающихъ вершинъ, съ которыхъ сверкающими серебряными ниточками висѣли вѣтви — тутъ я понялъ, что величіе Альповъ превосходитъ самыя восторженныя описанія. И это общій законъ для всего великаго въ природѣ и въ искусствѣ: ни Монбланъ, ни драма Шекспира—не поражаютъ вдругъ; но подойдите ближе, если можете, и все падетъ передъ ихъ громадностью. То же самое было и здѣсь. Когда я прошелъ подъ арку, бѣлѣвшія въ правой сторонѣ колонны Юпитерова-храма ничѣмъ не поразили меня особенно. Но по-мѣрѣ-того, какъ мы переходили поле, онѣ начали подыматься, роста и наконецъ встали передъ нами въ такой красотѣ и колоссальности, что я остановился въ невольномъ удивленіи.

Трудно представить развалины болѣе громадныя. Вис-

реди стоять двѣ колонны и у подножія ихъ падшимъ гигантомъ лежитъ третья, опрокинутая нѣсколько лѣтъ назадъ землетрясеніемъ. Дальше, черезъ большой промежутокъ, поднимаются тринадцать другихъ колоннъ, поддерживая архитектуръ, густо обросшія зеленью. И каждый изъ этихъ стержней, съ широкими желобчатыми выемками и коринѣскими капителями, съ одной стороны потемнѣвшій отъ времени, съ другой позолоченный солнцемъ, величиною почти въ нашу александровскую колонну. Что-же было, когда всѣ сто-двадцать исполиновъ окружали величайшій на свѣтѣ храмъ съ его колоссальной статуей Юпитера-громовержца, изваянной изъ слоновой кости и золота! Что значать всѣ наши позднѣйшіе соборы и базилики передъ этимъ колоссомъ, который и въ ту чудную эпоху искусства считался однимъ изъ чудесъ свѣта! Но этотъ храмъ строили Аэины въ продолженіи всѣхъ семи вѣковъ своей жизни. Съ перваго камня, положеннаго баснословнымъ Девкалиономъ, до окончательной отдѣлки при императорѣ Адрианѣ—передъ стѣнами храма прошла вся исторія Греціи и отразила на немъ весь геній и страданія великаго народа. Подъ этимъ портикомъ стоялъ въ восторгѣ Александръ македонскій, сюда вошелъ Силла съ толпою своихъ преторіанцевъ, въ этотъ перистиль вступилъ Адрианъ, снявъ у входа свои императорскія сандалии. И восемнадцать вѣковъ, съ помощью землетрясеній и всякихъ варваровъ, оставили отъ колоссальнаго храма одну только колоссальную развалину.

Но нельзя и теперь не восхищаться этими остатками. Двѣ одинокія колонны стоятъ такъ далеко отъ остальной группы, что воображеніе съ трудомъ соединяетъ ихъ въ одно зданіе. Онѣ кажутся отдѣльной постройкой, какъ-будто особой аркой, которая служила для храма отдаленнымъ входомъ. Когда перейдешь къ главной группѣ съ уцѣлѣвшимъ архитектуромъ, и мысленно продолжишь зданіе до этихъ далекихъ колоннъ, то невольно вздрогнешь при воображаемой картинѣ былаго величія храма, и сердце болѣзненно сожмется при мысли, что человѣчество никогда не создавало и вѣроятно не создастъ больше такого идеала красоты. Храмъ Юпитера нельзя и реставрировать: можетъ-быть когда-нибудь подни-

мутъ упавшую колонну, поставятъ на мѣсто кое-какіе разбросанные вокругъ обломки — но все остальное разбито, уничтожено, потеряно на вѣки. Я не знаю другого памятника искусства, болѣе способнаго вызвать удивленіе и слезы артиста.

Мы сѣли на какой-то мраморный обломокъ. Ночь подходила съ обыкновенной на югѣ быстротою. Тѣнь замѣтно подымалась по колоннамъ храма, отъ основанія къ капителямъ, и скоро окутала весь архитравъ. На высотѣ Акрополя бѣлѣлъ еще Партедонъ въ послѣднемъ отблескѣ потухшей зари, но Гиметскія горы изъ синяго цвѣта переливались уже въ чернѣйшій, и на небѣ начинали сверкать знакомыя созвѣздія. Въ разговорахъ съ моимъ товарищемъ я не замѣчалъ, какъ проходило время: его знанія въ греческихъ древностяхъ и мастерское умѣнье показать всю поэтическую сторону ихъ увлекли-бы человѣка самаго равнодушнаго. Между-тѣмъ самое мѣсто придавало особую прелесть его бесѣдѣ. Надъ нами чернѣлъ громадный силуэтъ храма, темными гигантами поднимались его колонны, и архитравъ въ неясномъ очеркѣ висѣлъ въ далекой высотѣ: сквозь него виднѣлись звѣзды, трепеща и сверкая, какъ-будто вѣтеръ силился погасить ихъ. Вдали на берегу Илпса, въ какомъ-то деревенскомъ домикѣ свѣтился одинокій огонекъ. Кругомъ не слышать было ни одного звука; только летучая мышь едва замѣтно шумѣла крыльями, описывая надъ нами свои трепетныя, мистическіе круги.

Мы воротились въ городъ за полночь. При свѣтѣ звѣздъ шли мы по темнымъ улицамъ, пробираясь между спящими людьми, которые на буркахъ и даже на тюфякахъ расположились на ночлегъ у домовъ, подъ свѣжпмъ пологомъ аттическаго неба. Какой-то бродячій огонекъ мелькалъ передъ моею гостиницей, какъ путеводная звѣзда. Когда мы подошли, оказалось, что это былъ фонарь, и съ нимъ какой-то человѣкъ, въ костюмѣ близкомъ къ наготѣ, бродилъ около дома. Я узналъ старика, который служилъ чѣмъ-то въ родѣ привратника при Ville de Paris.

— Кого ты тутъ ищешь? — спросилъ мы.

— Человѣка! — отвѣчалъ нашъ Діогенъ.

Мы невольно расхохотались.

— Какого человѣка?

— Петра, повара. Вѣрно онъ спать ушелъ, а хозяинъ его спрашиваетъ.

И старикъ опять принялся бродить около дома, отыскивая русскаго человѣка, который въ-самомъ-дѣлѣ не хуже Грека любить завалиться гдѣ-нибудь на свѣжемъ воздухѣ.

VIII.

Новый городъ.

Въ настоящее время Афины похожи на старую реликвию, не совсѣмъ удачно вставленную въ новую раму. Великіе памятники старины деспотически привлекаютъ здѣсь путешественника въ ущербъ новой жизни. Древность неотразимо тяготѣетъ здѣсь надъ современностью и прошедшее своей тѣнью заслоняетъ отъ васъ настоящее. Приѣзжему надобно до-сыта налюбоваться остатками старины, чтобы наконецъ взглянуть изъ-за нихъ на новый городъ и всмотрѣться въ современные нравы.

Обращаясь къ настоящей жизни Греціи, прежде всего замѣчаешь, какъ неудачно мѣстомъ ея столицы выбраны Афины. Съ перваго взгляда понятно, что это — памятникъ старины, великій музей античныхъ святынь, а не средоточіе молодой дѣятельности воскресающей націи. При единствѣ королевства сама природа указала на Коринѣ, какъ на сердце новаго государства. Еслибы столица была среди перешейка, на четверть часа ѣзды отъ двухъ морей, — она опиралась-бы, какъ родосскій колоссъ, на два порта и служила средоточіемъ пути изъ Морей въ Фессалію и изъ Италіи въ Константинополь. Стоило построить желѣзную дорогу отъ Лутраки до Казамаки и прорыть каналъ между двумя гаванями, въ возможности котораго не сомнѣвались еще при Персидѣ, — и Коринѣ скоро выросъ-бы до значенія одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ Европѣ.

Но судьба и личная прихоть не въ первый разъ уже играютъ слѣпо народнымъ благомъ, бросая столпцы на бесплодный берегъ какого-нибудь Мансанареса или въ болотистый

стыя топи невскихъ прибрежій. Такъ было и съ Греціей. Баварскій король, строитель кирпичныхъ Глиптотекъ и Пинакотекъ, довольный тѣмъ, что филистеры величали его Мюнхенъ «новыми Афинами», хотѣлъ непременно, чтобъ сынъ его царствовалъ въ настоящихъ, старыхъ Афинахъ. И благодаря нѣмецкой любви къ греческимъ древностямъ, народныя выгоды были умышленно забыты, и столица молодого королевства перенесена къ акропольской скалѣ, во имя одной тридцати-вѣковой ея славы и въ доказательство, что нѣмецкіе прищцы воспитываются на религіозномъ уваженіи къ эллинскому искусству.

Видно, поэтическая баварская династія не такъ мѣщански воспитана, чтобъ предпочитать какіе-нибудь политическіе виды и коммерческіе расчеты удовольствію жить у подножія Партефона. И могутъ-ли роптать на это потомки классическихъ Эллиновъ! Если отъ выбора столицы пострадала торговля, остановилась промышленность, заброшены дороги, — за то афинская палата собирается теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ жили Демосоевъ и Перикль, университетъ стоитъ недалеко отъ платоновой академіи, а новый ареопагъ разбираетъ вексельные процессы и поземельныя тяжбы въ виду холма, гдѣ въ древности засѣдали архонты. Вѣдь это не бездѣлица! Баварская династія потому, вѣроятно, и предпочла развалины фабрикѣмъ, обломки статуй машинамъ и станкамъ, что желала управлять не торговцами и промышленниками, а одними благородными артистами, которые слушали курсы археологій въ мюнхенскомъ университетѣ. А говорятъ еще, что въ нашемъ положительномъ вѣкѣ перевелись романтики!

Во всѣхъ капитальныхъ постройкахъ новаго города заметно желаніе копировать древности. Но тутъ современность сильно уже пробивается сквозь античныя формы. Дворецъ короля Оттона, на концѣ улицы Гермеса, самое видное и самое неудачное зданіе во всѣхъ новыхъ Афинахъ. Его задумали въ древнемъ греческомъ стилѣ, а вышло что-то похожее на казарму или фабрику. Бѣдность передняго фасада замаскирована бѣлымъ мраморнымъ перистилемъ; но отнимите его, — и вы подумаете, что передъ вами какая-нибудь бумагопрядильная мануфактура. Лѣвая сторона, еслибы тутъ

и не было гаунтвахты, съ перваго взгляда напомнила-бы вамъ казармы. Одинъ только правый фасадъ, примыкающій къ саду и одѣтый во всю длину колоннадою изъ пентеликскаго мрамора, не оскорбляетъ глазъ. Странно, что строители мюнхенскихъ Глиптотекъ не могли придумать ничего лучше, въ виду величайшихъ памятниковъ архитектуры. Видно, на нѣмецкую фантазію не дѣйствуетъ аттическое небо!

Но дворцовый садъ выкупаетъ зданіе. Въ немъ два отдѣленія. Передъ главнымъ фасадомъ большой квадратъ обнесенъ живой оградой высокихъ кактусовъ, которыхъ зеленые побѣги унизаны большими желтыми цвѣтами, а изъ-за нихъ поднимается новая ограда изъ кустовъ цвѣтущихъ олеандровъ. За этой золотисто-розовой бахромой видны аллеи кипарисовъ, а между ними высокія пальмы раскидываютъ зеленые пуки колоссальныхъ перьевъ. Другой садъ примыкаетъ къ боковому фасаду дворца и тянется почти до Илліа. Это единственное дѣтя королевы Амаліи, которая по словамъ Грековъ посвящаетъ ему всѣ царственные труды, воспитывая его потомству въ качествѣ своего наследника. Въ-самомъ-дѣлѣ садъ очень-хорошъ. Онъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ. Дорогая въ здѣшнемъ климатѣ тѣнь добыта большими трудами и большими деньгами. И за то какая растительность! Подъ открытымъ небомъ видишь тепличныя деревья и цвѣты: такъ и кажется, что гуляешь въ оранжереѣ. Померанцовая роща вся въ плодахъ, и они горятъ на солнцѣ, точно фонарики, развѣшенные для иллюминаціи. Посреди ярко-зеленаго газона, обсаженнаго цвѣтами, стоитъ группа большихъ финиковыхъ пальмъ; за шпалерами изъ розъ и жасминовъ поднимаются фиговыя и миндальныя деревья, у которыхъ стволы густо обвиты виноградомъ. Говорятъ, одна полівка травы стоитъ въ годъ десять-тысячъ драхмъ. Не даромъ королева ревнуетъ своего питомца и не позволяетъ гулять въ немъ.

Послѣ королевскаго дворца, самыя замѣчательныя зданія въ городѣ — университетъ, новый, еще неоконченный соборъ и русская церковь. Во всѣхъ видѣнъ пентеликскій мраморъ, вліяніе древняго вкуса и трудность примѣнить его къ современной архитектурѣ. Замѣтно, что образцы искусства,

завѣщанные намъ вѣкомъ Перикла, до-сихъ-поръ остаются тайною: стараясь подойти къ древней простотѣ, мы невольно переходимъ въ сухость, а мечтая объ античныхъ украшеніяхъ, впадаемъ въ изысканность. Впрочемъ, перистиль университетскаго зданія, размѣры и куполь новаго собора и мраморные орнаменты русской церкви не лишены вкуса.

Прямыя улицы и въ линію построенные дома придаютъ Аѳинамъ видъ новаго европейскаго города, а зеленныя рѣшетки въ окнахъ и полосатые маркизы напоминаютъ Италію. Не смотря на то, вы видите на каждомъ шагу, какъ славныя отголоски древности и воспоминація послѣдней борьбы сталкиваются съ современной жизнью. Улицы Минервы и Ксенофонта пересѣкаются здѣсь улицами Колокотрони, Байрона. Подлѣ мраморной стѣны Адриана видна турецкая мечеть, обращенная въ тюрьму; на мѣстѣ платоновой академіи маршируютъ регулярные солдаты и гремитъ барабанъ. Французская цивилизація начинаетъ уже сильно нивелировать аѳинское населеніе своими отелями, вивѣсками и модами, но городъ не совсѣмъ еще потерялъ самобытную физиономію. Аѳинская улица все еще довольно-характерна. По ней двигаются охимы, совершенно похожія на наши кареты, но кучера у нихъ въ бѣлой фустанеллѣ и аломъ фесѣ. Въ экипажахъ встрѣчаете вы дамъ во французскихъ шляпкахъ и мантіяхъ, но въ окнахъ домовъ и на улицахъ часто видите женщинъ въ національной красной шапочкѣ съ золотой кистью. Модное пальто и круглая шляпа проникаютъ уже въ средній классъ, но простой народъ остается еще вѣренъ своему національному костюму. По улицѣ бредутъ ослы съ привѣшенными къ бокамъ корзинами зелени или огромными кувшинами съ молокомъ и свѣжей водой, и погонщикъ въ фустанеллѣ или черныхъ коленкоровыхъ шароварахъ бѣжитъ позади, погоняя скотину своимъ четкамъ. На вивѣскахъ славныя имена древности сталкиваются съ предметами самаго обыденнаго быта: тутъ Ѳемистоклъ работаетъ башмаки, здѣсь Эпаминондъ печетъ бѣлые хлѣбы, а тамъ Анаксагоръ подписалъ свое имя подъ большими золочеными ножицами. Въ одной улицѣ я встрѣтилъ табачную лавку какого-то Діогена.

Базаръ, примыкающій къ коринескій колоннадѣ стараго римскаго рынка, до поздней ночи пестрѣетъ самой живописной толпою. На разостланныхъ по землѣ цыновкахъ навалены груды арбузовъ, фигъ, гранатъ, мелнцзановъ, свѣжей коринки. На большихъ прилавкахъ стоятъ кадки съ оливками, корзины со всякой зеленью, блюда съ жареной рыбою. Продавцы и торговки, въ своемъ національномъ костюмѣ, шумятъ и кричатъ оглушительно-звонкими голосами. Господинъ въ пальто, какой-нибудь судья, купецъ или профессоръ, съ холстянымъ мѣшкомъ въ рукѣ, торгуетъ баранину; попъ въ истрепанныхъ до дыръ башмакахъ покупаетъ какую-то круглую золотистую рыбу. Толпы работниковъ, слугъ, носильщиковъ сидятъ поджавъ ноги на землѣ и обѣдаютъ своими черными оливками. Въ одномъ углу пріютился у столика мѣняла, благоразумно прикрывъ червонцы запертою на замокъ проволоочной сѣткой; въ другомъ слѣпой нищей, живописно драпирясь изорванной курткой, въ молодецки надѣтой полнялой фескѣ, выставляетъ свои незрячіе бѣлые глаза, похожіе на мраморный взглядъ статуи. И въ густомъ гулѣ неумолкающаго говора и брани на тысячу тоновъ звучатъ безпрестанно слова *драхма* и *лепта*, такъ-же постоянныя, какъ вѣчный крикъ лондонскій: спксъ пенсъ!

Ничто такъ не поражало меня въ афинскихъ Грекахъ, какъ это врожденное чувство изящнаго, которое замѣчаешь во всемъ — въ манерахъ, въ походкѣ, въ костюмѣ. Я не могъ налюбоваться пожилымъ Грекомъ, который всякое утро приходилъ зачѣмъ-то въ домъ, напротивъ нашей гостиницы. Это былъ человекъ не высокій, но стройный, съ удивительнымъ величіемъ и непринужденностью въ каждомъ движеніи и поворотѣ. Алый фесъ его съ голубой кистью прикрывалъ черные волосы, распушенные кудрями по плечамъ. Машиновая пегла или куртка, вся вышитая золотымъ шуркомъ, стягивала тонкую талию; бѣлая фустанелла опускалась до колѣнъ въ безчисленныхъ складкахъ; на поясѣ висѣлъ длинный пистолетъ, оправленный камнями, а на плеча накинута была бѣлая мохматый плащъ, обшитый по швамъ красной тесьмою. И такіе люди попадаются и на улицѣ, и въ кофейняхъ. Нерѣдко встрѣчаешь какого-нибудь оборванца,

у котораго заплатанныя лохмотья надѣты съ необыкновенной граціей.

Ни въ одномъ городѣ я не видалъ столько поцѣлуетъ на улицѣ, какъ въ Аѳинахъ. Не думайте, чтобъ я намекалъ на какія-нибудь сердечныя свиданія: я говорю про обычай Грековъ обниматься при каждой встрѣчѣ. Поцѣлуи, особенно у простаго народа, замѣняютъ здѣсь наши поклоны и пожиманья руки. Мнѣ часто казалось, что я попалъ въ русскій уѣздный городъ въ первый день святой-недѣли, и передо мною христосуются близкіе знакомые. Каждое утро молодой водовозъ, пригоняя къ воротамъ нашей гостиницы осла, обвѣшеннаго огромными глиняными флягами, начиналъ обыкновенно поцѣлуемъ съ сѣдымъ привратникомъ. Однажды я видѣлъ даже, какъ на гауптвахтѣ часовой разцѣловался съ солдатомъ, котораго привели ему на смѣну.

Въ Аѳинахъ между всѣми классами народа сильно развиты привѣтливость и гостепрѣимство. Когда я привозилъ рекомендательное письмо, меня принимали съ участіемъ, приглашали на обѣдъ или на вечеръ, предлагали услуги и новыя рекомендаціи. Даже въ кругу совершенно незнакомомъ стоило сказать, что я прѣѣхалъ посмотрѣть Грецію — и посторонніе люди спѣшили помочь мнѣ совѣтами и вызывались на услуги. Нѣтъ націи, въ которой можно было-бы найти столько симпатіи къ Русскимъ. Это объясняютъ у насъ единствомъ вѣры, но кажется несправедливо: причина въ самомъ сходствѣ народнаго характера и обычаевъ. Въ двѣ недѣли мудро, конечно, познакомиться съ чужими нравами, но многія черты съ перваго взгляда поражали меня сходствомъ съ нашею жизнью. Скорѣе можетъ-быть вѣру Русскіе приняли отъ Грековъ въ слѣдствіе родственности народнаго характера. Последняя война поколебала, но не заглушила любовь къ Россіи и вѣру въ наши силы. Не разъ случалось мнѣ слышать жалобы на то, что мы начали борьбу, не приготавливая ни дорогъ, ни паровыхъ кораблей, ни союзниковъ. Но еще часче говорили мнѣ въ Аѳинахъ: «когда вы проведете желѣзныя дороги, освободите крестьянъ и дадите больше простора образованію, — вы будете первый народъ въ свѣтѣ!»

Вмѣстѣ съ симпатіей къ Россіи, здѣсь выдается въ глаза нескрываемая вражда къ Англіи. Она доходитъ въ Аѳинахъ до какого-то страннаго ослѣпленія. Греки, во всемъ другомъ немножко скрытныя и недовѣрчивыя, становятся наивными дѣтьми, какъ- скоро рѣчь заходитъ о покровительницѣ Ионическихъ острововъ. На этой статьѣ ихъ легко даже мистифицировать. Скажите въ кружкѣ Грековъ, что Англія завидуетъ торговлѣ Сиріи и затѣяла восточную войну только для того, чтобы подорвать ее, скажите, что Бонапартъ овладѣлъ престоломъ съ единственной цѣлью освободить Грецію отъ англійскаго вліянія, — и всегда найдутся люди, которые повѣрятъ этому и съ торжествомъ будутъ рассказывать другимъ.

Самая любовь къ родинѣ и патриотизмъ доходятъ у аѳинскихъ Грековъ до увлеченія, иногда трогательнаго, иногда комическаго. Никто такъ неспособенъ, какъ Грекъ, пожертвовать отечеству жизнью и состояніемъ, и никто не доводитъ вѣры въ свою націю до такой смѣшной наивности. Грекъ любитъ свою родину той слѣпой любовью, которая не подчиняется уже разсудку. Мнѣ случалось слышать отъ людей довольно-образованныхъ такіе политическія предположенія, которыя рѣшительно ставили меня въ тупикъ. Вся европейская политика отражается въ Аѳинахъ подъ угломъ, совершенно недоступнымъ обыкновенному взгляду. Послушать Грековъ — такъ вся Европа день и ночь занята одними только греческими дѣлами: Англія заняла Мальту и Гибралтаръ изъ опасенія Греціи. Пальмерстонъ мѣшаетъ прорытію суэцкаго-канала, боясь чтобы греческій флотъ не проникъ въ Индію, Франція покоряетъ Алжиръ и усиливаетъ флотъ изъ страха къ возрастающимъ силамъ Греціи, въ восточной войнѣ и въ индѣйскомъ возстаніи — вездѣ тайная иружина одна Греція.

— Видѣли вы въ Англіи пароходъ Левіаоанъ?—спросилъ меня студентъ, съ которымъ мы ходили на Пниксъ.

— Видѣлъ, только не отдѣланый.

— И мы скоро увидимъ.

— А вы собираетесь въ Англію? — спросилъ я.

— Нѣтъ. Да развѣ вы не знаете, съ какой цѣлью стро-

ится этотъ великанъ? Вотъ увидите, что вмѣсто Австраліи онъ пожелуетъ въ Ппрей, чтобы опять останоить паніу торговлю изъ-за какого-нибудь жиды.

IX.

УНИВЕРСИТЕТЪ. — АРСАКЕОНЪ.

Ни въ чемъ новая Греція не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ народномъ образованіи. Просвѣщеніе, задавленное турецкимъ рабствомъ, какъ-будто таилось въ ея классической почвѣ, и съ первыхъ минутъ освобожденія пустило новые побѣги по всему краю. Образованіе было первой потребностью воскресшей націи. Еще поля Греціи дымились кровью, на мѣстѣ вырубленныхъ оливковыхъ рощъ видѣлись палатки египетскихъ солдатъ, въ рядахъ Грековъ не прекращались междоусобія, а правительство издавало уже декреты объ открытіи школъ, и люди, не умѣвшіе подписать своего имени, громко требовали основанія лицеевъ и академій. У правительства не было денегъ, и со всѣхъ сторонъ полились приношенія въ пользу науки: изъ Лондона, Петербурга, Вѣны, Греки присылали большія суммы на основаніе университета, института, академіи наукъ. И пожертвованія доходили иногда до самоотверженія: братья Ратацци, напримѣръ, дали обѣщаніе не жениться, чтобы по смерти оставитъ свое состояніе въ пользу учебныхъ заведеній.

При такомъ стремленіи къ образованію, Греція въ тридцать лѣтъ сдѣлала большой шагъ въ просвѣщеніи. Въ настоящее время, кромѣ университета, въ Греціи есть военная и политехническая школа, высшее нормальное училище, земледѣльческая школа, семинарія, арсакиевскій институтъ для образованія гувернантокъ, институтъ королевы Амаліи, семь лицеевъ, сто-семьдесятъ-девять общихъ эллиническихъ училищъ и триста-шестьдесятъ-девять первоначальныхъ школъ. И большая часть этихъ заведеній основана и поддерживается на счетъ однихъ частныхъ приношеній. Конечно, это далеко еще отъ какихъ-нибудь Американскихъ-Штатовъ, но вѣдь и вся Греція-то меньше нашей саратовской губерніи.

Аоніискій университетъ растетъ съ каждымъ годомъ. Если

когда-нибудь наружность зданія располагаетъ въ пользу самаго заведенія, то университетъ съ перваго взгляда оставляетъ впечатлѣніе очень пріятное. Это лучшее зданіе во всѣхъ Афоннахъ. Онъ построенъ изъ бѣлаго гиметскаго камня и блеститъ на солнцѣ, подобно миланскому собору. Хорошъ въ Греціи мраморъ древнихъ зданій, темно-золотистый отъ солнца, но не меньше привлекательны и новыя мраморныя постройки, всѣ ярко-бѣлыя и дѣвственно-чистыя. Мраморъ горитъ здѣсь на солнцѣ такъ-же ослѣпительно, какъ иногда у насъ въ полѣ чистый, только-что выпавшій снѣгъ при яркомъ полуденномъ свѣтѣ. Зданіе университета построено въ древнемъ греческомъ стилѣ. Къ переднему фасаду примыкаетъ прекрасная галерея, съ бѣлыми какъ сахаръ мраморными колоннами. Я ѣздилъ въ университетъ съ ректоромъ Асопіосомъ.

Мы вошли въ обширную переднюю. Прямо подымается великолѣпная лѣстница, а по сторонамъ входы въ нижній этажъ, гдѣ помѣщается канцелярія, зала совѣта и многочисленныя аудиторіи. Миѣ не нравится роскошь учебныхъ комнатъ: она всегда почти служитъ признакомъ незрѣлости просвѣщенія. Гдѣ наука не пустила еще корней, тамъ обыкновенно обращаютъ вниманіе на однѣ ненужности — паркетные полы, лакированныя скамейки, орѣховыя шкапы, роскошныя изданія, которыхъ никому не даютъ въ руки. Настоящая наука не любитъ бесполезнаго. Я помню аудиторію Мишелё въ берлинскомъ университетѣ. Въ небольшой комнатѣ съ голыми стѣнами стоятъ простые деревянные столы и скамейки, а противъ нихъ простая черная каюдра и за нею черная доска. Вотъ и все убранство аудиторіи, гдѣ читали Фихте и Гегель! Но если въ афонскомъ университетѣ вездѣ видѣнъ мраморъ, то это не изъ любви къ роскоши, а оттого, что онъ стоитъ здѣсь недороже простаго камня.

По мраморной лѣстницѣ поднялись мы въ верхній этажъ, и вышли на открытую галерею съ балюстрадой, которая обставлена вазами съ цвѣтущими пупсовыми кактусами. Это ходъ въ библіотеку. Мы вошли сперва въ залу для чтенія. Прямо противъ дверей стоитъ мраморный бюстъ Платона, обвитый свѣжимъ зеленымъ плющемъ. По сторонамъ бюсты

короля Оттона и королевы Амаліи. По стѣнамъ развѣшены портреты главныхъ героевъ войны за независимость — Колокотрони, Бицариса, Карайсаки, Маврокордато. Не смотря на знойный день, здѣсь было прохладно, какъ въ итальянскихъ базиликахъ. Человѣкъ двадцать молодыхъ людей читали, дѣлали выписки, — и мраморный взглядъ Платона, полный думы и кротости, казалось обращенъ былъ съ любовью на молодое поколѣніе возрождающейся Греціи.

По другую сторону галереи тянется рядъ комнатъ, уставленныхъ шкапами съ книгами. Афинская университетская библіотека обязана всѣмъ основателю и директору своему Типальдосу. Нѣсколько лѣтъ онъ неутомимо собиралъ книги, почти безъ денежныхъ средствъ, во имя одной любви и симпатіи къ Греціи, писалъ письма въ Германію, Францію, Россію и не разъ путешествовалъ для обогащенія библіотеки.

Какъ Петръ-пустыльникъ являлся онъ при дворахъ королей, въ европейскихъ университетахъ и ученыхъ обществахъ, — и на голосъ его тысячи книгъ покидали шкапы библіотекъ и книжныхъ лавокъ и плыли въ Грецію на пользу наукъ и истребленіе невѣжества. Теперь въ университетской библіотекѣ больше семидесяти-тысячъ томовъ. Съ перваго взгляда видно, что она всѣмъ обязана западной Европѣ: книги въ ней большею частію итальянскія, нѣмецкія и французскія. На русскомъ языкѣ я ничего не нашелъ, кромѣ журнала министерства Народнаго Просвѣщенія да разрозненныхъ словарей. Между-тѣмъ профессора говорили мнѣ, что въ университетѣ всегда есть студенты, которые учатся по-русски, и Типальдосъ не разъ писалъ въ Петербургъ и просилъ прислать нашихъ классиковъ. А между-тѣмъ при всякой войнѣ съ Турками мы кричали, что идемъ проливать кровь за Грецію!

Физическій кабинетъ и музей естественной исторіи очень бѣдны: въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ инструментовъ, да нѣсколькихъ десятковъ засушенныхъ птицъ и ящерицъ. Университетская обсерваторія стоитъ на другомъ концѣ города, недалеко отъ тезеева храма: она не столько богата астрономическими снарядами, какъ прекрасными видами на городъ и окрестности.

Афинскій университетъ открытъ для всѣхъ званій и безъ

всякой платы. Это объясняется общимъ стремленіемъ къ образованію и богатыми пожертвованіями частныхъ людей. И едва-ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ молодежи такую любовь къ ученью. Здѣсь водятся всякаго рода студенты — даровитые и бездарные, богатые и почти нищіе; но тутъ нѣтъ, говорятъ, студента, который-бы ничего не дѣлалъ. Того извѣстнаго типа молодаго человѣка, который надѣваетъ студентскій сюртукъ для того, чтобъ блистать въ кондитерскихъ и театрахъ, въ Афинахъ не существуетъ. Говорятъ, что страсть къ ученью здѣсь не безкорыстна, и всякій мальчикъ, посѣщая школу, мечтаетъ уже о дипломѣ, который долженъ обезпечить ему положеніе въ жизни. Но развѣ это не извннительно? Едва только открылся университетъ, молодые люди начали сходитьса въ него со всѣхъ концовъ Греціи. Были случаи, что иной приходилъ въ городъ съ нѣсколькими драхмами въ карманѣ и опредѣлялся слугою или мальчикомъ въ какой-нибудь магазинъ, требуя за свои труды только кусокъ хлѣба да три часа въ день для посѣщенія лекцій. Французскій путешественникъ рассказываетъ, какъ одинъ молодой человѣкъ нанялся такимъ-образомъ въ кофейню, вставалъ съ зарей, мелъ комнаты, убиралъ посуду, приготавлиалъ кофе, потомъ убѣгалъ на лекціи, а вечеромъ снова набивалъ трубки и послѣ-того просиживалъ часть ночи за приготвленіемъ уроковъ. И вотъ черезъ три года, въ одно прекрасное утро, уставляя чашки и вытирая чубуки, обращается онъ къ своему патрону:

— Довольны вы мною, хозяинъ?

— Доволенъ, Петро.

— Такъ вы позволите мнѣ служить вамъ и впередъ?

— Конечно.

— Только ужъ не при кофейнѣ...

— А какъ-же?

— Докторомъ... я вчера кончалъ экзаменъ и на дняхъ получу дипломъ.

Послѣ университета самое замѣчательное учебное заведеніе въ Афинахъ — женскій институтъ Арсакеонъ, названный такъ по имени одного богатаго грека Арсаки, который пожертвовалъ капиталъ на открытіе заведенія. Я ѣздилъ

смотрѣть его съ профессоромъ университета Контогони, который принадлежит къ числу членовъ совѣта, управляющаго институтомъ. Мы пріѣхали къ довольно-обширному зданію, построенному въ видѣ четырехугольника, съ прекраснымъ дворикомъ посрединѣ, обведеннымъ галереей. Широкая лѣстница ведетъ въ приемную залу, гдѣ прямо передъ входомъ стоитъ бюстъ основателя института. Профессоръ представилъ меня начальницѣ, и она предложила мнѣ осмотрѣть заведеніе. Налѣво отъ приемной расположена рекреационная зала, классы и дортуары; правая половина занята комнатами начальницы и дамъ, а въ заднемъ корпусѣ помѣщается церковь. Она проста и изящна: стѣны и полъ изъ ослѣпительно-свѣжаго мрамора, а въ алтарѣ видно превосходное распятіе Доменикино, присланное въ подарокъ изъ Италіи.

Арсакеонъ управляется совѣтомъ, который состоитъ изъ профессоровъ университета и почетныхъ городскихъ жителей. Въ институтѣ бываетъ ежегодно отъ 100 до 120 пансіонерокъ и отъ 250 до 300 экстернъ. Пансіонерки содержатся на постоянные фонды заведенія, или на вновь-поступающія пожертвованія. Приходящія платятъ за ученіе по восьми драхмъ въ мѣсяць (1 руб. 80 коп. сереб.). По окончаніи курса штатныя воспитанницы опредѣляются учительницами въ провинціальныя школы или поступаютъ гувернантками въ семейства въ Греціи, на Ионическихъ островахъ и въ Левантѣ. Заведеніе давно уже пользуется извѣстностью и за предѣлами королевства. Начальница говорила мнѣ, что въ институтѣ, за долго еще до выпуска получаютъ приглашенія изъ Смирны, Константинополя и даже отъ греческихъ семействъ изъ Италіи и Англій. Вліяніе этого заведенія очень важно для Греціи: Арсакеонъ одно изъ тѣхъ разлагающихъ средствъ, которыя медленно, но вѣрно ускоряютъ разрушеніе Турціи.

Свободный доступъ въ аѳинскій институтъ вызвалъ такое-же горячее сочувствіе, какъ и университетъ. Незначительность платы дала возможность самымъ недостаточнымъ людямъ опредѣлять дочерей въ заведеніе, которое даетъ образованіе, а верѣдко и карьеру. Большая часть приходящихъ воспитанницъ принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу город-

скихъ жителей. Рыбная торговка, молочница, продавица фруктовъ, отказывая себѣ въ башмакахъ и въ лишней горсти оливъ за обѣдомъ, посылаетъ дочь въ Арсакеонъ, разумѣется не изъ любви къ Наукѣ, а только въ надеждѣ доставить ей лучшее положеніе въ обществѣ. Это нерѣдко вызываетъ случаи очень любопытные. Прачка, которой я отдавалъ бѣлье, говорила мнѣ съ сверкающими отъ радости глазами, что у нея дочь ходитъ въ Арсакеонъ. Эта женщина, вдова какого-то лавочника, два года назадъ пришла изъ Патраса, съ десятилѣтней дочерью и съ десяткомъ драхмъ въ карманѣ, для того чтобъ помѣститъ дѣвочку въ институтъ. Кое-какъ нашла она небольшую практику въ качествѣ швеи и прачки, опредѣлила дочь въ Арсакеонъ и начала долгую борьбу съ бѣдностью, думая только, какъ-бы набрать восемь драхмъ за учење да какъ-нибудь одѣть и накормить свою институтку. Вѣдь это своего рода героиня! Надобно было видѣть, съ какимъ гордымъ удовольствіемъ, вынимая бѣлье изъ ручной корзинки, она говорила:

— Моя дочка ходитъ въ Арсакеонъ!

— Чтожъ ты будешь дѣлать съ ней, когда она выучится? — спросилъ у нея Ликаднсъ.

— Она будетъ учить богатыхъ людей.

— А если не найдетъ мѣста?

— Да развѣ вы думаете, что образованье помѣшаетъ ей стирать бѣлье? вѣдь она и теперь иногда помогаетъ мнѣ! — отвѣчала Гречанка, гордо поправляя свою алую феску.

Жажда къ просвѣщенію проникаетъ въ самые бѣдные классы народа. Мнѣ говорили, что нерѣдко въ самой ничтожной деревенькѣ, въ глуши Пелопонеса или Эпира, жители принимаютъ бѣднаго учителя и по-очередно даютъ ему постель подъ кровлей своей избы и мѣсто за скуднымъ обѣдомъ. И вотъ этотъ кочующій педагогъ, за неимѣніемъ школы, собираетъ учениковъ подъ открытымъ небомъ, на паперти деревенской церкви или подъ тѣнью дерева, — и дѣти по цѣлымъ часамъ сидятъ за своими кпигами. Живой умъ, такъ долго дремавшій въ поработленномъ народѣ, рвется теперь съ какою-то судорожной торопливостью, какъ-будто желая скорѣе заявить себя передъ лицомъ просвѣщенной Европы. Греція

точно снѣшитъ оправдать симпатію, какою встрѣтила ее вездѣ борьба за независимость, показать себя достойною участія филеллиновъ и почтить память Байрона, который, среди пѣсенъ отчаянія и проклятій, нашелъ въ душѣ своей звуки симпатіи къ возрождающейся Элладѣ.

Х.

Гротъ нимфъ.

Лѣтомъ Аѳины пустѣютъ не хуже Петербурга. Аттичское солнце разгоняетъ по дачамъ всѣхъ, кого нужда не посадила безвыходно за зелеными рѣшетками душныхъ городскихъ домовъ. Съ мая мѣсяца Дворъ, посланники, богатое купечество живутъ обыкновенно въ мѣстечкѣ Кефисіи, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на берегу историческаго Цефиза. Недалеко отсюда и знаменитый гротъ Нимфъ, воспѣтый древними поэтами и почти забытый новыми путешественниками. Мнѣ хотѣлось взглянуть на аѳинское Царское-Село и его поэтической гротъ.

Поѣздка наконецъ состоялась. Эвлампіосъ, извѣстный переводчикъ новогреческихъ пѣсенъ, познакомилъ меня съ однимъ аѳинскимъ купцомъ, котораго семейство жило недалеко отъ Кефисіи. Былъ какой-то праздникъ, и купецъ пригласилъ насъ обѣдать на дачу. Мы послали за каретой. Намъ привели наемную охиму, замѣчательную тѣмъ, что сама она была синая, а колеса напередѣ зеленныя, позади красныя. Впрочемъ, лошади бѣжали хорошо, и извозчикъ, не смотря на грязную фустанеллу, смотрѣлъ молодцомъ.

Отъ королевскаго дворца повернули мы на довольно-плохое шоссе, которое пролегало къ сѣверу по низкой долинѣ. Направо рядъ холмовъ, постепенно возвышаясь, сливается съ подножіемъ Гиметскихъ горъ, налѣво тянется ближайшій отрогъ мраморнаго хребта Пентелики, а между ними изрѣдка мелькаютъ вдали снѣжными пятнушками отдаленныя вершины Парнаса. По мѣрѣ удаленія отъ города, природа становилась живописнѣе. Правда, горы тянулись еще обнаженной стѣною, но вокругъ стала показываться зелень, и бесплодные пустыри начали смѣняться небольшими

луговинами съ кустиками душистаго оймари, которые такъ и залиты были цвѣтами, сверкавшими на солнцѣ, какъ спніе огоньки.

Не смотря на то, что часть аонскаго населенія жила уже въ Кефисіи, дорога была очень-пустынна. Мы не встрѣчали ни экипажей, ни пѣшеходовъ. Кое-гдѣ только попадались солдаты орофилаки или пограничной стражи, и всякій разъ по-парно. Въ вышитыхъ золотомъ пегли и бѣлыхъ юшкахъ, въ красныхъ фесахъ и башмакахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ пистолетовъ и ятагановъ на поясѣ; въ иномъ мѣстѣ двое такихъ атлетовъ шли по шоссе тихой, граціозной поступью, въ другомъ стояли гдѣ-нибудь подъ оливковымъ деревомъ, опершись на длинныя, сверкающія насѣчкою ружья и живописно перегнувъ свою тонкую талію.

— Скажите, зачѣмъ здѣсь эти солдаты? — спросилъ я своего товарища:

— Смотрѣть за клефтами! — отвѣчалъ онъ.

— Да неужели разбойники грабятъ и на этой дорогѣ, подлѣ самыхъ Аинъ?

— А гдѣ-же можетъ быть больше поживы, какъ не здѣсь. Тутъ ѣздятъ все люди хлѣбные: министры, негодіанты, — утащитъ такого человѣка въ горы — значитъ добыть капиталъ.... А кстати: не хотите-ли, я познакомлю васъ съ однимъ изъ такихъ молодцовъ?

— Съ клефтомъ?

— Съ настоящимъ, кровнымъ клефтомъ.

— Въ горы ходить для этого не нужно будетъ? — спросилъ я шутя.

— Не надобно.

— И выкупа платить не придется?

— Какія-нибудь двѣ драхмы.

— Такъ пожалуйста.

Мы подъѣхали въ это время къ небольшому кафенесу, который стоитъ на половинѣ дорогѣ въ Кефисію. Здѣсь проѣзжающихъ ждетъ такой-же обязательный привалъ, какъ и на пути изъ Пирея. Нашъ разноцвѣтный экипажъ остановился, и извозчикъ тотчасъ-же закурилъ трубку. Мы вошли въ небольшую, но опрятную комнату. Противъ дверей былъ

прилавокъ, уставленный шербетами и лакомствами, по угламъ пуки длинныхъ чубуковъ, а на столикахъ маленькія жаровни съ углемъ, тлѣющимъ въ пеплѣ, и желѣзные щипчики. Къ намъ подбѣжалъ мальчикъ.

— А гдѣ Василя? — спросилъ Эвлампиосъ.

— Сей-часъ будетъ.

Въ эту минуту въ заднія двери вошелъ за прилавокъ Грекъ. Никогда не встрѣчалъ я такой характерной фигуры. Это былъ человѣкъ атлетическаго роста, съ мускулами фарнезскаго Геркулеса и стройностью молодой женщины. Бѣлая фустанелла въ мелкихъ складкахъ, спяля пегли, вся вышитая въ узоръ чернымъ шнуркомъ, алый фесъ съ длинной голубой кистью, — все это удивительно шло къ его богатырски-изящнымъ формамъ. Когда онъ вышелъ изъ-за прилавка величавой и граціозной поступью, — я не могъ отвести отъ него глазъ. Казалось, передъ нами былъ какой-нибудь герой Иліады, самъ Агамемнонъ съ его царственной осанкой.

— Рекомендую вамъ моего добраго пріятеля Василя, — сказалъ мой товарищъ: — вы видите самаго гостепрѣимнаго кафедре во всей Греціи. А тебѣ, Василя, представляю русскаго путешественника: ты насъ попотчуетъ лимонадомъ и трубками.

Василя наклонилъ слегка голову и положилъ руку на грудь. Черныя рѣсницы его опустились къ щекамъ, и голубая кисть феса нагнулась впередъ; но въ ту-же минуту онъ выпрямился, бросилъ на меня быстрый взглядъ и съ царственнымъ величіемъ пошелъ къ своему прилавку.

— Знаете-ли, кто такой этотъ кафедре? — спросилъ мой товарищъ.

— Неужели клефть!

— Настоящій. Три года назадъ этотъ молодець гулялъ еще въ Гиметскихъ горахъ и подстерегалъ проѣзжихъ на этой самой дорогѣ. Одинъ патрасскій купецъ рассказывалъ, что гостилъ у него цѣлый мѣсяцъ, пока не выкупился.

— И всѣ это знаютъ! Какъ-же его не схватятъ?

— Василя, видите-ли, раскаявшійся клефть.... У насъ это не рѣдкость! Надоѣла-ли ему бродячая жизнь, или онъ

боялся петли, а можетъ-быть и доходы, по милости жандармовъ, уменьшились, только онъ предложилъ правительству воротиться къ мирнымъ занятіямъ и просилъ охраннаго листа.

— И ему дали?

— Разумѣется. Вѣдь министръ знаетъ, что, не смотря на жандармовъ, клефты и почту останавливаютъ на перешейкѣ и въ дома врываются, чуть не въ самомъ городѣ. Какъ-же не выдать индульгенціи такому кающемуся грѣшнику? Вотъ тутъ за стѣной виситъ у него подъ стекломъ охранный листъ, и онъ бережетъ его, какъ дипломъ или дворянскую грамоту.

Васили подалъ намъ въ это время на подносѣ два стакана розоваго лимонада и трубки съ страшно-длинными чубуками. Онѣ набиты были такимъ-образомъ, что золотистый табакъ поднимался вверхъ горкою и длинной бахромою висѣлъ по краямъ трубки. Греки особенно любятъ это и называютъ — выкурить трубку со сливками. Мы отдохнули и освѣжились. За удовольствіе видѣть клефта я заплатилъ всего одну драхму, и онъ проводилъ насъ величественнымъ поклономъ.

Мы проѣхали деревеньку Маруси, зеленѣющую виноградниками. Отсюда потянулась оливковая роща съ вѣковыми деревьями, какихъ немного уцѣлѣло въ Греціи послѣ нашествія Ибрагима-паши. Роща эта провожала насъ до самой Кефисіи. Мѣстечко построено довольно-правильно: каменные, опрятные домики всѣ потоплены въ зелени кипарисныхъ и фиговыхъ деревьевъ. У воротъ одного двухъэтажнаго дома стояли регулярные жандармы, а на балконѣ толпились офицеры. Это былъ наемный лѣтній дворецъ короля Оттона.

Мы остановились на маленькой площади передъ кофейней. У входа подымается исполинскій кленъ, аршинъ около трехъ въ отрубѣ, и густымъ шатромъ раскидывается надъ площадью. Въ тѣни его, за маленькими столиками, сидѣли Греки въ фустапеллахъ, пальто, военныхъ мундирахъ; вездѣ дымились трубки, папирсы и сигары. Это сборное мѣсто всей мужской половины лѣтняго кефисійскаго общества. Купецъ, къ которому мы были приглашены, ждалъ насъ за однимъ изъ этихъ столиковъ, чтобы еще до обѣда, какъ мы усло-

видишь, идти вмѣстѣ къ гроту Нимфъ. Но въ Греціи ничего не дѣлается безъ чашки кофе и мы присѣли среди пестрой толпы.

— Надобно, однако, идти, пока нежарко! — сказали наконецъ мои товарищи.

— А вы находите, что теперь прохладно? — спросилъ я.

— Чрезвычайно! У насъ давно не было такого мягкаго лѣта.

Между-тѣмъ было нестерпимо-жарко, и мой зонтикъ *en tout-cas* едва защищалъ меня отъ палящихъ лучей аттическаго солнца. Мы оставили лошадей у кофейни и пошли тропинкою по неровной мѣстности, кое-гдѣ открытой, а больше зеленѣющей деревьями и кустами.

Черезъ четверть часа пришли мы къ ручью, выбѣгающему изъ оврага, и пошли въ-верхъ по его теченію. Расширяясь постепенно, оврагъ этотъ превратился въ продолговатую лощину, края которой съ каждымъ шагомъ поднимались все болѣе-крутымъ скатомъ и замкнулись наконецъ впередъ отвѣсной скалою. Это зеленое ущелье походило формою на тунель, въ который мы вошли черезъ отогнутую пятку. Крутые бока его, обставленные камнями, густо покрыты самой роскошной зеленью. Наверху стоятъ, наклоняясь въ оврагъ, большія фиговыя деревья съ вызрѣвающими плодами, густые орѣшники съ зелеными грецкими орѣхами и вѣтвистыя розовыя лавры, съ пунсовыми цвѣтами, огнемъ сверкающими на солнцѣ. Около могучихъ стволовъ ихъ плотно обвились виноградныя лозы, раскинулись по сучьямъ и опустели съ нихъ свои прозрачныя фиолетовыя грозды. Сверхъ этого густой сѣткою обвился еще плющъ, взбѣжалъ по всѣмъ вѣтвямъ и повисъ оттуда гирляндами вплоть до земли. Внизу, по откосамъ оврага, разсыпался кусты розъ и олеандровъ, всѣ въ цвѣтахъ, а въ глубинѣ лощины, между миртами и анемонами, пробірается ручей, выбѣгающій изъ-подъ нависшей скалы. Это какая-то выставка природы, гдѣ за-разъ видны осень и весна, и въ одно время все цвѣтеть и зрѣетъ.

— Гдѣ-же гротъ Нимфъ? — спросилъ я моихъ товарищей.

— Вотъ онъ, — отвѣчалъ купецъ, показывая на обрывъ, откуда, Богъ-знаетъ какимъ путемъ, выбѣгалъ ручей.

Я ничего не видалъ, кромѣ скалы, окаймленной наверху розовыми кустами и густо одѣтой какою-то яркой висячей зеленью. А внизу пзъ-подъ этого полога катился потокъ, и пробираясь между камнями, бѣжалъ къ выходу изъ ущелья.

— Гдѣ-же тутъ гротъ? — спросилъ я съ удивленьемъ.

— А это что-же!

Ступая по камнямъ, между протоками ручья, Эвлампиосъ подошелъ къ зеленой покрывкѣ скалы, разорвалъ плотную ткань висячей зелени, раздвинулъ ее въ стороны, и за этимъ ярко-свѣжимъ и влажнымъ занавѣсомъ открылось углубленіе. Я подошелъ.

Передо мною была каменная пещера. Сводъ ея густо покрытъ зеленью, которая лѣпится въ трещинахъ и опускается длинными кистями, похожими на кисти винограда. По этимъ висящимъ пукамъ яркой зелени сочится и переливается вода, и падала то серебряными нитями, то отдѣльными каплями непрерывающаго дождя, собирается на днѣ пещеры и выбѣгаетъ въ оврагъ знакомымъ уже намъ ручьемъ. Это-то и есть знаменитый гротъ *Σπίλαιον τῶν νυμφῶν*, гдѣ, по сказкамъ поэтовъ, любили купаться аттическія Нимфы и сама Киприда. Какой мнѣ можно связать лучше съ этимъ чуднымъ мѣстомъ!

А вотъ и пещера, откуда фавнъ любилъ подсматривать за купающимися Нимфами. Внизъ, по теченью ручья, противъ самаго грота, видна въ скалѣ природная каменная бесѣдка, вся обвитая плющемъ и закрытая розовыми кустами. Здѣсь-то прятался отъ пугливыхъ купальщицъ сладострастный житель лѣсовъ. Утомленные жаромъ, мы скрылись въ пещерѣ фавна, съ однимъ цѣломудреннымъ желаніемъ отдохнуть въ тѣни розовыхъ кустовъ. Я сорвалъ нѣсколько фигъ: онѣ были сочны и душисты.

Вдругъ послышались звонкіе голоса подлѣ самаго грота. Но это были не античныя Нимфы, даже не молодыя афинскія красавицы, а веселая толпа дѣтей, которые шумно бѣжали къ пещерѣ, опередивъ какую-то пожилую даму, въ шляпкѣ и мантильи. Двое мальчиковъ стояли уже передъ самымъ гротомъ, и, снявъ фески, подставили подъ дождь свои дрявыя головки.

— Ne faites pas de bêtises: cela vous fera mal à la tête!

кричала дама тѣмъ рѣзко-педагогическимъ тономъ, по которому легко узнается французская гувернантка.

— Теперь изъ поэтического грота поѣдемте на мою прованскую дачу, — сказала нашъ товарищъ.

Мы отыскали свой экипажъ, выѣхали изъ Кефисіи и черезъ нѣсколько минутъ остановились у скромнаго каменнаго домика. Онъ напоминалъ тѣ дачи, въ которыхъ поселяются петербургскіе чиновники въ Парголово и Новой - Деревнѣ; только, въ садикѣ, вмѣсто тощихъ березокъ, стояли стройные кипарисы и фиговые деревья, а каменная ограда густо одѣта была виноградникомъ. Нашъ обѣдъ, не смотря на то, что хозяева долго жили въ Россіи, былъ довольно-оригиналенъ. Намъ подали сперва какую-то рыбу въ оливковомъ маслѣ, потомъ зелень, которую Греки называютъ бамья, и бараній пилавъ съ разваренымъ рисомъ. Десертъ состоялъ изъ блюда свѣжихъ фигъ и знаменитаго историческаго меда гиетскихъ пчель. Кофе и трубка со сливками смѣнялись нѣсколько разъ.

Въ саду просидѣли мы жаркое время и тутъ рѣшили кончить праздникъ на гуляньи въ Патисіи, гдѣ разъ въ недѣлю, и именно въ этотъ день, собирается на музыку все аѳинское общество. Въ семь часовъ мы выѣхали по дорогѣ въ Аѳины.

ХІ.

ПАТИСІЯ.

Греческія деревеньки, съ своими веселыми домиками, въ зелени кипарисовъ и виноградниковъ, съ синимъ небомъ и лазурными горами, похожи на декорацію, приготовленную для какого-нибудь балета; а жители ихъ, въ живописномъ костюмѣ и съ величавою поступью, кажутся собранными для вашего удовольствія актерами. Проѣзжая, въ праздникъ, по деревнѣ, такъ и думаешь, что передъ тобою подняли занавѣсъ и поставили какую-то живую, подвижную картину. Когда мы въѣхали въ Маруси, воздухъ сталъ замѣтно свѣжѣе, улица пестрѣла народомъ, вдали слышалась музыка и раздавались выстрѣлы.

— Вы особенно счастливы, — сказал мой товарищ: — вѣдь въ деревнѣ праздникъ и тамъ пляшутъ ромайку.

— Пожалуйста, посмотримъ.

Мы оставили экипажъ и пошли въ поперечную-улицу. Передъ домиками вездѣ былъ народъ, и судя по костюму, на-половину деревенскіе жители, на-половину аэнискіе дачники. Въ концѣ улицы, на небольшомъ лугу, видѣлась пестрая толпа и слышна была музыка. Здѣсь-то была народная пляска. Мы пришли въ минуту отдыха, но передъ нами открылась картина очень-характерная.

На землѣ сидѣло, поджавъ ноги, трое музыкантовъ, — одинъ съ флейтою, остальные со скрипками. Около нихъ, по одну сторону выгибалось полукругомъ десятка два мужчинъ, но другую столько-же женщинъ, и всѣ они держались за руки или за платки, какъ въ нашихъ деревенскихъ хороводахъ. На лугу группами разсыпаны были зрители: старики съ сѣдыми усами сидѣли, поджавъ ноги, и курили длинныя трубки; женщины и дѣвушки стояли особо. Серьезныя, почти строгія лица ихъ нисколько не выражали веселости.

Музыканты затаили рѣзкій, однообразный мотивъ. Обѣ стороны танцующихъ пошли кругомъ своего оркестра, выступая въ тактъ медленнымъ, монотоннымъ шагомъ, то наклоня впередъ голову, то слегка откидывая ее назадъ. Это было совершенное подобіе русскаго хоровода, съ тою разницею, что здѣсь пѣніе замѣнялось музыкой. Но, вотъ, отъ мужской половины отдѣляется одинъ Грекъ, выбѣгаетъ шага на три впередъ, прыгаетъ, перевертывается, вскидываетъ руками, бросаетъ къверху свой фесъ, ловитъ его на-лету, — и его бѣлая фустанелла взвивается, какъ юбка у нашихъ балетныхъ танцовщицъ. Хоръ идетъ, между-тѣмъ, такимъ-же торжественнымъ шагомъ. Проходитъ минутъ пять. Впереди является новый танцоръ, и кажется, еще бойче и ловчѣе. Онъ прыгаетъ и кружится такъ, что не успѣваешь разсматрѣть его фізіономіи, и вдругъ одной рукою срываетъ съ себя фесъ и кидаетъ въ воздухъ, другой выхватываетъ изъ-за пояса пистолеть, стрѣляетъ въ свою шапку, опять ловитъ ее на-лету, и какъ стрѣла исчезаетъ въ толпѣ. Хороводъ двигается съ тѣмъ-же величавымъ спокойствіемъ, то

свивается въ кругъ, то выгибается оваломъ, то разрывается или вьется змѣею. А зрители любятъ пляскаю съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ.

Когда мы выѣхали изъ деревни, дорога приняла совершенно-воинственный видъ. Вооруженные орофилаки попадались безпрестанно; они прогуливались по-парно съ длинными ружьями на плечѣ и посматривали на ближнія горы. Глядя на эти атлетическія формы и суровыя лица, невольно думаешь, что они сами были-бы скорѣе у мѣста въ какой-нибудь шайкѣ клефтовъ, чѣмъ въ мирныхъ рядахъ этой національной гвардіи. Какая разница съ печальной миной греческихъ регулярныхъ солдатъ!

Мы подъѣзжали къ кофейнѣ Василя. Торопясь въ Патисію, я предложилъ извозчику ѣхать не останавливаясь, но автомедонъ нашъ не хотѣлъ и слушать.

— Я дамъ тебѣ драхму, — сказалъ я: — поѣзжай мимо.

— За драхму благодарю, эфенди, — отвѣчалъ онъ, приподнимая феску: — я съ удовольствіемъ приму, а кафенесъ проѣхать нельзя.

— Отчего-же это?

— А лошади-то что подумаютъ! да мнѣ-же господишь пожаловалъ драхму, — какъ не выпить стаканъ раки за его здоровье? Что самъ-то вы, эфенди, подумаете обо мнѣ, если я здѣсь не выпью!

Мы въ-самомъ-дѣлѣ подумали, что поспѣемъ еще на патисійское гулянье, и пошли въ кафенесъ выкурить трубку. Нашъ Василь, съ наступленіемъ вечера, смотрѣлъ гораздо воинственнѣе: за поясомъ торчалъ у него большой пистолетъ, самая фигура его, кака-будто выросла, лице стало суровѣе, походка величественнѣе. У мальчика, который повесъ водку нашему извозчику, тоже пристегнуть былъ къ поясу какой-то ножъ. Пока мы курили, мимо кафенеса прошли раза три орофилаки. И эта кофейня въ осадномъ положеніи, эти шербаты и трубки подъ прикрытіемъ пистолетовъ и ножей, были всего на полчаса ѣзды отъ столицы.

— А что? — спросилъ я моего товарища: — неужели клефты никогда не были съ визитомъ у своего бывшаго сотрудника?

— Кажется, они не дѣлали ему этой чести.

— Какая невѣжливость! Какъ-бы не освѣдомиться о его дѣлахъ, по-крайней-мѣрѣ не показывать на чашку кофе!

— Но вѣдь въ-такомъ-случаѣ и нашъ пріятель не захочетъ остаться въ долгу, а вѣрно, при своемъ знааніи горныхъ лазеекъ, отплатитъ визитъ съ жандармами.

Передъ самыми Аэнинами свернули мы на другое шоссе, которое отъ улицы Эола тянется въ мѣстечко Патисію. Въ верстѣ отъ города мы выѣхали на лугъ, или лучше сказать какой-то плацъ, безъ всякой зелени и тѣни. Это-то и есть аэниское модное гулянье.

Если разумнаго человѣка поражаетъ, въ Греціи, неудачный выборъ столицы, то всякому ребенку покажется непонятнымъ, какъ можно было сдѣлать гулянье въ такомъ мѣстѣ, какъ Патисія. Кругомъ города мудрею найдти что-нибудь печальнѣе и скучнѣе. Представьте себѣ голое, пустынное поле, спаленное солнцемъ и лишненное всякой тѣни. Посреди этого плаца стоитъ деревянный павильонъ, въ родѣ знакомыхъ намъ бесѣдокъ на петербургскихъ Минеральныхъ-Водахъ или въ московскихъ Сокольникахъ, гдѣ играютъ наши полковые оркестры. Тутъ также помѣщается военная музыка.

Около павильона, въ видѣ живой ограды, ставится кругъ изъ регулярныхъ жандармовъ. Это завѣтная черта, за которую переходятъ только король съ своей свитою. Тамъ, у самаго павильона ставятъ для него кресла, и онъ слушаетъ громъ полковыхъ трубъ и барабановъ, опираясь на барьеръ павильона, какъ мы наклоняемся иногда къ фортепьянамъ.

Говорятъ, король очень аккуратно посѣщаетъ гулянье. Но съ отъѣздомъ королевы въ Германію, онъ не выѣзжаетъ изъ Кефисіи и на этотъ разъ не былъ у музыки. Не смотря на то, жандармскій кругъ былъ въ обыкновенномъ порядкѣ, и никому не позволяли переходить черезъ завѣтное кольцо, въ которомъ расхаживалъ одинъ только начальникъ волиціи въ костюмѣ паликара.

Позади этого живаго круга тянутся ряды въ три яннажи, разъѣзжаютъ верхомъ аэнискіе львы на англійскихъ лошадахъ и движется пестрая толпа гуляющихъ. Здѣсь съ перваго взгляда поражаетъ тотъ-же хаосъ въ костюмѣ и обы-

чаякъ, какой, обыкновенно, видишь на всѣхъ гуляньяхъ, гдѣ новое общество сталкивается съ французской модою. Въ Патисіи, какъ и подъ Новинскимъ, встрѣчаются смѣшныя крайности. Аѳинское общество теперь въ томъ-же переходномъ состояніи, какъ и московское купечество. Въ одномъ и томъ-же экипажѣ видите вы старуху въ мѣховоѣ шубѣ и красной шалочкѣ, и молодыхъ дѣвушекъ въ модныхъ шляпкахъ, съ парижскими зонтиками. Въ толпѣ идетъ какой-нибудь купецъ въ фустанеллѣ, а подъ-руку съ нимъ женщина въ широкомъ кринолипѣ. У мужчины въ глазу модное стеклышко, а въ рукахъ неизбѣжное комболоѣ. Впрочемъ, четки эти вовсе не религіозное орудіе, а служатъ только развлеченіемъ, какъ у насъ тросточки. Говорятъ, депутаты въ палатѣ и кавалеры въ кадрили не покидаютъ своихъ комболоѣ.

Греческіе патріоты жалуются, что французскія моды вытѣсняють ихъ національный костюмъ. Конечно, теперь еще непоздно поддержать его: не только простой народъ, но часть войска, депутаты, король, ходятъ еще въ народной одеждѣ. Это не то, что мечты о забытыхъ охабняхъ и мурмолахъ: въ Греціи нѣтъ людей, которые вздыхали-бы о классической тогѣ и анаксиридахъ. Когда лордъ Гильфордъ, канцлеръ корфускаго университета, явился на конференцію въ сократовой мантии и вѣнкѣ съ совою Минервы, надъ нимъ смѣялись даже филеллины.

Сколько въ Аѳинахъ поражаетъ грація мужчинъ, столько же удивляетъ отсутствіе красоты въ женщинахъ. Смотря на аттическихъ львицъ, пріѣзжающихъ въ парижскихъ и вѣнскихъ коляскахъ на пыльную выставку въ Патисію, я не находилъ между ними ни одной фигуры, которая напоминали-бы не только Венеру-милосскую, но даже тѣхъ красивыхъ женщинъ, какихъ вы встрѣчаете въ каждой европейской столицѣ. Въ нихъ нѣтъ тонкой нѣжности и молочнаго румянца наѣздницъ Гайдъ-Парка, съ которыхъ копируются гравюры лондонскихъ кипсековъ, ни величавой стройности и гармоническаго развитія бюста, какими поражаетъ васъ женщина въ Италиі, ни живости и неуловимаго кокетства, такъ привлекательнаго въ Парижанкахъ. Въ кругу аѳинскихъ аристократокъ я не встрѣтилъ не только модели для статуи, но

ни одного личика для порядочной гравюры. Онѣ по-большой-части или слишкомъ худощавы, или непріятно полны, съ чертами лица рѣзкими и немного строгими, съ тѣмъ отѣнкомъ мужской красоты, который такъ непріятенъ въ женщинѣ.

Но если, покидая кругъ модныхъ экипажей, вы пройдете мимо толпы женщинъ, которыя въ сторонѣ любятъ гуляньемъ, и завистливо смотрять на владѣтельницъ кружевныхъ шляпокъ и мантилій, то пойдете иногда фигуру, напоминающую, что древняя скульптура не изобрѣтала своихъ чудныхъ формъ, а брала ихъ въ природѣ. Это служанки и торговки изъ Морен и Фессалии. Здѣсь-то встрѣчаются лица, напоминающія художественный типъ греческаго рѣзца, передъ которымъ блѣднѣетъ всякая другая красота. Въ Аэнахъ живетъ много плотныхъ Бобелинъ, но Венеры-милоскія рождаются въ провинціи.

Хоръ военной музыки игралъ партіи изъ послѣднихъ оперъ Верди и Мейербера. Живое кольцо экипажей и пѣшеходовъ неумоимо кружились около павильона, и лучи заходящаго солнца косвенно отражались въ облакахъ раззолоченной пыли.

Въ сторонѣ разбита была палатка, и вокругъ разставлено дюжины двѣ маленькихъ столиковъ. Кругомъ ни одного дерева, ни малѣйшей тѣни. Это патисійскій кафенесъ. Передъ нимъ стояли коляски, и дамы, какъ на мпланскомъ Корсо, прохлаждались лимонадомъ и мороженымъ и слушали мужчинъ, которые подходили къ знакомымъ экипажамъ. Впрочемъ, въ разговорахъ не замѣтно было большой живости: видно и этотъ обычай вызванъ не потребностью, а только подражаніемъ.

У одного экипажа встрѣтили мы Ликадиса. Онъ бесѣдовалъ съ какой-то молодой дамою, которая, облокотясь на подушку коляски, играла распущеннымъ вѣеромъ. Только что мы сѣли къ столпу, какъ пріятель мой подошелъ и предложилъ представить меня своей дамѣ, которая желаетъ познакомиться съ русскимъ путешественникомъ. Это была жена одного изъ членовъ Ареопага, женщина лѣтъ двадцати-семи, одѣтая по парижской картинкѣ. Черты лица ея

были правильны, не лишены своего рода красоты, но широкій разрёзъ глазъ и замѣтно обозначенные усики придавали ей что-то суровое. Можно было подумать, что это молодой мужчина, переодѣтый въ шляпку и мантилью. Ликадисъ представилъ меня. Гречанка заговорила со мной по-французски.

Послѣ общихъ вопросовъ о Петербургѣ и моемъ путешествіи, она свела разговоръ на Парижъ, съ тѣмъ-же участіемъ къ его удовольствіямъ и модамъ, какое встрѣчается и у русскихъ барынь. Она жаловалась на трудность путешествія изъ Греціи во Францію, на бѣдность аонискаго театра, недостатокъ удовольствій въ столицѣ и не хуже московскихъ Евронекъ вздыхала объ италянскои оперѣ и парижскихъ балахъ. Я такъ и ждалъ грибоѣдовской жалобы: — ахъ, Франція, нѣтъ въ мірѣ лучше края!

— Какое несчастіе, что у насъ столица въ Аоннахъ! сказала она.—Ну, можно-ли было, посудите сами, выбрать этотъ старый городъ, для-того, чтобъ жить въ немъ по-европейски!

— Это правда!—согласился я, думая, что супруга архонта намѣрена обратить разговоръ къ политикѣ.

— Что это за столица!—продолжала она.—Здѣсь старина не даетъ заниматься свѣтскими удовольствіями. Въ Аоннахъ только и думаютъ, что о древностяхъ: мушны такъ заняты этими Партенонами и тезеевыми храмами, что ихъ почти не видишь въ обществѣ. Какая-нибудь каріатида интересуетъ здѣсь больше образованной женщины. Приѣдетъ иностранецъ, — и тому некогда заглянуть въ общество, онъ вѣчно съ этими старыми камнями. Вотъ хоть и вы... сколько дней уже въ Аоннахъ, а вѣрно занимались все древностями. Я не виню васъ... это бываетъ со всѣми нашими гостями. Но согласитесь, что свѣтскои женщины неприятно жить въ этомъ музѣ, гдѣ ей предпочитаютъ обломанныя статуи.

Я такъ былъ озадаченъ этимъ новымъ для меня взглядомъ на неудобство аониской жизни, что не нашелъ даже фразы, какою слѣдовало отвѣчать этой барынѣ, ревнующей къ мраморнымъ каріатидамъ. Когда мы откланились ей, Ли-

Ликадись разразился жолчнымъ монологомъ, достойнымъ Чацкаго.

Въ девять часовъ музыканты свернули ноты, а жандармы сожнулись въ одинъ взводъ. Экипажи и пѣшеходы потянулись къ городу и окрестнымъ дачамъ. Мы ѣхали домой въ облакахъ пыли, сквовъ которыя едва можно было различить Гиметскія горы и колоннаду Партефона. Въ городѣ было далеко не такъ душно, какъ на модномъ аѳинскомъ гуляньи.

ХП.

АРХИПЕЛАГЪ. — ДАРДАНЕЛЛЫ.

Какъ не горько было покидать Аѳины, но бѣрамъ маингъ меня въ Константинополь. Остаться еще хоть на день — значило отказаться отъ возможности видѣть турецкій праздникъ. Ликадись кончилъ свои дѣла и торопился также въ Спру. Мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ. Въ послѣдній разъ отбѣдалъ я въ городѣ Перикла и записалъ свою русскую благодарность въ похвальномъ альбомѣ *Ville de Paris*. Въ той-же разноколесной охмѣ, въ которой наканунѣ ѣздили въ Кефисю, отправились мы по пирейской дорогѣ къ знакомому казѣнесу. Насъ провожали кое-кто изъ аѳинскихъ пріятелей. Мы распили здѣсь бутылку вина и простились вѣроятно на всегда.

Черезъ полчаса сидѣли мы уже на пароходѣ *Arcidusa Giovanni*; вокругъ насъ шумѣла пестрая толпа, и гречанки безъ церемоніи переодѣвались на палубѣ, предоставляя любоваться своими бюстами, незнакомыми съ корсетомъ.

Мнѣ досадно было, что мы ночью пройдемъ Циклады. Я готовъ былъ проклинать этого «Эрцгерцога Іоанна», который такъ неловко расположилъ свои рейсы въ Архипелагъ. Но оказалось, что я напрасно жаловался на пароходъ. Ночная прогулка по Цикладамъ, при свѣтѣ мѣсяца, какъ-будто нарочно придумана для удовольствія туристовъ. Острова эти прошли передъ нами, отъ заката до восхода солнца, при переливахъ луннаго свѣта, при фосфорическомъ блескѣ моря, во всей поэтической красотѣ.

Кто не восхищался островами Архипелага, съ-тѣхъ-поръ, какъ имена ихъ вписаны въ Илиаду? Анахарсисъ называлъ ихъ морскими созвѣздіями, Байронъ—драгоценнымъ ожерельемъ вѣчно-прекраснаго моря, крестовосцы сравнивали съ разбросаннымъ по водѣ цвѣтникомъ. Передо мною мелькнули они, точно картины какой-нибудь діорамы, въ обояніи разнообразнаго освѣщенія: одни проходили въ заревѣ заходящаго солнца, другіе въ матовомъ мерцаніи сумерекъ, иные при лунномъ блескѣ. Можетъ-быть отъ этого освѣщенія всѣ рѣзкія черты ихъ сглаживались, краски слишкомъ яркія пропадали, и на все ложился тонъ мягкій и вѣжливый. Я катался по Леману, впадѣль Лаго-Маджоре и Комо, но никогда не сравню ихъ съ ночной прогулкой по Цикладамъ. Здѣсь сцена обширнѣе, зрѣлище разнообразнѣе! Всякій часъ картина мѣнялась и новые виды торопились выдти на встрѣчу. Едва одинъ островъ скрывался позади парохода, какъ передъ нами являлся новый, то въ видѣ синеи тучи, повисшей на горизонтѣ, то какъ розовое облако, налитое свѣтомъ еще невидимой зари. И вотъ, земля приплывала ближе, черныя пятна ея обращались въ рощи, бѣлыя точки разрастались въ деревню или одинокій монастырь. Кажется, природа затѣмъ только и бросила эти острова на прекраснѣйшее въ свѣтѣ море, чтобы кататься мимо ихъ на пароходѣ, при свѣтѣ мѣсячной ночи.

Я не сходилъ съ палубы. Утромъ поднялась передъ нами высокая скала, съ одной стороны вся бѣлая, точно въ снѣгу. Это — Спра съ своимъ городомъ. Мы обогнули маякъ, стоящій на одинокомъ утесѣ, и бросили якорь передъ Гермополемъ, при первыхъ порывахъ начинающейся бури. На темной горѣ, будто выѣвленной изъ терра-котты, бѣлые городскіе дома громоздятся одни надъ другими и на страшной высотѣ замыкаются какой-то церковью, — и вся масса зданій перерѣзана линиями взбѣгающихъ по горѣ улицъ. Залпвъ волновался. Вѣтеръ плескалъ бѣлые гребни зеленыхъ волнъ до самыхъ оконъ нижнихъ домовъ. Суда и пароходы въ гавани качались словно въ бѣшеной пляскѣ, дико и пьяно шатались своими мачтами.

Я отправилъ поклажу свою на Вулканъ, который ды-

ишлся уже въ гавани, и сѣлъ въ лодку проводить Ликадиса. Волненіе было такъ сильно, что мы не безъ труда подошли къ пристани. Не смотря на раннее утро, здѣсь все было въ движеніи. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что въ наше время торговля лучше строитъ города, чѣмъ казенные архитекторы. Гермополь — городъ новый, веселый, дѣятельный. Вездѣ видны маклерскія конторы, мѣняльныя лавки, кофейни, тюки съ товарами, носильщики и комиссіонеры. Сира не даромъ носить имя Гермеса: кадуцей всего приличіе для герба ея. Это первая коммерческая контора и первый торговый портъ во всей Греціи. Изъ пяти-тысячъ купеческихъ флаговъ, которыми владѣетъ теперь королевство, ей принадлежитъ цѣлая четверть.

Мы зашли въ кофейню. Въ двухъ залахъ, меблпрованыхъ по-европейски, была уже толпа народа. На столахъ видны французскіе, нѣмецкіе, англійскіе журналы; вездѣ слышны разноязычные толки объ акціяхъ, курсахъ и фрахтахъ, и магическое слово драхма звучитъ безпрестанно въ немолкающемъ говорѣ. Если въ АѢинахъ новая жизнь поглощена древностью, за-то Сира поклоняется одному кумпру торговли. За бутылкой вина простились мы съ Ликадисомъ, и я въ послѣдній разъ пожалъ ему руку, при звонѣ пароходнаго колокола, который доносился до оконъ нашей кофейни.

Я сѣлъ въ лодку. Гавань вся кишѣла въ волнахъ и всплескахъ. Пристать къ Вулкану было не легко. У самыхъ колесъ его стояла большая лодка, черная какъ кузница, и закоптѣлые работники кидали изъ нея на палубу мѣшки съ каменнымъ углемъ. Въ добавокъ къ ней только-что пристала феллука, биткомъ набитая оборванными Евреями. Вѣтеръ ревъѣлъ, и лодки бѣшено качались, подымаясь поочередно одна надъ другою. Жиды кричали и размахивали руками, жидовки ловили свои взлетающія юпки. Четверо кочегаровъ заняты были перегрузкою Евреевъ, которыхъ бросали сперва на мѣшки съ углемъ, а оттуда на пароходную лѣстницу, и они подымались на палубу, черные какъ трубочисты. Второй звонокъ едва слышался при отчаянныхъ крикахъ перепуганныхъ Евреевъ.

Не знаю, какимъ-образомъ удалось мнѣ при этой качкѣ прыгнуть на пароходную лѣстницу, но зато руки у меня были въ такомъ видѣ, какъ будто я цѣлый день работалъ за кочегара. Первый, кого я встрѣтилъ на пароходѣ, былъ Мустафа. Видно, онъ не потерялъ времени въ Сирѣ: шаровары его были реставрированы. Вдоль всей линіи, по которой распозлились они назадъ, Турокъ вдѣлъ веревочки и связалъ бантиками, такъ-что концы ихъ висѣли и собирались въ какое-то подобіе хвоста, который болтался почти до нятокъ.

— Селамъ-алейкумъ! добраго утра, Мустафа! — сказалъ я.

Турокъ взглянулъ на меня оловянными глазами, посмотрѣлъ въ стороны, опасаясь вѣрно, чтобъ кто-нибудь изъ земляковъ не заподозрилъ его въ знакомствѣ съ гауромъ, но не видя никого по-близости, кромѣ Евреевъ, торопливо поднесъ руку къ своей чалмѣ и щелкнулъ языкомъ.

Вулканъ отличался уже совершенно-восточной фізіономіей. Европейскій костюмъ терялся на немъ въ маскарадной пестротѣ азійской одежды. На палубѣ разостлано было нѣсколько пестрыхъ ковровъ, и на нихъ сидѣли Турки, кто въ старинныхъ халатахъ и чалмахъ, кто въ махмудовскихъ казакінахъ и фесахъ, но съ одинаково печальными лицами и тупымъ взглядомъ. Черногорцы и Албанцы, въ овчинныхъ буркахъ, съ стоячими, золотомъ шитыми воротниками, курпи трубки и вели шумный разговоръ. Греки лавировали между ними на палубѣ, въ развѣвающихся фустанеллахъ, не оставляя своихъ комболой. Всѣ эти пестрые наряды напоминали — то раскрашенныя гравюры изъ какой-нибудь книги о Востокѣ, то маскарадное тряпье, выставленное у насъ на святкахъ по табачнымъ лавочкамъ.

Въ числѣ пассажировъ я нашелъ на палубѣ только одно знакомое лицо: это былъ Османъ-ага. Поѣздка по Греціи какъ-будто немного обтерла его: не смотря на то, что вокругъ были Турки, онъ самъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ вы провели время въ Сирѣ? — спросилъ я.

— Ничего, хорошо! — отвѣчалъ онъ лѣнливо.

— Видѣли городъ? гуляли много?

— Нѣтъ, я былъ тамъ одинъ только разъ; купить надобно было кое-что.

— Да гдѣ-же вы провели эту недѣлю?

— Все въ гавани: половину на томъ пароходѣ, а половину на этомъ.

— И не скучали?

Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ и покачалъ головой. Я съ своей стороны тоже съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этотъ образецъ восточной лѣни. Конечно, и у насъ водятся свои аги, также равнодушные и пошлые, но тѣ все-же чѣмъ-нибудь занимаются — картами, водкой, крайней-мѣрѣ битьемъ мухъ.

— Что-же вы не курите! не хотите-ли сигару? — сказалъ я.

— Нельзя.

— Отчего такъ?

— Рамазанъ. Мусульманамъ не позволено въ этотъ постъ ни ѣсть, ни курить, пока можно отличить бѣлую нитку отъ черной?

— Я знаю. Да вѣдь вы курили-же на той недѣли, не смотря на рамазанъ?

Османъ-ага робко оглянулся на сидѣвшихъ около Турокъ и сказалъ: — намъ позволяетъ Пророкъ курить въ путешествіи.

— Да вѣдь вы еще не въ Стамбулѣ?

— Здѣсь своихъ много!

Вотъ настоящая-то причина! подумалъ я.

Когда мы вышли изъ гавани, качка замѣтно стала усиливаться. Морская болѣзнь начала сближать людей самыхъ несогласныхъ. Греки, Турки, Евреи дружно приносили жертвы морю, наклоняясь одинаково надъ бортомъ парохода. Мустафа лежалъ у печи и не смущался тѣмъ, что голова его прикрыта была юпкою какой-то Еврейки. Османъ-ага нагнулся на одну подушку съ Грекомъ, и оба стонали, блѣдые, какъ набѣленные Пьерро. И все это было при голубомъ безоблачномъ небѣ, при яркомъ и веселомъ сіяніи солнца.

Зная по опыту, что меня не укачиваетъ, я однакожь по

рецепту Байрона принялъ отъ морской болѣзни порцію бифштекса и пошелъ въ каюту спать за прошлую почь. Не смотря на то, что волны стали залпвать палубу, п пассажиры всѣ столпились внизу, — я и въ этой духотѣ проспалъ до обѣда. По милости качки не только Турки, но и Христиане справляли постный рамазанъ: къ обѣду кромѣ меня явился только капитанъ да двое какихъ-то Грековъ.

Судьба рѣшительно на сторонѣ Турокъ! — сказалъ мнѣ капитанъ: — къ вечеру, когда имъ надобно разговляться, вѣтеръ долженъ стихнуть.

Въ-самоу-дѣлѣ послѣ обѣда буря начала уменьшаться. Вечеромъ мпновали мы Хіосъ, мпнмую родину Гомера, а передъ закатомъ солнца прошли мимо Митилены, отечества Сафо и лезбійскихъ прелестницъ. Оба острова пронеслись передъ нами въ видѣ обнаженныхъ сѣрыхъ скалъ, кое-гдѣ только пестряющихъ блѣдною зеленью оливковыхъ роуцъ. Съ приближеніемъ къ Дарданелламъ лица пассажировъ замѣтно сдѣлались свѣжѣе. Палуба оживилась: Греки принялись ходить, Турки подняли головы, Черногорцы сняли мохнатыя бурки.

При закатѣ солнца мусульмане разостлали на палубѣ небольшіе коврикы, опустили по одиночкѣ на колѣна лицомъ къ юго-востоку и закачали направо и на лѣво, шевеля губами и помпнутно открывая и закрывая глаза. Османъ покачивался на-ряду съ другими и хлопалъ утомленными глазами; даже Мустафа въ передней части парохода набожно сидѣлъ на корточкахъ, не думая объ отчаянномъ положеніи своихъ шароваръ. Черезъ часъ все магометанское общество разговлялось уже своими дорожными припасами или дымило трубки.

Я снова обрекалъ себя на бессонную ночь, ради Гелеспонта и Троады. Если-бы мнѣ и не удалось отдохнуть днемъ, то едва-ли я рѣшился-бы теперь покинуть палубу. Мѣсяцъ и звѣзды свѣтили такъ ярко, что берега видны были даже съ ихъ красками. Послѣдніе остатки волненія ходили какъ-будто нарочно для того, чтобъ наполнить море трепетнымъ сверканьемъ золотистаго отраженія мѣсяца. Турки не спали, праздная ночь рамазана.

Въ полночь прошли мы Тенедось, который стоитъ, какъ часовой, при входѣ въ Дарданеллы. На право потянулся берегъ Трояды, озолоченный свѣтомъ мѣсяца. Передъ нами была земля, какъ говорить — помнится — Гете, самой природою созданная для славы. Кто пзъ насъ на школьной скамьѣ не бродилъ мысленно по этому берегу, не мчался вмѣстѣ съ Ахилломъ вокругъ стѣнъ Иліона, не плакалъ здѣсь съ старикомъ Пріамомъ надъ трупомъ Гектора! Вотъ, этотъ берегъ съ своими неумирающими воспоминаніями. Я не сводилъ съ него глазъ. При свѣтѣ мѣсяца выгибалась темная линия изъменнаго прибрежья. На немъ видны были два черныя пятнушка: это курганы надъ баснословными могилами Ахилла и Патрокла. За ними мелькалъ огонекъ, зажженный вѣроятно какимъ-нибудь пастухомъ на изсохшемъ руслѣ Скамандра. Въ дали шатромъ подымалась «сѣдая Ида». Я не мечтатель, но при свѣтѣ мѣсяца воображеніе невольно оживлялось: такъ и кажется, что у берега стоятъ еще суда Эллиновъ, и лагерь ихъ только-что заснулъ, въ ожиданіи, когда заря разбудитъ къ новымъ битвамъ за Пергамъ и Елену.

Вдругъ яркое зарево освѣтило палубу, и выстрѣлъ грянулъ съ нашего парохода. Греки и Евреи вскочили на поги. Турки продолжали сидѣть неподвижно съ своими трубками. Я вбѣжалъ на пароходный мостикъ. Передъ нами сверкали огни двухъ маяковъ — одинъ постояннымъ бѣловатымъ свѣтомъ, другой ярко-пунсовой точкою, которая поминутно то слабѣла, то опять разгоралась, кидая на море длинную полосу малиноваго свѣта. Мы входили въ Геллеспонтъ. Берега суживались, поднимались, и съ обѣихъ сторонъ встали зубчатыя стѣны замковъ — направо Абидось, весь въ черной тѣни, налево Сестось, сверкающій въ лунномъ блескѣ. На стѣнахъ, съ которыми неразлучны поэтическія воспоминанія Геры и Леандра, образы Селима и Зюлейки, мрачно лежали массивныя пушки и черной тѣнью развѣвался турецкій флагъ. Безъ этого можно-бы подумать, что мы плывемъ какимъ-нибудь широкимъ изгибомъ Рейпа.

— А вы еще не спите?— сказалъ мнѣ Османъ-ага, когда я сошелъ на палубу.

— Да, мнѣ хочется видѣть эти берега.

— Что-же васъ тутъ занимаетъ?

Я хотѣлъ было спросить моего собесѣдника объ Иліадѣ, о Байронѣ; но во-время догадался, что это будетъ бесполезно и смѣшно. У меня рѣшительно не было средства растолковать ему, отчего мнѣ хотѣлось видѣть Дарданеллы.

— И вы только изъ-за этого не спите?

— Конечно.

— А мнѣ кажется, вы осматриваете укрѣпленія.

— Зачѣмъ-же?

— Вѣрно вамъ поручили. Я видѣлъ, что вы сей-часъ писали.

Ясно было, что Турокъ считалъ меня агентомъ и кромѣ-того приписывалъ мнѣ еще способность изучать крѣпости съ палубы парохода, да и то ночью. Я съ трудомъ удержался отъ смѣха.

— Положимъ, что вы отгадали! — сказалъ я. — Только скажите мнѣ, неужели вы и послѣ войны опасаетесь еще Русскихъ и даже боитесь за Дарданеллы!

Онъ какъ-то печально покачалъ головою.

Черезъ часъ проливъ началъ опять расширяться, и берега стали уходить вдаль. Назадъ тонули вдаль зубчатыя стѣны дарданельскихъ замковъ, и одинокій курганъ Аякса съ своей бѣлой развалиной исчезалъ у Ретійскаго-мыса. Звѣзды погасли. Впереди синѣла необозримая скатерть Мраморнаго моря, а направо показалась снѣжная вершина вѣиинскаго Олимпа въ розовомъ свѣтѣ зари. Стая какихъ-то бѣлыхъ птицъ тянулась длинной вереницей на востокъ, сверкая крыльями надъ самымъ моремъ. Турки покачались опять на своихъ коврикахъ и легли сокращать сномъ послѣдній день рамазана. Я пошелъ спать въ каюту, мечтая о покинутой Греціи и близкомъ Константинополѣ.

ВЗЯТОЧНИКЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ *** ротѣ Измайловскаго полка есть одно весьма-ветхое деревянное зданіе, принадлежащее наслѣдникамъ Обухинымъ. На улицу, тремя небольшими окнами, выходитъ одноэтажный домъ, осѣвшій немного назадъ и вросшій въ землю по самыя подоконники. Во дворъ, этотъ домъ вдается сажень на 20-ть и при соединеніи съ другимъ, расположеннымъ поперегъ двора зданіемъ, имѣеть, почему-то, второй этажъ.

На всемъ дворѣ нагромождено множество разныхъ деревянныхъ построекъ, такъ хитро расположенныхъ, что рѣшительно невозможно опредѣлить — какой онѣ имѣли фасадъ въ первобытномъ состояніи: то видишь внизу, у самой земли, квартирку окна въ четыре, а надъ ней клѣтушку, въ родѣ амбара, съ окномъ, заколоченнымъ крестъ-на-крестъ желѣзными полосами; рядомъ сарай съ извозничьими экипажами, а надъ сараемъ жилой покой; потомъ нѣсколько покоевъ какъ быть должно, а подлѣ нихъ конюшня и надъ конюшней опять жильё.

Домъ этотъ полонъ жильцевъ, не смотря на то, что каждая часть его давно уже обнаруживаетъ готовность рухнуть на своихъ обитателей. Но вѣдь здѣсь обитаютъ такого рода жильцы, которыхъ не очень беспокоятъ подобныя опасности. Здѣсь приютилась бѣдность, у которой есть другіе враги, пострашнѣе — это голодъ и стужа, не дающіе покою

ни днемъ ни ночью, терзающіе каждый часъ, каждую минуту, и гдѣ-же такой бѣдности думать о несчастіяхъ, которыя могутъ случиться Богъ знаетъ еще когда.

Не думайте, однако, чтобы въ обухинскомъ домѣ обитала бѣдность, порожденная праздностью, лѣнью, пороками. Загляните въ этотъ муравейникъ и вы увидите какая въ немъ кипитъ дѣятельность, какъ тамъ день и ночь копошится въ трудѣ и лохмотьяхъ людъ честной.

Не даромъ существуетъ пословица «такъ на роду написано». Въ судьбѣ инаго человѣка дѣйствительно лежитъ какая-то печать предопредѣленія. Сколько мы видимъ людей, созданныхъ, Богъ знаетъ по какимъ причинамъ, только для того, чтобы всю жизнь пользоваться чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ, чужою силой. Тысячи рукъ работаютъ для него, обливаясь кровавымъ потомъ, тогда какъ всѣ занятія этого баловня судьбы состоятъ только въ изобрѣтеніи для себя различныхъ способовъ наслажденія.

Нечего уже и говорить о тѣхъ несчастныхъ труженникахъ, которые, по какимъ-либо обстоятельствамъ, отъ нихъ независающимъ, не въ состояніи быть для себя полезными; но есть много людей, избирающихъ, по собственному прозволу, или какое-нибудь совершенно бесполезное занятіе, или распоряжающихся своимъ трудомъ такъ, что имъ-то онъ менѣе всего приноситъ пользы.

Загляните, изъ любопытства, часовъ въ пять утра въ обухинскій домъ и вы застанете населеніе этого дома на ногахъ и за работой. Въ окнахъ мерцаютъ уже тусклые огоньки; въ иномъ окнѣ мелькаетъ рука, вооруженная шиломъ и дратвой; въ другомъ блеститъ иглолка рыночнаго портнаго, старающагося къ утру окончить заказъ въ лавку, хозяинъ которой заплатитъ ему какъ-разъ вчетверо меньше того, сколько самъ получитъ за его работу; въ третьемъ окнѣ можно видѣть какъ выпрѣзываются, подклеиваются и раскрашиваются бумажные домики и различныхъ видовъ коробочки; въ четвертомъ — лежитъ цѣлая груда раскрашенныхъ трубочистовъ, кормилицъ, мальчиковъ въ кисейныхъ платьяхъ, дѣвочекъ съ бакенбардами, собачекъ въ заячьей шкурѣ, медвѣдей, влѣзающихъ по шесту за полуштофомъ водки. Здѣсь

скрипитъ перо чиновника, тамъ слышится плачь дѣтей, поссорившихся изъ-за куска хлѣба, или раздается стенающая шарманка, подъ звуки которой слѣпой пѣвецъ разучиваетъ старческимъ разбитымъ голосомъ

Ты не жги свѣчи воску яраго,
Ты не жди къ себѣ друга милого.

Въ одну изъ холодныхъ петербургскихъ ночей, маленькое, покосившееся окошечко, находящееся въ самомъ углу двора, освѣщено было тусклымъ пламенемъ жирника, едва проби- вающимся сквозь бѣлую, дырявую занавѣску. Комната, въ которой горѣлъ этотъ жирникъ, была такая тѣсная, что въ ней едва помѣщались старый, обтянутый пестрой клеенкой диванъ, небольшой, красный столикъ и простой табуретъ. По стѣнамъ, оклееннымъ гдѣ обоями, а гдѣ газетными листами, видѣлись, въ разныхъ мѣстахъ, узоры сѣрозеленой плесени. Столъ былъ заваленъ книгами и бумагами, на табуретѣ, подъ пестрымъ платочкомъ, замѣтно было тщательно сложенное, какое-то мужское платье, а на диванѣ лежалъ больной чело- вѣкъ, прикрытый старымъ, изорваннымъ халатомъ.

Изъ этой коморки выходила дверь въ другую комнату, въ два окна, гдѣ обои и плесень по стѣнамъ были такіе-же, но убранствомъ эта комната много отличалась отъ коморки. Тутъ стояли и диванъ получше и кресла, и столъ ломберный. Все это, правду сказать, было уже очень старо, потерто, поломано; но за то на многихъ вещахъ красовалась шер- стяная обивка и оклейка красного дерева.

На окнахъ, сквозь радужную зелень стекла, видѣлись горшка два-три большихъ съ плющемъ и гераніумомъ, нѣсколь- ко маленькихъ горшечковъ съ отводками другихъ растений и въ томъ числѣ отводочекъ золотого дерева, которымъ бѣд- някъ такъ любитъ поддразнивать свое воображеніе.

Тутъ же красовался воткнутый въ деревянную тумбочку каленкоровый розанъ, пріобрѣтенный вѣроятно въ гостиномъ дворѣ на вербахъ и глиняный заяцъ, готовый, при малѣй- шемъ прикосновеніи, раскланяться своей длинной мордой, раз- крашенной красной краской, должно-быть для совершеннаго уничтоженія сходства съ какимъ-нибудь животнымъ.

Въ этой комнатѣ сидѣла на диванѣ молоденькая дѣвушка, закутанная въ большой бумажный платокъ. Замѣтно было, что она сильно боролась со сномъ. Подлѣ нея лежала подушка, но она оставалась не тронутой. Закинувъ голову на спинку дивана дѣвушка дремала невольно, смыкая свои темные голубые глазки; но какъ-только отягченная сномъ головка ея начинала скатываться на плечо, она вздрагивала, протирала глаза и чутко прислушивалась къ стонамъ больного. Когда стоны его дѣлались сильнѣе, дѣвушка подходила къ нему, подносила къ запекшимся губамъ его обитое горлышко чайника съ питьемъ, и какъ только больной немного успокоивался, она опять уходила въ свою комнату. По озабоченному виду этой дѣвушки и неутомимой бдительности ея надъ больнымъ, замѣтно было, что она принимаетъ въ немъ особенное сердечное участіе.

Такъ проходила вся ночь. Больному часъ-отъ-часу становилось хуже; къ утру онъ началъ бредить. То приподнимался съ подушки и, уставивъ на какой-нибудь предметъ мутные, широко-раскрытые глаза, смотрѣлъ неподвижно нѣсколько минутъ, то опять опускался на подушку, шопотомъ произнося какія-то несвязныя слова.

Дѣвушка нѣсколько разъ намѣревалась разбудить свою мать, спавшую въ кухнѣ на печкѣ, но боялась разсердить этимъ строгую старуху; наконецъ, стукъ упавшей на полъ какой-то вещи разбудилъ ее.

— Что ты тамъ, Дуняшка, возишься всю ночь, какъ домовой, не даешь покою! — закричала она, хриплымъ голосомъ, на свою дочь.

— Онъ чуть живъ, маменька, — отвѣчала Дуня. — Всю ночь едва переводилъ дыханіе, а теперь, никакъ, ужъ томится, смотритъ такъ страшно, все силится встать; я боюсь какъ-бы онъ чего надъ собою не сдѣлалъ.

— Чтожъ онъ сдѣлаетъ, коли чуть живъ? Да тебѣ-то какая забота не спать всю ночь, — что онъ тебѣ, свой чтоли? — прохрипѣла опять старуха, разсерженная тѣмъ, что ее потревожили; но потомъ опомнилась, что сказала не хорошо. Состраданіе, быть-можетъ невольно, прокравшееся въ черствую душу, или извѣстіе о близости смерти, которой такъ

боятся старые люди, смягчили гнѣвъ старухи. Поднявшись съ своего теплаго ложа, она, вмѣстѣ съ дочерью, начала помогать больному кой-какими домашними средствами.

Больной этотъ былъ канцелярскій чиновникъ Иванъ Петровичъ Шатровъ, проживавшій на хлѣбахъ у вдовы, унтеръ-офицерской жены Марфы Прокофьевны Дудыревой.

Сама Дудыриха, какъ звали ея сосѣди, занималась торговлей и съ утра до ночи корпѣла на сѣнной площади, а домашествомъ управляла дочь ея, Дуня, которая кромѣ того, въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій время, шила шляпки для одного изъ тѣхъ магазиновъ Апраксинскаго двора, посѣщеніе которыхъ такъ рѣдко обходится покупателямъ безъ ушиба головы, когда они собираются по узкимъ и темнымъ извилинамъ лѣстницъ.

Исторія Шатрова, до его болѣзни, можетъ быть разсказана въ короткихъ словахъ.

Онъ еще въ дѣтствѣ лишился родителей и до 16-ти-лѣтняго возраста воспитывался на рукахъ бабушки, пробавлявшейся кое-какъ небольшимъ своимъ пенсіономъ. Послѣ-же смерти бабушки, оставшись совершенно одинокимъ, Шатровъ поставленъ былъ въ необходимость добывать кусокъ хлѣба собственными трудами, и это обстоятельство принудило его тотчасъ-же переимѣнить гимназическій сюртучекъ на вицмундиръ чиновника.

Каждый годъ много поступаетъ въ разныя присутственныя мѣста юныхъ новобранцевъ, но ни одинъ, конечно, изъ нихъ, съ перваго шага, не задаетъ себѣ правила: я буду брать взятки и плутовать изъ выгодъ, на сколько достанетъ способностей.

Рѣзва и безпечна свѣжая молодость, когда, разставшись съ учебной книгой, выступаетъ она на поприще самостоятельной дѣятельности. Она кутитъ, дѣлаетъ глупости, безпрестанно ошибается, но не питаетъ она, въ своей мягкой душѣ, черныхъ намѣреній для своего будущаго. Дико, насмѣшливо смотритъ иногда молодой чиновникъ не непривычный для него служебный трудъ, но больше не зачто упрекнуть его на первомъ шагу его службы. За то свято и долго хранитъ онъ въ душѣ благородныя стремленія къ правдѣ

и честности, — остаться вѣрнымъ навсегда этому стремленію, или своротить въ сторону, — зависягь часто отъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ бываетъ поставленъ.

Видя въ службѣ единственное средство къ существованію, Шатровъ горячо принялся за трудъ съ первой-же поры. Удивляясь, бывало, какъ это Иванъ Петровичъ успѣвалъ всегда справляться съ своими домашними дѣлами и являться къ должности рапѣе всѣхъ. Вѣдь у другихъ чиновниковъ бывають-же такіе случаи, которые задерживають ихъ дома совершенно противъ желанія. У одного, напримеръ, безпрестанно умирають бабушки, тетки и всякая такая родня, о смерти которой говорить какъ-то не очень страшно; у другого почти каждый мѣсяцъ случается сестрина свадьба, или что-нибудь въ этомъ родѣ; третій подверженъ педугамъ и подъ-часъ такъ настрашаетъ своею болѣзнію, что товарищи пачнутъ уже поговаривать о новой вакансіи; но смотришь больной дня черезъ два является на службу въ самомъ здоровомъ расположеніи духа и послѣдствіями какого-нибудь свирѣпаго тифуса останутся только немного красные глаза, гладко, даже до крови, выбритая борода и особенно тщательно приглаженные виски.

У Шатрова-же никакихъ эдакихъ причинъ не существовало, точно у него не было никакихъ связей съ человѣчествомъ.

Служба Шатрова нельзя сказать, чтобы была особенно неблагодарна, или, чтобы въ отношеніи къ нему оказываема была какая-либо несправедливость. Начальство отличало Шатрова отъ другихъ, за его способности и особенно за усердіе, что всего болѣе цѣнилось. Его скоро помѣстили на старшій окладъ, давали каждый годъ рублей по десяти, по пятнадцати награды, которая рублями двумя-тремя всегда превышала награду другихъ его товарищей. Кроме того, Шатровъ, какъ способнѣйшій, постоянно считался кандидатомъ на штатную вакансію, а если ему и не удавалось воспользоваться этимъ преимуществомъ, то это вслѣдствіе различныхъ неудачъ, причиною которыхъ были всегда неблагопріятныя обстоятельства: или какая-нибудь сильная протекція выхватитъ у него изъ-подъ носа принадлежащую ему и по праву

старшинства и по степени его способностей вакансію, ближе переменя начальства, всегда сопровождающаяся толпою Богъ-знаетъ откуда являющихся кандидатовъ, отодвинетъ его на задній планъ, и вакансіи мелькали мимо Шатрова какъ неуловимыя тѣни.

И долго, лѣтъ пятнадцать, Иванъ Петровичъ служилъ, усердствовалъ, надѣялся; потихоньку ропталъ, когда не сбывались надежды; но потомъ, мало-по-малу въ немъ уходилъ все тѣ порывы молодости, которые такъ сильно горячатъ и вознуютъ умъ и сѣрдце человѣка, развиваютъ энергію и поддерживаютъ теплыя вѣрованія. Шатровымъ овладѣла несчастная увѣренность, что положеніе его никогда не улучшится, что ему суждено остаться вѣчно канцелярскимъ чиновникомъ и онъ ужъ какъ-то сдѣлался равнодушнъ къ своему положенію.

Впрочемъ, онъ также занимался какъ и прежде, также аккуратно посѣщалъ каждый день службу; но уже замѣтно было, что это дѣлалось болѣе по привычкѣ, нежели по сознанію долга.

Онъ привыкъ равнодушно переносить свою бѣдность, привыкъ къ суровой лицѣ, къ плесени квартиры, къ заплатамъ своего платья и будь у него потеплѣе шинель, да покрѣпче капоши, стойкая чиновничья натура Шатрова быть-можетъ до глубокой старости выдержала-бы все неудобства жизни безъ особенныхъ потрясеній; но къ несчастію шинель Ивана Петровича только по клочку какой-то звѣрицы на воротникѣ казалась теплою; на самомъ-же дѣлѣ она принадлежала къ числу такихъ шинелей, которыя остряки называютъ подбитыми воздухомъ, и это несчастное обстоятельство, въ совокупности съ плохими колошами, было причиною описаннаго выше положенія Ивана Петровича въ его коморкѣ.

Нельзя однако сказать, чтобы Иванъ Петровичъ былъ совершенно въ безвыходномъ положеніи относительно своей бѣдности. Многіе изъ товарищей Шатрова, получавшіе жалованья еще менѣе его, не терпѣли такой нужды какъ онъ. У нихъ водились и бобры съ сѣдинами, и часы съ золотыми цѣпочками, и деньжонки имѣлись безпереводно. Какъ они добывали ихъ — Шатровъ зналъ это. Безпрестанное шушу-

канье съ просителями, переписка копій, вовсе не требующихся къ дѣлу, и разныя другія продѣлки въ этомъ родѣ доставляя имъ порядочное дополненіе къ жалованью; но Шатровъ былъ какъ-то слишкомъ упорно честенъ для того, чтобы пользоваться подобными источниками. Онъ имѣлъ какое-то инстинктивное отвращеніе къ такимъ добычамъ и тянулъ свою тяжелую ямку, нисколько не соблазняясь тѣми выгодами, какія могло предоставить шушуканье съ просителями.

II.

Благодаря-ли удачному врачеванію Марфы Прокофьевны, или, быть-можетъ, вслѣдствіе обыкновеннаго ослабленія болѣзни подъ утро, часовъ въ шесть Ивану Петровичу стало легче и онъ заснулъ. Для Дудырихи настала пора собираться на рынокъ. Сборы эти заключались обыкновенно въ сортировкѣ товара, питьѣ кофею и оканчивались журьбой Дуни, безъ чего мать не могла ни проститься, ни поздороваться съ дочерью.

Проводивши старуху и управившись съ кое-какою домашнею работою, Дуня собралась было отдохнуть, но неожиданное появленіе незнакомаго господина помѣшало ей въ этомъ.

Справившись—гдѣ лежитъ больной, посѣтитель вошелъ къ нему въ комнату, прямо съ мороза, въ шубѣ и въ калошахъ, находя, должно-быть, что снимать эти вещи было-бы не въ мѣру деликатнымъ для обитателей такой квартиры, какую занималъ Шатровъ.

Съ первыхъ словъ и пріемовъ объяснилось, что это былъ департаментскій докторъ, командированный къ Шатрову по случаю извѣстія о его болѣзни. Докторъ этотъ былъ чловѣкъ еще молодой и очень благообразной наружности, но съ какимъ-то насильственно-свирѣпымъ выраженіемъ въ лицѣ, что, надо полагать, было причиною весьма естественнаго желанія молодыхъ врачей придавать себѣ какъ-можно болѣе солидности, для возбужденія довѣрія.

Осмотрѣвъ больного и выразивъ притомъ свое удивленіе— какъ могутъ жить люди, дыша такимъ живымъ возду-

хожъ, докторъ обратился къ Дунѣ съ вопросомъ: «отъ чего вы раньше не дали знать въ департаментъ о его болѣзни?»

— Мы хотѣли, да Иванъ Петровичъ сказалъ, что не надо, — отвѣтила Дуня.

— Какъ-же не надо? прислали-бы доктора во-время.

— Иванъ Петровичъ сказалъ, что у нихъ доктора посылаютъ къ тѣмъ только, которые притворяются, чтобы узнать точно-ли больны; а про него ужъ всѣ знаютъ, что даромъ сидѣть дома не станеть.

Докторъ началъ-было объяснять Дунѣ, что нужно дѣлать съ больнымъ, какъ принимать лекарство, которое пропишетъ, но когда Дуня объявила, что у нихъ нѣтъ денегъ на лекарство, онъ надѣлъ шляпу и, не сказавъ ни слова, вышелъ.

Этотъ поступокъ доктора сильно опечалилъ бѣдную дѣвушку. Цѣлую ночь бывши свидѣтельницей отчаяннаго положенія Ивана Петровича, Дуня потеряла почти надежду, что онъ выздоровѣетъ. Посѣщеніе доктора обрадовало ее; покаково было перенести, когда докторъ, узнавъ о ихъ бѣдности, не сталъ даже прописывать рецепта. Дуня вспомнила, что у ней есть завѣтная кубышка, въ которой накопилось уже нѣсколько десятковъ пятаконъ и ей стало досадно, что она объявила доктору о своемъ безденежьи. Ей пришла мысль въ голову, что если Иванъ Петровичъ умретъ, виною этому будетъ она, которая, между-тѣмъ, не пожалѣла-бы заложить послѣднее свое платье, лишь-бы только спасти Ивана Петровича. Съ этою мыслию Дуня бросилась на диванъ и горько заплакала.

Но совершенно напрасно сокрушалась такъ Дуня. Сви-рѣпный, по виду, докторъ на дѣлѣ оказался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Она не успѣла еще хорошенько выплакаться, какъ явился фельдшеръ съ разными лекарствами и объявилъ, что ему приказано находиться при больномъ безотлучно, пока это будетъ необходимо, и что къ вечеру пріѣдетъ опять самъ докторъ.

Дуня въ минуту повеселѣла при этомъ извѣстїи. Тотчасъ-же распечатала свою завѣтную кубышку съ пятачками и пустилась хлопотать по хозяйству, чтобы получше и посылнѣе

накормить фельдшера. То помогала она ему около больного, то бѣгала въ лавочку за какой-нибудь провизіей, или передъ печью дѣйствовала ухватомъ съ такимъ проворствомъ и ловкостью, что большіе горшки разбѣзжали по разнымъ угламъ печи какъ на салазкахъ.

Посреди этой суматохи весело вѣбжала въ комнату маленькая, хорошенькая смуглянка, дуинна сосѣдка, такая быстроглазая, рѣзвая, вѣртявая, что не прошло и пяти минутъ, а она успѣла уже замѣтить въ печи долгоносый кофейникъ, нагнуться на сцену припускающія пѣвочки, открыть кошелку съ пяточками, пересчитать ихъ, забросать Дуню сотнею вопросовъ о томъ — кто былъ, что говорилъ, каковъ собой докторъ — молоденькій-ли, хорошенькій-ли, и все это съ прыжками, съ шуточкой, съ хохотомъ. Она угомонилась тогда только, когда Дуня усадила ее за кофей.

— Опять получила поклонъ, — сказала воструха, принимаясь за налитую ей чашку.

— Отъ кого? — спросила Дуня.

— Отъ одного человѣка.

— Отъ кого-же? скажи!

— Ахъ, какая ты, недогадливая, все отъ него-же отъ Тряпкина — нашъ атласъ не отходить отъ насъ.

— А ты развѣ давно съ нимъ знакома?

— Давно не давно, а ужъ онъ мнѣ порядкомъ наскучилъ, — все сватается.

— Вотъ какъ! сватается! Какъ-же онъ сватается — свиху что-ли присылагъ.

— Ахъ, какая ты смѣшная, Дуня! Зачѣмъ-же тутъ свиху, коли мы почти каждый день свиданіе имѣемъ. Когда идетъ изъ должности, увидитъ меня подъ окномъ — и давай ходить взадъ и впередъ по улицѣ. Я сначала поморю его немного, а потомъ выбѣгу, какъ-будто за дѣломъ, въ лавочку. Онъ сейчасъ ко мнѣ: купить конфетъ или орѣховъ, хватить все меня, говоритъ, что очень любитъ, — ну, и начнетъ свататься: поѣдемте говорить, Марья Степановна, въ Марьяну рощу или на Крестовскій — тамъ очень весело будетъ, будемъ, говоритъ, очень счастливы. А я все и вожу его за носъ.

— Что-же, развѣ ты за него не пойдешь? Чѣмъ-же онъ тебѣ не нравится?

— Ахъ ты, глупенькая! — съ хохотомъ возразила Маша. — Сойдусь я съ чиновникомъ! Ни за что на свѣтѣ! Да что у него есть-то? Слава, что при часахъ-то ходить, а чай въ одномъ карманѣ клопъ на арканѣ, а въ другомъ тараканъ на цѣпи, вонъ, какъ у твоего Ивана Петровича. Да я и терпѣть не могу этихъ чиновниковъ! Толи дѣло военный—ужь если рѣшишься, такъ знаешь для кого.

Дуня оскорбилась такимъ замѣчаніемъ на счетъ Ивана Петровича, хотѣла что-то возражать, но Маша перебила ея.

— А знаешь-ли? я выучилась грамотѣ; хочешь прочитаю билетикъ? И, не дождавшись отвѣта, Маша вынула изъ кармана нѣсколько конфектныхъ билетиковъ и начала читать.

Ты сама тому впою,
Что плѣнился я тобою.

А вотъ еще:

Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, а тонкій волосокъ.

А вотъ еще:

Боюсь, брусничная вода
Мнѣ не надѣлала-бъ вреда.

При этомъ, замѣтивъ, что кофейникъ уже истощился, Маша схватила еще билетикъ и прочла:

..... и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

Съ этими словами она простилась съ Дуней и выбѣжала изъ комнаты, припѣвая вполголоса: «боюсь брусничная вода, мнѣ не надѣлала-бъ вреда.»

Простодушная Дуня, незнакомая съ тайнами улчнаго кокетства и ухищреніями бульварныхъ селадоновъ, не поняла настоящаго смысла разсказа Маши о сватовствѣ Тряпкина. Она повѣрила даже, что Маша дѣйствительно выучилась грамотѣ, не замѣтивъ того, что плутовка только для проформы держала передъ глазами билетики и нѣкоторые даже вверхъ ногамъ.

Какая счастливая эта Маша, подумала Дуня, и женихи ужъ сватаются, да еще чиновники, да еще нейдетъ — нарочить за офицера. А мнѣ, навѣрное, маменька подсудобитъ какого-нибудь стараго фельдфебеля или пьяницу писаришку. Лучше-бы ужъ вѣкъ оставаться въ дѣвкахъ. А грамотѣ какъ скоро выучилась эта Маша, не то что я — все только собираюсь попросить Ивана Петровича, чтобы поучилъ.

При мысли объ Иванѣ Петровичѣ Дуня повѣсила голову и крѣпко задумалась. Что-жъ будетъ съ нимъ съ бѣдненькимъ, думала она. Выздоровѣетъ-ли? Останется-ли жить у насъ, если поправится? Докторъ вѣрно велитъ перемѣнить квартиру — вѣшь очень сырая! А мы живемъ-же вѣдь, да не хвораемъ. А что-то будетъ со мною, когда съѣдетъ Иванъ Петровичъ? Опять скука, да маменькина брань!

III.

Оставимъ пока Ивана Петровича на попеченіи добродѣтельнаго доктора и, между-тѣмъ, расскажем вкратцѣ исторію Дудырихи и ея дочери.

Маленькая Марфа Прокофьевна родителями ея предназначалась на поприще ремесленное и въ дѣвчествѣ своемъ продолжавшемся, надо замѣтить, довольно долгое время, занималась шитьемъ перчатокъ; но какъ-только вышла замужъ за отставнаго унтеръ-офицера Порфирія Дудыря, въ ней, съ первой-же поры обнаружилось неотразимое влеченіе къ торговлѣ.

Мужъ ея имѣлъ на сѣнной площади лавочку съ разной домашней посудой и Марфа Прокофьевна, все свободное отъ домашнихъ занятій время проводила въ мужниной лавкѣ, въ качествѣ сподручницы, хотя самъ Дудырь во все не нуждался въ этомъ помощничествѣ и часто гонялъ жену изъ лавки, какъ-только замѣчалъ, что она выкидывала какую-нибудь коммерческую штуку.

Марфа Прокофьевна, въ цонятіяхъ своихъ о торговлѣ, придерживалась той господствующей между нашими торговцами системѣ, слѣдуя которой мальчишка - заклпкала, не знающій еще счета въ деньгахъ, лжетъ, божится, обвѣшиваетъ,

обмѣриваетъ, стараясь тѣмъ отличиться предъ своими товарищами и заслужить одобреніе хозяина, который, восхищаясь такими качествами сдѣльца, предсказываетъ ему блестящую будущность на поприщѣ торговомъ, припомятая, между-тѣмъ, свою прежнюю удачу, благодаря которой, онъ умѣлъ обмануть, вмѣстѣ съ сотнями тысячъ покупателей, и своего хозяина, и сдѣлаться самостоятельнымъ торговцемъ.

Порфирій-же Дудырь былъ мужикъ честный, въ торговлѣ своей держался совсѣмъ другихъ правилъ и выгоды рассчитывалъ не на обманѣ, а на приобрѣтеніи большаго числа покупателей.

Сколько ни стараясь Дудырь разъяснить женѣ всѣ преимущества такого рода торговли, она никакъ не могла согласиться съ нимъ, и чуть, бывало, мужъ отвернется въ сторону, Марфа Прокофьевна не преминетъ воспользоваться случаемъ — сбить какую-нибудь разбитую посудинку за цѣлую, да еще взять за нее вдвое выше назначенной цѣны.

Крѣпко поколачивалъ иногда Дудырь жену за подобныя продѣлки. Не одна плешка разлетѣлась въ дребезги о ея голову, не одинъ разъ онъ выпроваживалъ ее изъ лавки палкой, — ничто не помогало и Марфа Прокофьевна оставалась вѣрна своимъ правиламъ.

Недолго, однако, тяготилась она игомъ почтеннаго Дудыря. Лѣтъ черезъ шесть онъ умеръ, оставивъ послѣ себя лавку, сверху до низу наполненную товаромъ, тысячки двѣ наличнаго капитала, да пятилѣтнюю дочку Душошку.

Почувъ свободу, Марфа Прокофьевна тотчасъ пустила въ ходъ всѣ свои коммерческія способности. Но, вѣроятно, для того, чтобы извлекать изъ обмана выгоды, не достаточно одной страсти къ плутовству. Здѣсь также требуется умъ и особенная сноровка. Марфа Прокофьевна собственнымъ примѣромъ, подтвердила ту старую истину, что по одной и той же дорогѣ можно достигнуть совершенно противоположныхъ результатовъ. На чемъ тысячи нашихъ торговцевъ каждый годъ разживаются, богатѣютъ, на томъ Марфа Прокофьевна совершенно раззорилась. Лѣтъ черезъ шесть она дошла до такого положенія, что хоть торговлю бросай — товаръ съ рукъ нейдетъ.

На бѣду Марфы Прокофьевны, къ лавкѣ ея примыкали лавченки такъ-называемаго тварожнаго ряда. Въ ближайшей изъ нихъ помѣщалась торговка — заклятый врагъ Дудырихи — баба толстая, бѣлая, лицо заплыло жиромъ, а волосы такъ и лоснятся отъ умащенийъ различными молочными скопами. Торговала она такъ шибко, что возбуждала зависть всѣхъ своихъ сосѣдей. А сколько непріятностей дѣлала она Марфѣ Прокофьевнѣ! съ мужемъ-ли, бывало, суспичія случится у Марфы Прокофьевны — она первая на зубокъ подниметь; съ покупателемъ-ли ссора завяжется она непременно поддакнетъ.

И давно ужъ Марфа Прокофьевна задумала насолить чѣмъ-нибудь этой ненавистницѣ, да все случая не представлялось; но теперь, при упадкѣ своихъ оборотовъ по посудной части, будучи принуждена перемѣнить родъ торговли, она рѣшилась нанести смертельный ударъ своей супротивницѣ.

Передавъ посудную лавку другому лицу, Марфа Прокофьевна мигомъ выстроила повенькую лавчонку подъ самымъ носомъ у толстой торговки и, въ пику ей, начавъ распродавать свой новый товаръ по самымъ низкимъ цѣнамъ, вскорѣ отбила у нея большую часть покупателей.

Сначала дѣло шло отлично. Барыши были изрядные; врагъ изнемогалъ, сокрушаясь въ безсильной злобѣ, и Марфа Прокофьевна торжествовала. Но мало-по-малу демонъ корысти опять овладѣвалъ ею. Пошли разные несчастія: то наступить жара нестерпимая и товаръ весь прогоркнетъ; то вдругъ чухонцы сдѣлаются отъявленными мошенниками и навезутъ гнилаго товара все въ накладъ да въ убытокъ Марфѣ Прокофьевнѣ.

Такъ побилась она еще лѣтъ пять, пока совершенно не истощилась запасъ мужниного капитала — и вотъ въ одно роковое утро желѣзные болты Дудырихиной лавчонки остались нетронутыми, распахнутыя дверцы нерастворенными и раздвижной приполочекъ не откинутыми.

— Что это Дудыриха нынѣ не выходила? — спросила въ тотъ день толстую торговку ея сосѣдка.

— А то, что торговала кирпичемъ, да осталась не причемъ;

торговала вишней — стала хуже нищей, — отвѣчала та, злобно радуясь паденію своей ненавистницы.

Такимъ плачевнымъ образомъ покончивъ съ самостоятельной торговлей въ тварожномъ ряду, Марфа Прокофьевна пустилась кочевать по разнымъ угламъ сѣнной площади, торгуя, по времени года, лимонами, яйцами, яблоками, грибами и другимъ дешевымъ товаромъ.

Всѣ неудачи Марфы Прокофьевны по торговлѣ сильно отражались на маленькой Дуни. Еще при жизни отца часто вымѣщались на ней различныя непріятности; но тогда строптивый характеръ матери крѣпко сдерживался старикомъ Дудыромъ; по смерти-же его, Дуня сдѣлалась беззащитной жертвой материнской жестокости. Тотчасъ-же появились въ домѣ различныя исправительныя орудія: плетки, розги, веревки, и маленькая Дуня безпрестанно испытывала ихъ значеніе, не считая пинковъ и шлепковъ.

Для наказанія у Марфы Прокофьевны всегда было очень много предлоговъ. Она била Дуню потому, что нельзя-же не наказывать дѣтей, иначе онѣ избалуются; била потому, что мать вольна въ своемъ дѣтищѣ и никто ей этого запретить не можетъ; била за то, что Дуня лицомъ походила на отца и была кротка и робка, что вовсе не нравилось матери — она любила бойкость и удалъ; чаще-же всего била по случаю какой-нибудь непріятности, вымѣщая на Дунѣ чужія обиды.

Нельзя однако сказать, чтобы Марфа Прокофьевна не любила своей дочери. «Какъ-же мнѣ не любить ее, вѣдь она мое родное дѣтище», говаривала Дудыриха и въ подтвержденіе этихъ словъ, считала непремѣнною обязанностію, возвращаясь съ рынка, всегда приносить Дунѣ какой-нибудь гостинецъ. Но сыта-ли была дочь во время отсутствія матери — объ этомъ большой заботы не прилагалось и Марфа Прокофьевна, запирая Дуню въ своей квартирѣ на цѣлый день, частенько забывала оставить ей нищу.

Вообще, послѣ смерти Дудыря, Дуня сдѣлалась большій помѣхой для матери. Брать ее съ собой на рынокъ было неудобно, особенно зимой: ребенокъ не выдерживалъ цѣлаго дня на морозѣ, зябъ и надоѣдалъ плачемъ, а оставлять весь день на заперти было опасно въ отношеніи пожарнаго слу-

чая, — и потому Марфа Прокофьевна очень была довольна, когда крестная мать Дуни, шляпная мастерица, сжалившись надъ бѣдненькой дѣвочкой, предложила взять ее къ себѣ, для обученія своему мастерству.

Марфа Прокофьевна почему-то составила себѣ понятіе, что Дуня глупый и ни къ чему неспособный ребенокъ. «Измучила она меня», говаривала старуха, жалуясь иногда на свою дочь. «Безтолочь такая — ничего не можетъ сдѣлать порядкомъ. Ума не приложу какъ съ нею быть. Всѣ руки объ нее обила; плечомъ пошевелнуть не могу иной разъ.»

Когда Дуня поступила къ крестной матери, жалко было смотрѣть на эту дѣвочку. Ей было уже около десяти лѣтъ. Тощая, хилая, съ какимъ-то дикимъ, испуганнымъ взглядомъ, она дѣйствительно казалась идиоткой. Когда ей что скажутъ — вся задрожитъ, перепугается, ожидая что сей-часъ будутъ бить. Велятъ что принести — бросится опромѣтью, растеряется и принесетъ совсѣмъ не то, что приказано.

Крестная мать Дуни была очень добрая и умная женщина, имѣла своихъ дѣтей и любила ихъ не такъ, какъ Дудыриха. Она знала какъ Марья Прокофьевна обращалась съ дочерью, поняла отъ чего все это происходитъ съ Дуней и стала обходиться съ нею какъ можно ласковѣе, не давала ей, первое время, никакой работы и позволяла играть съ другими дѣвочками.

Поступивъ въ чужой домъ, Дуня ожидала, что ей будетъ тамъ хуже, чѣмъ у матери; но увидѣвъ, что ее не бьютъ, не бранятъ, а напротивъ, ласкаютъ безпрестанно, — она перестала дичиться, сдѣлалась живѣе, развязнѣе; откуда взялась понятливость, расторопность; на щечкахъ появился румянецъ и годамъ къ 16-ти изъ нея вышла полненькая, хорошенькая дѣвушка и лучшая мастерица въ мастерской своей крестной матери.

Дунѣ было уже 16 лѣтъ, когда Марфа Прокофьевна такъ позорно ретировалась изъ тварожнаго ряда. Немного надѣясь на свою грошевую торговлю, она распорядилась взять дочь домой, и, въ пособіе собственной коммерціи и дунину ремеслу, принялась спекулировать содержаніемъ нахлѣбниковъ.

Въ Петербургѣ вообще въ большомъ ходу спекуляціи на

квартиры для холостыхъ. На воротахъ каждаго большаго дома можно видѣть по нѣскольку билетовъ съ надписями въ родѣ слѣдующей: «одаецца комнята отъ жильцовъ снебилью всостоломъ ибестола.»

Содержащихъ такія квартиры можно раздѣлить на три разряда. Къ первому принадлежатъ зажиточныя вдовы и пожилыя дѣвы, отдающія лишнюю комнату не изъ какихъ-либо меркантильныхъ расчетовъ, а собственно потому, какъ говорятъ онѣ, что въ домѣ какъ-то страшно безъ муцины. У такихъ хозяекъ постоялецъ, если онъ ловкій малый (неповнаго, впрочемъ, и держать не стануть) можетъ не только не платить по цѣлому году за квартиру, но даже занимать еще деньги; можетъ приглашать къ себѣ пріятелей, задавать ассамблеи и словомъ водвориться въ домѣ полновластнымъ хозяиномъ. О такомъ житьѣ старички рассказываютъ молодому поколѣнію — какъ о лучшемъ времени своей молодости.

Но вообще попасть на подобную квартиру не совсѣмъ легко, не потому однако, что-бы ихъ было очень мало, но оттого, что вакансіи открываются рѣдко. Попавшій на эдакое теплое гнѣздышко, держится на немъ очень крѣпко и покидаетъ его уже при какой-нибудь разительной перемѣнѣ обстоятельствъ: при банкротствѣ хозяйки, отъѣздѣ или женитьбѣ.

Ко второму разряду слѣдуетъ отнести хозяевъ, воображающихъ, что отъ содержанія постояльцевъ существуютъ какія-либо выгоды. Здѣсь еще можно жить съ грѣхомъ пополамъ, утѣшаясь, по-крайней-мѣрѣ, тою мыслию, что если самъ не пользуешься особенными удобствами, за то и хозяевамъ не много приносишь пользы.

Но Боже сохрани попасть въ руки къ хозяевамъ, у которыхъ содержаніе нахлѣбниковъ составляетъ способъ существованія. Тутъ на жильца смотрятъ какъ на краюшку хлѣба, стараясь обкусывать ее со всѣхъ сторонъ, гдѣ легче возьметъ зубъ. У хозяевъ, этого разряда, ежели они Русскіе, жилецъ, въ теченіе мѣсяца, такъ можетъ пропитаться запахомъ щей, что отъ него за нѣсколько шаговъ будетъ пахнуть какъ отъ кухоннаго горшка; если-же Нѣмцы — его безопасно заляютъ молочными, картофельными, черничными и другими подобными супами. А иногда просто поставятъ

на столь чашку снятаго, холоднаго молока, бросать туда щепотку сахару съ корицей, назовуть это супомъ и ожидаютъ, что жилецъ ихъ, какъ теленокъ, непременно зажирѣеть отъ такого питательнаго блюда.

Марфа Прокофьевна принадлежала къ этому послѣднему разряду хозяекъ и потому ей долго не случилось въ жильцахъ, какъ и въ торговлѣ. Въ теченіе года у ней перебивало челоуѣкъ пять и все какъ-то случалось, что или они были чѣмъ недовольны, или Марфѣ Прокофьевнѣ не нравились. Одинъ только смиренный Иванъ Петровичъ пришелся по дому и худо-ли, хорошо-ли было ему, но жилъ уже у ней года съ два. По-крайней-мѣрѣ онъ не ропталъ на Марфу Прокофьевну, та тоже на него не жаловалась, а Дуня... она такъ горячо полюбила его, какъ только можетъ полюбить дѣвушка въ ея лѣта и въ первый разъ.

Да и какъ не полюбить было ей Ивана Петровича? Она кромѣ его никого почти не знала изъ мужчинъ. Прежніе жильцы были люди или не по лѣтамъ ей или обращались съ ней какъ съ прислугой и съ первыхъ-же дней обнаруживали не совсѣмъ приличныя поповзновенія. А Иванъ Петровичъ хотя и не очень красивъ былъ собою, за то добръ, ласковъ, всегда учтивъ и чѣмъ могъ старался доставлять Дуни развлеченіе въ ея скучной, однообразной жизни.

Бывало, какъ только пообѣдаетъ, возвратившись изъ должности — Дуня примется за свою работу, а онъ усядется тутъ-же, читаетъ какой-нибудь романъ, до-тѣхъ-поръ, пока мать придетъ домой, а если книжка интересна, чтеніе продолжается и въ то время, когда старуха заляжетъ въ кухнѣ на свою каменку.

Слушаетъ — не наслушается, бывало, Дуня этого чтенія, ждетъ — не дождется, когда Иванъ Петровичъ возвратится изъ должности. Сначала ей нравилась книжки, читанныя Иваномъ Петровичемъ; потомъ пріятно стало просто бесѣдовать съ нимъ, безъ чтенія; а послѣ ужъ почему-то сдѣлалось усладительнымъ такъ, одно присутствіе Ивана Петровича, хоть онъ вовсе ничего не читай и не говори.

Ивану Петровичу, вѣроятно, также не совсѣмъ противно было сообщество добренькой, хорошенькой дѣвушки. Бывало,

гдѣ изрѣдка случалось ему очутиться въ женскомъ обществѣ — робѣеть, конфузится, языкъ прилипае къ гортани; а тутъ откуда брались шуточки, прибауточки, такъ бывало и вѣется въюномъ около Дуни. Она за шитье — а онъ клубочекъ мотаеъ, потерянную иглочку отыскиваетъ, или каркасы расправляетъ. Дуня застряпню — онъ и тутъ найдетъ себѣ занятіе: то морковку искрошитъ, то водпцы подастъ; подтолкнетъ иногда, злодѣй, чтобы Дуня что-нибудь уронила или просыпала и самъ-же бросится подбирать; на ножку наступить слегка, нечаянно и пустится въ извиненія. А Дуня, плутовка, какъ будто разсердится: «полноте дурачиться! перестаньте шалить!» покрикиваетъ безпрестанно, а сама такъ и мѣбеть отъ удовольствія... но выльчимъ-же поскорѣе этого шалуна, чтобы посмотрѣть на дальнѣйшія его проказы.

IV.

По поводу полученнаго въ департаментѣ извѣстія объ отчаянномъ положеніи Ивана Петровича, начался толкъ его сослуживцевъ. Одни сожалѣли о немъ, какъ о добромъ товарищѣ, другіе дѣлали предположенія кого назначутъ на высшій окладъ.

«Полно-те вамъ разсчитывать-то заранѣ» замѣтилъ при этомъ Андрей Андреичъ Совинъ. «Нашъ братъ чиновникъ не умираетъ отъ эдакихъ пустяковъ. Коли его голодъ, да холодъ не принимаетъ, такъ совладѣть-ли съ нимъ какой-нибудь горячкѣ.»

Необходимо объяснить — кто былъ этотъ Совинъ. Онъ занималъ въ департаментѣ двѣ должности — казначея и экзекутора; но, не смотря на это двойственное значеніе, обязанности Андрея Андреича были такъ не многосложны, что если бы онъ не имѣлъ счастливой способности толковать о чемъ ни попало по нѣскольку часовъ сряду, ему пришлось-бы съ ума сойти отъ скуки, сидя цѣлое утро безъ дѣла въ своей казначейской коморкѣ; въ ожиданіи какого-либо приказанія начальника или появленія чиновника съ обычной докукой — жалованья впередъ подъ росписку. Въ предупрежденіе подобныхъ визитовъ и просьбъ, дѣлаемыхъ большею частію

по секрету, съ глаза на глазъ, или можетъ-быть съ другою какою цѣлю, Андрей Андренчъ самъ всегда вертѣлся между чиновниками, бесѣдуя и съ старшимъ и съ младшимъ съ одинаковымъ удовольствіемъ. Онъ охотно шутилъ со всякимъ, распрашивалъ, спорилъ, резонерствовалъ и никогда не прочь былъ пройтись немножко на счетъ высшаго начальства. За то Андрею Андренчу первому старался каждый сообщить принесенную новость; къ нему первому обращались за рѣшеіемъ какого-нибудь спорнаго обстоятельства и, благодаря своей методѣ обращенія, Андрей Андренчъ зналъ о всѣхъ ежедневныхъ новостяхъ въ столицѣ и въ департаментѣ и имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о степени достатка, образѣ жизни и о всѣхъ продѣлкахъ каждаго чиновника. Если послушать толковъ Совина о положеніи чиновниковъ, въ которое они поставлены ограниченностью своего жалованья, можно было подумать, что это человѣкъ, готовый раздѣлится съ ними послѣднюю копѣйку; но между-тѣмъ рѣдко кому случалось выпросить впередъ даже заслуженное жалованье. Всѣхъ припадающихъ къ нему онъ отсылалъ обыкновенно къ начальнику. «Подите къ нему» говорилъ онъ. «Опишите свое положеніе, просите, плачте, убѣждайте и, если онъ разрѣшитъ — я готовъ буду дать пзъ своего кармана, если не случится казенныхъ; но давать безъ разрѣшенія мнѣ запрещено наипостройшимъ образомъ.»

Услышавъ толки о Шатровѣ, Совинъ не упустилъ случая высказать свое замѣчаніе относительно крѣпости чиновничьей комплексіи.

«Холера вотъ пострашиѣ будетъ горячки», продолжалъ онъ, «какіе дубы валила! Иной купчина обхвата въ три, да еще набрюшникъ подвяжетъ себѣ въ ладонь толщиною, а какъ подступитъ подъ ложечку — смотришь часа въ два и капутъ. Въ первые годы холеры сколько отъ нея перемерло всякаго народа, а съ нашего брата ничего не взяла — всѣ на лицо, ни одной вакансіи не очистилось.»

Кто-то замѣтилъ, что онъ забылъ о Растаховѣ, умершемъ холерой.

«Нѣтъ, не забыть», отвѣчалъ Андрей Андренчъ, «а только вы не понимаете — о комъ говорю я. У Растахова два дома

въ Петербургѣ, да заводы разные, такъ это выходитъ ужъ не чиновникъ, а капиталистъ, а я веду рѣчь о нашемъ братѣ великопостыникѣ. (Нужно замѣтить, что Совинъ всегда ставилъ себя на ряду съ самыми бѣднѣйшими). У Растахова прыщикъ, бывало, на лицѣ выскочить, такъ онъ дня три съ нимъ возится передъ зеркаломъ, да потомъ цѣлый мѣсяцъ отдыхаетъ, такъ гдѣ-же такому человѣку съ холерой бороться. А Шатровъ вотъ помается, помается, да смотришь и явится какъ разъ къ полученію жалованья.»

Какъ ни странны были аргументы, на которыхъ Совинъ основывалъ свои предсказанія о Шатровѣ, но предсказанія эти сбылись. Искусству-ли доктора былъ обязанъ Иванъ Петровичъ или крѣпости и тягучести своей натуры — должно-быть и тому и другому — по горячку онъ перенесъ.

Какъ дѣтски обрадовалась Дуня, когда докторъ объявилъ, что Иванъ Петровичъ черезъ нѣсколько дней будетъ здоровъ. Весело прыгала она съ ножки на ножку, при мысли, что вотъ скоро опять наступятъ тѣ блаженныя минуты, когда Иванъ Петровичъ, сидя подлѣ нея съ книжкой, будетъ читать, разговаривать и потихоньку пошаливать.

Но не сбылись эти надежды. Выздоровѣвшій Иванъ Петровичъ оказался совсѣмъ не тѣмъ, какимъ былъ прежде.

Сколько услугъ, заботливости оказано было ему во время болѣзни. Сколько завѣтныхъ пяточковъ, самыхъ новенькихъ, пожертвовано на разные мелочныя потребности для больного и сколько тонкости, уловокъ было пущено въ ходъ, чтобы больной не замѣтилъ, что его обязываютъ. А какая награда за все это? Конечно, отъ него не ожидали никакого вознагражденія, никакой особенной благодарности; но все-таки хотѣли-бы видѣть, по-крайней-мѣрѣ, побольше вниманія, побольше любезности. Вотъ, онъ теперь совсѣмъ ужъ выздоровѣлъ, давно-бы могъ отправиться на службу, хоть-бы книжку какую принесъ да прочиталъ — такъ нѣтъ, сидитъ себѣ день-деньской въ своей комнатѣ да думаетъ о чемъ-то. Такой скучный, угрюмый, словно сердитъ на что. Все молчать, а и заговорить когда, такъ ужъ не слушалъ-бы, все съ такой учтивостію, и Дунюшкой ни разу не хочетъ называть, какъ прежде, а все Авдотья Порфирьевна.

И затужила бѣдная Дуня, увидѣвъ такую перемѣну въ челоуѣкѣ, столь близкомъ ея сердцу. «Не на радость-же мнѣ и выздоровѣлъ-то опъ», думала Дуня. «Ужь не надоѣла-ли я ему своими заботами? не съѣзжать-ли собирается? такъ сказалъ-бы скорѣе. Нѣтъ, это просто мука смертельная! заговорю я сама съ нимъ объ этомъ.»

Отъ чего-же, въ-самомъ-дѣлѣ, сдѣлалась съ Иваномъ Петровичемъ такая странная перемѣна въ обращеніи съ Дуней? Отчего онъ сталъ такъ скупенъ, молчаливъ и задумчивъ?

Причина этому очень-простая и вмѣстѣ очень-серьезная. Прежде Иванъ Петровичъ балагурилъ и любезничалъ съ Дуней безъ всякой цѣли, безъ всякихъ опредѣленныхъ намѣреній, такъ, для развлечения.

Конечно, ему нравилось свѣженькое, хорошенькое личико Дуни, ея томные голубые глазки, маленькій, немножко вздернутый къ верху носикъ и пухленькія губки; нравились даже веснушки, разсыпанныя кой-гдѣ по ея лицу, какъ-будто для того, чтобы придать ему болѣе миловидности. Но все это нравилось на столько, на сколько каждому пріятна молодость, красота и невинность. А если и приходили иногда въ голову какія-нибудь грѣшныя желанія, то они являлись вмѣстѣ съ другими желаніями, которыхъ такъ много у каждаго бѣдняка, и потому тотчасъ-же исчезали, при взглядѣ на старый, засаленный халатъ и вѣчно пустой кошелекъ.

Но послѣ болѣзни Иванъ Петровичъ живо почувствовалъ, что онъ дошутился съ Дуней до чего-то серьезнаго. Какъ ни старалась она скрывать свои чувства во время его болѣзни, Иванъ Петровичъ все замѣтилъ. Онъ помнилъ, что ему стоило только охнуть, чтобы Дуня тотчасъ явилась передъ нимъ во всякое время дня и ночи, и понялъ, что это дѣлается не изъ простаго участія, не изъ одного состраданія. Состраданіе утомляется обыкновенно съ первыхъ-же минутъ, а тутъ проводили цѣлыя ночи безъ сна и отдыха. Онъ замѣтилъ, какъ похудѣло въ нѣсколько дней молоденькое личико Дуни, какъ печально было оно въ трудныя минуты его болѣзни и видѣлъ потомъ, какую неподдѣльную радостію сіяло это личико, когда миновалось опасность. Онъ понялъ, оцѣ-

нилъ все это, и робко, боязненно, но горячо отозвалось его сердце на безкорыстную любовь Дуни.

«Я чувствую, что я люблю; но что-же выйдетъ изъ этой любви?» спрашивалъ себя Иванъ Петровичъ. «Связь пошлая; потомъ раскаяніе, стыдъ. Нѣтъ, это не хорошо! въ любви всякъ ищетъ счастья, наслажденій, а не мученій совѣсти. Что-жъ дѣлать однако? Жениться! Но вѣдь это грозитъ лицетой нескончаемой.» — Чтобы покончить съ этой любовью безъ особенныхъ послѣдствій, Ивану Петровичу казалось единственнымъ средствомъ съѣхать поскорѣе съ квартиры, предоставивъ времени изгладить зародившуюся страсть; но оглянувшись на свою прошлую жизнь, онъ такъ мало находилъ въ ней утѣшительнаго для воспоминанія, что ему страшнымъ казалось возвратиться опять къ такому жалкому, безотрадному существованію.

Размышляя такимъ-образомъ, Иванъ Петровичъ остановился на мысли предоставить все на волю самой Дуни, раскрывъ передъ нею всѣ невыгоды своего положенія. Долго, однако, онъ не могъ собраться съ духомъ, чтобы объясниться съ Дуней; все день-за-день откладывалъ, надѣясь, вѣроятно, придумать что-нибудь лучшее; но наконецъ, въ одинъ такой часъ дня, когда свѣчу зажигать еще рано, а между-тѣмъ въ комнатахъ становится такъ ужъ темно, что хоть покраснѣй, хоть прослезись — ничего не замѣтно, — Дуня сама рѣшилась войти въ комнату Ивана Петровича, сидѣвшаго съ поникшею головою на своемъ старенькомъ диванѣ.

— Что вы, Иванъ Петровичъ, такіе все скучные, да угрюмые, — не сердитесь-ли на что? — спросила она, подсѣвъ къ нему на диванъ.

Иванъ Петровичъ обрадовался этому случаю и рѣшился высказать все, что было у него на душѣ.

— Я дѣйствительно сердить, да только не на васъ, Авдотья Порфирьевна, а на судьбу свою, — отвѣчалъ онъ. — Видите-ли, какой я смѣшной человѣкъ! Посмотрите, вотъ, вокругъ меня — все у меня старое, изношенное. И мебель старая и платье все до ниточки вытертое, да и самъ-то я, какъ какая-нибудь старая мода, никому, кромѣ бѣдности, непригодная. Только вотъ одно у меня есть, такое еще свѣжее, сильное, — это

сердце мое, Авдотья Порфирьевна. Полюбило, вотъ, оно одну дѣвушку, да и не даетъ теперь мнѣ ни минуты покою.

Дуня слушала Ивана Петровича, притаивъ дыханіе. Сердце сжалось и заняло у ней, когда онъ объявилъ, что любить кого-то. — Кого-же это? подумала она. Вѣрно барышню какую? Что-же со мной-то, съ несчастной, будетъ теперь?

— Долго размышлялъ я объ этомъ, — продолжалъ Иванъ Петровичъ, — и теперь рѣшился спросить эту дѣвушку, пойдеть-ли она за меня, за бѣдняка, согласится-ли переносить со мной нищету, которая насъ ожидаетъ. — А знаете-ли, кто эта дѣвушка? — проговорилъ Иванъ Петровичъ замирающимъ отъ волненія голосомъ, близко нагнувшись къ дунину плечу и жадно всматриваясь въ ея пылающее личико. — Эта дѣвушка та самая Дунюшка, которая ходила за мной, за больнымъ, какъ за роднымъ братомъ и которая теперь, вотъ, сидитъ подлѣ меня. Скажите-же, Авдотья Порфирьевна, что мнѣ дѣлать? Рѣшите сами мою судьбу.

Но могла-ли Дуня отвѣтить что-нибудь на этотъ вопросъ? Ее какъ полымемъ охватило признаніе Ивана Петровича; она дрожала вся, какъ листочекъ въ порывѣ вихря. Сердечко такъ сжалось, такъ защемило, что дыханье захватывало.

Да и зачѣмъ ей было отвѣчать, когда ужъ злодѣй Иванъ Петровичъ, охвативъ рукою за ея талію, такъ горячо дышалъ надъ ея головой, что Дуня сомнѣла отъ этого дыханья. Крѣпко прижалась она къ разколыхавшейся груди Ивана Петровича и горячо, горячо впиалась своимъ розовымъ ротикомъ въ его блѣдныя, дрожащія губы... вотъ и отвѣтъ!

Дѣвушки эти вообще большія мастерицы скоро рѣшать подобные вопросы. Надъ чѣмъ Иванъ Петровичъ ломалъ себѣ голову цѣлый почти мѣсяцъ, то Дуня рѣшила теперь въ минуту, безъ словъ, безъ разсужденій, однимъ поцѣлуемъ.

V.

Въ тотъ день, когда послѣдовало объясненіе между Иваномъ Петровичемъ и Дуней, Марфѣ Прокофьевнѣ какъ-то особенно не везло по торговлѣ. И на рынокъ она вышла

почти первая и товаръ разложила не торопясь, самымъ тщательнымъ образомъ, такъ-что каждое яблоко гнилымъ своимъ бокомъ искусно пряталось между сосѣдей, прикрывая въ то же время и ихъ собственные недостатки; и лимоны также во время были разсортированы и разложены по той-же коварной системѣ, какъ и яблоки, а покупателей являлось очень мало, да и тѣ не совсѣмъ поддавались на старушечьи хитрости.

Извините, что рассказъ переносится опять на эту грязную сѣнную площадь. Жизнь бѣднаго чиновника такъ тѣсно связана съ подобными мѣстами, что, коснувшись чиновничьяго быта, трудно избѣжать столкновенія съ ними. Сѣнная площадь (разумѣется, какъ и всякій другой рынокъ съѣстныхъ припасовъ) для чиновника то же, что для купца биржа. Какъ колебаніе цѣнъ на биржѣ сдерживаетъ и развиваетъ коммерческіе обороты, такъ повышеніе и пониженіе цѣнъ на сѣнной площади сдерживаетъ иногда волчій аппетитъ чиновника, убавляетъ нѣсколько градусовъ тепла въ его квартирѣ, оставляетъ жену безъ башмаковъ, дѣтей безъ лакомства, и вообще производитъ преждевременный дефицитъ въ его мѣсячномъ жалованьѣ. Или-же, на оборотъ, разливаетъ нѣкоторое довольство въ столѣ, теплоту въ комнатѣ и позволяетъ даже спать женѣ платъе, а дѣтямъ купить цурушку.

При этомъ нужно еще замѣтить, что почти на одинъ только чиновничій классъ сѣнная площадь имѣетъ такое неотразимое вліяніе. Купецъ, ремесленникъ и всякій производитель, говоря языкомъ политико-экономистовъ, не страшатся возвышенія цѣнъ на съѣстныхъ рынкахъ. Чуть только вздорожаютъ продукты, они незамѣтнымъ образомъ накидываютъ процентикъ-другой на свои товары, на свои произведенія и дѣло сглаживается; а чиновнику, между-тѣмъ, приходится выносить все это на своихъ плечахъ, на своемъ собственномъ желудкѣ.

Но возвратимся къ Марфѣ Прокофьевнѣ.

Кульки, салфетки и всякого рода котомки быстро пронеслись въ то утро передъ глазами Марфы Прокофьевны, наполненные разной съѣстной провизіей, только ея собственный товаръ оставался какъ-будто незамѣченнымъ.

Много пронеслось тогда мимо старухи различных хозяйственных личностей, оскорбивших ее своимъ убійственнымъ равнодушіемъ.

Прошли цѣлыя сотни: Улянь, Устиній, Лукерій, Аросиній, крѣпко озабоченныхъ расчетомъ, по сколько копѣекъ придется наложить на каждый фунтъ, на каждую вещь, чтобы удержать свой куртажный гривенникъ на чай, на кофе, на сахаръ; но, вѣроятно, лимоны Марфы Прокофьевны не входили въ этотъ расчетъ.

Прошли и расчетливыя Августы Карловны, Эмилии Христоворовны, Христины Ивачовны съ своими разноцѣтными мѣшечками, нагруженными картофелемъ, селедками и пятачными рябчиками.

Прошла и та барыня, которая, забравшись на рынокъ, начинаетъ торговать гусей, индѣекъ и другую цѣнную живность, а оканчиваетъ покупкою двухъ фунтовъ мерзлой говядины.

Проѣжалъ и чиновникъ, тщательно скрывающій подъ шинелью свой скудный запасъ дневной провизии.

Проѣхали экономы различныхъ клубовъ, заваленные всевозможныхъ родовъ мерзлой дичиной.

Проѣхалъ и тотъ дородный господинъ, чрезвычайный посѣтитель сѣнной площади, который, забравшись изрѣдка на рынокъ, въ пыду хозяйственныхъ соображеній, Богъ знаетъ зачѣмъ, закупить всякой всячины недѣли на двѣ, истратить на это рублей двадцать, а женѣ скажетъ нять.

Пропорхнула и та молоденькая чиновница, хозяйка мѣсяца, утѣшающая себя мыслию, что личнымъ посѣщеніемъ сѣнной площади она приноситъ великую экономію своему начинающемуся хозяйству. Ярko горятъ на морозѣ ея разрумившіяся щечки, кокетливо покачивается на маленькой ручкѣ пунцовый гарусный мѣшочекъ и, кажется, ея полному удовольствію мѣшаетъ только бутылка со сливками, которая, выставляя наружу свою долговязую шею, препятствуетъ застегнуть замокъ франтовскаго мѣшечка.

Лѣшиво потянуть уже въ «снабжение бѣдныхъ пищею» и тотъ всѣмъ извѣстный господинъ, который дѣтъ десять сряду объявляетъ по секрету каждому порядочно одѣтому посѣти-

тепло сѣнной площади, что у него жена, шестеро дѣтей и ни куска хлѣба.

Наконецъ утренняя суматоха стихла; площадь мало-по-малу стала рѣдѣть и часамъ къ 11-ти совершенно почти опустѣла. Крикливые торгаши и торговки носнали уже съ голосовъ отъ слишкомъ напряженнаго старанія объяснять доброкачественность своего товара и начали отпаривать горло, кто чаемъ, кто кофеемъ, кто сбитнемъ.

Глядя на нихъ и Марфа Прокофьевна добыла гдѣ-то чугунокъ съ горячими угольями, подогрѣла свой кофе и начала потягивать его, бесѣдуя между-тѣмъ съ своей ближайшей сосѣдкой по торгу и по квартирѣ.

— Что, Прокофьевна, постоялецъ-то твой никакъ совѣмъ ужъ выздоровѣлъ? — спросила Дудыриху-сосѣдка, перекинувшись сначала нѣсколькими замѣчаніями на счетъ обидихъ своихъ знакомыхъ.

— Выздоровѣлъ, да не выходитъ еще со двора. Видно, гнѣцы прихватилъ, такъ и не хочется приниматься за работу, — отвѣтила Марфа Прокофьевна, откусивъ кусочекъ сахара и отряхнувъ крошки въ кофей.

— Онъ у тебя такой, слышь, смиренный?

— Нечего Бога гнѣвить, этотъ смиренный повался. Толку-то, правду сказать, нонча мало отъ этихъ нахлѣбниковъ, да что дѣлать, этотъ, по-крайности, не зазнается; что не дай — всемъ доволенъ. Прежде все такихъ Богъ насылалъ, что и щей-то имъ дай и кашни, да еще пирога нарываютъ по праздникамъ; а этому хоть одного аберу сварн — вонъ, что въ больницахъ больныхъ-то откармливаютъ — ѣсть себѣ, да похваливаетъ.

— Не говори ужъ, Прокофьевна, — замѣтила сосѣдка, махнувъ рукою въ знакъ того, что ей подробно извѣстны всѣ выгоды и невыгоды этой промышленности. — Я сама, вѣдь, прежде держала постояльцевъ, да и закаялась. Иной такой навяжется, что и деньгамъ-то не радъ, не знаешь, какъ выжить.

— Ну, я съ такими умѣю справиться, — подхватила Марфа Прокофьевна, всосавши въ себя съ блюдечка остатки простывшаго кофею. — У меня, вотъ, я тебѣ скажу, года съ два

назадъ, стоялъ одинъ чиновникъ Птицынъ. Такой былъ началъ, что ладовъ не было. И то ему не хорошо, и другое не вкусно. То, вишь, говядина воняетъ, то масло горчитъ — ужъ такъ ломался, что терпѣнья не доставало. Разъ, вотъ, какъ-то подошли у меня деньги, я и свари ему однихъ щей со снятками. Похваталъ, похваталъ, да что-же, говорить еще-то. Еще, молъ, ничего нѣту, еще то, молъ, Богу помолись. Батюшки мои, какъ онъ зареветъ на меня въ ту пору, да и пошелъ честить: и такая-то я и сякая-то. Подай, говорить, деньги назадъ, которыя отдалъ за мѣсяцъ! Я, говорить, сейчасъ сойду. Ладно, молъ, думаю я себѣ, я съ тобой справлюсь и такъ.

— Вотъ, на другое утро, возьми я, да и поди къ его начальнику. Прихожу, знаешь, въ присутствіе, гдѣ онъ служитъ — сторожъ встрѣтилъ. Что, говорить, нужно? Мнѣ, молъ, нужно птицынскаго начальника. Какого-же, говорить, отдѣленія начальника или дилехтура? А который, молъ, изъ нихъ старше? Знамо, говорить, дилехтуръ всѣхъ старше. А можно, молъ, къ нему дойти? Можно, говорить, у насъ къ нему всякому есть доступъ. Ввелъ меня въ комнату въ какую-то въ большую; съ четверть часа я дождалась; сначала страшно таково сдѣлалось, да потомъ думаю себѣ, что-жъ мнѣ робѣть-то? вѣдь я солдатская жена — такъ всякое начальство должно давать мнѣ защиту. Ну, вотъ вышелъ и онъ. Что, говорить, тебѣ надо, старушенька? Эдакъ, вотъ, я стою, эдакъ онъ стоитъ (Марфа Прокофьевна при этомъ развела руками и опредѣлила разстояніе), я и бухъ ему въ ноги. Такъ и такъ, молъ, ваше сіятельство, явите Божескую милость, окажите защиту — Птицынъ, чиновникъ, въ пьяномъ видѣ приближъ. Признаться — онъ вина и въ ротъ не бралъ и пальцемъ меня не тронулъ — ну, да я такъ сказала — знай-же, вотъ, молъ, какъ беззащитную вдову обижать. Какъ я все рассказала дирехтуру-то — хорошо, говорить, старушенька, ступай себѣ съ Богомъ домой, я тебя успокою. Ну и точно, что успокоилъ; — такая ангельская душа! Пришла я вечеромъ домой — смотрю, а ужъ Птицына и слѣдъ простылъ. Дуняшка сказывала — приближалъ домой какъ угорѣлый, собралъ свои хурдинки, да

и былъ таковъ, и денегъ не спрашивалъ. Послѣ того прошло эдакъ съ годъ времени — сижу я разъ подъ окномъ въ праздникъ, послѣ обѣда, смотрю — на дворъ вошелъ какой-то трепыхало. Такъ, вотъ, и колышется изъ-стороны-въ-сторону, да все нарываетъ къ нашей квартирѣ. Вошелъ въ комнату — здравствуй, говоритъ, старая хозяйшка! Аль не узнала Птицына? Я глядь-поглядь ему въ рожу-то — и вижу, въ-самомъ-дѣлѣ Птицынъ. Только, Господи — ты мой Боже, на что онъ похожъ сталъ: опухлый весь, небритый, галстугъ — тряпка какая-то, на бокъ, узломъ; пальто все въ грязи, да бѣлыми нитками зашто; на панталонахъ, словно, бахрама какая, а сапоги еле-держатся на ногахъ.

— Что, говоритъ, хорошъ-ли я? это все, говоритъ, по твоей милости, на другой-же день выгнали. Угости, говоритъ, хоть водкой. — Миѣ жалко таково стало его, ажъ прослезилась, — ну, и послала за шкаликомъ. Сталъ пить, такъ смотрѣть противно. Вылилъ все вино въ стаканъ, да цѣдилъ, цѣдилъ сквозь зубы минутъ десять — видно, сладко ужъ больно оно ему стало, проглотить-то жалко. Посадила обѣдать — такъ и тутъ совсѣмъ сталъ не тотъ. Прежде, бывало, и миски мало, а тутъ съѣлъ торялку шей да и шабашъ. Что, молъ, ты мало ѣлъ? говорю я, покушай еще. Спасибо, говоритъ, и то за четыре дня пообѣдалъ. Два, говоритъ, тѣ, которые ужъ прошли, да дня два, можетъ-быть, еще придется поговѣть.

— Какъ-же молъ это ты дошелъ до эдакаго свойства? спросила я его. Да такъ, говоритъ, когда уволяли — я маялся, маялся, безъ мѣста, толкался и туда и сюда — нигдѣ не принимаютъ, затѣмъ вишь, что не по своей охотѣ отставили, ну и пошелъ по кабакамъ просьбы писать, да вотъ дочего и дописался. Съ-тѣхъ-поръ я его такъ-ужъ и не видала.

— Ну, а какъ на счетъ Дуни-то теперешній твой жилецъ? — спросила сосѣдка, давно уже собиравшаяся заговорить именно объ этомъ предметѣ. — Вѣдь нопѣ бѣда съ дѣвками, смотри да и смотри за ними.»

Марфа Прокофьевна видимо обидѣлась этимъ замѣчаніемъ и готовила уже какой-то жесткій отвѣтъ, но сосѣдка продолжала, будто желая оправдаться.

— Я вѣдь сама ничего не говорю о ней; я худога за ней не замѣчала; дѣвушка она смирная, работящая, а если что народъ-то болтаетъ — такъ-вѣдь языкъ безъ костей; на чужой ротокъ не накинешь платокъ.

— А что-же эдакъ народъ-то болтаетъ? хотѣла-быязнать. — спросила Марфа Прокофьевна, едва сдерживая свой гнѣвъ.

— Да малоли что можно сказать! Живутъ вмѣстѣ, оба молодые — ну, разумѣется, народъ что-нибудь и выдумаетъ. Я вѣдь это, Прокофьевна, не для себя говорю — человекъ просилъ; а мнѣ какое дѣло до васъ! ты не сердись.

— А какой-же это человекъ-то просилъ? и какое ему дѣло до моей дочери? — спросила опять Марфа Прокофьевна, показывая видъ, что это вотъ-дескать послѣдній вопросъ и затѣмъ какъ только пикнешь — такъ я тебя и отдѣлаю.

— Анисимъ Митричъ просилъ, городской здѣшній. Жениться задумалъ — такъ и пристаётъ — найти ему невѣсту. Хоть бѣдная, говорить, нѣтъ нужды! только-бы молоденькая была, да хорошенькая, а у меня, говорить, своего дозволено. Я указала ему на твою Дуню, — такъ я посмотрю, говорить, да поразвѣдаю, нѣтъ-ли за ней какого художества, не пошаливаетъ-ли.

Это извѣстіе совершенно обезоружило Марфу Прокофьевну противъ ея сосѣдки и весь гнѣвъ старухи обратился на Дуню и на Ивана Петровтча. Въ одну минуту возникли въ душѣ ея тысячи подозрѣній на счетъ ея постояльца. Множество случаевъ припомнила она, которые, почему-то, вдругъ показались ей самыми неопровержимыми доказательствами шашней между ея дочерью и постояльцемъ. А что, думала она, если Дунышка-то и въ-самомъ-дѣлѣ тово.... вѣдь я на ней живаго мѣста не оставляю, да и тому замухрышкѣ птицынскую дорожку устрою.

При этомъ въ воображеніи ея живо промелькнула блестящая будущность въ качествѣ тещи городского. Желая поправить дѣло и между тѣмъ уничтожить въ сосѣдкѣ всякое подозрѣніе на счетъ ея постояльца, она съ жаромъ начала доказывать невозможность связи, опираясь болѣе всего на то обстоятельство, что Иванъ Петровичъ такой дряхлый

и большой человекъ, что отъ него рѣшительно нельзя ожидать ничего эдакаго.

Хотя сосѣдка, по видимому, и совершенно убѣждена была такими доводами, но однако въ душѣ Марфы Прокофьевны сильно беспокоилась этимъ обстоятельствомъ. У ней не достало даже терпѣнія досидѣть на рынкѣ до урочнаго часа и она поднялась домой фанше обыкновеннаго, съ твердымъ намѣреніемъ подъ строгой пыткой допросить у Дуни полнаго воевсѣмъ признанія.

VI.

Въ то время, когда Марфа Прокофьевна, приближаясь къ своей квартирѣ, обдумывала какимъ образомъ поступить ей въ томъ случаѣ, если бѣда дѣйствительно существуетъ, наши влюбленные молча упивались первыми минутами любви, нѣмѣя всё болѣе-и-болѣе при каждомъ новомъ поцѣлуѣ. Но вотъ Иванъ Петровичъ, собравшись наконецъ съ силами, хотѣлъ было что-то сказать, какъ вдругъ послышался въ кухнѣ скрипъ двери и кряхтѣнье Марфы Прокофьевны.

Такое внезапное появленіе матери испугало обоихъ. Дуня въ одну минуту очутилась подлѣ старухи, хотѣла-было помочь ей втаскивать лотки съ товаромъ, но та оттолкнула ее, спросивши сердитымъ голосомъ — почему до-сихъ-поръ нѣтъ въ комнатѣ огня.

Темнота въ комнатахъ въ такое время, когда вездѣ почти горѣли огни, еще болѣе усилила подозрѣнія Марфы Прокофьевны, и когда подали свѣчу, она окончателно убѣдилась, что въ домѣ происходитъ что-то не ладно. Дуня красная, какъ вишенка, металась по комнатѣ, не зная за-что ирриняться, и старуха почувствовала необходимость тотчасъ-же приступить къ допросу. Освободившись отъ излишнихъ одеждъ, она начала-было прінскивать болѣе удобное орудіе пытки.

Замѣтилъ-ли Иванъ Петровичъ намѣреніе Марфы Прокофьевны, или ему захотѣлось разомъ покончить съ своей судьбой, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, только онъ очень кстати пригласилъ старуху въ свою котнату, подѣ

предлогомъ важнаго дѣла, чѣмъ, разумѣется, и отвратилъ грозу, собиравшуюся надъ спиной его возлюбленной.

Какъ тамъ объяснялся Иванъ Петровичъ съ Марфой Прокофьевной — рассказывать не станемъ, только въ этотъ вечеръ старуха не положила окончательнаго рѣшенія сватовству, отсрочивъ дѣло до утра, вѣроятно, въ намѣреніи обсудить его хорошенько въ теченіе ночи. Впрочемъ, она вышла изъ комнаты Ивана Петровича совершенно успокоенная и отправилась на свою печь, не сдѣлавши Дуни никакого оскорбленія.

Долго и безпокойно тянулась эта ночь для всѣхъ троицъ.

Ивана Петровича такъ ошеломилъ этотъ крутой поворотъ его судьбы, что ему казалось все чѣмъ-то очень страннымъ и несбыточнымъ. Онъ ни какъ не могъ освободиться отъ наплыва различныхъ мыслей то въ опроверженіе, то въ защиту его настоящаго поступка.

Дуня всю ночь находилась подъ влияніемъ той любовной лихорадки, которою обыкновенно одержимы бываютъ дѣвушки послѣ объясненія въ любви.

Марфа Прокофьевна также не могла долго заснуть, раскидывая въ умѣ — который изъ двухъ жениховъ будетъ для нея выгоднѣе.

Съ одной стороны, зажиточный городской представлялся ей съ своимъ ежедневно пополняющимся кошелькомъ, съ тѣми преимуществами, какія онъ могъ представить ей въ выборѣ бойкихъ мѣстъ для торговли на сѣнной площади, и съ тѣмъ почетомъ, какой будутъ оказывать ей сосѣдки и всѣ мелкія полицейскія власти.

Съ другой стороны, лестное для ея самолюбія положеніе тещи чиновника немало также склоняло ее на сторону Ивана Петровича, который имѣлъ еще то превосходство предъ Анисимомъ Дмитричемъ, что при счастья могъ возвысится Богъ знаетъ до какой степени, а положеніе Анисима Дмитрия было неподвижно. Къ тому-же она знала уже Ивана Петровича за человѣка смирнаго и добраго, а Анисимъ Дмитричъ, какъ вообще всѣ городовые, представлялся ей чѣмъ-то очень грознымъ и опаснымъ.

Когда-же Марфа Прокофьевна заснула, ей привидѣлся

сонъ, будто Дуня уже за Иваномъ Петровичемъ, а оскорбленный Анисимъ Дмитричъ, мстя за отказъ, гоняетъ ее, старуху, по всей сѣнной площади, ни минутой не позволяя остановиться на мѣстѣ. Тутъ Марфа Прокофьевна проснулась и въ испугѣ оставила побѣду за городовымъ.

Но потомъ, когда заснула въ другой разъ, ей пригрѣзлось, что Дуня за Анисимомъ Дмитричемъ, который оказался такимъ злодѣемъ, что не только не даетъ ей денегъ на торговые обороты, но даже совсѣмъ не позволяетъ торговать, находя это оскорбительнымъ для своего званія, и вынуждаетъ еще притомъ занять въ его домѣ обязанность кухарки.

Это было уже подь утро, и Марфа Прокофьевна, проснувшись окончателно, на отрѣзъ отказала городовому, изъ опасенія сбыточности послѣдняго сновидѣнія.

Проворно спустившись съ печи, она тотчасъ-же подняла всѣхъ на ноги и передала Дуню Ивану Петровичу еще не причесаную, что не помѣшало, однако, влюбленному жениху осыпать заспанное личико своей невѣсты безчисленными поцѣлуями, въ присутствіи самой Марфы Прокофьевны, которая, при этомъ, безпрестанно твердила, сладко улыбаясь: «полно тебѣ лизать-то, успеешь еще; дай ей хоть самоваръ-то поставить.»

Между Марфою Прокофьевною и Иваномъ Петровичемъ порѣшено было, что-бы свадьба не нарушала прежняго порядка вещей и занятій каждаго. Все должно было оставаться по прежнему, за исключеніемъ только приведенія маленькой коморки въ положеніе, соответствующее спальнѣ женатаго человѣка.

Въ этотъ день Марфа Прокофьевна, на радостяхъ, не выходила уже на рынокъ. Богъ знаетъ — какимъ образомъ вѣсть о помолвкѣ Дуни разнеслась въ тоже утро по всѣмъ сосѣдямъ, и Марфа Прокофьевна весь день занята была угощеніемъ кофеемъ своихъ сосѣдокъ, приходившихъ къ ней съ поздравленіями.

Въ числѣ первыхъ явилась Маша. Цѣлый часъ егозила она то передъ Дуней, то передъ Иваномъ Петровичемъ, наполняя комнаты своимъ звонкимъ хохотомъ и расточая раз-

личныя шуточки на счетъ ихъ будущей брачной снѣзки, отъ которыхъ Дуня безпрестанно красѣла. Потомъ, улучивъ минуту, когда Дуня оставалась одна въ комнатѣ, она съ таинственностью спросила: «что онъ (т. е. Ив. Пет.) такъ вдругъ поворотилъ — начальство что-ли заставило?»

— Какъ тебѣ не стыдно, Маша, говорить такой вздорь! — отвѣчала Дуня — съ какой стати начальство тутъ вмѣшиваться станетъ? захотѣлъ — вотъ и женится.

— Полно тебѣ хитрить-то! — возразила Маша, щелкнувъ Дуню по губамъ своимъ маленькимъ пальчикомъ, — ты думаешь я не знаю, что ты давно ужъ была занята имъ.

Маша почему-то составила себѣ понятіе, что каждому браку непременно должно предшествовать какое-либо понудительное обстоятельство.

Дуня обидѣлась такимъ замѣчаніемъ Маши и не отвѣчала больше ни на одинъ вопросъ.

— Вишь какъ надулась, — подумала Маша. Еще не сдѣлалась чиновницей, да говорить не хочетъ, а послѣ ужъ не подступись къ ней, — и тотчасъ пошла разносить по всему дому свои замѣчанія на счетъ прежней жизни Дуни.

Впрочемъ, мнѣніе, высказанное Машей по поводу настоящаго брака, было общее. Его развивалъ всякій по своему и поддерживали всѣ жильцы обухинскаго дома, не потому, однако, чтобы къ этому имѣлись какія-либо основанія, но, вѣдь, надо же отыскать причину рѣшимости чиновника жениться на солдатской дочери, и не искать-же этой причины въ числѣ хорошихъ, когда дурная сама въ ротъ лѣзеть.

VII.

— Вотъ она, живучесть-то какова въ нашемъ братѣ! — кричалъ Андрей Андрейчъ Совинъ на весь департаментъ, когда Шатровъ, явившись послѣ болѣзни на службу, обнаружилъ намѣреніе просить разрѣшенія на женитьбу. — Вотъ они гдѣ обитаютъ настоящія-то сильныя натуры! Иной, повстрѣчавшись лицомъ-къ-лицу со смертью, долго еще не можетъ опомниться отъ страха: обрѣкаетъ себя на долгую діету, труситъ самыхъ безвредныхъ вещей. А нашъ братъ, промну поворно,

едва успѣлъ околематся и вотъ какую опасную исторію за-
гнѣлъ. Молодецъ братъ Иванъ Петровичъ! скачи себѣ сле-
ди голову изъ огня да въ нольми — можетъ скорѣе вы-
прыгнешь на свѣжій воздухъ. Проси братъ, проси скорѣй
разрѣшенія, и если встрѣтишь препятствіе, — я за тебя ста-
ну горой.

— Я понять не могу, для чего вы женитесь! — возразилъ
начальникъ отдѣленія Шатрову, когда тотъ сталъ просить у
него позволенія. — При вашихъ средствахъ женитьба — это
верхъ безразсудства. Я не знаю, почему у насъ нѣтъ зако-
на, который-бы положительно воспрещалъ бѣднымъ людямъ
жениться! Это было-бы самымъ радикальнымъ средствомъ
противъ размноженія нищихъ.

Шатровъ хотѣлъ было что-то говорить, но сконфузился,
замаялся. Въ эту минуту явился на выручку Андрей Андре-
ичъ.

— Помилуйте, Михаилъ Васильевичъ (такъ звали началь-
ника отдѣленія), вы хотите отнять у бѣдняка послѣднее удо-
вольствіе. У васъ есть средства и на театры, и на карты,
и на вино, и на субретокъ разныхъ. Ко всѣмъ этимъ удо-
вольствіямъ жена вамъ прибавитъ немного. У бѣдняка-же
жена — это единственное наслажденіе въ жизни. Иному, сер-
дечному, и книги негдѣ добиться, чтобы развлечь себя, — а
жена — это такая живая книга, — читай только да почиты-
вай: тутъ и романъ, и драма, и комедія, и счастье, и ужа-
сы — не тѣмъ такъ другимъ развлечешься. Да я и не знаю,
почему вы женитьбу не считаете такою-же потребностью,
какъ пить, ѣсть, дышать чистымъ воздухомъ.

— Но согласитесь-же, наконецъ, что если ужъ женитьба,
по вашему мнѣнію, есть такая важная необходимость, — за-
мѣтилъ, улыбаясь, Михаилъ Васильевичъ; — то я, по-крайней-
мѣрѣ, не вижу необходимости жениться на солдатской дочери.

— Это отъ того, Михаилъ Васильевичъ, что вы не хо-
тите хорошенько вникнуть въ наше положеніе, — отвѣтилъ
Андрей Андреичъ. — Гдѣ-же бѣдняку-чиновнику выбирать себѣ
жену по званію, по происхожденію. Развѣ онъ можетъ по-
казаться куды-нибудь въ мало-мальски порядочное общество
въ своемъ засаленномъ вицъ-мундирѣ? По неволѣ долженъ

вертѣтся посреди торговокъ, да солдатокъ. Мы такъ поставлены судьбой, что намъ только и можно жениться на такой женщиѣ, которая-бы могла быть для насъ и кухаркой, и прачкой, и нянькой, если явится потомство. А кто же согласится безропотно переносить всѣ эти обязанности, какъ не та, которая съ дѣтства привыкла ко всѣму этому, Скажите, господа, кто изъ васъ рѣшился-бы отдать свою дочь въ такое замужство? — добавилъ Совинъ, обращаясь къ другимъ чиновникамъ. — Мы всѣ вѣдь любимъ воспитывать своихъ дочерей такъ, что только богатому мужу подѣ силу выполнять всѣ ихъ причуды. Другой изъ кожи лѣзетъ, въ долгу по маковку, а дочки въ шелку, съ французскимъ проносомъ, съ итальянской трелью, да съ листовской манерой въ игрѣ. Придетъ пора — выдавать замужъ надо, а онѣ и чулка заштопать себѣ не умѣютъ. Да на чиновника еще и смотрѣтъ не хотятъ — давай офицера, да еще мало простаго — гвардейца подай, гусара, кавалергарда. Развѣ ужъ потомъ, когда лѣтъ подѣ тридцать стукнетъ, спустятся до нашего брата, да и то не приведи Богъ злomu татарину такого счастья. По моему Шатровъ умно дѣлаетъ, что женится не на чиновницѣ; по-крайней-мѣрѣ упрекать не будетъ недостатками.

— Причина основательная, но тѣмъ не менѣе печальная, — заключилъ Михаилъ Васильевичъ. — Впрочемъ, собственно говоря, мнѣ нѣтъ надобности разбирать — кто на комъ женится, и если я возставалъ противъ намѣренія Шатрова, такъ собственно въ огражденіе себя отъ этихъ безпрестанныхъ надобданій о пособіяхъ. Женятся, да потомъ и пойдутъ попрошайствовать то на крестины, то на похороны.

— Ну ужъ умремъ-то мы какъ-нибудь и сами, безъ вашей помощи, — замѣтилъ смѣючись Андрей Андреевъ, — а вотъ теперь-то не мѣшало-бы оказать Ивану Петровичу какое-нибудь пособіе, хоть по тому уваженію, что такая оказія случается съ человѣкомъ не часто.

Женитьба почему-то намъ представляется всегда самымъ труднымъ предпріятіемъ въ жизни, особенно для человѣка бѣднаго; между-тѣмъ какъ на дѣлѣ выходитъ, что тутъ вся штука состоитъ въ рѣшимости. Родиться, умереть похри-

стіански, бѣдному человѣку куды-какъ трудно, безъ содѣйствія существующихъ на этотъ предметъ правительственныхъ учреждений; но для пособія, при устройствѣ браковъ, не встрѣчается и надобности ни въ какихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, потому - что человѣчество само какъ-то падко на содѣйствія въ подобныхъ случаяхъ.

Ивану Петровичу, при всемъ несочувствіи къ его жепитьбѣ нач. отдѣленія, дали какую-то чрезвычайную награду, какъ - будто, въ теченіе всей служебной дѣятельности его жепитьба была самымъ полезнымъ подвигомъ для службы.

Для Дуни щедрой рукой развязала свой кошелекъ крестная мать; явился еще со стороны какія-то благотворительницы, и свадьба Шатровыхъ, противъ всякаго ожиданія, сладлась безъ затрудненій.

Гардеробъ молодыхъ былъ возобновленъ и значительно укомплектованъ; квартира прибрана какъ слѣдуетъ, и самая свадьба сыграна была даже съ нѣкоторою роскошью, потому - что на вечернемъ пирѣ подавались фрукты, конфекты и какое-то шпичее вино.

Гостей на свадьбѣ было немного, но зато несмѣтное число зрителей придавалъ ей много торжественности.

Еще не былъ приведенъ къ надлежащему окончанію туалетъ жениха и невѣсты, а ужъ все населеніе обухинскаго дома, кромѣ развѣ стараго да малаго, ожидало въ церкви появленія Дуни и Ивана Петровича, и потомъ, когда кончилось вѣнчанье, вся масса зрителей такъ быстро перенеслась къ квартирѣ молодыхъ, что когда возвратился свадебный поѣздъ, шаферу стояло большихъ усилій проложить сквозь толпу дорогу для молодыхъ.

На вечерѣ не было ни музыки, ни слѣдовательно танцевъ, но при - всемъ - томъ картина угощенія была, должно - быть, очень увлекательна, потому - что многочисленная подоконная публика не рѣшалась покидать занятыхъ ею мѣстъ до-тѣхъ-поръ, пока не разошлись всѣ гости.

Невѣста, разумѣется, была очень интересна, какъ и всѣ на свѣтѣ невѣсты; женихъ весель и любезень, какъ прилично быть всякому жениху, и хотя острая на зубокъ подоконная публика находила въ обоихъ кой-какіе недостатки,

но вообще къ новобратнымъ она была снисходительна, и замѣчанія свои дѣлала какъ будто-бы только изъ участія къ молодой четвѣ. Вся-же крупная соль доставалась на долю Марфы Прокофьевны и шаферовъ.

«Вишь ты какъ носъ-то подвысила, говорили про Дудыриху, словно гусыня ходить.»

«Какъ ей не подвысить: я-ли, не я-ли дочь за чиновника отдаю; земли, чай, подъ собою не слышитъ.»

«А и чваниться-то нечего-бы было: голь, говорятъ, неисходная женихъ-то. Чѣмъ въ дворянство-то лѣзть, отдавай хотъ за мужичка, да чтобъ въ карманѣ-то было по толще.»

«Городовой, слышь, сваталъ, такъ куды тебѣ и слышать не хотѣла.»

«А дѣло-то бы лучше было; покрайности, хотъ самой-то, на старости лѣтъ, было гдѣ голову приклонить.»

«Постыдилась-бы на свѣтъ-то Божій смотрѣть, страшица эдакая! Покойникъ-то копилъ, копилъ — а все прахомъ пошло.»

«Писаря, говорятъ, содержала — вотъ и выпустилъ въ трубу.»

«А шаферовъ-то откудава эдакихъ выписали? Не ужели чиновники-то все такіе бывають? — и ступить-то порядкомъ не умѣють.»

«Чѣмъ-бы гостей посмѣшить, да позабавить, а у нихъ точно замки на губахъ навѣшаны; знай только на-дворъ папироски курить бѣгають.»

Неумолимѣ всѣхъ въ отношеніи къ шаферамъ была сначала черноглазая Маша, но гнѣвъ ея скоро прошелъ, когда одинъ изъ нихъ, болѣе липшій до женскаго пола, догадался поднести ей нѣсколько помятыхъ въ карманѣ конфетокъ, обильно пересыпанныхъ табачными крошками.

Вообще этотъ вечеръ былъ эпохой для жильцевъ бухинскаго дома, и замѣчательнъ тѣмъ, что всѣ участвовавшіе въ пиршествѣ разошлись по домамъ трезвые, хотя и было что выцить на сватбѣ, а многіе изъ зрителей, Богъ знаетъ съ какой радости, перепились на собственный счетъ. И долго потомъ, почти весь медовой мѣсяць, не умолкали въ-

этомъ домѣ, тожи и пересуды по поводу сватъбы Ивана Петровича и предъявленныхъ Марью Проконьевною кой-какихъ доказательствъ, фактически-опровергавшихъ всѣ дурные слухи относительно поведенія Дуни до ея сватъбы.

Безъ сплетней и толковъ о сватъбѣ Шатрова не обошлось и между его сослуживцами. Кто-то пустилъ въ ходъ исторію о его женитьбѣ съ разными прибавленіями, для красоты разказа. Переходя изъ устъ въ уста, исторія эта пополнялась, событія перепутывались, подставлялись новыя лица и, между прочимъ, явилась какая-то важная особа, имѣвшая, будтобы, по нѣкоторымъ темнымъ отношеніямъ къ Дунѣ, сильное вліяніе на ея судьбу. Дуня провозглашена была красавицей, и вслѣдствіе этого, Ивану Иетровичу, нѣкоторое время, отбоя не было отъ соискателей дружбы и знакомства. Иному запада мысль поволочиться; иному хотѣлось такъ только посмотреть, полюбоваться на красоту.

Такое желаніе, впрочемъ, очень естественно. У насъ вообще красавица не совсѣмъ обыкновенное явленіе. Типъ древне-русской красоты—румяныя щеки, длинная коса, соболиная бровь, лебединая поступь—въ настоящее время какъ-то потерялъ свою цѣну. Наши доморощенные красавицы Танюшки, Вѣрочки, Людмилочки уступили теперь мѣсто Вильгельминамъ, Агатамъ, Сесиліямъ.

Впрочемъ, и въ старину красавица, надо полагать, была очень рѣдкое явленіе, а то зачѣмъ-бы русскимъ Царямъ, въ оныя времена, на случай женитьбы, созывать дѣвицъ со всѣхъ концовъ царства. Вѣроятно, вблизи себя выбрать было не изъ чего.

При этомъ, нужно замѣтить, что вообще красавица не дѣлаетъ романа, если можно такъ выразиться.

Красавица-дѣвушка.— не успѣваетъ. При первыхъ-же признакахъ потребности любви, ее тотчасъ-же выдаютъ за-мужъ, къ чему, разумеется, никогда не встрѣчается препятствій, потому что у красавицы всегда много выгодныхъ претендентовъ на ея сердце и руку.

Красавица-жена — всегда подъ строгой опекой мужа, который сторожитъ ее, засыпая на одинъ только глазъ; влится съ ней какъ съ ребенкомъ, хитро отводитъ, преду-

преждаетъ всякое на нее покушеніе, и наконецъ, для большей безопасности, придумываетъ кринолинъ.

Красавица-вдова — вотъ казалось-бы существо, способное для свободной любви, для интригъ, для романа; но выходитъ напротивъ. Красавица составляетъ какое-то общее достояніе человѣческаго рода. Чловѣкъ гордится ею, какъ идеаломъ совершенства своей породы. Онъ бережетъ ее, какъ рѣдкость, какъ лучшее созданіе. Гдѣ ни появишься красавица она вездѣ замѣчена, вездѣ на нее смотрятъ во сто глазъ. И свой и чужой — кто изъ зависти, кто изъ любви и ревности, слѣдятъ за каждымъ ея словомъ, за каждымъ движеніемъ. Ей невозможно сдѣлать что-нибудь тайно; ей трудно сохранить даже тайну сердца — прочтутъ на лицѣ, въ глазахъ, во вздохѣ. Что простятъ или не замѣтятъ въ обыкновенной женщинѣ, того не простятъ красавицѣ. Ее тѣснить, пугаетъ эта всеобщая опека и она сама торопится выйти поскорѣе за перваго, мало-мальски сноснаго чловѣка.

Такова участь красавицы семейной; но красавицы свободныя, которыя такъ быстро носятся по Невскому проспекту въ щегольскихъ экипажахъ, еще менѣе способны для романа. Исторія ихъ любви всегда очень коротка и безъ особенныхъ тревоженій.

Красавица Мина еще ребенокъ, но ужъ она на примѣтъ; ждуть только необходимаго развитія.

«Въ тебя, Мина, влюбленъ такой-то господинъ» говорятъ ей, когда настанетъ пора. «Хочешь жить по уши въ удовольствіяхъ, имѣть богатую квартиру, экипажъ и кататься какъ сыръ въ маслѣ?» и Мина, безъ борьбы, безъ увлеченія, безъ любви, безъ сознанія поступка, бросается на эту приманку. А тамъ вся жизнь: рядъ маскарадовъ, ужиновъ съ шампанскимъ и катаній по Невскому проспекту. Позже, быть можетъ, и проснется сердце, потребуетъ любви безъ золота, безъ шикъ, потребуетъ романа; можетъ и будетъ романъ, да только ужъ тогда Мина не красавица — красота полиняла. Красота, изволите видѣть, любить, чтобы ее берегли, лелѣяли, прятали отъ холода и зноя, а не мыкали

безъ устали по бѣлому свѣту, и это во всемъ, въ людяхъ, въ природѣ, въ вещахъ.

Нѣтъ, наши русскія героини романовъ — это женщины золотой середины, которыя имѣютъ также не менѣе утѣшительныя и лестныя для ихъ самолюбія названія *хорошенькихъ*, *миленькихъ*. Ихъ любятъ также горячо, но болѣе спокойно, безъ лихорадки, безъ сумасшествія, безъ самоубійствъ. Отъ того и нашъ русскій романъ безъ яда, безъ кнжаловъ, и много что съ дуелью.

Женщины этой середины не возбуждаютъ общаго восторга, общаго сочувствія. Онѣ правятся немногимъ, по вкусу. Онѣ болѣе свободны; за ними нѣтъ общаго присмотра. Онѣ, разумѣется, всегда недовольны тихой любовью, ищутъ огненной страсти, любовной горячки. Добиваясь этого, заводятъ интриги, влюбляются, обманываются, страдаютъ и тайно и открыто, и попадаютъ въ романъ.

VIII.

Первый годъ женитьбы Ивана Петровича протекъ какъ длинный медовой мѣсяцъ. Супруги блаженствовали, благословляя судьбу и вовсе не замѣчая тѣхъ недостатковъ, которые проглядывали ипогда въ ихъ скудномъ хозяйствѣ.

Иванъ Петровичъ какъ-то ожилъ, обновился послѣ женитьбы. Въ немъ исчезла та апатія къ жизни, которая начала была овладѣвать имъ въ послѣдніе годы. Онъ сталъ дѣятельнѣе, заботливѣе прежняго; началъ даже заниматься своею наружностію. Съ платья исчезли пухъ и собственно-ручныя зашивки; появились бѣленькія манишечки, шелковые галстучки женовой работы; въ карманѣ завелась складная гробеночка. Вообще, во всей наружности его проглянула благопристойная чистота и опрятность.

При всемъ томъ, какимъ хозяиномъ вдругъ сдѣлался Иванъ Петровичъ. Прежде, бывало, онъ не зналъ — гдѣ какую вещь слѣдуетъ купить и вовсе не умѣлъ торговаться. А тутъ вывѣдалъ всѣ мышинныя норки различныхъ рынковъ и бился по цѣлому часу съ продавцами, выторговывая какую-нибудь копѣйку.

Къ концу года Дуня обрадовала мужа сыномъ; но такая радость у бѣдняка всегда ведетъ за собою много горя. Появленіе новаго лица въ семействѣ потребовало, какъ водится, на свою долю новыхъ издержекъ, а между-тѣмъ средства уменьшились. Дуня, ухаживая за домомъ и за ребенкомъ, не могла уже много заниматься работой. Грошевая торговля Марфы Прокофьевны, всегда бесполезная, не дѣлала никакого подспорья въ хозяйствѣ и единственнымъ источникомъ существованія оставалось одно жалованье Ивана Петровича семнадцать съ полтиной въ мѣсяцъ.

Съ появленіемъ дѣтей, Марфа Прокофьевна сдѣлалась невыносимо злой и сварливой старухой. Безпрестанно бранилась, ей хотѣлось даже бить ребенка и это обстоятельство принудило Шатровыхъ разойтись съ ней, и поселиться, ради дешевизны квартиры, въ галерной гавани.

Такъ прошло четыре года въ постоянныхъ трудахъ и лишеніяхъ всякаго рода. Какъ ни старался Иванъ Петровичъ обратить на себя вниманіе своимъ неутомимымъ усердіемъ и трудами по службѣ — ихъ какъ-будто не замѣчали.

Между-тѣмъ домашнія обстоятельства Шатровыхъ годъ-отъ-году становились все хуже-и-хуже. Семейство умножалось, потребности росли, а средства не увеличивались. Дуня, отъ постоянныхъ заботъ и лишеній начала чахнуть, прихварывать. У дѣтей отъ сырости и холода сильно развилась англійская болѣзнь, и нужда начала проявляться во всемъ своемъ отвратительномъ видѣ.

Но что съ тобою случилось Иванъ Петровичъ въ эти четыре года семейной жизни! Ты состарѣлся не вовремя, опустился, поглупѣлъ какъ-будто, смотришь такимъ чудачкомъ и ужъ начинаешь дѣлаться предметомъ шуточекъ и насмѣшекъ для своихъ товарищей.

Куда дѣвалось въ тебѣ это щекотливое самолюбіе, эти честные помыслы о жизни, о службѣ, которые такъ рѣзко отличали тебя, въ первые годы службы, отъ прочихъ соотаварищей, потерявшихъ уже, подъ вліяніемъ гнетущихъ обстоятельствъ, сознаніе собственнаго достоинства и вѣру въ честное дѣло и прямой путь. Я помню, какъ оживлялось-бывало румянцемъ твое блѣдное лицо; какимъ живымъ огнемъ

загорались твои умные каріе глаза, когда тебѣ дѣлали какое-нибудь не-деликатное замѣчаніе, — а теперь тебя почти бранятъ, бросають въ лицо бумагу и ты молчишь, какъ истуканъ и бессмысленно хлопаешь глазами, не смѣя выговорить слова въ свою защиту.

Ты ужъ начинаешь лѣниться и безпрестанно не являешься на службу. Правда, ты сдѣлался отличной нянькой, расторопной кухаркой, но это не годится для службы; тебя выгонять вошь съ этими качествами.

Но это еще ничего, ты умерь-бы съ голода — это не запрещается; по-крайней-мѣрѣ умерь-бы честнымъ человѣкомъ, а то посмотри, что ты такое теперь дѣлаешь! Вспомни, съ какимъ ожесточеніемъ возставалъ ты всегда противъ взяточничества; какими жестокими укоризнами осыпалъ ты тѣхъ, кто беретъ взятки и тѣхъ, кто хоть слово скажетъ въ защиту взяточничества; но теперь, зачѣмъ ты теперь выбѣжалъ такъ проворно въ переднюю и о чемъ такъ таинственно шепчешься съ этимъ бородатымъ подрядчикомъ? Отъ чего у тебя вдругъ сдѣлалось такое подлое выраженіе лица, какого не замѣчалъ я прежде. Покажи, что ты такъ судорожно сжимаешь въ рукѣ. А! это деньги! это взятка! Вотъ до чего дошло: ты рѣшился продать канцелярскую тайну, ты продалъ свое честное имя!

Но чтоже значить эта необыкновенная блѣдность въ твоёмъ лицѣ? Отъ чего ты весь дрожишь, какъ осина, и заикаясь, едва произносишь обѣщаніе твоему соблазнителю? А! въ тебѣ зашевелилась совѣсть, тобою овладѣлъ страхъ! ты не знаешь куда запрятать свою добычу и то кладешь се въ карманъ, то суешь между бумагой. Тебѣ мерещится, что всѣ ужъ узнали о твоей подлости; тебѣ кажется, что всѣ товарищи смотрятъ ужъ на тебя съ пренебреженіемъ, сей-часъ схватятъ тебя, будутъ обыскивать и закуютъ въ кандалы... бѣги-же скорѣе, бѣги вонъ изъ департамента, и, разумѣется, въ трактиръ, обыкновенное убѣжище твоихъ новыхъ собратій. Тамъ жгучій коньякъ или горькая березовка угомонятъ твою проснувшуюся совѣсть; тяжелый хмѣль отуманитъ опозоренную голову, елюдой застелетъ твои и такъ уже пому-

тившіеся глаза и тогда, по-крайней-мѣрѣ, не такъ стыдно будетъ тебѣ смотрѣть на Божій свѣтъ.

Я отворачиваюсь отъ тебя Иванъ Петровичъ съ этой минуты. Во мнѣ исчезаетъ то участіе, которое возбуждено было твоимъ жалкимъ существованіемъ.

Но куда-же ты идешь однако? Ты поверотилъ на дровяной дворъ, — не ужели твоя квартира не топлена? ты забѣгаешь въ лавки, покупаешь мяса, хлѣба, осьмушку чаю, фунтикъ сахару — неужели у тебя дома нѣтъ ничего этого и семейство голодаетъ безъ пищи? Ты самъ украдкой отламываешь кусочки хлѣба и съ жадностью глотаешь ихъ на морозѣ — неужели ты самъ ничего не ѣлъ еще? Боже мой! Боже мой!! не ужели я опять долженъ пожать твою руку, сей-часъ оскверненную взяткой. Нѣтъ! Нѣтъ! я этого не сдѣлаю, хотя я и видѣлъ съ какою жадностію малютки твои принялись уплетать принесенныя тобою булки, грѣясь передъ пылавшимъ въ печи огнемъ, и какъ горько рыдалъ ты, рассказывая женѣ — откуда добылъ деньги. Я расскажу обо всемъ людямъ и пусть они рѣшаютъ своимъ судомъ — обнять или оттолкнуть я долженъ тебя несчастный Иванъ Петровичъ.

IX.

Если ѣхать по большому проспекту Васильевского Острова на западъ, то когда минуешь десятка-два такъ называемыхъ линій, на право откроется обширное Смоленское поле, а далѣе потянется прямая, ровная пшть деревянныхъ заборовъ. Дорога будетъ идти подлѣ этихъ заборовъ и доведетъ до самаго взморья, или до залива, почему-то прозваннаго моряками Маркизовой лужей. По направленію этой дороги поле оканчивается у предмѣстья, называемаго галерною гаванью и расположеннаго почти на самомъ берегу залива.

Галерная гавань замѣчательна тѣмъ, что въ ней нѣтъ почти дома, который-бы не покривился на-сторону. На каждомъ изъ нихъ видѣется крупными буквами надпись: «простоять можетъ до такого-то года (всего болѣе до 1839)» но, не смотря на то, дома эти существуютъ и понынѣ, что почти можно назвать, жизнью за-гробомъ.

Страшно дѣлается и за себя и за жителей, когда проходить по узенькимъ улицамъ гавани. Такъ вотъ и думается, что сей-часъ обрушится которая-нибудь изъ ближайшихъ лачугъ; но между-тѣмъ онѣ стоятъ въ такомъ положеніи уже очень давно и обитатели ихъ скорѣе готовы умереть подъ ихъ развалинами, нежели переселиться на какое-нибудь другое мѣсто, кромѣ гавани.

Но что-же такъ привязываетъ жителей гавани къ этому мѣсту? Неужели привычка? Тамъ живутъ по-большой-части чиновники и неужели можно привыкнуть ходить ежедневно на службу, версть по 10-ти въ одинъ конецъ, по мокрой петербургской погодѣ, или подвергаться неприятностямъ безпрестаннаго паводненія?.. Вѣроятно, можно.

Мѣсяцевъ восемь въ году сыро, холодно гаваньскому жителю въ его дряхломъ домишкѣ, но за то лѣто вознаграждаетъ его за всѣ эти неприятности. Передъ глазами у него широкое роздолье залива, покрытаго кораблями, пароходами, лодками. Влѣво роскошная панорама Петербурга, съ его дворцами, шпицами и золотыми куполами церквей; направо кудрявая зелень лѣса и кустарника, а позади ровное Смоленское поле.

Какъ только время зайдетъ за вечерни, гаваньскій житель, не стѣсняемый городскими обычаями, выходитъ на берегъ залива въ халатѣ, съ трубочкой въ зубахъ, любоваться вечерней картиной.

Солнце тихо опускается на заливъ со стороны Петерговской дороги, разсыпая по волнамъ свои золотые лучи. Вѣтеръ весь день бушевалъ на заливѣ, разгоняя въ разные стороны сотни бѣлопарусныхъ судовъ, но къ вечеру стихъ. Волны становятся все мельче-п-мельче и наконецъ переходятъ въ чуть замѣтную рябь. Суда, одно за другимъ, освобождаютъ отъ бесполезныхъ парусовъ свои долговязыя мачты и съ шумомъ бросаютъ ко-дну тяжелые якоря. Только неутомимая сила паровъ безустали гоняетъ по заливу дымящіяся пароходы. А солнце плыветъ, между-тѣмъ, надъ водой, опускаясь все ниже-и-ниже. Оно съ каждой минутой становится больше, краснѣе, не грѣетъ, но какъ-то привѣтливѣй смотритъ на землю и, на прощаньи, позволяетъ смот-

рѣтъ на себя человѣку не прищуривши глаза. Но вотъ, далеко, далеко, у Кронштата коснулось оно до поверхности моря и, играя пунцовымъ лучомъ, погрузилось въ холодныя волны. Надъ нимъ загорѣлась румяная зорька и гряды сѣдыхъ облаковъ потянули по сѣрому небу, рисуя вдали испанскія горы.

Потухла заря. Съ береговъ потянулись туманы густые. Сумерки скрыли отъ глазъ всю окрестность залива и гаваньскій житель бредеть до калитки сосѣда поболтать кой-о-чемъ передъ сномъ.

Еще не пробила и полночь, а ужъ гавань покоится сномъ. На улицахъ тихо и не видно живой души. Только изрѣдка слышится протяжное слуша-ай! часоваго въ сосѣднемъ Адмиралтействѣ; да какой-нибудь гаваньскій Тряпкишъ осторожно прокрадется подлѣ забора на свиданье съ туземною Машей.

Не всегда однако бываетъ тихъ и спокоенъ сошъ гаваньскаго жителя. Настанетъ бурливая осень, подуютъ неугомонныя морскіе вѣтры и по улицамъ гавани безпрестанно начнетъ разгуливать морская волна. Въ это время частенько приходится иному бѣдняку въ полночь перескочивать изъ комнаты на подволоку и тамъ ожидать окончанія потопа.

Но эти потоны имѣютъ также и свою выгодную сторону для гаваньскихъ жителей. Нерѣдко, во время сильныхъ вѣтровъ, на заливѣ разбиваются барки съ дровами и лѣсомъ и весь этотъ товаръ, расплывается по улицамъ гавани, толкаясь въ окна, въ заборы, въ ворота, такъ-что иногда, если какъ-нибудь случайно отворятся ворота, топливо, къ удивленію хозяевъ, само заплываетъ на дворъ и наполняетъ собою разныя клѣтки.

Говорятъ, что бываютъ и такія приключенія. Вдругъ грузная барка врывается въ самую середину слободы. Дома трещать, заборы ломаются отъ ея разрушительныхъ прикосновеній; жители трясутся отъ страха быть раздавленными; но барка плыветъ себѣ вдоль улицы до-тѣхъ-поръ, пока не завязнетъ гдѣ-нибудь въ узкомъ мѣстѣ!

Въ этой-то слободѣ, въ одной изъ полуразрушенныхъ хижинъ, поселился на житье нашъ Иванъ Петровичъ.

Мѣсяць спустя послѣ того, какъ онъ явился домой съ

своей незаконной добычей, его постигло новое несчастіе. Беременная жена, исправляя домашнія работы, подняла что-то тяжелое. Отъ этого она родила третьяго своего ребенка не доносивши и сильно захворала. Иванъ Петровичъ нѣсколько времени принужденъ былъ оставаться дома, ухаживая за дѣтьми и за больной женой.

Въ одинъ изъ этихъ дней, теплое апрѣльское солнышко, пробиваясь сквозь маленькія окна квартирки Шатровыхъ, освѣщало слѣдующую картину.

Больная Дуня лежала на кровати, закутанная въ одѣяло, сшитое изъ квадратныхъ лоскутковъ разноцвѣтнаго ситца. Въ переднемъ углу, подъ образами, лежалъ, въ маленькомъ розовомъ гробикѣ, умершій младенецъ. На полу, въ плетеной корзинѣ сидѣли на какихъ-то грязныхъ лохмотьяхъ двое другихъ дѣтей. Старшему, Петѣ, было уже три, а сестрѣ его, Сонѣ, два года; по они оба не могли еще ходить, страдая рахитизмомъ. Малытки усердно занимались тарелкою каши, только-что приготовленной самимъ Иваномъ Петровичемъ.

— Папа! маленькому Ванѣ будутъ давать тамъ кушать? — спросилъ Петя отца, указывая на гробикъ.

— Тамъ ему и безъ того хорошо будетъ — отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, съ грустью посмотрѣвъ на умершаго младенца.

— Тамъ ему будетъ лучше нашего. Такъ пойдемте мы всѣ туда за Ваней: и мама, и Соня, и ты, папа, — лепеталъ Петя.

Отецъ и мать что-то хотѣли сказать, но, взглянувъ другъ-на-друга, оба заплакали. Иванъ Петровичъ вышелъ изъ комнаты, а Дуня закрылась одѣяломъ, желая скрыть свои слезы отъ дѣтей.

Смерть новорожденнаго ребенка печалила ихъ, какъ печалитъ потеря дѣтей каждаго родителя; но вмѣстѣ съ тѣмъ они и рады были, что Богъ прибралъ малытку, избавивъ и ихъ и его отъ лишннихъ страданій.

Это послѣднее обстоятельство мучило отца и мать болѣе нежели самая смерть ребенка. Ивану Петровичу горько было смотрѣть на своихъ дѣтей, не имѣя возможности помочь

имъ; но мысль, что онъ, при своемъ положеніи, долженъ желать ихъ смерти — стыдила и убивала его.

Простыя слова Пети: «пойдемте и мы всѣ за Ваней» — тронули его до глубины души. Кажется, это лучше-бы было, подумалъ онъ, и эта грустная мысль вызвала у него потокъ такихъ горячихъ слезъ, какихъ не проливалъ еще онъ въ своей тяжелой жизни.

Выйдя въ другую комнату, Иванъ Петровичъ сѣлъ, облокотясь на столъ, и глубоко задумался.

— Неужели я мало еще тружусь для того, чтобы освободиться отъ той нищеты, которая гнететъ меня и губитъ мое семейство,—спрашивалъ себя Иванъ Петровичъ. Неужели для того, чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, недостаточно одного честнаго труда и я непременно долженъ искать средствъ къ жизни такими путями, какимъ приобрѣлъ эти ненавистные мнѣ десять цѣлковыхъ. Но я чувствую, что неспособенъ на такой промыселъ; я не могу теперь спать спокойно, не могу прямо смотрѣть въ глаза людямъ; меня мучитъ эта взятка болѣе, нежели самая бѣдность. Но что же я долженъ дѣлать?

Въ эту минуту со двора послышался чей-то вопросъ:— «здѣсь живетъ чиновникъ Шатровъ?»

По голосу Иванъ Петровичъ тотчасъ узналъ Андрея Андреевича Совина и перепугался не на шутку. Вообще появленіе экзекутора на дому у чиновника рѣдко предвѣщаетъ что-нибудь хорошее. И тѣмъ-болѣе этотъ визитъ могъ почесться зловѣщимъ для Ивана Петровича, котораго постоянно пугала мысль, что о поступкѣ его съ подрядчикомъ можетъ узнать начальство и выгнать его изъ службы, какъ взяточника.

— Здравствуй любезнѣйшій Иванъ Петровичъ!—сказалъ вошедшій Андрей Андреевичъ.— Не пугайся, братъ, моего посещения, я пришелъ къ тебѣ съ доброю вѣстью: поздравляю тебя съ новой должностью!

Это поздравленіе успокоительно подѣйствовало на Ивана Петровича, который, оправившись отъ испуга, началъ усаживать гостя на единственный стулъ.

— Вотъ видишь-ли что—продолжалъ Совинъ. Ты зналъ Пеленкина, докладчика. Его сіятельство прогналъ его отъ

себя и требуетъ другого чиновника, да чтобы былъ трезвъ, честенъ и сора изъ избы не выносилъ. Мы выбрали, выбрали — лучше тебя никого не нашли — тебя и назначили.

Возвращаясь домой съ своей взяткой, Шатровъ чувствовалъ болѣе страха, нежели стыда. Необходимость проступка была такъ велика, что представляла ему тысячу оправданій, успокоительныхъ для совѣсти. Потомъ, когда семья отогрѣлась и утолила свой голодъ, дѣти повеселѣли, словомъ, тогда только, когда уничтожилась причина, побудившая его на такой поступокъ, Ивана Петровича начали посѣщать грустные мысли и голосъ совѣсти вызывалъ румянецъ на его блѣдныя щеки.

Первый шагъ въ сторону, вынужденный какимъ-нибудь крутыми обстоятельствами, не портитъ еще человѣка. Напротивъ, въ это время въ немъ пробуждается сильная потребность заглядить вину, и онъ дѣлается строже прежняго въ своихъ правилахъ. Чтобы испортить, и окончательно свратить съ пути честнаго человѣка — нужно поставить его въ такое положеніе, чтобы онъ горькимъ опытомъ убѣдился въ невозможности выйти изъ окружающей его тяжелой среды, не измѣнивши своимъ правиламъ.

Когда Андрей Андреечъ объявилъ Шатрову, что онъ избранъ на эту должность какъ честнѣйшій чиновникъ во всемъ департаментѣ, ему такъ стыдно стало, что онъ не могъ взглянуть на Совина. — Чтожъ это, подумалъ онъ, меня хотятъ вознаградить за мою честность тогда именно, когда я потерялъ на это право. Или ужъ судьба сжалилась надо мною и посылаетъ случай заглядить вину.

— Теперь тебѣ, мой милый, — продолжалъ Совинъ, — судьба посылаетъ случай поправить свои обстоятельства. Будешь уменъ, да станешь слушаться насъ, такъ заживешь прищѣвючи.

— Скажите-же мнѣ, въ чемъ будутъ состоятъ мои занятія и какое я буду получать содержаніе по новой должности.

— Ты будешь постоянно находиться при его сіятельствѣ, заниматься исполненіемъ личныхъ его приказаній, докладывать, составлять и переписывать разные секретныя бумаги. Особеннаго содержанія тутъ не полагается. При наградахъ

развѣ прикинуть десятокъ другой. Да вотъ теерь обмундируемъ тебя на казенный счетъ, потому что его сіятельство не можетъ смотрѣть на чиновника, плохо одѣтаго. Впрочемъ, это все вздоръ. На жалованье тебѣ не стоитъ и вниманія обращать. Тутъ есть другая статья, поважнѣе. Ты, я знаю, на взятку неспособенъ, но и не такъ глупъ, конечно, чтобы сталъ отказываться отъ какой-нибудь безгрѣшной благодарности.

Это говорилъ Андрей Андреичъ, по убѣжденію. Онъ ни какъ не могъ допустить мысли, чтобы на свѣтѣ могъ существовать совершенно безгрѣшный чиновникъ, въ отношеніи взятокъ. Онъ дѣлилъ взятки на три категоріи: къ первой относилъ взятку, такъ сказать, насильственную, вынужденную прижимкой и всякими злоупотребленіями; ко второй — предложенную добровольно за какое-нибудь отступленіе отъ закона и порядка; къ третьей — взятку, полученную за то, чтобы только въ дѣлѣ не было допущено неправды и медленности. Эту послѣднюю онъ называлъ благодарностію и считалъ совершенно безгрѣшною.

Сообразно этой классификаціи, онъ и чиновниковъ дѣлилъ на три разряда. Первому онъ самъ не сочувствовалъ; втораго защищалъ, какъ умѣлъ, по своимъ понятіямъ; а къ третьему онъ причислялъ всѣхъ тѣхъ, которые въ общественномъ мнѣніи считались честнѣйшими, въ томъ числѣ и Шатрова.

Мѣсто, на которое назначался Иванъ Петровичъ, было таково, что если-бы онъ сталъ довольствоваться одними только благодарностями, то и тогда могъ-бы жить не нуждаясь, и потому Андрей Андреичъ имѣлъ совершенно основательный поводъ замѣтить, что на жалованье тутъ не стоитъ обращать вниманія. Въ этомъ случаѣ онъ никакъ не думалъ встрѣтить возраженіе со стороны Шатрова и очень удивился, когда тотъ началъ доказывать противное.

— По моему мнѣнію, взятка, подъ какимъ предлогомъ и при какихъ-бы условіяхъ не была взята, есть подлость и преступленіе — возразилъ Иванъ Петровичъ — и слово благодарность употребляется въ этихъ случаяхъ подъячими съ тою собственно цѣлю, чтобы хоть какимъ-нибудь мягкимъ и благовиднымъ названіемъ прикрыть черноту и низость своихъ

поступковъ, и потому мнѣ будетъ очень обидно, если вы Андрей Андренчъ станете считать меня за человѣка, способнаго пользоваться *благодарностями*.

— Прошу покорно, какая бестія этотъ Шатровъ, — замѣтилъ про себя Андрей Андренчъ. Я эдакимъ его не подозрѣвалъ; онъ все простачкомъ такимъ казался, а теперь вишь какую гяль несетъ; должно быть изъ боязни, какъ-бы я не напросился къ нему въ долю. — Полно тебѣ толковать-то о пустякахъ — сказалъ онъ Шатрову, — ты не опасайся меня, любезнѣйшій — тебѣ твое, а мнѣ — мое. Будемъ жить, да ладить, такъ обнимъ хорошо будетъ.

Затѣмъ Андрей Андренчъ простился съ Шатровымъ, условившись о времени, когда тотъ въ состояніи будетъ представиться его сіятельству.

Проводивши гостя, Иванъ Петровичъ поспѣшилъ обрадовать жену извѣстіемъ о своемъ назначеніи. Онъ передалъ ей весь разговоръ свой съ Совинымъ и замѣтилъ при этомъ, что Андрей Андренчъ говорилъ такъ о взяткахъ, вѣроятно, съ цѣлю выпытать его мнѣніе объ этомъ.

— Я почти увѣренъ, что обстоятельства наши улучшатся, — говорилъ Иванъ Петровичъ женѣ. — Да и пора-бы наконецъ: ужъ ты такъ, бѣдная, замаялась, что смотрѣть-то на тебя жалко.

— Что я! мнѣ самой ничего; я привыкла ужъ къ нуждѣ-то. Будь мы одни — я и горя-бы не знала; а то вотъ на этихъ-то смотрѣть иногда сердце кровью обливается, — примолвила Дуня, указывая на дѣтей.

— Они такъ малы, что не понимаютъ еще своего положенія.

— Какъ-же! говори ты — не понимаютъ! Нѣтъ, вотъ ужъ Петя-то частенько поговариваетъ: зачѣмъ ты мнѣ, мама, не сошьешь такой хорошенькой рубашечки, какую онъ на комъ-то видѣлъ. Или дашь когда чернаго хлѣба, такъ не хочеть ѣсть — булочекъ, да крендельковъ просить.

— Ну вотъ, Богъ дастъ поправимся, такъ все будетъ.

— Хорошо, если-бы такъ. А только знаешь-ли, что я тебѣ Иванъ Петровичъ скажу: ты тамъ себѣ сердись — не сердись, а мнѣ кажется Андрей Андренчъ правду сказалъ, что по-

чему-бы иной разъ не принять благодарности, когда человекъ отъ чистаго сердца даетъ?

— Потому и не принять, что — какъ-бы мнѣ тебѣ объяснить — непозволительно, нехорошо. А что дѣйствительно нехорошо, въ томъ убѣждаетъ собственная совѣсть. Вѣдь почему-нибудь мнѣ было-же стыдно взять прошлый разъ десять цѣлковыхъ? А ужъ замѣть: что дѣлать — стыдно, то навѣрное нехорошо.

— Отъ чего-же другіе-то берутъ, да не стыдятся?

— Вѣроятно отъ того, что у нихъ стыдъ потерянь. За-то на нихъ и смотреть не такъ, какъ на честныхъ людей. За то о нихъ и слава дурная въ народѣ ходить.

— А ты вотъ зналъ того чиновника, что противъ насъ — гдѣ мы жили въ Измайловскомъ полку — собственный домъ имѣлъ. Опъ, слышь, прежде такой-же былъ бѣднякъ, какъ и мы; потомъ получилъ какое-то мѣсто, да лѣтъ въ десять и домъ себѣ нажилъ и лошадей завелъ. Однако никто его за это не коритъ; и еще въ какой почетъ вошелъ: у него говорить, генералы въ гостяхъ бывають.

И долго мужъ и жена спорили на этотъ ладъ. Иванъ Петровичъ старался растолковать женѣ, почему именно взятка считается зломъ. Дуня, по обыкновенію, хотя и соглашалась съ нимъ; но въ свою очередь представляла нѣсколько случаевъ, гдѣ взятка могла считаться безгрѣшною.

X.

Благодаря заботливости Андрея Андреича, Шатровъ, черезъ нѣсколько дней, представленъ былъ его сіятельству въ костюмѣ, возобновленномъ до ниточки. Наружность Ивана Петровича показалась непротивною; остались также довольны и его способностями; не нравилась только его робость, или какая-то оторопѣлость, растерянность, въ тѣ минуты, когда его сіятельство изволилъ гнѣваться.

Это происходило въ Шатровѣ сколько отъ страха столько и отъ оскорбленія. Его сіятельство требовалъ отъ своихъ чиновниковъ какихъ-то странныхъ добродѣтелей. Ему хотѣлось, чтобы они были честны, неподкупны, благородны

и въ тоже время способны переносить самую грубую брань, самое унизительное обращеніе. Шатровъ, конечно, былъ со-всѣмъ не въ такихъ обстоятельствахъ, чтобы претендовать, защищаться. Онъ вооружился терпѣніемъ и готовъ былъ переносить все, лишь-бы спастись отъ той нищеты, которая губила его семью. Безотвѣтная покорность, точное и быстрое выполненіе приказаній, скоро упрочило положеніе Шатрова при его сятельствѣ; но однако семейныя дѣла его нисколько отъ этого не улучшились. Чѣмъ болѣе замѣчали въ немъ усердія и способностей, тѣмъ болѣе обременяли его трудами, и вскорѣ дошло до того, что Шатровъ едва могъ удѣлять часовъ шесть въ сутки для отдыха.

Такъ прошло съ полгода. Домашнія обстоятельства Шатрова стали еще хуже прежняго. Прежде, имѣя много свободнаго времени, онъ могъ, по крайней-мѣрѣ, помогать жепѣ по хозяйству и нянчиться съ дѣтьми, или заработать руб-лишко другой частной перепиской; но теперь онъ все время проводилъ или на службѣ, или дома, за служебной работой.

Ему много предстояло искушеній съ перваго шага его на новую должность. Къ нему являлись съ очень выгодными предложеніями, но онъ постоянно отвергалъ ихъ, надѣясь, что его сятельство не откажетъ обезпечить его положеніе, если узнаетъ о его пуждахъ. Разъ, выбравъ удобную минуту, Шатровъ рѣшился объяснить начальнику о своихъ недостаткахъ и очень удачно. Ему тотчасъ-же велѣно было выдать порядочное пособіе, но только послѣ до него дошли слухи, что его сятельство изволилъ сдѣлать по этому случаю слѣдующее замѣчаніе: «я не понимаю, что это за народъ меня окружаетъ: нельзя никого приласкать, тотчасъ въ кармапъ полѣзутъ».

Послѣ этого Иванъ Петровичъ не рѣшался уже обращаться къ начальнику съ просьбами.

Однажды, окончивъ на службѣ свои занятія, Шатровъ тихо шелъ домой, едва волоча ноги отъ усталости.

— Наше вамъ почтеніе, Иванъ Петровичъ, — проговорилъ кто-то, догнавъ его и клаясь.

Непріятно встрѣчаться съ человѣкомъ, который былъ участникомъ или свидѣтелемъ какого-нибудь неблаговиднаго

поступка. Привѣтствовавшій Шатрова былъ подрядчикъ Тесемкинъ, съ котораго нѣкогда взята была взятка; Иванъ Петровичъ сильно сконфузился, увидѣвъ передъ собою Тесемкина, и, сухо поклонясь ему, прибавилъ шагу.

— Что вы такіе скучные, вѣрно занимались много, устали? — спросилъ Тесемкинъ, забѣжавъ въ глаза Шатрову.

— Да, я усталъ немного — отвѣчалъ тотъ.

— У меня есть до васъ просьба Иванъ Петровичъ, — помогите пожалуйста. Теща захватила женино имѣніе, такъ хочу прошеніе подать. Мнѣ ужъ и написали, да ничего не пойму, человекъ я малограмотный, боюсь какъ-бы подѣ отвѣтъ какой не попасть. Сдѣлайте, батюшка, одолженіе, прочитайте да посоветуйте можно-ли будетъ подать мнѣ эту просьбу.

Иванъ Петровичъ хотѣлъ было отказаться, но, подумавъ немного, согласился. А такъ-какъ нельзя-же было читать просьбу на улицѣ, то долженъ былъ согласиться и на предложеніе зайти въ гостиницу.

Заняли особую комнату; Тесемкинъ приказалъ подать закуску.

— Вы напрасно беспокоитесь — замѣтилъ Шатровъ, — я ничего не пью, и не имѣю времени закусывать.

— Не смѣю неволить васъ бютюшка, Иванъ Петровичъ, — возразилъ Тесемкинъ. — А хоша у насъ у русскихъ людей и есть такой обычай, безъ хлѣба-соли дѣла не дѣлать; но принуждать не смѣю. Вы теперь высоко поднялись, при его сіятельствѣ состоите, гнушаетесь нашимъ угощеніемъ. А право вы напрасно Иванъ Петровичъ чуждаетесь нашего брата, простака. Мы вовсе не такіе дурные люди, какими вы насъ считаете. Если-бы захотѣли узнать насъ покороче, можетъ быть и полюбили-бы.

— Я не чуждаюсь васъ, и отказываюсь потому, что тороплюсь домой: меня ждутъ жена и дѣти обѣдать.

— Э, батюшка, они, я думаю, разъ пять ужъ позавтракали до васъ, такъ имъ и подождать нетрудно. Я по своимъ это знаю; у меня вонъ дома подходятъ ѣдять.

Иванъ Петровичъ покраснѣлъ отъ этихъ словъ Тесемкина. Онъ вспомнилъ, что въ настоящее время продовольствіе

его семьи зависить отъ довѣрчивости мелочнаго лавочника, и если тотъ отказалъ дать въ долгъ хлѣба, да крупъ на кашу, то дома у него сидятъ голодомъ.

— А что, вы ужъ теперь, я думаю, Иванъ Петровичъ, не въ такой нуждѣ живете какъ прежде?— спросилъ Тесемкинъ— чай много получаете? Да и есть за что, правду сказать, день и ночь за бумагами просиживаете. А сколько, эдакъ, примѣромъ, тысячки полторы получаете въ годъ?

— Ну ужъ это мое дѣло, сколько я получаю,— сухо отвѣтилъ Шатровъ, обидѣвшись такимъ нескромнымъ вопросомъ Тесемкина.

— Вотъ то-то и есть, Иванъ Петровичъ, тебѣ стыдно сознаться сколько ты получаешь, да и не надо, мы все знаемъ— сказалъ Тесемкинъ, перемѣнивъ вдругъ тонъ разговора и поддернувъ къ верху рукава.— Мы все знаемъ, что у тебя дома-то дѣлается. Я тебя зазвалъ сюда вовсе не за тѣмъ, зачѣмъ говорилъ. Сохвасталъ, грѣхъ принялъ на душу, жалѣючи тебя, за тѣмъ, что ты добро для меня въ ту-пору сдѣлалъ. Не сердись-ка, да послушай моего глупаго разума. Ты вотъ человѣкъ и хорошій, и умный, а дѣлаешь неладно. Семья-то вотъ твоя безъ хлѣба теперича сидитъ, а ты все спѣсь свою дворянскую потѣшаешь, да какую-то необнакавленную честность блюсти надсаждаешься. А рази, это честно морить дѣтей-то съ голоду. Они вѣдь тѣмъ только передъ тобой и виноваты, что по твоей милости на свѣтъ родились. Стыдно тебѣ, Иванъ Петровичъ, не жалѣть ихъ. Вонъ птица, говорятъ, такая есть— еще вашъ братъ на пуговицахъ носить— грудь, слышь, себѣ расклевываетъ, да плотью своей дѣтеньшей-то откармливаетъ, а тебѣ вотъ не хочется отступить для нихъ отъ своего упрямства; добро-бы прежде этого не случилось.

Шатрова сильно озадачила эта неожиданная выходка. Тесемкинъ затронулъ самую чувствительную струну его сердца. Иванъ Петровичъ горячо любилъ свою семью, и ему самому не разъ приходили въ голову тѣ мысли, которыя теперь высказалъ Тесемкинъ. Сдѣлай такой упрекъ человѣкъ близкій, Шатровъ-бы не оскорбился; но ему обиднымъ по-

казалось слышать это отъ Тесемкина, человѣка совершенно посторонняго.

— Къ чему ты все это говоришь мнѣ, борода, — сердясь возразилъ Иванъ Петровичъ. — Какое ты право имѣешь вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла, развѣдывать, какъ я живу и давать наставленія? Я знаю, по твоему мнѣнію, человѣкъ можетъ тогда только быть честнымъ, когда ему нѣтъ причины подличать. Тебѣ не понятно удовольствіе, когда бѣднякъ можетъ сказать себѣ: «я бѣденъ, но имя мое не запятнано никакимъ чернымъ дѣломъ».

— Гдѣ намъ это понимать, — перебилъ Тесемкинъ съ проницей, — мы люди темные, чувства у насъ грубыя; по нашимъ, по грубымъ чувствамъ — чтобы вскормить да взлелѣять свое кровное дѣтище — я не постыдился-бы украсть, если нельзя добыть честно; по нашимъ, по мужицкимъ понятіямъ — вотъ я увидѣлъ, что человѣкъ хорошій въ нуждѣ погибаетъ — такъ надо помочь ему, своимъ добромъ съ нимъ подѣлиться. Ты, вотъ, мнѣ тогда сдѣлалъ услугу-то, кажется, пустую, а я отъ естаго, отъ самаго тышенокъ съ пятокъ нажилъ, — такъ мнѣ теперича, по своимъ по грубымъ мужицкимъ понятіямъ, и грѣхомъ кажется: не подѣлиться съ тобой хоть десятой долей. Возьми, вотъ, отнеси дѣтишкамъ-то, не упрямствуй; порадуй хоть разъ жену-то, замаялась бѣдная.

Тесемкинъ положилъ передъ Шатровымъ пачку билетовъ.

— Я не сержусь на тебя за это предложеніе, — сказала Шатровъ. — Ты разъ заставилъ меня, по нуждѣ, измѣнить своему долгу, и конечно, можешь думать, что и теперь тебѣ удастся подкупить меня; но знай, что поступокъ мой стоитъ мнѣ стыда всей моей жизни, и если я поддался въ то время искушенію, то это потому, что считалъ себя человѣкомъ, на котораго не обращали никакого вниманія, и будь я честенъ или подлъ, никому до этого дѣла не было; но теперь отъ меня требуютъ, чтобы я былъ честенъ и я хочу быть такимъ.

Съ этими словами Шатровъ взялъ фуражку и показалъ видъ, что хочетъ уйти.

— погоди, погоди немного, не сердись, пожалуйста, за хлѣбомъ-солью грѣхъ ссориться, — сказала Тесемкинъ, за-

городивъ дорогу Ивану Петровичу. — Присядь на минутку, выслушай мое послѣднее слово и тогда ступай, куда хочешь.

Шатровъ остался и Тесемкинъ продолжалъ.

— Рази я у тебя требовалъ, чтобы ты сдѣлалъ для меня какую-нибудь подлость за еври деньги? Рази я хотѣлъ подкупить тебя ими на какое-нибудь дурное дѣло? Вѣдь я сказалъ тебѣ, что даю за прошлое. Ты говоришь, что тогда взялъ по нуждѣ, а теперь у тебя меньше, что-ли, нужды-то? Ништо тебѣ теперича лучше отъ евтаго, что на тебя обратили вниманіе. Ты, я думаю, едва черезъ порогъ успѣлъ перешагнуть къ его сѣтельству, такъ на тебя, какъ на вола, навалили работы. А спросили-ли тебя: что, молъ, какъ тамъ дома-то у тебя — есть-ли чѣмъ жить-то? И въ голову, чай, не пришло. Знаемъ мы, какъ о вашемъ братѣ заботятся. Говоришь, что взять стыдно — а рази у тебя покойище будетъ на душѣ-то, когда придешь домой съ пустыми руками — дѣти запрасятъ ѣсть, а тебѣ дать нечего? Слушай, братъ, Иванъ Петровичъ, не дури, возьми деньги; послѣдній разъ тебѣ говорю, возьми; я не тебѣ ихъ даю, а дѣтямъ; не возьмешь — самъ разсержусь на тебя, опозорю. Буду трубить во все горло — вотъ, молъ, дурачина какой проявился: одинъ разъ взялъ, а въ другорить давалъ — отказывается. Какъ ты думаешь, хорошо это будетъ?

Иванъ Петровичъ не на шутку перепугался этой угрозы. Онъ не нашелся даже, что возразить Тесемкину, — и тотъ продолжалъ:

— Да что это, въ-самомъ-дѣлѣ, откудава это понича взялась такая мода, взятки-то охудать. очень, такъ-сказать, хлѣбъ насущный чиновника поипирать погами. Жили-же, вѣдь, люди въ старину-то, не одинъ вѣкъ, и брали, и давали, да очень большого зла не видали, въ привычку вошло, и хорошохонько всѣмъ было. Рази кто, изрѣдка, шутку какую сочинить, бывало, про евтотъ обычай — посиѣются, да и опять по-старому. А понича, поди ты, вотъ, ни съ того, ни съ сего, принялись всѣ кричать: подлость, зло, искоренить надо. А все это потому, что старинный обычай; во всемъ, видишь, переиѣну, да новизну вводить хотять. Отъ этого и выходить

все на изворотъ: что прежде было добро, теперь за порокъ почитать начали, а что зло — за добродѣтель идетъ. Вотъ, примѣромъ сказать, прежде, бывало, женщинѣ лицо свое показать чужому человѣку стыдомъ почиталось, а понича, поди ты, другая чуть по-поясъ не оголится въ своемъ модномъ платьѣ, а въ театрахъ, передъ публикой, почти нагннкой дѣвчата танцуютъ. Всѣ смотрять, да въ ладоши бьютъ и страму не знаютъ, а взятки брать страмъ. Бывало, и мужчина-то какой въ городѣ ёрникъ заведется, да на соблазнъ женскій полъ начнетъ подманивать, такъ острамятъ на весь мѣръ людской, отъ семьи отлучать. А теперь замужня жены за-знамо любовниковъ держутъ, да не то, чтобы стыдились — похваляются еще ими другъ передъ дружкой. О мужчинахъ и говорить ужь нечего — какую жизнь ведутъ: и пьянство, и карты, и всякое распутство и все ничего, только взятокъ не бери. Теперь, вотъ, на счетъ кредиту сказать. Бывало, и бумагъ никакихъ про евтогъ случай не водилось, все на честь да на совѣсть дѣлалось — и случись кому долга не заплатить — лучше на свѣтъ не показывайся — острамятъ, опозорятъ. А понича иной крупный баринъ живетъ въ золотыхъ палатахъ, и рукой до него не достанешь, а спроси — кому онъ не долженъ: одной собакѣ дворовой рази не долженъ, да и то только потому, что занять у ней нечего, сама на чужой счетъ пробавляется. Ему долговъ и въ умъ не приходитъ платить; попроси — и суда на немъ не сыщешь; а потолкуй-ко о немъ — за образцоваго человѣка считается. Значить — грабь, обманывай, подличай на какой хочешь манеръ, все ничего, только взятокъ не бери. Видно ужь и на пороки-то своя мода бываетъ. Такъ не мѣшало-бы выдумать, что пить да ѣсть, дескать, грѣшно, неприлично, тогда, по-крайней-мѣрѣ, чиновнику и взятокъ-бы брать не для чего было. Вишь какъ, подумаешь на свѣтѣ-то понича все перепутано, и не разберешь, что хорошо, что худо. Иной по горло сидитъ въ золотѣ — а все-таки паровитъ послѣдній подшубокъ съ бѣдняка стянуть. Другому даешь — не беретъ, стыдно, говорить, а самъ дѣтей съ голоду морить. Перепутались мы, грѣшные, перепутались за грѣхи наши; прости ты намъ, Господи!

При этомъ Тесемкинъ глубоко вздохнулъ и перекрестясь, набожно взглянулъ на образъ.

— А и что-бы, подумаешь, — продолжалъ онъ, — за преступленіе такое было, отъ нашего брата, отъ купца, благодарность получить. Рази мы раззореніе, что-ли, какое терпимъ отъ евтого? Да если правду-то молвить — мы, вѣдь, и деньги-то даемъ не свои, а чужіе. Вотъ, теперь, приѣбромъ сказать, купецъ пустилъ товаръ какой въ продажу: по его, по коммерческому разсчету, десять процентовъ было-бы и довольно, а онъ накидываетъ процентикъ, другой лишній, на всякій случай, чтобъ чуть, дескать, какая придирка, — поплатиться было чѣмъ. Покупателю платить этотъ процентикъ ничего не стоитъ, незамѣтно, а купцу также убытка нѣтъ — дѣло-то, вотъ, видишь и сглаживается. Мы, признаться, такъ ужъ теперь привыкли къ этому, что если намъ дѣлають какое добро даромъ, такъ и въ дѣло-то не вѣрится, все ждешь, какъ-бы оно во зло не превратилось. И на человѣка-то на того смотришь съ опаской, все думается, нѣтъ-ли, молъ, тутъ какого подвоха. А вотъ какъ сладишь дѣло по пословицѣ: рука руку моетъ, — такъ и на сердце какъ-то спокойно. Ты думаешь, Иванъ Петровичъ, что старшіе-то ваши и не вѣдають обо всемъ этомъ? Не бось, они, вѣдь, чать, денюгамъ-то счетъ знаютъ; знаютъ, что на семнадцать-ту съ полтиной и лошади порядкомъ не выкорипишь. Рви, да не зарывайся; бери, да не попадайся — вотъ, они что говорятъ, да не токма что говорятъ, модъ-часъ, пожалуй, и дѣлають, чего на свѣтѣ не бываетъ. Повѣрь мнѣ, Иванъ Петровичъ, иной, который не беретъ-то, еще хуже взяточника бываетъ. Взятчикъ возьметъ и дѣло сдѣлаеть. А этому попадись такое дѣло, гдѣ онъ видитъ, что человѣкъ выгоды приобрѣтаеть, — взять онъ не возьметъ съ тебя, а даромъ сдѣлать зависть мѣшаетъ: что дескать, я буду работать, а другой наживаться отъ этого — ну, и пакостить. Оно выходитъ — собака на снѣгъ лежитъ — сама не ѣсть и людямъ не даетъ. Хорошо еще, что такой человѣкъ на обѣды падокъ бываетъ, какъ карась до червяка, а то-бы хотъ и дѣла совѣмъ бросай нашъ братъ промышленникъ. Возьми-ка, вотъ, лучше, деньги-то, да бѣги скорѣй, об-

радуи семью-то. Тебѣ не грѣхъ будетъ взять отъ меня. Я тебѣ Богомъ божусь, что въ жисть мою не буду тебя ни о чемъ просить, и впередъ говорю — не дѣлай для меня ничего противъ совѣсти. Я тебѣ потому даю, что полюбилъ тебя за твою честность; впервой встрѣчаю такого человѣка; хочу быть другомъ, дѣлиться по-братски, чѣмъ Богъ послалъ. Не хочешь такъ взять — возьми въ долгъ, когда будутъ, отдашь. Поцѣлуй-же меня, помирился.

Тесемкинъ всталъ, взялъ со стола деньги, и объявъ Ивана Петровича, сунулъ ихъ къ нему въ боковой карманъ.

Иванъ Петровичъ началъ-было слегка противиться этому, но Тесемкинъ застегнулъ его вицмундиръ на пуговицы, приговаривая: «въ долгъ, въ долгъ возьми, не упрямясь; сейчасъ долгомъ запишу въ книгѣ, отдашь, когда поправишься.»

«Хорошо, такъ и быть, я возьму эти деньги, если ты даешь мнѣ ихъ въ долгъ, безъ всякаго злаго намѣренія», сказалъ Иванъ Петровичъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. «Но я умоляю тебя, не заставляй меня уплачивать ихъ какимъ-нибудь безчестнымъ дѣломъ».

Тесемкинъ еще разъ увѣрилъ Ивана Петровича, что никогда ни о чемъ не будетъ его просить, и друзья разошлись.

- XI.

Удивительно, какое животворное вліяніе на человѣчество имѣютъ деньги. Туда, гдѣ оно сегодня голодаетъ, страдаетъ болѣзнями, плачетъ, принесите только по-больше денегъ и завтра-же все перемѣнится. Все оживится, повеселѣетъ, выздоровѣетъ. Старость ободрится, помолодѣетъ; въ молодости явятся особенная бойкость, игривость. И даже глупость какъ-то поуменьѣетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, сдѣлается менѣе замѣтною. Приложите къ ранѣ бѣдняка, вмѣсто пластыря, горсть червонцевъ и вы увидите, что рана быстро заживетъ отъ этого лѣкарства.

Не прошло недѣли послѣ свиданія съ Тесемкинымъ и въ домѣ Шатрова произошла поразительная перемѣна. Началось съ квартиры; потомъ все стало чиститься, сбрасывать лохмотья, охораниваться. Дѣти перестали плакать и надоѣдать

матери, занимаясь безпрестанно, то ѣдой, то игрушками. Дуня перестала тужить, жаловаться на нездоровье и усталость, тогда какъ хлопотала больше прежняго, занимаясь — то страшней въ увеличенныхъ размѣрахъ, то шитьемъ дѣтскихъ обновокъ. Самъ Иванъ Петровичъ какъ-то ободрился, разогнулъ спину, будто свалилъ съ плечъ тяжелую ношу. Эта взятка имѣла благотѣльное вліяніе и не на одни домашнія обстоятельства Шатрова. Начальнику его какъ-то вдругъ понадобился Шатровъ не во-время. Зная, что онъ живетъ гдѣ-то очень далеко, его сіятельство чрезвычайно досадовалъ, что долго придется ждать; но за то пріятно былъ удивленъ, когда Иванъ Петровичъ, переселившійся уже по сосѣдству съ мѣстомъ службы, явился на призывъ необыкновенно скоро.

— Это хорошо. Ты, я вижу, меня понимаешь, — замѣтилъ графъ, и съ этого времени сталъ гораздо-благосклоннѣе къ Шатрову.

Веселость семьи и то маленькое довольство, которое распространилось въ домѣ отъ женина туалета до послѣдняго кухоннаго черепка, мирило Ивана Петровича съ тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ своею зависимостью отъ Тесемкина. Шатровъ не вѣрилъ его обѣщанію и боялся, что Тесемкинъ непременно вынудитъ его на какое-нибудь опасное дѣло.

Боялся; но развѣ одно только чувство страха должно было безпокоить Ивана Петровича послѣ тесемкинскаго подарка. Какъ ни старался Трофимъ Савельпчъ (такъ звали Тесемкина), придать этому подарку благовидную, филантропическую причину, но ни Шатровъ, ни вы, читатель, конечно, не остались убѣждены въ чистотѣ его намѣреній. Шатровъ очень-хорошо понималъ, что это та-же взятка, задатокъ за будущія услуги; но не отказался, однако, принялъ, а принялъ потому, что онъ ужъ былъ не тотъ Шатровъ, терзаемый совѣстью и раскаяніемъ по поводу первой своей взятки, а Шатровъ, убитый на повалъ своею бѣдностью, нравственно уничтоженный своимъ служебнымъ положеніемъ. Все что говорилъ онъ Тесемкину въ защиту своихъ правилъ, онъ говорилъ только потому, что прежде такъ думалъ объ этомъ; въ настоящее же время ему смѣшно казалась эта упорная

честность; онъ былъ окончательно убѣжденъ, что нѣтъ честнаго выхода изъ его жалкаго положенія и ему уже давно запаала мысль придержаться совѣтовъ Андрея Андренча, только случая приличнаго не представлялось. Предложеній было и много, но они дѣлались какъ-то ужь очень грубо, очень похоже на взятку. Тесемкинъ сдѣлалъ это потоньше другихъ, умѣлъ прикрыть благовиднымъ предлогомъ, и вотъ причины, почему Шатровъ пострадалъ - было его уйти изъ трактира, но не ушелъ, остался дослушивать; а потомъ обнаружилъ - было намѣреніе разстегнуть свой вицмундиръ и возвратить деньги, но не разстегнулъ и не возвратилъ денегъ, а летѣлъ съ ними домой, какъ на крыльяхъ, желал по-скорѣе утѣшить свое семейство.

Какая-же именно цѣль была у Тесемкина, дарить деньги Шатрову и заискривать его дружбы?

Дѣло вотъ въ чемъ.

По душѣ Тесемкинъ былъ вовсе не филантропъ и даже слишкомъ скупъ для того, чтобы бросать деньги изъ одного только состраданія; но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ мастеровъ наживаться, которые безпрестанно удивляютъ насъ своими быстрыми переходами отъ состоянія прикащиковъ къ состоянію миллионеровъ. Съ виду Трофимъ Савельичъ дѣйствительно казался человѣкомъ весьма-добросовѣстнымъ и безразсечно-хлѣбосольнымъ, но онъ такъ умѣлъ вести свое хлѣбосолюство, что каждый кусокъ его хлѣба, каждая рюмка вина возвращалось къ нему сторицей. При всемъ томъ Трофимъ Савельичъ былъ чрезвычайно-тонокъ и деликатенъ съ людьми, въ которыхъ имѣлъ надобность. Онъ умѣлъ опутывать ихъ такимъ-образомъ, что они сами, не подозрѣвая того, отдавались въ полное его распоряженіе.

По роду своихъ торговыхъ занятій, Тесемкинъ имѣлъ много интересныхъ дѣлъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ служилъ Шатровъ, и могъ имѣть еще больше и съ большими выгодами, при содѣйствіи человѣка, близкаго главному начальнику.

Его сіятельство какъ ни былъ дикъ въ обращеніи съ своими подчиненными, но за нимъ водилась слабость поддаваться вліянію того, кто имѣлъ счастье ему понравиться и

въ извѣстныя минуты готовъ былъ соглашаться во всемъ, какую-бы тотъ не предложилъ ему пошлую негѣдность.

Тесемкинъ, имѣя на своей рукѣ Андрея Андрепча Совина, слѣдилъ за каждымъ шагомъ Шатрова и вскорѣ убѣдился, что чрезъ него можно будетъ легко обдѣлывать самыя выгодныя статейки; онъ рѣшился во что-бы то ни стало овладѣть Иваномъ Петровичемъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно, какъ увидимъ мы ниже.

Спустя нѣсколько дней послѣ переѣзда Шатрова на новую квартиру, въ городъ, Трофимъ Савельичъ явился къ нему съ хлѣбомъ-солью, по русскому обычаю; обворожилъ Дуню своимъ сладкорѣчіемъ, увѣрилъ въ искренности расположенія своего къ ея мужу и щедро одарилъ дѣтей на игрушки.

Тесемкинъ прикинулся совершенно очарованнымъ Иваномъ Петровичемъ, какъ-будто дня не могъ прожить, не повидавшись съ нимъ, и безпрестанно зазывалъ его къ себѣ — то пообѣдать вмѣстѣ, то выпить чайку вечеркомъ. При этомъ онъ, не щадя издержекъ, всячески старался приучить неизбалованный вкусъ Ивана Петровича къ различнымъ вкуснымъ яствамъ и подкрѣпляющимъ силу напиточкамъ, и вскорѣ достигнулъ того, что Иванъ Петровичъ сталъ уже кое-что браковать изъ своей домашней стряпни, приготовляемой женою на основаніи прежней расчетливости, и не только не отказывался отъ рюмочки какой-нибудь доброкачественной влаги, радушно предложенной Трофимомъ Савельичемъ, но даже призналъ необходимымъ и дома держать постоянно бутылочку, для подкрѣпленія силъ, истощаемыхъ служебными трудами.

Первое время знакомства съ Шатровымъ, Тесемкинъ не заводилъ съ нимъ и рѣчи о своихъ дѣлахъ, но потомъ, когда отношенія ихъ стали тѣснѣе, Трофимъ Савельичъ, такъ, между разговоромъ, ввернетъ иногда словечко: «а что дескать, Иванъ Петровичъ, какъ ты мнѣ посоветуешь, можно-ли будетъ вотъ евакое-то дѣльцо такимъ-то образомъ устроить.»

Иванъ Петровичъ выкажетъ какъ-будто сомнѣніе въ возможности достигнуть желаемаго, а между-тѣмъ устроитъ дѣло еще лучше, чѣмъ хотѣлось Тесемкину.

За этимъ всегда поступала въ распоряженіе Авдотья Пор-

фирьевны, какъ будто потихоньку отъ мужа, какая-нибудь значительная сумма, подаренная по случаю дѣтскихъ именинъ или дня рожденія.

Впрочемъ, такая деликатность отношеній между Шатровымъ и Тесемкинымъ продолжалась недолго. Съ одной стороны, удобства жизни, которыми, благодаря Тесемкину, Иванъ Петровичъ окружилъ себя послѣ продолжительной голодухи, понравились ему уже на столько, что у него явилось желаніе упрочить такое положеніе надолго. Съ другой стороны, для Тесемкина немножко тяжела, не по вкусу, была такая церемонность отношеній съ человѣкомъ, отъ котораго зависѣли личныя его выгоды. Онъ намѣренъ былъ расширить кругъ своихъ оборотовъ въ возможно большихъ размѣрахъ, что представлялось удобнымъ только при горячемъ содѣйствіи Шатрова. Зная, что человѣкъ охотѣе трудится, когда сопряженныя съ этимъ выгоды опредѣлены положительно, Тесемкинъ мало-по-малу установилъ съ Шатровымъ связь, основанную на прямыхъ, положительныхъ интересахъ обоихъ сторонъ. Опредѣленъ былъ извѣстный процентикъ съ оборотнаго капитала и дѣло пошло какъ по маслу.

Положеніе Шатрова на службѣ было весьма къ тому благопріятное. Онъ такъ тонко изучилъ характеръ, привычки и слабости своего начальника, что даже изъ самаго гнѣва его умѣлъ извлекать свою пользу.

Въ тоже время его сіятельство чувствовало уже нѣкоторую необходимость имѣть подлѣ себя Шатрова. Не то чтобы это было вслѣдствіе пріобрѣтеннаго Шатровымъ довѣрія, расположенія. Его сіятельство никому ничего не довѣрялъ и ни къ кому не пыталъ расположенія. Ему было все равно Шатровъ-ли, Петровъ-ли, Потаповъ-ли, лишь-бы предъ нимъ постоянно находилась отвѣтственная личность, способная переносить на себѣ гнѣвъ за всѣхъ и за все, что только ему не нравилось. Въ то-же время эта личность должна была отличаться дѣятельностію, находчивостію и умѣньемъ потрафлять на его вкусъ и характеръ.

Шатровъ удовлетворялъ всѣмъ этимъ требованіямъ и вотъ причина необходимости въ немъ.

Случалось, что его сіятельство, отъ утомленія-ли или по

какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствамъ, приходилъ въ какое-то оупѣлое, автоматическое состояніе. Тутъ Шатровъ долженъ былъ объяснять содержаніе бумагъ и докладовъ, могъ подсказывать и его сѣятельство подписывалъ все, что ему подкладывали и дѣлалъ резолюціи, какія тому хотѣлось. Но когда его сѣятельствомъ овладѣвалъ духъ противорѣчія, Шатрову, чтобы достигнуть желаемого, стоило только доказывать противное.

Прошелъ годъ, другой, третій. Тесемкинъ все шире и шире распространялъ свои обороты. Онъ дѣлился исправно, и Шатровъ годъ-отъ-году все болѣе-и-болѣе откладывалъ на обезпеченіе своей будущности. Но въ богатѣющемъ бѣднякѣ всегда рождается какая-то особенная жадность къ деньгамъ, усиливающаяся по мѣрѣ увеличенія богатства. Ему захотѣлось поскорѣе набить свой карманъ до такой степени, чтобы стать въ положеніе совершенно независимое отъ службы. Понимая, на сколько онъ необходимъ для своего начальника, онъ въ то-же время былъ убѣжденъ, что положеніе его не совсѣмъ прочно. Найдеть какой-нибудь недобрый часъ и его выгонять, нисколько не позаботясь о его судьбѣ, и выгонять не то чтобы за дѣло, за вину какую, а такъ, по одному. капризу, какъ это случалось не рѣдко съ другими, потому что можно найти сотню другихъ Шатровыхъ. При томъ-же Шатрову сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкоторыя распоряженія его начальника имѣли также не совсѣмъ безгрѣшныя основанія. Такъ миѣ-то чего-же зѣвать, подумалъ онъ, и, припомнивъ пословицу Совина: куй желѣзо, пока горяче — началъ брать со всякого, съ кого только можно было.

ХІІ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Лѣтъ десять протекло съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Петровичъ поступилъ докладчикомъ къ его сѣятельству. Много онъ перенесъ въ это время трудовъ, почти не человѣческихъ, обидъ, униженія, но за то много и самъ совершилъ подлостей. Рѣшившись на взяточничество, онъ, можетъ быть, и не предвидѣлъ —

какой длинный ряд подлостей придется ему совершить по необходимости. Попадаясь на какой-нибудь плутищъ, чтобы спастись отъ отвѣтственности, Шатровъ, по чувству само-сохраненія, долженъ былъ лгать, изворачиваться и сваливать вину на другихъ. Сначала, разумѣется, голосъ совѣсти кричалъ противъ такихъ поступковъ; но мало-по-малу смолкъ. Наконецъ эта каждодневная, нескончаемая брань начальника за дѣло и безъ дѣла, за себя и за другихъ, какъ-то ожесточила его сердце, вооружила противъ товарищей. Шатровъ самъ сталъ строгъ и безпопаденъ къ другимъ.

Какъ портилось и черствѣло это нѣкогда доброе сердце, разъяснить подробно постепенность этого нравственнаго распавенія Шатрова, — было-бы скучно и утомительно. Тѣмъ болѣе, что и жизнь его протекла въ эти годы поразительно однообразно. Постоянно обремененный множествомъ занятій, онъ проводилъ все время или дома за бумагами или на службѣ, одинъ день какъ другой, и только изрѣдка нарушалось это однообразіе какимъ-нибудь подрядческимъ обѣдомъ.

По этому мы перенесемъ нашъ разсказъ прямо къ тому времени, когда въ судьбѣ Шатрова совершился переворотъ.

Прежде всего слѣдуетъ объяснить, что Иванъ Петровичъ былъ уже не простымъ докладчикомъ. На немъ и чинъ лежалъ довольно солидный, и состояніе у него образовалось такое, что можно-бы было, отдыхая на лаврахъ, насладиться жизнью; при всемъ томъ и служба ему стала уже надоѣдать, становилась не подъ силу, хотѣлось-бы распрощаться съ нею, только не совсѣмъ-то легко было это сдѣлать. Его сіятельство любилъ, чтобы чиновники оставляли у него службу тогда только, когда ему захочется, а пожелай кто самъ выйдти, такъ добромъ не отдѣлаешься. Всего болѣе это опасно было для Шатрова. Подниметь, думалъ онъ, такіе грѣхи, о которыхъ и вспомнить страшно. Скрутить такъ, что и богатствомъ не удастся воспользоваться, и волей-неволей Шатровъ долженъ былъ служить, выжидая случая улепетнуть по добру, по здорову.

Случай этотъ, наконецъ, представился совершенно внезапно. Въ одно прекрасное утро Андрей Андреичъ Совинъ, который также принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Те-

семкина, прибѣжалъ къ нему въ сильномъ волненіи. По наружности нельзя было опредѣлить — испугъ или радость были тому причиною, только пряди волосъ на головѣ, всегда тщательно приглаженныя отъ затылка ко лбу, для прикрытія лысины, распались въ беспорядкѣ на стороны, и кромѣ того, замѣтно было необыкновенное сотрясеніе его нижней, довольно толстой губы.

— Знаешь-ли, что у насъ случилось? — сказалъ онъ Тесемкину, не поздоровавшись даже съ нимъ.

— Что такое?

— Его сіятельство капутъ!

— Какъ такъ?

— Такъ; ссадили неожиданно; вчера только вечеромъ онъ самъ узналъ объ этомъ.

— Эхъ-ма! плохо теперь будетъ нашему брату.

— Отчего-же плохо? Тебѣ-то отчего плохо?

— Какъ отчего? Теперь ужь, пожалуй, нашему брату и не видать такой наживы. Сотни-бы двѣ тысячъ далъ, кабы оставили еще года на три. Да ты что ребенка-то разыгрываешь — не понимаешь что-ли? Не ужь-то ты радъ этому?

— Да не знаю, братъ, что и думать-то. Не знай трусить, не знай радоваться. Съ одной стороны больно ужь насолилъ, пусть-бы проваливался; а съ другой — какъ начнутъ расканивать соръ-то, такъ пожалуй и нашему брату будетъ худо.

— Ну, а Шатровъ что?

— Да тоже, что и я.

— Тебя-то еще можно-бы было и пожалѣть, ты все еще по человѣчески поступалъ; а ужь вотъ этого-то мошенника не жаль-бы было. Такого жаднаго человѣка признаться я еще въ жисть свою не видывалъ. И откуда въ немъ взялась она, эта жадность? А вѣдь какимъ праведникомъ казался когда-то! Право, и портить-то жаль было. Какъ теперь помню: миѣ до зарѣзу нужно было знать — что сдѣлано по одной моей просьбѣ. Прихожу я въ департаментъ рано, тебя тамъ не было; у нихъ въ столѣ также никого не было, одинъ онъ только торчалъ на стулѣ. Попытаюсь, молъ, не добыюсь-ли чего. Далъ сторожу двугривенный — тотъ вызвалъ. Нельзя-ли, говорю, почтенный, списать копію съ бумаги по моей

просьбѣ? За благодарностью, молъ, дѣло не станетъ, хоть сейчасъ. Опъ такъ и вспыхнулъ весь. Ну, думаю, отъ этого видно толку не будетъ; не на того вѣрно наткнулся; пожалуй еще какъ-бы не сталъ браниться. Однако ничего, постоялъ, постоялъ, подумалъ съ минутой, да и пошелъ ничего не сказавши. Потомъ, минуты черезъ двѣ, опять вышелъ, «нѣту, говорить, не могу». Нельзя-ли молъ такъ, на словахъ сказать, что тамъ написано? Опять ушелъ, ничего не отвѣтилъ. Я себѣ думаю, вѣрно-молъ читать пошелъ, да заглянулъ въ дверь-то, а онъ тамъ сидитъ какъ пентюхъ, подперши голову руками. Однако скоро опять вышелъ. Сталъ рассказывать о бумагѣ-то, а самъ такъ и трясется; точно въ лихорадкѣ, наслу слова выговариваетъ. Я сунулъ ему въ руку десяти-рублевую, а онъ такъ и ошалѣлъ: не знаетъ, что дѣлать съ ней и держать ее на виду. Спрячь поскорѣе, говорю я ему, увидятъ. Онъ вдругъ словно чего испугался, скомкалъ ее въ рукѣ-то и пошелъ отъ меня — идетъ, а колѣни-то у него такъ и подгибаются, такъ и шатаетъ его въ обѣ стороны, точно пьянаго. Ну, думаю, вѣрно въ первой еще. А вотъ какъ ужъ на мѣсто-то на это попалъ — я тебѣ рассказывалъ — въ трактиръ его зазвалъ, такъ ужъ тамъ ломанья-то, ломанья-то сколько было, наслу уговорилъ. Ну, а теперь что вышло? и совѣсти никакой нѣтъ въ человѣкѣ; что ни дай — все мало. Карманъ твой словно насквозь видитъ; копѣйкой безъ него не попользуешься, такая ненасытность.

— Что правда, то правда, Трофимъ Савельичъ, Богъ-знаетъ, что за человѣкъ сдѣлался! А добрый былъ малый, нечего сказать. Я любилъ его больше всѣхъ. Бывало, другіе, его товарищи подличаютъ тамъ, наговариваютъ другъ на друга; отъ него-же и слова дурнаго ни о комъ не услышишь. А послѣ, какъ въ силу-то вошелъ — сколькихъ несчастными сдѣлалъ. Самъ — что напакостить, да на другаго и свалить. Иной разъ, конечно, необходимость заставляетъ: смоненничалъ, попался и не гибнуть-же самому, коли другого можно подставить; а то вѣдь ужъ такъ, въ привычку что-ли вошло, безъ всякой причины человѣка губить. Если-бъ я его дѣлшекъ-то не зналъ, да не боялся-бы онъ меня, давно-бы и меня съѣлъ.

— Отъ чего это, скажи ты мнѣ на милость, вашъ братъ такъ портится. Пока молодъ—на человѣка похожъ, а чѣмъ старѣе станетъ дѣлаться, тѣмъ все хуже. Видно ужъ порода ваша такая, не въ обиду будь сказано.

— Какая тутъ порода! вездѣ человѣкъ одинъ! Только вотъ видишь, въ кожѣ-то насъ держать въ собачьей, а добродѣтелей-то требуютъ ангельскихъ. Вотъ, какъ-бы тебя лѣтъ эдакъ двадцать поморить голодомъ, измучить на сколько силы достанетъ вынести, да обращаться-бы съ тобою, какъ съ нами обращаются, такъ посмотрѣлъ-бы я на тебя, что-бы изъ тебя тогда вышло; многоли-бы въ тебѣ осталось добродѣтелей-то. Ты вотъ и не былъ въ такомъ ярмѣ, да чай и теперь, при всемъ богатствѣ своемъ, не упустишь случая покривить совѣстью, если выгоду увидишь отъ этого.

— Ну, наше дѣло мужицкое, а вѣдь вы господами считаетесь. Отъ насъ вѣдь и честности-то требуется только для того, что-бы вамъ, господамъ жить лучше, выгоднѣе было. Ну, да что тутъ молоть пустяки-то. Надо вотъ о чемъ поговорить: какъ теперь дѣла-то дѣлать станемъ. Шатрову-то поди тоже не сдобровать; не мало ужъ о немъ толковъ-то идетъ въ народѣ. Однако, худъ, худъ, а какъ его не будетъ, такъ кѣмъ взятыся-то. Поди вѣдь и ему велятъ въ отставку выходить.

— Хорошо еще если-бы только тѣмъ кончилось, а какъ-бы хуже чего не было.

Хуже однако ничего не случилось; все устроилось какъ нельзя лучше. Новый пачальникъ очень вѣжливо сдѣлалъ Шатрову предложеніе оставить службу. Шатровъ, при этомъ, весьма искусно разыгралъ роль оскорбленной невинности, и дѣло кончилось отставкой, съ сохраненіемъ всѣхъ преимуществъ, какія онъ приобрѣлъ по службѣ.

Теперь Ивапъ Петровичъ Шатровъ человѣкъ независимый, капиталистъ, домовладѣлецъ; имѣетъ даже на этотъ предметъ особую грамату. Авдотья Порфирьевна порядочно растолстѣла. Она пользуется, въ своемъ кружкѣ, именованъ любезной дамы, не можетъ только никакъ освободиться отъ привычки говорить рукамъ, ногамъ (вмѣсто руками, ногами) чай со сливкамъ, квартира съ дровамъ, енна мать, галдарея

и проч. Дѣти хорошо образованы. Казалось-бы, теперь вполне можно было Ивану Петровичу насладиться жизнью; онъ, по-видимому, и наслаждается ею; но только на сердцѣ иной разъ такъ кошки скребутъ, что онъ-бы отдалъ большую часть своего состоянія, если-бы могъ стать между людьми съ такой чистой совѣстью, какъ прежде, когда жилъ въ обухинскомъ домѣ.

Положеніе теперь, извольте видѣть, какое-то странное. Никто руки подать не хочетъ, безъ особенной надобности на его счетъ поживиться. Не воръ вѣдь онъ кажется, не-разбойникъ какой и нѣтъ ему теперь надобности обманывать, — а всякъ боится чего-то, не довѣряетъ пустяковъ и уклоняется отъ всякихъ сдѣлокъ на честное слово.

Вотъ, къ разряду какихъ людей принадлежитъ теперь Иванъ Петровичъ Шатровъ. Судите-же его, бросайте въ него камня, въ комъ совѣсть чиста; но не забудьте при этомъ, что онъ былъ нѣкогда честнымъ человѣкомъ и могъ остаться такимъ, при пныхъ обстоятельствахъ.

А. Матте.

МАККІАВЕЛЛИ.

Статья вторая.

III.

Недалеко отъ Флоренціи находится городокъ Монте Спертолп съ 1300 человѣкъ жителей. Въ прежнее время владѣльцами этого городка и земель его окружающихъ были синьоры Маккіавелли. Они производили родъ свой отъ барона Гуго и вели дѣятельную, полную волнений, жизнь кондотьеровъ. Въ скоромъ времени возрастающая сила Флорентинской республики заставляла ихъ промѣнять это бурное существованіе на жизнь гражданъ Флоренціи. Переселившись туда, укрощенные синьоры пристали къ партіи Гвельфовъ и приняли дѣятельное участіе во всѣхъ смутахъ города. Эта фамилія пользовалась большимъ уваженіемъ и въ теченіе трехъ столѣтій доставила народу до 13 гонфалоньеровъ и 53 пріоровъ. Въ XV вѣкѣ она продолжала занимать почетное мѣсто въ кругу флорентинской аристократіи, хотя вліяніе ея значительно ослабѣло, потому-что Маккіавелли обѣднѣли.....

Но всѣхъ этихъ пріоровъ и гонфалоньеровъ затмилъ секретарь Флорентинской республики Николо Барнардо Маккіавелли.

Онъ родился 5 мая 1469 года *) отъ извѣстнаго юрисконсульта и Бартоломея Нелли, вдовы Николая Бенци, женщины съ замѣчательнымъ образованіемъ и обладавшей поэтическимъ талантомъ. Юность Николо не оставила почти никакихъ данныхъ его біографамъ, извѣстно только, что въ

*) По другимъ біографамъ 3-го мая.

1494 году онъ находился при Марцелло Виргилио Адриани, профессоръ греческаго и латинскаго языковъ и вмѣстѣ-съ-тѣмъ секретарь Флорентинской республики. Подъ руководствомъ его молодой Маккиавелли занялся и науками и политическими дѣлами.

Съ 1495 года начинается дипломатическое его поприще: онъ находился въ посольствѣ отправленномъ къ Карлу VIII....

Двадцати-девяти лѣтъ отъ роду, онъ былъ сдѣланъ правителемъ дѣлъ, второй канцелярїи синьорин (*Chancelier de la seconde chancellerie de signori*), а вскорѣ за тѣмъ секретаремъ «десяти мира и свободы» (*dix magistrats de liberté et de paix.*)

Обязанность его заключалась въ корреспонденціи правительства, въ записываніи рѣшеній, въ редакціи политическихъ актовъ, инструкцій агентамъ и указовъ, относящихся до администраціи внутренней, сверхъ-того синьорія посылала его иногда къ разнымъ владѣтельнымъ особамъ въ качествѣ дипломатическаго агента.

Первое посольство его было къ синьору Піомбино: второе — къ Катеринѣ Сфорца. Способности, показанныя имъ въ этихъ случаяхъ, заставили синьорію посылать его въ болѣе-важныя миссіи съ самыми разнообразными порученіями. Не станемъ пересчитывать всѣхъ посольствъ его, упомянемъ только о важнѣйшихъ *). Прежде всего слѣдуетъ сказать о первой посылкѣ его во Францію: она познакомила его отчасти съ состояніемъ этой монархіи и послужила основаніемъ статьи его о тогдашнемъ положеніи этого государства. Хотя статья была написана послѣ третьяго посольства къ

*) Маккиавелли былъ всего въ 34 посольствахъ. Помѣщаемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. 1498 два посольства къ синьору Піомбино, 1499 къ Катеринѣ Сфорца; 1500 къ арміи, осаждавшей Пизу; къ французскому двору; 1501 въ Пистойю; 1502 въ Ареццо; къ Цезарю Борджіа; 1503 въ Сиенну; къ римскому двору; 1504 во Францію; къ синьору Піомбино; 1505 къ Бальони; къ маркизу Мантуанскому; къ Паолольфо Петручи; къ арміи, осаждавшей Пизу; 1506 въ Римъ, къ Піомбино; къ Максимилиану I; 1507 въ Сиенну; 1508 во внутренность государства; 1509 къ арміи подъ Пизой; въ Мантуу; 1510 во Францію; 1511 три посольства во внутренность республики; въ Сиенну и къ синьору Монако; во Францію и два посольства въ Пизу; 1512 въ Пизу и другія мѣста; 1521 въ монастырь въ Карпи; 1525 въ Венецію; 1526 къ арміи, осаждавшей Кремону; къ Гвиччардини; 1527 къ Гвиччардини.

Людовику XII, тѣмъ не менѣе начало ея скрывается въ первомъ, — что видно изъ писемъ его къ синьоріи. Вскорѣ, по возвращеніи Маккиавелли во Флоренцію, произошелъ важный переворотъ въ ея конституціи. Достоинства подесты и капитана юстиціи были уничтожены, а вмѣсто ихъ образовался совѣтъ изъ 5-ти членовъ (*gota florentina*), изъ которыхъ каждый, по очереди, предсѣдательствовалъ въ теченіи полугода; приговоръ утверждался большинствомъ 4-хъ голосовъ. Высшее управленіе представляли синьорія и десять свободы и мпра; сверхъ того былъ назначенъ пожизненный гонфалоньеръ: о совѣтахъ и пріорахъ мы не станемъ говорить, потому-что вліяніе ихъ на Маккиавелли было ничтожно, и всѣ приказанія получалъ онъ отъ синьоріи и гонфалоньера.

Пиетро Содерини, выбранный исправлять эту должность, былъ человѣкъ ласковый, обходительный; любилъ правосудіе, но не имѣлъ энергіи, необходимой въ эти смутныя времена — естественно, что и всѣ распоряженія его должны были носить характеръ нерѣшительности, тѣмъ-болѣе, что обезсиленной Флоренціи приходилось лавировать между сильными неприятелями. Въ такомъ положеніи дѣлъ, искусные политики были драгоценною находкою. Содерини зналъ Маккиавелли и отправилъ его къ Цезарю Борджіа, который въ то время примирился съ врагами Флорентинской республики — своими кондотьерами Орсини, Вителлоццо Вителли, Оливеротто де-Фермо и Тоди. Секретарю поручено было узнать намѣренія Цезаря, поддержать съ нимъ сношенія, но ничѣмъ не обязывать республику. Интересна была встрѣча двухъ политиковъ; зоркимъ взглядомъ слѣдили они другъ за другомъ — и внимательный Флорентинецъ подмѣтилъ замышляемое убійство. Оно совершилось — и онъ, въ безстрастной депешѣ, спѣшить извѣстить объ немъ синьорію...

Многіе упрекали Маккиавелли за безучастный тонъ донесенія и пазывали его сообщникомъ Цезаря. Но вспомнимъ, что убитые были разбойники, враги Флоренціи, сдѣлавшіе ей много зла, что они постоянно были готовы предать или убить Борджіа, вспомнимъ, что депеша его носитъ официальный характеръ, что секретарь могъ предполагать, что она будетъ перехвачена и прочтана коварнымъ Валентинуа —

и мы безъ труда пайдемъ оправданіе знаменитому публицисту. Еще болѣе разительнымъ доказательствомъ, что онъ не одобрялъ этого убійства, какъ человѣкъ, служить его поэма *Desenale primo*, въ которой онъ одинаково караетъ убійцу и жертву его.

Послѣ этой миссіи, онъ нѣсколько разъ былъ посылаемъ къ Людовику и Максимилиану. Въ этихъ посольствахъ обнаружилъ онъ рѣдкую наблюдательность, умѣлъ схватить особенность страны, въ чемъ состоитъ ея сила и слабость, каковы ея вельможи....

Это знаніе страны и людей видно въ успѣхѣ его миссій, хотя ему рѣдко удавалось доканчивать ихъ: ревнивое мѣщанство Флоренціи посылало для этого какого-нибудь богатаго гражданина, а бѣдный Николо, изучивъ, такъ сказать, придворную почву, и посѣявъ на ней интригу и золото, возвращался въ отечество ни съ чѣмъ....

Истинный патриотъ, онъ не жаловался на то и отправлялся въ другую миссію по первому приказанію сньюріи.

И не смотря на то, неблагодарные сограждане не цѣнили заслугъ его и заставляли нуждаться въ самомъ необходимомъ. Часто, очень часто обращался онъ къ сньюріи, требуя денегъ, доказывая, что о немъ забыли, что его довели до бѣдности и онъ не можетъ съ честью поддержать званіе посланника. Причины этой небрежности правительства заключались отчасти въ быстрой переменѣ сановниковъ, не знавшихъ — что такое нужда; отчасти въ духъ времени. Не одни посланники Флоренціи терпѣли нужду, нѣтъ, и въ другихъ странахъ видимъ примѣры такой-же скупости и беспечности, такъ Андрей-де-Бурго и докторъ де-Мота, уполномоченные Максимилиана и Маргариты при французскомъ дворѣ, въ письмѣ изъ Блуа отъ 3-го сентября 1510 года жаловались на стѣпенное свое положеніе; потомъ черезъ 18 дней тотъ-же де-Бурго пишетъ, что долженъ былъ занять 200 экю частію у побочнаго сына герцога клевскаго (*bastard de Clèves*), частію у испанскаго посланника, *non sine magno dedecore*. Но самое рѣзкое письмо этого посланника было изъ Ліона отъ 5-го мая 1511 года, — повторивъ прежнія жалобы, онъ въ заключеніе восклицаетъ: *j'asteu-*

dray ici quatre où cinq jours attendant si rien ne viendra et si ne vient je ferai comme font les hommes desespérés non pas a l'onneur de l'empereur ne de Monsieur, ne comme debuoit estre traitée ma léale servitude et *donne cent fois l'asme au dyable*, quand je pense que tant de fois l'année, je suis contrainct d'estre en ce terme mendiant le viure et le vestir, et *le grand dyable à voulu que la paix ne sa faite*, de m'entretenir pendu (en suspens) comme je suys, et *pardieu*, madame, c'est un mauvais exemple aux seruiteurs de vostre mayson.

Подобнаго-же рода письма получала принцесса эта отъ Ферри-де-Каронделе (Ferry de Carondelet), посланника своего въ Италии, происходившаго отъ одной изъ богатѣйшихъ фамилій Фландрии (Lettres de Louis XII). Можно-ли послѣ этого упрекать Маккиавелли? Обремененный большимъ семействомъ, въ безпрестанныхъ разъѣздахъ, онъ естественно долженъ былъ нуждаться въ деньгахъ. Доказательствомъ безкорыстія его служить бѣдность, въ которой онъ постоянно находился, и первое его завѣщаніе, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

О брачной жизни Маккиавелли встрѣчаются самыя различающія показанія. Женившись въ 1505 году на Маріеттѣ Корсини, онъ, по мнѣнію однихъ, наслаждался семейнымъ счастіемъ, — по мнѣнію другихъ, жена его была новая Ксантиппа, и въ доказательство этого приводятъ новеллу его «Бельсгоръ». Намъ кажется, это просто передѣлка одной изъ сказокъ тысячи и одной ночи, именно сказки «О дровосѣкѣ и геніи», которая никакимъ образомъ не можетъ относиться къ Маріеттѣ; напротивъ въ обоихъ своихъ завѣщаніяхъ Маккиавелли говоритъ о ней съ любовью и уваженіемъ и назначаетъ ее попечительницею и опекуншею дѣтей своихъ.

Не смотря на такую привязанность къ женѣ, онъ не всегда былъ ей вѣренъ. Переписка его съ Веттори лучше всего можетъ подтвердить это. Въ письмѣ къ нему отъ 4 февр. 1513 года. Маккиавелли говоритъ. «Приѣзжая во Флоренцію, я раздѣляю время свое между лавкою Донато дель Корно и домомъ Риччіи (Riccia)... она позволяетъ мнѣ иногда сорвать нѣсколько поцѣлуевъ, но украдкою.» Въ дру-

гомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: «я отбросилъ въ сторону важныя и серьезныя мысли; я не нахожу удовольствія ни въ чтеніи высокыхъ подвиговъ древности, ни въ разсужденіи о современныхъ событіяхъ; вся жизнь моя составляетъ непрерывную цѣпь сладостныхъ бесѣдъ, и я не перестаю благодарить Афродиту и всю Кюэру» (3 авг. 1514).

Потомъ, посылая Веттори страстный сонетъ, онъ пишетъ: «цѣпи, которыми обременилъ меня Амуръ, такъ прочны, что я рѣшительно отчаялся возвратити свою свободу; мнѣ даже не возможно вообразить, какъ я могу разбить ихъ. Впрочемъ, если-бъ судьба или случай и открыли мнѣ дорогу къ выходу изъ рабства—я не сдѣлалъ-бы ни шагу,—такъ эти цѣпи, не смотря на всю ихъ тяжесть, кажутся мнѣ иногда легки и пріятны» (31 янв. 1514).

Эта слабость славнаго писателя легко объясняется духомъ времени и разностью въ развитіи Маріетты и Николо. Нигдѣ не встрѣчаемъ мы указаній на ея образованность, ни въ чемъ не проявилось вліяніе ея на мужа; съ лѣтами красота ея исчезла, а Маккиавелли и въ 45 лѣтъ остался поклонникомъ пластичныхъ формъ древности и ея эпикурейской философіи.... «Если такое поведеніе, говорить онъ, кажется позорнымъ въ глазахъ нѣкоторыхъ цензоровъ, я, напротивъ, нахожу его достойнымъ похвалы, потому что мы подражаемъ природѣ, всегда разнообразной въ своемъ движеніи» (письмо къ Веттори отъ 31 января 1514 года).

Но въ первые годы супружества, мы не видимъ невѣрностей Маккиавелли; вѣроятно, занятый дѣлами и разъѣздами, онъ не имѣлъ времени для заведенія любовныхъ интригъ; впоследствии-же, изгнанный, томимый жаждой дѣятельности, стѣсненный въ домашнемъ кругу, онъ обратился къ страсти, которая занимала его неистощимую энергію и дарила мнугами забвенія....

Между-тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. Флоренція напрягала всѣ силы, чтобъ покорить Пизу, но наемныя войска и невѣрная помощь союзниковъ, обманули ея надежды. Тогда Маккиавелли предложилъ составить національную армию посредствомъ набора. Предложеніе его было принято и ему поручили осуществить его.... Пиза покорилась, Маккиа-

вели вель окончательные переговоры и, благодаря его усилямъ, покоренный городъ не только не былъ наказанъ, но и получилъ новыя привилегіи. Конечно, такое милосердіе можно отнести къ политическимъ соображеніямъ: къ опасенію, чтобъ Пиза не отдалась подъ покровительство Максимилиана, но въ такомъ случаѣ за Маккиавелли останется та заслуга, что онъ предвидѣлъ и предупредилъ это обстоятельство.

Но постоянныя посольства и соединенныя съ ними хлопоты разстроили его здоровье: въ 1511 онъ подвергся такой жестокой болѣзни, что не думалъ пережить ея. Готовясь умереть, онъ 22 ноября того-же года составилъ духовное завѣщаніе; въ немъ, возвращая Маріеттѣ ея приданое, онъ приказываетъ продать оставшееся послѣ него платье, кольца, цѣпи и проч. и на деньги вырученныя отъ продажи купить акціи ломбарда (credits du Mont) или недвижимое имущество; пользованіе процентами предоставлено Маріеттѣ, пока она будетъ вдовой; собственность-же переходитъ къ дѣтямъ.

Изъ этого видно, какъ Маккиавелли былъ бѣденъ! Чтобъ обезпечить будущность семейства, онъ долженъ былъ распорядиться продажей вещей своихъ — а между тѣмъ чрезъ его руки прошли сотни тысячъ дукатовъ.

Крѣпкое сложеніе секретаря одолѣло болѣзнь и онъ опять вступилъ въ отправленіе своей должности — но судьба готовила ему новый ударъ. Флоренція раздражила папу, позволивъ Людовику XII созвать соборъ въ Пизѣ. Устрашенная угрозами Юлія, республика счумѣла убѣдить собравшихся прелатовъ переѣхать въ Миланъ. Это не удовлетворило разгнѣваннаго первосвященника, и онъ вошелъ въ сношенія съ Максимилианомъ и Испанцами съ цѣлью возстановить Медичи. Флоренція видѣла грозу и спѣшила собрать войско и укрѣпить слабые пункты своей территоріи. Эти порученія возложили на Маккиавелли. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ неусыпно заботился о выполненіи ихъ — но все было тщетно: для республики пробилъ роковой часъ! Взятіе Прато и возстаніе приверженцевъ Медичи во Флоренціи ввели туда эту фамилію. Гонимые Сoderини бѣжали — и преслѣдованія начались....

Декретомъ отъ 8-го ноября 1512 года Маккіавелли былъ смѣненъ съ должности секретаря и признанъ неспособнымъ къ исполненію другихъ должностей (*admonété*). Черезъ нѣсколько дней явились новые декреты, которые предписывали ему въ теченіи года не удаляться изъ флорентійской территоріи, изъ мѣста назначеннаго для его ссылки и доставить поручительство въ три тысячи флоринновъ; впослѣдствіи распоряженія эти были смягчены и ему позволено было являться во Флоренцію и во дворецъ синьорин сначала на одинъ день въ году, а потомъ и на болѣе продолжительное время.... Повинуясь этимъ декретамъ, онъ хотѣлъ удалиться въ имѣніе свое близъ Monte Casciano — какъ вдругъ новое несчастіе поразило его.

Юлій II умеръ. Конклавъ собирался въ Римъ, для выбора новаго папы. Кардиналъ Джіованни Медичи ѣхалъ туда черезъ Флоренцію. Этимъ хотѣли воспользоваться приверженцы прежняго правленія, и составили заговоръ съ цѣлью убить кардинала; они надѣялись возстановить республику въ томъ видѣ, какъ была она до нашествія Испанцевъ. Замыселъ ихъ былъ открытъ, и зачинщики Паоло Босколи и Августино Каппони схвачены, а вмѣстѣ съ ними и многія другія лица по подозрѣнію. Въ числѣ послѣднихъ находился и Маккіавелли. Вся вина его состояла въ нѣсколькихъ неосторожныхъ выраженіяхъ на счетъ новаго правительства, а между тѣмъ его подвергнули жестокой пыткѣ (*fune*). Руки его были связаны за спиной веревкой, на которой его подняли къ потолку и потомъ быстро опустили, не позволяя однако коснуться пола. Эта операція повторялась нѣсколько разъ — но желѣзная натура бывшаго секретаря вынесла ее, и онъ не сознался ни въ чемъ. Тогда его заключили въ тюрьму. Обремененный цѣпями, писалъ онъ оттуда къ Джуліано Медичи, увѣряя его въ своей невиновности. Прошенія эти были выражены въ формѣ сонетовъ. Приводимъ ихъ.

«Джуліано, на ногахъ моихъ цѣпи, на плечахъ шесть оборотовъ веревки. Не стану исчислять другихъ своихъ бѣдствій — такъ всегда обходятся съ поэтами. Эти стѣны покрыты гадами, и гадами такъ хорошо откормленными, что они кажутся тучею мотыльковъ. Никогда, ни при Ронсево,

ни въ лѣсахъ Сардиніи не было зловонія, подобнаго зловонію пріятнаго жилища, въ которомъ я обитаю. Шумъ такъ великъ, что, кажется, Юпитеръ и Эгна готовы разгромить землю; того заковываютъ, этого разковываютъ; безпрестанный шумъ отъ ключей и заклепываемыхъ гвоздей. Иной кричатъ, что его заключили слишкомъ далеко отъ земли. Но болѣе всего я огорчаюсь, когда сквозь сонъ при солнечномъ восходѣ слышу иѣніе: за васъ молятся. Пусть ихъ, только-бы ваше состраданіе обратилось ко мнѣ, благодѣтель, и освободило меня отъ этихъ ненавистныхъ оковъ.»

Не получивъ отвѣта на этотъ сонетъ, онъ написалъ другой:

«Въ эту ночь я просилъ музъ посѣтить вашу свѣтлость (Magnificenzia) съ ихъ лирамп и пѣснями, чтобъ утѣшить меня и представить вамъ мое оправданіе. Одна изъ нихъ явилась ко мнѣ и смутила меня, сказавъ: Кто ты, что осмѣливаешься говорить такъ? Я произнесъ свое имя; тогда, чтобъ оскорбить меня, она ударила въ лицо и закрыла мнѣ ротъ, сказавъ: Нѣтъ, ты не Николо, ты Даццо, потому что у тебя руки и ноги связаны. Ты окованъ какъ безумный. Я хотѣлъ объясниться, она возразила: ступай къ шутамъ съ твоей комедіей въ кармаѣ. Великодушный Джуліано, во имя Всемогущаго Бога, поручитеь, что я не Даццо» *).

*)

СОНЕТЪ 1.

I ho Giuliano, in gambe un paio digeti
 Con sei tratte di func'n sulle spalle;
 L'altre miserie mio non vo' contalle,
 Poiche cosi si trattano i poeti
 Menen pidocchi queste parieti
 Grossi e pasciuti, che paion farfalle,
 Nè fu mai tanto puzzo in Roncivalle
 Nè in Sardegna, fra quegli arboreti,
 Quanto nel mio si delicato ostello
 Con un romor che proprio par che terra
 Fulgori Giove, e tutto Mongibello.
 L'un s'incantena, e l'altro si disferra
 Con batter toppe chiavi e chiavistelli;
 Un altro grida ch'è troppo alto de terra;
 Quel che mi fu piu guerro
 Fu che dormendo presso all' aurora
 Contando sentii dire: per voi s'ora

Напрасно нѣкоторые обвиняють секретаря за эти сонеты. Чувство самосохраненія врожденно человѣку. Маккиавелли былъ невиненъ, имѣлъ жену и 5 дѣтей и оставлялъ ихъ въ бѣдности; смерть его не приносила никакой пользы республикѣ, жизнь его могла быть полезна Италіи — мудрепо-ли послѣ этого, что онъ обратился съ просьбой къ Медичи?...

Но въ то время, когда Маккиавелли писалъ этотъ сонетъ, кардиналъ Джіованни Медичи сдѣлался папой подъ именемъ Леона X. Желая достойнымъ образомъ отпраздновать свое возвышеніе и привлечь къ себѣ сердца народа, онъ далъ амнистію. Бывшаго секретаря включили въ нее, и такимъ образомъ онъ получилъ свободу послѣ 18-ти дневнаго заключенія; но ему запрещено было оставаться во Флоренціи. Онъ удалился въ деревню и пытался тамъ примириться съ своей участью, но бѣдность и жажда дѣятельности мучили его. Тщетно хотѣлъ онъ попасть въ службу къ Медичи, всѣ усилія его и Веттори были безуспѣшны. Изгнанникъ чувствовалъ свои способности, понималъ всѣ ошибки Лоренцо, управляемаго секретаремъ, видѣлъ опасности, грозившія ро-

Or vadano in mal'ora
Purche vostro pietà ver ma si voglia,
Buon padre, e questi rei lacciuri no scioglia.

2-ой сонетъ.

In questo notte pregando le muse
Che con lor dolce cetra e dolci carmi
Dovesser visitar, per consolarmi
Vostra magnificenzia e far mie excuse
Una comparve a me che mi confuse
Dicendo: chi sè tu chi osi chiamarmi?
Dissigli il nome, e lei per straziarmi
Mi batte'l volto, e la bocca mi chiuse,
Dicendo: Niccolò non sè, ma il Dazzo *)
Poi ch'hai legato le gambe e i talloni
E stazi incantenato, come un pazzo
Jo gli voleva dir le mie rangioni:
Lei mi rispose e disse; va'al burlazzo
Con quella tua commedia in guazzeroni
Date gli testimoni
Magnifico Giulian, per l'alto Iddio
Come non son il Dazzo, ma sono io.

*) Dazzo былъ, вѣроятно, извѣстный въ то время преступникъ или сумасшедшій.

дигѣ и не могъ добиться, чтобъ его выслушали; всѣ политическіе планы его оставляли безъ вниманія.

Съ грустью пишетъ онъ о своемъ житіи къ Веттори.

«Я живу въ своей виллѣ и, со времени послѣдняго моего несчастія, не думаю, чтобъ былъ въ городѣ болѣе двадцати разъ. До-сихъ-поръ я развлекался, ставя самъ силки для ловли дроздовъ: вставъ до разсвѣта, я устанавливалъ прутья намазанные клеемъ и шелъ съ ношей клѣтокъ на спинѣ, подобно Гегѣ, рабу Амфитріона, когда онъ возвращается изъ порта, нагруженный книгами своего господина. Обыкновенно я ловлю отъ 2 до 7 дроздовъ, но никогда болѣе. Такъ я провелъ сентябрь. Но и это развлеченіе, не смотря на всю свою глупость, наконецъ прекратилось, къ крайнему моему сожалѣнію. Съ-тѣхъ-поръ я живу слѣдующимъ образомъ: встаю съ разсвѣтомъ и отправляюсь въ мой лѣсъ, въ которомъ велѣлъ рубить деревья; тамъ остаюсь около двухъ часовъ, осматривая, что сдѣлано наканунѣ, и разговаривая съ дровосѣками, которые вѣчно ссорятся то между собою, то съ сосѣдями»

«Оставивъ лѣсъ отправляюсь къ фонтану, а отгуда къ своимъ западнямъ, взявъ съ собою Данте, Петрарку или кого-нибудь изъ меньшихъ поэтовъ (minores) какъ Тибулль, Овидій и имъ подобные. Читая ихъ страстныя жалобы, ихъ любовныя восторги, я вспоминаю о своихъ — и наслаждаюсь мгновенными сладкихъ воспоминаній. Потомъ я иду въ трактиръ на большой дорогѣ, бесѣдную съ проходящими, спрашиваю ихъ о новостяхъ, многому научаюсь и замѣчаю разницу, существующую между вкусами и воображеніями большей части людей. Между тѣмъ приходитъ время обѣдать: мы, я и мое семейство, ѣдимъ то, что можетъ доставить моя бѣдная вилла и ничтожное наслѣдство. Послѣ обѣда я возвращаюсь въ гостиницу и обыкновенно встрѣчаю тамъ трактирщика, мясника, мельника и двухъ обжигателей извести. Я присоединяюсь къ нимъ на весь вечеръ, и мы играемъ въ *scissa* и *tric-trac*; начинаются споры, обидныя выраженія и часто изъ-за катрино мы разгорячаемся такъ, что насъ слышно почти въ *San Casciano*.

«Такъ, погруженный въ эту грубую жизнь, я стараюсь воспрепятствовать моему мозгу заплѣснѣть; я предоставляю свободное поприще злобѣ фортуны, которая меня преслѣдуетъ: я доволенъ, что она не выбрала другого средства попортить меня, можетъ быть она устыдится такъ поступать со мною. Вечеромъ возвращаюсь домой и вхожу въ свой кабинетъ; на порогѣ сбрасываю одежду крестьянина, покрытую пылью и грязью; надѣваю приличное платье или [свой придворный костюмъ, и одѣтый такимъ образомъ, проникаю въ древнее святилище великихъ мужей временъ прошедшихъ. Принятый ими съ любовью, я нахожу тамъ ту пищу, которая одна только мнѣ прилична, для которой я рожденъ. Я не боюсь разговаривать съ ними и требовать отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Они отвѣчаютъ мнѣ съ добротою. Въ теченіи четырехъ часовъ я свободенъ отъ всякой заботы, забываю свои бѣдствія, не боюсь больше бѣдности и смерть не устрашаетъ меня. Я совершенно переношусь въ среду моихъ собесѣдниковъ и, слѣдуя Данте, который сказалъ: *nōtū signū, если не удерживаютъ въ памяти того, что слышали*, — замѣчаю въ ихъ разговорахъ все, что имѣетъ какую-нибудь важность. Поступая такимъ образомъ, я составилъ брошюру о государствахъ (de Principatibus. II Principe), въ которой стараюсь разсмотрѣть предметъ во всей его глубинѣ, на сколько это въ моихъ силахъ; при этомъ изслѣдую сущность княжествъ, какихъ родовъ они бываютъ, какимъ образомъ приобрѣтаютъ ихъ, какъ въ нихъ поддерживаются и какъ ихъ теряютъ, и если мои мечты когда-нибудь вамъ правились — эта не должна быть непріятна. Сочиненіе мое должно быть полезно князю, особенно князю новому; вотъ, почему я посвящаю его благородному Джуліано (magnifico). Филиппо Казавеккіа (Casavecchia) видѣлъ мой трудъ; онъ можетъ отдать отчетъ о немъ и о нашихъ спорахъ, хотя я все еще по временамъ увеличиваю и обдѣлываю свое произведеніе

«Я говорилъ съ Филиппо о моей брошюрѣ — публиковать-ли ее или нѣтъ и въ первомъ случаѣ приличнѣе-ли поднести самому или переслать вамъ? Не публикуя я боюсь не только что Джуліано не прочтаетъ ее, но что еще этотъ Ардин-

гелли (секретарь Лоренцо) присвоить себѣ плодъ моихъ послѣднихъ трудовъ. Нужда, которая меня преслѣдуетъ, заставляетъ публиковать. Я чахну и не могу болѣе оставаться въ такомъ положеніи, иначе бѣдность заставитъ всѣхъ презирать меня. Наконецъ я очень хотѣлъ-бы, чтобъ Медичи употребили меня на службу, хотя сначала пришлось-бы ворочать камни; если мнѣ не удастся списать ихъ благосклонность, я долженъ буду жаловаться только на себя. Что касается до моего сочиненія, если они примутъ на себя трудъ прочесть его, то увидятъ, что я не спалъ и не забавлялся въ теченіи пятнадцати лѣтъ, которыя посвятилъ изученію государственныхъ дѣлъ. Всякій долженъ дорожить человѣкомъ опытнымъ. Во мнѣ сомнѣваться не слѣдуетъ, до-сихъ-поръ я былъ вѣренъ — не теперь мнѣ учиться быть измѣнникомъ. Кто въ теченіи сорока трехъ лѣтъ (таковъ мой возрастъ) былъ вѣренъ, и честенъ, тому поздно мѣняться. Мои бѣдность лучшее доказательство моей чести и честности» (10 декабря 1513 года.)

Въ другомъ письмѣ онъ говорить:

«Итакъ я остаюсь въ бѣдности, не находя ни одной души, которая-бы вспомнила о моей преданности, или вообразила, что я годенъ на что-нибудь. Мнѣ невозможно болѣе оставаться въ такомъ положеніи: я вижу, что всѣ средства мои къ существованію истощились, и если Богъ не поможетъ мнѣ, я принужденъ буду оставить свой домъ и опредѣлиться секретаремъ къ какому-нибудь подестѣ (если не найду другого способа въ жизни) или зарыться въ глушь и учить дѣтей грамотѣ, оставя здѣсь семейство, которое будетъ смотрѣть на меня какъ на умершаго. Оно обойдется безъ меня, тѣмъ легче, что я былъ ему въ тягость, привыкнувъ издерживать много и не умѣя подчиниться экономіи».

Изъ этихъ писемъ видно, до какого положенія былъ доведенъ Маккиавелли. Немудрено, что въ такой крайности онъ обратился къ Медичи. Намѣреваясь служить имъ, онъ намѣревался служить отечеству; онъ смѣло могъ сказать знаменитую фразу, доставившую столько извѣстности адмиралу Блеку: «мы должны сражаться за отечество, кто-бы ни управлять имъ». Въ глазахъ Маккиавелли не пропала возмож-

ность освободить Италію отъ ига варваровъ, хотя онъ не вѣрилъ, чтобъ Итальянцы могли добровольно соединиться и составить одну націю; онъ не разочаровался еще въ Леонѣ; Джуліано привлекалъ ласковостью и обходительностью; въ Лоренцо было много сходства съ Цезаремъ Борджіа, несчастія преслѣдовали знаменитаго публициста—весьма естественно, что онъ посвятилъ сочиненіе свое Лоренцо. Содержаніе «il Principe» требовало тайны, личныя выгоды автора—гласности. Патріотизмъ превозмогъ и это произведеніе осталось неизвѣстнымъ для массы въ теченіи многихъ лѣтъ.... Намъ кажется, предосторожность Маккіавелли была излишняя—сколько времени прошло съ напечатанія его трактата, онъ извѣстенъ всѣмъ націямъ, а между-тѣмъ тираны одними и тѣми-же средствами успѣвають достигать власти. Оставляемъ до слѣдующей статьи разборъ его «Князя», а также и разборъ мнѣній противниковъ и защитниковъ Маккіавелли; теперь-же обратимся къ его біографіи.

Посвященіе «il Principe» Лоренцо было принято имъ холодно, и авторъ ровно ничего не получилъ. Но съ другой стороны онъ нашелъ помощь въ Руччелли, Буондельмонте, Строцци и Аламанни. Они поправили денежныя его обстоятельства. Первый изъ нихъ владѣлъ великолѣпными садами, куда собирались литераторы, поэты, художники бесѣдовать о разныхъ проблеммахъ философіи и политики, искусствъ и наукъ. Духъ патріотизма и свободы господствовалъ въ этихъ бесѣдахъ. Маккіавелли, обогащенный многолѣтнею опытностью, пострадавшій за свои убѣжденія, игралъ тамъ важную роль. Въ этомъ кругу онъ излагалъ свои политическія теоріи, приведенныя впоследствии въ систему въ *Разсужденіяхъ на первую декаду Тита Ливія*.

Весьма естественно, что въ собраніи пламенныхъ патріотовъ, разсуждая о древнемъ Римѣ, онъ видѣлъ возможность возрожденія Италиі въ формѣ громадной республики. Сочиненіе это было посвящено Космѣ Руччелли (Russellai) и Заноби Буондельмонте, которые помогали автору. «Будьте увѣрены, говоритъ Маккіавелли, что, я испытываю истинное удовольствіе, когда вспоминаю, что обманувшись столько разъ, я не ошибся въ этомъ, посвящая вамъ мои «Рѣчи» (Discorsi).

Дѣйствуя такимъ образомъ, я думаю показать вамъ нѣкоторую благодарность за благодѣянія, которыя получилъ отъ васъ. Я оставилъ избитую дорогу тѣхъ, которые, сдѣлавъ изъ авторства ремесло, имѣютъ привычку посвящать свои произведенія какому-нибудь принцу, и которые въ ослѣпленіи своего самолюбія или алчности расточаютъ продажныя похвалы, приписываютъ ему всѣ добродѣтели, вмѣсто того, чтобъ заставить его краснѣть отъ своихъ пороковъ. Чтобъ не впасть въ подобную ошибку, я избралъ не кого-нибудь изъ князей, но тѣхъ, которые, по своимъ прекраснымъ качествамъ, заслуживаютъ быть ими».

«Историки гораздо больше уважаютъ Гіерона, простаго сиракузскаго гражданина, чѣмъ Персея царя македонскаго; Гіерону, чтобъ сдѣлаться княземъ, не доставало только верховной власти; Персей изъ всѣхъ царскихъ качествъ имѣлъ только власть.»

Изъ этого посвященія видно, что Маккіавелли разочаровался во владѣтельныхъ особахъ. Медичи обманули надежды Италіи, обманули надежды бывшего секретаря. Онъ понялъ, что ему нечего болѣе ожидать отъ Леона, послѣ того какъ онъ, проѣзжая черезъ Флоренцію, захотѣлъ видѣть «Мандрагору», былъ въ восхищеніи отъ ней—и оставилъ автора въ забвеніи *).

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Веттори не переставалъ ходатайствовать за своего друга; затруднительныя обстоятельства, въ которыя поставилъ себя папа — требовали совѣтовъ опытнаго политика. Леонъ черезъ Веттори обратился къ знаменитому публицисту. Съ жадностью ухватился тотъ за представившійся случай выйти изъ своего положенія — и дипломатическая корреспонденція началась. Но это не улучшило положенія Маккіавелли. Леонъ пользовался его совѣтами и ничего не давалъ совѣтнику, подъ тѣмъ предло-

*) Комедія эта была написана Маккіавелли во время пребыванія его въ деревнѣ; она была представлена сначала во Флоренціи и имѣла такой успѣхъ, что папа пожелалъ видѣть ее въ Римѣ. Для этого выписали изъ Флоренціи актеровъ и декораціи. Второй разъ Леонъ видѣлъ ее, проѣзжая черезъ этотъ городъ. Женгеле ошибается, утверждалъ, что Мандрагора написана въ тюрьмѣ.

гомъ, что Веттори писалъ къ совѣтнику отъ своего имени. Наконецъ въ 1519 году, желая сдѣлать нѣкоторыя перемѣны во флорентинской конституціи, папа прямо обратился къ Макіавелли, требуя его мнѣнія на этотъ счетъ. Бывшій секретарь написалъ чрезвычайно уклончивый проэктъ, предлагая республику, съ допущеніемъ тайнаго вліянія папы на выборы. Онъ не могъ поступить иначе. Сочувствуя республикѣ истинной, онъ долженъ былъ предложить испорченную, иначе онъ рисковалъ, что планъ его будетъ отвергнутъ. Допуская поддержку приверженцевъ церкви на выборахъ, Макіавелли допускалъ только то, что было при борьбѣ партій. Какъ-бы то ни было, этотъ проэктъ остался безъ исполненія. Леонъ думалъ, колебался, и, въ ожиданіи рѣшенія своего, назначилъ на мѣсто умершаго Лоренцо кардинала Джуліо Медичи, впоследствии папу Климента VII.

Новый правитель Флоренціи думалъ воскресить въ ней вѣкъ Лоренцо Великаго, воображая, что блескъ праздниковъ, покровительство ученымъ и поэтамъ, займутъ праздную толпу и отвратятъ ее отъ желанія возвратить утраченную свободу. Въ числѣ писателей, пользовавшихся покровительствомъ кардинала находился и Макіавелли: ему поручено было написать исторію Флоренціи. Въ тоже время онъ снова выступилъ на дипломатическое поприще, имено, онъ получилъ приказаніе отправиться къ монахамъ въ Карпи (въ герцогствѣ Моденскомъ). Это порученіе доставило ему случай войти въ дружескую переписку съ Гвиччардини.

Между-тѣмъ Леонъ скончался и вскорѣ кардиналъ Юлій Медичи сдѣлался папою. Управление Флоренціею онъ оставилъ двѣнадцатилѣтнему Ипполиту, назначивъ совѣтъ для регентства изъ 3-хъ кардиналовъ.

Въ 1525 году Макіавелли кончилъ первую часть исторіи Флоренціи, заключающуюся смертью Лоренцо 1-го и поднесъ трудъ свой папѣ. Приемъ былъ холоденъ, награжденіе ничтожно: всего 100 дукатовъ. Оскорбленный историкъ рѣшился не продолжать болѣе своей работы; еще и потому, что происшествія, которыя слѣдовало описывать были слишкомъ близки, и многія сильныя лица изображались такимъ образомъ, что безпристрастіе историка должно было возбу-

дѣть гнѣвъ ихъ, а лгать, въ избѣжаніе этого, онъ не хотѣлъ. Къ этому-же времени слѣдуетъ отнести сочиненіе его «о Военномъ искусствѣ», посвященное Строцци. И это произведеніе, подобно другимъ, проникнуто любовью къ родинѣ; и въ немъ, какъ въ другихъ, повсюду видны планы къ освобожденію ея....

Но въ то время, когда Маккиавелли подносилъ эти книги, папа разорвалъ союзъ свой съ Испаніей, и армія коннетабля де-Бурбона спѣшила наказывать его. Составленная изъ бродягъ и лацкнехтовъ, она искала только грабежа. Римъ и Флоренція манили жадность завоевателей. Коннетабль остановился на границахъ Тосканы, чтобъ привести своихъ неприятелей въ недоумѣніе. Флорентинцы спѣшили укрѣпиться. Маккиавелли поручили собрать милліцію и осмотрѣть укрѣпленія. Дни и ночи проводилъ онъ въ выполненіи возложенныхъ на него порученій.

«У меня голова такъ полна крѣпостями, писалъ онъ къ Гвиччардини, что ничего другого не лѣзетъ въ нее.... Со всѣхъ сторонъ видно—какъ легко изгнать шайки разбойниковъ. До-тѣхъ-поръ не будетъ безопасности, пока Испанецъ не выгонять изъ Ломбардіи такъ, чтобъ они другой разъ туда не сунулись.... Сколько было потеряно удобныхъ случаевъ, чтобъ сдѣлать это. Не упустимъ-же теперяшняго!... прочь покой!... освободите Италію отъ ея насущнаго зла, искорените этихъ поганыхъ скотовъ, которые не имѣютъ въ себѣ ничего человѣческаго, кромѣ лица и голоса».

Но гроза промчалась мимо Флоренціи и обрушилась надъ Римомъ. Коннетабль былъ убитъ при штурмѣ, и армія предалась всѣмъ неистовствамъ, какія только могутъ возбудить страсти, не сдержанныя никакими законами. Армія итальянской лиги явилась поздно; сверхъ того командовавшій ею герцогъ д'Урбино не захотѣлъ подвергать войска свои случайностямъ боя и ограничился ролью зрителя. Маккиавелли находился въ этой арміи въ качествѣ комиссара. Ему предлагали начальство надъ отдѣльною частью, съ тѣмъ чтобъ онъ сдѣлалъ на практикѣ примѣненіе своей теоріи военнаго искусства; но тонкій политикъ, понимая разницу между тео-

рією и практикою, отказался, довольствуясь нравственнымъ вліяніемъ на войска.

Черезъ 17 дней по разграбленіи Рима, Медичи снова были изгнаны изъ Флоренціи. Маккіавелли не могъ скрыть своей радости: онъ спѣшилъ вернуться на родину, надѣясь принять значительное участіе въ управленіи, но ошибся. Партія восторженныхъ фанатиковъ, поклонниковъ Савонаролы, завладѣвшая управленіемъ, забыла заслуги бывшего секретаря, забыла мученія, перенесенныя имъ во имя свободы — помнила только одно, что въ послѣднее время онъ находился въ службѣ Медичи.

Не смотря на всѣ старанія друзей, Николо не могъ занять прежняго мѣста, и жестоко оскорбленный удалился въ свое уединеніе. Къ этимъ огорченіямъ присоединились сильныя желудочныя боли; онъ вздумалъ употребить изобрѣтенныя имъ плюлюи *), которыя прежде помогали ему, но онѣ въ этотъ разъ обманули ожиданія, и несчастный скончался 22 іюня 1527 года, исповѣдавшись отцу Матвѣю, который находился при немъ до послѣдняго его издыханія (письмо Піетро Маккіавелли къ Франческо Нелли). Тѣло секретаря похоронили въ церкви Санта-Кроче, гдѣ по приказанію великаго герцога Леопольда поставили ему памятникъ въ 1787. Второе завѣщаніе Маккіавелли, составленное за пять лѣтъ до смерти, показываетъ, что состояніе его значительно поправилось. Имѣніе его состояло изъ одного дома во Флоренціи и 4-хъ загородныхъ, не считая полей, лѣсовъ и виноградниковъ; сверхъ-того незадолго до кончины онъ выигралъ въ венеціанской лотереѣ около трехъ-тысячъ дукатовъ....

Политическія способности знаменитаго секретаря, бромѣ его сочиненій, видны еще и въ миссіяхъ: самыя разнообразныя порученія онъ выполнялъ съ успѣхомъ. Если ему не всегда удавалось оканчивать ихъ, то причины этого скрывались въ тогдашнемъ государственномъ устройствѣ, о чемъ уже мы сказали выше. Намъ кажется г. Феррари ошибается, отказывая Маккіавелли какъ практику въ дипломатическихъ способностяхъ. Надо отдѣлять мнѣнія, принадлежащія лично се-

*) Плюлюи эти состояли изъ Aloe patico 1½ драхмы; cardam. dios. 1 драх.; Zafferano, Mirra detta, Bettonica, Pimpinella, Bolo armenico по ¼ драхм.

кретарю, отъ мнѣній высказанныхъ по приказанію синьорин; не надо забывать, что онъ всегда дѣйствовалъ по порученію ея; что она всегда указывала ему цѣль. Если-бы Маккиавелли не обладалъ глубокимъ знаніемъ современной ему политики, къ нему не обращались-бы за совѣтами люди, считавшіеся сами весьма искусными политиками....

Характеръ человѣка кромѣ темперамента зависитъ еще отъ системы воспитанія, отъ идей, господствующихъ въ обществѣ, и отъ лицъ, съ которыми приходится имѣть дѣло.

Нѣтъ сомнѣнія, что Маккиавелли былъ воспитанъ на древнихъ; это видно и въ его сочиненіяхъ и въ его образѣ жизни; тогда какъ другіе усвоивали себѣ букву классиковъ, онъ усвоилъ духъ ихъ. Вліяніе Римлянъ было на него гораздо сильнѣе вліянія Грековъ, можетъ быть по этому произведенія живописи и ваянія не производили на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на его современниковъ, хотя талантъ его отличался изобразительностью. Любовь къ отчизнѣ, волновавшая сердца гражданъ древняго Рима, нашла полное выраженіе себѣ въ личности Маккиавелли. Постоянно онъ сочувствовалъ республиканскому образу правленія и всю жизнь пользовался уваженіемъ лучшихъ людей своего времени.

Вліяніе тогдашняго общества испортило эту богатую натуру. Поставленный дипломатическими сношеніями въ прикосновеніе съ людьми самыми безнравственными, полными самаго безпощаднаго эгоизма — онъ привыкъ не слишкомъ высоко цѣнить нравственность. Рядъ непрерывныхъ огорченій, обманутая мечта освободить Италію отъ варваровъ, заставили его мрачно смотрѣть на людей. Дѣйствительно, у кого сердце не обольется кровью, видя, что только Цезарь Борджіа могъ соединить разрозненные члены Италіи въ одно цѣлое и противопоставить твердый оплотъ нашествіямъ трансальпийцевъ. Если онъ допускалъ временное соединеніе республикъ подъ властью Цезаря, то, какъ намъ кажется, потому только, что эти республики и безъ того находились подъ властью синьоровъ, похитившихъ ихъ свободу. Сверхъ того признавая принципомъ безпрестанный переходъ республики къ монархіи и обратно, онъ, естественно, долженъ былъ думать, что единство, принеся пользу освобожденіемъ

Италиі, кончить паденіемъ предъ непобѣдимымъ движеніемъ индивидуализма и народности. Ставъ во многомъ выше современниковъ, въ другихъ отношеніяхъ Маккіавелли раздѣлялъ ихъ ошибки. Застигнутый потокомъ новыхъ идей, въ борьбѣ стараго вѣка съ новымъ, онъ сохранилъ и заблужденія старины и усвоилъ самые смѣлые догматы новѣйшей философіи.

На религію смотрѣлъ онъ какъ на человѣческое изобрѣтеніе и не хотѣлъ возвыситься дальше движенія сферъ; по его мнѣнію — движеніе планетъ, переменна времянь годъ, переходъ отъ жизни къ смерти опредѣляется круговымъ движеніемъ вселенной; государственные перевороты происходятъ отъ тѣхъ-же причинъ; сверхъ-того онъ допускаетъ существованіе духовъ, которые наполняютъ, по его мнѣнію, атмосферу и изъ состраданія къ смертнымъ предувѣдомляютъ ихъ о несчастіяхъ разными знаменіями. Но человѣкъ можетъ, до нѣкоторой степени, выйти изъ этого положенія. Разумъ человѣческій, не измѣняя общаго закона, можетъ ускорить или замедлить примѣненіе его къ личности. Всякій можетъ избрать себѣ цѣль, и если она возможна, и онъ употребитъ весь свой разумъ для достиженія ея, то успѣетъ.

Маккіавелли отвергаетъ нравственность, почерпнутую изъ преданій; онъ смотритъ на порокъ и на добродѣтель какъ на понятія условныя — и выше всего ставитъ успѣхъ, какъ проявленіе высшей силы разума; разумъ, по его мнѣнію, долженъ творить право, и законъ, и самую религію; онъ не подчиняется ничему кромѣ движенія сферъ. Такая нравственная философія великаго мыслителя заставляла считать его атеистомъ; напрасно нѣкоторые ссылались на его исповѣдь, имъ приводили въ примѣръ исповѣдь Saint Chapelet (См. Декамеронъ Боккаччіо, Новелла 1). Но мы ближе знакомые съ духомъ католицизма не станемъ винить Маккіавелли за нападенія его на папъ, не станемъ винить его за заблужденія вѣка, но отдадимъ справедливость той массѣ непреложныхъ идей, которыя онъ бросилъ на пользу народовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми ошибками.

IV.

Древніе полагаю цѣлью государства — добродѣтель; новѣйшіе полагаютъ — счастье. Одно безъ другого существовать не можетъ, и счастье всегда пропорціонально добродѣтели и разуму, какъ справедливо замѣчаетъ Аристотель *). Разница въ опредѣленіи цѣли государства, намъ кажется, произошла отъ того, что древніе допускали поглощеніе личности обществомъ, новѣйшіе-же требуютъ безусловной индивидуальной свободы. Допуская равенство правъ всякаго на счастье, новѣйшія системы политической экономіи, въ томъ числѣ и социализмъ, стараются обезпечить матеріальное благосостояніе каждаго члена общества. Но этого недостаточно: при матеріальномъ довольствѣ необходимо правильное развитіе внутреннее, необходимо сознаніе правъ всякой другой личности, всякаго, даже противорѣчащаго, мнѣнія. Какъ скоро подобное сознаніе простирается на цѣлый міръ — является космополитизмъ. Полное осуществленіе его возможно только при полномъ развитіи индивидуализма, чего не можетъ быть безъ совершеннаго сознанія національности, какъ отличительнаго признака личности, свойственнаго многимъ. Непризнаніе правъ одного лица другимъ возбуждаетъ вражду. Непризнаніе правъ одной національности другою также; космополитизмъ представляетъ общее братство: каждаго гарантируетъ цѣлое человечество, точно такъ, какъ въ національности гарантируетъ нація; въ семействѣ — семейство. Но масса, защищая отдѣльную личность, требуетъ иногда отреченія ея отъ своихъ правъ, отъ своихъ привязанностей и мнѣній. Разумѣется, все это происходитъ отъ ненормальнаго состоянія общества, отъ стремленія каждаго къ удовлетворенію личныхъ своихъ потребностей въ ущербъ другимъ членовъ общества, хотя это стремленіе къ комфорту какъ нельзя болѣе законно и полезно, потому-что вытекаетъ изъ человеческой природы, рождаетъ дѣятельность и заставляетъ умъ работать. Отказъ себѣ въ комфортѣ укрѣпляетъ волю, но въ ущербъ уму и труду. Равновѣсіе между этими

*) Политика. Книга IV, глава I, по раздѣленію Бартеlemi С. Илера (S. Hilaire).

двумя крайностями устанавливается воспитаніемъ: оно, укрѣпляя волю, направляетъ ее къ изобрѣтеніямъ, къ удовлетворенію потребностей, возбужденныхъ ею. Такимъ-образомъ запретительныя узаконенія древности были прямо противны коренному закону общества — доставленію другъ-другу возможно большихъ удобствъ жизни, были противны человѣческому духу, сдерживая его развитіе, питая суровость и страсть къ завоеваніямъ. Сверхъ того древній міръ не зналъ счастья безъ рабства; ему необходима была *колоніальная разработка ближняго*, по выраженію одного замѣчательнаго писателя. Аристотель ставитъ рабство однимъ изъ основаній своей политической системы; самый Платонъ совѣтуетъ только кротость и снисходительность къ рабамъ, а между-тѣмъ лишаетъ ихъ гражданскихъ правъ.

Эти принципы благосостоянія древняго міра не могли привиться на итальянской почвѣ. Демократическій элементъ занялъ широкое мѣсто въ нѣдрахъ итальянскихъ республикъ, и уничтожилъ рабство; обширная торговля уничтожила запретительную систему (понимая ее въ ограниченіи потребностей), а врожденный изящный вкусъ и жажда знаній — доставили ей высокое умственное значеніе; но съ другой стороны раздѣленіе полуострова на множество мелкихъ владѣній ограничило патріотизмъ весьма узкими предѣлами; демократическій элементъ падалъ болѣе-и-болѣе, схоластическая ученость не имѣла жизненныхъ государственныхъ началъ и вела къ ученому космополитизму, или лучше сказать, къ индифферентизму. Тогда-какъ развитіе индивидуальнаго начала было связано правительственными распоряженіями и преданіями папскаго двора.

Вся исторія Италіи, какъ мы уже сказали, представляетъ борьбу двухъ единствъ: папскаго и императорскаго съ народнымъ и индивидуальнымъ началомъ. Идея имперіи тождественна съ идеею единства, древній Римъ такъ и понималъ ее, стремясь ко всемірной монархіи. Стремленіе это встрѣтило преграду со стороны покоренныхъ народностей, добивавшихся возвращенія потерянной независимости, желавшихъ самостоятельнаго развитія. Желанія эти, вытекающія изъ пенѣмѣннаго закона природы: влеченія низшихъ организацій

къ сравненію съ высшими были признаны законными, даже и Римомъ. Онъ давалъ право гражданства возмущавшимся провинціямъ. Введеніе Христіанства принесло новый элементъ въ государственное устройство имперіи: оно сдѣлалось однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ поддержкѣ кесарей. Съ наденіемъ Западной Римской Имперіи образовались въ послѣдовательномъ порядкѣ королевства Готовъ и Лонгобардовъ. Римскіе первосвященники постоянно враждовали съ ними и кончили уничтоженіемъ ихъ къ помощи Византіи и Карла Великаго. Знаменитый договоръ его съ папамъ послужилъ источникомъ бѣдствій для Италіи, стѣсня ея развитіе. Пока католицизмъ стоялъ выше политическихъ учрежденій имперіи до-тѣхъ-поръ прогрессъ совершался съ помощью его, но какъ скоро единство папское и императорское хотѣли заявить себя вполне, революція стала выше папства и абсолютизма. Консулы побѣждаютъ архіепископовъ и заставляютъ епископовъ переселиться въ города; подесты узаконяютъ войну демократіи съ аристократіей. Но съ другой стороны борьба гвельфовъ и гибеллиновъ, желавшихъ соединить Италію въ одно цѣлое подъ власть идеальнаго папы или императора, породила тирановъ и синьоровъ, которые убили окончательно демократическій элементъ въ республикахъ и возвратили гражданъ. Къ этому присоединилась наслѣдственная вражда городовъ за право преобладанія, за право быть центромъ для окрестностей — что заключило патриотизмъ въ весьма узкія формы. Города военные, основанные Готами и Лонгобардами, постоянно враждовали съ городами римскими и византійскими. Эти причины дѣлали федерацію весьма трудною, а иногда при столкновеніи личныхъ интересовъ синьоровъ рѣшительно невозможною. Наступило время общаго бѣдствія. Матеріальныя силы Италіи были раздроблены. Надо было соединить ихъ какимъ-либо образомъ; надо было найти какой-нибудь могучій нравственный двигатель, который могъ-бы поднять націю какъ одного человѣка. Савонарола пробовалъ дѣйствовать фанатизмомъ, надѣясь съ помощью его оживить демократическій элементъ, но не успѣлъ. Обновленіе было соединено съ лютеранствомъ, а это ученіе никогда не могло приняться въ Италіи, потому-что было

чуждо эстетическому чувству, врожденному ей жителямъ. Юлій думалъ воскресить время крестовыхъ походовъ, становясь во главѣ арміи, но это было несовременно, и воинственный старикъ предсталъ не въ видѣ идеальнаго папы — надежды гвельфовъ, но въ видѣ синьора римской области, начальника кондотьеровъ. Леонъ X ставилъ личные интересы выше всего, равнодушный къ религіи, хотя вынужденный обстоятельствами дѣйствовать въ ея защиту, онъ нѣкоторымъ образомъ безсознательно протестовалъ противъ католицизма во имя классической древности; но классическая древность не могла возродить упавшаго патриотизма, потому что была большею частію достояніемъ ученыхъ, предметомъ форменнаго удивленія, но не жизненнымъ началомъ духа. Надо было протестовать во имя реформаціи, потому что реформа политическая и религіозная соединились въ этомъ ученіи, а, естественно, Леонъ не могъ поступать такъ. Одинъ только Цезарь Борджіа болѣе другихъ приблизился къ осуществленію централизаціи Италіи. Маккіавелли внимательно наблюдалъ за разнородными покушеніями къ освобожденію полуострова, и рѣшился представить по этому случаю два проекта. Первый изъ нихъ называется «il Principere» и составленъ на основаніи поступковъ Цезаря Борджіа съ цѣлью соединенія Италіи въ одно цѣлое; второй «Discorsi» стремится къ пробужденію въ Итальянцахъ патриотизма, къ образованію федераціи изъ республикъ или къ созданію одной громадной республики по примѣру Римской.

Какъ-скоро дѣло касается до блага отчизны. Маккіавелли не знаетъ уступокъ. «Надо, чтобъ родина была спасена «со славой или безчестіемъ — все равно!» восклицаетъ онъ, и на этомъ основаніи строитъ свою теорію.

Сознавая недостатокъ народности, пропитанный идеями древняго Рима, онъ полагаетъ въ основу своего зданія римскія начала. «Римлянинъ вездѣ, онъ настаиваетъ на строгую послѣдовательность характера и дѣйствій, онъ видитъ несчастье людей въ томъ, что имѣя равныя причины быть добрыми или злыми, они держатся середины. Идея государства идетъ у него впереди всего и имѣетъ только относительную цѣну. Онъ считаетъ пазвнительнымъ и достаточно

правымъ все, что служатъ общей идеѣ, общей цѣли. Прогрѣтаніе науки и искусства въ его дни нисколько не замѣняетъ сгнбнувшаго политическаго величія Италиі. Самобытная пытливая мудрость, свободная прекрасная поэзія Греціи, чужды ему, но за то римскіе писатели съ ихъ громадными идеями о государствѣ, съ ихъ колоссальными образами героевъ двигаютъ его, онъ сочувствуетъ имъ.... Особенно высоко ставитъ онъ религіозныя древне-римскія учрежденія, указываетъ на ихъ параллельной ходъ съ жизнью государства и видитъ въ нихъ одну изъ главныхъ причинъ его величія» *).

Но онъ не довольствуется Римлянами. Аристотель, Ксенофонтъ, исторія итальянскихъ республикъ, особенно его времени, доставляютъ ему матеріалы для сравненія и выводовъ политическихъ афоризмовъ. На широкой базѣ національности и религіозности основываетъ онъ свою теорію. Преслѣдуя задушевную свою идею, онъ приноситъ ей въ жертву все: убѣжденія, начала истины и добра, и выше всего ставитъ усѣхъ, какъ проявленіе высшей силы разума...

Чтобы дать нашимъ читателямъ болѣе полное понятіе о системѣ Маккиавелли, расскажемъ вкратцѣ ея содержаніе.

«Il Principe» состоитъ изъ 26 главъ, составляющихъ одну книгу, а не три, какъ утверждалъ Антоній Поссевинъ.

Раздѣлявъ княжества на наследственныя и новыя, секретарь приступаетъ къ наставленіямъ, какъ должно управлять ими. Въ примѣръ управленія въ государствахъ завоеванныхъ онъ ставитъ Цезаря Борджіа; въ примѣръ государей достигшихъ престола злодѣйствами — Агаоокла. Вѣршій своей идеѣ общественной пользы, Маккиавелли одобряетъ ихъ дѣйствія съ точки зрѣнія политической; въ отношеніи же нравственномъ порицаетъ.

Вотъ, что говоритъ онъ объ Агаооклѣ: «его жестокости, его безчеловѣчіе и многочисленныя злодѣянія не позволяютъ включать его въ число великихъ людей».... «хотя жестокость эта была употреблена во время, *хорошо*, *если только это слово можетъ быть приложено къ тому, что дурно*».

*) Carriere. Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit.

Въ слѣдующихъ главахъ говорится о необходимости составленія національной арміи и качествахъ, необходимыхъ князю. Маккіавелли совѣтуетъ ему быть щедрымъ при раздачѣ контрибуцій и собственности чужихъ подданныхъ, но беречь имущество своихъ; иначе придется увеличить подати и возбудить ропотъ въ народѣ. Если жестокости необходимы для утверженія власти князя, пусть онъ совершитъ ихъ разомъ; милости-же должны изливаться постепенно. Никогда не слѣдуетъ держать вынужденнаго обѣщанія, если оно вредно для владѣтеля, т. е. для государства. Намъ кажется, что здѣсь Маккіавелли требуетъ отъ князя или величайшаго пожертвованія своимъ именемъ, своей честью, своей репутаціей въ вѣкахъ будущихъ — для пользы государства, или олицетворенія самаго глубокаго эгонизма, презирающаго все для достиженія своей цѣли. Нельзя сказать, чтобы великій мыслитель одобрялъ это правило: онъ смотрѣлъ на него какъ на необходимое зло, безъ котораго не могло совершиться освобожденіе Италіи.

Въ другой главѣ онъ требуетъ отъ князя всѣхъ добродѣтелей, но, сознавая слабость человѣческой природы, позволяетъ ему притворяться, показывать себя кроткимъ, откровеннымъ, человѣколюбивымъ, честнымъ и главное религиознымъ, — какія-бы страсти ни кипѣли въ груди. Онъ долженъ избѣгать случаевъ навлечь на себя презрѣнія или ненависть, не посягать на чужое имущество и честь женщинъ, — и не пренебрегать военными упражненіями.

Такимъ-образомъ Маккіавелли первый подалъ голосъ-противъ конфискаціи въ то время, когда она служила источникомъ доходовъ для многихъ владѣтельныхъ особъ.

Въ той-же главѣ, рассматривая крайности, въ которыя иногда бываетъ поставленъ князь относительно удовлетворенія народа или войскъ, онъ приводитъ въ примѣръ римскихъ императоровъ, которые пали жертвою несвоевременныхъ мѣръ. Такъ Пертинаксъ и Александръ Северъ, государи новой династіи, погибли, потому что хотѣли подражать Марку-Аврелію, государю наследственному. Каракала, Коммодъ и Максиминъ были убиты, потому что хотѣли идти по слѣдамъ Септимія Севера, не имѣя его великихъ качествъ.

Въ слѣдующихъ главахъ идутъ новые совѣты князю. Онъ не долженъ обезоруживать своихъ подданныхъ, иначе оскорбить ихъ, подозрѣвая ихъ вѣрность. Въ государствѣ покоренномъ надо оставить оружіе только своимъ приверженцамъ. Въ своихъ городахъ не слѣдуетъ питать духа партій, хотя это обезпечиваетъ ихъ покорность въ мирное время, но за то въ военное они могутъ тотчасъ отложиться. Чтобъ внушить къ себѣ уваженіе, князь долженъ составить себѣ имя. Для этого надо поражать толпу грандіозностью предприятий, показывать блистательные примѣры наградъ и наказаній, избѣгать неутралитета, покровительствовать наукамъ и торговлѣ, окружить себя людьми благоразумными и свѣдущими. Если князь замѣтитъ, что министры болѣе думаютъ о себѣ, чѣмъ о немъ — онъ долженъ ихъ немедленно смѣнить. Чтобъ избѣжать льстецовъ надо позволить умнымъ и правдивымъ людямъ свободно высказывать свое мнѣніе, терпѣливо слушать ихъ, принимать совѣтъ отъ каждаго, но дѣйствовать по собственному усмотрѣнію; соображаться съ духомъ времени и съ обстоятельствами: иногда быть предпримчивымъ, иногда осторожнымъ — дѣйствуя такимъ образомъ, можно уменьшить вліяніе рока на свои предприятия, хотя оно весьма сильно.

Наконецъ въ послѣдней 26-й главѣ выражается скрытая цѣль всего сочиненія, въ ней объясняется — для чего онъ позволяетъ князю даже такія вещи, которымъ не сочувствуетъ — все для того, чтобы Италия была свободна! Въ этой главѣ безстрастный публицистъ достигаетъ высокаго пафоса. «Взоры всѣхъ устремлены на вашъ знаменитый домъ!» восклицаетъ онъ, обращаясь къ Лоренцо Медичи. «Освобожденіе не будетъ трудно, если вы примите за образецъ жизнь и дѣйствія героевъ, которыхъ я называлъ. Правда, это были люди чудные и рѣдкіе, но все-таки люди, и случаи, которыми они воспользовались, были менѣе благопріятны, чѣмъ тѣ, которые представляются. Ихъ предприятия не были справедливіе этого, и они пользовались покровительствомъ неба не болѣе васъ. Здѣсь справедливость является во всемъ своемъ блескѣ, потому что война справедлива, когда необходима, и оружіе священно, когда оно единственная надежда притѣс-

ненныхъ»... «Не упустимъ предстоящаго случая! Пусть Италия, послѣ столь долгаго ожиданія, увидитъ наконецъ своего освободителя! Я не могу найти словъ, чтобъ выразить—съ какой любовью, какой жадной мщенія, съ какой непоколебимой вѣрностью, съ какимъ уваженіемъ и слезамъ радости будетъ онь принять во всѣхъ провинціяхъ, которыя столько претерпѣли отъ этихъ наводненій иноплеменниковъ! Какая крѣпость затворитъ передъ нимъ свои ворота? Какіе народы не захотятъ ему повиноваться? Какая зависть воспротивится его успѣхамъ? Какой Итальянецъ не почититъ его? Есть-ли кто-нибудь, чье сердце не трепетало-бы отъ негодованія, при видѣ владычества варваровъ? Да приметъ-же на себя вашъ знаменитый домъ это бремя съ тѣмъ мужествомъ и надеждою на успѣхъ, которыя внушаютъ справедливое и законное предпріятіе! Пусть подъ вашимъ знаменемъ общая отчизна наша приобрѣтетъ прежнее свое благополучіе! Пусть подъ вашимъ покровительствомъ оправдаются эти стихи Петрарки:»

Virtù contra furore
Prenderà l' arme & fia'l combater corto;
Che l'antico valore
Negl' italici cor non è ancor morto *)

(Канцона XVI.)

«Discorsi» состоятъ изъ трехъ книгъ, раздѣленныхъ на главы. Въ первой книгѣ 60 главъ; во второй — 33 и въ третьей—49.

Не станемъ говорить о достовѣрности Тита Ливія, котораго Макіавелли выбралъ источникомъ для своихъ политическихъ разсужденій. Пульп, Бофоръ, Вико и Нибуръ еще не подвергали знаменитаго Римлянина исторической критикѣ, и ему всѣ вѣрили. Макіавелли въ этомъ случаѣ не составлялъ исключенія: онь подчинялся ученымъ обаяніямъ своего вѣка: называлъ Пика де-Мирандола «почти божественнымъ» и Плутарха считалъ въ числѣ писателей, наиболѣе достойныхъ вѣроятія. Впрочемъ, наше дѣло состоитъ не въ разборѣ источниковъ, которыми пользовался бывший секретарь,

*) Мужество вооружится противъ ярости; битва будетъ коротка; древнее мужество не умерло еще въ сердцахъ Итальянцевъ.

а въ ознакомленіи публики съ его идеями и ихъ значеніемъ и потому мы прямо приступимъ къ изложенію содержанія *Discorsi*.

«Хотя человекъ, по своей завистливой натурѣ, говорить онъ, сдѣлалъ открытіе новыхъ системъ также опаснымъ, какъ отыскиваніе неизвѣстныхъ земель и морей, потому-что склоненъ скорѣе порицать, чѣмъ хвалить, не смотря на то, повинаясь тому врожденному побужденію, которое всегда устремляло меня къ предпріятіямъ полезнымъ для общества, я намѣренъ пойти и по пути еще не проложенному, не стѣсняясь ничѣмъ.... Мы не умѣемъ пользоваться образованіемъ. продолжаетъ онъ, горделивая лѣнь и незнаніе истиннаго духа исторіи препятствуютъ намъ уловить настоящей смыслъ ея.... Люди, читающіе исторію, видятъ предъ своими глазами массу происшествій и не думаютъ, что есть такія, которымъ можно подражать, какъ-будто небо, солнце и люди не тѣже теперь, что были прежде.... Чтобъ показать людямъ эту ошибку, я рѣшился написать на каждую изъ уцѣлѣвшихъ книгъ Тита Ливія, сравнивая происшествія древнія и новыя, все, что можетъ, какъ мнѣ кажется, пособить ихъ уразумѣнію и содѣйствовать пользѣ, которую необходимо извлекать при изученіи исторіи.»

Высказавшись такимъ образомъ, Макиавелли приступаетъ къ изложенію своей теоріи.

По его мнѣнію, какъ только люди соединились въ общества, необходимость защиты заставила ихъ отличать наиболѣе сильнаго и мужественнаго: они избирали его начальникомъ и повиновались ему. «Отсюда произошло первое познаніе того, что полезно и честно и что вредно и преступно. *Залымили, что тѣ, которые вредили своимъ благодѣтелямъ, возбуждали ненависть къ себѣ и состраданіе къ своимъ жертвамъ; неблагодарныхъ проклинали, къ признательнымъ чувствовали уваженіе* и, опасаясь въ свою очередь испытать несправедливости, которымъ подвергались другіе, рѣшились противопоставить злу преграду законовъ, и наказывать тѣхъ, которые ихъ нарушали. Тогда, какъ-скоро дѣло коснулось до выбора начальника, избрали наиболѣе умнаго, и, главное, наиболѣе справедливаго. Явилось право престолонаслѣдія;

но потомки первого князя скоро выродились, перешли къ лѣности, роскоши и сладострастію и возбудили противъ себя ненависть, это заставило ихъ прибѣгнуть къ тиранству. Люди, отличавшіеся величіемъ духа, богатствомъ и знатностію, не могли перенести подобныхъ злоупотребленій власти и свергли князя съ престола. Тогда правленіе перешло въ руки аристократіи, но сыновья освободителей пошли по слѣдамъ тирана и были изгнаны народомъ. Образовалась демократія, которая скоро превратилась въ демагогію, въ своеволіе, и заставила снова выбрать князя. Жизнь государства безвыходно вращается въ этомъ очарованномъ кругѣ, подчиняясь вліянію сферъ. Всякая изъ этихъ системъ-управленія имѣетъ свои выгоды и невыгоды, и потому знаменитѣйшіе законодатели старались составить такое правленіе, которое соединило-бы въ себѣ всѣ три начала: монархическое, аристократическое и демократическое. Въ примѣръ такого учрежденія Макіавелли приводитъ Римъ, гдѣ власть консуловъ была ограничена сенатомъ и трибунами. Подобнаго-же рода правленіе существуетъ нынѣ въ Великобританіи и надо отдать справедливость секретарю, что онъ разгадалъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго устройства, хотя первое разсужденіе о выгодахъ смѣшаннаго образа правленія принадлежитъ Цицерону.

Свобода въ Римѣ поддерживалась борьбой плебса съ патриціатомъ; потому-что допущеніе смѣшаннаго элемента въ администрацію рождаетъ духъ партій, взаимно слѣдящихъ другъ за другомъ и спасительныхъ для свободы страны. Такой примѣръ показываетъ намъ современная Англія и стоитъ только внимательно изучить ея конституцію, чтобы убѣдиться въ важности значенія партій для британскаго прогресса *). Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ учрежденій является гласность: печатная для нашего времени, словесная, право обвиненія, для древняго Рима. Религія составляла одну изъ сильнѣйшихъ опоръ римскаго могущества: она рождала мужество и повиненіе. «Тогда какъ мы, Итальянцы, обязаны римской церкви и ея прелатамъ тѣмъ, что не имѣемъ

*) Ремюза — L'Angleterre en XVIII siècle. Монталамберъ — De l'avenir de l'Angleterre.

ни религіи, ни правотѣ, мало того, верховосвященники поддерживаютъ раздѣленіе нашей несчастной страны. Причина — почему Италия не образуетъ одной монархіи или республики — церковь. Извѣдавъ прелесть земной власти, она, между тѣмъ, не имѣла ни довольно силъ, ни довольно могущества, чтобъ овладѣть остальной Италіей».... Этотъ отрывокъ ясно показываетъ какъ Маккиавелли смотрѣлъ на свое сочиненіе. По его мнѣнію, для счастья Италіи нужно, чтобы она составила одну монархію или республику и онъ пишетъ il Principe и Discorsi.

Сильное государство имѣетъ менѣе причинъ къ опасеніямъ, и потому Римляне были неблагодарны меньше Аѳинянъ. Это отношеніе можно перенести и къ князьямъ и къ наказаніямъ за ошибки въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вообще князья неблагодарнѣе народа, потому что корень неблагодарности заключается въ алчности и недовѣрчивости, а народъ подверженъ только послѣдней; такъ Веспасіанъ оставилъ въ забвеніи Антонія-Прима, а Фердинандъ-католикъ Гонзалва кордуанскаго, тогда какъ Римъ, изгнавшій Камилла, увидя, что ошибся не только призвалъ его, но и постоянно оказывалъ ему почести до конца его жизни.

За ошибки, сдѣланныя на войнѣ неумышленно, Римляне не только не наказывали, но еще иногда награждали, какъ видно изъ примѣра Варрона. Послѣ сраженія при Каннахъ, потеряннаго по его опрометчивости, сенатъ вышелъ ему на встрѣчу и благодарилъ, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества, отъ этого генералы могли командовать арміями со спокойнымъ духомъ.

Не смотря на все это, обстоятельства принуждали иногда Римлянъ прибѣгать къ выбору диктатора и авторитетъ его былъ всегда полезенъ для Рима; — только тотъ сапъ вреденъ, который гражданинъ похищаетъ, а не тотъ, который дсстается ему по избранію народа.

Перейдемъ теперь къ другимъ правиламъ Маккиавелли. Означимъ только тѣ, въ которыхъ наиболѣе проявляется духъ его, отложивъ до другого времени разборъ его военныхъ мнѣній, и посоветуемъ желающимъ подробнѣе ознакомиться съ его твореніями прочесть ихъ въ подлинникѣ или въ пе-

реводѣ. Для этого рекомендуемъ на французскомъ языкѣ Перье (Périer) и Луандра (Louandre); на нѣмецкомъ Циглера (Ziegler); на англійскомъ Ро (Roe). На русскомъ языкѣ, сколько намъ извѣстно, существуетъ переводъ «Князя», сдѣланный Волынскимъ и поднесенный Аннѣ Иоанновнѣ. Впослѣдствіи комментаріи *Волынскаго* послужили однимъ изъ обвинительныхъ противъ него пунктовъ. Не смотря на всѣ наши старанія, мы нигдѣ не могли отыскать этой рукописи.

Не соблюдать законъ, особенно законодателю, значитъ подавать дурной примѣръ другимъ, что можетъ повести къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ.

Великіе перевороты всегда предшествуются знаменіями или пророкамъ.

Народъ въ массѣ силенъ, особенно когда имѣетъ искуснаго начальника, но за то индивидуально слабъ.

Масса благоразумнѣе и постояннѣе князя. Доказательство этому представляютъ выборы въ должности и сужденія о какомъ-нибудь дѣлѣ, когда адвокаты одинаково краснорѣчивы — большею частью народный инстинктъ рѣшаетъ вѣрно. Союзъ съ республикою долженъ внушать болѣе довѣрія, чѣмъ союзъ съ княземъ.

Консульство и другія магистратуры въ Римѣ давались, не обращая вниманія ни на лѣта, ни на родъ; Римъ искалъ добродѣтели и таланта, а они принадлежность всякаго рода и возраста.

Во второй книгѣ Маккиавелли говорятъ, что люди часто безъ причины хвалятъ прошедшее и бранятъ настоящее, потому-что не знаютъ вполнѣ того, что было: историки скрыли часть происшествій, которыя безславили ихъ вѣкъ и украсили то, что могло увеличить его славу. «Сверхъ-того люди предаются ненависти изъ страха или изъ зависти, а въ отношеніи къ прошедшему эти источники пзсякли.... «Мнѣ кажется, міръ всегда былъ одинаковъ и заключалъ въ себѣ одну и ту же массу добра и зла; но думаю также, что она переходила изъ одной страны въ другую.... Сперва масса добра досталась въ удѣлъ Ассиріянамъ, потомъ Мидянамъ, послѣ нихъ Персамъ, и наконецъ перешла въ Италію и Римъ».... Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ

Маккіавелли, вѣруя вполнѣ въ прогрессъ человѣчества. Намъ кажется, что знаменитый мыслитель ошибся, потому что не хотѣлъ признать индивидуальнаго начала, не хотѣлъ признать развитія отдѣльныхъ личностей, какъ скоро члены общества просвѣщаются, такъ и оно становится лучше. Въ настоящее время некуда скрыться отъ просвѣщенія; всѣ мѣры гонителей его оказываются тщетными, и мы видимъ, что съ каждымъ днемъ масса добра увеличивается, масса зла уменьшается. Если мы не достигли еще общаго благополучія, это надо приписать преданіямъ, обскурантизму и несовершенному состоянію естественныхъ наукъ. Впрочемъ Маккіавелли писалъ о своемъ времени, подъ вліяніемъ древняго Рима, въ раздраемой врагами странѣ, — и потому немудрено, что ему казалось, что вся масса зла досталась на долю Италіи. «Разумѣется, говоритъ онъ, если-бы добродѣтели тѣхъ временъ и пороки нашихъ не были яснѣе дня, я сказалъ-бы о нихъ съ большею умѣренностію, опасаясь впасть въ ту-же самую ошибку, въ которой обвиняю другихъ, по это такъ очевидно, что бросается въ глаза всякому.»

«Итакъ я осмѣлюсь изложить безъ околичностей, что думаю о тѣхъ временахъ и объ нашихъ, для того, чтобы молодые люди, которые будутъ читать меня, могли подражать однимъ и избѣгать другихъ.... «Долгъ честнаго чловека указывать ближнимъ своимъ на добро, которое лѣта и случаи помѣшали ему сдѣлать, въ надеждѣ, что кто-нибудь другой его сдѣлаетъ».... За тѣмъ Маккіавелли переходятъ къ разсмотрѣнію поведенія Римлянъ съ цѣлью увеличенія государства.

Римъ, по его словамъ, обязанъ могуществомъ своимъ не счастію, а мужеству войскъ, искусной политикѣ и особенному характеру, которымъ запечатлѣлъ его первый законодатель.

Начиная войну съ сильнымъ непріятелемъ, Римляне избѣгали случая вести въ тоже время другую. Проникая въ непріятельскую страну, они старались приобрѣсти себѣ тамъ какого-нибудь друга. Этими средствами Римъ достигъ владычества надъ міромъ, хотя нѣкоторые народы отчаянно защищали свою свободу, особенно въ Италіи, потому что

этому много способствовала ихъ религія, которой принципы стремились къ тому, чтобы сдѣлать людей сильными и мужественными, ставя славу выше всего, презирая мужество пассивное, которое такъ цѣнили нѣкоторые новые философы.

Не довольствуясь завоеваніями, Римъ укрѣплялъ свое могущество и другими средствами: разрушалъ сосѣдніе города, давалъ право гражданства иностранцамъ, составлялъ лиги, сохраняя въ нихъ всегда первенство. Гордясь мужествомъ своихъ воиновъ, онъ не считалъ золото главною пружиною войны и не заключалъ союза съ государемъ, который имѣлъ болѣе славы, чѣмъ силъ дѣйствительныхъ. Поставленные въ затруднительныя обстоятельства, Римляне не знали полумѣръ, а въ случаѣ успѣха старались не доводить побѣжденных до отчаянія. Такое поведеніе и слава объ мужествѣ и могуществѣ Рима, доставляли ему вездѣ друзей и союзниковъ, и арміи его быстро летали отъ побѣды къ побѣдѣ, тѣмъ болѣе, что полководцамъ была предоставлена полная свобода дѣйствовать.

Третья книга начинается разсматриваніемъ вопроса, что нужно для доставленія долгаго существованія государству или какой-нибудь системѣ нравственной философіи. Макіавелли думаетъ, что для этого необходимо приводить ихъ разными учрежденіями къ основному ихъ закону: такъ примѣры строгости должны внушать уваженіе къ постановленіямъ; примѣры добродѣтели—къ религіи. Въ этихъ случаяхъ приходится иногда прибѣгать къ чрезвычайнымъ жертвованіямъ, но что дѣлать, если безопасность государства требуетъ этого, надо умѣть принести въ жертву свои привязанности, какъ поступилъ Брутъ 1. Это необходимо также, какъ необходимо государю, похитившему престолъ, умертвить тѣхъ, у кого онъ его отнялъ; иначе онъ будетъ постоянной цѣлью всѣхъ возмущеній и заговоровъ, особенно, если станетъ нарушать законы и управлять деспотически.

Заговоры рождаются отъ ненависти къ тирану. Нѣкоторые граждане, болѣе другихъ обиженные, замѣтивъ общую ненависть къ своему оскорбителю, убиваютъ его.

«Человѣка можно оскорбить въ имуществѣ, въ личности и въ чести. Если обидя касается лица—угроза болѣе опасна,

тѣмъ ея исполненіе... человекъ, котораго предали смерти, не мститъ; но которому угрожаютъ сю, становится чрезвычайно опаснымъ для князя: побуждаемый инстинктомъ само-сохраненія, онъ невольно дѣлается убійцей, чтобъ не быть убитымъ».

«За тѣмъ отнятіе имущества и оскорбленіе чести, наиболѣе раздражаютъ людей. Князь долженъ всячески избѣгать случаевъ совершать подобныя ошибки: онъ не можетъ такъ ограбить человека, чтобъ ему не осталось кинжала для мщениія, ни такъ обезчестить чтобъ лишить душу его жажды мести. Изъ всѣхъ способовъ лишить чести подданнаго самый чувствительный состоитъ въ оскорбленіи жены его и потому уже въ презрѣніи, которсе оказываютъ ему».

«Другая не менѣе важная причина къ заговорамъ противъ князя заключается въ желаніи освободить отечество отъ ига... «Единственное средство отвратить стремленіе этой ненависти—сложить съ себя власть, но какъ никто не хочетъ слѣдовать этой дорогой, то весьма немногіе избѣгаютъ несчастнаго конца».

Заговорщики подвергаются опасности—1) при составленіи заговора, 2) при выполненіи его и 3) послѣ выполненія.

Если заговоръ составляетъ одинъ, нельзя сказать, чтобъ это былъ заговоръ, это ничто иное, какъ твердая рѣшимость умертвить князя и заговорщикъ, въ этомъ случаѣ, избѣгаетъ опасностей перваго рода, потому что никто не знаетъ его умысла и не можетъ довести; за то въ остальныхъ двухъ случаяхъ ему угрожаетъ почти вѣрная смерть. При составленіи заговора многими, замѣчено, что заговорщиками бываютъ, но большей части, придворные или вельможи. Не довольствуясь ничѣмъ, они ищутъ короны и для этого готовы предпринять погибель своего благодѣтеля, что видно изъ примѣровъ Переннія, Плавціана, Сеяна и Джакобо Аппіано. По этому князь долженъ гораздо болѣе опасаться тѣхъ, которыхъ осыпалъ милостями, чѣмъ тѣхъ, которыхъ оскорбилъ, потому что послѣднимъ труднѣе найти сообщниковъ и приблизиться къ нему.

Открытіе заговора происходитъ или отъ недостатка вѣрности или отъ недостатка благоразумія. Первое случается

чаще, потому что трудно найти людей, которые изъ дружбы къ вамъ рискнули-бы на всѣ опасности, неизбѣжныя при заговорѣ и сверхъ-того пренебрегли-бы наградой, которую можетъ доставить имъ открытіе его. Разсчитывать на ненависть къ князю тоже нельзя, потому что недовольный, сдѣлавъ доносъ, можетъ примириться съ нимъ и получить то чего желаетъ. Чѣмъ болѣе заговорщиковъ, тѣмъ опасности этого рода возрастаютъ. Открытіе заговора по недостатку благоразумія случается, когда одинъ изъ заговорщиковъ выразится слишкомъ неосгорожно, такъ что его можетъ подслушать кто-нибудь посторонній, или если онъ сообщаетъ о заговорѣ лицамъ, которыхъ любитъ, а они по недостатку скромности проговорятся.

Случается также, что заговоры открываются по соображенію. Такъ Сцевиній наканунѣ дня, назначеннаго для умерщвленія Нерона, составилъ завѣщаніе, далъ свободу рабамъ, приготовилъ бинты для перевязки ранъ.—Это возбудило подозрѣнія Мелхія, отпущенника заговорщика, и онъ донесъ на него Нерону. Слѣдствіе открыло замышляемое преступленіе и виновные погибли.

Можно сказать, что почти нельзя предохранить себя отъ всѣхъ причинъ, которыя могутъ открыть заговоръ. Единственное средство успѣть въ немъ—не дать времени сообщникамъ обвинить васъ; для этого слѣдуетъ сказать имъ о замыслѣ только въ минуту выполнения.

Въ другомъ случаѣ, заговоръ достигаетъ своей цѣли, когда необходимость принуждаетъ васъ нанести ударъ тирану немедленно, не давая вамъ времени позаботиться о своей безопасности. Такимъ образомъ были убиты Коммодъ и Каракала.

«Что касается до опасностей, которымъ подвергаются въ минуту приведенія замысла въ дѣйствіе, онѣ происходятъ 1) отъ перемѣны распоряженій, 2) отъ момента слабости въ исполнителѣ, 3) отъ ошибки, происшедшей отъ неблагоразумія, и 4) отъ недовершенія дѣла, оставивъ въ живыхъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыхъ рѣшились убить».

Заговоръ Пацци не удался потому, что перемѣнили вдругъ распоряженія: вмѣсто того, чтобъ убить Лоренцо и Джуліа-

но за столомъ, какъ было рѣшено, вздумали совершить это въ церкви. Одинъ изъ заговорщиковъ отказался, принуждены были передать роль его другому — отъ этого произошли ошибки, которыя позволили Лоренцо спастись и погубили злоумышленниковъ.

Исполнитель слабѣетъ въ минуту исполненія, или изъ уваженія къ особѣ, которую долженъ поразить, или изъ трусости. Такъ рабъ, назначенный убить Маріа, не могъ поднять на него меча: братья Альфонса, герцога Феррарскаго, составивъ противъ него заговоръ, нѣсколько разъ имѣли случай привести его въ исполненіе, но постоянно слабѣли, когда приходилось дѣйствовать—наконецъ умыселъ ихъ открылся, и они были справедливо наказаны.

Люцилла, сестра Коммода, велѣла Квинтіану заколоть его. Дождавшись императора у входа въ амфитеатръ, онъ бросился на него съ книжаломъ, закричавъ: «вотъ, что посылаетъ тебѣ сенатъ». Эти слова были причиною, что заговорщика схватили прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опустить руку.

Антоніо да-Вольтерра, приблизившись къ Лоренцо Медичи, чтобъ поразить его, воскликнулъ: «а, злодѣй!» Этотъ крикъ спасъ Лоренцо.

Когда убили Галеаццо Сфорца герцога, миланскаго, у него остались сынъ и двое братьевъ, которые отмстили за его смерть.

Нѣкоторые изъ жителей Форли умертвили своего синьора, графа Джироламо, но оставили въ живыхъ жену его и сына. Она обманула ихъ, удалилась въ цитадель и заставила заговорщиковъ поплатиться вѣчнымъ изгнаніемъ за ихъ преступленіе.

Заговоръ противъ двухъ представляетъ еще болѣе затрудненій и можно сказать почти никогда не удается.

Опасность послѣ исполненія замысла одна — если у тирана остаются мстители; особенно, если мстителемъ является народъ.

Заговоры противъ отечества не такъ опасны въ началѣ, но за то труднѣе при исполненіи. Въ случаѣ-же успѣха всякая опасность прекращается.

Люди, желающіе достигнуть верховной власти въ отече-

ствѣ, могутъ дѣйствовать или оружіемъ, какъ Цезарь и Агаоокъ, или хитростью, какъ Пизистратъ.

Если внимательно разсмотрѣть всѣ заговоры противъ отечества рѣдко можно найти такіе, которые были открыты при составленіи ихъ; большая часть рухнула при исполненіи, а тѣ, которые успѣвали, дѣлали тирановъ и окружали ихъ опасностями, неизбѣжнымъ плодомъ тиранніи.

Употребленіе яда подвергаетъ заговорщиковъ еще большимъ опасностямъ и случайностямъ, и сверхъ-того иногда приходится окапчивать кинжаломъ, какъ случилось при убіеніи Коммода.

Не смотря на всѣ эти опасности, заговоръ самое страшное оружіе противъ князя: онъ лишаетъ его или трона и жизни или репутаціи.

Если князь или республика узнаютъ, что заговорщики сильны, они должны показать видъ, что замыселъ имъ неизвѣстенъ, представить въ будущемъ легкое осуществленіе его, а между-тѣмъ собрать войска и внезапно подавить враговъ своихъ. Если-же они слабы—не должно колебаться ни минуты. Такимъ образомъ, примѣняясь къ времени, можно имѣть счастье всегда на своей сторонѣ, не только въ этомъ, но и въ другихъ случаяхъ. Одни люди дѣйствуютъ съ опрометчивостью, другіе съ осторожностью; какъ-скоро эти качества перейдутъ границы и будутъ несовременны, нельзя ожидать успѣха. Фабій поступалъ осторожно, уклоняясь отъ сраженія съ Аннибаломъ: въ этомъ онъ сообразовался съ обстоятельствами, хотя причина его дѣйствій заключалась въ особенности его характера, потому что, когда пришлось перенести войну въ Африку, онъ изъ первыхъ воспротивился этому; но къ счастью въ Римѣ былъ Циціонъ и наступательная система соответствовала его характеру.

Петро Содерини былъ кротокъ и терпѣливъ. Пока обстоятельства сообразовались съ его характеромъ республика процвѣтала; но какъ-скоро понадобилась энергія онъ палъ и съ нимъ вмѣстѣ его отечество.

Два обстоятельства препятствуютъ намъ измѣняться, согласуясь съ духомъ времени: первое — невозможность, преодолѣть врожденные наклонности; второе — привычка дѣй-

ствовать способомъ, которымъ уже приобрѣли успѣхъ: трудно убѣдить человѣка, что онъ можетъ достигнуть тѣхъ-же результатовъ, дѣйствуя противоположно. Поступая такимъ образомъ, сильное государство можетъ легко устоять противъ многочисленной коалиціи, поселивъ раздоръ между ея членами, раздѣливъ ихъ интересы, надо только чтобъ государство могло устоять противъ перваго удара.

Въ трудныя времена обыкновенно прибѣгаютъ къ людямъ талаптливымъ, во время-же мира первое мѣсто занимаютъ знатные и богатые. Не смотря на то, истинный гражданинъ долженъ забыть свои обиды и явиться по первому призыву, хотя правительство поступитъ неблагооразумно, если доверитъ оскорбленному имъ гражданину какое-нибудь важное порученіе.

Далѣе, въ цѣлыхъ четырехъ главахъ Маккіавелли разсматриваетъ, что лучше для управленія массою—строгость или милосердіе. Изъ примѣровъ приведенныхъ имъ видно, что и то и другое качество доставляло одинокіе результаты. Въ доказательство представляетъ онъ Квинтія и Аннія Клавдія, Цицинона и Аннибала, Манлія Торквата и Валерію Корвина. Заключение, какое можно вывести изъ ихъ дѣйствій, состоитъ въ томъ, что милосердіе предпочтительнѣе, а строгость представляетъ менѣе опасности для республики, но для того, чтобъ она производила надлежащее дѣйствіе, надо, чтобы человѣкъ, употребляющій ее, отличался сверхъ-естественными добродѣтелями, уподобляясь Манлію, Цициннату и другимъ славнымъ Римлянамъ. Они были довольны славою, а добычу предоставляли государству. Во главѣ правительства отличались неподкупностью и непоколебимостью, въ частной жизни—скромностью, бережливостью, покорностью властямъ. Бѣдность ихъ, бѣдность цѣлаго Рима, составляли его силу; какъ скоро появилась роскошь, онъ сталъ клониться къ паденію. Въ этомъ случаѣ Маккіавелли, увлекаемый желаніемъ спасти отечество, хочетъ, чтобъ оно во всемъ походило на древній Римъ, отказываясь, такимъ образомъ, отъ всѣхъ успѣховъ цивилизаціи. Не споримъ, что бѣдность и дикость поддерживаютъ въ народѣ воинственный духъ, но назначеніе государства не война, а доставленіе членамъ его возмож-

наго благосостоянія и защита отъ непріятелей внѣшнихъ — и въ этомъ случаѣ Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты представляютъ блистательный примѣръ, что роскошь не ведетъ къ пѣгибели. Пользуясь всѣми удобствами жизни, граждане ихъ не уступаютъ въ крѣпости духа и патриотизмѣ древнимъ Римлянамъ.... Римъ палъ отъ роскоши нѣкоторыхъ и отъ бѣдности остальныхъ; отъ систематическаго разврата, который старались распространять императоры и патриции; отъ сопротивленія прогрессу, а не отъ причинъ показанныхъ Макіавелли.

Но осуждая республику на бѣдность, Макіавелли требуетъ, чтобъ она ежедневно употребляла новыя мѣры для сохраненія своей свободы. Естественно, что граждане, пользующіеся влияніемъ, будутъ стоять при этомъ на первомъ мѣстѣ, но если они захотятъ привести въ исполненіе какую-нибудь мѣру, полезную для отечества, надо чтобъ они устранили завистниковъ, заставили ихъ молчать а это можетъ быть только въ двухъ случаяхъ или когда отечеству угрожаетъ большая и очевидная опасность, или когда смерть поразитъ ихъ. Вообще, для пользы республики не должно устрашаться суровыхъ мѣръ и въ случаѣ необходимости предавать смерти цѣлые легіоны, изгонять тысячами, разрушать до основанія города. Какъ поступалъ древній Римъ.

Такова система знаменитаго публициста. Построенная на системѣ устрашенія, на ложномъ основаніи, что *человѣкъ злое и слабое существо*, она невѣрна, но взятая въ примѣненіи къ тому времени какъ нельзя больше справедлива, требуя быстрыхъ и энергическихъ мѣръ.

Человѣкъ существо доброе, злымъ дѣлаютъ его природа и общество. Едва младенецъ родится, онъ уже испытываетъ вредное дѣйствіе природы: болѣзни, перемѣны климата, удовлетвореніе естественныхъ потребностей — все возбуждаетъ въ немъ злое чувство. Общество, не достигшее своего апогея, построенное не на гармоніи, а на борьбѣ, хотя и стараются на основаніяхъ науки и права помочь этому, но не можетъ, потому что само несовершенно. Правда, съ каждымъ шагомъ побѣды надъ исполнскими силами природы

приближаютъ его къ желанной цѣли, однако оно все еще далеко отъ ней.

Въ этомъ развитіи абсолютной идеи въ формѣ человѣческихъ обществъ, часто встрѣчаются моменты переходные, когда уровень просвѣщенія одной національности понижается, но за то оно широко разливается по другимъ странамъ и плодами его пользуются цѣлыя массы. Одинъ изъ такихъ моментовъ переживала Италия. Признавая законность такого явленія, нельзя не сожалѣть о немъ, нельзя не сожалѣть, что только Цезарь Борджіа могъ остановить это разложившее политическаго тѣла Италии. Нельзя не сожалѣть, что девять эпохъ революцій, которыя испытала каждый городъ, довели его до безсилія. Борьба революцій съ графами, архіепископами, консулами, подестаами, гвельфами и гибеллинами, тиранами, синьорами и кондотьерами, кончилась испанскимъ протекторатомъ. Зло было слишкомъ велико, сердца истинныхъ патріотовъ изнывали въ страданіяхъ — Маккиавелли попробовалъ лечитъ зло зломъ. Лѣкарство, предлагаемое имъ, было въ духѣ времени, самый Томасъ Морусъ раздѣлялъ такія идеи.

Вотъ, что говоритъ онъ въ своей «Утопіи»: «если объявлена война, жители одѣваютъ головы враждебныхъ государей и ихъ совѣтниковъ, и вѣрно и щедро платятъ убійцамъ. Если это не удастся, они стараются посѣять роздоръ между партіями, раздѣлить государство, давъ надежду брату владѣтеля или другому важному лицу овладѣть трономъ. Если внутреннія партіи утихаютъ, надо возбуждать сосѣдственныя націи, обѣщать имъ помощь, сыпать золото; но солдатъ посылать только въ весьма незначительномъ количествѣ»....

Можно-ли послѣ этого обвинять Маккиавелли? Въ своихъ проэктахъ онъ представилъ, что нужно дѣлать, чтобъ достигнуть торжества самыхъ противоположныхъ началъ. Если одно изъ нихъ было истинно; естественно, другое было несправедливо, — слѣдовательно — дѣйствія для доставленія торжества ложному началу были тоже несправедливы. Маккиавелли понималъ это и вездѣ, гдѣ случается ему высказать свои мнѣнія, становится на сторону истины и судитъ по общепринятымъ

началамъ,—что, надѣюсь, замѣтили читатели въ приведенныхъ выше выпискахъ.

Если онъ слишкомъ безразлично смотрѣлъ на средства, не надо забывать, что онъ жилъ въ вѣкъ отрицанія, что съ помощью его онъ хотѣлъ доставить свободу роднѣ. Да, мы смѣло можемъ сказать, что вѣкъ Маккиавелли былъ вѣкомъ отрицанія не менѣе XVIII.

Гемистъ Плеоонъ представилъ проэктъ новой религiи, осужденный Геннадіемъ; Помпонацій отвергалъ безсмертіе души, основываясь на Аристотелѣ; Поджіо Браччиолли сочувствовалъ Гуссу и Иерониму Прагскому; Фичино пѣлъ гимны Ороея; Лета справлялъ праздники въ честь Ромула. Церкви превратились въ мѣста для лекцій и словесныхъ турнировъ *); напы своимъ поведеніемъ отрицали начала, которыхъ служили представителями, одряхлѣвшій католицизмъ могъ возродиться только съ помощью іезуитовъ, которыхъ правила были построены на системѣ Маккиавелли, съ тою только разницею, что они выкинули изъ ней все честное, все благородное, весь римскій патриотизмъ, которымъ сочиненіе проникнуто отъ начала до конца. Маккиавелли оставляетъ свободу мысли и совѣсти; Лойола не оставляетъ ничего: онъ требуетъ, чтобъ человекъ былъ трупомъ, чтобъ всѣ духовныя силы свои устремилъ къ пользѣ общества, принявшаго его. Такимъ образомъ обѣ системы сходились въ уплчуженіи личности въ пользу общества, въ наружномъ самообладаніи. Отрицаніе общепринятыхъ вѣрованій въ наукѣ выразилось въ лицѣ Колумба, Коперника **) и Пика де Мирандола; искусство въ лицѣ Микеле Анджело и Рафаэля отвергло старыя преданія. Поэзія осмѣяла рыцарство и феодализмъ въ *Morgante Maggiore* и *Orlando Furioso*. Вездѣ отрицаніе, вездѣ реформа. Умъ человѣческій, захваченный вихремъ новыхъ идей, въ постоянной борьбѣ съ самимъ собою, въ постоянномъ колебаніи, научился не вѣрять авто-

*) Пiетро Медичи I назначилъ конкурсъ, кто напишетъ лучшій трактатъ о дружбѣ. Сочиненія были читаны въ церкви S. Maria dei fiori. Трое по приговору кардиналовъ были удостоены преміи; но чтобъ не обидѣть никого, награду поднесли Пресвятой Дѣвѣ.

**) Онъ учился въ Италіи.

ритетамъ, сомнѣваться въ истинѣ и искать только вещественной пользы.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія систему Маккиавелли, мы думаемъ, что она была-бы полезна какъ нельзя болѣе, еслибъ только возможно было примѣнить ее. Онъ понималъ насущную потребность Италіи, но не понималъ характера итальянскихъ революцій. Все движеніе ихъ стремилось къ раздѣленію, вездѣ низшіе классы домогались равенства правъ, вездѣ національность ограничивалась узкими предѣлами — и вдругъ секретарь представляетъ проектъ образованія изъ полуострова огромной монархіи или республики, разумѣется о лигѣ изъ республикъ нельзя было и думать въ то время, такъ разнообразны и многосторонни были ихъ интересы. Но королевство никогда не было прочно въ Италіи, а республика при упадкѣ демократическаго элемента, при упадкѣ добродѣтели, не могла существовать. Тѣмъ не менѣе, еслибъ изъ полуострова составилось одно сильное государство — Италія могла-бы падѣяться на временное освобожденіе.

Итакъ теорія Маккиавелли въ отношеніи его родины въ то время осталась безъ примѣненія. Ей пользовались мелкіе тираны для своихъ микроскопическихъ интересовъ. Другимъ странамъ, другимъ людямъ суждено было осуществить ее, хотя секретарь въ томъ ни мало не виноватъ. Основанная на глубокомъ знаніи человѣческаго сердца и политики, подкрѣпленная историческими изслѣдованіями, она всегда будетъ справедлива; покрайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока сила не будетъ на сторонѣ права, пока эгоизмъ не исчезнетъ впередъ космополитическимъ началомъ.

Но не такъ смотрѣли на Маккиавелли писатели разныхъ партій отъ кончины его до нашего времени. Особенно жаркую полемику возбудилъ «Цицъ».

Первое изданіе его явилось въ 1532 году, съ дозволенія Климента VII. До-тѣхъ-же-поръ онъ ходилъ въ рукописи и былъ извѣстенъ немногимъ. Распространеніе въ массѣ идей Маккиавелли никого не удивило, никого не испугало, такъ онѣ были современны — но потомство взглянуло на это иначе.

Первымъ противникомъ гениальнаго Флорентинца является

кардиналь Полюсъ (Polus), родственникъ Генриха VIII. Недовольный перемѣной религiи короля, принужденный бѣжать, онъ съ жаромъ атаковалъ Маккиавелли, приписывая его началамъ эти событія, тѣмъ болѣе, что самую книгу «*il Principe*» рекомендовалъ ему Кромвель, секретарь Генриха.

За Полюсомъ слѣдуетъ доминиканецъ Полити. Онъ въ сочиненіи своемъ «*De libris a christiano detestandis et a christianismo penitus eliminandis*» посвящаетъ цѣлую главу осужденію Маккиавелли.

Но въ тоже время во Франціи является переводъ Капелля. Къ нему приложенъ греческій сонетъ Дора (Daurat) въ честь Маккиавелли и поздравленія переводчику въ латинскихъ стихахъ отъ Белло, Мюре и Жуделя. Франція рукоплещетъ, Италія продолжаетъ гоненіе на знаменитаго своего сына: Паоло Джіовіо (Paolo Giovio) *) подъ видомъ похвалы клеветаетъ на него обвиняетъ въ незнаніи латинскаго языка, въ шарлатанизмѣ, въ неблагодарности,—но стоитъ вспомнить, что Джіовіо былъ продажный писатель, преданный всею душою римскому двору — и все легко объяснится. Тогда-же папа Павелъ IV помѣстилъ «*il Principe*» и «*Discorsi*» въ число запрещенныхъ книгъ. Вездѣ, гдѣ католицизмъ преобладалъ, гдѣ духовенство стремилось къ сохраненію его злоупотребленій, Маккиавелли преслѣдовали. Въ Португаліи возстаетъ на него Озоріо; въ Испаніи Рибаденейра, въ Италіи іезуитъ Антоній Поссевинъ. Послѣдній кажется вовсе не читалъ своего противника: онъ приводитъ небывалыя цитаты, дѣлаетъ раздѣленія, которыхъ въ книгѣ «о Князѣ» — нѣтъ, о чемъ мы уже сказали. Едва гроза угнула со стороны католиковъ, какъ вновь поднялась со стороны протестантовъ. Жентилье (Gentillet), въ предисловіи къ своему переводу, обвиняетъ секретаря въ теоріяхъ, которыя будто-бы произвели Варооломеевскую ночь. Пьеръ Грегуаръ, профессоръ въ Тулузѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ того-же впечатлѣнія приписываетъ его ученію гоненія протестантовъ.

Но въ Англіи является защитникъ оклеветаннаго генія— Альберикъ Жантилъ. Онъ утверждаетъ, что Маккиавелли хо-

*) Извѣстный подъ именемъ Павла Ювія.

тѣмъ только представить образецъ тирана, раскрыть тайны тиранства передъ глазами народовъ. Это мнѣніе господствовало въ то время во Флоренціи и, вѣроятно, Альберикъ, проѣзжая черезъ нее, усвоилъ его.

Вскорѣ за Жантлемъ выступаетъ на литературное поприще безъименный апологистъ Маккиавелли. Апологія эта всѣми приписывается Ноде (Naudet). Политическія соображенія помѣшали ему публиковать ее, и она извѣстна намъ только по извлеченію Арто де Монтора; самая-же рукопись хранится въ императорской парижской библиотекѣ.

За Ноде слѣдуютъ другіе защитники флорентинскаго публициста. Гроціусъ, поставленный въ такое положеніе, что не могъ ни хвалить, ни бранить его, дѣлаетъ одинакія съ нимъ цитаты изъ одинакихъ источниковъ въ своемъ сочиненіи «*Jure belli et pacis*», хотя ни разу не упоминаетъ о Маккиавелли. Геніальный Бэконъ прямо говоритъ: «Мы должны благодарить Маккиавелли за то, что онъ откровенно сказалъ, что люди дѣлаютъ, а не то, что должны дѣлать.... Этотъ человѣкъ ничему не учитъ тирановъ: они и безъ него очень хорошо знаютъ, что имъ должно дѣлать; напротивъ онъ показываетъ народамъ, чего имъ слѣдуетъ страшиться».

Въ Германіи Конрингъ (Corrigius) тоже защищаетъ Маккиавелли; но эта защита безпрестанно противорѣчитъ себѣ. Конрингъ плохо зналъ итальянскій языкъ; отъ этого у него часто встрѣчаются неточныя выраженія, дурно переданныя или превратно истолкованныя мысли.

Гоббесъ нападаетъ на секретаря со всей дерзостью фанатическаго защитника абсолютизма. Но за то Спиноза повторяетъ мнѣніе Бэкона; Локкъ во многомъ соглашается съ безсмертнымъ Флорентинцемъ, и Пуффендорфъ, порицая нѣкоторыя доктрины его, тѣмъ не менѣе отзывается объ немъ съ уваженіемъ: во Франціи Амело де-Гуссе (Amelot de Houssay) становится въ ряды защитниковъ Маккиавелли, а Бэль повторяетъ Джіовіо. Въ Бельгіи Мейеръ предается всѣмъ увлеченіямъ грубаго фанатизма, осыпая секретаря площадною бранью. Въ Италіи патеръ Люкезини доходитъ до того, что называетъ Маккиавелли глупцемъ, но за то въ Германіи знаменитый Лейбницъ называетъ секретаря геніемъ.

Въ Сардиніи Радикати защищаютъ «*il Principe*»; но въ Валахіи, господарь Маврокордато, переведшій это произведеніе на греческій языкъ, становится противникомъ Маккіавелли. Наконецъ является Вольтеръ и сначала отдаетъ справедливость флорентинскому мыслителю, но потомъ увеличиваетъ собою число враговъ его, и вотъ по какому случаю. Наслѣдный принцъ прусскій, впоследствии Фридрихъ II, въ перегодованіи отъ твореній Маккіавелли, задумалъ опровергнуть его. Чувствуя всю трудность бороться съ такимъ противникомъ, онъ обратился къ Вольтеру. Услужливый царедворецъ поправилъ книгу Фридриха, и на свѣтъ явился холдный, напыщенный «*Анти Маккіавелли*» наполненный общими мѣстами, риторическими разсужденіями о добродѣтели и грубою бранью на автора *il Principe*. Не думалъ-ли Фридрихъ спекулировать на добродѣтель при строгомъ отцѣ своемъ?—по-крайней-мѣрѣ, сдѣлавшись королемъ, онъ плохо пріимѣнялъ къ дѣлу свои правила, высказанныя въ опроверженіи Маккіавелли. Впрочемъ Вольтеръ справедливо сказалъ, что государь, который хочетъ слѣдовать правиламъ, изложеннымъ въ «*Князь*», долженъ начать словеснымъ отверженіемъ ихъ. Но авторитетъ Фридриха не поколебалъ людей, здраво понимающихъ вещи. Жанъ Жакъ Руссо говоритъ о Маккіавелли такъ: «личная выгода князей требуетъ, чтобъ народъ былъ бѣденъ и слабъ, для того, чтобы не могъ имъ противиться..... Показывая видъ, что даетъ наставленія владѣтелямъ, онъ (Маккіавелли) давалъ великіе уроки народамъ»... «*Князь*» его — «книга республиканцевъ»....

Монтескье сравниваетъ Маккіавелли съ Платономъ, Аристотелемъ, Томасомъ Морусомъ и другимъ. Въ книгѣ его *L'esprit de Lois* видно глубокое изученіе флорентинскаго публициста.

Въ то же время *il Principe* и *Анти-Маккіавелли* переводятся на турецкій языкъ по приказанію Мустафы III.

Тирабоски довольствуется приведеніемъ разныхъ мнѣній о Маккіавелли и говоритъ, что трудно рѣшить — совѣтуетъ-ли онъ, что тиранамъ или остерегаетъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ, представляя всю опасность ихъ. Альфіерри, въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, называетъ секретаря «*sovran*

pensator». Въ другомъ сочиненіи говоритъ, что «онъ достойнъ стоять во главѣ итальянскихъ политико-философовъ; если онъ въ своемъ «Князѣ» и помѣщаетъ нѣкоторыя безправственныя правила, то затѣмъ только, чтобы показать народу тиранство князей, за то, съ другой стороны, въ Discorsi и исторіи Флоренціи въ каждомъ словѣ его дышетъ любовь къ свободѣ и правосудію, тонкость мысли, истина и непоколебимая твердость духа».

Женгене и Перье оправдываютъ безправственность нѣкоторыхъ правилъ «Князя» духомъ времени. Арто де-Монторъ пытается сдѣлать это съ современной точки зрѣнія, то, разумѣется, вводитъ его въ безпрестанныя натяжки и несколько не служитъ къ пользѣ его кліента. Тѣмъ не менѣе сочиненіе его: *Machiavel son genie et ses erreurs* представляетъ обильное собраніе фактовъ и драгоцѣнно указаніемъ источниковъ. Изъ Нѣмцевъ Юганъ Мюллеръ сталъ сперва въ ряды противниковъ Флорентинца, но потомъ черезъ двадцать четыре года, изучивъ внимательно труды его, говоритъ, что это «чистое золото и надо только умѣть пользоваться имъ». Гердеръ раздѣляетъ мнѣніе своего друга Мюллера.

Раумеръ утверждаетъ, что секретарь слишкомъ подчинилъ нравственность намѣреніямъ власти, и потому не далъ намъ теоретической политики, а представилъ только образецъ практической въ римскомъ духѣ. Маккиавелли, по его мнѣнію, смѣшалъ Христіанство съ панствомъ и ограничился влияніемъ партіи — не смотря на эти недостатки, въ немъ видны рѣдкій умъ и наблюдательность: ложное-же сужденіе о немъ происходитъ отъ дурнаго пониманія мыслей автора по милости переводчиковъ. Фихте говоритъ: «какъ-бы кто ни думалъ о содержаніи твореній Маккиавелли, они все-таки, всегда, по ихъ формѣ, по этому вѣрному, ясному, понятному и въ порядкѣ изложенному ходу сужденій, по богатству острыхъ намековъ, будутъ интереснымъ чтеніемъ».

Гервинусъ видитъ въ «Князѣ» намѣренное (Tendenzschrift) произведеніе, построенное на основаніи правилъ римскаго сената: *нужда не знаетъ законовъ*; порицаетъ эту доктрину, которая ведетъ къ іезуитскому правилу, что все средства хороши для достиженія цѣли, но отдаетъ справедливость секре-

тарю за намѣренія. Маколей приписываетъ безправственность публициста вѣку, видитъ въ «Князѣ» ходъ жизни честолюбиваго человѣка, а въ Комментаріяхъ — прогрессъ честолюбивой націи; говорить, что въ этихъ произведеніяхъ соединены всѣ качества теоретическаго и практическаго политика, и совершенно оправдываетъ Маккиавелли отъ общепринятыхъ обвиненій.

Напротивъ Бартеlemi С. Илеръ понимаетъ «Князя» въ смыслѣ совѣтовъ, данныхъ Лоренцо; онъ говоритъ: «это всеобщее проклятіе имъ (Маккиавелли) заслужено; невозможно не подтвердить его, прочитавъ внимательно il Principe... Фридрихъ II уважается за то, что опровергалъ его съ величайшей энергіей»... Къ Discorsi онъ менѣе строгъ; онъ признаетъ гений автора, но приписываетъ большую часть воззрѣній Маккиавелли Полибію и упрекаетъ секретаря въ недостаткѣ системы и общихъ идей — не смотря на это предубѣжденіе онъ признаетъ за слогомъ Маккиавелли первенство въ политическихъ произведеніяхъ.

Кинне говоритъ, что Маккиавелли желалъ спасти Италію, не смотря на папство. «Когда всѣ отчаялись воскресить ее, онъ одинъ не потерялъ надежды.... Всѣ хотѣли измѣнить ея нравы, измѣнить обстоятельства, одинъ онъ не хочетъ перемѣны и ищетъ блага въ избыткѣ зла. Онъ позволяетъ князю — все съ тѣмъ только, чтобы онъ спасъ Италію. Поставивъ Маккиавелли въ отношенія, въ которыхъ онъ находился, мы увидимъ въ немъ человѣка, который ищетъ не преступленія для преступленія, рабства для рабства, но силы, могущества, чего наиболѣе не доставало Италіи.»

Феррари отзывается о секретарѣ такъ: «Всякій человѣкъ, который хочетъ быть Брутомъ или Цезаремъ, папой или антипапой, кондотьеромъ или пророкомъ, — впадаетъ во власть Маккиавелли; его сочиненія представляютъ безчлениныя, блестящія, изумительныя правила съ постояннымъ индифференцизмомъ ко всѣмъ принципамъ, съ сардонической улыбкой для всѣхъ вѣрованій; съ безотвѣтственнымъ удивленіемъ къ успѣху самыхъ противоположныхъ началъ».... «Онъ хочетъ искусственно продолжить движеніе, которое оставлено папѣ всегда; онъ смѣшиваетъ подражаніе съ изобрѣтеніемъ. Ка-

кой-же великій совѣтъ далъ онъ Италиі? Какое послѣднее слово его практическихъ теорій? Злополучная идея единства, вѣчная причина всѣхъ итальянскихъ неудачъ.... Но за то теорія его, взятая въ примѣненіи къ тому, что сдѣлано по ней въ разныхъ государствахъ, поражаетъ вѣрностью началъ и глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца....

Идея единства, которую такъ порицаетъ г. Феррари имѣла своими представителями папу и императора. Мы видѣли, какъ порицаетъ Маккиавелли перваго; втораго-же считаетъ въ числѣ тѣхъ варваровъ, которыхъ слѣдуетъ изгнать. Говоря о составленіи королевства, секретарь говоритъ о составленіи національности; онъ хочетъ противопоставить единству политическому—другое политическое единство. Что касается до единства цѣли и стремленій, то оно постоянно существовало въ Италиі, хотя проявленіе его не вездѣ было одновременно.

Впрочемъ, Маккиавелли допускаетъ и федерацію къ освобожденію Италиі. Въ четвертой главѣ второй книги *Discorsi*, онъ говоритъ, что республики могутъ возвыситься тремя способами и первый изъ нихъ состоитъ въ составленіи союза изъ республикъ одинаковой силы.... Но этотъ способъ былъ самый неудобный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Безъ помощи иностранцевъ Италию могла спасти только народная война. Напрасно г. Феррари думаетъ, что движеніе Италиі остановлено навсегда. Жертвы, которыя Италиія принесла прогрессу лучше всего могутъ показать жизненность итальянской націи. Болѣе 7000 революцій *) въ разныхъ г. родахъ, стоившія до 2 м., убитыхъ въ теченіе 568 лѣтъ ясно доказываютъ это. Если Италиія на время остановилась, то потому, что дальнѣйшее развитіе человѣчества должно было совершаться на другихъ началахъ, которыя въ то время Италиія не могла принять. Теперь-же когда Европа разработала ихъ, она го-

*) Г. Феррари считаетъ въ каждомъ городѣ 42 революціи, которыя должны были произойти въ девять эпохъ революцій отъ графовъ до испанскаго протектората включительно. Число такихъ городовъ простирается до 172. Разумѣется, это исчисленіе приблизительное идеальное, но далеко меньшее дѣйствительнаго числа революцій въ Италиі (*Ferr. Hist. des revol. d'Italie, t. IV*).

това подѣлиться съ Италіей и заплатить ей долгъ свой и теперь мы думаемъ наступаетъ для Италіи лучшая пора жизни, когда она можетъ, освободившись отъ обонхъ еднствъ, построить свое прошлое на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Всѣ эти разнообразныя сужденія о великомъ писателѣ ясно показываютъ его значеніе, его гений. Съ каждымъ годомъ событія болѣе и болѣе оправдываютъ его теорію. Реформація, Кромвель, французская революція, Наполеонъ — дѣйствовали, какъ будто, по его указаніямъ. Пруссія обязана этой политикѣ своимъ возвышеніемъ при Фридрихѣ II; Англія примѣнила ее къ виѣшнимъ своимъ сношеніямъ и вездѣ успѣваетъ. Дозволяющая даже преступленія во имя торжества народнаго начала, очевидно, политика эта несправедлива, но тѣмъ не менѣе это политика государствъ сильныхъ, народностей могучихъ; тогда какъ іезуитизмъ политика націй правдивенно развращенныхъ. Одна только держава держится имъ, одна она объявила войну чловѣческой мысли, потому что ей нужны трупы, а не люди: одна она готова повторить феодальное варварство среднихъ вѣковъ и высосать послѣдній сокъ изъ Италіи. Любопытное зрѣлище представляетъ современное положеніе двухъ началъ. Нѣтъ сомнѣній, что народное начало восторжествуетъ и имя Маккіавелли покроется новою славою, «когда второй Прочида отмститъ за оскорбленія Цезарю; когда болѣе счастливый Ріенци возвратитъ благосостояніе Риму; когда улицы Флоренціи и Болоньи огласятся стариннымъ военнымъ крикомъ...»

В. Поповъ.

Представивъ читателямъ Маккіавелли публициста, мы надѣемся въ слѣдующихъ статьяхъ показать значеніе его какъ историка, комическаго и военнаго писателя; — что-же касается до мелкихъ его произведеній, то, не смотря на все ихъ достоинство, они ничего новаго не прибавляютъ къ его характеристикѣ и потому мы рѣшились умолчать о нихъ.

НАДЕЖДЫ ИТАЛІИ.

(1. DELLE SPERANZE D'ITALIA di Cesare Balbo. 1855. 2. NAPOLEON III et L'ITALIE. 1859.)

При взглядѣ на картину Микель-Анджело «Послѣдній Судъ» насъ поражаетъ ужасъ «плачущаго города»; но среди всеобщаго страха и смерти великій художникъ освѣтилъ колоссальныя группы — надеждой. Вы видите въ одно и то-же время гибель и спасеніе, отчаяніе и любовь къ жизни. На картинѣ, по какому-то странному случаю, отразился современный періодъ Микель-Анджело. Онъ рисовалъ ее въ то время, когда передъ нимъ закрывалась ночь среднихъ вѣковъ и поднималась утренняя звѣзда новой Европы, когда съ одной стороны входила инквизиція, съ другой вѣялъ духъ германской реформы на одряхлѣвшій католицизмъ. Эта картина служила предвѣстникомъ умиравшей страны и будущихъ ея надеждъ; она выразила всю судьбу Италіи.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое прошедшее Италіи? Это ужасная политическая драма безъ развязки, это дѣйствительный «Адъ» Данта, полный самыхъ печальныхъ событій. Всѣ народы шли историческимъ путемъ болѣе или менѣе труднымъ и несчастнымъ; но ни одинъ европейскій народъ не вынесъ такъ много внутреннихъ бурь, не означилъ своего развитія такимъ разрушеніемъ, страданіями и казнями, какъ Италія. Въ ту пору, когда во всей Европѣ пульсъ народ-

ной жизни какъ будто прекратился, на итальянскомъ полуостровѣ сто-семьдесятъ-два социальныхъ центра вращаются въ кругу постоянной борьбы; въ продолженіе девяти вѣковъ въ нихъ происходитъ не менѣе семи-тысячъ революцій, въ которыхъ убійства ядомъ и кинжаломъ, убійства въ храмахъ, на улицахъ и въ домахъ, убійства среди бѣлаго дня и ночи, изъ-за угла и на площади, совершаются съ какимъ-то непонятнымъ хладнокровіемъ, такъ что «желтыя воды Тибра, по выраженію поэта, струились на половину кровью брошенныхъ въ него жертвъ». Каждый городъ, каждое сословіе прошло крещеніемъ огня и меча, видоизмѣняя ее реформы до безконечности. Правительства возникаютъ и падаютъ, какъ волны Адриатическаго моря подъ шкваломъ порывистаго вѣтра. Графскій феодализмъ уступаетъ мѣсто епископскому покровительству, епископы смѣняются консулами, консулы — подестаами; потомъ начинается борьба Гвельфовъ и Гибеллиновъ, вѣчная борьба двухъ партій, раздѣленныхъ преданіемъ и взаимной ненавистью; за тѣмъ слѣдуютъ тираны, спиньоры, кондотьеры и мертвящій испанскій протекторатъ. Въ Генуѣ и Флоренціи, — въ городѣ цвѣтовъ и отравы, случается по три переворота въ день, но нѣсколько битвъ въ каждой улицѣ, и гдѣ нѣкогда цвѣла прекрасная Комачина, теперь лежитъ простая нива на озерѣ Комо. Неудивительно, что въ Италіи нѣкоторыя злодѣянія получили типическое выраженіе, которому ничего равнаго нигдѣ не находимъ. Нельзя, напримеръ, не изумляться съ какимъ разсчитаннымъ тактомъ Александръ VI Борджіа губить лучшія фамиліи, затягивая ихъ въ свои змѣиные кольца и истребляя ядомъ, веревкой и мечомъ, не забывъ въ то-же время воспитать въ своемъ сынѣ одного изъ самыхъ дерзкихъ злодѣевъ. Изгнанія и ссылки, случайное бѣдствіе у другихъ народовъ, здѣсь обращаются въ систематическое наказаніе. Геніальные люди плачутъ или проклинаютъ отечество видѣ предѣловъ его; рѣдкій изъ нихъ не носитъ на себѣ слѣдовъ желѣза или темницы. Дантъ, подъ угрозой смерти, оставляетъ Флоренцію и скитается среди скалъ Аппенинскихъ горъ. Дикая Воклюза, съ ея угрюмой природой, хищными птицами и глубокими разсѣлинами, даетъ

пріютъ юношѣ Петраркѣ; Саванарола, Палларіо и Джордано Бруно погибають на кострѣ; Кампанелла теритъ пытку и двадцать-семь лѣтъ проводитъ въ тюрьмѣ; Тассъ сидитъ въ домѣ умалишенныхъ, и такъ далѣе — до австрійскаго Спилберга, прославленнаго записками Сильвіо Пеллико. Въ этомъ хаосѣ политическаго движенія и общественныхъ неурядицъ трудно уловить ясную идею, еще труднѣй опредѣлить положительный результатъ. Историки, примѣняя къ Италиі обыкновенную мѣрку, снятую съ другихъ государствъ, доходятъ до рѣшительнаго фатализма. Такъ Феррари, запуганный противорѣчіями италіанскихъ комунъ, не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ случайной игры обстоятельствъ: «здѣсь коммунальная, феодалная, въ Сициліи норманская, въ Венеціи византійская, въ Римѣ теократическая, въ Павіи королевская, Италія творитъ царства, республики, сеньорства, независимые округа, свободные города, обширныя церковныя и императорскія вассалства — феномены страшные, контрасты постоянные, фантазмагорія безконечная.... Какой-бы ни былъ виѣшній блескъ фактовъ, побѣды ея были безъ цѣли, пораженія безъ причины, революціи безъ идей, войны безъ конца.» (*Histoire des révol. d'Italie. Par Ferrari. 1858 г. т. 1, стр. 10 и 11*). Тоже фаталистическое воззрѣніе замѣчается и у другихъ италіанскихъ историковъ. Философская теорія Вико, основанная на вѣчномъ круговоротѣ народовъ, могла родиться только въ головѣ Неаполитанца. Но никто изъ нихъ не доходитъ до такого холоднаго скептицизма и грустнаго взгляда на судьбу своей страны, какъ Макіавелли. Самая жизнь этого гениальнаго человѣка состояла изъ рѣзкихъ контрастовъ между его поступками и ученіемъ. Гибкій и всеобъемлющій умъ, онъ постоянно живетъ въ разладѣ съ самимъ собой. Онъ даетъ правила правительствамъ, и раболѣпствуетъ передъ ними; онъ служитъ Флорентійской республикѣ, импровизированной Карломъ VIII; онъ помогаетъ реставраціи Медичисовъ, которые предають его пыткѣ, и великій мыслитель, окованный цѣпями, шутитъ и забавляетъ своихъ гонимцевъ; онъ комментируетъ Тита Ливія среди кабинетнаго уединенія и въ то-же время ухаживаетъ за молодой синьорой; онъ въ душѣ

ненавидитъ папскую власть, и посвящаетъ свою исторію Клименту VII; онъ начинаетъ поприще дипломатомъ и оканчиваетъ его солдатомъ; поэтъ, ученый, полководецъ, плебей и аристократъ, онъ былъ всѣмъ, что соединялось въ миллио-нахъ его современниковъ, всѣмъ, чѣмъ жила, мыслила и чувствовала его эпоха. Макіавелли по преимуществу Италиянецъ, со всѣми недостатками и совершенствами своей націи.

Но гдѣ-же скрывается причина глубокаго антагонизма, разъѣдающаго Италію въ средніе вѣка? Обыкновенно, объясняютъ ее преданіемъ. Къне видитъ ее въ католическомъ принципѣ. «Тайна этихъ противорѣчій, говоритъ онъ, заключается въ самомъ темпераментѣ римской церкви, которая преобразилась въ темпераментъ политической Италиі. То-же самое униженіе, съ которымъ монахъ готовъ былъ все выносить въ надеждѣ надъ всѣмъ господствовать, составляетъ главную черту въ политическомъ воспитаніи средневѣковыхъ Италиянцевъ.» (*Oeuvres complètes d'Edgar Quinet. 1857 г. т. 4, стр. 26.*) Разумѣется, римская область не монастырь, не келья, чтобъ для полнаго управленія его было достаточно одной священноі коллегіи. Между тѣмъ, это преданіе гроба и смерти, основанное на теократической гіерархіи и обставленное всѣми атрибутами неподвижности, продолжало питаться какимъ-то фантастическимъ чувствомъ. Для папы Италія съ ея народомъ была второстепеннымъ дѣломъ, а главнымъ — сохраненіе своего религіознаго авторитета. Пій IX въ 1848 году, въ минуту народнаго энтузіазма, сказалъ, что онъ отвѣчаетъ за цѣлость католическаго начала не передъ однимъ Римомъ, а передъ всѣмъ человѣчествомъ. Такимъ образомъ намѣстникъ св. Петра, поставленный выше всякой національности, переживаетъ всѣ партіи, реформы и правленія, передаваясь на сторону всѣхъ, кто только могъ защитить его въ случаѣ нужды. Отсюда вытекаетъ непрерывная измѣна своему знамени и политическое коварство. Папы звали на помощь иностранныя войска, раздавалъ вѣнцы и области единственно за тѣмъ, чтобъ поддержать свое значеніе; они переходили то на сторону Гвельфовъ, то Гибеллиновъ, смотря по обстоятельствамъ; они пользовались силой всѣхъ

враговъ и раздирали отечество издали — изъ Авиньона, Германіи и Испаніи; въ XIV вѣкѣ они подавили, съ помощію иноземцевъ, возраставшее могущество синьоровъ, обвинивъ ихъ передъ суевѣрной толпой въ некромантіи. При такомъ направленіи папская власть, естественно, должна была стать въ противорѣчіе съ прогрессомъ остальной Европы, особенно въ послѣдніе три вѣка. Когда Лютеръ разбудилъ свободу совѣсти на сѣверѣ и ударъ за ударомъ наносилъ католической церкви, Италия, подобно восковой свѣчкѣ, потухаетъ передъ новой зарей; она медленно и постепенно замираетъ, какъ трупъ, опускаемый дожами въ венеціанскія лагуны. Съ этой минуты передъ ней лежало два пути — ринуться въ самый потокъ реформы и овладѣть ея интересами, или отступить назадъ. Папы, вѣрные реакціонному духу, въ одно XVI столѣтіе отступили дальше, чѣмъ на пять вѣковъ. Когда испанскія пушки сдѣлались дѣйствительной буллъ и угрозъ Ватикана во имя религіи, когда старая дисциплина потеряла вѣсь они измѣняютъ свою политику; они дѣйствуютъ часто полицейскими мѣрами тамъ, гдѣ прежде дѣйствовали въ силу нравственныхъ началъ. Инквизиція, столь противная народному чувству, подъ предлогомъ ереси преслѣдуетъ и казнитъ все, что чувствуетъ и мыслитъ не по уставу каноническаго права. Ученики Лойолы, этого неудавшагося Донъ-Кихота въ молодости, строятся въ авангардѣ римской конклавы; они разносятъ тлѣніе и мракъ повсюду, гдѣ находятъ невѣжество и готовность ихъ слушать. Тассъ, воспитанный въ лучшія времена, еще застаётъ эту годину; въ его послѣднихъ стансахъ грустно отзываются стоны современниковъ, и благородный поэтъ, какъ замогильная тѣнь, проходитъ между чужими лицами и событіями. Съ послѣднимъ геніемъ свободы отъ Италиі отлетаетъ геній жизни въ самый чудный моментъ ея развитія. Возрожденіе искусствъ и наукъ было въ полномъ ходу; счастливое соединеніе творческихъ силъ, собраніе богатыхъ матеріаловъ, два вѣка приготавительныхъ работъ, общее одушевленіе и желаніе идти впередъ, — все это обѣщало роскошные плоды, и такъ непредвидѣнно кончилось немногимъ больше пустоцвѣта. «Мы остановились,

сказалъ Пульчи, на половинѣ дороги, какъ путешественники, застигнутые нечаянной грозой; у насъ не достало отваги продолжать путь и не было возможности воротиться назадъ.» Реакція, начатая Леономъ X., все, что было задумано и сдѣлано хорошаго, претворила въ свою пользу. Потомки Медисовъ, основавшихъ школу Платона въ великолѣпныхъ садахъ, открывшихъ праздники въ честь аѳинскаго философа, не щадившихъ ради образованія ни средствъ, ни трудовъ, потомки этихъ коронованныхъ негоціантовъ, спѣшили уничтожить дѣло предковъ; артисты не могли болѣе дышать атмосферой рабскаго общества; поэзія съ ея пластическими и граціозными формами Петrarки обратилась въ какой-то дѣтскій лепетъ придворныхъ шутовъ. И кто-бы могъ подумать, что для Италіи XV вѣкъ будетъ блистательнымъ періодомъ талантовъ, а XVII сдѣлается пословицей бездарности и тупоумія?

Съ католическимъ преданіемъ для Италіи всегда соединялось преданіе классическое. Между Римомъ цесарей и Римомъ папъ, не смотря на видимую противоположность ихъ, никогда не было полного разрыва. Что такое паденіе западной римской имперіи? Разложеніе ея на конфедеративныя національности, отпаденія провинцій отъ метрополіи. Когда централизація ея, поглотившая пол-міра, достигла крайней степени, когда безумная тиранія и правительственныя формы утратили всякую связь съ дѣйствительнымъ бытомъ, началось броженіе въ отдѣльныхъ областяхъ; провинціи требовали труда и хлѣба, а имъ посылали приказанія молчать и повиноваться. Побѣжденные народы ничего не ожидали отъ стараго Рима, кромѣ тяжелыхъ налоговъ, грабежа чиновниковъ и поголовнаго истребленія, въ случаѣ вынужденнаго возстанія. При такомъ порядкѣ вещей всякая новая идея, всякая перемѣна, къ чему-бы она ни вела, казалась спасеніемъ. Являлась-ли она въ видѣ евангельскаго братства пѣзъ Іудей, или въ видѣ истребленія стараго міра толпами варваровъ, наступавшихъ съ сѣвера, — во всякомъ случаѣ новая жизнь казалась лучше старой. «Вторженіе варваровъ, говоритъ Феррари, было легче для Италіи, чѣмъ мучительная агонія

подъ правленіемъ цесарей; лучше пожары и убійства, тѣмъ бѣдность, голодъ и неизвѣстная смерть, расточаемая рукою Нероновъ и Калигулъ.» (*Histoire des révolutions de l'Italie par Ferrari.*) Потому «Теодорикъ, какъ замѣчаетъ Касциодоръ, былъ призванъ по желанію всѣхъ.» Какъ скоро полу-дикія орды разрываютъ на части утомленную «собственными пороками» имперію, повсюду обнаруживается стремленіе къ независимости и индивидуальному состоянію. Съ Лонгобардами центръ политической дѣятельности переходитъ въ Миланъ; изъ него распространяется католицизмъ, черезъ него проходятъ толпы варваровъ, въ немъ строится и рушится новое королевство. Послѣ Милана возникаетъ Венеція, защищенная отъ враговъ островами и моремъ; не стѣсняемая постороннимъ вліяніемъ, она слагается въ республику и быстро богатѣетъ. Между тѣмъ, какъ въ центральной Италіи идутъ кровопролитные споры за папскую тиару, въ южной — Неаполь и Амальфи удерживаютъ старинныя учрежденія. Такъ на одной и той-же территоріи, подъ однимъ и тѣмъ-же историческимъ горизонтомъ, являются самые разнообразные элементы политической организациі. Оттѣнки въ національностяхъ, въ образѣ правленія, въ народныхъ вѣрованіяхъ и инстинктахъ, раздробляютъ Италію на мелкія и по-видимому, діаметрально противоположныя части. Правительственная централизація болѣе невозможна, потому что военный деспотизмъ смѣненъ безоружной властью. Но все это въ сущности было только измѣненіемъ административныхъ формъ, вышшимъ наплывомъ на коренныхъ основахъ народнаго духа. Отъ юга и до сѣвера вездѣ господствуетъ одинъ языкъ, преобладаетъ одна римская порода, одни воспоминанія. И эти воспоминанія, очищенные временемъ и новыми бѣдствіями, получаютъ особенную прелесть для народной фантазіи. «Вѣчный городъ» съ его побѣдами и триумфами, шумными совѣщаніями форума и вселенскими законами сената, героями Т. Ливія и мучениками Тацита — городъ славы и блистательнаго позора, дѣлается предметомъ обоготворенія. Къ нему, какъ къ путеводному свѣтилу, обращаются взоры всѣхъ то съ гордостью, то съ надеждой. Это Мекка христіанскаго и

языческаго міра. Здѣсь все одушевляетъ любовью прошедшаго; капитолій, цирки, уцѣлѣвшіе дворцы, обелиски и памятники на каждомъ шагу говорятъ о быломъ величіи. Самыя развалины и полу-истлѣвшіе остатки старины, принимая мистическій характеръ, возбуждаютъ особенный интересъ. Человѣческое воображеніе въ отношеніи къ прошлому дѣйствуетъ, какъ призма въ отношеніи къ солнечному лучу: оно разлагаетъ и украшаетъ минувшій фактъ новыми цвѣтами, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ. Притомъ, чтобъ забыть прошедшее надо вполне насладиться настоящимъ. Но что-же могли дать Италіи папы, нѣмецкій императоръ и Лонгобарды, въ замѣнъ ея классическихъ преданій? Тѣ-же войны, но безъ успѣха; тѣ-же законы, но безъ чести слова и вѣры; тѣхъ-же Верресовъ, но безъ протеста Цицероновъ; тѣ-же цѣли, но съ другимъ, болѣе тяжелымъ замкомъ католическаго смиренія. И такъ-какъ настоящее зло оскорбляетъ насъ больше прошлаго, то средневѣковой Италіянецъ тѣмъ охотнѣй обращался къ своей исторической судьбѣ. Поэты, художники и юристы ищутъ въ древнемъ Римѣ вдохновенія и мысли. Античныя республиканскія формы съ теократическимъ абсолютизмомъ, философія Аристотеля съ проповѣдями св. Августина, поэтическія картины Виргилія съ библейскими образами рядомъ укладываются въ ихъ головахъ. На куполахъ и стѣнахъ церквей, на фрескахъ и монументальныхъ зданіяхъ, близъ христіанской Мадонны стоитъ миносская Венера, вездѣ смѣсь политеизма съ евангелиемъ, народной площади съ удивленной келью, махаха съ гражданиномъ. Нельзя не удивляться, съ какимъ усидчивымъ терпѣніемъ занимаются собраніемъ и разработкой древнихъ манускриптовъ Боккаціо и Петрарка. Послѣдній превосходно пишетъ на латинскомъ языкѣ, напоминая чистоту гораціанскаго стиха. Ріенци, сынъ прачки и водоноса, съ ранней юности мечтаетъ Цицерономъ, подражаетъ ему на трибунѣ и пользуется древне-классической литературой, какъ средствомъ для возбужденія чувства независимости. Рафаель и Микель-Анджело въ той-же школѣ образуютъ свой геній; въ произведеніяхъ ихъ дышетъ эллинская красота съ католическимъ мистицизмомъ. Помпоній

Лета идетъ дальше: онъ даже покушается возстановить языкъ.

Если-бъ мы хотѣли оцѣнить вліяніе классическаго преданія на умственные силы Италіи, то, конечно, должны были бы признать его благодѣтельныя послѣдствія. Здѣсь оно было народнымъ, строго-историческимъ, далеко не той забавной безсмыслицей, какъ во Франціи или Испаніи. За всѣмъ тѣмъ, могло-ли оно, какъ обыкновенно думаютъ, оплодотворить италіанскій геній полнымъ и живымъ содержаніемъ? — нѣтъ. Классическое образованіе потеряло значеніе вмѣстѣ съ греко-римскою жизнію. Оно было выраженіемъ потребностей другого вѣка, другихъ обстоятельствъ и другого ума; возстановить духъ и овладѣть логическими результатами его также было невозможно, какъ поднять Грековъ и Римлянъ изъ ихъ могилъ. Вслѣдствіе этого Италія беретъ отъ него однѣ формы и на этомъ пробномъ камнѣ воспитываетъ свое эстетическое чувство. И, дѣйствительно, формы развились до удивительнаго совершенства; кисть, рѣзецъ, стихъ и музыкальная серія, кажется, вполнѣ изчерпали идеальный міръ гармоніи и граціи. И только въ силу этой внѣшней прелести Италія сдѣлалась наставницею другихъ народовъ, художественной студіею Европы. «Писатели XV вѣка, говоритъ Матфеи, бѣдны идеями, но необыкновенно богаты изящными формами.» (*Storia della letteratura italiana di Maffei. T. II, стр. 73.*) Въ этомъ замѣчаніи заключается вся исторія италіанской литературы. Здѣсь впрочемъ есть и другая причина; въ странѣ юридической безгласности и ограниченнаго книгопечатанія, мысль не могла дѣйствовать безусловно: если церковная власть находила ее опасной своему ученію, она подавляла ее въ самомъ зародышѣ, и страстный геній южнаго племени, лишенный положительной почвы, тѣмъ глубже уносился въ область мечты и фантазіи. Италіанская поэзія горитъ яркимъ, но холоднымъ солнцемъ на мрачномъ небосклонѣ среднихъ вѣковъ.

Совершенно инымъ послѣдствіемъ сопровождалось преданіе въ политическомъ воспитаніи Италіи. Здѣсь оно необычайно повредило народному духу, перепутавъ его ложными понятіями о социальной жизни. Когда идетъ рѣчь о средне-

вѣковыхъ италіянскихъ республикахъ, обыкновенно, преувеличиваютъ ихъ значеніе. Сисмонди одрапировалъ ихъ плащомъ восемнадцатаго вѣка. «Если только, говоритъ италіянскій историкъ, мы сохранимъ этимологическое и общепринятое названіе республики (*res publica*), т. е. государства независимаго, съ публичной администраціей, то ясно, что изъ всѣхъ италіянскихъ республикъ среднихъ вѣковъ, это названіе идетъ одной Венеціи... Всѣ другіе наши города остались комунами и не больше того, комунами, зависящими по праву навсегда, по факту всякій разъ, какъ только императоръ хотѣлъ дать силу этому праву. И это было главнымъ недостаткомъ, помѣшавшимъ сложиться самымъ разнообразнымъ конституціямъ и внутренней цивилизаціи этихъ комунъ.» (*Delle Speranze d'Italia di C. Balbo. 1855 г. стр. 54.*) Но почему же германская имперія дѣлается какимъ-то духомъ зла для Италіи? Почему она въ Швейцаріи, у народа менѣе мощнаго и также конфедеративнаго, встрѣтила крѣпкій отпоръ, натолкнувшись на Вильгельмовъ Телей, а по ту сторону Альпъ нашла себѣ и покорность и союзъ. Это можно объяснить только преданіемъ. Тамъ не было наслѣдства цесарей и побѣдоносныхъ ихъ когортъ, а здѣсь они оставили глубокіе слѣды. И когда несчастія и преступленія ихъ изгладились вмѣстѣ съ могилами, ихъ власть и блескъ тѣмъ обаятельнѣй дѣйствовали на потомство. Въ борьбѣ Гвельфовъ и Гибеллиновъ ни на одну минуту не теряется вѣра въ цесаря; ее принимаетъ Дантъ, папистъ и плебей въ юности. Она раздвоила Италію, поселивъ чувство ненависти въ каждой деревнѣ, въ каждомъ семействѣ, раздѣливъ отца съ сыномъ, брата съ сестрой. Съ половины XIV вѣка, когда междоусобица кончилась, идея ея не исчезаетъ; она закрадывается во всѣ внутреннія убѣжденія Италіянца и проходитъ по всей его исторіи. Даже теперь, послѣ всѣхъ горькихъ уроковъ вѣнскаго своеволія, послѣ всеобщаго отвращенія къ іезуитской политикѣ Меттерниха, есть приверженцы австрійскихъ орловъ. Такимъ образомъ Италія папская и императорская, составилъ два враждебныхъ стана, одинъ съ нравственной инисіативой, другой съ оружіемъ въ рукѣ, разъединили на-

родную жизнь и запутали социальное развитие ея. Стремление ихъ, собственно, не въ томъ состояло, чтобъ понять и огрaдить интересы страны, а подчинить ихъ своимъ дѣлямъ, — не въ томъ, чтобъ устроить ея счастье, а спокойно *управлять*. И народъ, какъ слѣбое орудіе, переходя изъ однихъ рукъ въ другія, нравственно изнемогъ; онъ привыкъ искать спасенія не въ самомъ себѣ, а извнѣ, онъ готовъ былъ принять отъ посторонней власти все, но не могъ создать собственными средствами ничего. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не изумляться богатству жизненныхъ силъ, волнующихъ средневѣковую Италію, и бѣдности результатовъ. Какая-бы реформа ни началась, она непременно окончится терроромъ, какое-бы сословіе не выступило впередъ, въ головѣ его явится тиранъ. Прослѣдите, напримѣръ, нескончаемую борьбу жирныхъ гражданъ (*popolani grassi*) съ тощими (*popolo minuto*), борьбу чисто коммунальную, и вы увидите, что едва возникла община на развалинахъ феодальной касты, какъ она уже разрываетъ всякую связь съ народомъ, разставляетъ ему самыя хитрыя сѣти — бѣдность, наслѣдственный трудъ, и потомъ перерождается въ финансовую аристократію. Семейство Медичисовъ было типомъ италійской меркантильной, проницательной и честолюбивой буржуазіи. Чтò испытываетъ Франція въ настоящую минуту, то повѣрила на себѣ Флоренція въ XV вѣкѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ этихъ республикахъ господствуетъ какал-то грубая нетерпимость къ политическимъ убѣжденіямъ; вопросы, требовавшіе холоднаго размышленія и совѣщаній, рѣшаются мгновенными вспышками и драками. Эта нетерпимость, столь противная истинно-республиканскому характеру, конечно, была слѣдствіемъ общей невѣротерпимости среднихъ вѣковъ; но она зависѣла также и отъ гражданской невоспитанности. «Всѣ эти католическія республики, говоритъ Кине, превращаются въ республики княжескія; изъ республикъ княжескихъ переходятъ въ абсолютныя государства. И какъ скоро перестаетъ царить страхъ, начинается рабство.» (Quinet. Т. 4, стр. 194.)

Точно также преданіе дѣйствовало на національное чувство Италіи. Оно не могло уничтожить его, потому что на-

родная жизнь невозможна безъ него, но оно ослабило и растлило его. Любовь къ родинѣ всегда была пламенной страстью Италіянца. «Когда дѣло касается спасенія отечества, не можетъ быть рѣчи о справедливости или несправедливости, о страданіи или жестокости, о похвалахъ или укорахъ. Забывъ все, надо спасти его во что-бы то ни стало — со славой или безславіемъ.» Это говорилъ Макіавелли наканунѣ паденія Италіи и, кажется, выше этого любить свою страну невозможно. Но въ этомъ чувствѣ вообще много идеальнаго и для лицемѣрной преданности не можетъ быть лучшей маски. Мы нѣсколько знаемъ это на нашихъ славянофилахъ, которыхъ любовь къ Россіи — сладкая до сладости вяземскаго пряника, иногда хуже самой злѣйшей ненависти. — Въ италіянскомъ патріотизмѣ было мало практическихъ сторонъ и много космополитическихъ предразсудковъ; они часто думали о счастіи Италіи также, какъ Кавеньякъ думалъ о немъ въ 1848 году. Его солдатской проищательности казалось, что спасеніе Рима и спокойствіе всего полу-острова зависить именно отъ того, чтобъ перевести Пія IX изъ Гаэты въ Ватиканъ. Вотъ, на примѣръ, личность, очень замѣчательная по уму и сердцу, Цесарь Балбо, котораго книгу мы поставили въ началѣ нашей статьи. Онъ въ лучшія минуты Италіи служилъ ей искренне и благородно. На берегахъ Адригъ, при встрѣчѣ Австрійцевъ съ Піемонтцами, мы видимъ въ самомъ жару битвы шестидесяти-лѣтняго старика, окруженнаго пятью сыновьями. Это былъ Балбо, доблестный воинъ и практикъ; но когда онъ выражалъ свой патріотизмъ не подъ непріятельскимъ огнемъ, а на бумагѣ, онъ заблуждался, какъ юноша, только-что вышедшій изъ школы. Онъ серьезно думалъ, что центромъ не только италіянскаго прогресса, но цивилизаціи всего міра, служить папская власть, и потому любить католицизмъ для него значило любить всю Италію. Съ нимъ и его другомъ Джоберти эта дѣтская мечта умираетъ; но она была мечтой не одного піемонтскаго министра, а многихъ гениальныхъ людей. Преданіе заслоняло отъ нихъ лицевую сторону Италіи, и эта фантастическая любовь часто преслѣдовала тѣнь и упускала изъ виду дѣйствительное благо. Очень странно, ни-

кто и никогда не оспаривалъ права вторженія иностранцевъ въ сердце Италіи, и каждый отвергалъ своего соотечественника, какъ судью или владыку. Исторія полна предательскихъ сценъ. Въ 1494 году, когда пробила послѣдняя минута Италіи, Карлъ VIII Валуа спускается въ нее по призыву миланскаго властителя Лудовика Мора. Французскаго короля повсюду встрѣчаютъ торжественно, провозглашаютъ защитникомъ дамъ, дарятъ деньгами и одинъ городъ за другимъ, принималъ отъ него цѣли, цѣлуется его руку. «Онъ поразилъ Италію, говоритъ Балбо, въ тотъ самый моментъ, когда она, освободившись отъ иностранцевъ и сложившись въ конфедерацію, была ближе, чѣмъ когда-нибудь къ состоянію истинной и великой націи» (*Delle sper. d'Italia*, стр. 59). Грустными предчувствіями встрѣтилъ народъ эту эпоху; ходило повѣрье, что церковныя статуи точились кровью, привидѣнія вставали изъ гробовъ, войска носились въ облакахъ и Пикъ де Мирандола съ ужасомъ слышалъ въ флорентійскомъ соборѣ предсказаніе роковой минуты. Послѣ Карла VIII, Италія дѣлается ареной французскихъ драгонадъ; по слѣдамъ его идутъ Лудовикъ XII и Францискъ I. Французы покоряютъ Неаполь; лига иностранцевъ, руководимыхъ папой, губитъ Венецію; папа и императоръ уничтожаютъ Флоренцію. «Такимъ образомъ, говоритъ Кине, ограбивъ, опустошивъ Италію впродолженіе полу-вѣка, безъ цѣли, безъ права, безъ системы, безъ принциповъ, проклинаемые Гвельфами, проклинаемые Гибеллинами, Французы выгнаны съ пустыми руками, они снова бросаются въ эту бездну, чтобъ снова погибнуть въ ней. И въ наше время возобновилась та-же метода судить и рядить дѣла Италіи; но теперь съ легкомысліемъ соединилось лицемеріе, съ лицемеріемъ обманъ, съ обманомъ безчестіе. И если такъ-какъ три вѣка опытовъ не могли разбудить совѣсти монархической Франціи на этомъ пунктѣ, то, можетъ быть, къ лучшему, она осуждена медленно почувствовать позоръ своего послѣдняго коварства, чтобъ выльчиться отъ маніи — вмѣшиваться, безъ вѣры въ дѣла, за которыя она ничего инаго не заслужила кромѣ проклятій Италіи и насмѣшки остальнаго міра.» (*Quinet*. Т. 4, стр. 332.)

Такъ подъ ударами французскаго штыка и подъ вліаніемъ испанскаго фанатизма кончилась судьба прекраснѣйшей страны въ мірѣ. Три вѣка политической агоніи проходятъ для нея какимъ-то страннымъ, тяжелымъ и мучительнымъ сномъ. Она стоитъ передъ судомъ народовъ, какъ «гордая королева, съ розовой гирляндой на головѣ и съ босыми скованными ногами». Мы любимъ Италію, но любимъ ее, какъ падшую красавицу; мы сочувствуемъ ей, но сочувствуемъ, какъ нищему, у большой дороги; мы поклоняемся ея артистическому гевію, но поклоняемся, какъ античной развалинѣ. Сосѣди обратили ее въ предметъ какого-то ложнаго состраданія; дипломатія пользуется ею, какъ любимымъ софизмомъ; Австрія гнететъ безнаказанно сѣверныя ея провинціи, заражая эпидемическимъ повѣтріемъ своего насилія остальные ея части. Меттернихъ назвалъ ее не больше, какъ «географическимъ выраженіемъ», и государственные люди послѣ 1831 года, въ одинъ голосъ повторили: «Италія умерла».

Но можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, отчаяваться за будущее ея? Вотъ вопросъ, на который всего лучше отвѣчаетъ ея прошедшее и который постоянно занимаетъ общественное мнѣніе Европы. Какъ-бы онъ ни былъ рѣшенъ, но для Италіи, очевидно, наступаетъ эпоха сознанія и политической совѣсти; въ какомъ-бы видѣ и какими-бы средствами она ни возродилась, но ея возрожденіе не подлежитъ сомнѣнію. Постоянные симптомы въ ея общественной жизни, громкіе протесты противъ злоупотребленій, геройская отвага въ опасностяхъ и самыя страданія ея мучениковъ, разбросанныхъ по всѣмъ частямъ міра, — отъ Коленю и до Позрѳіо, все это доказываетъ необыкновенную живучесть народа. Если-бъ у него послѣ Уго Басси, съ котораго Австрійцы (какъ говорятъ) содрали кожу и безъ суда предали страшной казни, если-бъ у него послѣ этого благороднаго война и храбрѣйшаго изъ кондотьеровъ — Гарибальди не было ни одного достойнаго защитника, и тогда мы не могли-бы не признать той истины, что Италія живетъ. Она живетъ тѣмъ внутреннимъ, сосредоточеннымъ и затаеннымъ существованіемъ, которое трудно различить сквозь австрійскую казарму, но оно

само въ себѣ полно силы и надежды. «Съ 1848 года, говоритъ Балбо, начинается новый вѣкъ въ этой великой и печальной исторіи.» (Delle speranze d'Italia. Стр. 187.) Дѣйствительно, съ этого времени мы примиряемся съ Италіей и перестаемъ сомнѣваться въ ней. «Нельзя отрицать, пишетъ англійскій публицистъ, что характеръ Италианцевъ съ 1848 года поднимается въ глазахъ Европы гораздо выше, чѣмъ это было прежде. Полу-островъ послѣ жестокаго испытанія удивляетъ насъ мужествомъ, выдержаннымъ энтузіазмомъ, высокимъ патриотизмомъ и способностію къ самоуправленію (self-government), чего мы не знали за нимъ до этого дня. Если мы сравнимъ 1848 годъ съ 1821, между ними лежитъ цѣлое столѣтіе прогресса; съ этой минуты мы вѣримъ, что не смотря на всю безнадежность нашего времени, окончательное освобожденіе Италиі недалеко.» Событія этого года уже принадлежать исторіи; мы напомнимъ ихъ, чтобъ пояснить самыми фактами нашу идею.

Послѣднее возстаніе за независимость Италиі происходило въ двухъ главныхъ центрахъ — въ Римѣ и Пиемонтѣ. Всѣ другія пронашествія были отдѣльными эпизодами, проникнутыми, впрочемъ, однимъ и тѣмъ-же духомъ. Пій IX, восходя на престолъ въ 1846 году, 16 іюня, былъ встрѣченъ общимъ ожиданіемъ реформы, вызванной народной ненавистью къ іезуитамъ и австрійскому деспотизму. Григорій XVI, окруженный безсовѣстной бюрократіей и смѣшавшій либеральную партію съ ворами и убійцами, умеръ среди глухого ропота его подданныхъ. Отъ преемника его, избраннаго именно съ той цѣлью, чтобъ облегчить положеніе римской области, прежде всего потребовали амнистіи. Пана долго колебался; наконецъ 16 іюля отворилъ темницы. Минута была торжественная! Народъ съ восторгомъ сбѣжался на площадь Квиринала, освѣщенную тысячами фонарей подъ яснымъ южнымъ небомъ. Намѣстникъ св. Петра явился на балконѣ, одѣтый въ бѣлую тунику и благословилъ безчисленное множество людей, упавшихъ на колѣна. «Тогда, говоритъ Монтанелли, сердца всѣхъ соединились въ одинъ океанъ любви; всѣ выразили на лицѣ глубокое ощущеніе и

въ первый разъ раздался тотъ крикъ, который поднимаетъ народы: «Да здравствуетъ Пій IX!» (*Memorie di G. Montanelli*. Гл. XX.) Это былъ первый шагъ, которымъ папа вступилъ на путь внутреннихъ преобразований; необходимость ихъ онъ самъ признавалъ, но съ перваго-же шага велъ себя, по выраженію своего родственника и министра — Пьетро Ферети, какъ «непостоянная женщина, на слово которой отнюдь нельзя положиться». Общественное мнѣніе, раздраженное лестными обѣщаніями и неисполненіемъ ихъ, стало подозрѣвать властителя, если не въ лицемѣрїи, то въ слабости характера. Прошелъ годъ и вождельнныя перемѣны не сбылись, всѣ надѣялись на эманципацію Евреевъ, на учрежденіе политико-экономическихъ школъ, италіянскую лигу, свободу книгопечатанія, публичное судопроизводство, уничтоженіе лотереи и даже удаленіе іезуитовъ. Но все это далеко превышало планы самого Пія IX; онъ отвѣчалъ учрежденіемъ государственной консулты, состоявшей на половину изъ людей грегорианской партіи, позволеніемъ составить національную гвардію и постоянной смѣной министровъ; и на томъ онъ думалъ остановиться. «Я сдѣлалъ все, что могъ, сказалъ папа муниципальнымъ членамъ; и дальше не пойду.» Но обстоятельства заставили идти дальше. Народъ, напуганный правленіемъ іезуитовъ, требовалъ удаленія ихъ изъ новаго министерства, въ головѣ котораго стоялъ кардиналъ Бафонті. Пій IX, скрѣпя сердце, назначилъ особенную комиссію для соображенія и приготовленія новыхъ реформъ. Между тѣмъ Романцы, которымъ нельзя отказать ни въ благоразумномъ поведеніи относительно правительства, ни въ искренней признательности за каждый намекъ о прогрессѣ, ни въ сочувствіи и любви истиннымъ друзьямъ реформы, — Романцы продолжали надѣяться и вѣрить. Собираясь въ отдаленныхъ кварталахъ, каждая часть подъ своимъ знаменемъ, они ходили каждый вечеръ, при свѣтѣ фонарей и съ музыкой къ Квириналу привѣтствовать владыку изъявленіемъ благодарности. Римъ представлялъ самую одушевленную картину; улица Кирео, по которой, обыкновенно, шла веселая процессія была усыпана цвѣтами и озарена иллюминаціей; все, что было въ

городѣ юнаго, живаго и прекраснаго — все бѣжало на ветрѣчу или провожало народное собраніе. Оно подходило къ дворцу и строилось въ ряды; едва папа являлся на балконѣ, зажигались бенгальскіе огни и народъ, принимая съ колѣнопреклоненіемъ благословеніе, тихо и безмолвно расходился по домамъ. Пій IX, видя эту стройную и мощную силу, волнувавшую грудь каждаго изъ его подданныхъ, говорилъ: «Italia fa da sè» (Италія дѣйствуетъ сама по себѣ). Да, она глубоко чувствовала необходимость обновленія и готова была принять его цѣною необыкновенныхъ жертвъ... Но не то происходило въ кабинетѣ Ватикана; тамъ все было полно перфшности и двусмыслія; наглухо и въ молчанку составлялась конституція, самая странная изъ всѣхъ конституцій; она учредила совѣщательныя палаты, и оставило абсолютное Veto главѣ церкви во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ (но чтò-же можно назвать не духовнымъ дѣломъ въ папской области?); она допускала избирательную систему членовъ, и ограничивала ее однимъ католиками; она облегчала цензуру, но запрещала говорить о самомъ важнѣйшемъ вопросѣ — о свободѣ совѣсти.

Между-тѣмъ на сѣверѣ Италіи происходила другая сцена. Тамъ, по склонамъ Альпъ, спускались австрійскія войска, подъ предводительствомъ Радецкаго. Карлъ-Альбертъ, обѣщавшій немедленно сѣсть на коня, вмѣстѣ съ сыновьями, сдержалъ свое слово; провозгласивъ конституціонный статутъ (30-го сентября 1847 г.), что отозвалось во всѣхъ концахъ Италіи, — онъ спѣшилъ вступить въ борьбу, трудную и неравную, съ истинно-рыцарскою отвагой. Миланское дѣло послужило достаточнымъ предлогомъ для открытія войны. Вотъ, какъ рассказываетъ о немъ Монтанелли въ своихъ мемуарахъ: «Австрія имѣла въ Италіи шестьдесятъ-тысячъ человекъ, чужихъ ломбардо-венеціанскимъ владѣніямъ; къ этому надо прибавить сорокъ-тысячъ Италіянцевъ, военныхъ, полицейскихъ и таможенныхъ, подчиненныхъ офицерамъ, большею частію говорившимъ на другомъ языкѣ — и сдерживаемымъ на службѣ угнетателю интересомъ или страхомъ. Эта армія занимала три главные пункта — Ман-

тую, Верону, Венецію и кругомъ однихъ этихъ городовъ считывали до семидесяти-двухъ мѣстъ, снабженныхъ артиллеріей и кораблями; на правой сторонѣ По, она занимала крѣпости Комакіо, Феррару, Бресцелло и Піаченцу; на лѣвой — Питцигетоне, Анфо, Пескіеру, Ленъано, Каорту, Осопо и Палмануову; кромѣ-того — укрѣпленія, исключительно предназначенныя защитѣ Милана, Павіи, Бергама, Бресціи, Реджіо, Модены, Рубіеры и многихъ другихъ городовъ; сверхъ крѣпостной артиллеріи, Австрія владѣла двѣнадцатю линейными батареями, въ полномъ своемъ распоряженіи.

«И весь этотъ ужасный призракъ силы не стоялъ и невозной кучи передъ общимъ національнымъ возстаніемъ.... Народъ горѣлъ нетерпѣніемъ взяться за оружіе. Молодые миланскіе демократы первые увлекли его къ войнѣ.

«Утромъ, 18-го марта, въ Миланѣ огромная безоружная толпа двинулась къ правительственному дому. Одинъ изъ австрійскихъ солдатъ выстрѣлилъ по народу; молодой аббать тотчасъ-же далъ по немъ выстрѣлъ изъ пистолета и положилъ его на мѣстѣ; двери были выломаны; народъ бросился въ комнаты, вломился въ канцелярію и выбросилъ въ окна бумаги, которыя были прочитаны или разорваны въ клочки стоявшими внѣ дома. Среди этой свалки явился графъ Казати, котораго насильно тащилъ одинъ Миланецъ, прочищая дорогу зонтикомъ....

«Радецкій, узнавъ о народномъ возстаніи, вскрикнулъ отъ дикой радости. Суматоха Милана возвращала ему военную диктатуру. Онъ съ такимъ нетерпѣніемъ желалъ приступить къ оружію, что прежде чѣмъ вѣстовая пушка сдѣлала три выстрѣла, кровопролитіе уже началось на разныхъ пунктахъ города.

«Въ то-же время кровь полилась въ Венеціи. Тамъ, 18-го марта, народъ наводняетъ съ шумомъ площадь св. Марка, разбираетъ мостовую для защиты и, закричавъ: *къ оружію, къ оружію!* развѣваетъ трехцвѣтное италіянское знамя. Австрійцы стрѣляютъ въ толпу, убиваютъ пять чело-вѣкъ и множество ранятъ. Губернаторъ Пальфи, принужден-

ный муниципальнымъ совѣтомъ, раздаетъ гражданамъ оружіе.... Между-тѣмъ мгновенно разносится слухъ, что конституція объявлена въ Вѣнѣ; народъ, какъ-будто по магическому жезлу, останавливается и ждетъ съ спокойнымъ довѣріемъ.

«Въ Мантуѣ, 18-го марта, былъ праздникъ св. Ангельма, патрона города. Когда жители узнали о вѣнскихъ происшествіяхъ, на улицахъ явилась прокламація, которая говорила о единствѣ Италіи и славилъ Пія IX. Торжественная месса была пропѣта въ соборѣ, а вечеромъ, въ театрѣ, огромнымъ хоромъ, провозгласили вивать Италіи, Пію IX, Карлу-Альберту и вѣнской конституціи.

«Верона волновалась. На стѣнахъ крѣпости сіяли отверстія наведенныхъ пушекъ; подулъ сильный вѣтеръ и буря разсѣяла толпу; голосъ одного Италіянца пригласилъ народъ собираться снова на другой день.

«Бресція, освобожденная отъ іезуитовъ и снабженная національной гвардіей, провозгласила: «да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ Пій IX!» Среди общественнаго восторга одинъ италіянскій гренадеръ убитъ и стража національной гвардіи атакована.

«Жители Комо рвутъ прокламаціи, которыми была объявлена реформа. Они требовали полной республики. Среди глубокой ночи, при свѣтѣ фонарей, они опустошаютъ арсеналы, окружаютъ городскую отель и строятся въ національную гвардію.

«Муниципальная власть города овладѣваетъ ключами отъ колоколенъ, задерживаетъ въ городѣ провіантъ, приготовленный для австрійской арміи и посылаетъ вдоль озера лодки для собиранія людей и оружія.

«Между-тѣмъ Радецкій приказалъ депутатамъ миланской комуны, собравшимся въ *Бролето*, немедленно обезоружить народъ, обѣщавъ, въ случаѣ неповиновенія, передать городъ на другое утро огню и крови. Муниципальъ отвѣчалъ ему, что онъ долженъ сначала прекратить битву и что, съ своей стороны, онъ воспользуется ночью, чтобъ успокоить умы.

«Среди этих переговоров раздаётся крикъ: «намъ измѣняють».• Одинъ изъ гражданъ, раненный и поднятый на руки, умираетъ въ кругу своихъ товарищей, на дворцовой площади. Кучка молодыхъ людей, вооруженная охотничьими ружьями и старыми алебардами, отражаетъ Венгерцевъ, которые хотѣли вломиться въ залы. Къ нимъ присоединяются двѣ тысячи — Кроатовъ и Богемцевъ, и нѣсколько городскихъ жителей, имѣя въ распоряженіи какую-нибудь сотню ружей и немного пороха, защищаютъ противъ столь неравныхъ силъ осажденное Бролето отъ 7—9 часовъ вечера.

«Нападающіе занимаютъ окружныя улицы; колоколъ на городской отелн не перестаетъ звонить; австрійскія пушки, разставленныя внутри лавокъ передъ дворцомъ, громятъ укрѣпленные ворота; дворецъ дрожитъ, какъ отъ землетрясенія; по крышамъ сосѣднихъ домовъ градомъ сыпятся картечь. Осажденные, истощивъ порохъ, защищаются черепками, всѣмъ, что ни попалось подъ-руку. Генералъ Фодоръ Лекки совѣтуетъ сдаться; но онъ сопротивляется геройски.

«Въ ту-же минуту Австрійцы вторгаются въ дворецъ, опьянѣлые отъ ярости; свирѣпости ихъ не было предѣла; они поражаютъ безоружныхъ людей, выбрасываютъ на каменную мостовую дѣтей, найденныхъ на крышахъ, обыскываютъ и грабятъ раненныхъ, глумятся надъ умирающими, оскорбляютъ священника, который подаетъ имъ послѣднее утѣшеніе. Плѣнники отводятся въ крѣпость; на дорогѣ ихъ осмѣиваютъ, бьютъ и угрожаютъ висѣлицей.

«И какъ хорошъ былъ Миланъ, когда, на другое утро, взошло солнце надъ его героями-защитниками! Это былъ день праздника (19-е марта), и никто-бы не сказалъ, что городъ пробуждается для новой битвы, а не для торжества: такъ были ясны лица его сыновей подъ яснымъ, безоблачнымъ небомъ.

«Когда Австрійцы громили Бролето, день былъ мрачный и дождливый. За глубокой ночью наступило блестящее, весеннее утро, какое только можно видѣть въ Италіи. Мужчины, женщины, старики, юноши, дѣти, литераторы, попы,

работники, купцы, патриции — все народонаселение было на ногахъ, работало надъ баррикадами и готовилось драться. Матрасть ремесленника, карета маркиза, конторка семинариста, церковная скамья, театральная декорация — все сносилось на защиту, все было полезно этимъ благороднымъ сыновьямъ Италіи....

«Противъ шестнадцати-тысячъ австрійскаго войска Миланцы едва располагали шестьюстами ружьями. Но народъ, кипѣвшій желаніемъ борьбы, все обращаетъ въ оружіе, — столовые и кухонные ножи, острия полосы отъ желѣзныхъ перегородокъ, посохи съ гвоздями, драгоценныя антики изъ музея Убальдо, ружья и шпаги изъ театровъ. Съ громомъ артиллеріи смѣшивается звонъ колоколовъ и эти печальные звуки, поражающіе врага страхомъ, веселятъ сердце народа». (Memorie Sull' Italia di G. Montanelli, т. 2, гл. XXXVII.)

За всѣмъ тѣмъ Миланцы не могли одни побѣдить въ пять разъ сильнѣйшаго непріятеля, грозившаго городу всеобщимъ истребленіемъ. Вечеромъ, 19-го марта, они отправили графа Ареса въ Туринъ, просить помощи у Пиемонтцевъ. Туринское юношество радостно встрѣтило своихъ миланскихъ братьевъ и требовало немедленнаго похода противъ Австрійцевъ. Карлъ-Альбертъ сначала задумался и поколебался, но наконецъ принялъ депутацію и обѣщалъ свое содѣйствіе. Онъ понималъ всю тяжесть и отвѣтственность предпріятія: Австрія, кромѣ собственныхъ громадныхъ силъ, соединенная родственными связями съ неаполитанскимъ Дворомъ, могла противопоставить горсти Пиемонтцевъ полчища Тамерлана; она могла потерять двѣ-три арміи и за всѣмъ тѣмъ удержать Ломбардію. Но король, не безъ основанія, рассчитывалъ на энтузіазмъ народный и общее національное возстаніе; и дѣйствительно, война за независимость разбудила всю Италію. «Не было ни одного сердца», говоритъ Балбо, «въ которомъ-бы это слово не отозвалось священнымъ звукомъ.» Подъ трехцвѣтное знамя, съ савойскимъ крестомъ, стекались отсюда молодые люди, покинувшіе школьную скамью, старики, способные носить оружіе, жители всѣхъ городовъ и иностранцы всѣхъ націй. Карлъ-Альбертъ особенно рассчитывалъ на

папу и ожидалъ отъ него и войска и благословенія, потому-что дѣло шло о спасеніи всей страны. Пій IX, больше вынужденный настойчивымъ требованіемъ, чѣмъ по доброй волѣ, послалъ семнадцать-тысячь на берега По, назначивъ главнокомандующимъ Дурандо, человекъ вялаго, о которомъ самъ папа выразился такъ: «съ этимъ взглядомъ простака-монаха онъ не беспокоить меня». Ему было приказано стать на пограничной линіи и не вступать въ битву впредь до особеннаго распоряженія «безоружнаго владыки». Солдаты томились неопредѣленнымъ положеніемъ и, видя вокругъ себя всеобщее движеніе своихъ братьевъ, просили похода и войны. Дурандо отнесся въ Римъ о позволеніи снять лагерь. Но Пій IX отвѣчалъ двусмысленно и наконецъ рѣшительно сказалъ, что онъ не пойдетъ противъ своихъ единовѣрныхъ католиковъ. Народъ изумился и заропталъ. За тѣмъ еще нѣсколько очень неловкихъ попытокъ со стороны папы, очевидно не хотѣвшаго потерять покровительства Австріи, и Римъ поддается влиянію демократическихъ вождей, а Пій IX задумываетъ свое бѣгство въ Гаэту. 25-го ноября вечеромъ, переодѣтый въ простаго аббата, онъ сѣлъ въ карету съ М-ше Спауръ и тайно оставилъ столицу. Отсюда начинается новый періодъ римской реформы; министерство падаетъ, іезуиты прячутся, на сцену выходятъ новые дѣятели и составляется триумvirатъ, съ объявленіемъ республики.

Въ то время, когда на ломбардскихъ долинахъ рѣшалась участь Италіи, когда новарская побѣда разрушила послѣднюю надежду Піемонта, когда Карлъ-Альбертъ, усталый отъ трудовъ, униженный и оскорбленный несчастіемъ, грустно и одиноко умиралъ въ Опорто, передъ Чивитта-Веккіа стояло двадцать-пять-тысячь французскаго войска. Всѣ были увѣрены, что оно послано національнымъ собраніемъ на помощь Римлянамъ; но эта увѣренность скоро исчезла. Удино, принятый на чужой территоріи союзникомъ, немедленно объявилъ себя вооруженнымъ врагомъ почти беззащитнаго города. Это коварство, приправленное всѣми дипломатическими тонкостями, въ свое время изумило не только Италію, но всю Европу. Французскій генералъ, послѣ обычныхъ фонфаро-

надъ, свойственныхъ его соотечественникамъ, торопился водойти къ Риму. Онъ надѣялся вступить въ него безъ выстрѣла, «потому-что Италіянцы», какъ онъ думалъ, «не дерутся». Но когда Гарибальди, вышедъ изъ города, встрѣтилъ непріятеля фланговымъ огнемъ и заставилъ его съ значительной потерей отступить къ замку ди-Гидо; тогда Удино догадался, что Италіянцы также дерутся и иногда лучше, чѣмъ Французы. За всѣмъ тѣмъ надѣяться на послѣднюю побѣду было невозможно. Австрія заняла Флоренцію, Испанія отправляла армію, Неаполь тронулся. «Фердинандъ II», говоритъ Перанъ, «ознаменовалъ свое вступленіе въ Римскую область не битвами, а арестами республиканскихъ чиновниковъ, мирныхъ путешественниковъ и честныхъ гражданъ, которыхъ онъ бросалъ въ тюрьмы вмѣстѣ съ бродягами и мошенниками.» (*Deux ans de révolut. en Italie. Par. Pergens. 1857, стр. 187.*) Послѣдній изъ Бурбоновъ, окруженный наемными Швейцарцами, нарушилъ клятву передъ своимъ народомъ и шелъ защищать вѣроломство другихъ. За тѣмъ началась самая осада Рима. Между-тѣмъ въ Капитоліи собирается совѣтъ для окончательнаго рѣшенія вопроса: «что остается дѣлать?» Одинъ изъ триумвировъ сказалъ: «намъ остается три средства — сдаться, или возобновить геройскую жертву Сарагоссы, или оставить Римъ и продолжать войну въ провинціяхъ. Первое средство недостойно насъ; два другія самыя честныя». Но въ собраніе входитъ Гарибальди, покрытый пылью, потомъ и кровью, и на вопросъ членовъ отвѣчаетъ откровенно, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно. Такимъ-образомъ Римъ сдался и Пій IX, подъ прикрытіемъ французскаго знамени, могъ спокойно переѣхать изъ Газзы въ столицу. 17-го іюля Удино передалъ военную диктатуру города кардиналамъ Делла Дженга, Ванчелли и Альтиери. Особенно-страннымъ показалось назначеніе перваго, который еще такъ недавно вотировалъ въ конклавѣ противъ папы и не хотѣлъ преклонить передъ нимъ колѣно, какъ передъ реформаторомъ. Началась рѣзкая реакція не только въ людяхъ, но и въ мнѣніяхъ; царство красныхъ смѣнилось царствомъ черныхъ. «Папская область», говоритъ

Монтанелли, «въ это время представляла странное вавилонское смѣшеніе. Въ ней не было ни правительства духовнаго, ни свѣтскаго, ни монархіи самодержавной, ни конституціонной, ни республики. Кардиналы, одушевленные радостью при извѣстїи о побѣдахъ Австрійцевъ, приготовились къ свирѣпой мести». (Memorie di G. Montanelli, гл. XLIV.)

Разсматривая этотъ фактъ съ полнымъ историческимъ хладнокровіемъ, нельзя не видѣть, что это движеніе не было порывомъ одного города или провинціи, но общимъ подъемомъ всей Италїи; оно не было дѣломъ партїи, воспитанной въ Пьемонтѣ, «въ этомъ гнѣздѣ италїанскаго либерализма», какъ называлъ его Меттернихъ; нѣтъ, оно было высокимъ и благороднымъ протестомъ всего полуострова противъ Австрійскаго угнетенія; оно доказало, что Италїя, эта плачущая Магдалина у креста своихъ мучениковъ, способна мстить за кровныя обиды дѣтей. И Австрія поняла, что можно разстрѣливать, бить палками и хоронить мучениковъ, но нельзя закопать въ землю народнаго духа. «Повсюду», говоритъ бывший триумвиръ Флоренціи, «гдѣ находятся Австрійцы, народъ начинаетъ битву; повсюду, гдѣ ихъ нѣтъ, народъ помогаетъ возстанію. И нападеніе и помощь носятъ характеръ демократическій, потому-что вызваны однимъ и тѣмъ-же національнымъ духомъ: *въ Италїи національное и демократическое чувство нераздѣльны*». (Memorie di Montanelli, т. II, стр. 183.)

Въ послѣднемъ замѣчанїи италїанскаго мыслителя заключается объясненіе труднаго положенія современной Италїи. Въ исторїи побѣжденныхъ народовъ всегда была особеннымъ бѣдствіемъ противоположность національныхъ интересовъ. Если завоеватель и завоеванный не имѣютъ между собой ничего общаго, они, обыкновенно, вытѣсняють другъ друга и никогда не слѣпаются въ одно стройное политическое существо. Съ одной стороны можетъ дѣйствовать чисто-матеріальная сила, съ другой подчиненіе этой силѣ, но никогда полной нравственной гармонїи. Глубокій и раздрающій антагонизмъ есть неизбѣжное слѣдствіе этого ненормальнаго состоянія. Въ такомъ уродливомъ отношенїи находится Ир-

ландія къ Англіи. Противоположность племенная и религіозная поставили ихъ въ то враждебное состояніе, которое, къ сожалѣнію, такъ тяжело для первой и такъ позорно для второй; но Ирландія, по-крайней-мѣрѣ, соединилась съ страной свободной и если не пользуется всѣми выгодами социальнаго развитія ея, то всегда находитъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи и облегченіе въ постепенныхъ реформахъ. Точно въ такомъ отношеніи — Италия къ Австріи, съ тѣмъ, однакожъ, различіемъ, что здѣсь представительная система замѣняется военнымъ деспотизмомъ. Между имперіей и Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ нѣтъ и не можетъ быть единства. Ихъ раздѣляетъ различіе языка, племени и политическихъ инстинктовъ. Правда, Италия не разработала, не воспитала въ себѣ достаточно демократическія начала; но они всегда были ей свойственны и никогда не терялись. Она приняла ихъ вмѣстѣ съ исторіей десяти вѣковъ и сохранила для всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній. Въ слѣдствіе этого, столкнувшись съ Австріей, совершенно случайно, чтобъ не сказать произвольно, на одной исторической почвѣ, она не можетъ свободно и естественно слиться съ своимъ побѣдителемъ; напротивъ, съ 1815 года она постоянно чувствовала возраставшую антипатію къ австрійской монархіи; по закону взаимнаго оттолкновенія эти два тѣла чѣмъ ближе, повидимому, соприкасались, тѣмъ дальше расходились. Между ними, какъ крайними полюсами, вмѣсто экватора лежитъ бездонная пропасть.

Политика Австріи каждому извѣстна; она вообще основывалась на агломерации самыхъ разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ составила ея мозаическая организація. Вольтеръ, если не ошибаюсь, очень умно опредѣлилъ эту политику, замѣтивъ, что, если Австрія пріобрѣтаетъ какое-нибудь владѣніе, она ужъ больше не теряетъ его и если хоть двадцать-четыре часа подержитъ его въ своихъ рукахъ, кладетъ на него никогда нестираемое пятно. — Относительно Италии она дѣйствовала именно въ этомъ духѣ. Когда новарская побѣда съ одной стороны такъ дорого ей стоила, съ другой — открыла широкое поле ея внутреннему вмѣшатель-

ству, она, какъ паукъ, раскинула тонкія сѣти по всему полуострову, запутавъ въ нихъ почти всѣхъ отдѣльныхъ владѣтелей. Обративъ Ломбардію и Венецію въ военный лагерь и увеличивъ число крѣпостей, она заняла Тоскану семнадцати-тысячнымъ корпусомъ. Сначала этотъ корпусъ былъ введенъ въ Ливорно, потомъ мало-по-малу разсѣлся по всему герцогству. Военные начальники захватили себѣ управление внутренней администраціей, вмѣшиваясь въ самыя обыкновенныя дѣла. «Даже въ самой Флоренціи, говоритъ Мазидъ, австрійская палка рѣшаетъ гражданскія дѣла города.» Кромѣ того, Австрія успѣла заключить тайные договоры съ разными италіанскими правительствами, обязавъ ихъ дѣйствовать согласно съ политикой вѣнскаго кабинета. Такъ, въ силу третьяго параграфа конвенціи 1815 г. 24-го апрѣля, Неаполь долженъ былъ заключить съ Австріей взаимный союзъ «для упроченія внутренняго и внѣшняго мира и спокойствія обѣихъ Сицилій и Италіи вообще.» Что Австрія иногда понимаетъ подъ словомъ «внутреннее спокойствіе» — это можно видѣть изъ писемъ Гладстона къ лорду Абердину о государственныхъ преслѣдованіяхъ неаполитанскаго правительства и изъ прекрасныхъ записокъ Фарини *), писанныхъ лорду Джону Росселю. Надъ Пармой, подобно Неаполю и Тосканѣ, тяготитъ то-же вліяніе. Герцогъ Моденскій, — преданный лейтенантъ нѣмецкой имперіи, — въ 1847 году звалъ Австрійцевъ противъ національнаго движенія Рима. Въ томъ-же году, 24-го декабря, онъ заключилъ трактатъ, по которому предоставлено Австріи право «ввести свои войска на моденскую территорію, занять ими укрѣпленныя мѣста всякій разъ, какъ этого потребуетъ интересъ общей защиты и военныхъ предосторожностей.» Наконецъ самъ папа, забывая преданія Гвельфовъ и Гибеллиновъ, соединилъ крестъ Св. Петра съ мечомъ габсбургскаго дома. Такимъ образомъ вездѣ между народомъ Италіи и его правительствомъ лежитъ австрійская сабля; вездѣ политика Вѣны

*) См. Two letters to the Carl Aberdeen on the statepersecutions of the neapolitan governement, и La questione italiano di L. C. Farini.

руководить внутреннимъ управленіемъ и внѣшними отношеніями ея. Еслибъ эта политика была и болѣе человѣчной, то и тогда національное чувство Италіи не могло-бы не оскорбляться присутствіемъ иностраннаго самоуправства. Современныя публицисты единодушно убѣждены въ томъ, что Италія въ такомъ насильственномъ состояніи находиться не можетъ. Лордъ Пальмерстонъ, рѣдко говорившій искренно, но часто говорившій правду, въ 1849 году сказалъ: «Для Австріи нѣтъ возможности сохранить верхнюю Италію съ пользою и навсегда.»

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ знаменитаго 1848 года, Италія опять дѣлается вопросомъ всей Европы, вопросомъ въ высшей степени популярнымъ и интереснымъ. За нее протестуетъ общественное мнѣніе; за нее снова вооружается Пиемонтъ; въ защиту ея слышутся благородные голоса отъ Петербурга до Мадрита. Вопросъ, по какому-то странному противорѣчію нашей эпохи, возникаетъ въ Парижѣ. Какія-бы ни были цѣли Тюльрійскаго кабинета и кто-бы ни подаль руку помощи несчастной странѣ, нѣтъ сомнѣнія, Италія приметъ ее горячо и радушно. И Франція, если только она сдумѣетъ остановиться во-время, сдѣлаетъ не больше, какъ заплатитъ старый долгъ. Она, конечно, не забыла, что всегда и подъ всѣми предлогами она стѣсняла италіянскую національность. Франція, по первому знаку, данному изъ Рима, преслѣдовала людей, желавшихъ независимости Италіи; Франція низвергла венеціанскую республику, унизила Геную и предала Флоренцію тиранамъ. Дымъ пушекъ ея еще не стерся на виллахъ Памфили, Корсини, Валентини и на стѣнахъ самаго Ватикана. И если Франція спасетъ Италію, это будетъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ и, можетъ-быть, доблестныхъ фактовъ нашего вѣка.

Но мы живемъ не въ то наивное время, когда вѣрили, что народамъ можно подавать реформы на концѣ штыка и возрождать ихъ войнами. Эта феодальная метода творить царства, импровизировать границы, дарить области въ приданое принцамъ и принцессамъ, въ настоящую эпоху положительно невозможна. Военный шовинизмъ уступаетъ мѣсто

болѣе существеннымъ потребностямъ человѣчества; слава завоевателей, въ родѣ Карломана и Наполеона I, становится горькой сатирой на то общество, которое ими гордится. Народы ищутъ мира и внутренняго развитія силъ. Вездѣ чувствуется необходимость народнаго воспитанія, экономическихъ преобразованій, болѣе разумнаго обезпеченія труда и индивидуальной способности. Мы начинаемъ ясно сознавать, что истинная цивилизація состоитъ не въ счетѣ побѣдъ, а въ общественномъ богатствѣ и умѣ.

Тѣмъ удивительнѣе, что современная французская литература смотритъ также ложно на Италію, какъ она смотрѣла на нее въ XVI вѣкѣ. Среди общаго наводненія журнальныхъ статей и монографій, очень рѣдко встрѣчается искрення и ясная мысль. Вотъ, напримѣръ, передъ нами одно изъ лучшихъ изданій (Napoléon III et l'Italie), которое разошлось быстро и въ огромномъ количествѣ экземпляровъ среди парижской публики; если только можно принять его за выраженіе общественнаго мнѣнія, — явленіе жалкое. Неизвѣстный авторъ, очевидно, находится подъ вліяніемъ средневѣковыхъ понятій. Восторгаясь политической дальновидностью Наполеона I, онъ видитъ особенную мудрость въ слѣдующемъ выраженіи его: «одной изъ величайшихъ моихъ идей (говорилъ Наполеонъ I) была агломерація, сосредоточеніе народовъ одного географическаго положенія, которыхъ раздробили политика и революціи. Въ Европѣ насчитываютъ болѣе 30 милліоновъ Французовъ, 15 милліоновъ Испанцевъ, 15 милл. Италіянцевъ и 30 милл. Нѣмцевъ. *Я хотѣлъ-бы сдѣлать изъ cadaго изъ этихъ народовъ одно національное тѣло*» (стр. 16). Вѣроятно, Наполеонъ I, если-бъ онъ дожилъ до нашего времени, былъ-бы болѣе скромнѣе въ своихъ желаніяхъ. *Дѣлать народы* и надосугѣ въ кабинетѣ сочинять національности ихъ — чистѣйшая иллюзія въ половинѣ XIX вѣка; и едва-ли осуществить ее легче, чѣмъ переставить нашу планету на мѣсто Сатурна, а Сатурна замѣнить солнцемъ. Италія всего лучше доказываетъ, что маренгскій герой только могъ мечтать о ея національности, даже на островѣ Св. Елены, но не болѣе, какъ мечтать. Въ то

время, когда онъ какъ-будто желалъ единства и независимости Италіи, это не мѣшало ему присоединить къ Франціи Пиемонтъ, Парму, Тоскану и Римъ и разсадить на престолахъ своихъ коронованныхъ чиновниковъ. И все это, въ былое время, выдавалось на дипломатическомъ языкѣ за цѣлость, спасеніе и свободу Италіи. Авторъ разбираемой нами книги, если не ошибаемся, искренно умаеть, что «Наполеонъ I прежде обязанъ былъ завоевать національности, чтобъ потомъ освободить ихъ» (стр. 23). Эту роль принимали на себя только Сезострисы и Магометы, и то по невѣжеству восточныхъ рабовъ. Теперь она кажется не совсѣмъ удобной и слишкомъ произвольной. Притомъ не каждому геніальному дядѣ суждено оставить по себѣ геніальнаго племянника.... Но чтò особенно озадачиваетъ насъ какимъ-то неловкимъ парадоксомъ въ этой книгѣ — это слѣдующее выраженіе: «Національность италіянская никогда не будетъ результатомъ реформы и не можетъ обойтись безъ помощи посторонней» (вѣроятно, безъ помощи французской? — стр. 29). Исторія двѣнадцати вѣковъ убѣждаетъ насъ, что главнымъ врагомъ ея была именно посторонняя помощь. Она обязана своимъ паденіемъ постоянному вмѣшательству сосѣднихъ народовъ и противорѣчію ихъ политическихъ принциповъ ея собственнымъ. Страна, нѣкогда достигшая высокаго индивидуальнаго развитія, столкнулась на географической картѣ съ сильными монархіями Испаніи, Австріи и Франціи; онѣ задавили ее своими массами, но задавили на-время. И какъ скоро XIX вѣкъ ослабилъ централизацию военныхъ державъ и далъ болѣе простора народамъ, Италія снова выступаетъ на чреду живыхъ и дѣятельныхъ націй. Нѣтъ, не посторонняя помощь, не покровительство ей нужно, а внутренняя реформа. Какимъ-бы путемъ, — конфедераціей или конституціей, — она ни возродилась, возрожденіе ея зависить отъ нея самой. Италія обладаетъ всѣми элементами, необходимыми ея самостоятельной жизни. Превосходная природа, плодородіе земель, умное и страстное народонаселеніе, положеніе среди лучшаго изъ морей и множества прекрасныхъ острововъ, защита на сѣверѣ Альпами и въ центрѣ Апени-

нами, отличные порты и живописныя озера, наконецъ самая исторія, такъ дорого и такими тяжелыми опытами купленная, — все это даетъ ей неоспоримое право на то первенство, о которомъ мечтали Балбо и Джоберти. Но чего-же не достаетъ этой странѣ для независимой и счастливой жизни? Внутренняго духа, воли и ума. Ей необходимо возстановить свою политическую совѣсть, отдѣлнить свѣтскую власть отъ церковной, забыть старыя преданія, собрать разбросанныя силы и закрѣпить ихъ полнымъ внутреннимъ преобразованиемъ. Вотъ лучшія и благородныя надежды Италіи! Онѣ одушевляли Данта, Петрарку, Маккіавелли, Сарпи, Бруно, Саванаролу и Ванни; онѣ одушевляютъ въ настоящую минуту всѣхъ современныхъ ея мыслителей. И если эти надежды сбудутся, Италія представитъ міру истинно-великую націю.

Гр. Благосвѣтловъ.

К Р И Т И К А .

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЗАКОНАХЪ И ТЕРМИНАХЪ ОРГАНИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.

Въ статьѣ «о современномъ состояніи критики искусства напечатанной въ 1-мъ № «Библиотеки для чтенія» за 1858-й годъ — доказавши, по мѣрѣ силъ, несостоятельность критики чисто-эстетической и критики исторической — я высказалъ, какъ требованіе — необходимость критики *органической*. Законовъ ея я не излагалъ, да и не могъ излагать — по той простой причинѣ, что въ означенной статьѣ выполнялъ только отрицательную задачу — и невиноватый въ логическихъ послѣдствіяхъ ея развитія — выставилъ требованіе, какъ простое требованіе, не обязываясь сообщить непременно этому требованію — плоть и кровь, опредѣленные и законченныя формы. Въ извѣстныя эпохи — къ которымъ въ особенности принадлежитъ наша, выполненіе отрицательныхъ задачъ чрезвычайно-легко: выполненіе положительныхъ — очень трудно.... Всякое требованіе, всякая, говоря философскимъ языкомъ — потенція или возможность, возникающая по завершеніи чисто-отрицательной работы, какъ логическій, неотразимый выводъ, — сначала является только въ видѣ смутнаго очерка, который наполнить содержаніемъ представляется времени. Изъ того, что умерла для насъ критика чисто-эстетическая, т. е. взглядъ на искусство какъ на нѣчто отъ жизни отрѣшенное, какъ на особую, рѣзко-отграниченную область, — равно какъ изъ того, что несостоятельною оказалась и критика односторонне-историческая, т. е.

взглядъ на искусство, какъ на нѣчто жизни подчиненное, дагеротипно-бесмысленно отражающее жизнь во всемъ ея случайномъ и неслучайномъ, — логически вытекало требованіе иного рода критики. Логически-же обозначалось и общее значеніе этой критики: взглядъ на искусство какъ на *синтетическое*, цѣльное, непосредственное, пожалуй, интуитивное разумѣніе жизни, въ отличіе отъ *знанія*, т. е. разумѣнія аналитическаго, частнаго, собирательнаго, повѣрленнаго данными. Логически-же вытекало изъ этого и значеніе самаго искусства, какъ фокуса или сосредоточеннаго отраженія жизни въ томъ вѣчномъ, разумномъ и прекрасномъ, что таится подъ ея случайными явленіями. Не желая повторяться и убѣжденный, что только тѣ читатели возмутятся за мои теперешнія замѣтки и дочтутъ ихъ до конца, которые читали или захотятъ прочесть статью «Библиотеки для чтенія» — я останавливаюсь только на ея логическихъ выводахъ. Съ ними-же, съ этими логическими выводами — если судить о молчаніи, какъ о безмолвномъ согласіи, — всѣ или, по крайней-мѣрѣ, многіе согласились.

Не всякій, кто можетъ выполнить отрицательную задачу, т. е. кто можетъ указать на несостоятельность извѣстныхъ данныхъ въ извѣстную минуту и подвести логическіе итоги, т. е. выставить требованіе — способенъ *опредѣлить* это требованіе. Требованіе — есть истина, такъ-сказать, зараждающаяся, истина, смутно, хотя, можетъ-быть, и сильно-сознаваемая — однимъ-словомъ, вѣра, а не полное, опредѣленное знаніе.

Вопросъ въ томъ только, имѣетъ-ли это требованіе свои права гражданства въ мірѣ мысли? Естественно имѣетъ — на столько, на сколько имѣетъ ихъ всякій органической зародышъ — не больше, но и не меньше. Прежде всего — оно имѣетъ право заявлять свое бытіе по степени того, какъ крѣпнуть у него самого органы выраженія.

Это и требовалось доказать....

Не я открылъ бытіе органической критики на степени требованія. Бытіе, какъ требованіе, носится всегда въ воздухѣ. Совершающій всякую отрицательную работу, только открываетъ форточку этому воздуху, — стало-быть и за-

подозривать его въ претензіяхъ на открытіе — нечего. Открываютъ извѣстный міръ, показываютъ его только Колумбы — но къ логическимъ выводамъ о его непремѣнномъ существованіи приводятся до Колумбовъ и такія личности, которыя далеко не Колумбы. Выводы ихъ — только гадательныя, но они приводятъ Колумбовъ къ положительнымъ исказаніямъ.

Предлагаемыя читателямъ замѣтки вызваны — да не удивляются этому — небольшою замѣткою «свистка Современника» о донотопномъ существованіи Лажечникова. Читая замѣтку, весьма-остроумную и забавную — я первый отъ души хохоталъ надъ бытіемъ Лажечникова *до потопа*, хохоталъ на свой собственный счетъ, конечно — но ужъ такова русская натура, что мы не въ силахъ отнестись не-комически къ тому, что комично само-по-себѣ, въ чемъ-бы и въ комъ-бы комическое ни встрѣтилось.... Но комическое комическимъ — и за неудачное выраженіе: донотопный талантъ, такъ ловко обращенное «свисткомъ» въ бытіе Лажечникова *до потопа*, стоять нечего — а дѣло дѣломъ, и дѣло требуетъ разъясненія. Если-бъ замѣтка была сдѣлана въ «Пчелѣ» или подобномъ журналѣ — она не вызвала-бы такихъ объясненій — но на замѣтку *Современника*, хотя-бы даже и «свистка Современника», отвѣчать должно, по причинамъ, конечно, весьма понятнымъ.

Отвѣтомъ моимъ будутъ бѣглыя, неполныя, но совершенно-искреннія замѣтки о законахъ и терминахъ органической критики. — Начну, пожалуй, съ неудачнаго термина «донотопные таланты» — потомъ позволю себѣ предупредить будущія замѣтки «свистка» на счетъ *растительной поэзіи*; — скажу нѣсколько словъ о значеніи *вьянй*, которое — часто, даже слишкомъ-часто попадаетъ въ мои послѣднихъ статьяхъ и заключу — небольшимъ поясненіемъ мысли объ отношеніи талантовъ къ мѣстностямъ, которая промелькнула въ первой моей статьѣ о дѣятельности И. С. Тургенева.

Никто, конечно — и тѣмъ менѣе «свистокъ Современника» — не принявъ термина употребленнаго мною «донотоп-

ный талантъ» или «талантъ допотопнаго образованія» въ буквальномъ смыслѣ слова. Надъ всякимъ словомъ, если оно неудачно, какъ надъ всякою, *безъ исключенія* — формою, если она не соотвѣтствуетъ идеѣ — посмѣяться и можно и должно. Мы не Нѣмцы, которые способны обидѣться — если, напримеръ, въ личности какого-либо уважаемаго ими ученаго, профессора или гофрата, замѣтитъ кто-нибудь комическія стороны: стало-быть и замѣтка «свистка» о бытіи Лажечникова до потопа есть дѣло совершенно законное; но оно налагаетъ на меня обязанность объяснить причины, по которымъ я употребилъ не другой какой-либо терминъ, а именно этотъ, подавшій поводъ къ комическому толкованію.

И «свистку Современника» и читателямъ, интересующимся вопросами о критикѣ искусства, должна быть ясна, какъ изъ статьи моей, напечатанной въ «Библіотекѣ для чтенія», такъ и изъ самыхъ намековъ, разбросанныхъ во всѣхъ статьяхъ четырехъ книжекъ «Русскаго Слова» — какая именно мысль скрывается подъ неудачнымъ и подающимъ поводъ къ комическому толкованію терминомъ. Но мнѣ скажутъ, можетъ-быть: эта мысль такъ *скрывается*, что ее даже и не видишь за чудовищнымъ терминомъ.

Слѣдуетъ, *tant bien que mal* — объяснить ее, вывести совершенно на свѣжую воду....

Терминомъ «допотопный талантъ, талантъ допотопной формации» какъ и множествомъ другихъ терминовъ — часто дѣйствительно неудачныхъ, но принимаемыхъ мною какъ первыя хватки, за недостаткомъ лучшихъ и за несостоятельностью (въ отношеніи къ моей мысли) старыхъ — я ничего не искалъ и не ищу, какъ указать на тождество законовъ органическаго творчества въ параллельныхъ явленіяхъ міра психическаго (духовнаго) и соматическаго (матеріальнаго).

Мысль, какъ порожденіе органическое, не вдругъ, не съ разу принимаетъ формы, совершенно ей соотвѣтствующія, совершенно стройныя, совершенно гармоническія. Въ первыхъ формахъ ея осуществленія замѣтенъ постоянно недостатокъ соразмѣрности частей, слѣдовательно и недостатокъ полной жизненности. Въ мірѣ духовномъ есть свои недоноски или переноски, — есть свои — извините за выраженіе —

диноверіуми, ихтіозавры и проч. — есть, однимъ словомъ элементы, стихіи, которыя, не перебродившись, не окрѣпши, не прійдя въ извѣстную органическую соразмѣрность—имѣютъ значеніе только въ отношеніи къ послѣдующей, окончательной формѣ—положимъ напримѣръ—англійскіе трагики до Шекспира, представители идеи реформаціи до Лютера, у котораго были даже своего рода переноски—анабаптисты и проч. Все это болѣе и болѣе проникаетъ современная историческая наука, съ легкой руки великаго художника Августина Тьерри. Все это не подвержено сомнѣнію.

Но все это—скажутъ мнѣ—могло быть выражено и другимъ терминомъ. Для чего я, говоря о значеніи Лажечникова въ отношеніи къ идеѣ народности въ литературѣ, или о значеніи Марлинскаго и Полсжаева, какъ элементовъ, стихій въ отношеніи къ стройной и цѣльной натурѣ Лермонтова—не назвалъ эти явленія *несовершенными* или вообще не употребилъ такого-либо общепринятаго термина. По той простой причинѣ, что терминъ общепринятый, не подавая повода къ комическому толкованію—подавъ-бы поводъ къ ложному толкованію моей мысли или, еще хуже—не подавъ-бы повода ни къ какому толкованію, т. е. нисколько не отгнѣялъ бы моей мысли—а мнѣ, какъ всякому, сколько-нибудь мыслявшему и жившему человѣку—да позволено будетъ ставить свою, душою такъ или иначе выработанную, тѣмъ или другимъ купленную, мысль нѣсколько новыше собственной личности и страха подвергнуться критическому продергиванію.

Терминъ: «несовершенный талантъ», или другой какой-либо терминъ изъ общепринятыхъ въ сущности выразилъ-бы ту же самую мысль, какую выражаетъ и терминъ: талантъ допотопной формаціи—но знаете-ли господа, чего-бы въ немъ не доставало? Вѣры въ тотъ параллелизмъ единаго органическаго закона, которая выразилась въ терминѣ, для ушей вашихъ нѣсколько дикомъ, но за то прямо уже переносящемъ въ міръ общей органической жизни. Всякій другой терминъ поставилъ-бы мою мысль въ ложное положеніе—завелъ-бы ее или въ лагерь матеріалистовъ, или въ лагерь спиритуалистовъ или въ «Stoff und Kraft» или въ безвыход-

ный и туманный мистицизмъ. Найдите мнѣ терминъ, болѣе соответствующій моему вѣрованію и менѣе подающей поводъ къ комическимъ толкованіямъ,—я вамъ буду очень благодаренъ, а покамѣстъ позвольте мнѣ называть Лажечникова въ отношеніи напримѣръ къ Островскому, Марлинскаго и Полежаева въ отношеніи къ Лермонтову — «талантами допотопнаго образованія» — только конечно не въ томъ смыслѣ, чтобы они существовали до геологическаго переворота, называемаго потопомъ.

Есть другое возраженіе — уже не насмѣшка, а возраженіе — направленное противъ самой сущности моей мысли, а не противъ ея термина.

Если, говоря мнѣ одинъ изъ моихъ друзей, котораго практическія и всегда ловкія возраженія часто смущали и смущаютъ меня въ логическомъ развитіи мысли, указывая на слабые пункты,—если вы принимаете допотопныя формаціи, геологическіе слои въ нравственномъ мірѣ — то гдѣ-же вы полагаете и должны-ли полагать предѣлы допотопнымъ формамъ? Положимъ, что Марлинскій и Полежаевъ—допотопныя формы Лермонтова — но можетъ быть и Лермонтовъ допотопная форма чего-либо иного и т. д. usque ad infinitum.... Возраженіе весьма важное—гораздо болѣе важное чѣмъ насмѣшка надъ терминомъ нѣсколько дикимъ для уха — но за то уже по-крайней-мѣрѣ рѣзко отбѣняющимъ мысль!... Въ-сто того, чтобы отвѣчать на это возраженіе я опять таки долженъ сослаться на статью «Библиотеки для чтенія» — гдѣ изложилъ я съ достаточною по моему крайнему разумѣнію полнотою—различіе между принципомъ вѣчнаго, нескончаемаго развитія идеи — принципомъ, ведущимъ въ концѣ концовъ къ узкому поклоненію всякому *последнему* моменту развитія, съ постояннымъ и постоянно повторяющимся отрицаніемъ всѣхъ предшествовавшихъ моментовъ — и между принципомъ развитія идеи въ извѣстныхъ, такъ сказать *мигическихъ*, циклахъ, въ извѣстныхъ мірахъ, связанныхъ между собою преемственнымъ единствомъ, но имѣющихъ и свое самостоятельное значеніе, свое типовое бытіе. Извѣстный типъ, извѣстная идеальная индивидуальность, пройдя нѣсколько индійскихъ аватаръ (вѣроятно и «свистокъ» пойметъ —

почему я вынужденъ здѣсь прибѣгнуть къ термину изъ индѣйской мнѳологїи) осуществляется какъ типъ, какъ шѣчто по существу своему конечное, опредѣляемое, особое—въ послѣдней, соответственной его потенціи, формѣ, въ которой всѣ стихїи его приводятся въ мѣру, въ художественную гармонїю. Пусть эта послѣдняя форма разбивается слишкомъ рано, какъ напримѣръ .Лермонтовъ: это ничего не значитъ;— это—слѣдствїе того, что на нашемъ человѣческомъ языкѣ мы не можемъ иначе назвать какъ случайностью: дѣло въ томъ, что типъ дошелъ, хоть-бы въ .Лермонтовѣ напримѣръ, до мѣры и гармонїи, до сознательнаго обладанїя стихїями, которыя безсознательно, безсоразмѣрно бушевали въ Марлинскомъ и Полежаевѣ.

Обвинять меня еще пожалуй, по поводу упорно отстаиваемаго мною термина—въ шѣкоторомъ мистицизмѣ, лежащемъ въ основѣ моего взгляда — и этого обвиненїя, признаться откровенно, я боюсь всего болѣе; ибо — хотя il y a fagot et fagot, есть мистицизмъ и мистицизмъ—границы двухъ разныхъ мистицизмовъ еще слишкомъ неопредѣлены, — а принадлежать чѣмъ-либо къ одному изъ нихъ — я счелъ-бы весьма мало-лестнымъ, чтобы не сказать болѣе. Но во-первыхъ, я стѣснѣваю терминъ рѣшительно только за неимѣнїемъ подъ рукою другого лучшаго; а во-вторыхъ, какъ я имѣлъ уже честь высказать въ одной изъ предшествовавшихъ статей, — идеально-артистическїй взглядъ, съ которымъ этотъ терминъ, равно какъ и другїе термины связаны — гораздо ближе къ воззрѣнїю фїзіологическому, чѣмъ взглядъ теоретиковъ, кончающїйся фантастическими утопїями.

Во многихъ статьяхъ своихъ прошлыхъ годовъ я употреблялъ еще терминъ: *растительная поэзія*—подъ которою разумѣлъ я народное, безличное, безыскусственное творчество въ противоположность искусству, личному творчеству — пѣснь о Троѣ, напримѣръ до Гомера, въ противоположность поэмамъ Гомера, — звѣрный эпосъ среднихъ вѣковъ въ противоположность поэмѣ о «Рейнекѣ-лисѣ» Гете и т. д.

Этотъ терминъ точно такъ-же можетъ быть или заподозрѣнъ какъ и предыдущій въ претензіяхъ на новое ученіе или подвергнутъ обвиненію въ дикости. Но опять-таки — оправданіе этого термина заключается въ томъ, весьма не новомъ и тѣмъ менѣе новооткрытомъ, взглядѣ, который я называю идеально-артистическимъ, въ противоположность взгляду теоретическому, утилитарному.

Не мѣсто здѣсь говорить о противоположной сущности того и другого взгляда—не кстати ссылаться въ наше время и на авторитеты въ пользу того или другого, но я,—по извѣстной уже моимъ читателямъ страсти моей къ отступленіямъ,— не могу не рассказать, по поводу этихъ двухъ взглядовъ, слѣдующаго небольшого анекдота.

Одинъ изъ великихъ умовъ нашей эпохи бесѣдовалъ съ молодымъ Римляниномъ, который весь былъ проникнутъ новыми идеями и ученіями. На развалинахъ Колизея или дворца цезарей, не помню хорошенько,— Римлянинъ началъ было вопіять на *безполезность* этихъ громаднхъ построекъ—но когда собесѣдникъ его,—ужь безъ сомнѣнія не менѣе его проникнутый новыми идеями, только ставшій въ воззрѣніи *надъ* ними, а не *подъ* ними—коснулся его простаго, не потемненаго теоріями смысла и его прирожденнаго художественнаго чутья, Римлянинъ самъ расхохотался надъ своими благопріобрѣтенными діатрибами въ пользу утилитаризма.

Sapienti sat: идеально-артистическій взглядъ, не вѣря въ теоріи, въ утопіи, въ предѣлѣ развитія — не мѣшаетъ да и не можетъ мѣшать развитію.

Возвращаюсь къ оправданію одного изъ терминовъ, которыхъ въ настоящую минуту въ *какой-бы ни было* формѣ ихъ требуетъ идеально-артистическій взглядъ. Творчество народное, безличное — я не называю народнымъ, безличнымъ, простымъ, непосредственнымъ, — а называю растительнымъ, во *первыхъ* — потому-что этотъ терминъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ четыре означенные термина, а во *вторыхъ*, потому-что законы его бытія представляютъ поразительное сходство съ законами растительной жизни... Чрезвычайно неприятно и даже щекотливо нашему брату критику — если онъ не Бѣлинскій (да и тотъ этого никогда не

дѣлать, а просто и цѣликомъ повторялся, перевода страницы Телескопа въ зеленого Наблюдателя, страницы зеленого Наблюдателя въ Отечественныя записки) — ссылатся на свою предшествовавшую дѣятельность. Дѣятельность критика почти тоже, что дѣятельность актера: великій актеръ какъ Мочаловъ, великій критикъ какъ Бѣлинскій — оставитъ по себѣ долгій слѣдъ, рѣзкую струю своего могущественнаго дыханія въ воздухъ эпохи—и нечего хлопотать о томъ чтобы искусственно открывать эту струю—на нее стоитъ только намекнуть — и она тотчасъ-же обвѣетъ душу своимъ, знакомымъ душѣ, вѣянiемъ. Мы же, современные критики — принуждены *ссылатся* на предшествовавшую нашу дѣятельность — что, повторяю опять и неприятно и щекотливо, хотя неизбежно.

Въ статьѣ моей о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, написанной въ 1855 году, по поводу музыкальнаго Сборника, издавна покойнымъ другомъ моимъ М. Стаховичемъ — и встрѣченной тогда благороднымъ сочувствiемъ петербургскихъ собратiй критиковъ, тѣмъ болѣе благороднымъ, что убѣжденiя тогда еще не амальгамировались, и въ статьѣ было много странностей, которыя очень легко было-бы поднять на смѣхъ, — я старался по возможности намекнуть на законы растительнаго творчества, по скольку я самъ изучилъ ихъ на живомъ организмѣ.

Позволю себѣ напомнить существенныя данныя этой статьи.

«Пѣсня—говорилъ я тогда — есть поэтически музыкальное или музыкально-поэтическое цѣлое, ибо, право, трудно рѣшить, что въ этомъ живомъ недѣлимомъ главное.... Пѣсня зараждается неизвѣстно—когда и гдѣ, творится неизвѣстно кѣмъ, живетъ какъ растенiе, именно какъ растенiе, которое само прозябаетъ на удобной почвѣ. Случалось-ли читателямъ обращать вниманiе на одинъ, самый обыкновенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ поразительный фактъ? Пытались-ли они узнавать, сколько самыхъ разнообразныхъ по текстамъ и по мотивамъ своимъ пѣсенъ, хранится, такъ сказать, въ памяти всякаго поющаго простаго человѣка, или поющей простой женщины. Едва вѣроятно покажется имъ, если мы скажемъ:

нѣсколько тысячъ, — а между тѣмъ, это такъ! одна пѣсня наводитъ на другую, одно слово въ пѣснѣ на третью и т. д. мотивы по видимому совершенно различны, льются, несливаясь одинъ съ другимъ, раздѣльные и вмѣстѣ связанные между собою общою растительною жизнью. Дѣло въ томъ, что почва тутъ совершенно дѣвственная, не тропута, не засѣяна ничѣмъ такимъ, что мѣшало-бы естественному произрастанію органическаго продукта. Теперь, спрашивается, какого труда стоитъ намъ, уже оторвавшимся отъ почвы людямъ, запомнить весьма небольшое количество народныхъ текстовъ и мотивовъ — разумѣется, запомнить такъ, чтобы тексты и мотивы сходные не смѣшивались, не сливались — и выходили ярко, со всѣми своими тончайшими особенностями, ибо отнимать у пѣсни ея тонкія особенности, — совершенно все равно, что обрѣзывать растение по стрункѣ, налагая на него общую, казенную мѣрку.... «Масса пѣсенъ, — говорилъ я дажѣ, — даже та, которая можетъ быть извлечена изъ одного поющего лица мужскаго или женскаго пола, а тѣмъ болѣе изъ нѣсколькихъ — такъ велика, что неминуемо представляется вопросъ: какія пѣсни достойны того, чтобы ихъ записывать? Разумѣется — лучшія; но въ томъ-то и дѣло, какія считать лучшими? Которыя постарше — скажутъ безъ запинки весьма многіе и притомъ почтенные люди, знающіе толкъ въ дѣлѣ — и много правды будетъ на сторонѣ ихъ отвѣта. Нечего скрывать той печальной истины, что, по близости къ столицамъ, въ большихъ городахъ, по большимъ торговымъ дорогамъ, все болѣе и болѣе исчезаютъ лучшія или болѣе поэтическія пѣсни, замѣняясь плохими романсами фабричныхъ, оскверняясь вставками безъ смысла. А между тѣмъ, даже въ въ окрестностяхъ Москвы, даже въ самой Москвѣ, случалось и случается и случитъ вамъ, какъ и всякому, кто это дѣло любитъ, слышать пѣсни неоцѣненные, или совсѣмъ типическія, къ которымъ нельзя ни одной черты прибавить — такъ полно и цѣльно ихъ содержаніе и такъ богато обставлено оно подробностями — или, замѣчательнѣйшіе варианты, которые явно намекаютъ на старыи типъ.

«Пѣсня — не только растение: пѣсня — самая почва, на которую ложится слой за слоемъ; снимаемая слои и посредствомъ

слученія вариантовъ, можно иногда добраться до перваго слоя».

Полагая, что этихъ общихъ положеній достаточно для оправданій термина: «растительная поэзія» — по-крайней-мѣрѣ: на время, до отысканія лучшаго — я перехожу отъ защиты терминовъ, къ изложенію мыслей, которыя какъ промелькнувшія въ моихъ статьяхъ — могли произвести странное впечатлѣніе или подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ.

Непосредственно связана съ двумя терминами, которые вынужденъ отстаивать, и мысль, на которую только намекнулъ я въ предшествовавшей статьѣ о дѣятельности И. С. Тургенева — мысль, оставленная мною безъ развитія, потому только, что я надѣялся впоследствии, отдавая отчетъ о давно ожидаемомъ всѣми новомъ изданіи «Записокъ охотника» развить ее въ подробностяхъ и въ наблюденіяхъ надъ живымъ явленіемъ. Это мысль о значеніи въ творествѣ мѣстностей. Высказанная въ видѣ намека, она такъ-же можетъ подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ.

Эта мысль имѣетъ двѣ стороны — общую и особенную.

Говорить объ ея общей сторонѣ — т. е. о томъ, что народности и мѣстности играли и играютъ огромную роль въ искусствѣ, какъ и вообще во всякой отрасли человѣческой дѣятельности — было-бы совершенно излишне, если-бы въ нашу эпоху, подвергающую все безъ исключенія изслѣдованію и, стало-быть, первоначально сомнѣнію, — не подвергнулся повымъ изслѣдованіямъ и этотъ вопросъ. Еще весьма недавно — между такъ-называемымъ славянофильствомъ и такъ-называемымъ западничествомъ, шелъ чрезвычайно жаркій споръ о томъ — существуетъ-ли народность и должна-ли существовать въ творествѣ и въ знаніи....

Говоря объ общей сторонѣ, высказанной мною мысли — я сливаю вмѣстѣ два понятія: народность и мѣстность. Въ переводѣ на болѣе точный, философскій языкъ, вопросъ ставится такъ: существуютъ-ли и должны-ли существовать въ творествѣ, знаніи, въ самой жизни одиѣ только идеи и слѣдственно идеалы *общіе*, независящіе ни отъ какихъ пле-

менных или мѣстныхъ условий—или существуютъ въ творчествѣ, знаніи, жизни идеи и идеалы *частныя*, имѣющіе свое законно — типическое бытіе какъ оттѣнки, цвѣта, краски и проч. Другими словами, существуетъ-ли и достижима-ли въ творчествѣ, знаніи, жизни, — абсолютная, нагая истина или существуетъ и достижима только истина относительная, истина — *цветная*: употребляю какъ видите терминъ, который еще болѣе термина и допотопный талантъ» напрашивается въ «свистокъ Современника».

Вопросъ опять приводится, какъ и всегда, во все времена, онъ приводился, къ своимъ Геркулесовымъ столбамъ, къ двумъ взглядамъ: «теоретическому» и «идеально-артистическому» и еслибъ славянофиль или западник довелъ его съ самаго начала до этихъ Геркулесовыхъ столбовъ, они — разошлись-бы въ разныя стороны и перестали спорить: *le combat aurait fini faute de combattans*. Но славянофильство, совершенно правое въ своемъ принципѣ, въ отношеніи по-крайней-мѣрѣ къ этому спору, само слишкомъ склонно къ теоріямъ, чтобы вести принципъ до его крайнихъ послѣдствій. Что собирательнаго лица, называемаго человечествомъ, какъ лица не существуетъ, а существуютъ народности, расы, семьи, типы, индивидуумы съ особенными отливами, что типическая жизнь этихъ отливовъ необыкновенно крѣпка, что они не стираемы — это покаместъ фактъ несомнѣнный. Амальгамируются-ли наконецъ эти оттѣнки до того, что вмѣсто видовъ явится только *родъ*, этого мы не знаемъ. Ни pro ни contra сказать тутъ ничего нельзя. Чего не можетъ быть? Можетъ быть, что и луна соединится съ землею, какъ мечталъ Шарль Фурье. Но покаместъ, ни луна еще не соединилась съ землею, ни особливыхъ надеждъ на исчезновеніе оттѣнковъ въ пониманіи, созданіи и жизни, народностей въ человечествѣ, особенной крови въ родахъ, типовъ въ семьяхъ и т. д. — нѣтъ. Покаместъ слѣдовательно остается правъ взглядъ идеально-артистическій — признающій типы и ихъ развитіе, а не слияніе типовъ въ неопредѣленномъ общемъ. Каждый типъ, какъ нѣчто органическое, необходимое звѣно въ созданіи, и, вырождаясь, перерождаясь, измѣняясь, живетъ все-таки вѣчною, органическою жизнью.

Когда луна соединится съ землею и когда тины сольются въ родѣ, — ни знанью, ни творчеству, ни индивидуальной жизни нечего будетъ дѣлать. Бытіе и того и другого и третьей обусловлено бытіемъ типическаго, бытіемъ отгѣнговъ въ мірозданіи.

Что-жъ дѣлать, если это и будетъ такъ, — скажутъ поборники утилитаризма — надобно покориться истинѣ, какова-бы она ни была. Прекрасно! да гдѣ-же данныя на то, что это — истина, т. е. что это будетъ? Покажѣте мы имѣемъ данныя только на то, что была и есть народность и мѣстность въ искусствѣ, наукѣ и жизни — что Шекспиръ былъ Англичанинъ всюду, даже тамъ, гдѣ переносилъ дѣйствіе на древнюю или итальянскую почву, что даже Гегель былъ Нѣмецъ, да еще прусскій Нѣмецъ въ своей философіи исторіи.

Но мысль, высказанная мной, имѣетъ еще другую, особенную сторону.

Признавая прежде всего свободу духа и думая, что первый планъ въ законахъ исторической философіи — занимаютъ представители духа, племенные начала, а не климатическія территоріальныя условія — я тѣмъ не менѣ назвалъ Тургенева и нѣсколькихъ другихъ писателей отзывами извѣстной мѣстности. Это конечно требуетъ поясненія.

Слово : *мѣстность* — принято мною не въ смыслѣ матеріальной природы, но въ смыслѣ территоріи, съ которою сжились извѣстное племя, извѣстная раса. Причина — почему извѣстное племя, извѣстная раса, сжились съ извѣстною территоріею — заключается не въ однихъ только случайныхъ обстоятельствахъ. Забѣглое, сбродное народонаселеніе великорусской Украйны, на примѣръ, болѣе способно подчиниться природѣ, чѣмъ то предприимчивое племя, которое все далѣе и далѣе откидывалось какимъ-то вѣтромъ на сѣверъ. — Мѣстность (въ смыслѣ территоріи), не играющая почти никакой роли для этого племени — имѣетъ огромное значеніе въ отношеніи къ племеннымъ элементамъ малорусской и великорусской Украйны. Вліяніе мѣстности на племенные элементы той и другой изъ этихъ Украйнъ — совершенно притомъ различно.

Я сказала уже, что пѣкотораго рода пантеистическое созерцаніе, созерцаніе *подчиненное*, тяготеетъ надъ отношеніями къ природѣ великорусской — но это подчиненное созерцаніе и сообщаетъ имъ при переходѣ въ творчество ихъ особенную красоту и прелесть, даетъ 1) подмѣтку тонкихъ, почти неуловимыхъ чертъ природы 2) полнѣйшее, почти не посредственное, слияніе съ нею — и наконецъ 3) въ Тютчевѣ: напримѣръ возводитъ ихъ, эти отношенія, до глубины философскаго созерцанія, до одухотворенія природы.

Не то, что мните вы — природа,
 Не слѣпокъ, не бездушный ликъ;
 Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
 Въ ней есть мечты, въ ней есть языкъ.

Два первыхъ качества особенно ярки въ томъ, совершенномъ непосредственномъ, часто вовсе неоразумленномъ, чувствѣ, которымъ дышатъ лучшія стихотворенія Фета, въ тонкой живописи Тургенева, въ туманномъ мечтательномъ, вечерней или утренней зарею облитомъ, колоритѣ вдохновеній Полонскаго. Что такое, напримѣръ, весь Фетъ въ его «Вечерахъ и ночахъ» въ его многообразныхъ весеннихъ песняхъ? Весь — какое-то дыханіе, какая-то пѣга, какая-то моральная истома. Помните —

Шопотъ, робкое дыханье
 Трели соловья...

Этотъ рядъ безконечныхъ, столь внутренне связанныхъ, столь необходимо слѣдующихъ одинъ за другимъ аккордовъ, которыхъ перервать нельзя — стихотвореніе, которое не можетъ быть иначе прочтено какъ однимъ дыханіемъ.

Помните: «пчелъ» — томленіе, пѣгу, разлитую въ этомъ стихотвореніи, томящую какъ знойный день, сладострастную безъ малѣйшихъ стремленій къ сладострастію... Помните «Дѣбрь въ половодѣ»:

И подъ лобзаніе немолкнущей струи,
 Пѣвцы, которымъ зѣсь да волны зньи цинмали,
 Съ какой-то нтою задорной соловьи
 Пустынный воздухъ раздражаи.

Что такое весь Полонскій?... Фагастически-туманная, сказочная греза, — наявная до дѣтства, и притомъ до дѣт-

ства совершенно прирожденнаго, а неблагопріобрѣтеннаго по крайней мѣрѣ въ томъ, въ чемъ онъ особенно оригиналенъ —

За горами-лѣсами, въ дыму облаковъ,
Свѣтитъ пасмурный призракъ луны,
Вой протяжный голодныхъ волковъ
Раздается въ туманѣ дремучихъ лѣсовъ,
Мнѣ мерещатся странные сны,
Мнѣ все чудится, будто скамейка стоитъ,
На скамейкѣ старуха сидитъ,
До полуночи пряжу прядетъ,
- Мнѣ любимыя сказки мои говорить,
Колыбельныя пѣсни поеть....

Тутъ — дѣтство, непосредственность — простираются до того, что поэту видится, напримѣръ, прежде *скамейка*, а потомъ ужъ «на скамейкѣ старуха сидитъ» это — дѣтство и непосредственность народной пѣсни. Притомъ, васъ обдаетъ фантастическимъ, равно какъ обдаетъ васъ имъ въ чудной грезѣ Фета:

Мы одни изъ сада въ стекла оконъ,

грезѣ, вдаваясь въ которую вы начинаете думать, что поэтъ самъ сидѣлъ на «суку извилистомъ и чудномъ» на которомъ сидитъ его жарь-птица... А «ночь», которою кончается «Кузнечикъ» Полонскаго — а «ночь въ саду» въ «Юности» Толстаго? То полное и подчиненное сліяніе съ природою, которымъ отзываются эти и подобныя имъ мѣста — результатъ мѣстности, т. е. воздѣйствія особенной полосы на особенное племя...

Какъ необычайно ярко высказывается это отношеніе въ началѣ «Бѣжина луга.»

«Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно, утренняя заря не пылаетъ пожаромъ — она разливается кроткимъ румянцемъ; солнце, не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ предъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное — мирно всплываетъ изъ воды узкой и длинной тучки, свѣжо просіяетъ и погрузится

въ лиловый туманъ... *Верхній, тонкій край растянутого облака засверкаетъ змѣйками — блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра....* Но вотъ, опять хлынули играющіе лучи — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество *круглыхъ, высокихъ облаковъ золотисто-спрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями; подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы — они почти не трогаются съ мѣста; далье къ небосклону они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они также лазурны, какъ небо: они все насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотою.* Цвѣтъ небосклона легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза — развѣ, кое-гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру, эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось также спокойно какъ спокійно возшло на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, *тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на негнѣй вечерняя звѣзда.* Въ такіе дни *краски есъ смягчены, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости* *). Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже «шарить» по скатамъ полей; по вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной и вихри — круговороты, несомнѣнный признакъ постоянной погоды, высокими, бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ, черезъ пашню. *Въ сужомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полымью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Такой погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба»...*

*)

. . . . и на всемъ.

Та кроткая улыбка увиданья,

Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ.

Возвышенной стыдливостью страданья.

Ф. Тютчевъ.

Или вотъ еще — утро изъ того же Бѣжина Луга:

«Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ... и его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все также великолѣпна, какъ и прежде.... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все снало крѣпкимъ, неподвижнымъ, передразвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло — въ немъ снова какъ будто разливалась сырость... Недолги лѣтнія ночи! — Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить, при чуть брезжущемъ, слабо сіяющемъ свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы... Слабое забытье напало на меня... оно перешло въ дремоту.

«Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза... утро начиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, *холодѣло*, *снѣгло*; *звѣзды то жгали слабымъ свѣтомъ, то исчезали*; *отсырѣла земля, запотѣли листья*, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, рѣнный вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. *Тѣло мое отяготило ея легкой, веселой дрожью*... Я проворно всталъ и подошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали какъ убитые вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

«Я кивнулъ ему головой и пошелъ во svoemъ, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади по длинной, пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обгреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ подъ рѣдѣющаго тумана, полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило; всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мѣ на-

встрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, привнеслись звуки колокола, и вдругъ, мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ...»

Что такое тургеневскіе рассказы охотника? Неужели изображенія дѣйствительности, какою она является *свободному* духу? Всѣ они облиты однимъ колоритомъ — всѣ и въ особенности, напримѣръ, «Пѣвцы», «Бѣжинъ Лугъ». Если брать ихъ за простые изображенія дѣйствительности — они выйдутъ совершенною фальшью: — фальшью будутъ и односторонняя заунывность, простирающаяся до трагизма въ «Пѣвцахъ» и *байроническій* мальчикъ въ «Бѣжинъ Лугъ», — фальшью выйдетъ и «Муму», какъ односторонняя и мрачно-колоритная идеализація типа; но все это дорого и въ высокой степени поэтично, какъ голосъ извѣстной почвы, мѣстности, имѣющей право на свое гражданство, на свой отзѣвъ и голосъ въ обще-народной жизни, какъ тинъ, какъ цвѣтъ, какъ отливъ, оттѣнокъ.

Когда луна соединится съ землею, эти отливъ красокъ мірозданія — исчезнутъ; но за то артистическимъ натурамъ придется тогда довольно-часто вѣшаться съ безысходной хандры на вѣтвяхъ тѣхъ грушъ, разумнымъ воздѣлываніемъ которыхъ будутъ заниматься фаланги благоустроеннаго человѣчества!

Остается еще сказать мнѣ нѣсколько словъ о тѣхъ *вліяніяхъ*, которыми я наполнилъ и, по собственному сознанію, даже переполнилъ предшествовавшія статьи.

Я употребляю слово «вѣяніе», а не слово «вліяніе», потому-что слово «вѣяніе» точнѣе выражаетъ мое убѣжденіе въ реальномъ бытіи силъ, которое раздѣляю я съ поэтомъ Тютчевымъ и съ общимъ для насъ съ нимъ, что для меня очень лестно, учителемъ Шеллингомъ. Въ концѣ концовъ разясненіе слова «вѣянія» повело-бы опять къ безднѣ, по сторонамъ которой стоятъ два Геркулесовыхъ столба, два взгляда: *идеализмъ* и *утилитаризмъ* или, пожалуй, въ средне-вѣковыхъ формахъ — *реализмъ* и *номинализмъ*.

Въѣсто того, чтобы снова подводить читателей къ этой непроходимой безднѣ, я лучше разъясню то мѣсто статьи, въ которой мысль о вѣяніяхъ, по сдѣланному мнѣ многими замѣчанію, является слишкомъ рѣзко, — мѣсто о Мочаловѣ, великомъ актерѣ, занявшемъ, противъ всякой принятой рутинны, мѣсто въ историческомъ очеркѣ умствешаго движенія.

Изъ того литературнаго поколѣнія, къ которому принадлежу я, а все это поколѣніе, за весьма немногими исключеніями, вышло на дѣятельность изъ одного центра — изъ Москвы, — нѣтъ человѣка, который бы не носилъ въ душѣ слѣдовъ вліянія этой могущественной артистической личности, залоговъ того романтическаго міра и тѣхъ романтическихъ впечатлѣній, съ которыми сроднилъ всѣхъ насъ геніальный выразитель романтизма. Фактъ несомнѣнный, что не Мочаловъ создаея по даннымъ нашего, извиѣ пришедшаго романтизма, что не Полевые и не Куколышки создавали Мочалова, а самъ онъ творилъ вокругъ себя оригинальный, русскій романтическій міръ, что выразитель явился въ лицѣ его прежде выраженія идеи въ словѣ и поэтическомъ образѣ. Фактъ тоже несомнѣнный, что міръ, имъ созданный, создаея имъ изъ вѣяній его эпохи и въ свою очередь внесъ въ массу общей жизни свое могущественное вѣяніе, которое отдалось и въ словѣ и въ звукѣ (Варламовъ), и въ нравственномъ настроеніи извѣстнаго поколѣнія. Какъ-же послѣ этого, слѣдя преимущественно постепенность вѣяній, не говорить объ этомъ вѣяніи?

Въ заключеніе мнѣ слѣдуетъ поблагодарить «свистокъ Современника» за то, что онъ далъ мнѣ поводъ развить въ нѣкоторой подробности нѣсколько дорогихъ мнѣ мыслей, и затѣмъ удовлетворить въ слѣдующей же книжкѣ его желанію: поговорить о бытіи Лажечникова, т. е. идеи народности до потопа, хотя, конечно, не до геологическаго.

Ан. Григорьевъ.

И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа:
«Дворянское гнѣздо» (Современникъ, 1859 г. № 1).

Письма къ Г. Г. А. К. Б.

Статья вторая.

Х.

Я сказалъ уже, что поэтическія природы, какъ натура Тургенева, — во всякое новое произведеніе вносятъ весь свой внутренній міръ, — разумѣется, въ томъ моментѣ этого міра, въ какомъ произведеніе застаётъ душу художника. По этому-то дѣятельность подобныхъ натуръ — въ высочайшей степенн искренна, цѣльна и крѣпко связана во всѣхъ звѣньяхъ своей цѣпи. Искренность дѣятельности такихъ натуръ подвергается даже весьма часто упреку: такъ въ наше время, Толстой, со стороны многихъ близорукихъ судей, подвергается упрекамъ въ моральномъ застоѣ за свои послѣднія произведенія, за Люцернъ и за Альберта, — такъ Островскій, каждымъ новымъ произведеніемъ, разочаровывалъ надежды то славянофиловъ, то западниковъ. Положительно можно сказать, что всякая, истинно-художественная дѣятельность — какъ органъ неисчерпаемой, вѣчно-обманывающей расчеты, вѣчно-пронической жизни — идетъ въ разрѣзъ съ теоріями, каковы-бы онѣ ни были. Если на минуту художественная дѣятельность и поддается теоріи — то въ слѣдствіе особеннаго обстоятельства, — въ слѣдствіе той перемѣны змѣнной кожи, въ которой наивно сознается одинъ изъ величайшихъ поэтовъ. Не возражайте мнѣ примѣромъ Занда — ибо именно этотъ-то примѣръ и служить, если разобрать дѣло хорошенько — наилучшимъ доказательствомъ моего общаго положенія. Подчищеніе творца Вагента, Жака, Леоне Леони и непредѣланной Дели — теоріямъ, въ слѣдствіе которыхъ явились разные образы безъ лицъ, *in editione castrata*, Пьеръ Гюгененъ, со всѣмъ его несносно-резонирующимъ причтомъ, противная бузеготка Евгенія въ великомъ романѣ «Ногасе»

— безобразія, испортившія Консуэло и наполнившія вздоромъ три четверти «графини Рудольштадтъ» и проч. и проч. — все это было только переходомъ къ новымъ формамъ, исканіемъ новыхъ художественныхъ формъ — исканіемъ, результатомъ котораго были новыя, великолѣпныя художественныя фантазіи, какъ «Теверино» и «Пиччинино» — новыя, глубокія откровенія тончайшихъ изгибовъ человѣческой души или художественно-спокойныя (т. е. все-таки спокойныя страстно) созданія — какъ «Ella et lui» или «Daniella».

Не возражайте мнѣ и примѣромъ Гоголя.... Смерть поѣхала великому художнику раздѣлаться съ печальной теоріей, съузившей его кругозоръ, породившей эстетически и нравственно безобразные скелеты Улиньки, Констанжогло и его драпирующей шалью жены, добродѣтельнаго откупщика Муразова и доблестнаго князя, играющаго какъ мячикомъ закономъ и законностью, во имя произвольной справедливости.... Ваше возраженіе опять-таки будетъ только самымъ яркимъ, самымъ-нагляднымъ подтвержденіемъ моего положенія. Теорія для художника или сѣни къ новому великолѣпному зданію — и притомъ сѣни, поставленныя на время, сѣни съ подмалеванными стѣнами вмѣсто каменныхъ — или смерть и гибель. Когда уже у такого великаго артиста, какъ Гоголь, подъ вліяніемъ теоріи появились фигуры съ ярлыками на лбу, достойныя, въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, романовъ г. Ѳ. Булгарина, — каково-же должно быть вліяніе теорій на таланты меньшаго объема? Каково, напримѣръ, должно оно было быть на талантъ, о которомъ идетъ теперь у меня съ вами бесѣда....

Ибо и Тургеневъ, этотъ талантъ, всей высотой своей обязанный романтизму съ одной стороны и искренности съ другой — въ свою очередь не миновалъ подчиненія теоріямъ — хотя этотъ моментъ, по причинѣ особенной отрицательной черты его таланта — отсутствія рѣзкости, переходящаго даже въ отсутствіе энергіи, никогда не выражался у него цѣлымъ рядомъ, цѣлою эпохою произведеній — а разсѣянъ во множествѣ ихъ, мелькаетъ по мѣстамъ даже до сего дня. Есть два-три произведенія, въ которыхъ вліяніе теорій выразилось у него рѣзко — но отъ этихъ, чисто уже заказныхъ,

не по внутреннему побужденію писанныхъ, вещей отрекся самъ Тургеневъ, какъ истинный поэтъ. Я говорю о произведеніяхъ въ родѣ «Холостяка» и «Нахлѣбника» — столь-же заказныхъ въ томъ смыслѣ, что они *заказаны* теоріями, какъ драматическія попытки Занда — но эти произведенія, которыми, по всей видимости, столь-же мало дорожить авторъ, какъ и своими поэмами и лирическими стихотвореніями (иѣ-которыми изъ послѣднихъ, впрочемъ, совершенно напрасно) — для критика чрезвычайно-важны и дороги. Талантъ глубоко-искренній, какъ талантъ Тургенева, искренно подчиняется, на время, и теоріямъ — сталъ-быть, художнически стремясь сообщить имъ плоть и кровь, идетъ смѣло, — часто противъ воли смѣло, — смѣло, не смотря на мягкость собственной природы, — до крайнихъ граней. Тургеневскій «Мошкинъ», влюбляющійся на старости лѣтъ, да еще представленный Щепкинымъ, искренне-же увлекавшимся своею ролью, высокимъ комикомъ Щепкинымъ, на зло натурѣ стремившемся часто къ трагизму (странная замашка многихъ комиковъ!) — довелъ натурализмъ, т. е. опять-таки, сентиментальный натурализмъ конца сороковыхъ годовъ, до крайнихъ предѣловъ комизма — и его-же «Нахлѣбникъ», къ сожалѣнію, не игранный на сценѣ, эта «пьеса съ причиною», какъ назвалъ ее *по-чему-то* покойный Гоголь — привелъ натурализмъ уже не къ комическому, а къ отвратительному. Дальше идти было некуда — это былъ сокъ, выжатый изъ повѣстей М. Достоевскаго, Буткова и другихъ натуралистовъ — поэтомъ-романтикомъ, поэтомъ-идеалистомъ — и вся болѣзненная поэзія, разлитая истиннымъ поэтомъ сентиментальнаго натурализма въ «Бѣлыхъ почкахъ», вся тревожная лихорадочность «Хозяйки», не могли снасти исчерпаннаго и обнаженнаго до скелета направленія: поэтъ сентиментальнаго натурализма самъ сдѣлалъ важный шагъ къ выходу изъ него въ развивавшейся все глубже-и-глубже «Неточкѣ Незвановой» — и о немъ нельзя по этому сказать послѣднѣго слова — по сентиментальный натурализмъ, — увы!

Умеръ онъ —

Умеръ нашъ голубчикъ!

какъ гласитъ припѣвъ одной старой пѣсни о предметѣ, еще

болѣе достойномъ воздыханіи — и двѣ тургеневскія драмы — почти-что конечныя причины его исчезновенія въ литературѣ.

Талантъ Тургенева — такъ гибокъ и мягокъ, что не только выносилъ на себѣ все вѣянія эпохи, не только подчинялся теоріямъ, онъ подчинялся даже модамъ, чисто-случайнымъ повѣтріямъ.

Въ промежутокъ, между свирѣпствованіемъ сентиментальнаго натурализма и утвержденіемъ владычества натурализма простаго, — праздный и пустой въ сущности, какъ всякій промежутокъ — въ литературѣ появилось баловство, большею частію дамское, въ видѣ драматическихъ пословицъ и поговорокъ изъ великосвѣтскихъ, или по-крайней-мѣрѣ тонко развитыхъ, слоевъ жизни. Форма занята была на прокатъ, у Альфреда де Мюссе, который, какъ поэтъ, умѣлъ вкладывать даже и въ эту скудную и сухую форму поэзію и содержаніе — только, впрочемъ, тамъ, гдѣ бралъ предметы не изъ свѣтской жизни — ибо въ своихъ «Il faut qu'une porte», «Un sargise» — и онъ даже, истинный поэтъ, выпутывался изъ затруднительнаго для поэта положенія только блестящей шумихой рѣчи. У насъ, отъ застою, скуки и праздности, родъ этотъ принялся очень-скоро и въ немъ нашли для себя выходъ многія, чувствовавшія потребность литературно изливаться, тонкія и развитыя, преимущественно, какъ я уже сказалъ — дамскія личности. Родъ этотъ, какъ очень легкій — скоро достигъ до того, что получилъ общіе фязіологическіе признаки, а именно:

1) Сфера жизни въ таковыхъ драматическихъ пословицахъ и поговоркахъ бралась обыкновенно великосвѣтская, т. е. въ нихъ разсуждали и дѣйствовали — очень-много разсуждали и очень-мало дѣйствовали — люди свѣтскіе и занимались въ нихъ различными, *нехитрыми* людямъ непонятными, дѣлами, какъ-то: держали паръ на честь женщинъ, вызывали другъ-друга на эффектные дуэли съ дешевой расплатой или правильнѣе сказать «поколоться», по панвному выраженію пушкинской капитанши:

2) Или были это люди, хотя и не большаго свѣта, но за то разьочарованныя, такіе разьочарованныя, что «и

стоялъ свѣтъ и будетъ стоять», какъ говорить сваха въ «Женитьбѣ», а такихъ разъочарованныхъ не было и не будетъ.

3) Женскія лица были тоже барыни свѣтскія, или вообще развитыя весьма-тонко барыни, и занимались онѣ преимущественно тѣмъ, что называется технически *игрою въ чувство*, дѣломъ, хотя, конечно, и празднымъ, но за то, дававшимъ имъ всегда возможность высказывать различныя прирожденныя, благопріобрѣтенныя и даже противуестественныя свойства *прекрасной и изящно-развитой личности*.

4) Обыкновенно главный герой и героиня — чаще всего только два ихъ, съ присовокупленіемъ полубезмолвной пары низкихъ и неразвитыхъ природъ лакея и служанки — увѣряли себя въ невозможности любви вообще и въ своей взаимной, специальной къ одной неспособности.

5) Главнымъ-же образомъ — авторы всѣхъ подобныхъ произведеній стремились къ *тонкости*. Тонкость была повсюду: тонкость стана героинь, тонкость голландскаго бѣлья и т. д. — *тонкость*, однимъ словомъ, и притомъ такая, что стань, того гляди, напомнить жердочку въ народной пѣснѣ:

Тонка, тонка — гнется — боюсь, переломится.

Разговоръ, то и дѣло, переходилъ во что-то, «не хитрому уму» и *не воспитанному* чувству непостижимое; — чувства, того, бывало, и жди, совсѣмъ испарятся или улетучатся: тонкость голландскаго бѣлья чуть-что не ставилась главнымъ признакомъ человѣческаго достоинства.

6) Кончались *дѣла* обыкновенно или *мирно*, сознаниемъ героя и героини, что они *могутъ позволить себѣ любить*, изъ чего, ео ipso, выходило, за сценой разумѣется, и желанное заключеніе, — или, *трагически*: герой и героиня разставались «въ безмолвномъ и гордомъ страданьи», пародируя трагическую тему Лермонтова....

И этой жалкой модѣ, этому повѣтрію апатіи и праздности, — поддался, скажете вы, талантъ Тургенева.... Да — скажу я безъ запинки и укажу прямо на «*Провинціалку*» и на «*Гдѣ тонко, тамъ и рвется*». Пусть «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», по истинной тонкости анализа, по прелести разговора, по множеству поэтическихъ чертъ — стоитъ надъ всѣмъ этимъ *дамскимъ и кавалерскимъ баловствомъ* столь-же

высоко, какъ пословицы Мюссе: пусть въ «Провинціалкѣ» — женское лицо очерчено, хотя и слегка, но съ мастерствомъ истиннаго артиста — почти такъ-же хорошо, какъ жена адвоката «Жаклина» въ извѣстной пословицѣ Мюссе, хоть и съ меньшею энергіею, но все-же эти произведенія — жертва модѣ и какаля-то женская прихоть автора «Записокъ охотника», «Рудина» и «Дворянскаго гнѣзда», все-же... но я лучшеavorочу скорѣе медаль и скажу: хорошо, что Тургеневъ обмолвился этими жертвами модѣ — хорошо, что этотъ симпатичнѣйшій талантъ нашей эпохи искренне отдавался всѣмъ наптямъ, искренне и мучительно переживалъ всѣ вѣянія, искренне и женственно увлекался всѣми литературными модами.

Талантъ съ глубокимъ и поэтическимъ, хотя постоянно неяснымъ, постоянно *вырабатываемымъ* на глазахъ читателя, содержаніемъ — съ широкими зачинаніями (концепціями), хотя безъ энергіи въ ихъ выполненіи — онъ невыше и нениже своей эпохи. Его сердце билось въ одинъ тактъ съ нею. Прежде всего и больше всего, это — талантъ искренній, искренній даже въ *самообманываніи*.

Ибо, что такое: *искренность*, готовъ спросить я, какъ нѣкогда было спрошено: что такое истина?

XI.

Быть искреннимъ! Искренность — слово огромной важности, но, подвергая критикѣ все — самое это слово, т. е. понятіе замыкающееся въ словѣ, невольно подвергнешь критикѣ — и въ пользу этого критическаго анализа искренности да позволено будетъ мнѣ еще новое отступленіе.

Есть люди, которые весьма искренне не понимаютъ Шекспира и весьма искренне въ этомъ сознаются; знавалъ я даже такихъ, которые весьма искренне ругали Шекспира и ругали тѣхъ, которые по ихъ мнѣнію неискренне восторгались Шекспиромъ.... Знавалъ я такъ-же одну барыню, изъ очень эмансипированныхъ, которая помѣшалась на искренности и все сердилась на людей, что они ее преслѣдуютъ за искренность; дѣлая величайшія несообразности и даже съ позволенія сказать мерзости, эта барыня надоѣдала всѣмъ до смерти, повторяемымъ ей на каждомъ шагу, восклицаніемъ

Марья Андревны Островскаго: «зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды?» — Что-жь? вѣдь она, въ самомъ дѣлѣ, была очень *искренняя*? Она очень искренне, не смотря на свою эмансипацію, бранилась съ своими горничными дѣвками, искренне метала икру, т. е. выбрасывала передъ другими весь душевный соръ, какой наносило ей вѣтромъ въ голову или сердце, если сердце у нея было — именно вѣтромъ, потому что своихъ собственныхъ, мысли или чувства у нея никогда не зарождалось — но при всей этой искренности виѣшнихъ отправленій, она была въ высшей степени фальшива — чуть-ли не фальшивѣе другой барыни, которой огоньки фонариковъ, озарявшихъ мизерныя аллеи сада лѣтнихъ маскерадовъ, представлялись мерцающими звѣздочками, которая закатывала глаза подъ лобъ и, *несмотря* на глубочайшее невѣжество, говорила въ тонѣ героини Марлиискаго.

Впрочемъ, обѣ барыни были равно постыдно невѣжественны — равно какъ и тѣ господа, отъ которыхъ мнѣ часто случалось слышать искрежную хулу на Шекспира.... Виновать, впрочемъ: въ господахъ можно было различить пѣсколько степеней невѣжества: 1) невѣжество, заматорѣвшее во дпехъ, невѣжество русскаго помѣщика, 2) невѣжество молодое, невѣжество, примѣрно, бойкаго свѣтскаго юноши, 3) дубовое и дерзкое невѣжество школьника, всегда готоваго утвердительно эрготировать о вопросѣ! An non spiritus existunt, воснитавшагося въ безплодной діалектической словобитнѣ, не стяхнувшего съ себя чувства злобы, развиваемаго тяжелымъ гнетомъ бурсы, 4) окаменѣлое, опрагматизованное до поклоненія себѣ, ученое невѣжество спеціалиста, который *искренне* считаетъ все вздоромъ кромѣ предмета, который *онъ* удостоилъ избрать и 5) невѣжество умное, но лѣнивое, рѣшившееся на всю жизнь остаться невѣжествомъ и знающее къ несчастію, что оно умно....

Все это, говорю я вамъ — очень *искренне*, будетъ *не понимать* многого и очень *искренне* заподозрѣтъ въ другихъ сочувствіе ко многому.

Должно еще сказать, что во многихъ подозрѣніяхъ своихъ, оно окажется совершенно право. Вѣдь нѣтъ ничего хуже фальшивой впечатлительности — и нѣтъ ничего вред-

нѣе — ибо ничто неспособно такъ поддержать застоя понятій какъ фальшивая впечатлительность. Разбирая душевный хламъ свой, каждый изъ насъ можетъ убѣдиться, что множество дурныхъ и постыдныхъ — т. е. ложныхъ душевныхъ движеній, держится въ насъ за извѣстные типы, къ которымъ мы приковались, за извѣстныя наносныя, а не родившіяся въ насъ впечатлѣнія, на которыя мы приучили, сперва нѣсколько насильственно а потомъ уже очень легко и свободно, отзываться струны этого диковиннаго, безконечно сложнаго и вмѣстѣ цѣльнаго инструмента, называемаго душею человѣческою.

Въ недавнее время одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ, хотя и не всегда строго-логическихъ, нашихъ мыслителей, одинъ изъ наиболѣе увлекающихся и стало быть наиболѣе способныхъ впасть въ ошибки, — анализируя характеръ Ивана Грознаго, высказалъ въ этомъ анализѣ затаенную вражду свою и цѣлаго направленія, къ косму принадлежитъ онъ — вражду къ художеству, художественной способности, красотѣ. Онъ отнесъ грознаго вѣщносца къ числу художественныхъ натуръ, которыми, правда, жизнь уразумѣвается только черезъ образъ, въ который она облекается и только по степени того прекрасенъ-ли и эффектенъ-ли образъ или нѣтъ. Признаюсь вамъ откровенно, что эта мысль, высказанная притомъ съ замѣчательною ясностью и съ кажущеюся глубиною, мысль, мучившая меня и прежде, борьба съ которой въ мукахъ рожденія вылилась въ статьѣ моей «о правдѣ и искренности въ искусствѣ» — опять меня долго внутренне мучила, но опять превратилась въ тотъ-же результатъ, т. е. въ то, что *всѣмъ*, а не одной категоріи людей, *правда* дается *красотою*, *образомъ*, что разумѣніе истины обусловлено художественною способностью, въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе существующею. Бываетъ только красота *истинная* и красота *фальшивая*, — но отзывъ на правду пробуждается въ нашей душѣ *непрѣменно* красотою. Красота одна можетъ воплотить правду и такое воплощеніе сообщаетъ намъ живую увѣренность въ бытія, свойствахъ и дѣйствіяхъ правды. Голая мысль, добытая однимъ мозговымъ процессомъ, однимъ логическимъ путемъ, т. е. выведенная

изъ однихъ только отрицаній, остается для насъ всегда, чѣмъ-то чуждымъ. Глубоко говорить относительно этого Шеллингъ, когда, разбирая идею моногензма, замѣчаетъ, «что : вообще когда желаютъ знать, что именно *значитъ* извѣстное всемірно-историческое понятіе (а мы можемъ смѣло поставить : живое или жизненное понятіе) — не учебники и не компендіумы должно объ этомъ спрашивать. Произошло оно не черезъ посредство одной рефлексіи и школьной мудрости. По-крайней-мѣрѣ, уже столько мы знаемъ, что не найдено, не изобрѣтено оно человѣчествомъ, а дано ему.... Если хотимъ мы проникнуть истинный, настоящій смыслъ понятія, принадлежащаго не школѣ а человѣчеству (т. е. душѣ человѣческой, ибо для Шеллинга нѣтъ отвлеченнаго гегелевскаго человѣчества), мы должны взглядѣться въ него въ ту минуту, когда оно впервые являетъ себя міру» (т. е. въ его образъ).

Положеніе, извлекаемое изъ этихъ словъ Шеллинга, не есть только историческое или эстетическое, — оно есть міровое и душевное, равно прилагаемое къ великому и малому, лишь-бы только великое и малое входили въ кругъ міроваго и душевнаго. Съ нимъ связана и та мысль, что *истинная* истина намъ не доказывается, а проповѣдуется, что — тѣмъ разумѣется, которые «могутъ пріяти», истина бываетъ очевидна съ перваго-же раза и дается не по частно, а всецѣло, какъ вообще все, что ни дается душѣ человѣческой, дается не по частно, а всецѣло, или вовсе ни дается. По частно и путемъ доказательствъ могутъ входить въ меня только математическія истины, отъ коихъ мнѣ ни тепло ни холодно. За логическій выводъ мы не пожертвуемъ жизнью, ни даже благосостояніемъ — а если и пожертвуемъ, то жертвуемъ не собственно за него, а за подкладку живыхъ душевныхъ образованій, съ коими онъ связанъ, за *правду* собственной природы или за смутное предчувствіе живаго будущаго образа, которому логическій выводъ отворяетъ почтительно двери....

Впечатлѣнія и созерцанія наши держатся за типы, сложившіеся въ нашемъ душевномъ мірѣ — и все дѣло въ томъ — какъ сложились эти типы, когда, изъ чего — и наконецъ точно-ли они сложились и образовали живые органическіе

образы или засорили душу как наносные пласты?... Одним словомъ, дѣло въ томъ: 1) вѣримъ-ли мы въ эти типы или готовые данныя души, или 2) не вѣримъ, но, восхищаясь ими (сознательно или безсознательно — это тоже очень важно) хотимъ въ нихъ вѣрить, или 3) не вѣря въ нихъ и даже не чувствуя никакого особаго къ нимъ влеченія, укореняемъ ихъ въ душѣ по причинамъ совершенно внѣшнимъ и уже естественно, искусственно, а напротивъ насильственно заставляемъ себя на нихъ отзываться.

Крѣпость простаго, неразложеннаго типа, и здоровая красота его, въ особенности, когда мы возьмемъ его въ противоположеніи съ тою *безцѣлностью*, какую представляютъ типы вторичныхъ и третичныхъ, но во всякомъ случаѣ искусственныхъ, образованій, которые населяютъ голову многихъ весьма впрочемъ образованныхъ господъ. Эти-то *прекрасныя* качества типа цѣльнаго, выигрывающія въ особенности отъ противоположенія, и могутъ вовлечь въ наше время въ искушеніе всякую живую натуру. Живая же натура познается потому — какъ она воспринимаетъ правду: черезъ посредство логическихъ выводовъ или черезъ посредство типовъ. Любовь къ типамъ и стремленіе къ нимъ есть стремленіе къ жизни и къ живучему и отвращеніе отъ мертвечины, гнили и застоя — жизненныхъ или логическихъ. Гоголь приходилъ въ глубокое отчаяніе отъ того, что нигдѣ не видалъ прекраснаго, т. е. цѣльнаго человѣка, и погибъ въ безплодномъ стремленіи отыскать прекраснаго человѣка. Не зная, гдѣ его искать (ибо малороссъ Гоголь не зналъ великой Россіи — пора уже это сказать прямо), онъ сталъ по частямъ собирать прекраснаго человѣка изъ осколковъ тѣхъ-же кумировъ формализма, которые разбилъ онъ громами своего негодующаго смѣха. Вышли образы безличныя, сухіе, непривлекательныя, почти что служащія оправданіемъ великорусскому мошенничеству Ерша Ершовича или друга нашего Павла Ивановича Чичикова.

ХП.

Процессъ исканія простаго и непосредственнаго — завелъ насъ на первый разъ въ неминуемую односторонность

За простое и непосредственное, за чисто типовое, мы на первый разъ приняли тѣ свойства души, которыя сами по себѣ суть отрицательныя, а не положительныя.

Первый пріемъ нашей эпохи въ этомъ дѣлѣ былъ пріемъ чисто — механической.

Въ литературахъ западныхъ, вслѣдствіе работы анализа надъ утонченными и искусственными феноменами въ организаціи человѣческой души, вслѣдствіе необходимаго затѣмъ пресыщенія всѣмъ искусственнымъ и даже всѣмъ цивилизованнымъ, — явилось стремленіе къ непосредственному, не початому, свѣжему и органически-цѣльному. Существенное въ таковыхъ стремленіяхъ величайшаго поэта нашей эпохи, Занда, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ писателей — а въ числѣ ихъ есть люди столь замѣчательныя, какъ авторъ «Деревенскихъ разсказовъ» Ауэрбахъ — было именно это стремленіе, порожденное анализомъ съ одной стороны и пресыщеніемъ съ другой.

Тоже самое стремленіе, по закону отраженія, которому мы подверглись съ петровской реформы, вдвинувшей насъ, хоть и напряженно, но естественно въ кругъ общечеловѣческой жизни, — явилось и въ нашей литературѣ. Покрайней мѣрѣ, несомнѣнно таково происхожденіе той школы писателей простаго непосредственнаго быта, которой замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ Григоровичъ. Не внутреннимъ, по внѣшнимъ, чисто рефлексивнымъ процессомъ порождены даже самыя даровитыя произведенія этой школы «Деревня», «Антонъ Горемыка». Всѣ они не болѣе какъ мозаика, составная работа. Какъ-будто даровитый, но заѣзжій изъ чужихъ краевъ, путешественникъ — подмѣчаетъ въ нихъ особенныя черты любопытнаго ему быта, записываетъ въ памятную книжку странныя для него слова и оригинальные обороты рѣчи — и складываетъ потомъ съ большимъ тщаніемъ и вкусомъ свою мозаическую, миниатюрную картинку. Картинка эта принимаетъ необходимо идилическій характеръ....

Но кромѣ этого чисто - механическаго процесса, въ насъ совершался еще процессъ органической, процессъ, который очеркомъ обозначилъ свои грани — въ нашемъ вели-

чайшемъ, единственно полномъ художественномъ явленіи, въ Пушкинѣ — процессъ борьбы Ивана Петровича Бѣлкина съ Сильвіо, Германомъ, Алеко и т. д. — борьбы скудной, еще невоздѣланной почвы съ непомерно-развившимися растительными сплани.

Представителемъ этого органическаго, пушкинскаго процесса во всѣхъ его фазахъ — былъ въ нашу эпоху Тургеневъ и вотъ, въ чемъ его великое историческое значеніе. Онъ не обладалъ этимъ процессомъ, не былъ заклинателемъ стихій какъ Пушкинъ, не былъ однимъ-словомъ сознательною т. е. гениальною силою — провидящею въ даль, захватывающею будущія грани — но онъ, какъ высоко-поэтическая натура, отзывался на всѣ вѣянія пережитыхъ имъ эпохъ процесса и передавалъ намъ искренне весь свой внутренній міръ и непосредственно — смѣло, вопреки мягкости поэтической натуры — доводилъ художественно всякое вѣяніе до его крайнихъ послѣдствій. На лермонтовскій романтизмъ онъ отозвался «Тремя портретами», — на лермонтовскія по принципу и гоголевскія по формѣ изображенія дѣйствительности въ трагически-мрачномъ или трагически-грязномъ видѣ, поэмую *Помѣщикъ* исполненную протеста личности и вражды къ козлинымъ башмакамъ: на сентиментальный романтизмъ праваго Гегелизма — «Яшей Пасынковымъ»; на сентиментальный натурализмъ — своими драмами и превосходнымъ рассказомъ «Пѣтушковъ»; на идиллическую школу народности — сельской Офеліей въ «рассказахъ Охотника»... На чисто органическій протестъ за простое, непосредственное и типовое — откликнулся онъ многимъ — всей своею дѣятельностью, всей борьбой съ блестящимъ, извнѣ пришедшимъ типомъ, впадая въ противорѣчія, въ крайности, то какъ «Муму» льстившія славяно-фильству — то какъ «постояльцы дворъ» дышавшія протестомъ: явно мучительно переживалъ онъ всѣ эти противорѣчія и, безсознательно-женственно подчиняясь вѣяніямъ, служа ихъ органомъ, выходилъ все таки самимъ собою, благодаря опять таки высоко-поэтической, никакимъ теоріямъ не поддающейся, натурѣ.

Анализъ дѣятельности Тургенева есть по этому анализъ цѣлой нашей эпохи со множествомъ ея процессовъ. Другого

столь полного ея представителя у насъ — вѣтъ. Островскій и Толстой, каждый въ своемъ родѣ — сильнѣе Тургенева, но одностороннѣе.

Вотъ, почему, говоря о Тургеневѣ, по поводу его послѣдняго произведенія, — критикъ вынужденъ дѣлать безпре- станныя отступленія, вслѣдствіе безпрестанно возникающихъ вопросовъ. Вопросы эти — наши современные *душевные* во- просы: они столь же важны какъ и наши гражданскіе; они можетъ быть глубоко связаны и съ сими послѣдними — и ихъ, этихъ глубокихъ вопросовъ, никто не будить въ душѣ такъ сильно, какъ Тургеневъ.

Въ своей поэтической искренности, онъ какъ Лаврецкій его послѣдняго произведенія, дошелъ до того, что:

.... сжегъ все, чему поклонялся,

Поклонился всему, что сжигалъ.

Мы, т. е. публика, читатели были свидѣтелями и этихъ сжи- ганій и этихъ поклоненій созданному. Больше еще: мы могли видѣть и то, какъ поклоненіе первоначально созданному, какъ стремленіе Ивана Петровича Бѣлкина къ первоначально- отвергнутому простому, типовому — переходило границы: какъ старый душою глубоко воспринятый типъ мстилъ за себя въ апотеозѣ Рудина, какъ ложное отношеніе къ этому типу и увлеченіе типомъ чисто-отрицательнымъ сказывались психо- логическими промахами, художественною рѣзкостью или худо- жественною неполнотою во многихъ прекрасно задуманныхъ созданіяхъ....

Критикъ вправѣ поэтому поднять еще новый общій во- просъ, продолжать свою рапсодію о значеніи искренности.

XIII

Вы знаете вѣроятно по личнымъ опытамъ, что первый врагъ нашъ въ дѣлѣ воспріятія впечатлѣній — это мы сами, это — наше я, которое становится между нами и великимъ смысломъ жизни, не даетъ намъ ни удержать ни даже уло- вить его, набрасывая на все впѣшнее колоритъ различныхъ душевныхъ нашихъ состояній — или, что еще хуже того и что часто бывало вѣроятно съ каждымъ изъ насъ, не даетъ ни о чемъ думать кромѣ самого себя, примѣшивая ко всему

новому ржавчину, часто ядовитую, стараго и прожитаго — или наконецъ, что тоже нерѣдко бывало вѣроятно со многими, кто только добросовѣстно въ самомъ себѣ рылся и добросовѣстно готовъ обнаружить результаты этой работы — заставляеть при воспринятіи впечатлѣнія болѣе думать о значеніи воспринимающаго въ дѣлѣ воспринятія, чѣмъ о значеніи воспринимаемаго. Другими, болѣе неперемонными, словами говоря, часто мы ловили и ловимъ самихъ себя при извѣстныхъ впечатлѣніяхъ, на дѣлѣ такъ сказать совершенно актерскомъ: всегда какъ-то позируешь, если не передъ мухами какъ Зандовскій Орасъ, то передъ самимъ собою, т. е. передъ тѣмъ самимъ собою, который судитъ другого себя т. е. позирующаго, любитъ красотою его позъ и сравниваетъ съ позировкою другихъ индивидуумовъ. Вотъ тутъ-то, вслѣдствіе такого сличенія и зараждаются различныя отношенія къ собственной позировкѣ. Если поза, принятая мною позирующимъ, по сличеніи представится мнѣ, судящему, не мнѣ принадлежащею, а заимствованною или даже (что надобно отличать) во мнѣ самомъ созданною искусственно, вытасченною изъ стараго запаса и насильственно повторенною, — тогда образуется къ этой позѣ отрицательное и просто даже насмѣшливое отношеніе. Критическимъ назвать это отношеніе еще нельзя — ибо оно еще не свободное и родилось изъ чувства самосохраненія (сохраненія собственной личности) стало-быть по необходимости — есть состояніе необходимой обороны противъ упрека въ заимствованіи или въ повтореніи. Оборонительное положеніе берется даже часто въ *прокъ*, на будущее время: ампутація, нѣсколько конечно болѣзненная, вытерпливается герончески — и, избѣгая всѣми мѣрами обличеній въ подражаніи, мы готовы довести себя до состоянія нуля, чистой *tabula rasa* — ступеваться, говоря словомъ сентиментальнаго натурализма. Въ сущности же, это есть не что иное какъ оборонительное положеніе, т. е. новая, если не красивая, то по крайней мѣрѣ *прочная* поза, принятая въ кокетное обезпеченіе. Этотъ процессъ столь обыкновененъ, что совершается даже и во внутреннемъ мірѣ лицъ, которыя вовсе не занимаютъ душевныиъ рудокопствомъ. Какое первое отношеніе благоразумнаго большинства людей

или собственно того, что есть *мѣщанство*, ко всему новому или необычному во внѣшней или внутренней жизни? — я не говорю о толпѣ или о верхахъ — но о моральномъ и общественномъ *мѣщанствѣ*. Непремѣнно недовѣрчивость, т. е. желаніе видѣть невыгодныя стороны всего новаго. А почему? потому что мѣщанство боится всего болѣе подвергнуть свое *statu quo* опасности разрушенія или опасности, для многихъ еще большей — осмѣянія. Первый приемъ всего новаго всегда таковъ и вездѣ таковъ: это есть страхъ за личность и за все, что съ личностью тѣсно связано — общее свойство человѣческой природы — вслѣдствіе котораго преслѣдовали Галлпеевъ и смѣялись надъ Колумбами и вслѣдствіе котораго точно такъ-же все, мало-мальски галлпеевское или колумбовское, въ нашей душѣ возникающее, принимается мѣщанскою стороною души съ недовѣрчивостью и подозрительностью. Такъ какъ, въ большей части случаевъ, мѣщанство (общественное или наше внутреннее) оказывается въ подозрительности своей правѣ дикаго энтузіазма, который пменно только въ новое вѣрять и новому отдается — такъ какъ большая часть галлпеевскаго и колумбовскаго, возникающаго въ нашей душѣ, оказывается воздушными замками Моргану — то оправданное недовѣріе становится для человѣка неглупаго просто догматомъ, точкою отправленія. Бѣда въ томъ, что точку отправленія многіе въ наше время такъ сказать останавливаютъ, считаютъ за конечную цѣль и это называютъ *критическимъ отношеніемъ*, когда съ нея только что *начинается* критическое отношеніе нашего я къ самому себѣ.

Я посмѣялся, положимъ, надъ извѣстнаго рода впечатлѣніемъ, ибо увидалъ, что оно мною или занято безъ отдачи у другихъ, его переживавшихъ, или подогрѣто изъ стараго моего душевнаго запаса. — Хорошо! — Какое-же отношеніе къ извѣстному внѣшнему или внутреннему явленію поставилъ я въ душѣ на мѣсто того, которое отсѣчено анатомическимъ инструментомъ? Пустаго пространства быть между душой и жизнью не можетъ, — деревяшка возможна въ моральномъ мірѣ еще менѣе. Что-нибудь да я поставилъ. Что-же именно?...

Возьмемъ какой-нибудь фактъ внутренней жизни — оно будетъ видѣе.

Положимъ, я заподозрилъ въ себѣ и заподозрилъ совершенно основательно романтическое чувство любви. Беру поле всѣмъ доступное «идѣе же нѣсть ни мужескъ полъ, ни женскій, ни Иудей, ни Еллиниъ». Не найдется никого, на кого-бы именно то, что называется романтическимъ въ этомъ чувствѣ, не дѣйствовало когда-нибудь—скажу болѣе, на кого-бы оно совершенно утратило свои дѣйствія.

Всякій чувствующій человѣкъ нашей эпохи понималъ-же хотя разъ, какъ напримѣръ сладко—больно тревожить себя цѣлый день обаяніемъ страстной и маящей женской рѣчи, слышанной наканунѣ, какъ отрадно быть большимъ лихорадочкой, что такое однимъ словомъ

Блаженство ночь не спать и днемъ бродить во снѣ...
и тому подобныя душевныя настроѣя.

Романтическое впечатлѣніе заподозрѣно... Прекрасно! Романтическій колоритъ признавъ зашедшимъ откуда-то, или блюдомъ изъподогрѣтыхъ отсадковъ. Еще лучше! Значить, названіе впечатлѣнія признано на правдивомъ судѣ незаконнымъ. А что-то было однако? Недобросовѣстно-же сказать, что ничего не было!

А какъ только мы назвали такъ и отнесли къ извѣстному роду и приковали къ извѣстному типу.

Назовемъ-ли мы впечатлѣніе просто *кипѣніемъ* крови, т. е. одну физическую сторону впечатлѣнія признаемъ имѣющею права на имя, а оболочку — незаконною, фальшивою, или назовемъ это именемъ моральной симпатіи, или именемъ сентиментальнаго баловства:— въ томъ и другомъ и третьемъ случаѣ мы стараемся дать имя впечатлѣнію или чувству настоящае, виѣсто того, которое мы пашли фальшивымъ.

Такъ у Писемскаго въ «Бракѣ по страсти», чувство Мари Ступицыной къ Хазарову (не Хазарова къ ней — ибо тутъ на пикакое чувство и не посягалось) изъ романтическаго разжаловано въ чувственность на половину, въ баловство на другую — равно какъ романтическимъ чувствованіямъ М-те Мамловой дано ихъ настоящее имя, имя баловства, прав-

ственнаго сладострастія, которому только робость и нѣкоторая вялость натуры мѣшаютъ перейти въ сладострастіе настоящее.

Такъ съ большою злостью и злостью честною, если не съ искусствомъ, въ повѣсти Крестовскаго «Фразы» сведена съ романтическихъ ходуль, — объяснена, растолкована, обличена въ эффектныхъ позахъ и эффектныхъ чувствахъ женская натура, представляющая собою крайнюю степень типа, къ которому принадлежатъ М-ше Мамилова. Но тутъ-же мы и попадаемъ на различіе разоблаченія; кто скажетъ, чтобы анализъ Писемскаго былъ несправедливъ? Я по-крайней-мѣрѣ не скажу этого въ отношеніи къ М-ше Мамиловой, хоть многіе и сердились, даже печатно, за это лице на автора «Брака по страсти.»

Странно между тѣмъ, что никто не сердился на автора повѣсти «Фразы». Я-же лично разсердился: — конечно не на разоблаченіе лица эмансипированной барыни, а за недостатокъ глубины и рѣзкости въ разоблаченіи.... Стоитъ только сравнить два этихъ образа. «М-ше Мамилову» и героиню повѣсти «Фразы», чтобы понять — какое неизмѣримое различіе лежитъ между свободнымъ художествомъ, которое на все имѣетъ право — и между произведеніями, къ которымъ относится извѣстный эпитафійный *indignatio fecit versum*, коп, будучи пораженіемъ однихъ только

Ума холодныхъ наблюдений

И сердца горестныхъ замѣтъ,

имѣютъ странное свойство сердить за то, на что они нападаютъ совершенно законно. Замѣтьте между прочимъ, что г. Крестовскій знаетъ свѣтъ и свѣтскихъ женщинъ, умѣетъ говорить ихъ языкомъ, описывать ихъ обстановку — а Писемскій вовсе въ этомъ неслепъ — но что до этого за дѣло? Психологическая правда и сила художественной концепціи соединенныя съ глубиною взгляда на человѣческую натуру вообще; даютъ художнику право на смѣлые очерки безъ красокъ и съ другой стороны на *малевку* того, что въ создаваемыхъ имъ образахъ есть слишкомъ частное — если эти образы не частными своими сторонами входятъ въ созданіе.

Но на что имѣть право художество, т. е. воплощеніе мысли, на то не все имѣть право. Голый анализъ еще не господишь, а такой-же рабъ какъ безразличный синтезъ. Анализъ только разбиваетъ ложь только лишаетъ моральное явленіе незаконно принадлежащаго ему имени.

Анализъ сѣрдить и сѣрдить справедливо, когда явленію разоблаченному имъ, т. е. лишенному незаконнаго имени, придаетъ первое попавшееся—ибо тогда онъ становится не правъ въ свою очередь. Лучше сказать, голый анализъ сѣрдить потому, что самъ сѣрдится,—ибо сѣрдятся на явленіе до тѣхъ поръ только, пока не опредѣляютъ ему въ душѣ мѣста и не назовутъ его по имени. За смѣхъ, его казнить, оправдываютъ или оставляютъ въ сторонѣ, смотря по тому, какое его имя: старая-ли ложь, и притомъ злая-ли ложь или глупая и пустая ложь, или новая правда.

Повѣсть «Фразы» разсердила лично меня, именно тѣмъ, что она сама сѣрдится и бѣгетъ съ плеча во что ни попаю.

Авторъ казнитъ аффектацію чувства, безирравственность ощущеній, называющихъ себя тонкими и особенными—и что же противопоставляетъ этому? Деревянную ограниченность чувства,—мѣщанскую добродѣтель, узенькія понятія губернскаго или вообще условнаго курятника. Такимъ образомъ, онъ рубитъ съ плеча не только мишурную одежду, т. е. *фразы*, но и живое тѣло—т. е. тревожное страстное начало жизни, безъ котораго жизнь обратилась-бы въ губернской муравейникъ.

Не таково истинное художество. Своимъ правдивымъ отпосеніемъ къ фальши жизни, оно не сѣрдить, а «обращаетъ — очнъ внутрь души», выражаясь словами Гамлета.

Скажу еще болѣе. Истинное художество даже не дѣйствуетъ прямо на то, что повидному казнитъ. Въ этомъ заключается его высокая *безполезность*. Однимъ очень умнымъ человѣкомъ, по поводу «Доходнаго мѣста» Островскаго, высказано было, что Кукушкины, Юсовы и Бѣлогубовы, которые будутъ сидѣть въ театрѣ въ представленіе пьесы (котораго между прочимъ по неизвѣстнымъ причинамъ еще не воспослѣдовало), вынесутъ изъ представленія *правила для жизни*, т. е.

взглядъ на жизнь Юсова и заботы Кукушкиной о *воспитаніи* дочерей и домашнемъ *порядкѣ* примуть вовсе не съ комической стороны а за настоящее дѣло.—Замѣчаше въ высочайшей степени вѣрное—въ отношеніи ко всякому произведенію, имѣющему плоть и кровь. Сколько настоящихъ Кукушкиныхъ весьма наивно не узнали себя въ лицѣ комедіи, и сколько настоящихъ Юсовыхъ сочувствовали *любимъ* юсовскаго міросозерцанія на счетъ колеса фортуны.

Оскорбляются за разоблаченіе «вялой неправды не тѣ, въ комъ неправда вельми застарѣла», но выраженію старика — Посошкова: наши подъячіе — я еще это помню — сами съ гитарой пѣвали остроумные и злые куплеты бывалаго времени на счетъ взяточничества, тотчасъ же вслѣдъ за романсомъ «Подъ вечеръ осенью ненастной» и подмигивали даже такъ плутовски, что радовались какъ будто этому остроумію въ полномъ убѣжденіи — что дескать, «толкуй себѣ, толкуй — а ужъ это изъ поконъ вѣка заведено: не намъ началось — не намъ и кончится.» Это отношеніе обличаемыхъ къ обличенію, съ нѣсколько аристофановскою свободою приѣма выразилъ Островскій въ первоначальномъ заключеніи своей первой комедіи, въ обращеніи Лазаря Елизарыча къ публикѣ. — Эту-же черту Крыловъ обозначилъ въ своемъ мѣткомъ стихѣ:

А Васька слушаетъ да ѣстъ. . .

Только совѣтъ, который даетъ онъ повару — полезень для повара, но не отъучитъ Ваську отъ лакомаго куска — равно какъ и то, что Гоголь называетъ «страхомъ идущаго вдали Закона» весьма мало измѣнитъ нравственную сущность Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго. . . ибо все это есть только чистое отрицаніе факта, только снятіе съ него фальшиваго имени безъ заклеиванія его именемъ настоящимъ, такимъ именемъ, подъ которымъ-бы онъ въ душѣ получилъ опредѣленное мѣсто въ числѣ фактовъ, — или совершенно незаконныхъ по *душевному*, внутреннему а не вишнему только, извѣстному, убѣжденію, — или законныхъ въ основахъ, но не законныхъ въ приложеніяхъ къ даннымъ обстоятельствамъ.

XIV.

Пустаго мѣста въ душѣ оставить нельзя. Посадить на него вмѣсто факта пугало — не значить уничтожить фактъ, но заставить его только на время притвориться не существующимъ. Живой фактъ вытѣсняется изъ души только живымъ-же фактомъ, т. е. фактомъ, составляющимъ для души убѣжденіе и сочувствіе.

Обращаясь къ тому, что я называю *романтическимъ* въ мірѣ нашей души—я скажу тоже самое. Литература пустилась отправлять обязанность повара — а въ продолженіе его проповѣдей романтической Васька слушалъ да ѣлъ. Другіе отнимали обглоданный кусокъ — но Васька кралъ другой, можетъ быть по той простой причинѣ, что Васькѣ — ѣсть хотѣлось а нищи ему не давали... Кто говоритъ, что онъ хорошо дѣлалъ, что кралъ?—кто говоритъ, что Печоринъ, «чувствуя въ себѣ силы необъятныя» — занимался спеціально «высасываніемъ аромата свѣжей благоухающей души» — что Арбенинъ сдѣлался картежникомъ потому только, что —

Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился

— что Веретьевъ тургеневскаго «Затишья» съ его даровитостью пьянствовалъ, шатался и безобразничалъ, — что Хорьковъ *залилъ* на вѣкъ, а Тюфякъ умеръ отъ запоя — кто говоритъ, что они правы, но не на нихъ-же однихъ взложить всю вину безумной растраты силъ даромъ, на мелочи или даже на зло.... Изъ всѣхъ этихъ *романтиковъ*, такъ или иначе себя сгубившихъ, такъ или иначе павшихъ въ бездны — одинъ только Любимъ Торцевъ, не смотря на безумную трату данныхъ ему силъ, не сдѣлался котомъ Васькой — для него одного — *воровство*, т. е. вообще нарушеніе порядка природнаго и общественнаго — не стало чѣмъ-то нормальнымъ, чѣмъ стало оно и для Арбенина и для Печорина и для Владиміра Дубровскаго — и поэтому-то онъ, въ своемъ родѣ, совершенно правъ, говоря: «Любимъ Торцевъ пьяница, а лучше вась всѣхъ».... Всѣ другіе — общественные отщепенцы, которые отъ совершенно законныхъ точекъ отправленія пошли въ беззаконіе или въ ложь. Трагическое въ нихъ принадлежитъ

не имъ, а тѣмъ спламъ, которыя они въ себѣ носятъ и безумно тратятъ или нелѣпо извращаютъ.

Между тѣмъ, нельзя не сознаться, что всѣ *положительныя* силы нашего духа — покажѣтъ выразились въ этомъ типѣ, который нарочно бралъ я на различныхъ степеняхъ его развитія и въ различныхъ общественныхъ положеніяхъ.

Вглядитесь во всѣ выраженія этого типа, отъ образовъ созданныхъ Пушкинымъ до гениальныхъ начинаній Лермонтова — до лицъ, постоянно мучившихъ и едва-ли еще переставшихъ мучить Тургенева — отъ гордой, вольнолюбивой и вмѣстѣ «какъ птичка беззаботной» — и вмѣстѣ восточно-эгоистической и ревнивой природы Алеко, до того демонски унылаго и зловѣщаго блеска, которымъ окружилъ Тургеневъ фигуру своего Василья Лучинова — взгляните въ этотъ-же типъ, захваченный художниками въ болѣе простыхъ общественныхъ отношеніяхъ, какъ на примѣръ Островскимъ — Любимъ Тарцовъ и Петръ Ильичъ или Писемскимъ его «Тюфякъ» — вы убѣдитесь, что въ этотъ типъ вошли наши лучшіе соки, наши *положительныя* качества, наши высшія стихіи — и въ артистически тонкую, широкую жажду наслажденія пушкинскаго Жуана — и въ критическую послѣдовательность печоринскаго цинизма — и въ холодное, сѣверное самообладаніе при бѣшеной южной страстности Василья Лучинова — и въ «прожиганіе жизни» Веретьева — и въ загулъ Любима Торцова. Только, стихіи эти находятся въ состояніи необузданномъ. Ихъ «турманомъ кружить», говоря языкомъ драмъ Островскаго, и происходитъ это отъ того, что, какъ замѣчаетъ Бородинъ: «основательности нѣтъ... къ жизни», т. е. въ жизни у нихъ не было и нѣтъ, почти всегда по независящимъ отъ нихъ причинамъ, основъ, держась за которыя крѣпко какъ за центръ, онѣ сіяли-бы какъ наши блестящія, типовыя достоинства.

Всѣ попытки наши, т. е. попытки нашей литературы и нашего сознанія — выдвинуть типъ *положительно дѣятельный* оказался мыльными пузырями въ Надимовѣ г. Сологуба, въ лицахъ комедій г. Львова и даже, что всего горестнѣе, въ «Тысячѣ Душъ» произведеніи такого большаго таланта каковъ Писемскій.

Несостоятельность такого положительно-дѣятельнаго типа, такъ чувствовалась по всей вѣроятности гениальною патурою Пушкина — что онъ и не пытался создавать его. Онъ избралъ для себя на время какъ выходъ — отрицательный типъ Ивана Петровича Бѣлкина — и оставилъ его намъ въ наслѣдство.

Надобно сказать правду, что мы слишкомъ долго возимся съ этимъ наслѣдствомъ. Больше еще, — вслѣдствіе явной несостоятельности положительно-дѣятельнаго типа, который разрѣшается или фальшивой апотеозой Калиновича или сномъ и апатіей Обломова; вслѣдствіе, съ другой стороны, — необузданности положительныхъ стихій типа, не нашедшаго еще себѣ среды и простора — мы, т. е. сознание и органъ его литература — чуть-было окончательно не перешли въ въ поклоненіе отрицательному типу....

И ни въ комъ, повторяю опять, вся эта мучительная борьба вѣдшей эпохи не выражалась, послѣ Пушкина, съ такою полнотою какъ въ Тургеневѣ — и вы перестали уже вѣроятно удивляться, что столько общихъ душевныхъ вопросовъ связалось съ анализомъ его дѣятельности, что я на силу-то доѣхалъ — благополучно или нѣтъ, но доѣхалъ — до возможности говорить о данномъ въ настоящую минуту матеріалѣ, о его послѣднемъ произведеніи.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

Ан. Григорьевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Опытъ исторической грамматики русскаго языка. Учебное пособіе для преподавателей. Составлено на основаніи наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденного 24-го декабря 1848 года, Ѳ. Буслевымъ. Москва, въ университетской типографіи. 1858 (Часть I. *Этимологія*. Часть II. *Синтаксисъ*).

Подъ этимъ заглавіемъ публикѣ предлагаются два довольно объемистыхъ тома (въ первомъ 244, во второмъ 428 страницъ) очень мелкой печати, совсѣмъ некрасивыхъ на видъ: странный форматъ книги и бумага канонируютъ изданія чуть-ли не времени Екатерины II-ой. Но извѣстно, что дѣльные книги, какъ дѣльный человекъ, не нуждаются въ заискивающей паружности. Всякій, кто сколько-нибудь слѣдилъ за успѣхами нашего языкознанія въ послѣднее время, конечно, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ озаглавленнаго нами сочиненія, за полный интересъ котораго уже напередъ ручалось имя автора.

Съ самой половины прошедшаго столѣтія у насъ не было недостатка въ учебникахъ по русскому языку; но всѣ они, служа къ изоцрѣнію памяти, мало развивали юношество. Уже Ломоносовъ смутно понималъ выгоды сравнительнаго языкознанія; онъ также первый далъ логическую основу своей грамматикѣ, раздѣливъ части рѣчи на знаменательныя и служебныя. Что всего важнѣе, онъ глубоко чувствовалъ силу и разнообразіе нашего языка разговорнаго. Но латынская схоластика взяла у него перевѣсъ надъ природнымъ

здравымъ чувствомъ: конечно, больше того, что создалъ Ломоносовъ, и трудно было въ его вѣкъ требовать отъ практическаго генія и отъ науки.

Востоковъ въ своемъ учебникѣ исправилъ недостатки перваго нашего руководства: особенно, статья о глаголахъ, постоянно бывшихъ камнемъ преткновенія для нашихъ грамматистовъ, и лучшая система синтаксиса свидѣтельствовали о необыкновенныхъ филологическихъ знаніяхъ въ ученомъ издателѣ Остромирова Евангелія, — знаніяхъ, можно сказать, единственныхъ въ свое время. Болѣе счастливая звѣзда сопутствовала грамматикѣ Греча: она, въ разныхъ ея видахъ и видоизмѣненіяхъ, разошлась въ несмѣтномъ числѣ экземпляровъ, что, конечно, доказывало большую потребность учиться русскому языку. Неизвѣстно, по самому-ли свойству учебника, или ужь по недостатку педагогическихъ началъ въ преподаваніи, грамматика эта была, еще на нашей памяти, неизсякаемымъ источникомъ страданій для учащихся. Правда, помнить старыя обиды не въ характерѣ русскаго человѣка: какъ учились мы родному языку, изнемогая душою надъ параграфами, такъ, вѣроятно, не будутъ учиться наши дѣти. Пора-бы, сдавъ навсегда въ архивъ всѣ эти скорбныя руководства, взглянуть на нихъ, подобно г-ну Буслаеву въ его предисловіи (стр. I—XXXII), съ исторической точки зрѣнія. Но покамѣстъ наши уѣздныя училища и другія заведенія будутъ обременены учебниками въ родѣ грамматикъ г-на Половцева, трудно забывать старыя обиды. Грамматикъ эти *практическія* развѣ только въ томъ смыслѣ, что авторы умѣли дать имъ хорошій сбытъ, какъ явствуетъ изъ предисловія къ послѣднему изданію книги г-на Половцева, существующей еще съ 1835 года. Онѣ очень разнообразны: кусочность ихъ доведена до микроскопическихъ размѣровъ. Чего вамъ угодно? Скучныхъ, длинныхъ правилъ безъ примѣровъ, или примѣровъ безъ правилъ, нравственныхъ замѣчаній въ родѣ того, что «сговорчивость и покорность были всегда отличительнымъ свойствомъ нашихъ предковъ», или веселыхъ разсказовъ о томъ, какъ Крыловъ потерялъ шляпъ изъ подъ сюртука и шубы; дѣтской простоты въ объясненіяхъ, что «десять лѣтъ представить себѣ можно, а сто почти нельзя», или гром-

ныхъ фразъ въ родѣ слѣдующихъ: «Школа жизни—великое дѣло: опыты суть ея уроки»; — угодно-ли вамъ кое-что узнать о правописаніи и произношеніи, изъ логики и риторики, — все это, все, рядомъ съ грамматической ученостью и грамматическими ошибками, найдете вы на какихъ-нибудь ста страничкахъ довольно крупной печати. Но, представляя себѣ изученіе грамматики и заучиванье на память словами совершенно однозначущими, родители постоянно отдаютъ преимущество краткому руководству, хотя-бы оно не имѣло никакихъ другихъ достоинствъ, кромѣ этой краткости. Теперь, когда послѣ труда г-на Буслаева историческій элементъ уже закрѣпленъ за русскою грамматикой, того и гляди, явится не одинъ компиляторъ съ историческимъ воззрѣніемъ, и руководствамъ для школъ грозитъ новая путаница. Историкосравнительному методу проложена была у насъ дорога изслѣдованіями Павскаго, самого автора настоящаго «Опыта» и также дѣятельностью II-го Отдѣленія Академіи Наукъ. Но Опытъ, составленный подъ руководствомъ академика Давыдова, представлялъ не совсѣмъ удачное смѣшеніе нѣмецкой грамоты съ русскою. Впрочемъ нельзя не отдать справедливость возвышенности идей, въ немъ выраженныхъ, напр. «Сила духа, облекаясь въ слово, становится явленіемъ... языкъ относится къ мышленію, какъ къ высшей способности человѣческой жизни.... языкъ есть органическое выраженіе міросозерцанія.... воззрѣнія воспринятыхъ чувствами предметовъ соотвѣтствуютъ формамъ умственнаго созерцанія.» Неудобство подобной грамматической метафизики оказалось слишкомъ явнымъ; между-тѣмъ высшій курсъ грамматики, который у насъ тогда называли философскимъ, былъ введенъ въ высшихъ классахъ гимназій въ одно почти время съ обученіемъ военному искусству. Помогая затруднительному положенію многихъ преподавателей, г-нъ Стоюнинъ издалъ краткій учебникъ общесравнительной грамматики, составленный преимущественно на основаніи изслѣдованій Павскаго и Буслаева.

Въ одно время съ историкосравнительнымъ методомъ вошелъ у насъ въ моду логическій методъ Беккера. Наиболее удачное его примѣненіе находимъ въ руководствахъ г-на

Перевлѣвскаго. Но слишкомъ отвлеченныя правила схоластической логики, насильственно втѣсненныя въ языкъ, конечно, во многомъ ограничивали его свободу: чтобы подчинить правильной формѣ разнообразное его содержаніе необходимо было такъ-и-сякъ его урѣзывать; повсюду открывалось противорѣчіе общеупотребительныхъ формъ съ законами логики. Г-нъ Буслаевъ очень обстоятельно раскрываетъ (см. предисловіе) слабыя стороны этого метода и, ограничивая по возможности логическій элементъ въ своей грамматикѣ, ставитъ главнымъ авторитетомъ письменное и устное употребленіе рѣчи. Такимъ-образомъ, его грамматика основана на всестороннемъ анализѣ языка, что и составляетъ главное ея достоинство.

Конечно, логическія основанія языка должны быть пересозданы по новымъ требованіямъ науки, чему мы уже находимъ попытки въ сочиненіяхъ Штенитала и другихъ ученыхъ. Но безъ этихъ основаній невозможно также построить системы: ограничиваясь однимъ употребленіемъ, мы дадимъ, пожалуй, очень полный перечень фактовъ; но не объяснимъ внутренней ихъ связи. Логика языка однако должна быть къ нему приложена не извнѣ, а открыта въ немъ самомъ. Въ этомъ отношеніи съ одной стороны необходимо сравнительнымъ путемъ дойти до общихъ началъ языка, а съ другой проникнуть въ самую глубину той народной рѣчи, которую изучаемъ. Изъ этого происходитъ, что каждая частная грамматика можетъ имѣть свою, наиболѣе простую систему, которой всегда вредитъ примѣненіе схоластическихъ правилъ. Г-нъ Буслаевъ по возможности раскрываетъ основанія этой частной системы; но естественно не могъ представить ее во всей полнотѣ и послѣдовательности по причинѣ самаго состоянія науки о языкѣ, еще не вполне разработанной. Недостатокъ логического метода порою очень чувствителенъ въ его учебникѣ; но величайшая заслуга его въ томъ, что онъ освободилъ языкъ нашъ отъ всѣхъ веригъ, наложенныхъ на него старою схоластикою. Авторъ указываетъ слѣдующія положенія для своей исторической грамматики:

1) Она ведетъ изученіе русскаго языка въ непрерывной связи съ изученіемъ церковнославянскаго. .

2) Подъ именемъ книжнаго языка она разумѣеть не только *слогъ высокій* (чѣмъ ограничивалась старинная практическая грамматика), но и рѣчь разговорную въ сочиненіяхъ содержанія повѣствовательнаго, драматическаго и проч.

3) Всѣ свои выводы она основываетъ на авторитетѣ не только письменныхъ, но и устныхъ памятниковъ народа.

4) Она виѣняетъ себѣ въ обязанность положить въ основу изученія подробный этимологическій разборъ формъ языка.

5) Она соединяетъ оба способа изученія языковъ, филологическій и лингвистическій. (т. е. объясняетъ правила языка, основанныя на употребленіи его у образцовыхъ писателей, и неизмѣнные его законы, выходящіе изъ историческаго его развитія). Въ отношеніи перваго пункта авторъ замѣчаетъ, что изученіе русскаго языка параллельно съ церковнославянскимъ даетъ наукѣ преимущества сравнительно историческаго метода, что церковнославянскій языкъ служитъ источникомъ для объясненія многихъ, какъ этимологическихъ, такъ и синтаксическихъ формъ нашей книжной рѣчи, а наконецъ, «въ отношеніи педагогическомъ, скрѣпляетъ тѣснѣйшими узами живую связь нашей родной рѣчи съ языкомъ церкви».

Мы не говоримъ ни слова противъ пользы и необходимости сравнительно историческаго метода; мы жалѣемъ даже, что авторъ, назначая свой учебникъ для преподавателей, не воспользовался имъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; но рѣшительно не понимаемъ, какое педагогическое значеніе можетъ имѣть *живая* связь разговорной рѣчи съ языкомъ *мертвымъ*. Будутъ-ли дѣти благочестивѣе, узнавъ, что малый юсъ употреблялся въ родительномъ надежѣ мягкихъ окончаній жен. рода? Намъ кажется, что авторъ придаетъ уже слишкомъ много значенія элементу церковнославянскому. По крайней-мѣрѣ онъ вездѣ отдѣляетъ высокій, важный слогъ стѣ обыкновеннаго, признавая за первымъ особія формы рѣчи. Такъ, приводя изъ Пушкина и изъ Жуковскаго разные примѣры на употребленіе мѣстоименія *яже* вмѣсто *который*, (таковъ вамъ положенъ предѣлъ, *егожь* никто не преступаетъ и проч. Часть II, стр. 401), онъ замѣчаетъ: «Какъ церковнославянская форма, это мѣстоименіе можетъ быть

умѣстно только въ важномъ и высокомъ слогѣ». Это различіе, справедливое относительно прежнихъ писателей: Ломоносова, Державина, Карамзина и Батюшкова, уже во многомъ теряетъ свою силу относительно Пушкина и Жуковского, и почти совершенно неумѣстно въ настоящее время. Самъ-же авторъ, глубокій знатокъ народнаго языка, приводитъ сотни примѣровъ изъ простонародной и разговорной рѣчи, гдѣ тѣ и другія формы смѣшиваются совершенно безразлично. Чѣмъ болѣе литературный языкъ нашъ сближался съ народнымъ, тѣмъ болѣе исчезало преобладаніе какихъ-бы то ни было искусственныхъ формъ и прежнее дѣленіе на разные слогъ замѣнялось художественной цѣлостію. Современный писатель беретъ свое достоинство тамъ, гдѣ его находятъ, заботясь о внутренней силѣ слова, а не о виѣшней его звучности, и только канцелярскій да офціальный слогъ сохранили свои исключительныя формы.

Представляя, какъ мы уже замѣтили, обильные факты для изученія языка народнаго, авторъ въ языкѣ литературномъ ограничился образцами, начиная съ Ломоносова и до Пушкина: даже Гоголь не включенъ имъ въ исторію языка. Мы не знаемъ причины такого ограниченія; но въ настоящее время намъ какъ-то страшно вѣрить исключительному авторитету Фонвизина, Дмитриева, Батюшкова въ употребленіи разныхъ союзовъ и частицъ (если — тогда, но вм. только, бишь и проч.). Конечно, съ исторической точки зрѣнія для насъ любопытенъ языкъ каждаго изъ писателей; связанная исторія языка — такой предметъ, который для насъ, можетъ быть, еще нужнѣе исторической грамматики. Но въ дѣлѣ авторитета трудно обойти новыхъ писателей, особенно такихъ, которые составляли въ развитіи литературы эпоху. Самъ г-нъ Буслаевъ находитъ, напримѣръ, у Батюшкова ошибку въ употребленіи мѣстоименія «который»: ревь *источника*, образованнаго *стѣломъ*, который стрѣлою протекаетъ по каменному дну и проч. (Часть II, 376). Но вслѣдъ за тѣмъ говорить: «Это мѣстоименіе иногда относится и къ личнымъ 1-го и 2-го лица, но только въ книжной, а не въ народной рѣчи. Напр. Отъ этой работы отказываюсь я, который часто не понималъ стиховъ.

Бат. 1, 321, 322». Батюшковъ здѣсь является авторитетомъ въ употребленіи такого галлицизма, какого, вѣроятно, не употребить ни одинъ изъ писателей, сколько-нибудь заботящійся о чистотѣ русскаго языка. Мы нынѣ уже дошли до убѣжденія, что книжная рѣчь должна избѣгать оборотовъ, отвергаемыхъ народной рѣчью.

Впрочемъ, слѣдуя своему разумному методу, авторъ почти вездѣ указываетъ несвойственныя русскому языку выраженія, закравшіяся въ нашу рѣчь чрезъ подражаніе языкамъ иностраннымъ. Какъ въ этимологическомъ разборѣ отдѣльных частей предложенія, такъ и въ своемъ изслѣдованіи синтаксическихъ особенностей литературнаго языка, сравнительно съ церковнославянскимъ, лѣтописнымъ, областнымъ—народнымъ и прозаннымъ, раскрываетъ онъ любопытнѣйшія свойства нашей русской рѣчи, до нынѣ еще никѣмъ не указанные. Полнота и новизна фактовъ, заключающихся въ учебникѣ г-на Буслая, требовали-бы подробнѣйшаго разбора, для котораго необходимы и полный досугъ и спеціальныя знанія. Мы считаемъ себя вправѣ только рѣшить вопросъ касательно назначенія книги.

Судя по оглавленію, она назначается, какъ пособіе для преподавателей. Мы смѣло можемъ сказать, что преподаватели русскаго языка до-сихъ-поръ еще не имѣли такого прекраснаго пособія. *Для учащихся* авторъ предлагаетъ *справочную книгу*, въ которой они могутъ находить рѣшеніе затруднительныхъ вопросовъ грамматическихъ, встрѣчающихся имъ на практикѣ (стр. XXIX). Предполагая въ учащихся, которые будутъ *пользоваться книгою, первоначальныя, приготовительныя свѣдѣнія* въ отечественной грамматикѣ, какія могутъ быть *пріобрѣтены въ теченіе двухлѣтняго, преимущественно пракческаго обученія*, — авторъ не счелъ за нужное начать историческую грамматику ни логическимъ разборомъ предложенія, ни синтаксическимъ объясненіемъ частей рѣчи и ихъ принадлежностей. Исключивъ изъ этимологій все, относящееся къ синтаксису, онъ внесъ въ нее ученіе о правописаніи, основанное на историческихъ данныхъ: орфографія, какъ особенная часть грамматики, *была особенно скучна и трудна для учащихся*. Авторъ далѣе имѣетъ въ виду при-

мѣненіе учебника къ потребностямъ учащихся и упрощеніе свѣдѣній, уже выработанныхъ наукою и въ ней установившихся (стр. XXXI). Въ заключеніе всего этого мы находимъ слѣдующую приписку:

«Учебникъ исторической грамматики напечатанъ двумя шрифтами: *крупнымъ и мелкимъ*. Крупнымъ шрифтомъ отличены основныя положенія науки и *свѣдѣнія, необходимѣйшія для учащихся*; а мелкимъ — подробности, важныя частію для объясненія общихъ понятій, изложенныхъ въ основныхъ положеніяхъ, частію-же для справокъ при практическихъ упражненіяхъ въ языкъ. Сверхъ того, къ концу 1-ой части присовокуплены *приложенія, не обязательныя для учащихся*, но полезныя для тѣхъ, кто пожелаетъ въ большей подробности изучать граматическія формы (стр. XXXII)».

Мы принуждены были сдѣлать эти длинныя выписки, потому-что авторъ съ точностью не объясняетъ назначенія своей книги. Изъ предъидущаго явствуетъ:

1) Учебникъ г-на Буслаева назначается не только для преподавателей, но и для учащихся. Это отнюдь не все равно: преподаватель не только дѣлаетъ изъ учебника выписки для своихъ лекцій, но и даетъ книгу въ руки воспитанниковъ. Впрочемъ назначеніе книги опредѣляется уже словомъ *учебникъ*, — названіе, которое неоднократно даетъ ей г-нъ Буслаевъ.

2) Воспитанникамъ руководство назначается, какъ справочная книга. Но для справокъ служатъ собственно мѣста, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ и приложенія, *не обязательныя* для учащихся. Изъ этого слѣдуетъ, что мѣста, напечатанныя крупнымъ шрифтомъ, *обязательны* для учащихся.

Въ этомъ и нѣтъ сомнѣнія, такъ-какъ они, по словамъ автора, заключаютъ *необходимѣйшія* свѣдѣнія.

3) Поэтому авторъ имѣетъ цѣлію упростить и призмѣнить свой учебникъ къ потребностямъ учащихся.

4) Онъ назначаетъ свой учебникъ для *третьяго* курса грамматическаго обученія. Занятія первыхъ двухъ курсовъ, какъ видно изъ его словъ, должны состоять:

а) въ обученіи *преимущественно* практическомъ;

Отд. II.

4

в) въ логическомъ разборѣ предложенія и синтаксическомъ объясненіи частей рѣчи.

Такимъ-образомъ логика языка и основанія синтаксиса предшествуютъ изученію этимологіи.

Всѣ эти вопросы для насъ чрезвычайно-важны, чтобъ опредѣлить, съ какой точки зрѣнія должны мы смотрѣть на руководство г-на Буслаева. Въ книгѣ, назначенной въ пособіе преподавателямъ, по нашему мнѣнію, должны быть выполнены преимущественно научныя требованія: ясность изложенія, полнота фактовъ, важность результатовъ, твердо и окончательно установленныя ученою критикою. По новости у насъ историческаго метода, конечно, могли быть указаны образцы того, какъ имъ пользоваться. Но мы совершенно несогласны съ мнѣніемъ, чтобы обязывать преподавателя проходить науку по какой-бы то ни было системѣ, хотя-бы самой лучшей. Умный преподаватель съумѣетъ воспользоваться даннымъ ему матеріаломъ, согласно съ потребностью учащихся. Сюда входитъ множество соображеній, которыхъ не можетъ имѣть никакой авторъ руководства, а именно: способности воспитанниковъ, ихъ подготовительныя свѣдѣнія, вообще степень ихъ развитія, время, назначенное для курса, и проч. Наконецъ каждый умный преподаватель имѣетъ свои приемы, посредствомъ которыхъ дѣйствуетъ успѣшно, нисколько не соображаясь съ данною программой, или напередъ заученною системой. Что касается неспособныхъ, то въ рукахъ ихъ самая лучшая система окажется несостоятельною: они навѣрно вселятъ къ ней полное отвращеніе. Мы и не думаемъ, чтобы г-нъ Буслаевъ считалъ обязательною свою систему исторической грамматики, а полагаемъ, что, написавъ въ заглавіи книги: «Пособіе для преподавателей», онъ хотѣлъ только указать *научное ея значеніе*, опредѣляя вмѣстѣ методъ и границы науки. Но съ другой стороны нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ назначалъ свою книгу, какъ опытъ руководства, для учащихся. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право ее разсматривать:

А) Какъ ученый трудъ, независимо отъ педагогической цѣли.

В) Какъ учебникъ, назначенный для употребленія въ классахъ.

И въ томъ, и въ другомъ отношеніи трудъ его имѣеть огромныя достоинства: дѣятельность автора, какъ ученаго и какъ педагога, столь извѣстна, что намъ нечего много объяснять ее. Но мы должны указать нѣкоторыя противорѣчія, происшедшія отъ двойкаго назначенія книги.

Ограничивая свой ученый трудъ свѣдѣніями, необходимыми для преподавателей, авторъ опускаетъ нѣкоторые любопытные вопросы или касается ихъ только слегка. Такъ сравненіе этимологическихъ формъ нашего языка съ иностранскими отнесено къ приложеніямъ.

Намъ все-равно, находится это въ приложеніяхъ или въ текстѣ; но не худо-бы имѣть подъ рукою болѣе-обильный матеріалъ, для болѣе-разнообразнаго выбора. Славянскія нарѣчія отнесены авторомъ на третъестепенное мѣсто, тогда-какъ, по своему живому употребленію, онѣ во многихъ случаяхъ имѣють еще болѣе значенія, чѣмъ языкъ церковно-славянскій. Это ограниченіе, естественное въ руководствѣ, назначенномъ для учащихся, мнѣ кажется неумѣстнымъ въ книгѣ, служащей пособіемъ для преподавателей. Въ своемъ введеніи, распространяясь о языкахъ индоевропейскихъ, авторъ не упоминаетъ о другихъ отрасляхъ языковъ. При сравнительномъ методѣ, и въ этомъ отношеніи могли-бы представиться яркіе факты для объясненія, хоть подобныхъ афоризмовъ: «Ни одинъ народъ, даже на самой низкой степени общественнаго быта, безъ языка не обходился», или «Первоначальная форма, въ которой выразился даръ слова, есть уже цѣлое *предложеніе*». Авторъ опускаетъ также вопросъ, очень любопытный въ историческомъ отношеніи: о вліяніи на русскій языкъ нормандской и восточной стихіи. Въ синтаксисѣ любопытнѣйшій вопросъ: «Исторія сложнаго предложенія», изложенъ слишкомъ-кратко. Но скажутъ, что преподаватель самъ, если найдетъ это полезнымъ, можетъ самостоятельно изслѣдовать всѣ означенные нами вопросы: вѣдь, кромѣ книги г-на Буслева, есть множество другихъ книгъ, объясняющихъ во всей подробности науку. Замѣтимъ на это, что есть очень-много хорошихъ преподавателей и:

мало истинныхъ ученыхъ: одна способность можетъ часто не мѣститься съ другою. Способность популяризировать науку, способность, истинно-педагогическая, не рѣдко встрѣчается при отсутствіи глубокаго научнаго взгляда, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ многіе изъ французскихъ ученыхъ. Поэтому нельзя требовать отъ каждаго преподавателя, чтобъ онъ былъ дѣятелемъ науки. Онъ часто не можетъ быть такимъ дѣятелемъ по самой простой причинѣ: по недостатку жалаващя, чтобъ купить всѣ необходимыя для его учености книги. Мы и рѣшились выразить наши требованія въ отношеніи книги г-на Буслаева, потому-что авторитетъ его, какъ лингвиста, популярнѣе болѣе другихъ авторитетовъ. Этому доказательствомъ служатъ заимствованія, которыя дѣлали изъ его сочиненій всѣ руководства, начиная съ общесравнительной и философской грамматики и до другихъ съ менѣе-громкимъ названіемъ. Впрочемъ, и въ такомъ видѣ, какъ она теперь, книга г-на Буслаева представляетъ очень-обильный матеріалъ для преподавателей. Если авторъ нѣсколько сократилъ ея содержаніе, имѣя въ виду педагогическую цѣль, то это другой вопросъ, который мы теперь рассмотримъ.

Мы уже видѣли, что на руководство г-на Буслаева нельзя смотрѣть только какъ на справочную книгу. Съ одной стороны, безъ близкаго знакомства съ книгою, по ней довольно-трудно было-бы и дѣлать справки: при ней нѣтъ ни указателя объясняемыхъ словъ, ни подробнаго оглавленія, которое облегчило-бы въ отыскиваніи формъ. Чтобъ найти какое-нибудь слово, воспитанникъ долженъ-бы просматривать всю статью, къ которой оно относится. Какъ, напримѣръ, догадается онъ, что о глаголѣ «вѣрять, вѣровать» говорится на 339-й страницѣ? Съ другой стороны, при упражненіяхъ, вѣроятно, и не понадобится большая часть свѣдѣній, относящихся къ самой сущности руководства, къ его лингвистическому отдѣлу. Слѣдовательно, справки возможны будутъ тогда, когда воспитанники пройдутъ уже всю грамматику въ сокращеніи, когда усвоятъ себѣ и методъ книги и ея систему. Въ какой мѣрѣ соответствуетъ это руководство ихъ потребностямъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что историко-сравнительная грамматика, предлагая не однѣ голословныя правила, а раскрывая законы языка въ самомъ его корнѣ, принесетъ существенную пользу учащимся. Мѣсто прежняго безсмысленнаго заучиванья на память займетъ разсужденіе, мѣсто прежней скуки — сознаніе пользы и необходимости изучать родной языкъ, необходимости, въ которой столь долго сомнѣвались. Грамматика становится наукою въ истинномъ смыслѣ слова. Но историко-сравнительное изученіе требуетъ также немало приготовительныхъ знаній и большой педагогической постепенности въ изложеніи предмета. Что, напримѣръ, полезнѣе и любопытнѣе этимологическаго словаря? Но дайте его безъ всякаго приготовленія воспитанникамъ, и они забросятъ его, какъ самую скучную книгу. Мы рѣшительно думаемъ, что двухъ лѣтъ предварительнаго обученія русскому языку очень недостаточно, чтобы воспитанники могли пользоваться руководствомъ г-на Буслаева. Матеріаль свѣдѣній, въ немъ заключающійся, если даже откинуть примѣчанія, такъ великъ, что врядъ-ли онъ можетъ разомъ умѣститься въ голову, хоть-бы вполне устроенную по филологическому складу. Первая страница руководства уже приведетъ въ совершенный тупикъ двухлѣтняго питомца науки. Что пойметъ онъ въ словахъ: «Мы не имѣемъ *никакихъ историческихъ свидѣтельствъ*, на которыхъ могли-бы *основать предположеніе о томъ*, что люди сначала *пользовались* только отдѣльными членораздѣльными звуками, потомъ сложили ихъ въ слоги, а слоги въ слова и наконецъ связали слова въ *стройное цѣлое* для выраженія мысли?»

Представьте-же, что тринадцатилѣтній мальчикъ долженъ разомъ учиться тремъ языкамъ въ ихъ историческомъ развитіи, и кромѣ-того съ разными справками и приложеніями. Отчего-же нѣтъ? Мы искренно желаемъ, чтобъ воспитанники къ концу курса сравнивали не три языка, а до шести. При правильномъ развитіи можно достигнуть и этихъ результатовъ. Но все-таки грамматика г-на Буслаева, въ полномъ своемъ объемѣ, можетъ быть съ пользою пройдена только въ высшихъ классахъ; въ среднихъ-же могутъ быть допущены нѣкоторыя ея части, какъ приготовительное зна-

ніе. Иначе обиліе фактовъ задавить и память и разумокъ учащихся. Для полнаго систематическаго изученія историко-сравнительной грамматики необходимы и нѣкоторое предварительное знакомство съ формамн церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, и полный навыкъ въ этимологическомъ разборѣ, который не ограничивался-бы однимъ умѣньемъ различать части рѣчи, а велъ-бы къ сравнительному изслѣдованію корней, окончаній и приставокъ, и долгое упражненіе въ переводахъ съ нашего древняго языка и нѣкоторыхъ иностранныхъ на нынѣшній русскій. Однимъ словомъ, необходимо прежде возбудить интересъ къ историко-сравнительному изученію и дать почувствовать его пользу, а потомъ уже проходить въ системѣ всѣ корни и окончанія съ разными ихъ измѣненіями. Мы не думаемъ, чтобъ воспитанникамъ казалось легче подробное ученіе о всѣхъ придыхательныхъ и полугласныхъ, чѣмъ, напримѣръ, статья объ эпитетахъ. Последняя скорѣе займетъ воображеніе и, въ нѣкоторомъ упрощеніи, можетъ возбудить интересъ учащихся даже въ низшихъ классахъ; первое-же, касаясь вопроса чисто-филологическаго, можетъ показаться любопытнымъ только воспитанникамъ съ достаточно развитымъ разумомъ.

Чтобы познакомить съ системою автора, рассмотримъ теперь введеніе въ грамматику и упомянемъ о нѣкоторыхъ частяхъ учебника.

Надъ замѣтить, что въ его изложеніи не въ примѣръ больше ясности и послѣдовательности, чѣмъ во всѣхъ писанныхъ прежде руководствахъ, хотя языкъ иногда и не чуждъ слишкомъ отвлеченныхъ выраженій; напр: «въ переносномъ значеніи предлоги могутъ легко смѣшиваться *направленія собственнаго ихъ значенія*», или «собственно возвратный глаголъ означаетъ *явственное обращеніе дѣйствителя на него самого*» и проч.

Въ своемъ введеніи авторъ касается вопроса о языкѣ вообще, какъ живомъ организмѣ, въ которомъ всѣ части нераздѣльно соединены въ одно цѣлое; согласно съ такимъ представленіемъ о языкѣ и у насъ рѣченіе «слово» употребляется въ смыслѣ цѣлой рѣчи, напр. Слово о полку Игоревомъ. Подобныхъ живыхъ сближеній и объясненій не мало

у автора. Потомъ онъ говоритъ о языкахъ индоевропейскихъ, къ которымъ принадлежитъ и нашъ русскій. Отсюда естественный переходъ къ Славянскимъ нарѣчіямъ; но авторъ не указываетъ ихъ отличій, отсылая читателя къ другимъ параграфамъ. Послѣ Славянскихъ мы читаемъ объ нашихъ областныхъ нарѣчіяхъ. Здѣсь уже обозначены главнѣйшія примѣты того или другого говора. Авторъ далѣе рассуждаетъ объ измѣненіяхъ русскаго языка въ историческомъ его развитіи, замѣчая, что нѣтъ никакой возможности дать удовлетворительный отвѣтъ, почему изъ нѣсколькихъ грамматическихъ формъ, подчиненныхъ одному и тому-же закону, однѣ въ современномъ литературномъ языкѣ удержались, другія исчезли. Онъ признаетъ двѣ силы въ языкѣ: силу основныхъ законовъ и необъяснимую силу *употребленія*. Такое нелогическое дѣленіе слишкомъ мало объясняетъ.

«Съ утратою грамматическихъ формъ, говоритъ авторъ, можетъ ослабѣвать и сила самыхъ законовъ. Тогда употребленіе, мимо закона, прибѣгаетъ къ новымъ сочетаніямъ звуковъ и словъ, руководствуясь вновь возникающими правилами.» Примѣромъ служитъ согласованіе числительныхъ: «два, оба.» Тутъ смѣшано множество понятій. Въ чемъ-же и выражается сила законовъ какъ не въ грамматическихъ формахъ? Съ ихъ утратою развѣ не исчезаетъ и законъ? Скорѣе форма можетъ пережить законъ, чѣмъ законъ форму, какъ это видимъ въ употребленіи «два, двѣ.» Что такое употребленіе? Не есть-ли это также самая сила, какъ и сила закона?

Вѣдь она является и умираетъ съ нимъ вмѣстѣ. Старый законъ постепенно замѣняется новымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старое употребленіе даетъ мѣсто новому, иногда сохраняясь только въ немногихъ остаткахъ, какъ напр. два, двѣ. Но эти оставшіяся формы уже подчиняются новому закону: два сильные человѣка, двѣ новыя книги. Такое объясненіе намъ кажется проще; а то фразу, сказанную авторомъ, можно обернуть слѣдующимъ образомъ: «съ утратою употребленія, можетъ ослабѣвать и сила употребленія. Тогда употребленіе, мимо употребленія, прибѣгаетъ къ новому употребленію.» И мы правы, потому что отъ употребленія за-

висятъ и формы, и законъ, и правила. Авторъ однако справедливо различаетъ законы отъ условныхъ правилъ, составленныхъ людьми грамотными и введенными искусственно въ книжный языкъ противно его исторіи и народному духу. Здѣсь уже дѣйствительно употребленіе распадается съ законами; но оно здѣсь не свободно дѣйствующая сила. Образцовые писатели не всегда ему слѣдуютъ, на что множество примѣровъ приводитъ самъ авторъ.

Далѣе Г. Буслаевъ говоритъ о разнообразіи формъ нынѣшняго русскаго языка, объясняемыхъ историческимъ его образованіемъ, и признаетъ необходимымъ подвести всѣ его измѣненія подъ *общіе законы*. Этими самымъ онъ уже отвергаетъ употребленіе, какъ безотчетную силу.

Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе о Славянскихъ письменахъ и о Кириловской азбукѣ; означены древнѣйшія церковнославянскія рукописи, и указаны два періода въ развитіи церковнославянскаго языка: древній и позднѣйшій. Авторъ приводитъ старинную нашу азбуку, съ точностью объясняя всѣ ея особенности; напр: «буквою щ, отличается русская письменность отъ древне-болгарской, въ которой вмѣсто щ употреблялось *шт*, напр. *ноштъ* вм. *нощъ*. Такой переходъ звуковъ оказывается и въ нѣкоторыхъ русскихъ словахъ; напр. *шти* вм. *щи*, *што* и *що* (вм. что); *щекатурка* вм. *штука-турка*.» Это искусство, сближать древнѣйшія формы языка съ современными составляетъ самую живую сторону въ талантѣ нашего ученаго.

Въ заключеніе объяснены источники исторической русской грамматики и сдѣлано самое ея опредѣленіе. Мы видимъ, какъ умеренно здѣсь пользуется Г. Буслаевъ своими знаніями, помѣщая только самое существенное въ грамматику. Взглядъ автора на свой предметъ установленъ очень опредѣленно, и на общія разсужденія почти вездѣ приведены самые подробные примѣры. Вся фактическая часть введенія была-бы доступна воспитанникамъ и въ среднихъ классахъ; но многое также требовало-бы долгихъ предварительныхъ объясненій. Напр. «Ломоносовъ первый указалъ какъ на существенныя отличія языка русскаго отъ церковнославянскаго, такъ и на взаимное отношеніе обоихъ. Карамзинъ сближалъ

книжную рѣчь съ современнымъ языкомъ образованнаго общества и съ языкомъ древнерусскихъ письменныхъ памятниковъ.» Никогда не разбиравъ ни Ломоносова, ни Карамзина, воспитанники вряд-ли могли-бы усвоить эти сужденія.

Основываясь на строгихъ началахъ науки, авторъ исключаетъ изъ Этимологіи все, что относится къ употребленію формъ въ связной рѣчи. Онъ только *излагаетъ* эти формы, говоря въ первой главѣ о звукахъ, во второй—объ образованіи словъ, въ третьей — объ ихъ измѣненіи.

Послѣ общаго разсужденія о звукахъ, онъ приступаетъ къ подробному разсмотрѣнію сначала гласныхъ, потомъ согласныхъ. Мы не будемъ разсказывать всего громаднаго содержанія этихъ статей, а для объясненія системы автора коснемся только разсужденія о гласныхъ. Г. Буслаевъ не объясняетъ значенія гласныхъ, а упоминаетъ только объ ихъ свойствахъ: долготѣ и краткости, удареніи и пониженіи. Потомъ между основными гласными онъ различаетъ первоначальные *и, а, у* и переходные *е, о*.

Слѣдуютъ объясненія: 1) звука *А*, 2) звуковъ *О, Е*, 3) *Ы*. Объясняя звуки *е, о*, авторъ говоритъ, что, соответствуя церковнославянскимъ *ѣ* и *ѝ*, они оказываются *блѣлыми*. Но что такое *блѣлые* не объяснено, а о церковнославянскихъ *ѣ* и *ѝ* говорится только въ слѣдующемъ параграфѣ. Авторъ называетъ ихъ *краткими* въ противоположность *долгимъ*, къ которымъ принадлежитъ звукъ *ь*, что видно изъ слова *нѣтъ* *ц. нѣсть* т. е. *не-есть*. Съ большою подробностью изложено значеніе буквы *ь* въ отличіе отъ *е* и ея употребленіе сначала въ русскомъ, а потомъ въ церковнославянскомъ. Представляя росписи коренныхъ словъ съ буквою *ь*, авторъ замѣчаетъ: «изъ предложенной росписи видно, что буква *ь* въ корняхъ словъ, соединяется съ согласными губными и зубными и преимущественно съ плавными *л, м, н, р* и придыхательными *в, с*; съ звуками-же гортанными и небными сочетаться не можетъ.» Но еще совершенно неизвѣстно, какіе звуки губные, зубные, гортанные, небные, и что такое значить придыхательные.

Первоначальныя свойства звука *ь*, по словамъ автора, оказываются изъ замѣны его звукомъ *я* и звукомъ *и*. Ка-

кія это первоначальныя свойства? Если долгота — то мы еще не знали, что звуки *я* и *и* долгіе, или, можетъ быть, самая замѣна его звуками *я* и *и* составляетъ его первоначальныя свойства?

Въ слѣдующемъ 26-мъ параграфѣ авторъ различаетъ звуки чистые отъ носовыхъ и облеченныхъ звукомъ — *і*. Но о носовыхъ здѣсь ничего не сказано; разсужденіе объ нихъ отнесено къ 28-му параграфу, потому что вмѣстѣ съ краткими *ѣ*, *ѝ* они составляютъ отличіе церковнославянскаго языка. Говоря въ 26-мъ параграфѣ только о звукахъ *іо*-тированныхъ, авторъ замѣчаетъ: «смягчающій звукъ *і* соотвѣтствуетъ придыханіямъ *ѣ*, *ѝ* и *сѣ*». Чтобы понять это, намъ надо обратиться къ 32-му параграфу, гдѣ (въ статьѣ о согласныхъ) снова подробно говорится о звукѣ *і*, равно какъ и о другихъ придыханіяхъ. Здѣсь одна статья раздѣлена на двѣ, какъ намъ кажется, только въ уступку внѣшнему порядку.

Въ 27-мъ параграфѣ мы снова встрѣчаемся съ краткими. Объ нихъ авторъ разсуждаетъ отдѣльно въ примѣненіи къ церковнославянскому языку. Но вѣдь и буква *л*, въ настоящемъ ея значеніи, составляла такое-же отличіе древняго языка. Отчего-бы разомъ не сказать все о звукахъ краткихъ, какъ сказано о долгихъ? 28-ой параграфъ занятъ носовыми.

Въ 29-мъ параграфѣ идетъ рѣчь о вставкѣ гласныхъ *о*, *е* передъ плавными *л*, *р*, какъ объ отличительномъ свойствѣ русскаго въ сравненіи съ церковнославянскимъ. О вставкѣ гласныхъ *а*, *о*, *е* говорится и въ 30-мъ параграфѣ, но здѣсь уже на основаніи общихъ свойствъ языка русскаго и славянскаго. Въ этомъ параграфѣ заключаются статьи объ измѣненіи гласныхъ и ихъ сочетаніи. Авторъ объясняетъ законъ усиленія гласныхъ чрезъ перемѣну *ѣ* въ *и*, *ѝ* на *у*, *ы*, *а*, *о*; *е* на *о*, *о* на *а*, *и* на *л*, *ж* на *ж*, и черезъ вставку *а*, *е*, *о* передъ плавными *р* и *л* и передъ гласными *и* и *у* (или *ы*).

При стеченіи гласныхъ происходитъ 1) уподобленіе звуковъ, 2) вставка согласныхъ, 3) приставка звука, 4) переходъ гласныхъ въ согласные, 5) сокращеніе гласныхъ.

Всѣ эти статьи отчасти заключаютъ въ себѣ повтореніе

времяго. При вставкѣ согласныхъ мы опять встрѣчаемся съ придыхательными *j*, *e*, *m*. Упомянуто даже о переходѣ иностранныхъ словъ Генуа, Падуа, въ русскія: Генуя, Падуя, точно также какъ на 38-ой страницѣ говорилось о перемѣнѣ окончанія *ia* въ *я*: Германія, Азія. Такимъ образомъ звукъ *i* (*j*, *ь*) является въ разныхъ мѣстахъ четыре раза: какъ звукъ краткій, какъ смягчающій, какъ согласный, какъ придыхательный.

Изъ предыдущаго ясно, что въ системѣ своей авторъ старается какъ можно болѣе раздробить общіе вопросы, чтобы тѣмъ удобнѣе обозрѣть по частямъ все богатое содержаніе своей науки. Онъ мало заботится о той педагогической постепенности, съ которою наука переходитъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легкаго къ болѣе трудному; онъ не охватываетъ въ своемъ изслѣдованіи слишкомъ большаго горизонта, чтобы за общимъ не упустить изъ виду частнаго. Такъ и въ статьѣ объ образованіи словъ, кратко разсмотрѣвъ общіе законы производства, онъ подробно разбираетъ корни и отличительныя окончанія глаголовъ, мѣстоименій, существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчій. Этотъ обширный анализъ съ особенной глубиною проведенъ въ синтаксисѣ, гдѣ находимъ цѣлые списки глаголовъ, предлоговъ, нарѣчій, и при каждомъ словѣ вся исторія его употребленія съ безчисленными выписками изъ памятниковъ. Для науки, въ настоящемъ ея положеніи, когда еще только происходитъ разработка фактовъ, такая система очень удобна. Она внѣшнимъ, формальнымъ образомъ связываетъ самый разнообразный матеріалъ, облегчая тѣмъ обзоръ его. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ объ управленіи словъ, я по порядку пересматриваю употребленіе всѣхъ надежей, предлоговъ и частей рѣчи. Для меня важенъ фактъ не столько, какъ объясненіе закона, который, можетъ быть, и не изслѣдованъ, сколько самъ по себѣ, какъ извѣстное проявленіе жизни.

Но учащихся невозможно разомъ ввести во весь этотъ безконечный лабиринтъ фактовъ: для нихъ нужно сначала сдѣлать выборъ самыхъ значительныхъ случаевъ, ярко представляющихъ общій законъ, — нужно завлечь живою стороною предмета, рѣзкимъ примѣненіемъ законовъ въ нап-

болѣ знакомыхъ примѣрахъ. Руководство г-на Буслаева чрезвычайно богато такими живыми примѣненіями, и преподавателю не составитъ большаго труда сдѣлать означенный нами выборъ?

Въ Этимологіи, напримѣръ, объясняются законы производства общезвѣстныхъ словъ: ядь отъ глагола ѣсть, подъячій отъ слова дякъ, ожерелье отъ слова горло, жерло; столица отъ слова столъ (престолъ), прапорщикъ отъ прапоръ (стар. знамя), лукавый отъ лука (кривизна), сверстникъ отъ верста (въ старину означало мѣру вообще, наприм. ющъ верстою, т. е. возрастомъ), телерь отъ топерво (то первое), добрый отъ доба (пора, время), баснь отъ баяти, будни отъ бдѣть (собственно бдѣти, ъ переходить въ у), или находимъ сближеніе словъ: Георгій и Юрій, Генварь и Январь; учить, на-ук-а, на-вык-ъ, ново-ук-ъ, лак-омый (отъ гл. лак-ать) и алч-ный (отъ гл. алк-ать); длань и ладонь; здѣ-сь, вчера-сь, лѣто-сь и проч.

Въ образованіи и измѣненіи словъ характеристичны: остатки стариннаго твор. множ. муж. рода въ народномъ: со князи, со бояры, съ могучими богатыри; остатки двойственнаго числа въ словѣ: двою-родный; старинное прилагательное *войское*, откуда наше: *войско*; краткія окончанія въ числительныхъ порядочныхъ: самъ пять, самъ-шесть; народное прилагательное *причаянный* въ противоположность слову: отчаянный; народныя ласкательныя: *мнѣшники*, *спатинки*, *баинки* въ противоположность увеличительнымъ: *большущій*, *тѣмущій*; народное употребленіе причастій въ смыслѣ прилагательныхъ: завидушій, заблудяшій, плодущій, работающій; страдательныя формы причастій отъ глагола быть: *забытъ*, *забвенъ*; страдательныя формы отъ глаголовъ средних: гуляно, спжено; не-вѣсть (наприм. невѣсть, что наскажуть), какъ остатокъ стариннаго спряженія: вѣмъ, вѣси, *вѣсть*, и проч.

Въ сложеніи словъ авторъ предлагаетъ списокъ наиболѣе употребительныхъ сложныхъ, переложенныхъ съ греческаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ любопытные примѣры—а) изъ лѣтонитей: Положи-шило, Бай-борода, Федоръ Умойся-грязью, Умыль-бородинъ б) областныхъ сложныхъ словъ: ледо-плавъ, вскрытіе рѣки; рѣкоставъ, замерзаніе; сѣнозѣрникъ, мѣсяцъ

іюль и проч. с) изъ Одиссея Жуковскаго: эконопространная сѣня, пространновластительный царь, и проч.

Въ Синтаксисѣ статьи объ эпитетахъ и метафорахъ также занимательны. Авторъ сравниваетъ эпитеты, употребляемые въ нашихъ древнихъ памятникахъ съ Чешскими, приводитъ большой списокъ нашихъ областныхъ метафоръ, напр. скокуха, лягушка; бучало, водоворотъ, бучень, шмель (древнее бѣчела, пчела); махало, крыло,—и подробно излагаетъ, сравнительно съ другими языками, поэтическія преданія народа, участвовавшія въ образованіи рода. Такъ съ граммат. родомъ *кукушки* согласуется преданіе о превращеніи дѣвушки спроты въ эту птицу (растеніе *кукушкины слезы*); напротивъ мужчны превращаются въ птицу муж. рода, въ *сокола*; въ судѣ Любуши является говорящая ласточка; въ древнерусс. ст. ерстница Марина обертывается косаточкой; соловей разбойникъ, змѣй горыччише являются такими-же олицетвореніями, и т. д.

Но если-бы мы хотѣли дѣлать только краткія указанія и выписки всего, что находится замѣчательнаго въ книгѣ г-на Буслаева, то безъ сомнѣнія въ конецъ утомили-бы читателя, тогда какъ одинъ сокращенный списокъ всѣхъ литературныхъ сочиненій, которыми пользовался нашъ ученый, для подтвержденія правилъ примѣрамъ, занимаетъ *пять* страницъ мелкой печати. Объ обширности его труда можно судить изъ того, что разсужденіе объ однихъ свойствахъ глаголовъ заключаетъ въ Синтаксисѣ до *шестидесяти пяти* страницъ, а статья объ управленіи до *семидесяти семи* преимущественно мелкаго шрифта. Его руководство есть *первая*, истинно *практическая* грамматика, написанная по историкосравнительному методу. Если по обилію своего матеріала она только постепенно и съ нѣкоторыми ограниченіями можетъ быть принята въ классахъ, какъ учебникъ, (это мы впрочемъ говоримъ безъ всякаго отношенія къ другимъ нашимъ учебникамъ, которые большею частію вовсе не заслуживаютъ этого названія), то для преподавателей она становится непремѣнною *настоящею книгою*, послѣ которой не зачѣмъ заглядывать въ прочія руководства.

Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ разсказанная. Новое изданіе *Григорія Книжника*. Спб. 1859. 12-е, цѣна 30 к. сер. 92 стр.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, эта небольшая книжка выдержала нѣсколько изданій, расходившихся довольно быстро, что впрочемъ, было и немудрено при томъ живомъ интересѣ, который возбуждала къ себѣ личность Ваньки Каина, «*россійскаго картуша*», какъ титуловали его современники. Воспоминаніе о немъ и его оригинальныхъ продѣлкахъ было еще слишкомъ свѣжо въ ихъ памяти; тысячи самыхъ разнообразныхъ анекдотовъ ходили про него въ обществѣ — Ванька Каинъ являлся какимъ-то своеобразнымъ героемъ, специальнымъ мастеромъ своего дѣла — а при всемъ этомъ становится совершенно понятна... какъ-бы это назвать? — ну, пожалуй, даже *симпатія* современниковъ къ этой личности — подобно, до-сихъ-поръ живо сохранившейся въ народѣ, симпатіи къ петровскому шуту Балакиреву — и вотъ, въ этомъ-то и заключалась причина того успѣха, который имѣли неоднократныя изданія «жизни и походовъ Ваньки Каина.» — Въ слѣдъ за первымъ изданіемъ книжки, испеченной наскоро и небрежно, написанной, по выраженію одного изъ послѣдующихъ издателей, Матвея Комарова, такимъ слогомъ, какъ *обыкновенно подыме люди разсказываютъ сказки*, появилось много другихъ, передѣланныхъ уже на книжный ладъ того времени изданій. Но для насъ, по преимуществу, имѣетъ интересъ первое, вышедшее въ видѣ автобіографіи, въ разсказѣ отъ лица самого Каина. «Складъ и изложеніе этого разсказа, замѣчаетъ г. Григорій Книжникъ, издатель послѣдней, лежащей передъ нами книжки, — независимо отъ довольно любопытнаго содержанія, показались мнѣ достаточно своеобразны для того, чтобы издать эту книжку вновь съ перестановкою только знаковъ препинанія и нѣкоторыхъ словъ въ мѣстахъ совершенно безграмотныхъ.» — И г. Григорій Книжникъ былъ совершенно правъ, поступилъ вполне основательно, напечатавъ свою книжку, именно, по тексту этого, а не другого какого-либо изданія, потому что для насъ-то главный интересъ и заключается въ оригинальности и самобытности разсказа самого Каина. Читателя поразитъ въ немъ этотъ

эпически холодный и спокойный, да мало того — до цинизма спокойный, тонъ разсказа Вальки, въ которомъ нерѣдко про- скальзываетъ чисто русская пронія. Онъ разсказываетъ о своихъ подвигахъ, какъ о вещи самой обыкновенной, не сто- ящей даже большаго вниманія, что вотъ-де я, напримѣръ, слу- жилъ въ Москвѣ, у гостя Петра Дмитріевича г. Филатьева, и что до услугъ моихъ принадлежало, то со усердіемъ дол- жность мою отправлялъ, токмо вмѣсто награжденія и мило- стей песносные отъ него бои получалъ. Чего ради вздумалъ встать поранѣ и шагнуть отъ двора его подалѣ». Потомъ разсказываетъ, какъ пришелъ съ товарищемъ своимъ подъ каменный мостъ, гдѣ ворнишкамъ былъ погостъ и какъ эти ворнишки, подпоявъ его, говорили, что «полъ да середъ сами съѣли, печь да полати въ наемъ отдаемъ, а идущимъ по сему мосту тихую милостьюю подаемъ (т. е. мошенники) и ты будешь, братъ, нашего сукна епанча! (т. е. такой-же воръ) поживи здѣсь въ нашемъ домѣ, въ которомъ всего довольно: наготы и босоты — изнавѣшены шесты, а голоду и холоду — амбары стоятъ. Пылъ да копоть, притомъ нечего и лопать».

Да только недолго погулялъ Ванька Каинъ на первой разъ: попалъ онъ опять въ лапы къ своему «помѣщику», который велѣлъ приковать его близъ медвѣдя, что на дворѣ у него былъ, и морить два дня голодомъ, а потомъ, разу- мѣется, въ силу своей власти — сталъ его сѣчь, но Ванька просилъ чтобы его отослали «лучше въ Стукаловъ мона- стырь, сирѣчь въ *Тайную, гдѣ тихонько говорятъ*». А въ *Тайной* секретарь его спрашивалъ: по которому пункту онъ за собой сказывалъ? — «Коему я, разсказываетъ Каинъ, говорилъ, что ни пунктовъ, ни фунтовъ, ни вѣсу, ни походу не знаю, а о дѣлѣ моемъ тому скажу, кто на томъ стулѣ сидитъ, на которомъ собачки вырѣзаны (т. е. на судейскихъ креслахъ). За что тотъ секретарь билъ меня тою дощечкой, которую на бумагу кладутъ» (т. е. линейкой).

Побывалъ Каинъ съ товарищами и въ Нижнемъ на Ма- карьевкѣ, и на Окѣ, и въ Капшиѣ, и въ селѣ Языковѣ «въ *смѣрномъ образѣ*» мѣсяца съ три прожилъ — но всего замѣ- чательнѣе въ разсказѣ то мѣсто, гдѣ Ванька Каинъ повѣ- ствуетъ, какъ онъ пзъ честнаго вора сдѣлался подлымъ

шпіономъ и выдавалъ своего-же брата, мошенника-горемыч-наго. Вотъ, здѣсь-то именно, это эпическое спокойствіе его разсказа доходитъ до чего-то циническаго, что особенно поражаетъ читателя; здѣсь-то; да потомъ еще въ эпизодѣ о своей женитьбѣ, личность Канны рисуется самыми яркими красками со своимъ прочтчески спокойнымъ, нѣсколько пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всему окружающему, начинающая съ товарищей, до разныхъ полицейскихъ властей, къ которымъ онъ присоединился. «Ходилъ я, говоритъ онъ, по Москвѣ и провѣдывалъ воровъ и разбойниковъ, гдѣ кто пристанище имѣетъ, потому что въ то время для покупки ружей, пороху и другихъ снарядовъ въ Москву многія партіи пріѣзжаютъ, а какъ о многихъ свѣдалъ, то вздумалъ о себѣ, гдѣ надлежитъ, объявить, а помянутыхъ воровъ переловить. Идуши по дорогѣ изъ той Рогожской въ городъ, спросилъ идущихъ: кто въ Москвѣ наибольшій командиръ; коего искать мнѣ велѣли въ сенатѣ. Почему я къ сенату пришелъ, въ который въ тожъ время пріѣхалъ князь Кропоткинъ; коему подаль я приготовленную мною записку, а въ ней было написано, что я имѣю до сената нѣкоторое дѣло, и, хотя отъ меня та записка и взята была, однако резолюціи по ней никакой не получилъ; по случаю пришелъ я на дворъ того князя и, остановясь у крыльца, ожидалъ его. Тогда вышелъ изъ покоевъ его адъютантъ, котораго я просилъ о объявленіи о себѣ князю; но адъютантъ столкнулъ меня съ двора; однако не хотя я такъ оставить, пошелъ по близости того двора въ кабакъ, въ коемъ для смѣлости выпилъ вина и обратно въ тотъ-же князя Кропоткина домъ пришелъ. Вошелъ въ сѣни, гдѣ тотъ-же адъютантъ попалъ мнѣ на встрѣчу, и я объявилъ за собою важность, почему приведенъ былъ передъ того князя, который спрашивалъ о причинѣ моей важности и я сказалъ, что я воръ и притомъ знаю другихъ воровъ и разбойниковъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. Тогда князь приказалъ дать мнѣ чарку водки и въ тотъ-же часъ надѣтъ былъ на меня солдатскій плащъ; въ немъ отвезли меня въ Сыскной приказъ, изъ котораго, какъ настала ночь, при конвоѣ для сыску тѣхъ людей отправленъ я былъ.»

«И въ то время взялъ въ нижеписанныхъ мѣстахъ: во 1) близъ Московорѣцкихъ воротъ въ Зарядьѣ, въ домѣ у Протопопа, воровъ: Якова Зуева съ товарищи, всего до двадцати человѣкъ. 2) Въ Зарядьжѣ въ домѣ ружейнаго мастера, воровъ: Николая Пиву съ товарищи пятнадцать человѣкъ. Въ 3) близъ пороховаго цейхауза въ домѣ дьякона, воровъ и мошенниковъ, всего до сорока пяти человѣкъ» и т. д. и т. д.

Какъ видите, рассказъ веденъ съ удивительною простою и спокойствіемъ: человѣкъ вѣдь не афектируется здѣсь нисколько, не становится на ходули и не самоуничжается, что сдѣлала-бы всякая мелкая натурашка — нѣтъ, онъ проходитъ мимо всего этого, повторяю опять, съ какимъ-то пренебреженіемъ, — все это ниже его, все это мелко; — для него подлость, зло, обманъ, благородство, добро — вещи не существующія, такъ что объ нихъ и думать не стоитъ.... А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, какъ взглядишься ближе въ эту личность, такъ невольно какъ-то и представляется еще одинъ, совершенно оригинальный экземпляръ изъ разряда *широкихъ* натуръ, которыми такъ обильна наша русская земля!...

Чтобы вполнѣ ужь дорисовать эту замѣчательную въ своемъ родѣ личность, мы позволимъ себѣ привести еще одинъ эпизодъ изъ повѣствованія Ваньки Каина — именно: эпизодъ о его женитьбѣ. Здѣсь было затронуто его сердце, его личное чувство — и по этому-то интересно посмотрѣть какимъ образомъ онъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, дошелъ наконецъ до своей желанной цѣли:

«Близъ моей квартиры, говорятъ онъ, когда я еще не былъ сыщикомъ, жилъ отставной сержантъ, который имѣлъ у себя дочь; по тому сосѣдству тотъ сержантъ знакомъ мнѣ былъ: я съ дочерью его захотѣлъ жить еще поближе. Между тѣмъ подарилъ ей нѣсколько подарковъ, за что попросилъ у ней нѣчего, токмо онаго отъ нея получить не могъ, кромѣ какъ обходились на однихъ разговорахъ. Она спрашивала меня: какой я человѣкъ? — «Купецъ», я сказалъ ей, «гдѣ что увижу, то куплю, а ежели увижу дешевое, то и ночь не сплю». По прошествіи-же нѣсколькихъ времени, какъ я сдѣ-

лался сыщикомъ, то не оставилъ прежняго своего намѣренія. Свѣдавъ, объ ней, что охоту имѣеть идти замужъ, пришелъ къ ней и говорилъ, чтобъ она кромѣ меня ни за кого замужъ не ходила, чего она не токмо получить, но и слышать не хотѣла и мнѣ о томъ думать не велѣла. Не могъ я сыскать болѣе въ томъ способу и научилъ въ Сыскомъ приказѣ содержащагося въ воровскихъ деньгахъ мастера Андрея Скоробогатого, при допросѣ его, въ знаніи того ихъ воровства оговорить ее. Почему она взята въ тотъ приказъ была, гдѣ, по приводѣ, подъ жестокимъ битьемъ плѣтми спрашивана; однако по правости своей, ничего на себя показать не могла, послѣ чего я къ ней прислалъ женщину сказать: ежели она пойдетъ за меня замужъ, то въ тоже время освобождена на волю будетъ. Сказала она той женщинѣ, чтобъ на то вѣсѣ надѣжды не имѣлъ. А дѣло ея нечѣмъ было разобрать, кромѣ одной пыткой, почему она уведомилась, прислала по меня, чему я былъ радъ; тотъ же часъ пришелъ къ ней. Когда услышалъ, что уже за меня замужъ идти желаетъ, я просилъ присутствующихъ, чтобъ до дальняго дѣла ее не доводить, а наказатъ кнутомъ и выпустить на волю, потому что *сколоченная посуда два вѣка живетъ*. Что въ скоромъ времени и учинено. Послѣ того я взялъ ее на свою роспужу, отдалъ для излеченія одной просвириѣ, а какъ пришла въ прежнее здоровье, то назначилъ день жениться. Пришло уже то время, когда съ ней для вѣнчанія пошелъ я въ церковь, и, по приходѣ, ожидавъ того прихода священника, который, не мѣшкаявъ пришелъ и по признаніи вѣнечной моей памяти, которую я написалъ самъ фальшивую, изъ церкви обратно въ домъ свой тотъ священникъ вышелъ; а мнѣ, по множеству тогда случившагося въ церкви народа, безъ того выйти было стыдно. Послалъ для сыску идущаго по улицѣ какого-нибудь священника, который въ тоже время командою моею взять и приведенъ въ церковь былъ, и обвинчалъ насъ».

Небольшая книжка г. Григорія Книжника издана очень опрятно и мило: — просто и вмѣстѣ съ тѣмъ красиво, и притомъ по дешевой цѣнѣ своей (30 к. с.) доступна каждому. Мы увѣрены, что она прочтется не безъ интереса и поэтому

намъ остается только поблагодарить г. Григорія Книжника за еще одно новое его изданіе.

Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскпхъ писателей. Сиб. 1859. 204 стр.

Мы рѣшительно остаемся въ недоумѣніи, не зная что сказать объ этотъ Сборникѣ и какъ смотрѣть на него... Дѣло въ томъ, что, какъ приложеніе къ дѣтскому журналу «Подсѣбникъ», онъ еще имѣетъ тамъ свое относительное значеніе, но взятый отдѣльно — какъ намъ кажется, лишается его совершенно... Мы не знаемъ, имѣетъ-ли онъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ значеніе спекуляціи или значеніе чего-то въ родѣ хрестоматіи; если *первое* — то мы не скажемъ о немъ болѣе ни слова, ежели-же *второе* — то позволимъ себѣ замѣтить, что онъ не вполне удовлетворяетъ своему назначенію, потому что хрестоматія требуетъ выбора пьесъ болѣе обширнаго, а объёмъ Сборника слишкомъ малъ, слишкомъ жидокъ для хрестоматіи. Да притомъ-же отрывокъ изъ Л. Толстого, отрывокъ изъ путешествія Гончарова и отрывокъ изъ Григоровича, да Бѣжинъ лугъ — Тургенева, хоть и приправленные нѣсколькими стихотвореніями Майкова, Фета и Полопскаго, все-таки еще не составляютъ *Сборника* избранныхъ мѣстъ изъ произведеній *современныхъ русскихъ писателей*. Неужели-же въ русской современной литературѣ только и есть что эти семь именъ? Если ужъ книжкѣ придано такое громкое заглавіе, то мы вполне считаемъ себя въ правѣ спросить: почему-же изъ Сборника избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей исключены имена: Тютчева, Островскаго, Некрасова, Щербины, Писемскаго, А. Толстого, К. Аксакова и цѣлый рядъ другихъ не менѣе извѣстныхъ и замѣчательныхъ именъ современныхъ намъ писателей? — По этому мы думаемъ, что книжка вовсе не удовлетворяетъ своей идеѣ *Сборника*, и въ тоже время считаемъ долгомъ отдать справедливость издателю за весьма удачный выборъ *прозаическихъ* отрывковъ, которые будутъ прочтены дѣтьми съ живымъ удовольствіемъ; мы не скажемъ того-же самаго о стихахъ, потому что выборъ ихъ въ подобныхъ случаяхъ всегда дол-

женъ быть таковъ, чтобы изъ трехъ-четырехъ стихотвореній, ясно рисовалась поэтическая физиогномія поэта, съ ея оригинальными оттѣнками, — между-тѣмъ, какъ изъ стихотвореній: Посвященіе, Октава, Картина вечера и Нива — поэтической физиогноміи Майкова еще не видно, равно какъ не видно и физиогноміи Фета изъ его стиховъ: *Печальная береза.... Чудная картина...* Деревня и на Днѣпрѣ въ половодье, помѣщенныхъ въ *Сборникъ*. И мы повторяемъ что книжка эта вовсе не удовлетворяетъ идеѣ хрестоматіи, между-тѣмъ какъ изданіе хрестоматіи избранныхъ мѣстъ изъ произведеній *современныхъ намъ* писателей было-бы дѣломъ вполне достойнымъ, прекраснымъ и въ высшей степени полезнымъ, въ которомъ даже чувствуется въ настоящее время большая потребность.

Олегъ подъ Константинополемъ, драматическая пародія съ эпилогомъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе К. С. Аксакова. Изданіе любителя. Спб. 1858. in 8-о (стр. 96).

Раскрытый портфель: выдержки изъ «сшитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявить своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Изданіе любителя. Спб. 1859. in 8-о (стр. 259).

Не помню, въ концѣ-ли ноября, или въ половинѣ декабря прошлаго года, на послѣдней страницѣ одного изъ номеровъ Санктпетербургскихъ вѣдомостей, между объявленіями о распродажѣ разныхъ матерій, персидскомъ порошокѣ и мозольныхъ операторахъ, появилось объявленіе и о драматической пародіи К. С. Аксакова, которое мы выписали въ началѣ этой статьи, съ нижеслѣдующимъ прибавленіемъ: «цѣна экземпляру 75 коп. сер. съ пересылкою 1 руб. сер. Гг. книгопродавцы благоволятъ относиться за этою книжкою въ С. Петербургѣ: на Малой Садовой, въ домѣ Сутугина, о квартиру спросить у дворника, а въ Москвѣ: въ контору газеты «Парусь». — Намъ невольно озадачило это странное объявленіе и, помнится, въ литературномъ обществѣ весьма многіе приняли его за выходку покойнаго Весельчака, или

одного изъ членовъ его компаніи, противъ почтеннаго имени Константина Сергѣевича Аксакова.

Но не прошло и трехъ дней, какъ въ окнахъ нѣкоторыхъ книжныхъ магазиновъ дѣйствительно появилась розовенькая книжка, озаглавленная именемъ пародіи К. С. Аксакова. Все еще продолжая сомнѣваться, мы поспѣшили удостовѣриться въ истинѣ — раскрыли книгу, и — вслѣдъ за довольно безграмотнымъ объявленіемъ самого г. Любителя, прочитали предисловіе, подписанное именемъ К. Аксакова, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ, что эта пародія потеряла современность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и занимательность, но, онъ *полагаетъ, что для иныхъ будетъ любопытно узнать —какого рода литературныя пародіи писались въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія.* — Но неужели-же, позволимъ мы себѣ спросить васъ, только для этихъ *иныхъ* и видѣлась необходимость издавать пародію, юное произведеніе юнаго студента — пародію, которая, не споримъ, могла имѣть въ то время свой относительный интересъ въ тѣсномъ студентскомъ кружкѣ. — Но теперь-то, вопросъ: для чего? какъ и зачѣмъ? какая въ ней потребность, изъ чего вытекаетъ необходимость появленія ея на Божій свѣтъ въ печати? — ужь это Богъ-вѣсть! И самъ-то господинъ Любитель какъ ни силится доказать нѣчто или что-то о законности появленія этой пародіи, однако кромѣ того, что *«подъ фирмою» изданіе любителя, «предполагается печатать, по мѣрѣ возможности, литературныя произведенія, при добросовѣстномъ убѣжденіи, что онъ заслуживаютъ вниманія читателей»* — не сказалъ намъ ничего; да и что-же иначе могъ-бы сказать-то онъ, когда по видимому, и самъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ идею и причины *необходимости* своихъ изданій, что мы смѣло можемъ высказать ему, убѣдясь въ этомъ изъ второй его книжки: «Раскрытый портфель», о которой скажемъ въ свое время.

Изъ предисловія К. С. Аксакова видно, что онъ и самъ старается смотрѣть на свое произведеніе *снисходительными* глазами, старается какъ-бы *оправдать* или *извинить* появленіе ея передъ читателями, которымъ, вѣроятно, какъ и намъ-же, приходили въ голову вопросы: какъ? что? къ чему? и зачѣмъ издана эта книжка?

Мы не можем думать, чтобы Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ слишкомъ настойчиво желалъ появленія въ свѣтъ своей пародіи, и даже надѣмся, что онъ мало принималъ участія во всемъ этомъ дѣлѣ, предоставляя его на волю са-мого г. Любителя, который, неизвѣстно почему, нашелъ вдругъ необходимымъ заявить ее русской публикѣ, прибавя что онъ *«быль-бы очень счастливъ, еслибы случай сдѣлалъ выборъ всѣхъ и прочихъ для этой цѣли сочиненій столь-же удачнымъ»* (???) — Мы выписали эти слова — (выражаясь стереотипною фразой журнальныхъ критикъ), *«съ дипломатическою точностью»* — и теперь намъ остается только ожидать появленія этихъ будущихъ *«всѣхъ и прочихъ сочиненій»*, выборъ которыхъ *сдѣлать* для господина Любителя *случай*.

Чтоже касается до самой пародіи К. С. Аксакова, то мы должны сказать откровенно, что хотя основная мысль ея и остроумна, но она слишкомъ слаба для того, чтобы построить на ней трехъ-актную драму, — пародію; вѣдь непремѣнное условіе всякой пародіи, какъ говоритъ и самъ г. Любитель, есть остроуміе, и притомъ такое остроуміе, прибавимъ мы отъ себя, которое-бы металось въ глаза и било въ каждой мысли, въ каждомъ почти стихѣ пародіи — иначе-же пародія для насъ не мыслима; а для того чтобы сохранить эту игру, эту искристость остроумія, необходимо чтобы пародія была мала и сжата, а не расплывалась-бы на три акта, десять видовъ, и множество выходовъ до того, что остроумная *пародіальная* мысль, лежащая въ основѣ произведенія, тонетъ въ наплывѣ звучныхъ стиховъ. А вотъ, кстати, за стихъ нельзя не отдать справедливости автору: онъ отличается звучностью и въ довольно многихъ мѣстахъ поэтической силой; подобные стихи, какъ напримѣръ, «пѣсня Кіевлянъ»:

Надъ рѣкою
 Надъ родною
 Да надъ быстрою,
 Я заботой
 Да работой
 Хату выстрою.

встрѣчаются въ пародіи весьма и весьма часто — по... вѣдь

самъ же авторъ въ предисловіи своемъ и на этотъ счетъ оговорился, что онъ пишетъ пародію вообще на звучность стиховъ, пными принимаемую и теперь за поэзію, хотя подъ часъ пародія его и переливается въ чисто лирической порывъ, какъ напримѣръ: въ пѣсни Дулёба, которую онъ поетъ красавицѣ, греческой царевнѣ:

«Я родился въ Дулёбин холмистой.
 Мой отчій домъ — на берегу рѣки...
 О, сколько разъ, дитя, надъ влагой чистой,
 Я плелъ, склоняся, зеленые вѣнки
 И пѣсни пѣлъ!... Грудь вздохи волновали,
 А на поляхъ шумѣлъ нежатый хлѣбъ...
 Мои мечты, скажи, ты поняла-ли?

.....

И вотъ, слышавъ тайные призывы,
 Я гусли взялъ, настроилъ и запѣлъ.
 Шумѣла пѣснь, какъ волны спѣлой нивы;
 Какъ въ небесахъ, въ ней тихій огонь горѣлъ.
 И шли ко мнѣ и долго мнѣ внимали...

.....
 Мои мечты, скажи, ты поняла-ли?...

Вотъ все, что мы почли долгомъ сказать о пародіи К. С. Аксакова, и объ отношеніяхъ къ ней господина Любителя, который не замедлилъ выпустить въ свѣтъ и вторую книгу своего издѣлія — произведение нѣкоего «автора не желающаго объявлять своего имени»; а имя его произведенію: «Раскрытый портфель», а въ этомъ «Раскрытомъ портфелѣ» г. «авторъ нежелающій объявлять своего имени» даетъ своему критику слѣдующее лестное позволеніе, за которое мы остаемся ему весьма благодарны:

Любезный критикъ мой! Я умеръ!
 Но не одинъ оставилъ томъ! —
 Къ Войскову въ безумный домъ,
 Пожалуй, ставъ меня подъ номеръ.

Вотъ, подобная искренняя откровенность весьма похвальна и въ тоже время весьма оригинальна; г. «не желающій объявлять своего имени», передавая намъ полное право под-

вести его подъ разрядъ нумеровъ сумасшедшаго дома, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на его произведенія. Впрочемъ не думайте, господа, чтобы г. «нежелающій объявлять своего имени» и въ самомъ дѣлѣ умеръ — это онъ только такъ пошутить; онъ еще живъ и единственно по своему крайнему убѣжденію относить себя къ числу *мертвыхъ*, что также весьма похвально, какъ искреннее сознаніе своей *мертвенности*, чѣмъ могутъ похвалиться немногіе наши старички-генералы (мы предполагаемъ, что г. «не желающій объявлять своего имени» въ настоящее время вѣроятно носитъ достопочтенный санъ *генерала*, потому что еще въ 1826 году, какъ явствуетъ изъ его застольныхъ стиховъ, находясь на службѣ Царю и Отечеству, состоялъ въ рангѣ майора и преслѣдовалъ контрабандистовъ и разнаго рода *подозрительныхъ людей*). Насъ поддерживаетъ въ только что высказанномъ предположеніи еще и то обстоятельство, что г. «не желающій объявлять своего имени» высказываетъ иногда мысли превосходительнаго свойства, вотъ хоть въ родѣ этой: «я смотрю на пзящное, какъ на пріятное. Талантъ доставляетъ удовольствіе, слѣдовательно: *онъ долженъ находится въ томъ словѣ общества, которому прилично забавлять другихъ*. Аристократъ (и *генералъ*, прибавимъ мы отъ себя въ скобкахъ) *долженъ* только понимать и одобрять.»

А вотъ, не угодно-ли полюбоваться на обращикъ другого рода, но тоже не менѣе достопримѣчательный; не желающій объявлять своего имени опубликовываетъ свой взглядъ на крестьянское сословіе:

Не меньше-ль въ дикой простотѣ (1)
 Порывовъ видимъ благородныхъ?
 Природа въ первой наготѣ (2),
 Столь много нами расхваленной,
 Природы хуже просвѣщенной (3),
 Гдѣ добродѣтель, честь семей,

(1) Т. е. въ крестьянскомъ быту.

(2) Т. е. крестьянское сословіе.

(3) Т. е. генеральской, дворянской, чиновничьей и офицерской.

Гдѣ благородствуеѣтъ людей
Всегда къ *высокому* стремленію *).

Первая мысль г. не желающаго и т. д. почеринута нами изъ его утомительной до *non plus ultra*, сухой, дидактической «трилогіи: часы съ флейтой», гдѣ, между прочимъ, г. «не желающій» высказываетъ претензію и на юморъ такого сорта:

Старикъ.

«А что, мамаша, ежелибы теперь кто подсмотрѣлъ, какъ старикки цѣлуются? какъ ты думаешь? это привело-бы ихъ въ умиленіе, или стали-бы смѣяться?»

Старуха.

Конечно, привело-бы въ умиленіе, когда ужъ мы чуть-что и золотой свадьбы не отпраздновали, а все еще любимся какъ молодые.

Вторая-же мысль о крестьянскомъ сословіи замѣтована нами изъ «Нимфодоры, простонародной русской повѣсти въ стихахъ,» въ которой *русскаго* только и есть что русскія буквы, изъ которыхъ составлены русскія слова, изъ словъ-же русскіе блѣдно-водянистые стихи, — а на простонародное, какъ ужъ мы не допскивались, даже и намека не нашли. Повѣсть эта между прочимъ достопримѣчательна еще и потому, что въ ней, не говоря уже о такихъ великолѣпныхъ римахъ, какъ *бытія и огня, клубокъ и шёлкъ, дня и дитя, дни и любви* — римомъ вполне достойныхъ блаженной памяти Милетія Смотрицкаго и Леонтія Магницкаго встрѣчаются еще и цѣлые стихи такого свойства:

«Кружальцемъ черные волосы,
Высокій станъ, густыя брови,
Едва пробившіесь усы,
Игра и жаръ ламитной крови
И, полны жизни и красы,
Глаза какъ ночь...

Но Боже мой! и это еще ничего, а лучше посмотрите, что за великолѣпная логика блещетъ вотъ въ этихъ ниже-слѣдующихъ стихахъ, которые также претолнены претензіи на юморъ:

*) Т. е. подобострастное стремленіе младшаго чина къ старшему чину, взятки меньшаго объема къ взяткѣ большаго объема, и. т. д.

Небесный! грѣшниковъ помилуй! —
 На лавкѣ Климъ перевалилъ
 Носъ на-бокъ и въ земную силу (???)
 На полднѣ зорю затрубить (!!).

Давнымъ давно не приводилось намъ читать подобныхъ мплыхъ строкъ, которыя какъ-то невольно напоминаютъ Энхпридионъ любознательный, надворнаго совѣтника и кавалера г. Анаевского и его *баснь*:

Въ вертепъ *разбойничій*
 Одинъ изъ *силачей*
 Орангутангъ въ *шерсти*
 Началъ *разбойника трести*, и т. д.

Что-же касается до произведенія г. «не желающаго объявлять своего имени»: «Отрывки изъ драматической *фантазіи-эраляжа*: приключенія знаменитаго артиста, или недоконченный бенефисъ одного изъ первыхъ любимцевъ русской публички»; то мы рѣшительно потеряли голову читая его... Это писаніе, какъ объясняетъ г. не желающій и т. д. есть *фантазія эраляжъ въ шести дѣйствіяхъ съ прологомъ*: — *Сокъ и явь, смѣсь обыденной жизни, волшебства, мелодрамы, водевиля, оперы, фарса, идилии, комедіи, концерта, балета, пляски, декламации, стиховъ и прозы съ таинственнымъ окончаніемъ пѣсы, возрожденіемъ икхтисавра*. И кромѣ всей этой путаницы, прилагаетъ еще какое-то ученое изысканіе объ *икхтисаврѣ* и *бовани* съ ссылками на г. Хотинскаго.

Мы отказываемся передать что-либо читателямъ изъ этого послѣдняго произведенія г. «не желающаго объявлять своего имени»; потому что рѣшительно не знаемъ — на чемъ остановиться для этой цѣли и что именно выбрать? Но изъ него-то уже окончательно убѣждаемся, что господниъ Любитель намѣренъ издавать въ свѣтъ такъ называемую (извините за выраженіе) *литературную ерунду*, для которой г. «не желающій объявлять своего имени» будетъ поставлять богатые матеріалы еще на нѣсколько томовъ, какъ говорится въ предисловіи Любителя. — Если это такъ, то со стороны г. Любителя было крайне недобросовѣстно для начала поглумиться подобнымъ образомъ надъ почтеннымъ именемъ Колстаптна Сергѣевича Аксакова.

Василій Григорьевичъ Туманскій (*біографическій очеркъ.*) *Чертиговъ 1858 г., in 12, стр. 48.*

Неизвѣстный авторъ этого біографическаго очерка передаетъ на основаніи старательно и добросовѣстно собранныхъ имъ данныхъ — біографію рода Туманскихъ — нельзя не поблагодарить его какъ за біографическія свѣдѣнія, имъ сообщенныя, такъ и за тѣ нѣсколько стихотвореній Туманскихъ, которыя онъ собралъ въ своей книжкѣ. Жаль только, что авторъ не просмотрѣлъ или не имѣлъ возможности просмотрѣть другія изданія различныхъ альманаховъ, по которымъ разбросаны стихотворенія В. Туманскаго. Мы, имѣя подъ рукой эти изданія не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться съ публикою нѣсколькими изъ его пьесъ, теперь уже позабытыми, но тѣмъ не менѣе прекрасными и поэтическими:

Мысль о югѣ.

Я взлетѣянь югомъ, югомъ,
Яснымъ небомъ избалованъ;
Къ югу, югу вѣрной душой,
Словно цѣпью я прикованъ.

Посмотри: тамъ волны моря
Бьются, плещутъ голубыя,
Всѣ осыпанныя блескомъ,
Какъ надежды молодыя!

Посмотри: тамъ пирамида —
Тополь въ виноградныхъ лозахъ;
Вкругъ фонтана вьются розы
И балконъ алѣетъ въ розахъ!

Посмотри: тамъ черны очи,
Черны очи съ долгимъ взоромъ,
Съ огнедышущей любовью,
Съ огнедышущимъ укоромъ!

Тамъ гармонія, сіянье,
Благовонье, наслажденье:
Сѣверъ гордый! сѣверъ гордый!
Что-жь ты дань мнѣ въ утѣшене!... *)

*) «Сѣверные цвѣты». Сиб. 1831 годъ. Поэзія, стр. 5.

Вся лучшая, свѣжая, здоровая сторона пушкинской школы и пушкинскаго вліянія отразилась на Туманскомъ, котораго и самое имя сохранилось теперь въ памяти у весьма немногихъ. — А между тѣмъ посмотрите: какой широкій размахъ, какое стройное движеніе, какой свободный лирическій порывъ разомъ и плавно вылились такою полною, живучею струею въ только что приведенномъ нами стихотвореніи! Какая смѣлость, и даже оригинальность, относительно того времени, отразились на самой формѣ стихотворенія, на этой гармоніи звучнаго, пѣвучаго стиха, на этомъ размѣрѣ, которымъ въ то время у насъ никто не писалъ и который тогда звучалъ во всей своей красотѣ только у Гейне въ его пѣсняхъ, а на нашу почву былъ вполне перенесенъ, только Фетомъ, однако уже гораздо позже — однимъ словомъ на всемъ этомъ стихотвореніи легла особенная, оригинальная для того времени поэтическая печать. И все-таки, не смотря на это было оно почти всеѣмъ позабыто; но мы благодаримъ случай, который намъ далъ возможность снова воскресить его передъ читателями вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, неменѣе поэтическими и прекрасными стихами. Вотъ, на примѣръ, одинъ переводъ не изданныхъ стиховъ А. Шенье — вещь мастерски переведенная, и неменѣе замѣчательная по красотѣ стиха: *)

«У стѣнъ Венеціи, владычицы зыбей,
 Безпечный гондольеръ въ мерцаніи ночей
 Скользитъ вдоль береговъ безъ шума и безъ слѣда,
 Поетъ Эрминію, Ринальда и Танкреда.
 Онъ любитъ свой напѣвъ, безъ платы онъ поетъ,
 Безъ гордыхъ умысловъ, безъ страха, безъ заботъ;
 Поетъ — и сладостно объятый вдохновеньемъ
 Свой путь на безднѣ водъ увеселяетъ пѣньемъ.
 Какъ онъ — безъ отзыва пою въ странѣ чужой!
 И звуки тайные, придуманные мной,
 На морѣ жизненномъ мой жребій улаживаютъ,
 Гдѣ столько бурныхъ волнъ ладью мою вращаютъ.»
 Одесса. 1826.

Эти два стихотворенія напечатаны въ альманахѣ на 1831 годъ «Сѣверныя цвѣты,» который издавался тогда барономъ

*) «Сѣверные цвѣты». 1831. Поэзія, стр. 25.

Дельвигомъ; отсюда-же заимствуемъ мы и три нижеслѣдующія пьески, изъ которыхъ первая, «Романсъ» (на голосъ вальса Бетговена) написана В. Туманскимъ въ Адрианополѣ въ 1829 году:

«Когда все пируетъ и блещетъ вокругъ *),
 «Зачѣмъ ты такъ мраченъ, пустынный нашъ другъ?
 «Что вспомнилъ, надумалъ? что душу грызетъ?
 «Пей съ нами: печаль вино унесетъ!»

— Вино не уноситъ властительныхъ думъ:
 Ихъ крылья тяжелы, соборъ ихъ угрюмъ!
 Весельемъ дышать, о, друзья! вамъ легко —
 Веселье-жъ мое далеко, далеко.

За призракомъ милымъ я сердцемъ ношусь,
 Я страсть сгараю, разлукой томлюсь;
 И въ грусти безумной мнѣ счастье одно:
 Все вѣрить тому, чего нѣтъ ужъ давно!

— Играйте и пойте, пвуйте, друзья:
 По-своему счастливы, хоть сумраченъ я!
 Когда-жъ съ упованьемъ разстанусь моимъ,
 Скажите: духъ смерти витаетъ надъ нимъ!»

Нельзя не вѣровать въ искренность этого душевнаго сто-на поэта, въ этотъ *угрюмый соборъ его властительныхъ думъ*, какъ говоритъ онъ, потому что высказано-то все это такъ просто безъ афектаціи, даже *безъ рутиннаго въ то время байронизма*, вы чувствуете какъ уносить поэтъ за собой и ваше собственное чувство и невольно, повторяю, вѣруете въ ту глубокую искренность, съ которою высказана эта простая, но психически-вѣрная и глубоко-горькая мысль:

И въ грусти безумной мнѣ счастье одно:
 Все вѣрить тому, чего нѣтъ ужъ давно!

То, что у другого быть можетъ вышло-бы не болѣе какъ пустой и громкой фразой—вы чувствуете, что у Туманскаго вышло само-собою, ясно и просто изъ глубины его поэти-

*) «Сѣверные цвѣты» 1831, стр. 34.

ческой души—а это-то и есть самое лучшее и несомнѣннѣйшее доказательство живаго таланта и поэтической натуры.

Судьба *).

Со дня созданія подъять надъ смертнымъ родомъ
Незримый, вѣчный мечъ Судьбы:
Его не избѣжишь обдуманнмъ уходомъ,
Его не искусятъ чистѣйшихъ устъ мольбы!
Онъ слѣпо падаетъ, вращаемъ въ длани твердой,
На слабый цвѣтъ, на идолъ гордый,
Разить безъ выбора земныхъ племень толпы!

А человекъ — игра живая
Коварныхъ сновъ, надеждъ, суетъ —
Въ мечтахъ торжественныхъ до неба досягая,
Не помнить грозныхъ, близкихъ бѣдъ.
Какъ бурный вихрь онъ нагрянуть,
Его блаженство разметуть,
И никогда потомъ отрады не заглянуть
Въ его развѣчанный пріютъ.
1830.

Приводимъ еще одно прекрасное, но къ сожалѣнію уже послѣднее, стихотвореніе изъ отысканныхъ нами — оно своими поэтическими достоинствами говоритъ само за себя передъ читателемъ:

Идеаль **).

Въ тѣ дни, когда душа молодая,
Въ мечтахъ, какъ въ раѣ утоная.
Свой рай стремится воплотить
И жаждетъ вѣрить и любить;
Когда, блуждая безъ участя
Среди мірскаго торжества,
Мы ждемъ отъ неба тайны счастья.
Ждемъ откровенья божества: --
Порою въ свѣтлое мгновенье,
Какъ тѣнь проходитъ мимо насъ
Неизъяснимое видѣнье. —

*) «Сѣверные цвѣты». 1831. Повея, стр. 72.

***) «Сѣверные цвѣты», стр. 99.

Краса живая лишь на часъ
 Мелькнетъ и скроется изъ глазъ...
 Невинный образъ, прелесть, нѣжность,
 Движеній стройную небрежность
И гордость чувствъ, и святость думъ, —
Всѣ блага придаетъ намъ умъ
Сему творенью безъ названья,
 Безъ признаковъ, безъ упованья,
 Чьей родины намъ не узнать,
Съ кѣмъ намъ не жить, не ликовать?...

Вотще потомъ къ отрадамъ свѣта
 Мы будемъ днп свои стремить,
 Любви воздушнаго предмета
 Намъ не разсѣять, не забыть!
 Дыша надеждой благъ чудесныхъ.
 Вотще мы будемъ каждый мигъ
 Искать тѣхъ очерковъ прелестныхъ:
 Въ красѣ условной жемъ земныхъ —
 Имъ не дано обвороженье,
 Имъ тайна неба не дана,
 И намъ о япломъ привиденьѣ
 Не напоянетъ ни одна!

Изъ этихъ трехъ-четырехъ стихотвореній мы можемъ ясно видѣть какова поэтическая физиогномія Туманскаго, который теперь уже больше не пишетъ, а живетъ, какъ общается авторъ упомянутой нами брошюры, въ Полтавской губерніи въ деревнѣ Апанасовкѣ, и занятъ агрономіею и серьезнымъ чтеніемъ.» Авторъ брошюры по истинѣ стоитъ благодарности за то, что онъ напомнилъ о полузабытомъ Туманскомъ, котораго стихотворенія даже не были изданы въ полномъ составѣ, отдѣльною книжкою, тогда какъ по красотѣ своей они такъ и просятся въ отдѣльный, по возможности полный сборникъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

МАЛОРУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ. Издавъ Д. Мордовцевъ. Саратовъ. 1859.

Въ нынѣшнемъ году въ модѣ сборники, такимъ образомъ почти въ одно и тоже время явились четыре сборника, напечатанныхъ въ разныхъ концахъ Россіи. Утро—въ Москвѣ, Весна — въ Петербургѣ, Новороссійскій сборникъ — въ Одессѣ и Малорусскій — въ Саратовѣ.

Наружный видъ книги отвратительный, бумага сѣрая, прозрачная, а печать еще хуже.

Но по ея наружному виду нельзя еще судить о достоинствахъ книги, которую смѣло можно рекомендовать Малороссіянамъ.

Изъ пяти помѣщенныхъ въ ней статей — двѣ принадлежатъ Н. И. Костомарову, автору Богдана Хмельницкаго и бунта Стеньки Разина, а остальные три Д. Л. Мордовцеву.

Народные пѣсни, собранные въ западной части Волынской губерніи въ 1844 году Костомаровымъ, дополняютъ пробѣлы къ прежде изданнымъ сборникамъ Метлинскаго, Максимовича, Кулиша и Галагана.

Пѣсни эти снабжены хорошо составленными примѣчавіями. Изъ 202 пѣсенъ, историческихъ находится всего 11, остальные принадлежатъ быту казацкому, чумацкому, пѣсни рекрутскія, сиротскія, семейныя, о событіяхъ частной жизни, легенды, и образцы обрядныхъ пѣсенъ.

Колядка, веснянка, купальныя и при оборинкахъ.

Историческія пѣсни о Свѣрговскомъ, Салѣгѣ, битвѣ подъ Берестечкомъ, Почаевымъ, о Хорькѣ, Морозенко, Совѣ Чаломъ....

Выписываемъ одинъ отрывокъ о Хмельницкомъ, единственный изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, гдѣ имя Хмельницкаго, прославляемое въ пѣсняхъ украинскихъ, явилось подъ народнымъ проклятіемъ.

Ой Хмеле-Хмельниченьку!
Учинивъ еси ясу
И межъ нами великую трусу!

Бо дай тебе, Хмельниченьку, перва пуля не минула,
Що велівъ орді брати, дівки й молодиці!
Парубки йдуть гукаючи, а дівчата співаючи,
А молоді молодиці старого Хмеля проклинають:
Бо дай тебе, Хмельниченько, перва пуля не минула!

Изъ стихотвореній Костомарова, помѣщены здѣсь: Братъ зъ Сестрою (1848), Ластівка (1849), Зірка (1849) и погибель Ерусалима (1852).

Изъ статей Мордовцева помѣщены:

Казакъ и Море, стихотворные отрывки изъ исторіи морскихъ походовъ запорожскаго казачества въ началѣ XVII вѣка, которые слишкомъ растянуты.

Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, повѣсть Гоголя, переложенная на малорусское нарѣчіе.

Причина перевода разсказовъ Гоголя на малороссійскій языкъ, у Мордовцева, была та, что по его мнѣнію у Гоголя «не достаетъ лишь одного, чтобъ говорилъ онъ такъ, какъ слѣдуетъ пасичнику—на своемъ родномъ языкѣ; тогда и народность имъ изображаемая выразилась-бы вполне, потому что языкъ — не послѣднее въ дѣлѣ народности.»

Въ концѣ книжки приложены четыре сказки (Охъ, Коза-Дерева, Казка про Ивашечка и про вѣдму и Казка про королеву Катерину), гдѣ читаемъ: — малорусскихъ сказокъ, записанныхъ съ устъ народа, у насъ еще не издавали. Напротивъ издавали, такимъ образомъ смотри Записки о южной Руси изд. П. Кулишъ. Т. II. Сказки и сказочники, — въ Чер. губ. вѣд., гдѣ тоже помѣщено нѣсколько сказокъ, — наконецъ въ Сборникѣ Аванасьева.

Мова зъ Украйны. *Сборникъ сочиненій на южно-рускомъ языкѣ. Подилъ першый. Зложенія С. М. Родины. Кіевъ. 1858.*

Малороссійская литература не нуждается въ подобныхъ брошюрахъ, предурно изданныхъ, заключающихъ на 53 страницахъ, 24 стихотворенія, и все это за 50 к. с. Литература, воспроизведенная Шевченко, не много потеряла-бы, если и не печатали-бъ стихотворенія подобно приводимому, на удачу взятому въ этомъ Сборникѣ.

Отд. II.

1/2 6

Тоди, якъ ты живешъ въ покои
 И кругъ тебе симъя счаслива
 Увите, корыстію багатіе, —
 И тихо скривъ, и судъ по правди
 Обороняе одъ напасты,
 Тоди якъ зъ стороны въ другую
 Везуть, чымъ Богъ и трудъ людскій
 Народъ въ симъ свити наділяють, —
 Й не гнунуть у голодній смерты, —
 Й порядокъ скривъ и умъ, — мовъ птыця
 Своими крылами дитокъ, —
 Одъ бидъ, одъ зла насъ укрывають:
 Подумай: одъ кого се все?
 Подумай: хто, за твій покій,
 Що — день несе труды вельки;
 Й отецъ усимъ, у Бога просыть
 Одинъ, за всихъ насъ, благодаты?...

Повісти Григорія Квітки (*Основьяненка*). 2 т. Издавъ
 П. А. Кулишъ. Спб. 1858.

Сочиненія Основьяненка, нѣсколько разъ изданныя при
 его жизни, изданы вновь Кулишемъ, который въ двухъ то-
 махъ напечаталъ одни его малороссійскія повѣсти.

Въ первомъ томѣ помѣщены: Маруся, Салдацькій пар-
 трѣтъ, Сердѣшна Оксана, Мертвецкій великъ-день. Во вто-
 ромъ: Дѣбре роби, дѣбре й буде.

Конѣтопська вѣдма, Отъ тобі й скарбъ, Козирь-дівка,
 Перекотипѣле, Пархімове сніданне.

Всѣ эти повѣсти читались неоднократно, всякимъ зани-
 мающимся малороссійскою словесностію. Замѣтимъ, что если
 издатель имѣлъ въ виду, новымъ изданіемъ Основьяненка,
 распространить его въ читающей малороссійской публикѣ,
 то слѣдовало назначить цѣну немного умѣреннѣе *).

При повѣстяхъ Квітки прилагается бесплатно брошюрка
 издателя: Григорій Квітка (Основьяненко) и его повісті.
 Слово на новий виходъ квітчинихъ повістей,—гдѣ помѣщенъ
 біографическій очеркъ Квітки и разборъ нѣкоторыхъ его
 повѣстей.

*) Цѣна за 2' небольшихъ тома 2 р. 50 к.

Выпишемъ отзывъ Кулиша о южно-русской литературѣ, до появленія Основьяненка.

«Не процвітала вона й тогда, якъ боролись ми зъ Польшою и розлилась козацька слава по всій Україні ні за Мазепи, ні за Разумовскаго, бо не прийшовъ ище часъ людямъ одъ сна возставати.»

Говоря о достоинствѣ малороссійскихъ повѣстей Квитки, онъ отзывается дурно о его русскихъ повѣстяхъ:

.... «явився Квітка зъ своїми народними оповіданнями изъ глибини, котора вже и его була поняла, и ставъ висбкимъ поэтомъ свогб ріднаго миру, будши малимъ писателемъ мноязичной словесности.»

УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ Марка Вовчка. Переводъ И. С. *Тургенева*. Спб. 1859.

Выписываемъ слова переводчика въ предисловіи: «Малороссійская читающая публика давно уже познакомилась съ «Народными разсказами» Марка Вовчка, имя его стало дорогимъ для всѣхъ его соотечественниковъ. Чувствовалась потребность сдѣлать его такимъ-же и для великорусской публики, которая не могла быть вполне довольна появившимися переводами, носившими слишкомъ ясный отпечатокъ малороссійской рѣчи».

«Взявшись удовлетворить этой потребности, пишущій эти строки поставилъ себѣ задачей — соблюсти въ своемъ переводѣ чистоту и правильность роднаго языка и въ то-же время сохранить, по возможности, ту особую наввную прелесть и поэтическую грацію, которою исполнены «Народные разсказы».

Эти слова достаточны, чтобы познакомить читателя съ Марко Вовчкомъ, имя переводчика слишкомъ извѣстно русской читающей публикѣ, чтобы ручаться за успѣхъ новой книги.

Богданъ Хмельницкій. Сочиненіе *Николая Костомарова*. Спб. 1859. 2 тома.

Бунтъ Стеньки Разина. Сочиненіе *Николая Костомарова*. Спб. 1859 г. 1 т.

Богданъ Хмельницкій и Бунтъ Стеньки Разина, — два ка-

питательныхъ изслѣдованія Костомарова, были сперва напечатаны въ Отечественныхъ запискахъ (1857, 1858 г.), теперь въ недавнее время они вышли отдѣльными книгами. Мы не будемъ входить въ библиографическій разборъ означенныхъ сочиненій, неумѣстный въ нашемъ перечнѣ, но скажемъ, что давно уже мы не читали подобныхъ историческихъ монографій. Самая яркая эпоха, самое отрадное время изъ всей исторіи Малороссіи, не имѣло до-сихъ-поръ описанія. Трудомъ Костомарова — этотъ пробѣлъ пополненъ.

Прибавимъ, что Костомаровъ пользовался источниками, которыхъ не имѣли предшествовавшіе писатели Малороссіи.

Хотя-бы казалось по заглавію своему — Богданъ Хмельницкій составляетъ предметъ односторонній, но онъ сумѣлъ придать своему сочиненію интересъ общій, и всѣ его читаютъ съ одинакимъ удовольствіемъ. Для малороссійской-же исторіографіи Богданъ Хмельницкій составляетъ эпоху.

Бунтъ Стеньки Разина, предметъ совершенно новый въ нашей исторіи, потому что это всего второе сочиненіе послѣ появившагося въ Москвѣ Исторіи возмущенія Стеньки Разина Попова (оттискъ изъ Русской Бѣсъды).

СОБРАНІЕ ВАЖНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА. Спб. 1859. Состав. *И. Лазаревскимъ* и *Як. Утинымъ*.

Предлагаемое изданіе студентовъ Лазаревского и Утина, весьма дѣльное пріобрѣтеніе для занимающихся русскимъ правомъ, особенно-же для студентовъ юридическаго факультета, которымъ нужно чтеніе памятниковъ.

Потребности этой сперва было трудно удовлетворить бѣдному студенту, потому что памятники эти разбросаны въ различныхъ изданіяхъ, часто дорогихъ. Книга эта, состоя изъ 428 стр. — продается по 80 к., — дешевизна, къ которой мы еще не привыкли въ Россіи.

Въ Сборникѣ собраны важнѣйшіе памятники законодательства отъ договора Олега до уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Въ изданіи въ этомъ порядокъ хронологическій соединенъ съ порядкомъ систематическимъ, сначала изложены — 1) па-

мятники внѣшнихъ сношеній Россіи, 2) — внутренняго законодательства по дѣламъ мірскимъ — церковнымъ.

Договоръ Новгорода къ Готландомъ и нѣмецкими городами не помѣщенъ, потому что недавно изданъ Андреевскимъ (1855).

Изданіе снабжено прекрасно составленными библиографическими примѣчаніями.

Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ. Изд. третье, исправленное. 2 т. Спб. 1859 *И. Устрялова*.

Новое третье изданіе отячается отъ прежняго тѣмъ, что оно состоитъ изъ 2-хъ томовъ (вмѣсто прежнихъ 5) и гораздо лучше издано напечатанныхъ, и дешевле прежняго.

Въ немъ помѣщены переводы Устрялова лѣтиписей Мартина Бера, Паерле, Маржерета, Де-Ту, Маскѣвича, Дневники: Марины Мнишекъ и польскихъ пословъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, СОБИРАЕМЫЕ СЕРГѢЕМЪ ПОЛТОРАЦКИМЪ. Т. I, тетр. I Русскіе переводчики Вольтера (1790 — 1855): — *Нелединскій-Мелецкій, Пушкинъ, Сумароковъ, Хованскій*. М. 1858.

Означенной брошюры не находится въ продажѣ, мы ее видѣли въ публичной библиотекѣ, и сообщаемъ о ней для любителей библиографіи. Г. Полторацкій въ своей брошюрѣ говоритъ о переводѣ мадригала Вольтера «Сновидѣнія», сдѣланномъ Сумароковымъ, Хованскимъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ и Пушкинымъ.

Переводъ Нелединскаго-Мелецкаго не былъ до-сихъ-поръ изданъ, и въ статьѣ г. Полторацкаго онъ является впервые въ печати. Выписываемъ его:

Не рѣдко правды видъ самой
 Бываетъ смѣшанъ съ грубою лжею.
 Предавшись въ прошлу ночь Морфею,
 На тронъ я былъ взведенъ мечтой.
 Любилъ тебя тогда и смѣло въ томъ открылся:
 Проснувшись, я не все зрѣлъ отнято судьбой...
 Престола только я лишился.

Упомянувъ о четырехъ переводчикахъ *одного* стихотворенія Вольтера, г. Полторацкій замѣчаетъ, что ихъ было до 140, одна Генріада была переведена вполнѣ три раза. Княжнинымъ (1777), кн. Голицынымъ (1790) и Сиряковымъ (1803 и 1822), не считая переводныхъ отрывковъ этой поэмы.

Далѣе, авторъ говоритъ: — Библіографія всѣхъ русскихъ переводовъ изъ Вольтера, оставшаяся до-сихъ-поръ безъ изслѣдованій и безъ надлежащаго вниманія, представляетъ много любопытнаго для исторіи русской литературы.

СОБРАНІЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ *Н. И. Пирогова*, съ пор. авт. Одесса 1859.

Въ концѣ 1858 г. въ Одессѣ издана была брошюра Пирогова, въ которой перепечатаны статьи, помѣщенныя сперва въ «Морскомъ Сборникѣ», надѣлавшія столько шума при появленіи своемъ и даже цѣлую полемику.

Статьи, помѣщенныя въ брошюрѣ, суть:

Вопросы жизни.

Новоселье Лицея.

Одесская Талмудъ-Тора.

Быть и Казаться.

Нужно-ли сѣчь дѣтей и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей? —

Сочиненія *И. А. Крылова* съ биографіей его, написанною *П. А. Плетневымъ*. Три тома. Спб. 1859.

Удовлетворяя желанію публики, говорятъ издатели, мы напечатали во второй разъ «Полное собраніе сочиненій *И. А. Крылова*», съ дополненною его биографіею, помѣстивъ и басню «Конь», приписываемую Ивану Андреевичу. Но чтобы полезное изданіе сочиненій народнаго русскаго поэта сдѣлать общедоступнымъ, мы предлагаемъ его публикѣ въ видѣ дешеваго изданія, сохранивъ форматъ классиковъ (прежде они стоили 6 р. теперь 3).

Для легкаго чтенія. Т. IX. Спб. 1859. Изд. *Давыдова*.

Какъ и въ прежде изданныхъ томахъ, Для легкаго чтенія, такъ и во вновь вышедшемъ IX томѣ, находятся пере-

печатанныя изъ журналовъ сочиненія современныхъ писателей, только та разница, что выборъ не совсѣмъ удачный, кромѣ повѣсти Писемскаго — Фонфаронъ, Колбасина — Два зайца, Майкова — Пикникъ во Флоренціи, стихотвореній Михайлова — Бесѣды журналиста съ подписчикомъ, — не знаемъ уже зачѣмъ перепечатанъ прескучный романъ Тернистый путь (А. Марченко), который занимаетъ почти половину книги.

РУССКІЕ САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ 1769 — 1774 ГОДОВЪ.
Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка.
Сочиненіе А. Аванасьева. М. 1859.

Предметъ, разбираемый Аванасьевымъ, совершенно новый въ нашей литературѣ, и его добросовѣстному труду мы обрадовались, какъ предмету до-сихъ-поръ неизслѣдованному. Сочиненіе состоитъ изъ четырехъ главъ, въ первой — говоря о направленіи сатирическихъ журналовъ (1769—1774), г. Аванасьевъ даетъ новыя біографическія свѣдѣнія о ихъ издателяхъ, въ остальныхъ главахъ, онъ разбираетъ всѣ предметы, на которыхъ нападала тогдашняя Сатира. — Сатиру (1769 — 1774 годовъ) занимало все, начиная отъ картинъ нравовъ, быта людей стариннаго покроя — ханжи, невѣжды, — воспитаніе, французское вліяніе на общество, путешествіе за границу, роскошь, волокитство, мотовство, взятки, приказные, ябеда, безчестіе, гуманныя идеи, и положеніе писателя въ обществѣ.

Выводы свои г. Аванасьевъ подтверждаетъ весьма удачными тирадами изъ тогдашнихъ сатирическихъ журналовъ, которые занимаютъ половину сочиненія.

Говоря о положеніи писателя въ обществѣ, приводимъ выписку Аванасьева изъ «Живописца».

«Нѣкоторые (по свидѣтельству «Вечеровъ») думали, что дворянину стыдно присвоивать себѣ имя писателя.

«Не стыдятся того вѣнчанныя главы, ни важныя министры, о пользѣ государствъ пекущіеся, а наши дворяне симъ титуломъ гнушаются, стыдно быть не писателемъ, но дурнымъ, разсѣвающимъ сѣмена пороковъ, осмѣивающимъ правду, честь и добродѣтели. Дарованія людямъ природою

напрасно не даются, и не даромъ это сказано: — скрываяй талантъ да будетъ проклятъ!» (Живописецъ, ч. 1. стр. 7).

Въ прошломъ году Аонасьевъ перепечаталъ три сатирическихъ журнала. Поденьшина В. Тузова (1769), Пустомяя (1770) и Кошелекъ (1774) Н. И. Новикова.

Будемъ ожидать, что въ нынѣшнемъ онъ издастъ «Живописца» Новикова, самаго интереснаго сатирическаго журнала, имѣвшаго въ то время пять изданій, — за который библиографы будутъ ему весьма благодарны.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій (Баронъ Брамбеусъ), біографическія записки его жены. Спб. 1858.

«Его не стало! Того, кто былъ славой, гордостью, счастьемъ всей моей жизни — уже нѣтъ! Его глаза закрылись и прекрасная душа улетѣла въ вѣчную отчизну, гдѣ ожидаетъ моей души, оставивъ мнѣ на землѣ только одно утѣшеніе, одну надежду свидѣться, соединиться тамъ. Знаю, что не я одна оплакиваю его, не только сожалѣніе тѣхъ, кто былъ привязанъ къ нему узами родства, дружбы, знакомства болѣе или менѣе короткаго, провожаютъ его въ могилу: имя его гремитъ далеко и, я знаю, вся Россія соединится со мною, чтобы оплакать его и вознести къ Богу теплыя молитвы о его вѣчномъ успокоеніи».

Первая фраза напоминаетъ начало надгробной рѣчи, вторая же разговоръ Надимова съ графиней (Чиновникъ — ком. гр. Сологуба), гдѣ тоже — вся Россія и т. д.

Такъ начинается біографія Сенковскаго.

Намъ нравится самоувѣренность автора, который говорить, что вся Россія оплакиваетъ смерть Сенковскаго, который дѣйствительно былъ человекъ замѣчательнаго ума, но который не оставилъ по себѣ ничего такого, чтобы оплакивала его Россія.

Изъ этого очерка, мы узнаемъ, что Сенковскій былъ два раза женатъ, любилъ свою вторую жену, и изъ дому на Набережной переѣхалъ на Васильевскій о-въ, а оттуда въ Почтамскую, въ маленькій домикъ, неудобство этой квартиры заставило его переѣхать вторично на Васильевскій о-въ, откуда онъ переѣзжаетъ на новую квартиру, и здѣсь

уже въ послѣдній разъ пріобрѣтаетъ себѣ домъ, въ которомъ поселяется и умираетъ.

Кромѣ этихъ любопытныхъ свѣдѣній, мы узнаемъ, что онъ былъ профессоромъ въ Сиб. Университетѣ, лѣтомъ жилъ въ Парговѣ, Петровскомъ паркѣ, Павловскѣ, перевелъ Хаджи-Бабы, написалъ въ повосельи «Большой выходъ Сатаны», издавалъ Библіотеку для Чтенія, давалъ иногда вечера, построилъ клавиоркестръ, и передъ смертію написалъ нѣсколько фельетоновъ въ Сынѣ Отечества, да послѣ какихъ-то дѣлъ съ Плюшаромъ по поводу Энциклопедическаго Лексикона, снова сошелся съ нимъ и собрался издавать новый журналъ Весельчакъ, и написалъ, по словамъ автора біографіи, знаменитую программу журнала.

Изъ краткаго содержанія біографіи, намъ трудно знать—отчего вся Россія соединится чтобы оплакивать его. Такихъ лицъ, какимъ описывается Сенковскій въ предлагаемой книгѣ, находится слишкомъ много, чтобы ихъ оплакивать, но даже чтобы писать о нихъ книжки въ 276 стр., тогда какъ Сенковскаго настоящая біографія должна быть интересною книгою, потому-что, обладая большимъ умомъ, онъ былъ полезный дѣятель въ нашей литературѣ, особенно-же какъ ученый оріенталистъ.

Въ концѣ книги приложено нѣсколько писемъ его на французскомъ языкѣ. Выписываемъ первое, чтобы показать во сколько была необходимость ихъ печатать. *Mon ange, ma charmante Adèle, je t'envoie une provision d'excellents baisers avec ce paquet. Je t'aime extrêmement, je t'aime et je t'aimerai toujours. Aime-moi et sois heureuse. Tu es délicieuse, tu es bonne, adorable, amusante, adorable. Je t'aime et je t'embrasse sans fin. Demain a sept heures je serai avec toi. Adieu, je t'embrasse encore et encore. J.*

Лицевъ князя Безбородко. Издавъ графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко. Спб. въ т. А. Н. 1859.

Изданіе лицея кн. Безбородко заключаетъ въ себѣ статьи о Нѣжинѣ Гербеля, о лицеѣ—Кукольника, а потомъ біографіи основателей, попечителей, профессоровъ и воспитанниковъ лицея, чѣмъ-нибудь отличившихся.

Биографіи эти составлены: В. Толбинымъ (18), Л. Меемъ (2), Н. Кукольниковъ (12), Н. Кульжинскимъ (3), П. Даневскимъ (1), В. Каминскимъ (1), Д. Журавскимъ (2), К. Троциною (4), Н. Гербелемъ (7), Петровымъ (8), А. Бородинымъ (3), Сементовскимъ (1), Рѣдькинымъ (1), Халчинскимъ (1), *Кулшемъ* (1 — біогр. Н. В. Гоголя), М. Михайловымъ и Данилевскимъ (1). Въ концѣ книги приложенъ списокъ должностныхъ лицъ лица, — студентовъ, окончившихъ въ немъ курсъ, и списокъ сочиненій литераторовъ, получившихъ воспитаніе въ лицѣ, — послѣдній составленъ Н. Гербелемъ.

Въ книгѣ находятся: виды Нѣжина и лица; портреты кн. Безбородко, графа Безбородко, графовъ А. Т. и Г. А. Кушелева-Безбородко, Василя Кукольника, Константина Базили, Николая Гербея, Николая Гоголя, Е. Гребенки, Дмитрія Журавскаго, Н. Кукольника, Н. Прокоповича, А. Рославскаго-Петровскаго, Петра Рѣдькина.

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1858 годъ. *Барона Корфа*. Спб. 1859.

Изъ отчета Барона Корфа за 1858 годъ, мы узнаемъ — до какихъ усовершенствованій она дошла за прошлый годъ.

Выставлены — *палимсесты*, греческія рукописи, древнѣйшіе образцы книгопечатанія и древнія гравюры.

Приобрѣтено Библиотекой въ 1858 г. коллекція палимсестовъ у пр. Тимендорфа, коллекція рѣдчайшихъ инкунабулъ — на аукціонѣ въ Аугсбургѣ, бібліотека барона Клопмана, на деньги пожертвованныя В. А. Кокоревымъ (6000 р. с.) бібліотека Аделунга (изъ деп. Госуд. Казначейства) бібліотека барона Виттенгейма — даръ его наслѣдниковъ, (1,385 том.), книги переданныя иностр. ценз. комитетомъ (собр. съ 1815 — 1854 г. всего 10.591 т.)

Кромѣ этого Библиотека получила въ 1858 много частныхъ пожертвованій, между которыми находится много старыхъ богослужебныхъ книгъ «Трїодъ постная 1621, Октоихъ 1594, Псалтирь 1602, и др.

Притчи Эссоновы. Въ Амстердамѣ напечатася. Оу Ивана Андреева Гёсинга лѣта 1700. изд. Илією Коніевичемъ. 12°.

Горе отъ Ума (полное), безъ мѣста и года печати — и безъ цензурнаго разрѣшенія.

Memorabilis et inde stupenda de crudeli Moscovitarum expeditione narratio. 1563. Duaci in 8°. (Отъ князя Августина Голицына) весьма рѣдкая и неизвѣстная библиографамъ брошюра, перепечатана княземъ Голицынымъ, въ новомъ его изданіи Барецко-Барецци.

Въ числѣ рукописей, принесенныхъ въ даръ Библиотекѣ, мы встрѣчаемъ именно «русскихъ» — цесар. Константина, графа Аракчеева, И. И. Дмитріева, князя П. А. Зубова, митрополита Платона, митрополита Михаила, князя И. В. Васильчикова, четверостишіе Императора Александра I-го, поэта Котляревскаго, романъ Загоскина, Грибоѣдова, Брюлова, Карамзина, князя Вяземскаго, Жуковскаго, Новикова и Губера; — «иностранныхъ» Вашингтона, Петра I-го, князя Меншикова, графа Шереметева, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Испанскихъ королей Карла IV, Іосифа Бонапарте, Фердинанда VII и королевы Изабеллы II, Фридриха Великаго, императора Максимилиана, Герберштейна, Мицкевича, графа Местра.

Черновая рукопись неизданной оперы Гайдна и *L'incontro improvviso* — (отъ гр. Эстергази.) и т. д.

Изъ покупокъ Библиотеки 9.306 т. о Россіи находится 1,186 т. — изъ нихъ интересныя.

Epitome de rebus anno 1648 et 1649 contra zaporovianos Kozakos en Polonia et Lithuania gestis. A Joanne Dionysio Lobzynski, Polono... Viennae Austriae 1653. in 4°.

Historische und warhafftige Beschreibung wie der Grossfürst in den moscovitischen Ländern sein väterliches Reich überkommen. Gratz. 1606, неизвѣстное до сихъ поръ библиографамъ, и т. д.

Приводимъ общій выводъ новыхъ приобрѣтеній Императорской Библиотеки за 1858 годъ.

Печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ	38,136 томовъ.
Эстамповъ	1,803
Картъ и плановъ	74
Нотъ	762
Каллиграфическихъ руководствъ.	20
Рукописей автографовъ	509
Выдано билетовъ для чтенія въ 1858 г.	3,716.
Число читателей.	— 34,275.
Ими потребовано книгъ на русскомъ яз.	— 50,638.
Иностранн. язык.	20,758.
	<u>71,396.</u>
Рукопис.	— 843.
	<u>71,879.</u>
Посѣтителей было	— 2,176.

Г. Минлеродовичъ.

С М Ъ С Ъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ГЛАВА VII.

Чивита-Веккіа. — Восходъ солнца. — Влѣздъ въ Римъ. — Мостъ «St. Ange». — Гостинница Минерва. — Площадь того-же имени. — Обелискъ, поставленный Бернини.

Только-что свѣтало, когда нашъ пароходъ подошелъ къ Чивита-Веккіа, и шумъ колесъ, хлопавшихъ уже безсильно по водѣ — разбудилъ меня. Я заснулъ на самой палубѣ и проспалъ на ней всю ночь, не помню даже, какъ и когда я заснулъ, — помню только, что я жадно наслаждался лунною, теплою ночью и перешелъ незамѣтно въ сонъ.

Во все время нашего пути изъ Генуи въ Чивита-Веккію, чрезъ Ливорно (о которомъ, между-прочимъ, вы мнѣ позволите сказать слова два на обратномъ пути), — погода была замѣчательно-хороша, и для начала Января мѣсяца, можетъ быть сочтена счастливою.

Съ трудомъ я пришелъ въ себя, вскочилъ на ноги еще совершенно заспанный, и старался привести свои мысли въ порядокъ. Въ это-же время солнце краснымъ яблокомъ вынырнуло изъ-за хребта горъ, и пролило на всю панораму какой-то красно-оранжевый колоритъ, какой-то теплый, пріятный свѣтъ — и всѣ листья на деревьяхъ, всѣ травы на лужайкѣ, казалось мнѣ, задвигались тотчасъ-же, оживились и стали, колыхаясь слегка на своихъ стебелькахъ, привѣтствовать своего любимаго гостя.

Не помню нигдѣ этихъ чудныхъ и разнородныхъ колеровъ, которыми одѣвается природа при восходѣ солнца. Еще развѣ можно сравнить эту картину съ восходомъ-же солнца на южномъ берегу Крыма; но въ Италіи природа болѣе разработана, въ особенности у береговъ моря, — нѣтъ этихъ голыхъ утесовъ, ко-

торые величественно рисуются своимъ профилемъ на ярко-спящемъ небѣ. Здѣсь почти все покрыто растительностію, садами оливокъ, грушъ, виноградниками. Въ Крыму еще, сравнительно, очень-мало такихъ садовъ.

Тотъ, кто не видавъ восхода солнца на югѣ, у берега моря, у подножья горъ, тотъ не пойметъ никакого описанія. Нельзя себѣ представить эту роскошную разноцвѣтность; нельзя понять эту сладкую, живительную нѣгу, которую вы чувствуете, вдыхая утренній теплый, но вѣстѣ съ тѣмъ недушливый воздухъ.

Если-бы даже художникъ вздумалъ перенести на полотно это время дня, ему не повѣрили-бы. Я долго не понималъ яркихъ красокъ нѣкоторыхъ картинъ Айвазовскаго, а когда въ первый разъ увидѣлъ восходъ солнца съ парохода въ портѣ Ялты, я убѣдился, что краски, выбранныя художникомъ, еще недостаточно были ярки. Я могу еще болѣе сказать, и скажу правду, теперь въ Чивита-Веккіи, когда я протеръ съ трудомъ глаза, какъ уже вамъ сказалъ, — и увидѣлъ эту чудную панораму, я усомнился въ томъ — въ правду-ли я проснулся, не продолжаю-ли я свой сонъ, — до того невѣроятно было впечатлѣніе. — Потому что человѣкъ свыкается мало-по-малу со всѣмъ, и съ добромъ и со зломъ — и ему, какъ то, такъ и другое, дѣлается равно-мѣрно незанимательно.

На пароходъ нашъ наѣхало пропасть факиновъ, чтобы вытаскивать чемоданы и мѣшки; — и они принялись тотчасъ-же за дѣло, и толкали безцеремонно меня, когда я, стоя у борта, все восхищался прелестью вида. Я имъ мѣшалъ исполнять работу, а восхищаться восходомъ солнца — не ихъ дѣло; они за это не брались, да и приходится имъ каждый день невольно это все видѣть — пріѣлось.

Чивита-Веккіа — городокъ старій, какъ это выражаетъ уже самое его названіе, притомъ еще очень-маленькій и очень-гряз-ненькій. Итальянцы вообще довольно-грязны. Тутъ-же на берегу есть какая-то старинная башня, которую мѣстные жители грозно называютъ крѣпостью, и которая можетъ-быть и подлинно за-служивала когда-то это названіе; — теперь, какъ мнѣ кажется, она служитъ скорѣе украшеніемъ мѣстности, и очень-удачно исполняетъ эту роль, вырисовываясь на густомъ фонѣ рощи оливковыхъ деревъ.

Только успѣли мы перевести свои вещи въ городъ съ паро-хода и выпить кофе, тотчасъ-же мы стали собираться въ путь.

Чивита-Веккіа ничего не содержитъ въ себѣ привлекатель-

наго, а бѣдные люди, съ дѣпиями на ногахъ и разноцвѣтными бляхами на курткахъ, которые метутъ улицы, возбуждаютъ даже какую-то жалость, которой они, часто какъ ужасные злодѣи, можетъ-быть и не заслуживаютъ, а все-же они оставляютъ весьма-непріятное впечатлѣніе на каждого человѣка. Но одна изъ главныхъ причинъ нашей торопливости оставить Чивита-Веккію — была жажда увидѣть скорѣй Римъ. Когда уже подъѣхалъ всего на семь почти (особенный счетъ миль въ Папскихъ владѣніяхъ) отъ Рима, невольно рвешься туда, невольно хочешь скорѣе добраться до этого великаго города, такъ долго считавшагося столицею всего міра и оставившаго до-сихъ-поръ столько разнородныхъ и любопытныхъ памятниковъ своей славы.

Дорога изъ Чивита-Веккіи въ Римъ крайне-незанимательна; — чѣмъ далѣе вы отдаляетесь отъ моря, тѣмъ суше и тѣмъ бѣднѣе становится окружающая васъ природа, но за то, въ концѣ дня, вы вѣзжаете на пригорокъ и оттуда открывается передъ вами цѣлый міръ дворцовъ, садовъ, церквей, колоколенъ. — Это Римъ со своими холмами, роскошно увѣчаный обширнымъ куполомъ св. Петра. Этотъ видъ одинъ вознаграждаетъ васъ за всю скучную, однообразную дорогу; — еще не болѣе часа ѣзды, и вы достигли вашей цѣли.

Римъ, съ перваго взгляда, на меня произвелъ весьма-сомнительное впечатлѣніе, — я самъ не зналъ, вѣрять-ли своимъ глазамъ или множеству описаній, множеству книгъ, которыя я прочелъ, прежде чѣмъ собрался въ эту столицу католическаго міра.

Мы вѣхали съ самой невыгодной стороны, даже церковь св. Петра, которую мы обогнули позади ея знаменитыхъ колоннадъ, мнѣ показалась, странное дѣло! — нисколько не великолѣпною. Ряды грязныхъ, столпившихся въ безпорядкѣ домовъ, которые окружаютъ съ этой стороны колонаду св. Петра, чрезвычайно-пагубно дѣйствуютъ на впечатлѣніе, которое могъ-бы произвестъ этотъ знаменитый храмъ. Конечно, все это пренебреженіе, съ которымъ я смотрѣлъ на произведенія Микель-Анджело сквозь нѣсколько запыленное окошко моей весьма-неизящной кареты — измѣнилось на другой-же день въ неописанный восторгъ; но объ этомъ послѣ, при случаѣ... Храмъ Петра требуетъ настоящаго описанія.

Теперь-же, при вѣздѣ въ Римъ, то, что меня всего болѣе поразило — это мостъ St. Angelo, перекнутый черезъ Тибръ, и широкая башня того-же имени, которая выстроена на холмѣ, противъ самаго моста. Башня св. Ангела, или какъ ее называютъ,

Castro St. Angelo, была первоначально выстроена какъ мавзолей и склепъ римскимъ императоромъ Адрианомъ, и долгое время она служила мѣстомъ погребенія для нихъ. Говорятъ, что она была въ то время вся обшита извѣтъ паросскимъ мраморомъ и наполнена разными статуями и рѣдкими произведеніями искусства. Въ послѣдствіи, при нападеніи варваровъ, она была разграблена, и какъ увѣряютъ сами Римляне, чтобъ защищаться отъ варваровъ, бросали въ нихъ эти мраморныя статуи, которыя такимъ-образомъ разбивались и уничтожались.

Теперь эта башня превращена въ крѣпостцу; она была нѣсколько подновлена архитекторомъ Бернини, и даже соединена крытою галереєю съ дворцомъ Ватикана, чтобъ доставить возможность папѣ выйти изъ Рима, въ случаѣ нужды, незамѣтнымъ образомъ.

Впрочемъ, въ послѣдній разъ, какъ понадобилось такое бѣгство главѣ католической Церкви, онъ предпочелъ вовсе выѣхать изъ предѣловъ своего царства, и спрятался въ Гаэту — можетъ быть, онъ былъ правъ.

Папа Урбанъ VIII докончилъ укрѣпленіе этого мѣста и поставилъ на самой вершинѣ мраморнаго ангела, который въ послѣдствіи былъ переименъ на бронзовый. Отъ этого-то ангела и получила самая башня свое названіе. Рисунокъ ея чрезвычайно оригинальный и довольно-пріятенъ. Эта широкая, круглая масса камня, поставленная на четырехугольный фундаментъ, очень изящно рисуется, и какъ-то особенно эффектно, когда вы ѣдете черезъ мостъ св. Ангела, который пересѣкаетъ Тибръ подъ самымъ замкомъ. Мостъ этотъ весь обставленъ статуями изъ бѣлаго мрамора, къ сожалѣнію, между ними есть только одна, которая истинно заслуживаетъ похвалы; это — изображеніе ангела съ крестомъ, Кав. Бернини, извѣстнаго скульптора, хотя безцвѣтнаго времени, времени даже упадка искусства (*de la décadence*), какъ его называютъ въ Италіи, но исполнившаго очень-много такихъ произведеній, которыя до-сихъ-поръ служатъ истиннымъ украшеніемъ Рима, и очень-цѣнны въ другихъ европейскихъ музеумахъ.

Бернини кромѣ того былъ замѣчательный архитекторъ своего времени, и Римъ сохранилъ очень много фактическихъ доказательствъ его таланта.

Я уже изъ Генуи распорядился о принсканіи удобной квартиры въ Римѣ, потому что намѣревался остаться здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, а въ Римѣ столько стекается иностранцевъ зимою

всѣхъ націй и племень, что довольно даже трудно достать себѣ хорошую удобную квартиру, если прїѣхать невзначай посреди зимы.

Мнѣ приготовили квартиру очень удовлетворительную въ гостинницѣ Минерва, на площади того-же пияни. Эта площадь находится почти въ самомъ центрѣ города, она довольно правильно отстроена и упирается въ церковь S-ta Maria Sopra Minerva, которая названа такъ, потому что на этомъ-же мѣстѣ былъ храмъ Минервы; въ немъ открыли много весьма замѣчательныхъ рѣдкостей, между прочимъ довольно большой обелискъ, который по повелѣнію папы Александра VII, былъ воздвигнутъ по срединѣ этой площади противъ самаго храма.

Тотъ-же Бернини, о которомъ я уже сказалъ, поставилъ этотъ обелискъ на спину большаго мраморнаго слона, и произвелъ такимъ образомъ весьма оригинальный памятникъ.

Слонъ этотъ, поддерживающій обелискъ, приходился прямо противъ окна моего кабинета въ гостинницѣ, такъ-что волею или неволею мнѣ пришлось въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ его разсматривать.

Мнѣ всегда казалось страннымъ то, что рѣшились установить такую огромную гранитную глыбу, каковъ обелискъ, на кусокъ мрамора, изъ котораго высѣченъ слонъ и который конечно слабѣе гранита какъ матеріалъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ у этого слона была такая добродушная фізіономія, онъ такъ дружелюбно смотрѣлъ всѣ три мѣсяца на меня, высовывая свои клыки изъ бѣлаго мрамора, что я наконецъ совершенно привыкъ къ нему, и послѣ отъѣзда моего изъ Рима, мнѣ какъ будто чего-то не доставало—не доставало добродушнаго слона, который несетъ спокойно словно безъ усталости этотъ обелискъ и пристально вглядывается въ меня каждый разъ, какъ я подхожу къ окну.

Еще замѣчательно то, что весь слонъ этотъ, такъ-какъ онъ изъ мрамора, почернѣлъ отъ времени, непогоды, дождя и пр., но клыки остались совершенно бѣлыми, словно они сдѣланы изъ слоновой кости, отчего самый слонъ сталъ несравненно естественнѣе.

Гостинница Минерва, оказалась очень хорошою гостинницею, чего я не ожидалъ. Комнаты хорошо убранныя, гостинная даже роскошно, столъ весьма удовлетворительный.

Но не въ гостинницѣ дѣло, скажете вы, а въ Римѣ, и будете совершенно правы. Но Римъ такой городъ, что объ немъ трудно начать говорить, а если началъ, то трудно опять остано-

впиться, столько и столько исторических и художественных фактов мелькают вдругъ передъ вами, что вы рѣшительно теряетесь въ своихъ воспоминаніяхъ. Вотъ, почему я позволю себѣ распредѣлить въ нѣкоторую систему свои воспоминанія о немъ, хотя я нисколько не имѣю намѣренія переписывать вамъ всѣ заглавія, надписи различныхъ памятниковъ, зданій, которые я прочелъ въ прогулкахъ моихъ по Риму, ни даже описать вамъ всѣ храмы, форумы, палаццо, которые встрѣчался мнѣ какъ всякому путешественнику на каждомъ шагу. Во-первыхъ, я-бы не припомнилъ всего этого, а во-вторыхъ, я лучше посоветую вамъ, если вы уже такъ любопытны, прочесть Guide по Риму, хотя-бы Mugga, въ которомъ вы найдете навѣрное всѣ эти подробности. Но все-же для того, чтобы представить вамъ хотя краткую, но явственную картину всего Рима, мнѣ придется раздѣлить свои воспоминанія на три отдѣла: 1) Древній Римъ и его памятники. 2) Римъ со временъ Папъ, и наконецъ 3) Новый Римъ съ его художниками, съ его нравами, нѣсколько разгульнымъ, но имѣющимъ свой, особенный совершенно, характеръ.

Чтобъ кончить эту главу, могу еще прибавить, что надо свыкнуться съ Римомъ, сжиться съ нимъ, чтобъ понять его. Въ началѣ вамъ онъ рѣшительно не понравится:—улицы узки, довольно нечисты; памятники искусства до того дурно окружены, до того спрятаны въ какихъ-то скопищахъ весьма нечистыхъ домовъ, что вы часто ихъ не замѣчаете съ перваго взгляда. При томъ, нѣтъ почти путешественника, который пріѣзжалъ-бы въ Римъ въ первый разъ, не имѣя о немъ уже чрезвычайно высокаго мнѣнія, и, при первомъ обзорѣ всего города, обыкновенно онъ потому разочаровывается. Но зато какъ только вы пожили нѣкоторое время, какъ только вы объѣздили нѣкоторыя изъ знаменитыхъ мѣстностей Рима, вы съ особеннымъ жаромъ начинаете восторгаться всѣмъ, а по возвращеніи на родину, когда Римъ остается для васъ лишь въ туманѣ воображенія, онъ все растетъ, все растетъ и оставляетъ вамъ самыя изящныя самыя живыя впечатлѣнія. Это свойство впрочемъ общее природѣ.

Одинъ мой знакомый увѣрялъ меня, что никогда не слѣдуетъ хорошо обѣдать, потому что хорошій вкусный столъ пріѣдается, и увѣрялъ меня, что всего болѣе, по этой именно причинѣ, надо избѣгать стерляжьей ухи. Онъ совѣтывалъ мнѣ по возможности ѣсть только чернѣйшій ржаной хлѣбъ, увѣряя, что онъ никогда не измѣняетъ своего вкуса. Можетъ-быть мой пріятель и правъ, но я съ нимъ согласенъ только на счетъ городовъ, а не на

счетъ обѣдовъ. Тѣ города (я затѣтилъ эту истину на практикѣ), которые вамъ нравятся своею чистотою, своею правильностію въ постройкѣ — съ перваго дня, чрезъ нѣсколько дней, уже надѣдають вамъ, тогда-какъ грязный неправильно выстроенный старинный городъ, съ перваго разу вамъ можетъ показаться неприятнымъ, неизящнымъ, но за то съ каждымъ днемъ, онъ получаетъ все новое и новое значеніе для васъ. Я это пыталъ въ особенности живо въ самомъ Римѣ.

ГЛАВА VIII.

Древній Римъ: — Форумъ римскій. — Сатро Vassino. — Колонн. й. — Форумъ императора Траяна. — Колонна Траяна. — Колонна Марка-Аврелія. — Термы. — Термы Каракаллы, Тита и др. — Пантеонъ.

Нѣтъ города въ мірѣ, а тѣмъ болѣе въ Европѣ, который могъ-бы сравниться съ Римомъ въ историческомъ своемъ значеніи. Каждый перекрестокъ, каждое зданіе, каждая площадь, содержать въ себѣ какое-нибудь историческое воспоминаніе. Римъ до того переполненъ таковыми данными, что путешественникъ становится невольнo съ перваго-же дня—археологомъ. Уже какъ-то не заботишься объ обыкновенныхъ удовольствіяхъ за которыми бѣгалъ въ другихъ городахъ. Театръ васъ не интересуетъ, вы къ вечеру уже такъ утомлены всѣми вашими поѣздками, прогулками, что вамъ рѣшительно не хочется никуда—развѣ въ постель.

Такъ проходятъ обыкновенно первыя недѣли, потомъ конечно свыкаешься со всѣми этими рѣдкостями и начинаешь снова жить попрежнему. Но въ первое время, въ Римѣ занимаетъ только то, чего уже нѣтъ почти въ немъ,—то, что когда-то было. Вы объ настоящемъ не заботитесь, вы увлечены прошедшимъ.

Я и теперь, взявшись за перо, чтобъ передать вамъ мои ощущенія, мои мысли, никакъ не могу иначе начать, какъ съ древняго Рима, Рима прежнихъ временъ, эпохи Августовъ, Тиберія, Траяна. Мнѣ нужно непременно выписать на бумагу всѣ эти данныя, всѣ эти имена, которыя такъ и столпились въ моей головѣ и не даютъ мнѣ покоя.

Надѣюсь не слишкомъ вамъ надоѣсть — во всякомъ случаѣ будьте снисходительны. Такъ много уже ученыхъ, литераторовъ, даже промышленниковъ, описывало на всѣхъ возможныхъ языкахъ Римъ, что я нахожусь въ самомъ отчаянномъ положеніи—гдѣ моему скромному листку выдержать такую разнообразную

конкуренцію? Впрочемъ, при вашей благосклонности, я безъ всякихъ обиняковъ берусь прямо за дѣло.

Если уже начинать осматривать древній Римъ, то прежде всего, конечно, надо съѣздить на *древній Форумъ*, — на то историческое мѣсто, гдѣ Цицеронъ такъ сильно волновалъ своимъ краснорѣчіемъ весь народъ, — на тотъ форумъ, который былъ театромъ столькихъ славныхъ событій. Нельзя рѣшительно ступить ногой на землю, чтобы не вспомнить какое-нибудь новое еще болѣе славное происшествіе.

Вотъ, тутъ на пригоркѣ, по одной сторонѣ, древній дворецъ Цезарей. Конечно вы видите однѣ развалины, которыя даже не даютъ вамъ настоящаго понятія о цѣлости зданія, но все-же сколько фактовъ являются разомъ при одномъ видѣ этихъ полуразрушенныхъ стѣнъ. Вотъ, здѣсь обломокъ храма Юпитера-громовержца — теперь остались только три колонны, украшенныя продольными полосами высѣченными въ камнѣ — это всего одинъ уголокъ зданія. Но эти колонны удивительно изящны и по отдѣлкѣ и по пропорциональности формъ — дорическая капитель, вся высѣченная въ камнѣ до такой тонкости, что просвѣчиваетъ со всѣхъ сторонъ между арабесками, составляющими ее. Этотъ храмъ былъ построенъ императоромъ Августомъ въ честь Юпитера, въ память того, что когда онъ возвращался изъ Испаніи въ Римъ, то одинъ изъ его людей, несшій факелъ впереди во время ночныхъ его проѣздовъ, былъ убитъ съ разу молніей. Подлѣ этого остатка храма Юпитера, стоитъ колонна Фока, какъ ее называютъ, также съ продольными жолобами (*colonne sculptée*) — и съ дорической капителью. Она была поставлена, какъ говорятъ, въ честь Византійскаго императора Фоки.

Тутъ-же еще нѣсколько другихъ остатковъ древнихъ храмовъ: *храмъ мира, храмъ славы капитольской*, обломокъ трехъ замѣчательныхъ по работѣ своей колоннъ, которыя называютъ *Грекостазія, храмъ Ромула и Рема* и храмъ *Антонина и Фаустиллы*. И каждый обломокъ словно говоритъ, словно рассказываетъ вамъ бывшія событія, и въ воображеніи вашемъ, часто эта груда камней, эти разбитыя колонны, вновь группируются, и вамъ кажется, что вы перенеслись мысленно въ вѣкъ Августовъ, въ вѣкъ имперіи римской. Вы такъ и ждете встрѣтить подъ этимъ аттикомъ древняго Римлянина въ своей живописной тогѣ. Но время неподкушно, оно провело свою зловѣщую косу по всей этой великой минувшей славѣ, и теперь рѣзкій крикъ и хлопанье бича пастуха, который ведетъ къ бойнѣ своихъ быковъ, — васъ

совершенно пробуждаютъ. Вы забылись, задумались — осматривая чудную, невѣроятную отдѣлку Грекостазіи, или стоя у развалинъ храма Ромула и Рема, припоминали можетъ-быть древнюю басню о волчицѣ, которая вскормила такъ чудесно родоначальника этого могущественнаго племени — а жирный толстый волъ наступаетъ вамъ чуть не на ногу....

Древній римскій форумъ — сердце государственной дѣятельности великаго народа, теперь называется уже только «Самро Вассіно», что значитъ — коровье поле.

Я всегда, вездѣ, любовался возвратомъ подъ вечеръ рогатаго скота, когда онъ спокойно показывается даже и у насъ, въ Россіи, изъ-за березовой рощи, медленно идетъ по неровной дорогѣ, обогнетъ ригу, хлѣбные запасные магазины, потомъ, войдя въ деревню, бряча своими бубенчиками, разбредется весь по домамъ. Мнѣ пріятно было видѣть, какъ каждая корова знаетъ свой домъ, свою хозяйку, какъ она прямо идетъ къ себѣ домой, какъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ привычку непременно пройти по деревяннымъ подмосткамъ, которые тянутся вдоль всей улицы, заглянетъ можетъ-быть въ какой-нибудь сосѣдній домъ, и только дошла она до своего дома, не пропуститъ никакъ своихъ воротъ, хотя они рѣшительно похожи на всѣ прочіе ворота въ деревнѣ, и также спокойно направляется къ своему сараю, гдѣ поджидаетъ уже, ее толстая ея хозяйка.

Тутъ все мнѣ казалось живописнымъ, пзящнымъ и достойнымъ кисти лучшаго художника. Но воля ваша, видѣть — какъ эти-же коровы и быки проходятъ подъ аркою императора Тита, какъ они безцеремонно трутся о древніе барельефы, которые украшаютъ этотъ памятникъ, какъ наконецъ они располагаются на томъ самомъ *форумѣ*, который пробудилъ во мнѣ столько историческихъ воспоминаній, — я не могу хладнокровно.

Но не такіе еще примѣры рѣшительнаго непониманія и даже явнаго пренебреженія всякой старины и искусства, я къ несчастію нашелъ въ Римѣ. Этотъ величественный *Колизей*, эта громадная постройка, которая выстроена неподалеку отъ форума, для игръ и битвъ гладиаторовъ, была во многихъ частяхъ своихъ раззорена самими Римлянами, для того чтобъ строить изъ его матеріаловъ дворцы нѣкоторымъ папамъ. Теперь одна сторона только зданія, осталась прежней постройки. Другая, юго-восточная сторона, была воздвигнута въ послѣдствіи, уже изъ кирпича.

Нельзя не удивляться этому варварству народа, который

считаетъ себя образованнымъ и не хранитъ, не цѣнитъ остатки прежней своей славы.

Описывать овальную форму коллизея, объяснять, что онъ окруженъ нѣсколькими рядами аркадъ, поставленными одинъ рядъ на другой, въ которыя аркады собирался народъ римскій, чтобы наслаждаться, часто ужаснымъ, жестокимъ зрѣлищемъ, какъ хищныя звѣри терзали на клочки бѣдныхъ людей, отданныхъ имъ на жѣртву — все это давно всѣмъ извѣстно, а потому мнѣ кажется было-бы излишнимъ распространяться объ этомъ.

Большую частію, несчастныя жертвы варварскаго увеселенія императоровъ и народа римскаго — были Христіане, которые предпочитали эту мученическую смерть, предпочитали лучше быть разтерзанными хищными звѣрями, львами, тиграми и прочими, чѣмъ отказаться отъ своей вѣры.

Здѣсь, на этой аренѣ, погибло, какъ увѣряютъ современные писатели, до 20000 людей и до 5000 хищныхъ звѣрей, — кровь христіанская лилась ручьями по землѣ.

Въ память этой мученической смерти первыхъ нашихъ единовѣрцевъ, поставили, по срединѣ самаго коллизея, престола, на которомъ въ извѣстные дни въ году бываетъ служеніе. И еще нынѣшній папа велѣлъ засыпать самую внутренность арены землею, какъ увѣряли меня, почти на ростъ человѣческой, объясняя это приказаніе тѣмъ, что не слѣдуетъ топтать ногами ту землю, на которой падали окровавленные мученики христіанскіе.

Постоянно каждый день и даже часто вечеромъ, вы встрѣчаете во внутренности коллизея маленькія процессіи, крестные ходы монаховъ съ босыми ногами подпоясанныхъ простою веревкою, въ какихъ-то сѣрыхъ хламьдахъ. Но такихъ процессій такъ много во всемъ Римѣ, что тамошніе жители совершенно свыклись съ ними, и не обращаютъ никакого вниманія на нихъ. Для насъ путешественниковъ дѣло иное. Я помню хорошо, какое особенное неизяснимое чувство я испыталъ, когда пріѣхалъ разлюбоваться видомъ коллизея въ лунную ночь, и нашелъ въ срединѣ самой арены эту процессію монаховъ (*cordeliers*) — они что-то напѣвали въ полголоса, и стали обходить вокругъ самой внутренней площади, — и эти темныя медленно движущіяся тѣни, которыя безъ шуму какъ-бы скользили вдоль загнутой стѣны, — то пропадали совершенно въ темнотѣ, то вновь выказывались со своими обритыми головами, освѣщенные въ то время блѣднымъ свѣтомъ луны. Все это на меня особенно подѣйствовало,

и я удивлялся моему проводнику, который меня звалъ влѣзть на одну изъ внутреннихъ лѣстницъ коллизея, чтобы пройти въ верхнюю аркаду, — удивлялся его спокойствію, его равнодушію ко всей этой картинѣ. Но онъ мнѣ весьма простодушно отвѣтилъ, что такія процессіи бывають каждый вечеръ, и не только въ коллизеѣ, но что, если онѣ меня интересуютъ, онъ ихъ мнѣ покажетъ по нѣскольку въ день во всѣхъ частяхъ города.

Еще одна изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстностей древняго Рима, это — форумъ императора Траяна. Въ самой срединѣ его поставлена замѣчательная колонна Траяна, по модели которой воздвигли впоследствии Вандомскую колонну въ Парижѣ; но траянова колонна вся изъ древняго мрамора, тогда какъ Вандомская изъ чугуна. Вокругъ всей колонны змѣею вьется полоса барельефовъ — высѣченныхъ рѣзцомъ на мраморѣ, которые изображаютъ всѣ побѣды, войны Траяна. Отчетливость отдѣлки этихъ барельефовъ заслуживаетъ истиннаго удивленія, и самая колонна считается всѣми знатоками дѣла однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древняго искусства. Еще такого-же рода колонна, тоже вся окруженная барельефами, была воздвигнута императоромъ Маркомъ Авреліемъ въ честь его походовъ и войнъ, — теперь она находится на площади Колона.

Самый форумъ Траяна, весь почти былъ разрытъ и очищенъ, теперь его окружили рѣшеткою и постановили нѣсколько рядовъ обложковъ колоннъ, которыя окружаютъ среднюю знаменитую траянову колонну. Эти обломки были найдены на этомъ мѣстѣ и по всѣмъ вѣроятностямъ служили украшеніемъ и поддержкою особеннаго зданія, выстроеннаго тѣмъ-же императоромъ, — въ которомъ собирались художники, ораторы, писатели, поэты, чтобы читать свои произведенія, или показывать ихъ другъ другу — нѣчто въ родѣ Академіи художествъ и литературы.

Опредѣлительно никому неизвѣстно настоящее положеніе этого зданія и даже формы его. Время разрушило всѣ признаки, и такъ-какъ весь Римъ покрылся съ-тѣхъ-поръ новымъ значительнымъ слоемъ земли, то вся площадь форума теперь точно въ ямѣ. Нужно было очень много трудовъ чтобы выкопать еще эти остатки, которые мы теперь видимъ, и можно только удивляться, какъ еще сохранилась въ цѣлости сама средняя колонна.

Осматривая и стараясь изучить по оставшимся памятникамъ древнюю жизнь Рима, мы должны естественно обратить большое вниманіе на остатки такъ называемыхъ *Термовъ*. *Термы*, собственно обозначаютъ городскія купальни, и слово это на грече-

скомъ означаетъ только, — *жарь*. Но Термы эти имѣли очень большое значеніе въ жизни древнихъ Римлянъ, — это было для нихъ и купальни и мѣсто, въ которомъ они собирались для различныхъ тѣлесныхъ упражненій, и виѣстѣ съ тѣмъ, эти-же зданія служили сходбищемъ разнымъ писателямъ, ораторамъ, поэтамъ — даже художникамъ, которые приносили какъ-бы на выставку свои картины, свои мраморы въ особо для того устроенныя залы, которыя назывались *Pinacotheca*.

Вообще, разсматривая термы, мы находимъ ясно обозначенныя два отдѣленія: 1-е, которое было предоставлено все для купанья и раздѣлялось на нѣсколько залъ: зала для ваннъ, зала для раадѣванья; — такъ называемая еще *Elacotherium*, въ которой послѣ выхода изъ купальни, опрыскивались духами; и 2-е отдѣленіе, посвященное всѣмъ гимнастическимъ играмъ и развлечениямъ нравственнымъ. Тутъ мы находимъ довольно обширный дворъ, который обыкновенно былъ обсаженъ деревьями; потомъ *библиотека* и такъ называемые *ексерды*, въ которыхъ философы и поэты читали свои сочиненія, — и наконецъ Пинакотейка о которой мы уже говорили.

Термы въ древнемъ Римѣ служили центромъ, въ которомъ соединялись всѣ таланты, всѣ болѣе или менѣе извѣстные люди. Въ нихъ проводили Римляне цѣлые дни, — это было нѣчто въ родѣ нашихъ нынѣшнихъ клубовъ.

Но къ сожалѣнію, теперь мы въ своихъ клубахъ довольствуемся тѣмъ, что подають намъ весьма удовлетворительный обѣдъ. Мы очень рады уже тому, что можемъ найти въ немъ всѣ новыя журналы и газеты и по нимъ нѣкоторымъ образомъ можемъ слѣдить за общимъ ходомъ всѣхъ дѣлъ. Мы и не нуждаемся болѣе, какъ древніе Римляне, прослушать того или другаго извѣстнаго философа, оратора или поэта. Мы и не вспоминаемъ даже о томъ, что они существуютъ, и не интересуемся тоже успѣхами искусства. Когда мы пріѣхали въ клубъ, то намъ некогда говорить о вновь вышедшей книгѣ, или обсудить ту или другую картину, недавно написанную тѣмъ или другимъ художникомъ. Мы теперь заняты прежде всего довольно вкуснымъ обѣдомъ, потомъ просмотромъ послѣдняго нумера какой-нибудь иностранной политической газеты, и наконецъ весьма интересной партіей въ ералашъ, которая уже дается во всю ночь, — гдѣ намъ заняться науками, искусствами, литературою.

Каждое время имѣетъ свой характеръ! Нашему времени приписывается до-сихъ-поръ общимъ мнѣніемъ въ отличительное

свойство — материализмъ; но желательно было-бы знать, оставятъ-ли оно столько материальныхъ цѣнностей, которыя, пройдутъ вѣка не измѣнивъ своей цѣнности, сколько намъ оставилъ вѣкъ римской имперіи? Вопросъ этотъ не можетъ получить, мнѣ кажется, въ настоящее время отвѣта, но во всякомъ случаѣ, *фрагменты* и нынѣшніе политическія иностранныя газеты, представляющія въ наше время нектаръ всѣхъ нашихъ нравственныхъ наслажденій, навѣрно уничтожатся съ теченіемъ вѣка. Но что-же не уничтожится? — одно только — мысль, и нашъ вѣкъ оставитъ въ наслѣдство будущимъ вѣкамъ нѣсколько таковыхъ *цѣнныхъ мыслей*. А изъ материальныхъ нашихъ цѣнностей, врядъ-ли даже останется хоть что-нибудь. Почему-же мы хвастаемся нашимъ материализмомъ?

Самыя лучшія по сохраненію своему и самыя обширныя Термы въ Римѣ, это такъ называемыя термы *Каракаллы*, онѣ недалеко отъ самаго форума; построены въ весьма живописной мѣстности, императоромъ Каракаллою, котораго имя и до-сихъ-поръ носятъ, хотя онѣ были нѣсколько еще увеличены и передѣланы въ послѣдствіи Геліогабаломъ и Септимомъ Северомъ.

По увѣренію современныхъ писателей, эти термы отличались своею роскошью и обиліемъ художественныхъ произведеній, которыми онѣ были наполнены, и это даже подтверждается тѣми замѣчательными статуями, барельефами, фресками и мозаиками, которые были найдены въ этомъ мѣстѣ. Частію они перенесены въ Ватиканъ, — весьма мало осталось на самомъ мѣстѣ.

Между прочимъ, найденъ былъ въ этихъ термахъ извѣстный *букъ фариесе*, который теперь находится въ Неаполѣ.

Современные писатели увѣряютъ, что купальни Каракаллы, были такъ велики, что 1600 человекъ могли свободно купаться въ нихъ въ одно время. Акведуки для воды, которые были проведены изъ ближайшихъ горныхъ источниковъ, стоили неимовѣрныхъ, какъ можно полагать, трудовъ; они были разрушены во время перваго нападенія варваровъ на Римъ.

Крошѣ термовъ Каракаллы, еще замѣчательны такія-же термы императора Тита, въ особенности своею живописью *af-fresco*, которая, какъ увѣряютъ, послужила во многихъ частяхъ моделью самому Рафаэлю, для его фресковъ въ Ватиканѣ.

Кѣ сожалѣнію, большая часть этой живописи уже попорчена и исчезла вочти вовсе, благодаря вандализму посѣтителей, которые отламывали, какъ увѣряютъ, цѣлые куски ея. И теперь мы не можемъ уже составить себѣ истиннаго понятія объ на-

стоящемъ видѣ этихъ фресковъ, иначе какъ чрезъ описанія, оставшіяся намъ объ нихъ.

Во времена-же Рафаэля, какъ увѣряютъ, вся эта живопись была еще почти цѣла.

О прочихъ термахъ я позволю себѣ скромно умолчать, потому-что, если правду сказать, я ихъ самъ не осматривалъ, а то, что напечатано въ многоразличныхъ описаніяхъ Рима, гораздо-естественнѣе предложить прямо прочесть всякому, смотря по тому, что его занимаетъ въ этихъ книгахъ, чѣмъ предлагать краткую выписку изъ нихъ-же.

Чтобы покончить нашу прогулку по древнему Риму, надо сказать слова два о томъ древнемъ памятникѣ, который всего лучше сохранился до нашего времени — *Пантеонъ*. Хотя въ послѣдствіи онъ былъ превращенъ въ христіанскій храмъ, но фасадъ и вся постройка остались до нашего времени почти въ цѣлости, а онъ былъ воздвигнутъ еще въ 26-мъ году до Рождества Христова, или въ 727 отъ основанія Рима.

Портикъ его состоитъ изъ 16 колоннъ, изъ восточнаго гранита съ мраморною капителью, — и въ особенности замѣчательенъ своею пропорціональностію. Этотъ портикъ служитъ и до-сихъ-поръ всѣмъ архитекторамъ какъ-бы главнымъ образчикомъ для ихъ новѣйшихъ построекъ.

Внутренность Пантеона освѣщена только однимъ круглымъ окномъ, устроеннымъ въ среднемъ куполѣ. На самой срединѣ, подъ куполомъ, образуется довольно-обширная круглая площадь, которую по-этому называютъ даже *rotonda*; — вокругъ нее устроены все ниши, которыя всѣ почти превращены въ алтари для служенія.

Знаменитый Рафаэль самъ пожелалъ, чтобъ его похоронили въ одной изъ этихъ нишъ, и самъ назначилъ даже третью нишу отъ входа. Желаніе его было исполнено, и *Лоренцето*, его ученикъ, высѣкъ изъ мрамора мадонну, которую называютъ обыкновенно *Madonna del Sasso* (мадонна на скалѣ), и ее поставилъ надъ прахомъ великаго художника. Такимъ-образомъ Пантеонъ сталъ весь какъ-бы мавзолеемъ величайшаго живописца.

Я слышалъ отъ многихъ сожалѣніе о томъ, что Пантеонъ чрезвычайно-бѣденъ въ произведеніяхъ искусства, что въ немъ, кромѣ достоинства несомнѣннаго въ архитектурѣ и въ древности, болѣе ничего нѣтъ. Но я, напротивъ, былъ пораженъ этими голыми большими стѣнами, этимъ рядомъ монолитовъ, которые поддерживаютъ такъ легко этотъ портикъ. На меня дѣйствовала

эта пропорція размѣровъ, эта чрезвычайная высота всего зданія, которая замѣчается только послѣ внимательнаго осмотра. — Мигъ кажется даже, что нѣсколько картинъ самыхъ лучшихъ мастеровъ, нѣсколько статуй извѣстнѣйшихъ артистовъ, только могли бы повредить общему впечатлѣнiю всего зданія. Степь — потому и громаднa, потому и поражаетъ своею необъятностию, что глаза теряется всюду и не знаетъ, на чемъ предпочтительно остановиться. Одинъ дымокъ изъ пустой избушки уже привлекутъ-бы наше вниманiе, и тѣмъ непременно доведилъ-бы первому впечатлѣнiю.

Изъ этого нисколько не слѣдуетъ полагать, что я готовъ довольствоваться постояннымъ лицезрѣнiемъ степи, я тоже очень люблю, не только увидѣть дымокъ знакомой своей трубы и готовъ даже восторгаться этимъ дымкомъ въ подражанiе древнимъ поэтамъ. Я даже очень уважаю городскую жизнь, и въ ней уже нищу постоянного разнообразiя во всемъ, но понимаю въ то-же время и неистощимую прелесть поэзии необъятной, безграничной степи, въ которой волна высокой травы, подобно волнѣ океана, подымается и упадаетъ — послушная вѣтру, и словно говоритъ въ это время съ нимъ. Такъ и въ Римѣ, восхитившись, какъ я буду еще имѣть случай вамъ передать, знаменитыми произведенiями Рафаэля, Тициана и пр., и пр., я истинно наслаждался этою пустотою, голостою стѣнъ Пантеона, отъ которыхъ размѣры архитектурные выказываются еще болѣе.

В. В.

Гейрихъ Гейне. — Гейрихъ Гейне — безспорно одинъ изъ немногихъ истинныхъ поэтовъ нашей эпохи; но объ немъ было писано такъ много въ послѣднiе годы, такъ много даже и въ нашей Литературѣ, что нныя статьи о немъ почти то-же, что новая статья о Гамлетѣ. Такъ по-крайней-мѣрѣ представляется дѣло на первый разъ..

Но, я увѣренъ въ этомъ, о Гейне будутъ еще и еще писать, — будутъ писать, пока его будутъ переводить, а будутъ его переводить до-тѣхъ-поръ, пока не пройдетъ то вѣянiе, котораго онъ былъ блестящимъ, почти гениальнымъ жрецомъ.

Его называли нѣмецкимъ Байрономъ, но называли такъ Богъ-знаетъ почему. Байронъ прежде всего — трагикъ и трагикъ-вѣрующiй въ трагизмъ. Гейне прежде всего юмористъ, т. е. трагическая натура, въ которой подорвана всякая вѣра въ ея

собственный трагизмъ. Духъ анализа, у Байрона суровый, скорбный и мрачный, у него доходить иногда до комизма. Страстные движенія въ его душѣ никогда не доростають до трагическаго, и остаются только чѣмъ-то болѣзненнымъ... Но онъ и не Байрончикъ въ томъ смыслѣ, какъ Байрончикъ — Альфредъ де-Мюссе. Онъ — явленіе совершенно самобытное, оригинальное, — порожденіе германской философіи съ одной стороны и германскаго жидовства съ другой. Космополитъ по происхожденію, онъ закалилъ въ себѣ космополитизмъ философіей, и умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ остаться поэтомъ, поэтомъ всюду, даже въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ. Космополитизмъ — такой, какъ у Гейне, — былъ-бы противенъ во всякой другой натурѣ, и напиши поэму Deutschland всякій другой, кромѣ Гейне, ее было-бы омерзительно читать. Но здѣсь, въ его поэмѣ, вы чувствуете на каждомъ шагу, что не сынъ ругается тутъ надъ родной матерью, а вѣчный пришлецъ и вѣчный скиталецъ надъ страной, когда-то бывшею его мѣстопробываніемъ.

Гейне — единственный комикъ между Нѣмцами, никогда не могшими подняться до комическаго взгляда на самихъ себя; но это потому, что онъ — Жидъ, а не Нѣмецъ. Юмористъ Гофманнъ, гофратъ Гофманнъ, топившій въ винѣ и чаду фантастическихъ видѣній свой врожденный комизмъ, все-таки остается Нѣмцемъ. Гейне одинъ *продергивалъ* безъ содроганія комическія стороны «нѣмецкой сущности», des deutschen Wesens, выражаясь философскимъ языкомъ — *продергивалъ* всѣ стороны этой сущности, даже въ ея святыняхъ — дерзалъ смѣяться надъ научными и жизненными стремленіями Германіи, поколику находилъ въ нихъ смѣшное: вспомните главы о Гейдельбергѣ и главу о цитатахъ въ «Путевыхъ очеркахъ» (Reisebilder), вспомните его сочиненіе о «Романтической школѣ»!

Но не съ этой стороны, не какъ комика привыкли мы брать Гейне. Значеніе его въ нашей литературѣ — только значеніе поэта, выразившаго болѣзненное настроеніе эпохи. Съ этой стороны онъ привился къ намъ, съ этой стороны брали его многіе наши даровитые переводчики.

Въ настоящую минуту въ редакціи «Русскаго Слова» накопилось много переводовъ изъ Гейне. Краткая статья моя служитъ только введеніемъ къ этимъ переводамъ гг. Фета, Плещеева, Мея, Крестовскаго, къ которымъ позволилъ я себѣ прибавить и собственные. Во всѣхъ этихъ переводахъ, — ибо всѣ они болѣе или менѣе являлись у переводчиковъ въ слѣдствіе извѣстнаго

душевнаго настроѣвства, — звучить одна струна, струна болѣзненнаго чувства, болѣзненной поэзіи. О ней-то, объ этой струнѣ, которая особенно наивно звучала у Гейне, и намѣренъ я сказать здѣсь нѣсколько словъ, повторяя отчасти уже прежде когда-то мной сказанное... Я не поставлялъ себѣ ни біографическихъ, ни даже эстетическихъ задачъ, прекрасно выполненныхъ уже въ статьѣ о Гейне, одного изъ даровитыхъ его переводчиковъ, М. И. Михайлова.

Er liebte sie und sie liebte ihn nicht (онъ ее любилъ, а она его не любила) поставилъ въ видѣ эпиграфа Гейне надъ самымъ безалабернымъ и едва-ли не самымъ обаятельнымъ своимъ произведеніемъ надъ «Buch Legrand» въ «Reisebilder». Kennen sie das alte Stück, Madame (знаете-ли вы, сударыня, старую штуку)?— обращается онъ между-прочимъ къ той, которая его не любила, — es ist ein ausserordentliches Stück, aber zu sehr melancholisch (это штука необычайная, только слишкомъ меланхолическая). Эти слова, этотъ эпиграфъ — эпиграфъ ко всей болѣзненной поэзіи Гейне, въ которой — все ausserordentliches Stück, aber zu sehr melancholisch — и больше еще чѣмъ melancholisch; все въ ней причудливо до каприза, все тревожитъ и дразнитъ и мучитъ васъ, — но много *maheio*, тѣсно связаннаго съ жизнію сердца въ этой поэзіи и намъ еще не дано отъ нея отрѣшиться, хотя конечно смѣшно было-бы цѣлый вѣкъ оставаться при ней одной и потерять сочувствіе ко всему новому и свѣжему.

«Дитя мое, — рассказываетъ эта поэзія — мы были дѣти. двое маленькихъ дѣтей, мы забирались въ курятникъ и прятались въ солому.

«Кричали мы пѣтухамъ и, проходилъ-ли кто: кукареку! такъ всѣ и думали, что это кричать пѣтухи.

«Лари на дворѣ обвѣшивали мы всякимъ тряпьемъ и располагались въ нихъ на житье и обзаводились домомъ.

«Старая кошка сосѣда часто ходила къ намъ въ гости, мы ей бывало кланялись чинно, встрѣчали ее комплиментомъ.

«Мы объ ея здоровьи спрашивали заботливо и привѣтливо. Такъ бесѣдовали мы потомъ со многими старыми конками...»

Сколько скрытой горечи въ этихъ простодушныхъ до дурачества воспоминаніяхъ, сколько грустнаго въ этомъ юморѣ, вѣчно вѣрномъ самому себѣ. Поэтъ не утерпѣлъ, чтобы не зацѣпить стороною разныхъ старыхъ кошекъ... Но, подождите не много — еще больше горечи и злой насмѣшки прольется на эти воспоминанія:

«Часто сживали мы бывало и говорили *разумно* какъ старые люди, и сѣтовали, что въ старину, въ наше время, все было лучше.

«Что любовь и вѣрность и вѣра, изъ міра исчезли со всѣмъ, — что вздорожалъ необычайно кофе и деньги стали рѣдки...»

Нечего толковать кажется этимъ ядовитыхъ строкъ, и понятно заключеніе пѣсни:

Vorbei sind die Kinderspiele,
Und Alles rollt vorbei;
Das Geld, und die Welt, und die Zeiten,
Und Glauben, und Lieb' und Treu...

т. е. Исчезли и дѣтскія игры и все, и деньги и счастливое время, и вѣра и любовь и вѣрность!

Бѣдныя, бѣдныя дѣти, которыя такъ рано передразнивали дешевую мудрость большихъ, — бѣдныя свыкшіяся другъ съ другомъ дѣти, разрозненныя потомъ судьбою!

Да полно, судьбою-ли?... Одна-ли судьба виновата въ этой безысходной грусти, оставшейся послѣ первой лучшей и несбывшейся мечты, одна-ли судьба и люди разрознили этихъ рано замечтавшихъ о жизни въ-двоемъ дѣтей, какъ разрознили Ромео и Юлію, Люцію и Едгара?... Всмотритесь-ко въ нихъ попристальнѣе... Вотъ они большіе передъ вами.

Sie liebten sich beide — doch keiner
Wollt' es dem Andern gestehn.

или, если вы хотите, чтобы нагляднѣе, сильнѣе, трагичнѣе выразилось вамъ отношеніе, — вспомните, тоже самое, только пересозданное другимъ поэтомъ, стихотвореніе:

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно мятежной,
Но какъ враги избѣгали признанья и острѣчи
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Почему какъ враги избѣгали они признанья и встрѣчи, хотя любили другъ друга съ тоскою глубокой и страстью мятежной, и почему тоска вкралась въ ихъ любовь и почему мятежна была ихъ страсть? Увы, если-бы вы спросили ихъ, бѣдныхъ большихъ дѣтей вѣка, они и сами не знали-бы, что вамъ отвѣтить...

Sie wussten es selber kaum.

А славная жизнь была когда-то для нихъ, и много мечтаній пережито вмѣстѣ:

Mein' Lieb', wir sassen beisammen
Traulich im leichten Kahn,

Die Nacht war still und wir schwammen
 Auf weiter Wasserbahn.
 Die Geister-Insel, die schöne,
 Lag dämm'rig im Morgenglanz;
 Dort klangen liebe Töne
 Und wogte der Nebelglanz:
 Dort klang es lieb und lieber
 Und wogt' es hin und her,
 Wir aber schwammen vorüber,
 Trostlos auf weitem Meer.

т. е. «Дитя мое, мы сидѣли вмѣстѣ въ легкомъ челнокѣ. Безмолвна была ночь и мы плыли, по широкой водяной зыби.

«Островъ Духовъ, прекрасный островъ, — мерцалъ подѣ мѣсячнымъ сіяньемъ, тамъ чудные слышались звуки, и колыхался чудный свѣтъ. Все слаще и слаще звучало, — все больше колебался свѣтъ, — мы-же плыли все дальше, беззутѣшно по широкому морю.»

Но все-таки, тоска, тоска беззутѣшная, вкралась въ ихъ мечты. Все кругомъ ихъ дышало жизнію, звало къ жизни.... а они, бѣдныя, рано созрѣвшія дѣти, беззутѣшно плыли по широкому морю....

И разставанье ихъ было какое-то странное, какое-то мудрое — безъ слезъ, безъ вздоховъ....

«Когда двое расстаются другъ съ другомъ, то даютъ другъ-другу руку, и начинаютъ плакать и вздыхать безъ конца: мы-же не плакали, не ахали и не охали.... *Слезы и вздохи пришли послѣ.»*

Что-же это за странная любовь съ такой странной разлукой?.... Что, спрашиваемъ опять, разлучило ихъ?.... Есть какіе-то темные, неясные, но злобные и грустные намеки:

«Чувствовали мы что-то другъ-къ-другу, а, впрочемъ, вели себя прекрасно — часто играли мы «въ мужа и въ жену», однако, не щипали другъ-друга и не дрались. Вмѣстѣ мы веселились и забавлялись, и дѣлювались и миловались (geherzt); наконецъ, ради ребяческой забавы, стали играть въ «гулючки въ тѣсу» и такъ ловко умѣли другъ-отъ-друга спрятаться, что даже «потомъ и не нашли другъ-друга.»

Вотъ оно, настоящее слово разгадки: всякое другое — ложно: обвиняетъ, правда, поэтъ и людей:

Sie haben dir viel erzählet
 Und haben viel geklagt.

Doch was meine Seele gequälet,
Das haben sie nicht gesagt...

т. е. «Они много тебѣ рассказывали и много насплетничали, но не сказали они того, что мучить мою душу». Но это, собственно, вздоръ. Настоящая причина разлуки лежала въ нихъ самихъ, и отъ того нигдѣ такъ не зла иронія, какъ въ изображеніи этой разлуки, — сухая, горькая иронія, не смотря на свое внѣшнее шутовство.

«Липа цвѣла, соловей пѣлъ, солнце смѣялось дружески, весело «ты поцѣловала меня и рука твоя обвила меня и прижала ты «меня къ колыхавшейся груди.

«Стали падать листья, ворона закаркала, — солнце стало «глядѣть капризно. Морозно, холодно сказали мы другъ-другу «прости, и ты сдѣлала мнѣ преучтивѣйшій книксенъ.»

Иронія поэта не остановилась на одной разлукѣ: нѣтъ! потомъ, этой ироніи любо стало отравлять и пересмѣивать всѣ воспоминанія :

«Мнѣ снился снова былой сонъ: то была майская ночь, мы сидѣли подъ липою и клялись другъ-другу въ вѣчной вѣрности.

«То были клятвы и снова клятвы, — то были шепотъ и лобзанья. А чтобъ я помнилъ клятву — ты мнѣ укусила руку.

«О милочка, съ ясными глазами, о прекрасная и кусающаяся милочка. Клятвы были въ порядкѣ вещей, но кусаться было со-всѣмъ излишне.»

Наступаетъ катастрофа... какъ она произошла, мы знаемъ такъ-же темно, какъ и то, вслѣдствіе чего произошла разлука, повторилась-ли тутъ alte Geschichte, рассказываемая потомъ: — другое-ли что вмѣшалось тутъ; какъ-бы то ни было, катастрофа разразилась....

Das ist ein Flöten und Geigen,
Trompeten schmettern drein;
Da tanzt den Hochzeitsreigen
Die Herzallerliebste mein....

Въ слѣдъ за катастрофой, разъясненіе причинъ которой мы на время оставляемъ -- начинаются стоны тоски и горя, — но съ перваго-же раза въ этихъ столахъ поражаетъ васъ съ одной стороны отсутствіе настоящей, искренней печали; съ другой, какое-то, такъ-сказать, самоуслажденіе. Эти стоны повторяются безпрестанно, эта мысль сдѣлалась совершенною *idée fixe*, преслѣдующею поэта повсюду — но, прослѣдите эти пѣсни, вы увидите, что поэтъ самъ питаетъ свою тоску, находитъ удоволь-

ствіе въ томъ, чтобы безпрестанно разстраивать раны и кончаетъ тѣмъ, что смѣется надъ ними. Отъ этого конца, впрочемъ — опять поворотъ къ началу, т. е. къ стонамъ горя и муки.

Прежде всего, тоска выражается въ болѣзненномъ шутовствѣ.

Die Erde war so lange geizig,
Es kam der Mai — und sie war spendabel;
Und alles jauchzt und alles freut sich,
Ich aber finde alles miserabel.

Горе тутъ есть и горе болѣзненное, мучительное: но не искренняя форма его выраженія. Стыдно, какъ будто, человѣку пѣть плакать: стыдно передъ собою и передъ другими. Много эгоистическаго въ этомъ шутовствѣ; самыя странныя формы, въ которыя облеклась грусть, обусловлены враждою и ненавистью. Сколько можно догадываться, въ число причинъ катастрофы, такъ страшно разбившей сердце поэта, входили филистерскія понятія; Kleinstädtisches Wesen и филистерскія воззрѣнія преслѣдуетъ поэтъ своей ядовитой насмѣшкою.

«Филистры въ воскресныхъ платьяхъ, гуляютъ по лѣсамъ и по полямъ, и радуются и скачутъ какъ козлы, привѣтствуютъ прекрасную природу».

«Созерцаютъ сіяющими очами, какъ все романтически пѣть, — внимаютъ длинными ушами они пѣсни воробья».

«Отъ чего это розы такъ блѣдны, о скажи, любовь моя, скажи, отъ чего это въ зеленой травѣ такъ молчаливы синія «фіялки»? Отъ чего это такъ жалобно поетъ жаворонокъ въ вышинѣ?... отъ чего это бальзаминъ издаетъ запахъ трупa? Отъ чего это солнце смотреть на поле такъ холодно, капризно? Отъ чего это земля такъ сѣра и пустынна какъ могила?»

«Отъ чего это самъ я такъ мраченъ и боленъ, — моя милая милочка, скажи? о скажи, милочка моего сердца, за что ты меня покинула?»...

Это — можетъ быть самый болѣзненный изъ всѣхъ стонъ — и кто изъ насъ когда-либо не повторилъ его? — Въ немъ нѣтъ даже задней мысли, нѣтъ желанія выставиться поэфективѣе передъ другими и передъ собою, нѣтъ однимъ словомъ парадной грусти....

Можетъ быть, въ такую-же минуту безвыходной тоски вышло и стихотвореніе, которое разъясняетъ катастрофу не совсемъ удовлетворительно для самолюбія пострадавшаго отъ нея.

«Любилъ юноша дѣвушку, а она выбрала другаго. Другой-же любилъ другую, и женится на ней».

«Дѣвушка съ досады выходитъ за перваго встрѣчнаго—Der jungling ist übel dran.»

Es ist eine alte Geschichte
Doch bleibt sie immer neu
Und wem sie just passiret
Dem bricht das Herz entzwei...

Понятно, въ какой степени тяжело и оскорбительно для самолюбиваго сына вѣка такое разъясненіе. Является другое — начинается другая исторія. Собственную свою тоску поэтъ приписываетъ предмету своей страсти и видитъ, можетъ быть во снѣ, то, чего и не было:

«Я не ропщу, и пусть разорвется сердце, — на вѣкъ погибшая любовь я не ропщу... Какъ ни сіяешь ты въ брилліантахъ, но ни луча не упадетъ во тьму твоего сердца.

«Это знаю я давно. Я видалъ тебя во снѣ — и видѣлъ ночь въ твоёмъ сердцѣ, и видѣлъ змѣю, которая сосетъ тебѣ сердце — и видѣлъ, любовь моя, какъ глубоко ты страдаешь.»

Представляется вопросъ: почему пріятнѣе человѣку вѣка, вообразить любимое существо несчастнымъ и страдающимъ, нежели счастливымъ; почему слаще ему терзать себя представленіями этихъ чаще всего воображаемыхъ несчастій, нежели, разумно какъ мужъ и любовно какъ истинный человѣкъ, пожелать любимому существу:

Все, даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги...

Дозро долженъ перегорать и очищаться человѣческой эгоизмъ для того, чтобы дойти до этой свѣтлой мысли... Скорѣе готовъ былъ каждый изъ насъ взывать, какъ его любимый поэтъ... «Ja! du bist elend und grolle nicht»...

Страдаешь ты и молкнетъ ропотъ мой,
Любовь моя, намъ поровну страдать...
Пока вся жизнь замретъ въ груди больной,
Любовь моя, намъ поровну страдать...

И тѣшиться этимъ чужимъ страданіемъ и торжествовать внутри себя злобнымъ и демонскимъ торжествомъ или, если нѣтъ этого торжества въ дѣйствительности, создавать его въ воображеніи... Намъ извѣстно, до чего дошелъ этотъ больной эгоизмъ въ могущественной натурѣ, которая еще сильнѣе страдала язвами вѣка:

Ты не должна любить другого,
Нѣтъ — не должна.

Ты мертвецу стягншей слова
Обручена!

У другихъ нѣтъ этого трагическаго колорита или, лучше сказать, они не въ силахъ его выдержать по вѣтренности своей натуры.... И другой конечно вообразить себя мертвымъ и съ ранами въ головѣ и т. д.; и онъ пожалуй погрозитъ своей женой:

«Какъ можешь ты спать покойно, зная, что я еще живъ: старый гнѣвъ проснется и свергну я свое иго.

«Ты знаешь-ли старинную пѣсню, какъ нѣкогда мертвецъ въ полночный часъ утащилъ съ собой въ гробъ свою милую?»

«Вѣрь мнѣ, чудно прекрасное, чудно милое дитя. — Я живъ и слышѣе всѣхъ мертвецовъ».

Но вѣдь другой грозитъ какъ Гамлетъ. — И ему какъ Гамлету, любо и привольно въ фантастическомъ мѣрѣ призраковъ. Это просто — фантастическое настроеніе души, а не тотъ недугъ de la melancholie ardente, который терзаетъ героевъ Байрона и Лермонтова, болѣе или менѣе виновныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ.

Современному, болѣзненно настроенному человѣку нравится самый процессъ страданія: ему любо окружать себя мрачными и горестными представленіями.

Изъ слезъ моихъ много родится
Роскошныхъ и пестрыхъ цвѣтовъ
И вздохи мои обратятся
Въ полуночный хоръ соловьевъ....

Онъ самъ очень хорошо это знаетъ, и иногда даже до цинизма разоблачаетъ свое невѣріе въ собственное страданіе.

Habe auch in jungen Jahren
Manches bitt're Leid erfahren
Von der Liebe Gluth.
Doch das Holz ist gar zu theuer
Und erlöchen will das Feuer,
Ma foi — und das ist gut!...

Т. е. «Я тоже въ молодые годы испыталъ много горя отъ любовнаго огня, но теперь дрова дороже, и огонь гаснетъ. Ma foi — тѣмъ лучше!»

Чѣмъ-же объяснить всѣ подобныя противорѣчія? Намъ кажется, что ключъ къ объясненію данъ самимъ поэтомъ, въ одномъ стихотвореніи:

«Время теперь, чтобы я, въ полномъ разсудкѣ, отказался отъ всѣхъ дурачествъ. Я тогда долго, какъ комедіантъ игралъ съ тобою комедію.

«Великолѣпныя кулисы были расписаны въ настоящемъ романтическомъ стилѣ. — Моя рыцарская мантия блистала золотомъ. — Я ощущалъ тончайшія *чувствія*.

«И теперь, когда я здраво отрицаюсь отъ всякаго безумія, — все еще чувствую я себя несчастнымъ, какъ будто-бы все еще играю комедію.

«О Боже! Шутя и бессознательно, — я говорилъ то, что чувствовалъ. Съ смертью въ собственной груди игралъ я умирающаго бойца.»

И поэтъ говоритъ это искренне; за искренность его исповѣди, иронически-грустной, поручится всякій, кто жилъ жизнью сердца... И вѣрится опять его грусти, его мучительнымъ воспоминаніямъ. Неотразимый призракъ, *idée fixe*, воплотившаяся въ образѣ эфирнаго, болѣзненнаго, капризнаго существа, преслѣдуетъ его повсюду:

«Лежу-ль я на постели, прячась во тьму и въ подушки — передо мною носится милый, обаятельный образъ.

«Закроетъ-ли сонъ мнѣ очн, призракъ тихо проскользнетъ въ мое сновидѣніе...

«И съ утреннимъ сномъ онъ не разсѣвается... Цѣлый день потомъ ношу я его въ сердцѣ...»

Часто болѣзненны эти сновидѣнія, а сколько горечи въ воспоминаніяхъ:

«Когда я по дорогѣ, случайно заѣхалъ въ домъ моей милой сестрицы, отецъ и мать встрѣтили меня весело.

«Они спрашивали меня о здоровьѣ — и сказали тотчасъ-же, что я мало перемѣнился, только лице у меня стало блѣдно.

«Я спрашивалъ о тетушкахъ и дядюшкахъ, о разныхъ скучныхъ особахъ, и даже о маленькой собачкѣ, лаявшей такъ звонко.

«И о вышедшей замужъ милой, спросилъ я между прочимъ, — дружественно отвѣчали мнѣ, что она недавно родила и дружественно поздравилъ я, — и тихо сказалъ, чтобы отъ меня ей тысячу разъ кланялись...

«Сестричка вскричала вслѣдъ за тѣмъ, что маленька и ласковая собачка выросла и сбѣсилась, и что ее утопили въ Рейнѣ.

«Малютка похожа на милую, особенно когда смѣется. У нея тѣже самые глаза, которые сдѣлали меня такъ несчастнымъ...»

Переводя почти буквально, нельзя, конечно, передать всей грустной наивности и прелести этого стихотворенія, отъ котораго, когда читаешь его въ оригиналѣ, болѣзненно сжимается сердце...

И вѣрится невольно, когда поэтъ говорить о вѣчности своей страсти:

Die Jahre kommen und gehen,
Geschlechter steigen in's Grab,
Doch nimmer vergeht die Liebe,
Die ich im Herzen hab:
Nur einmal noch möcht' ich dich sehen
Und fallen vor dir auf's Knie,
Und sterbend zu dir sprechen:
Madame, ich liebe sie...

И сильно дѣйствуютъ на васъ его сновидѣнія.

«Мнѣ снилось: печально мѣсяцъ смотрѣлъ — и звѣзды печально смотрѣли. Былъ въ городъ я перенесенъ, гдѣ милая живетъ, за нѣсколько сотъ миль.

«Подлѣ дому ея я стоялъ — цаловалъ ступени лѣстницы, которыхъ часто касались ся маленькая ножка и шейфъ ея платья

«Долга была ночь, холодна была ночь — и звѣзды холодны были...»

И сочувствуете вы той глубокой, почти даже не эгонстической пѣжности, съ которой поэтъ зоветъ благословеніе небесъ на милую ему дѣтскую головку,

Какъ цвѣтъ ты чиста и прекрасна.
Нѣжна, какъ цвѣтокъ по веснѣ.
Взгляну на тебя и тревога
Прокрадется въ сердце ко мнѣ,
И кажется, будтобъ я руки
Тебѣ на чело возложилъ
*Молясь, чтобы Богъ тебя чистой,
Прекрасной и нѣжной хранилъ.*

О болѣзненная поэзія! кто изъ людей того поколѣнія, къ которому принадлежитъ авторъ этихъ замѣтокъ, не переживалъ съ тобою твоихъ ощущеній!

«Во снѣ я мнлю видѣлъ, видѣлъ робкой, бѣдной женщиной, и цвѣтуція нѣкогда формы тѣла увяли и поблекли.

«Ребенка несла она на рукѣ, а другого вела за руку, и въ походкѣ и во взглядѣ и въ одеждѣ, — видны были бѣдность и горе. Она шла на рынокъ, и вотъ встрѣчаетъ меня и смотритъ на меня и спокойно, и горестно говорю я ей:

«Пойдемъ со мною ко мнѣ, потому что ты блѣдна и больна, я трудами и работой достану тебѣ хлѣба.

«Я буду тоже ходить и за дѣтьми твоими, а прежде всего ходить за тобою, мое блѣдное, несчастное дитя! Я никогда не буду рассказывать тебѣ о томъ, какъ я любилъ тебя, и когда умрешь ты, я буду плакать на твоей могилѣ.»

Въ болѣзненно-грустномъ чувствѣ, которымъ дышетъ это стихотвореніе, нѣтъ даже эгоизма, этого вѣчнаго спутника всякого чувства у Гейне, хотя конечно все-таки остается въ душѣ читателя вопросъ, почему, именно, любо человѣку мучить себя такими призраками, почему пріятнѣй ему вообразить предметъ его страсти страдающимъ, нежели счастливымъ? Такое самоуслажденіе доходитъ иногда до комизма: такъ поэтъ часто воображаетъ умершею свою милую и *воображаетъ* также свои чувства по этому поводу, передавая ихъ съ энергіею страсти, которую человѣкъ, незнакомый съ особенными свойствами его болѣзненного юмора приметъ пожалуй за искренность.

Комическое тутъ впрочемъ — только оборотная сторона медали, и не должно забывать искреннаго признанія самой этой поэзіи.

Ach Gott, im Scherz und unbewusst
Sprach ich was ich gefühlet.
*Ich hab mit dem Tod in der eignen Brust
Den sterbenden Fechter gespielt.*

Не должно забывать того, что эти фантастическіе призраки, вызванные раздражительнымъ и больнымъ эгоизмомъ, стали карою для самого вызывавшаго, что они слѣдятъ за нимъ неотступно, что, какъ Манфредъ, не вѣдаетъ онъ ни минуты покоя...

Заключу свои замѣчанія тѣмъ, что хотя многое для нашихъ потомковъ утратитъ свою свѣжесть и доходчивость до сердца въ Гейне — но все-таки, поэзія его сохранитъ свою оригинальную печать и никогда не потеряетъ высокаго интереса для психолога, какъ болѣзненное выраженіе болѣзненныхъ моментовъ души.

Майковъ, который не перевелъ Гейне — а боролся съ нимъ, иногда неудачно, но за то иногда и удивительно-удачно — превосходно охарактеризовалъ неувядающее гейновской поэзіи въ поэтическомъ «Вступленіи» къ своимъ переводамъ:

Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,

Какъ въ рождѣ трепетный олень,
Врагомъ невидимымъ гонимый.

И скачемъ мы за нимъ толпой,
Коней ретивыхъ утомляя,
Звеня уздечкою стальной,
И крикомъ воздухъ оглашая.

Олень блѣжитъ по ребрамъ горъ,
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребреныя луною.

И мы стоимъ у береговъ...
Въ туманахъ замки, пѣсенъ звуки
И благовоніе цѣптовъ,
И хохотъ, полный адской муки...

Дѣйствительно, однихъ стонувъ разбитаго сердца и одного анализа было-бы поэту недостаточно для того, чтобы дѣйствовать постоянно-сильно на нѣсколько поколѣній... Самъ Гейне говорилъ «Der nur ist ein Dichter, der die Bilder schafft (только тотъ поэтъ, кто творитъ образы) — или, другими словами, только тотъ поэтъ, кто имѣетъ свой опредѣленный, ему только свойственный образъ, свою печать, свою особенность.

И такую особенностію, въ высочайшей степени, владѣлъ Гейне... Въ его поэзіи была струна съ глубокимъ, душевнымъ и личнымъ звукомъ.

Помните-ли вы въ *Romanzero* стихотвореніе «Sie erlischt» — такъ превосходно переданное Майковымъ?... Отъ него вѣетъ безконечной уныlostью — и между-тѣмъ въ самой унылости слышенъ вѣчный юморъ, никогда, даже въ смертной агоніи, не покидавшій поэта!... Вотъ она — эта панихида по умолкнувшей, порванной струнѣ — отзвуки звуковъ которой еще вѣютъ надъ нами и будутъ вѣять долго, долго...

Конецъ! Опущена завѣса!
Къ разѣзду публика спѣшитъ...
Ну, что-жъ, успѣхъ имѣла пьеса?
О, да! въ ушахъ моихъ звучитъ
Еще доселѣ страстный шопотъ,
И крикъ, и вызовы, и топотъ...
Ушли... и зала ужъ темна,
Потухли свѣчл... тишина.

Чу! что-то глухо прозвенѣло,
 Во тьмѣ, близъ сцены опустѣлой...
 Иль это лопнула струна
 На старой скрипкѣ... Тамъ что? Крысы
 Грызутъ ненужныя кулисы...
 И лампы гаснутъ и чадить
 Отъ нихъ дымящееся масло...
 Одна осталась... вотъ — шипить,
 Шипить... чуть тѣбетъ... и угасла...
 Ахъ, эта лампа... то друзья
 Была, увы! душа моя.

Ан. Григорьевъ.

Изъ Гейне.

I.

Пригрезился снова мнѣ сонъ былой...
 Майская ночь — въ небѣ звѣзды зажглись...
 Сидѣли мы снова подъ липой густой
 И въ вѣрности вѣчной клялися.

То были клятвы и клятвы вновь,
 То слезы, то смѣхъ, то лобзаніе было...
 Чтобы лучше я клятвы запомнилъ, ты въ кровь
 Мнѣ руку взяла — укусила.

О, милочка, съ ясной лазурью очей,
 О, другъ мой и злой и прелестный!
 Цѣловаться, конечно, въ порядкѣ вещей,
 Но кусаться совсѣмъ неумѣстно.

II.

Страдаешь ты и молкнешь ропотъ мой,
 Любовь моя, — намъ поровну страдать...
 Пока вся жизнь замретъ въ груди больной,
 Любовь моя, намъ поровну страдать!

Пусть прямъ и смѣлъ блеститъ огнемъ твой взоръ,
 Насмѣшки вьется по устамъ змѣя
 И рвется грудь такъ гордо на просторъ,
 Страдаешь ты и столько же, какъ я.

Въ очахъ слеза прокрадется порой, —
 Дано тоскъ улыбку обличать,
 И грудь твоя не сдавить язвы злой.
 Любовь моя, намъ поровну страдать.

III.

Они меня истерзали
 И сдѣлали смерти блѣднѣй, —
 Одни — своею любовью,
 Другіе — враждою своею.

Они мнѣ мой хлѣбъ отравили,
 Давали мнѣ яду съ водой, —
 Одни — своею любовью,
 Другіе — своею враждой.

Но та, отъ которой всѣхъ больше
 Душа и доселѣ больна,
 Мнѣ зла никогда не желала
 И меня не любила она!

IV.

Жилъ-былъ старый король,
 Съ сѣдой бородою да съ суровой душою.
 И, — блѣдный старый король.
 Онъ жилъ съ женою молодою.

И жилъ-былъ пажъ молодой,
 Съ головою бѣлокурою да съ веселой душою...
 Носилъ онъ шлейфъ золотой
 За царской женою молодою.

Есть старая пѣсня одна,
 Мнѣ съ самаго дѣтства ее натвердили...
 Имъ гибель обоимъ была суждена,
 Другъ друга они слишкомъ сильно любили.

V.

Ядовиты мои пѣсни,
 Но виной тому не я,
 Это ты влила мнѣ яду
 Въ свѣтлый кубокъ бытія.

Ядовиты мои пѣсни,
 Но виной тому не я:
 Много змѣй ношу я въ сердцѣ, —
 И тебя, любовь моя.

VI.

Не пора-ль изъ души старый вымести соръ,
 Давно прожитаго наслѣдія?
 Я съ тобою, мой другъ, какъ искусный актеръ
 Разыгрываю долго комедію.

Романтическій стиль отражался во всемъ, —
 (Былъ романтикъ въ любви и въ искусствѣ я)
 Паладинскій мой плащъ весь блисталъ серебромъ,
 Изливалъ я сладчайшія чувства.

Но вѣдь странно, что вотъ и теперь, какъ гожусь
 Ужъ не въ рыцари больше, въ медвѣди я,
 Все какой-то безумной тоскою томлюсь,
 Словно прежняя длится комедія.

О мой Боже! должно-быть и самъ я не знаю,
 Что былъ не актеръ, а страдающій,
 И что, съ смертною язвой въ груди, представляю
 Я сцену: «Боецъ умирающій».

Лв. Григорьевъ.

ПѢСНИ ГЕЙНЕ.

(п. в. Павлову.)

1.

Красавицу юноша любить;
 Но ей полюбился другой,
 Другой этотъ избралъ другую,
 И назвалъ своею женой.

За перваго встрѣчнаго замужъ —
 Красавица съ горя идетъ.
 А бѣднаго юноши сердце
 Тоска до могилы гнететъ.

Старинная сказка! Но вѣчно
Останется новой она;
И лучше-бъ тому не родиться —
Надъ кѣмъ она сбыться должна!

2.

Ты мнѣ долго вѣрна оставалась,
Помогала мнѣ въ горѣ, въ нуждѣ;
За меня горячо ты вступалась,
Гдѣ могла, хлопотала вездѣ.

Ты кормила меня и поила,
Шелъ къ тебѣ и за деньгами я,
И паспортъ меня ты снабдила
И дала на дорогу бѣлья.

О, пусть дольше тебя, дорогая,
Рокъ отъ стужи и зноя хранитъ;
И живи ты, тѣхъ благъ не вкушая,
Что онъ мнѣ такъ усердно даритъ.

3.

Собравшись за столикомъ чайнымъ,
Они о любви говорили;
Мужчины изящны, а дамы
Такъ нѣжны, чувствительны были.

— Любить платонически должно;
Совѣтникъ сказалъ свое мнѣнье.
Совѣтница только плечами
Пожала съ улыбкой презрѣнья.

Любить слишкомъ пылко не надо,
Замѣтилъ пасторъ: — нездорово!
Какъ такъ? поспѣшила дѣвица
Вкленить въ разговоръ свое слово.

Графиня промолвила томно: —
Любовью я страсть называю;
Потомъ господину барону,
Вздохнувъ, подала она чаю.

Твое лишь за столкомъ чайнымъ
 Мѣстечко не занято было.
 А какъ бы ты имъ рассказала,
 Мой другъ! про любовь свою мило.

4.

О! не будь нетерпѣлива,
 И прости, что въ пѣсняхъ новыхъ,
 Все еще такъ слышенъ отзывъ —
 Старой боли, дней суровыхъ.

Погоди, когда замолкнетъ
 Эхо прожитыхъ мученій;
 Въ исцѣленномъ сердцѣ — пѣсенъ
 Встрепенется рой весенній!

5.

Съ тобою мнѣ побыть хотѣлось,
 Часокъ-другой наединѣ.
 Но ты куда-то торопилась,
 «Я занята» — сказала мнѣ.

Я говорилъ, что я страдаю,
 Что безъ тебя мнѣ счастья нѣтъ;
 Ты низко, чопорно присѣла,
 И засмѣялась мнѣ въ отвѣтъ.

Чтобъ переполнить грудь мнѣ мукой,
 Ты до конца осталась зла.
 Какъ ни молилъ я, — на прощаньи
 Мнѣ поцѣлуя не дала.

Но все-жъ, однако, — не подумай,
 Чтобъ застрѣлился съ горя я;
 Увы! Все это разъ ужъ было
 Со мной, красавица моя!

6.

Разстаемся мы на долго,
 Мой родимый городокъ.
 Ясныхъ дней моихъ могила,
 Колыбель моихъ тревогъ.

И тебѣ порогъ священный,
Гдѣ любимыхъ ножекъ слѣдъ,
Посылаю я послѣдній
И прощальный свой привѣтъ!

Ахъ, зачѣмъ дано мнѣ было,
Встрѣтить гордую ее,
Не страдало-бъ, не томилось
Сердце бѣдное мое.

Я молчалъ, не докучая
Ей признаніемъ своимъ;
И дышать хотѣлъ я только
Съ нею воздухомъ однимъ.

Но меня отсюда гонять,
Милой строгія слова.
Разорваться хочетъ сердце —
И поникла голова!

Такъ и быть, дорогой пыльной
Потащуся я пока,*
Гдѣ-нибудь въ могилѣ темной
Не заснетъ моя тоска!

7.

На станціи встрѣтилась какъ-то —
Семья моей милой со мной.
Папаша, мамаша, сестрицы
Меня окружили толпой!

Спросили меня о здоровьи,
И хоромъ сказали: ей, ей,
Такой же вы все какъ и были,
Но только — какъ-будто блѣднѣй.

А я о снохахъ и заловкахъ,
О скучныхъ знакомыхъ спросилъ;
Спросилъ ихъ, все такъ-же-ли лаетъ
Ихъ шпицъ изъ всѣхъ своихъ силъ?

О милой, ужъ вышедшей за-мужъ,
 Я въ рѣчи коснулся слегка;
 И мнѣ отвѣчали съ улыбкой:
 «Богъ далъ ей недавно сыпка.»

Я, тоже съ улыбкой, поздравилъ;
 Прося убѣдительно ихъ,
 Мое передать ей почтенье,
 Когда она будетъ у нихъ.

Меньшая сестрица сказала,
 Что шницъ ихъ все вылъ по ночамъ,
 Отъ жиру взбѣсившись; и въ Рейнѣ
 Папѣ утопилъ его самъ.

И мнѣ показалось, что съ милой
 Есть сходство въ сестрицѣ меньшей;
 У ней тѣ-же глазки, что душу
 Мою отравили тоской!

С. Петербургъ. 1858.

Александръ Шлецеръ.

i.

Изъ Гейне *).

I.

Изъ слѣзъ моихъ много родится
 Роскошныхъ и пестрыхъ цвѣтовъ,
 И вздохи мои обратятся
 Въ полунощный хоръ соловьевъ.

Дитя! если ты меня любишь,
 Цвѣты всѣ тебѣ подарю,
 И пѣснь соловьиная встрѣтитъ
 Подъ милымъ окошкомъ зарю.

*) Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній разновременно уже появлялись въ печати. Желая помѣстить ихъ въ число еще ненапечатанныхъ, я не могъ не замѣтить, что всѣ онѣ вновь пересмотрѣны и по возможности исправлены.

II.

Лилею, розой, голубкой, денницею
 Когда-то и я восторгался сторицей.
 Теперь я забылъ ихъ, плѣвняся одною
 Младую, родною, живою душою:
 Она, всей любви и желаній царица,
 Мнѣ роза, лилея, голубка, денница.

III.

Ланитой къ ланитѣ моей прикоснись —
 Тогда наши слезы сольются;
 И сердцемъ тѣснѣе мнѣ къ сердцу прижмись —
 Огнемъ они общимъ зажгутся.

И если въ тотъ пламень прольются рѣкой
 Тѣ общія слезы мученья,
 Я, крѣпко тебя охвативши рукою,
 Умру отъ тоски наслажденья.

IV.

Дитя! мои пѣсни далѣко
 На крыльяхъ тебя унесутъ,
 Къ долинамъ Гангесова тока:
 Я знаю тамъ лучшій пріютъ.

Тамъ свѣтомъ луны обливаясь,
 Въ саду все зардѣвшися цвѣтеть.
 И лотоса цвѣтъ, преклоняясь,
 Сестрицу завѣтную ждетъ.

Смѣясь, незабудкины глазки
 На дальныя звѣзды глядятъ,
 И розы душистыя сказки
 Другъ-другу въ ушко говорятъ.

Припрянувъ, вниманія полны,
 Тамъ смирно газели стоятъ;
 А тамъ, въ отдаленіи, волны
 Священнаго тока шумятъ.

И тамъ мы подъ пальмою молодою,
 Любви и покоя полны,
 Склонившись, уснетъ — и съ тобою
 Увидимъ блаженные сны.

V.

Какъ изъ пѣны водъ рожденная,
 Другъ мой презести позна,
 Вѣдь другому обрученная,
 Ты предъ нимъ сіять должна.

Сердце ты многострадальное,
 На пзмѣну не ропщи,
 И безуміе печальное
 Ты оправдывать ищи.

VI.

Я не ропщу, пусть сердце и въ огнѣ; —
 На-вѣкъ погибшая, роптать — не мнѣ;
 Какъ ни сіяй въ алмазахъ дня очей,
 А ни луча во мглѣ душъ твоей.

Я это зналъ. Вѣдь ты-же снилась мнѣ;
 Я видѣлъ ночь душъ твоей на днѣ,
 И видѣлъ змѣй въ груди твоей больной,
 И видѣлъ, какъ несчастна ты, другъ мой.

VII.

Да, ты несчастна — и мой гнѣвъ угасъ.
 Мой другъ, обонмъ намъ судьба — страдать.
 Пока больное сердце бьется въ насъ,
 Мой другъ, обонмъ намъ судьба — страдать.

Пусть явный вызовъ на устахъ твоихъ,
 И взоръ горитъ, насмѣшки не тая,
 Пусть гордо грудь трепещетъ въ этотъ мигъ:
 Ты все несчастна, какъ несчастенъ я.

Улыбка горемъ озарится вдругъ,
 Огонь очей слеза зальетъ опять,
 Въ груди надменной язва тайныхъ мукъ,
 Мой другъ, обонмъ намъ судьба — страдать.

VIII.

На сѣверѣ дубъ одинокій
Стоитъ на пригоркѣ крутомъ ;
Онъ дремлетъ, сурово покрытый
И снѣжнымъ, и лдянымъ ковромъ.

Во снѣ ему видится пальма,
Въ далекой, восточной странѣ,
Въ безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скагѣ...

IX.

Слышу-ли гѣсенки звуки,
Той, что пѣвала она, —
Снова томительной муки,
Грудь, какъ бывало, полна.

Такъ и потяветъ невольню
Въ горы, да къ темнымъ гѣсамъ, —
Все, что и горько, и больно,
Можетъ-быть, выплачу тамъ.

X.

Мой другъ! мы съ тобою сидѣли,
Довѣрчиво, въ легкомъ челнѣ.
Тиха была ночь — и хотѣли
Мы морю отдаться вполнѣ.

И островъ видѣній прекрасный
Дрожалъ, озаренный луной.
Звучалъ тамъ нашѣвъ сладкогласный,
Туманъ колыхался ночью.

Тамъ слышались нѣжные звуки,
Туманъ колыхался какъ хоръ, —
А мы, преисполнены муки,
Неслись на безбрежный просторъ.

XI.

Твои пылаютъ щеки
Румянцемъ вѣшнихъ рѣзъ,
А въ крошечномъ сердечкѣ,
По-прежнему, морозъ.

Измѣнится все это,
 Увидишь ты сама,
 На сердцѣ будетъ лѣто
 И на щекахъ зима.

XII.

Я плакалъ во снѣ; мнѣ приснилось,
 Что другъ мой во гробѣ лежитъ;
 И я проснулся — и долго
 Катилися слезы съ ланитъ.

Я плакалъ во снѣ; мнѣ приснилось,
 Что ты расстаешься со мной:
 И я проснулся — и долго
 Катилися слезы рѣкой.

Я плакалъ во снѣ; мнѣ приснилось,
 Что ты меня любишь опять;
 И я проснулся — и долго
 Не въ силахъ я слезъ быть унять.

XIII.

Когда на дорогѣ, случайно,
 Мнѣ встрѣтилась милой родня:
 И мать, и отецъ, и сестрица —
 Любезно узнали меня.

Спросили меня о здоровьи,
 Прибавивши сами потомъ,
 Что мало во мнѣ перемѣны,
 Одно, что я блѣденъ лицомъ.

О теткахъ, золовкахъ и разныхъ
 Докучныхъ спрашивалъ я,
 О маленькой, также, собачкѣ,
 Съ привѣтливымъ лаемъ ся.

Спросилъ, между прочимъ, о милой:
 Какъ съ мужемъ она прожила?
 И мнѣ отвѣчали любезно,
 Что только на-дняхъ родила.

И я ихъ любезно поздравилъ,
И нѣжно шепталъ имъ въ отвѣтъ,
Проя передать поздравленье
И тысячу разъ мой привѣтъ.

Сестрица примолвила громко:
— Съ собачкой случилась бѣда;
Какъ стала большою, взбѣсилась —
Утоплена въ Рейнѣ тогда.

Въ малюткѣ есть съ мною сходство,
Улыбку ея узнаю:
И тѣ-же глаза, что сгубили
И юность, и душу мою.

XIV.

Съ порога рыбачей избушки
Мы видѣли море вдали;
Вечерній туманъ отдѣлялся
Примѣтно отъ волнъ и земли.

Одинъ за другимъ зажигались
Огни на большомъ маякѣ,
И лишній одинъ разглядѣли
Еще мы корабль вдалекѣ.

Шла рѣчь о крушеньяхъ и буряхъ,
О томъ, что матросу бѣда, —
Что онъ между небомъ и бездною,
Надеждой и страхомъ всегда.

Про Сѣверъ и Югъ толковали,
Какія по тѣмъ берегамъ
Особья есть населенья,
Какіе обычаи тамъ.

Въ цвѣтахъ берега у Гангеса,
Лѣса-исполины растутъ,
И стройные, кроткіе люди
Тамъ лотось, склоняяся, чтуть.

Въ Лапландіи грязные люди,
Курносый, невзрачный народъ:

Къ огню подобрется, да рыбу
Готова пицить и ореть.

Дослушали дѣвочки жадно,
Никто ни полслова потомъ;
Корабль въ отдаленіи скрылся, —
Давно потемнѣло кругомъ.

XV.

Красавица-рыбачка,
Причалъ свою ладью,
Пойди и сядь со мною,
Дай руку мнѣ свою.

Довѣрчиво головкой
На грудь склонись ко мнѣ,
Вѣдь ты-жь себя ввѣряешь
Безпечно глубинѣ.

Съ приливомъ и отливомъ,
Что море, грудь моя,
И много чудныхъ перловъ
Во глубинѣ ея.

XVI.

Нисходятъ во гробъ поколѣнья,
Идутъ и проходятъ года,
И только одна въ моемъ сердцѣ
Любовь не пройдетъ никогда.

Хоть разъ-бы еще на волѣни
Упасть мнѣ и встрѣтить твой взоръ,
И только сказать, умирая:
Madame, je vous adore!

XVII.

Они любили другъ-друга,
Но каждый упорно молчалъ;
Смотрѣли врагами, но каждый
Въ томленьи любви изъывалъ.

Они разстались — и только
 Встрѣчались въ видѣньи ночномъ;
 Давно они умерли оба,
 И сами не знали о томъ.

XVIII

Когда я про горе свое говорилъ,
 То каждый зѣвалъ, да молчанье хранилъ;
 Когда-же въ стихи я его нарядилъ,
 То много великихъ похвалъ заслужилъ.

XIX

Какъ луна, свѣтя во мракѣ,
 Прорѣзаетъ парь густой,
 Такъ изъ темныхъ лѣтъ всплываетъ
 Ясный образъ предо мной:

Всѣ на палубѣ сидѣли,
 Гордо Рейнъ судно качалъ,
 Позднѣй лучъ младую зелень
 Береговъ озолочалъ.

И у ногъ прекрасной дамы
 Я задумчиво сидѣлъ,
 Блѣдный ликъ ея на солнцѣ
 Яркимъ пламенемъ горѣлъ.

Струнъ томленье, хоровъ пѣнье,
 Жизнь какъ праздникъ хороша! —
 Небо тихо голубѣло,
 Расширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
 Замки, горы мимо насъ,
 И свѣтились мнѣ на встрѣчу —
 Въ парѣ ясныхъ женскихъ глазъ.

XX

Во снѣ я милую видѣлъ:
 Во взорѣ забота, испугъ.
 Когда-то цвѣтущее тѣло
 Извелъ, обезсилилъ недугъ.

Ребенка несла, а другого
 Вела злополучная мать;
 Во взорѣ, походкѣ и платьѣ
 Нельзя нищеты не признать.

Шатаясь, брела она къ рынку,
 И тутъ я ее повстрѣчалъ.
 Она посмотрѣла... — и тихо,
 И горестно я ей сказалъ:

— Пойдемъ ко мнѣ въ домъ. Невозможно
 И блѣдной и хворой бродить:
 Я стану усердной работой
 Тебя и кормить и поить.

Дѣтей твоихъ стану лелѣять,
 Всю нѣжность на нихъ обратя,
 Но, прежде-всего, на тебя-то:
 Бѣдняжка! больное дитя!

Тебѣ никогда не напомнимъ
 Ничѣмъ о любви я своей,
 И если умрешь ты — я буду
 Рыдать на могилѣ твоей.

XXI.

Какъ цвѣтъ ты чиста и прекрасна,
 Нѣжна, какъ цвѣтокъ по веснѣ.
 Взгляну на тебя — и тревога
 Прокрадется въ сердце ко мнѣ.

И кажется, будто-бъ я руки
 Тебѣ на чело возложилъ,
 Молясь, чтобы Богъ тебя нѣжной,
 Прекрасной и чистой хранилъ.

XXII.

Хотѣлъ я съ тобою остаться,
 Забыться, моя красота!
 Но было намъ должно разстаться:
 Ты чѣмъ-то была занята.

Тебѣ я сказала, что связала
 Намъ души незримая связь;
 Но ты отъ души хохотала,
 И ты мнѣ присѣла, смѣясь.

Страданья прибавить съумѣла
 Ты чувствамъ влюбленнымъ моимъ,
 И даже польстить не хотѣла
 Прощальнымъ лобзаньемъ своимъ.

Не думай, что я застрѣлюся,
 Какъ мнѣ и ни горекъ отказъ,
 Все это, мой другъ, признаюся,
 Со мною бывало не разъ.

XXIII.

Ахъ! опять все тѣ-же глазки,
 Что такъ нѣжно улыбались,
 И опять все тѣ-же губки,
 Что такъ сладко цѣловались.

Этотъ голосъ, мнѣ когда-то
 Дорогой, — не измѣнился;
 Только самъ уже не тотъ я,
 Измѣненнымъ воротился.

Вновь меня объемлютъ страстно
 Блѣдно-розовыя руки,
 Но лежу у ней на сердцѣ,
 Полонъ холода и скуки.

XXIV.

Но бульварамъ Саламанки
 Воздухъ благорастворенный.
 Тамъ, въ прохладный лѣтній вечеръ,
 Я гуляю съ милой донной.

Я рукой нетерпѣливой
 Обнялъ стройное созданье,
 И блаженнымъ пальцемъ слышу
 Гордой груди колыханье.

Но по липамъ слышенъ шорохъ,
 Полный чѣмъ-то невеселымъ,
 И ручей внизу плотины
 Злобно грѣзить сномъ тяжелымъ.

— Ахъ, сеньора! чуетъ сердце:
 Скоро буду я въ изгнаньи;
 По бульварамъ Саламанки
 Не ходить намъ на гуляньи.

XXV.

Горная идиллія.

На горѣ стоятъ избушка,
 Гдѣ живетъ старикъ сѣдой;
 Тамъ сосна шумитъ вѣтвями,
 Свѣтитъ мѣсяцъ золотой.

Посреди избушки кресло,
 Всѣ въ рѣзбѣ его края;
 Кто на нихъ сидитъ, тотъ счастливъ,
 И счастливецъ этотъ — я.

На скамьѣ сидитъ малютка,
 Подпершись на локотокъ.
 Глазки — звѣзды голубыя,
 Ротикъ — розовый цвѣтокъ.

И малютка эти звѣзды
 Кротко на меня взвела,
 И лилейный пальчикъ хитро
 Къ розѣ устъ приподняла.

Нѣтъ, никто насъ не увидитъ,
 Мать такъ пристально прядетъ,
 И отецъ, водъ звуки цитры,
 Пѣснь старинную поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,
 Тихо — звуки затая,
 Много тайнъ неважныхъ
 Отъ нея развѣдалъ я.

«Но какъ тетушка скончалась,
И ходить нельзя ужъ намъ
На стрѣлковый праздникъ въ Госларъ;
Хорошо бываетъ тамъ.

«Здѣсь, напротивъ, такъ пустынно
Горъ холодныхъ вышины,
И зимой мы совершенно
Будто въ снѣгъ погребены.

«Я-же, робкая такая,
Какъ ребенку, страшно мнѣ;
Знаю, ночью злые духи
Бродятъ въ нашей сторонѣ».

Вдругъ малютка приумолкла,
Какъ-бы словъ страшась своихъ
И рученками прикрыла
Звѣзды глазокъ голубыхъ.

Пуще вѣтръ шумитъ сосною,
Прялка воетъ и реветъ,
И подъ звонкій голосъ цитры
Пѣснь старинная поетъ:

«Не страшись, моя малютка,
Покушеній власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы надъ тобой!»

XXVI.

Желтѣетъ древесная зелень,
Дрожа, опадаютъ листья...
Ахъ, все увядаетъ, все меркнетъ,
Всѣ нѣги, весь блескъ красоты.

И солнце вершины лѣсныхъ
Тоскливымъ лучемъ обдаетъ.
Знать, въ немъ уходящее лѣто
Лобзанье прощальное шлетъ.

А я, я хотѣлъ-бы заплакать,
Такъ грудь истомилась тоской...

Напомнила эта картина
Мнѣ наше прощанье съ тобой.

Я зналъ, разставаясь, что вскорѣ
Ты станешь жилищей небесъ.
Я былъ — уходящее лѣто,
А ты — умирающій лѣсъ.

XXVII.

Посейдонъ.

Солнце лучами играло
Надъ моремъ, катящимъ далеко валы;
На рейдѣ блисталъ въ отдаленнѣ корабль,
Который въ отчизну меня поджидалъ;
Только попутнаго не было вѣтра,
И я спокойно сидѣлъ на бѣломъ пескѣ
Пустыннаго берега;
Пѣснь Одиссея читалъ я — старую,
Вѣчно юную пѣснь. — Изъ ея
Моремъ шумящихъ страницъ предо мной
Радостно жизнь подымалась
Дыханьемъ боговъ,
И свѣтлой весной человѣка,
И небомъ цвѣтущимъ Элады.
Благородное сердце мое съ участиемъ слѣдило
За сыномъ Лазрта въ путяхъ многотрудныхъ его;
Садилось съ нимъ въ печальномъ раздумьи
За радушный очагъ,
Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ;
Лгать и удачно ему убѣгать помогало
Изъ объятія нимфъ и пещеръ исполиновъ;
За нимъ въ Киммерійскую ночь, и въ ненастье,
И въ кораблекрушенье неслоь,
И съ нимъ несказанное горе терпѣло.
Вздохнувши сказалъ я: — «Злой Посейдонъ,
Гнѣвъ твой ужасенъ,
И самъ я боюсь
Не вернуться въ отчизну!»
Едва я окончилъ —
Загнѣнилось море,

И богъ морской изъ бѣгьющихъ волнъ
 Главу осокю вѣччанную поднятъ,
 Сказавши въ насмѣшку:
 — Что ты боишься, поэтикъ?
 Я ни мало не стану тревожить
 Твой бѣдный корабликъ,
 Не стану въ раздумье о жизни любезной тебя
 Вводить излишнею качкой.
 Вѣдь ты, поэтикъ, меня никогда не сердилъ:
 Ни башенки ты не разрушилъ у стѣнъ
 Священнаго града Пріама,
 Ни волоса ты не спалилъ на глазу
 Полифема, любезнаго сына,
 И тебѣ не давала совѣтовъ ни въ чемъ
 Богиня ума — Паллада Аѣнна.
 Такъ воззвалъ Посейдонъ,
 И въ море опять погрузился,
 И надъ грубою остротой моряка
 Подъ водой засмѣялись
 Амфитрита — женщина-рыба,
 И глуныя дщери Нерея.

XXVIII.

Эпиграммъ.

Будто на нивѣ колосья,
 Зрѣютъ, колеблясь, въ душѣ человѣка
 Помыслы;
 Но между нихъ прорываются ярко
 Помыслы вѣжно-любовные, словно
 Алые да голубые цвѣты,
 Алые да голубые цвѣты!
 Брезгаютъ вами жнецы, какъ травой безполезной,
 Нагло за тѣмъ васъ молотятъ дубины;
 Даже бездомный прохожій
 Вдоволь насытитъ и взоры, и сердце,
 Да, покачавъ головой,
 Дастъ вамъ названіе плевелъ прекрасныхъ...
 Но молодая крестьянка
 Васъ на вѣнокъ
 Ищетъ заботливо,

Ваши убрать золотистыя кудри,
 И въ этомъ уборѣ спѣшить въ хороводъ,
 Гдѣ дудки да пѣсни отрадно манятъ,
 Иль подъ развѣсистый вязъ,
 Гдѣ голосъ любезнаго слаще манитъ
 Дудокъ и пѣсень.

А. Фетъ.

Д Ѳ м а.

(Изъ Гейне. «Die Heimkehr».)

I.

Было... Въ жизненныхъ потѣмкахъ
 Свѣтлый образъ мнѣ сиялъ
 Да угасъ — онъ, свѣтлый образъ,
 И повсюду сумракъ палъ.

Если дѣти испугались,
 Очувившись въ потѣмахъ,
 Запѣвають громко пѣсню,
 Что-бъ прогнать невольный страхъ.

Такъ-то, глупенькій ребѣнокъ,
 Такъ въ-потѣмахъ пою и я:
 Пѣсня можетъ-быть нескладна,
 Да боязнь прошла моя.

17 марта 1859 г.

IV.

По лѣсу брожу я и плачу,
 А дроздъ, сквозь густыя листы,
 Мнѣ свищетъ, порхая по вѣткамъ:
 «О чемъ — закучинился ты?»

Узнай у сестрицъ, у косатокъ —
 Онѣ тебѣ скажутъ — о чемъ:
 Весной онѣ гнѣзда лѣпили
 У милой моей подъ окномъ.

17 марта 1859 г.

LX.

Сегодня у васъ вечеринка
И въ комнатахъ будто-бы день;
Сквозь прѣсія стекла мелькаетъ
И движется стройная тѣнь.

Меня ты не видишь: въ потѣмкахъ
Стою я внизу, подъ окномъ;
А въ сердцѣ моемъ и подавно
Не видишь — такъ сумрачно въ немъ.

Но въ сумракѣ томъ ретивѣе
Подъ пыткой должно обмирать
И кровью должно обливаться...
А ты?... Да тебѣ не видать...

LXI.

Хотѣлъ-бы въ единое слово
Я слить мою грусть и печаль,
И бросить то слово на вѣтеръ,
Чтобъ вѣтеръ унесъ его вдаль.

И пусть-бы то слово печали
По вѣтру къ тебѣ донеслось,
И пусть-бы всегда и повсюду
Оно тебѣ въ сердце лилось.

И если-бъ усталыя очи
Сомкнулись подъ грѣзой ночной,
О, пусть-бы то слово печали
Звучало во снѣ надъ тобой.

LXXV.

Я и самъ въ былые годы
Перенесъ любви невзгоды,
Я и самъ сгоралъ не разъ;
Но дрова все дорожаютъ —
Искры страсти угасаютъ...
Ma foi! — и въ добрый часъ.

Поняла?... Отри-же слѣзы;
Прогони смѣшныя грѣзы

Вмѣстѣ съ глупою тоской;
 Будь похожа на живую, —
 И забудь любовь былую...
Ma foi! — хоть-бы со мной.

8 марта 1859 г.

Л О Р Е Л Е Я.

Изъ Гейне.

Богъ вѣсть, отчего — такъ нежданно
 Тоска мнѣ всю душу щемить,
 И въ памяти такъ неустанно
 Старинная пѣсня звучить?...

Прохладой и сумракомъ вѣетъ;
 День выждалъ вечерней поры;
 Рейнъ катится тихо, — и рдѣетъ,
 Вся въ искрахъ, вершина горы.

Взошла на утѣсы крутые
 И сѣла дѣвица-краса,
 И чешетъ свои золотые,
 Что солнечный лучъ, волоса.

Ихъ чешетъ она, распѣвая, —
 И гребень у ней золотой, —
 А пѣсня такая чудная,
 Что нѣтъ и на свѣтѣ другой.

И обмеръ рыбакъ запоздалый,
 И, пѣсню слышавши ту,
 Забылъ про подводныя скалы
 И смотреть туда въ высоту...

Мнѣ кажется: такъ вотъ и канетъ
 Челнокъ: вѣдь рыбакъ безъ ума,
 Вѣдь пѣсней призывною манить
 Его Лорелея сама.

21 марта 1859 г.

Л. Мей.

ИЗЪ ГВѢИИ.

I.

Вѣдь свѣтъ нашъ глушь, вѣдь свѣтъ нашъ слѣпъ
 Своею пошлостью безмѣрной:
 Онъ говорить, что у тебя
 Характеръ, милая, прескверный.

Но свѣтъ нашъ слѣпъ, но свѣтъ нашъ глупъ:
 Онъ не пойметъ тебя, не зная —
 Какъ жжешь огнемъ ты свѣжихъ губъ —
 И какъ ласкаешь, изнывая!..

II.

Чутко въ сердцѣ отдается
 Майской пѣсни чудный звонъ —
 Пусть звучитъ-же, пусть несется
 Въ даль быстрѣй и чище онъ!..

Ты несись къ цвѣтамъ весеннимъ,
 Облетай скорѣй весь свѣтъ,
 И когда увидишь Розу —
 Передай ей мой привѣтъ.

III.

Дай-же ручку: каждый пальчикъ
 Я еще перецѣлую,
 Обниму тебя еще разъ
 И уйду, и затоскую...

Отъ твоихъ лукавыхъ глазокъ
 Нѣтъ на свѣтѣ мнѣ покою —
 Все одна загадка мучить:
 Самъ не знаю, что со мною...

IV.

И липы цвѣли, и гремѣлъ соловей,
 И солнце рвалось веселѣе блеснуть, —
 А ты обнимала меня горячѣй,
 И знойно лобзала, и льнула на грудь.

Но глянула осень... ужъ листь упадаѣтъ,
 Послало и солнце прощальный привѣтъ, —
 Тогда я «прощайте» учтиво сказалъ,
 А ты мнѣ учтиво пресѣла въ отвѣтъ.

V.

Какъ можешь ты спокойно спать,
 Межь-тѣмъ, какъ я еще живу? —
 Вѣдь старый гнѣвъ придетъ опять —
 И я всё узы разорву!..

Слыхала пѣсню ты не разъ,
 Какъ рыцарь — сумрачный мертвецъ.
 Свою любовь въ полночный часъ
 Увлекъ въ могилу подъ вѣнецъ.

Страшисъ меня, мое дитя:
 И я въ полночь придети готовъ;
 Но я вѣдь живъ и, не шутя,
 Сильнѣе всякихъ мертвецовъ.

VI.

Дѣва — розовыя губки,
 Дѣва — глазки ярче дня! —
 Ты моя... моя, красотка!
 Разцвѣтай-же для меня...

Дологъ нынче зимній вечеръ:
 Мнѣ-бъ хотѣлось быть съ тобой, —
 Близъ тебя сидѣть, болтая,
 Въ нашей комнаткѣ простой,

Да капризную рученку
 Прижимать къ своимъ губамъ,
 Орошать ее слезами,
 Дать просторъ своимъ мечтамъ...

VII.

Приснилась сегодня мнѣ царская дочь:
 На блѣдныхъ щекахъ ея слезы горѣли;
 Мы съ нею обнявшись подъ липой сидѣли, —
 А намъ улыбалася майская-ночь...

И я говорилъ ей: «не надо мнѣ трона,
Я скиптра отца твоего не хочу:
Мнѣ будетъ тяжка золотая корона, —
Лишь ты для меня!... я съ тобой улечу!...

О, нѣтъ, не надѣйся, мой рыцарь любимый!
Не жить намъ съ тобой, — я давно умерла
И въ полночь къ тебѣ лишь троюю незримой
Изъ гроба воздушною тѣнью пришла....

VIII.

Мнѣ снилось: печально свѣтила луна
И звѣзды на небѣ мерцали печально, —
Я мчался къ прекрасной отъ пристани дальней,
Въ тотъ домъ, гдѣ жила одиноко она.

Примчался — и страстно порогъ цѣловалъ,
И камни ступень цѣловалъ, и перила,
Гдѣ ножка-малютка такъ часто скользила
И станъ опираясь на нихъ отдыхалъ....

А ночь непривѣтно была холодна
И хладны забытыя были ступени —
И снилось, какъ-будто въ окно, въ полутѣни
На призракъ печальный свѣтила луна....

IX.

Моя красавица сіяла
Печально-мрачной красотой
И смутно сказку мнѣ шептала
Средь нѣчи трепетно-нѣмой:

«Въ саду влюбленные сидѣли
Подъ дубомъ, молча, въ далекѣ —
У соловьевъ дрожали трели,
И лунный свѣтъ дрожалъ въ рѣкѣ...»

«У ногъ красавицы смущенной
Любовникъ страстно извивалъ —
И вдругъ... какъ призракъ, испуганный
Предъ ними грозный мужъ предсталъ, —»

«И рыцарь въ панцырѣ и каскѣ
 На землю рухнулся въ крови, —
 Таковъ конецъ и нашей сказкѣ
 И нашей жизни и любви»....

X.

Проносится тихо надъ міромъ весна:
 Цвѣты и деревья цвѣтутъ;
 По небу, проснувшись отъ долгаго сна,
 Пурпурныя тучки плывутъ;

И въ вѣтвяхъ кудрявыхъ средь ночи нѣмой
 Роскошно поютъ соловьи;
 И нѣжится стадо въ травѣ луговой;
 И звонко сбѣгаютъ струи; —

А мнѣ ужъ не пѣть и не видѣть земли:
 Я въ душномъ гробу погребенъ, —
 И чудится пѣсня мнѣ въ звонкой дали,
 И странный мнѣ грезится сонъ....

XI.

Wasserfee.

Потухаетъ мерцающій вечеръ
 И туманъ опустился на море;
 И бѣгутъ кипучія волны,
 Подымаясь въ таинственномъ спорѣ.

Выплываетъ Ундина изъ моря
 И садится ко мнѣ осторожно:
 Ея бѣлыя груди трепещутъ
 И волнуется сердце тревожно....

Обнимаетъ она меня страстно,
 Прижимая къ груди и челѣя, —
 Что такъ крѣпко меня ты сжимаешь,
 Водяная прекрасная фея?

«Я тебя обнимаю такъ крѣпко,
 Потому-что согрѣться хочу я
 Близъ тебя: что-то пасмуренъ вечеръ, —
 Видишь: волны гуляютъ, бушуютъ»....

Блѣдный мѣсяцъ играетъ въ туманахъ,
 А туманы клубятся, густѣя, —
 Твои очи такъ смутны и влажны,
 Водяная прекрасная фея...

«Это только теперь они влажны,
 (А тѣ, влажны они не бываютъ),
 Потому-что я вышла изъ влаги
 И въ нихъ влажныя капли сверкаютъ»....

Раскричались унылыя чайки
 И бушуетъ пучина, темнѣя, —
 Твое сердце такъ дико трепещетъ,
 Водяная прекрасная фея...

«Мое сердце трепещетъ такъ дико,
 Потому-что страдаю смертельно
 И люблю я — тебя... человѣка...
 А люблю я тебя безпредѣльно!»....

ХІІ.

Далѣко море отражало
 Лучи послѣдніе заката;
 Молчали мы — и все молчало,
 Была темна рыбачья хата....

Ночной туманъ окуталъ воды,
 Лишь чайка въ немъ одна кружилась,
 Подъ гнѣтомъ скорби и невзгоды
 Слеза изъ глазъ твоихъ катилась....

И много слезъ себѣ на руки
 Лилъ въ ту ночь ты безотрадно,
 И съ поцѣлуемъ, полнымъ муки,
 Глоталъ тѣ слезы я такъ жадно....

Съ-тѣхъ-поръ все душу безпредѣльно
 Терзаютъ сумрачныя грѣзы, —
 Я отравленъ тобой смертельно:
 Отравой были эти слезы.

1857 г.

Веселоводъ Крестовскій.

Изъ Гейне.

I.

Въ былые дни, въ потемкахъ жизни,
 Отраднѣй образъ мнѣ сиялъ;
 Но онъ разсѣялся мечтою,
 И мракъ ночной меня объялъ.

Когда дѣтямъ въ потьмахъ случится
 Съ стѣсненнымъ сердцемъ страхъ терпѣть,
 Онъ, чтобы боязнь разсѣять,
 Спѣшатъ пѣснь громкую запѣть.

И какъ ребенокъ неразумный,
 Средь мрака началъ пѣть и я;
 Хоть пѣснь и не звучитъ весельемъ,
 За то прошла боязнь моя.

II.

Не пойму, что со мной происходитъ:
 Я тяжелой тоской удрученъ,
 И никакъ изъ ума не выходитъ
 Эта сказка давнишникъ временъ.

Вечеръ близится, воздухъ свѣжѣетъ,
 Рейнъ спокойно течетъ въ берегахъ;
 Верхъ утеса блестятъ и свѣтлѣетъ
 Въ заходящаго солнца лучахъ.

На вершинѣ утеса, въ сѣяньи,
 Сидитъ дѣва волшебной красы;
 Много блеска въ ея одѣяньи,
 И какъ золото волны косы.

Чешетъ волосы гребнемъ изъ злата,
 И поетъ какъ-то дивно она;
 Ея пѣснь выраженьемъ богата,
 И мелодіи чудной полна.

Кто-бъ ни плывъ въ легкой лодкѣ рѣкою,
 Каждый пѣснью волшебной пѣненъ;
 Не увидитъ скалы подъ водою,
 На пѣвицу засмотрится онъ.

И съ ладью глубокой пучиной
 Поглотенъ увлеченный пловець.
 Пѣснь волшебницы Лоръ-Лей — причиною,
 Что таковъ этой сказки конецъ.

IV.

Положи твою ручку на сердце ко мнѣ,
 И прислушайся къ стуку въ его глубинѣ;
 Тамъ столяръ поселился несносный и злой,
 Онъ колотитъ прегромко, гробъ дѣлая мой.

День и ночь непрерывно работа идетъ,
 Этотъ стукъ даже спать мнѣ давно не даетъ.
 «Торопись, столяръ, ты работой своей,
 Чтобъ заснуть наконецъ удалось мнѣ скорѣй».

VI.

Я повстрѣчалъ дорѣгою случайно
 Семейство той, кого я такъ любилъ, —
 Отца и мать, и младшую сестрицу,
 И радостно я встрѣчалъ ими былъ.

Они меня спросили о здоровьи,
 И сами-же прибавили потомъ,
 Что я совсѣмъ ни въ чемъ не измѣнился,
 Лишь нѣсколько блѣднѣе сталъ лицомъ.

Я разспросилъ о теткахъ и кузинахъ,
 И о гостяхъ, съ которыми скучалъ;
 О маленькой, балованной собачкѣ,
 Которой лай у нихъ меня встрѣчалъ.

О милой я спросилъ ихъ между прочимъ,
 Какъ за-мужемъ теиерь она жила?
 И весело они мнѣ отвѣчали:
 Она на днѣхъ счастливо родила.

Я отъ-души ихъ дружески поздравилъ,
 И съ прежнею любовью сталъ шептать,
 Что ей прошу поклонъ и поздравленье
 Отъ стараго знакома передать.

Сестрица быстро наши разговоры
 Перервала, начавши говорить,
 Что ихъ собачка выросла, всбѣсилась,
 И что ее пришлось утопить.

Сестрица эта на нее похожа,
 У ней и смѣхъ рѣшительно такой,
 И глазки схожи съ тѣми, отъ которыхъ
 Я потерялъ и счастье и покой.

XXXVIII.

Дитя мое, помнишь, какъ были
 Мы дѣти, рѣзвились вдвоемъ;
 Въ курятникъ мы лазили вмѣстѣ,
 Въ солому прятались въ немъ.

Умѣли кричать пѣтухами;
 Бывало, кто мимо пойдетъ, —
 Кукурику! — и думаютъ всѣ,
 Что пѣтухъ въ-самомъ-дѣлѣ поетъ.

Найдемъ на дворѣ пустой ящикъ,
 Чѣмъ попало внутри уберемъ,
 Какъ двое друзей поселится,
 И роскошно, открыто живемъ.

Сосѣдова старая кошка
 Къ намъ въ гости заходить туда;
 Я кланяюсь, — ты присѣдаешь,
 И любезностей много всегда.

Распросы начнемъ о здоровьи,
 Въ видѣ нѣжно-заботливыхъ фразъ, —
 Точь-въ-точь, какъ и послѣ встрѣчали
 Мы другихъ старыхъ кошекъ не разъ.

Иногда, какъ старые люди,
 Мы умный вели разговоръ
 О томъ, что при насъ было лучше,
 И что все стало хуже съ тѣхъ поръ.

Что любовь, и вѣрность, и вѣра
 Стали въ мірѣ совсѣмъ пропадать,
 Что сдѣлаѣся кофе дороже,
 И что денегъ почти не видать! —

Миновались дѣтскія игры,
 Что прошло, не является вновь,
 А проходить: и вѣрность, и вѣра,
 Время, деньги, и міръ, и любовь.

XLVII.

Они меня много терзали,
 До злости сердили порой,
 Одни — своею любовью,
 Другіе — своею враждой.

Ядъ въ хлѣбъ мой насупный мѣшали,
 Вливали въ стаканъ его мой,
 Одни — своею любовью,
 Другіе — своею враждой.

Но та, отъ которой всѣхъ больше
 Скорбѣлъ я, сердился, страдалъ, —
 Отъ ней вражды я не встрѣтилъ,
 Отъ ней и любви не видалъ.

XL.

Сегодня у нихъ званый вечеръ,
 Домъ сіяетъ и блещетъ въ огнѣ;
 Вотъ знакомая тѣнь шевелится
 На верху, въ освѣщенномъ окнѣ.

Въ темотѣ ты меня не увидишь,
 Я внизу одиноко стою,
 И тебѣ невозможно замѣтить,
 Что я въ сумракѣ сердца таю.

Сердце темное полно любовью,
 И любовь эта губить его;
 Оно бьется и кровью исходитъ,
 А тебѣ не видать ничего.

XLI.

Я хотѣлъ-бы всё сердца страданья
Въ одно звучное слово включить,
И свободного, рѣзваго вѣтра
Легкимъ крыльямъ его поручить.

Пусть снесетъ его вѣтеръ летучій
Къ той, кого я люблю всей душой;
Пусть звучитъ скорби полное слово
Завсегда и вездѣ надъ тобой.

И когда ты дремотой забыться
Пожелаетъ въ ночной тишинѣ,
Пусть преслѣдуетъ звукомъ упрека
Это слово тебя и во снѣ.

LVIII.

Вѣтръ осенній деревья колеблетъ,
Сыро, холодно въ мракѣ ночномъ;
Завернувшись въ плащъ мой дорожный,
Лѣсомъ ѣду одинъ я верхомъ.

Ѣду я, но гораздо скорѣе
Скачутъ мысли мои предо мной;
Онѣ мчатъ меня быстрымъ полетомъ
Въ домъ подруги моей дорогой.

Лай собакъ раздается, и слуги
Со свѣчами выходятъ на дворъ;
Я взлетаю, по лѣстницѣ круглой,
Съ быстротой и съ бряцаніемъ шпоръ.

Въ освѣщенномъ, роскошномъ покоѣ
Такъ тепло и отраднo дышать;
Тамъ меня ожидаетъ подруга, —
Ее къ сердцу спѣшу я прижать.

Вѣтеръ воетъ и свищетъ межъ листьевъ,
И сталь дубъ боржотать надо мной:
Чего хочешь ты, всадникъ безумный,
Съ безразсудной твоею мечтой?

LXXXVI.

Покровомъ ночи чуждый путь одѣтъ,
 На сердцѣ боль, и въ членахъ утомленье;
 Но мѣсяцъ всплылъ и льетъ отраднѣй свѣтъ,
 Какъ тихое небесъ благословенье.

Отраднѣй свѣтъ, струящійся въ лучахъ,
 Разсѣялъ мракъ и всѣ ночныя грезы;
 Прошли мои терзанія и страхъ,
 И на глазахъ росю блещутъ слезы.

LXXXVII.

Смерть есть ночь, съ ея прохладной тишиной,
 Жизнь — томительный и душно-знойный день.
 Ужъ темнѣетъ, началъ сонъ меня клонить,
 Утомилъ меня несносный жаръ дневной.

Дерево растеть близъ ложа моего,
 Молодой поеть средь вѣтокъ соловей;
 Онъ поеть, не умолкая, про любовь,
 И сквозь сонъ мнѣ пѣнье слышится его.

XLI.

Мнѣ приснилась любимая мною,
 Въ видѣ женщины блѣдной, больной;
 На увядшемъ лицѣ красы прежней
 Не осталось черты ни одной.

На рукахъ ея слабыхъ ребенокъ,
 Ведеть возлѣ другого она;
 Нищета и въ лицѣ, и въ одеждѣ,
 И въ походкѣ несчастной видна.

Черезъ торговую площадь, шатаюсь,
 Она шла, — я ее повстрѣчалъ;
 На меня она робко взглянула,
 И ей съ тихою скорбью сказалъ:

«Ты слаба, и больна, и устала,
 Я тебѣ предлагаю мой домъ,
 И поить, и кормить тебя буду
 Я прилежнымъ и честнымъ трудомъ.»

«Я дѣтей твоихъ буду съ заботой
 Охранять и ласкать, и стеречь,
 И тебя, какъ больнаго ребенка,
 Стану нѣжить, поконть, беречь.

«Что любилъ я тебя, — не напомнимъ
 Ни намекомъ, ни словомъ однимъ;
 А умрешь ты, — приду на могилу,
 Плакать горько надъ прахомъ твоимъ.»

XLVIII.

На щечкахъ знойное лѣто
 Играетъ багрянымъ огнемъ;
 Зима съ своей стужей суровой
 Гнѣздится въ сердечкѣ твоемъ.

Придетъ и къ тебѣ перемѣна,
 Красотка, любимая мной!
 Зима на щекахъ поселится,
 А на сердцѣ лѣто и зной.

LXXI.

Какъ мрачные сны среди ночи,
 Дома въ безконечномъ ряду;
 Плащомъ завернувшись плотно,
 Я мимо ихъ молча иду.

Часы ужъ на башнѣ соборной
 Двѣнадцать пробили, звеня;
 Съ подѣлуями, лаской и нѣгой
 Ожидаетъ подруга меня.

Мѣсяцъ ясный вожатымъ мнѣ служить,
 И превесело свѣтитъ сквозь тьму;
 Я, приблизясь къ завѣтному дому,
 Обращаюсь съ улыбкой къ нему.

Спасибо, старинный товарищъ,
 Ты свѣтилъ и помогъ мнѣ дойти;
 Теперь я тебя увольняю,
 Кому хочешь, тому и свѣти.

Но если влюбленнаго встрѣтишь,
И грустить онъ одинъ въ тишинѣ,
Ты утѣшь его нѣжнымъ сіяньемъ,
Какъ сіялъ ты, бывало, и мнѣ.

LVIII.

Вся жизнь изъ лоскутьевъ, весь міръ изъ заплатъ;
Нѣмецкій профессоръ все это исправитъ,
Изъ жизни расшпгой систему составитъ;
Возьметъ онъ колпакъ свой почной и халатъ,
И сложнымъ процессомъ ихъ надѣванья
Зачинитъ прорѣхи всего мірозданья.

Вопросы.

У моря, во мракѣ ночномъ, на брегѣ пустынномъ,
Стоитъ одиноко юноша грустный,
Въ груди его много страданья, въ умѣ еще больше сомнѣнья;
Онъ уныло и мрачно къ волнамъ обращаетъ вопросы:

«Разрѣшите, о волны, загадку мнѣ трудную жизни,
Загадку, которая вѣчно потемками разумъ смущаетъ;
Надъ нею трудилось умомъ не мало головъ во вселенной,
Головъ въ колпакахъ, іероглифами пестро покрытыхъ,
Головъ и въ чалмахъ, и въ докторскихъ черныхъ баретахъ,
Головъ въ парикахъ, и тысячи многообразныхъ,
Бѣдныхъ, людскихъ, обливавшихся потокомъ головъ —
Повѣдайте мнѣ чловѣка, и смыслъ, и значенье?
Откуда является онъ? Зачѣмъ и куда онъ стремится?
И кто обитаетъ на этихъ, какъ золото, сіяющихъ звѣздахъ?» —

Волны морскія ворчатъ своимъ вѣчнымъ ворчаньемъ,
Свободно проносятся вѣтеръ, летятъ въ синевѣ облака,
Безмятежно и холодно звѣзды на небѣ сверкаютъ,
И у моря стоящій глупецъ ожидаетъ отвѣта.

И. И—въ.

Отвѣтъ на статью г. Правдухина, помѣщенную имъ въ 12 № «Сѣверной Пчелы» нынѣшняго года. — Въ одномъ изъ недавнихъ номеровъ «Сѣверной Пчелы» г. Правдухинъ, находящійся на службѣ въ ниже-тагильскихъ заводахъ, помѣстилъ свои замѣтки о крѣпостныхъ людяхъ этихъ заводовъ.

Онъ, т. е. корреспондентъ «Пчелы», совершенно голословно, съ явнымъ озлобленіемъ противъ крѣпостныхъ горно-заводскихъ людей, причина котораго, кстати замѣтить, намъ очень хорошо извѣстна, доказываетъ въ своей статьѣ, что ниже-тагильскіе служащіе — пьяницы, люди безъ всякихъ правилъ, проводящіе время за чтеніемъ романовъ и повѣстей и, въ добавокъ ко всему, дерзающіе курить напирсы во время чтенія, наконецъ, что они ни мало не оправдали ни попеченій, ни довѣрія своихъ благодѣтелей-помѣщиковъ и вообще отличаются однимъ только какимъ-то фонфаронствомъ. На такія обвиненія, направленные противъ цѣлаго сословія, мнѣ коротко извѣстнаго (ибо я самъ происхожу изъ крѣпостныхъ горно-заводскихъ крестьянъ), на обвиненія, сдѣланныя въ то время, когда идетъ вопросъ объ эманципаціи этихъ людей, я отвѣчалъ въ 264 № «Петербургскихъ Вѣдомостей».

Не мое дѣло судить, на сколько твердо и положительно я изложилъ свои доводы, но во всякомъ случаѣ я всталъ на защиту людей, находящихся въ крѣпостномъ состояніи, между-тѣмъ какъ г. Правдухинъ прогнѣлъ панегирикъ заводу-управленію. Кажется, дѣло ясно и говорить само за себя. Въ 12 № «Сѣверной Пчелы» г. Правдухинъ напечаталъ свой отвѣтъ на выше-упомянутую мою статью. Разборомъ-то этого отвѣта я и намѣренъ заняться, но къ этому долженъ прибавить, что не имѣю ни малѣйшаго желанія состязаться съ г. Правдухинымъ о сущности тѣхъ или другихъ нашихъ самыхъ живыхъ общественныхъ вопросовъ. Кому пріятно толочь воду или вить изъ песку веревку? Нѣтъ, я желаю только выяснитъ нѣкоторые намеки г. Правдухина на мой счетъ.

Вамъ очень хорошо извѣстно, г. Правдухинъ, что вся ваша послѣдняя статья состоитъ изъ намековъ, сдѣланныхъ вами съ цѣлію, какъ говорится, задѣть меня за живое. Въ слѣдствіе этого я буду отвѣчать на нихъ, придерживаясь того порядка, въ какомъ они у васъ помѣщены. Прежде-всего нѣсколько словъ о нашемъ подсмѣиваніи — на счетъ моего прошеднаго сотрудничества въ газетѣ «Золотое Руно» и о нашемъ зломъ сожалѣніи, что я, плохой сотрудникъ плохой газеты, не желаю читать «Сѣ-

верной Пчелы», которая, какъ вы говорите, читается всею Россіей, да и за границей ни одна газета не распространена столько, сколько она, и которая можетъ научить меня здравой логикѣ.

Какъ-бы худо я ни писалъ, г. Правдухинъ, какъ-бы мало литературныхъ достоинствъ не имѣли мои статьи, помѣщенные мною въ «Золотомъ Рунѣ», — все это дѣло небольшой важности. Можно любить литературныя занятія и не имѣть литературнаго таланта, но важно то, что я всегда писалъ честно, что никогда моимъ перомъ не руководило желаніе прогнѣть намегирикъ тѣмъ, отъ которыхъ зависѣло и зависить мое матеріальное благосостояніе. Докажите, что я писалъ нечестно, и тогда я торжественно признаю себя побѣжденнымъ, тогда я буду убитъ на поवालъ.

Что касается до моего нежеланія читать «Сѣверную Пчелу», то я долженъ повторить вамъ, что никогда не читалъ и не буду читать этой газеты — по той естественной причинѣ, что она по своему духу и направленію принадлежитъ чуть-чуть не къ XV-му столѣтію, а мы живемъ въ XIX-омъ; да, и кромѣ того, я не имѣю ни малѣйшей нужды справляться о достоинствахъ произведеній того или другого сапожника, того или другого портнаго.

Наконецъ, позвольте спросить: какое отношеніе имѣеть мое плохое, какъ вы говорите, сотрудничество въ «Золотомъ Рунѣ» къ моему желанію или не желанію читать такъ много уважаемую вами газету? Можно быть бездарнымъ сотрудникомъ въ одномъ журналѣ и при этомъ также совершенно возможно находить не стоящимъ никакого вниманія другой журналъ или другую газету. Не слѣдуетъ-ли, г. Правдухинъ, поучиться вамъ здравой логикѣ?

Впрочемъ, все это не составляетъ сущности дѣла и потому переходимъ къ другимъ вашимъ недосказаннымъ фразамъ, на которыя я обратилъ все свое вниманіе и которыя, по преимуществу, требуютъ разъясненія. Вы, между прочимъ, пишете: «вы, г. Бѣловъ, увѣряете, что съ большимъ вниманіемъ изучали бытъ заводскихъ людей: почему-бы не сказать вамъ безъ ухищреній, что заводскій бытъ извѣстенъ вамъ по причинѣ очень простой и очень существенной, которая обязываетъ васъ видѣть въ заводскихъ людяхъ не просто любезныхъ земляковъ, какъ вы ихъ называете, а кого-нибудь поближе къ вамъ».

Въ этихъ темныхъ фразахъ вашихъ, г. Правдухинъ, я сиѣшу открыть истинный смыслъ. Вотъ въ чемъ онъ заключается:

— Мнѣ очень хорошо извѣстно, г. Бѣловъ, что вы происходите изъ сословія горно-заводскихъ крѣпостныхъ и встали на ихъ за-

щиту только потому, что даже въ настоящее время вы имѣете въ заводахъ многихъ близкихъ родственниковъ, принадлежащихъ къ классу горныхъ мастеровыхъ и работниковъ.

Совершенная правда, г. корреспондентъ «Сѣверной Пчелы», а бывший крѣпостной крестьянинъ гг. Демидовыхъ.

Теперь вопросъ обращается къ тому: имѣлъ-ли я намѣреніе скрыть свое происхожденіе, когда писалъ свое возраженіе на вашу статью, и всталъ-ли на защиту своихъ земляковъ по чувству общечеловѣческому или по чувству болѣе эгоистичному? Я никогда не считалъ необходимымъ кричать о своемъ происхожденіи и печатать безъ нужды объ этомъ во всѣхъ журналахъ и газетахъ: ибо если подобное происхожденіе не дѣлаетъ никакого безчестія, то, безъ сомнѣнія, не дѣлаетъ и особенной чести, которую слѣдовало-бы выставять на показъ всѣмъ и каждому. Но доказательствомъ, что я стою далеко выше всѣхъ подобныхъ предразсудковъ и никогда не стыдился своего происхожденія, можетъ служить настоящая моя статья, которую вызвали желаніе публично засвидѣтельствовать свое происхожденіе и желаніе показать какъ вамъ, такъ и всѣмъ, вамъ подобнымъ, что мы дожили до такого времени, когда люди, вышедшіе изъ крѣпостнаго состоянія, могутъ возвышать свой голосъ на защиту тѣхъ или другихъ принциповъ, когда они могутъ говорить публично о томъ, что понимаютъ и что чувствуютъ и наконецъ, когда они могутъ говорить не хуже своихъ согражданъ. Наша матушка Россія выставитъ вамъ сотни крѣпостныхъ людей, которые сьумѣютъ постоять за себя печатнымъ словомъ. Если-бы не эти причины, я никогда не сталъ-бы продолжать съ вами полемики о вопросахъ, стоящихъ, повторю опять, недосыгаемо выше вашего пониманія; я никогда не сталъ-бы отвѣчать человѣку, утверждающему что такой-то предметъ бѣлъ, когда онъ черенъ. Если-бы вы сколько-нибудь раздѣляли мои гуманные и современные принципы, вы, безъ сомнѣнія, повѣрили-бы моимъ словамъ. Но отъ васъ ничего нельзя ждать подобнаго. Вы душой и тѣломъ принадлежите старому времени; вы прежде всего человѣкъ известной касты; она-то и побудила васъ поставить другому въ укоръ его происхожденіе. Послѣ всего этого дѣлается совершенно понятнымъ ваше негодованіе противъ заводскихъ людей, которые, по вашимъ словамъ, хотятъ стать выше своего званія, которые читаютъ повѣсти и курятъ папирсы. Повѣрьте мнѣ, это говорятъ не вы, а оскорбленная въ лицѣ вашемъ каста и оскорбленная именно тѣмъ, что крѣпостной человѣкъ осмѣливается думать

встать выше своего состоянія. А если крѣпостной человѣкъ и возмѣлѣлъ такое, по вашему мнѣнію, дерзостное желаніе, то, по моему мнѣнію, это значитъ только, что онъ всталъ выше окружающей его сферы, что ему становится уже трудно дышать тѣмъ воздухомъ, дышать которымъ онъ обязанъ, и, наконецъ, что ему необходима другая, болѣе разумная, болѣе живая дѣятельность. Не забудьте, что вы не только свободный человѣкъ, но еще и имѣете особое гражданское положеніе, которое даетъ вамъ извѣстныя привилегіи, между-тѣмъ какъ крѣпостной человѣкъ носить въ груди своей одну мысль возвратитъ себѣ свое человѣческое достоинство, но лишь только онъ вздумаетъ встать выше своего состоянія, т. е. иначе сказать, какъ только захочетъ тѣмъ или другимъ образомъ проявить свое внутреннее человѣческое я, то г-да Правдухины готовы закидать его камнями.

Можете быть совершенно увѣрены, г. Правдухинъ, что я всталъ на защиту не своихъ дядей и тетокъ и другихъ родственниковъ, а вообще горно-заводскихъ людей, противъ которыхъ вы сказали такъ-много, такъ-много неправды. Посмотрите, какъ вы подозрительны и какъ мало вѣрите всякому безкорыстному движенію души. Иногда мы теряемъ вѣру во все хорошее, потому-что постоянно были обманываемы въ самыхъ святыхъ и чистыхъ своихъ побужденіяхъ; такихъ людей на-обломъ-свѣтъ очень, очень немного, а большую частію сомнѣваемся во всемъ добромъ потому, что не привыкли сами обращаться съ добромъ.

Съ какой, дескать, стати человѣку защищать людей, которые ему ни друзья, ни дяди и не тетки. Но всей вѣроятности, онъ или находится съ ними въ пріятельскихъ и родственныхъ отношеніяхъ или взялъ съ нихъ за адвокатство порядочный кушъ денегъ. Остаются еще нѣкоторыя темныя ваши фразы, которыя я сейчасъ и постараюсь объяснить. Вы, между прочимъ, пишете слѣдующее: «Г. Бѣлову болѣе всѣхъ (кого?) должны быть памятны благородство и щедрость владѣльцевъ нижне-тагильскихъ заводовъ». Жаль, что вы, г. корреспондентъ «Сѣверной Пчелы», опять не договорили вашей мысли, чѣмъ и заставили меня по необходимости дѣлать на ваши таинственныя фразы комментаріи такого рода: — дѣйствительно, я обязанъ своимъ университетскимъ образованіемъ владѣльцамъ заводовъ. Съ моей стороны, вѣчная имъ благодарность за такое доброе дѣло. Это-то образованіе и дало мнѣ возможность защититъ ихъ крестьянъ отъ вашихъ на нихъ нападокъ; это-то образованіе и поселило во мнѣ убѣжденіе,

что должно говорить и дѣйствовать честно, что должно всѣми силами стоять за тѣ принципы, на которыхъ зиждется будущая жизнь моего и вашего отечества.

Еще разъ: вѣчная благодарность гг. Демидовымъ за ихъ доброе дѣло. Иначе, я не испытывалъ-бы теперь высокаго наслажденія защищать истину. Въ заключеніе я прибавлю, что расстаюсь съ вами, не унося никакого враждебнаго чувства противъ васъ. Я смотрю на нашу полемику глазами человѣка мыслящаго и вижу въ ней не борьбу Правдухина съ Бѣловымъ, а борьбу отживающихъ, обветшалыхъ понятій съ понятіями новыми, человѣческими, въ которыхъ таится зародышъ лучшей, свѣтлой для Россіи, жизни. Для Исторіи, которая есть ничто иное какъ борьба стараго съ новымъ, необходимы были въ свое время и «Сѣверная Пчела» и гг. Правдухины. Странно было-бы требовать, напримѣръ — отъ васъ, перерожденія образа воззрѣнія на предметы, если вся ваша жизнь тяготѣетъ именно къ этому, а не къ другому воззрѣнію. Воззрѣніе-же на предметы обуславливается образованіемъ, духомъ извѣстной эпохи и, наконецъ, всѣмъ тѣмъ, что мы называемъ Исторію. И такъ, сердиться на васъ, значитъ — сердиться на Исторію, на ходъ тѣхъ событій, которыя, самымъ своимъ отсутствіемъ здраваго смысла и живыхъ началъ, возбуждаютъ въ обществѣ неизбежную реакцію, а слѣдовательно и новыя, болѣе-плодотворныя начала.

Въ великомъ ходѣ нашихъ прошедшихъ отечественныхъ событій вы составляете, хоть и не Богъ вѣсть какое, но все-таки звѣно, крѣпко, нераздѣльно спаянное съ другими звѣньями. На этомъ-то основаніи я и вижу въ васъ не г. Правдухина, а отголосокъ нашего стараго прошедшаго; но это прошедшее не хочетъ, что очень естественно, умпратъ безъ борьбы; оно чувствуетъ приближеніе смерти и судорожно проявляетъ свою реакцію.

Такъ, а не иначе, я смотрю на ваши воззрѣнія, на тѣ или другіе общественные вопросы; но, къ несчастію, ничѣмъ не могу оправдать вашего намека о моемъ происхожденіи. Вы, какъ сынъ извѣстнаго времени, взрослый подъ вліяніемъ извѣстныхъ идей, можете, напримѣръ, смотрѣть на крѣпостное состояніе, какъ на необходимое юридическое учрежденіе, можете носить убѣжденіе, что родившійся рабомъ долженъ остаться рабомъ на всю жизнь, но безнравственно ставить человѣку укоромъ его происхожденіе, иначе сказать, безнравственно обвинять его въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. Такого явленія, г. Правдухинъ, не оправдаешь

никакой Исторіею; оно прямо указываетъ на отсутствіе въ васъ нравственнаго чувства.

Кончая свои возраженія на вашу статью, я считаю необходимымъ сказать вамъ, что ни въ какомъ случаѣ болѣе отвѣчать не буду на могущія быть съ вашей стороны новыя возраженія. Для суда общественнаго и безъ того наша полемика представляетъ слишкомъ-много данныхъ. Я до-сей-поры не боялся общественнаго суда и не боюсь его, ибо я хорошо знаю свои убѣжденія и свои дѣйствія.

Желаю вамъ усѣбно подвизаться на поприщѣ панегириста, что, во всякомъ случаѣ, выгодно. Начальство будетъ вамъ благодарно.

И. Бѣловъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Смерть Бозіо и ея артистическая карьера. — Новый балетъ и московская танцовщица. — Парижскіе фарсы, падающіе на нашей сценѣ. — Поучительное происшествіе. — Дебютантка на Французской сценѣ и ея отецъ. — Нѣсколько словъ о драматическомъ воспитаніи. — М. С. Щепкинъ. — Дебютанты и дебютантки на русской сценѣ. — Новая драма. — Благородное Собраніе и семейные вечера. — Г-жа Кохъ. — Одинъ изъ концертовъ, имѣющихъ семейный характеръ. — Нѣчто о мостовыхъ и перевозкѣ мебели. — Новая пожарная машина. — Телеграфы и гласность, какъ средство добыть деньги. — Рисунки художника Лебедева. — Фотографія г. Оже и комп. — Выставка на биржевомъ скверѣ. — Двѣ выставки въ будущемъ. — Смерть А. Гумбольдта.

Не всегда небо свѣтло и чисто, покрываютъ его часто тучки и тучи; не всегда дано фельетонисту смѣяться и рассказывать новости, только пріятныя. Печальная новость, которую я обязанъ внести сегодня въ городскую лѣтопись уже не новость для Петербурга; но пусть погорюютъ и иногородные читатели, пусть и иногородныя читательницы, по всей вѣроятности существа чувствительныя, уронять, я говорю слогомъ возвышеннымъ, слезу на могилу артистки, которой восхищалась и Европа и Америка.

Сознаю собственное безспіе и впередъ прошу извинить меня: я не могу, подобно нѣкоторымъ, краснорѣчіе которыхъ возбуждаетъ во мнѣ зависть, не могу назвать погибшую для насъ артистку южнымъ цвѣткомъ, безжалостно сорваннымъ сѣвернымъ вѣтромъ, соловьемъ, похищеннымъ преждевременной мо-

гидой и т. п. Всѣ эти великолѣпныя фигуры съ незапамятныхъ времянь уже имѣють права гражданства въ нашей фельетонной литературѣ и употребить ихъ въ дѣло я не имѣю права. Скажу, дѣлать нечего, просто: 31 марта, въ 3½ часа пополудни, умерла любимица нашей публики Анджіоліна Бозіо.

Она была, по словамъ одного изъ ея біографовъ, дочь бѣднаго пѣвца, занимавшаго роли *basso comico* въ странствующихъ труппахъ. Принужденный вести скитальческую жизнь, отецъ помѣстилъ её въ одинъ изъ миланскихъ пансіоновъ, въ которыхъ преимущественное вниманіе обращено на изученія музыки. Анджіоліна сдѣлала въ ней такіе быстрые и блестящіе успѣхи, что профессоръ ея, извѣстный Каттанео, заставилъ ее пропѣть въ церкви большой духовный гимнъ. Бозіо было тогда всего пятнадцать лѣтъ; голосъ ея и искусство поразили слушателей и успѣхъ былъ такъ великъ, что одинъ изъ спекулянтовъ, которыхъ, по этой части, довольно въ Италіи, нѣкто Боракки, предложилъ семейству молодой Анджіоліны принять на себя издержки ея музыкальнаго образованія, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса, пѣвица оставалась шесть лѣтъ въ его распоряженіи. Контрактъ былъ подписанъ и, два года спустя, Анджіоліна дебютировала въ Миланѣ на маленькомъ театрѣ «Ре» (частный театръ, принадлежащій фамиліи Ре), въ оперѣ Верди «Два Фоскари». Успѣхъ пѣвицы превзошелъ всѣ ожиданія: ничего подобнаго не запомнятъ посѣдѣлые дилетанты. Потомъ, руководимая своимъ корнакомъ, Бозіо пѣла въ Веренѣ, Консигагенѣ, въ Америкѣ и въ Мадридѣ. Въ послѣднемъ городѣ вышла она за греческаго уроженца Ксендавлониса, прибывшаго изъ Константинополя въ свитѣ бывшаго тамъ испанскаго посланника.

Въ Парижѣ, дебюты Бозіо, на итальянской сценѣ, въ теченіе сезона 1848 — 49, прошли почти незамѣченными по причинѣ тогдашнихъ политическихъ событій, которыя мало располагали къ дилетантизму. Съ другой стороны, молодая пѣвица, при несовершенно-оконченномъ музыкальномъ образованіи, была измучена безпрерывнымъ исполненіемъ тяжелыхъ партій, часто не соответствовавшихъ ея голосу. Она еще очень далека была отъ того совершенства, которому впоследствии удивлялись Парижъ, Лондонъ и Петербургъ. Въ это время артисткѣ пришла счастливая мысль обратиться за совѣтами къ маэстро Фонтана, профессору пѣнія въ парижской музыкальной консерваторіи. Подъ руководствомъ этого глубокаго знатока и искуснаго пре-

подавателя, Бозіо начала свое перевоспитаніе и вскорѣ сдѣлалась первою лирическою пѣвицею своего времени, наслѣдницею Зангага, Віардо, Персіани.

Въ 1855 году пріѣхала она въ Петербургъ и съ-тѣхъ-поръ проводила зимній сезонъ у насъ, а лѣтній въ Лондонѣ.

По окончаніи нынѣшняго сезона, Анджіоліна Бозіо уже чувствовала себя нездоровою, но, не желая разстроить выгодное предложеніе, сдѣланное какимъ-то антрепренеромъ ей и нѣкоторымъ изъ ея товарищей по искусству, — отправилась въ Москву. Добрая Москва, недовольная высокими цѣнами, назначенными учредителемъ концертовъ, и тѣмъ, что больная уже артистка по необходимости исполняла только пьесы легкія, — приняла эту лебедьную пѣснь весьма сухо. Огорченная и еще болѣе разстроенная, возвратилась Бозіо въ Петербургъ и, послѣ невыносимыхъ страданій въ теченіи двухъ, трехъ недѣль, у нея сдѣлалось воспаленіе въ легкихъ, соединенное съ перезеіей, отдала душу Богу. Ей не было еще и тридцати лѣтъ.

Вѣсть о смерти любимой артистки быстро разнеслась по городу. Всѣ почитатели дарованія усопшей, не считая ея друзей и близкихъ, сѣѣшли поклониться дорогимъ остаткамъ. 4 апрѣля было тѣсно въ католической церкви св. Екатерины, гдѣ совершенно послѣднее христіанское напутствіе надъ прахомъ знаменитой пѣвицы. Пѣвцы итальянской оперы съ другими пѣвцами пропѣли *Requiem*, бискупъ отслужилъ панихиду, а прелать произнесъ надгробное слово. Отсюда, въ сопровожденіи тысячной толпы, въ которой особенно замѣтно было огромное множество восторженныхъ и признательныхъ студентовъ, тѣло Анджіоліны Бозіо отвезено на католическое кладбище св. Маріи (на Выборгской сторонѣ) и предано землѣ. На свѣжую могилу, вмѣстѣ съ землею, падали непритворныя слезы и цвѣты...

Разсказываютъ, что студенты пламенно желали нести на рукахъ милый имъ прахъ, но блюстители общественнаго порядка и благочивія нашли это почему-то неудобнымъ и, отстраняя восторженную молодежь, сами окружили гробъ; такимъ образомъ и полиція какъ-бы отдавала послѣднюю честь искусству — зрѣлище трогательное!

Много стихотвореній написано на смерть незабвенной пѣвицы; но всѣ они болѣе трогательны, чѣмъ хороши.

Говорили, что на мѣсто Бозіо къ намъ на будущій сезонъ пріѣдетъ г-жа Пенко; но, увы! и это слабое утѣшеніе не осуществится. Знаменитая пѣвица заключила контрактъ на три года

съ директоромъ парижскаго итальянскаго театра синьоромъ Кальцадо, — и стало быть къ намъ не явится.

На сценѣ нашего большаго театра отличаются пока балетная и французская труппы. По части балетной могу сообщить только двѣ новости, не весьма, впрочемъ, отрадныя. Первая изъ нихъ новый балетъ г. Петипа: «Парижскій рынокъ» (*Le marché des innocents*), балетъ весьма слабый и скучный, бѣдный и по обстановкѣ и по содержанію. Вторая новость появленіе московской танцовщицы г-жи Лебедевой. Присущая всѣмъ Москвичамъ слабость восхвалять неумѣренно своихъ согражданъ возвела г-жу Лебедеву на степень первоклассной танцовщицы и нѣсколько повредила ея успѣху на петербургской сценѣ. Мы, по слухамъ, ожидали отъ молодой танцовщицы гораздо болѣе, чѣмъ оказалось на самомъ дѣлѣ, а извѣстно какъ непріятно дѣйствуетъ на человѣка разочарованіе. Г-жа Лебедева—молодая танцовщица, подающая пріятныя надежды, но во многихъ отношеніяхъ еще требующая развитія и усовершенствованія. Особенно упрекнуть можно ее въ недостаткѣ граціи и мягкости движеній, а, согласитесь, и то и другое необходимо танцовщицѣ. Публика приняла гостью очень вѣжливо.

Французская труппа угостила своихъ почитателей такими двумя бенефисными спектаклями, передъ которыми блѣднѣютъ самыя неудачныя подвиги русскихъ драматическихъ переводчиковъ. Г. Бертонъ поподчивалъ петербургскую публику парижскимъ музыкальнымъ фарсомъ Оффенбаха: «*Orphée aux enfers*». Фарсъ этотъ торжественно палъ на нашей сценѣ и ничего нѣтъ въ этомъ удивительнаго. Вся опера до того пуста, скучна и неостроумна, что только самый терпѣливый и снисходительный слушатель въ состояніи выслушать ее до конца. Въ Парижѣ, говорятъ, фарсъ этотъ имѣлъ значительный успѣхъ; этимъ онъ одолженъ конечно особенному вкусу, посѣтителей театра «парижскихъ Буффовъ»; вѣдь вонъ и у насъ есть публика, которая восхищается гг. Орловскимъ, Ендерскимъ и Милославскимъ.

Еще неудачнѣе былъ фарсъ, выбранный г-жею Терикъ, «*La fille de l'air*»,—волшебная пьеса эта дружно и торжественно ошикана. Трудно придумать что-нибудь нелѣпнѣе этого замѣчательно-безсмысленнаго произведенія французской драматической промышленности, въ которомъ главнѣйшую роль играютъ короткія... платья и трико. Я на своемъ вѣку видѣлъ многое множество пьесъ очень плохихъ, но послѣдней принадлежитъ между

ними, по всей справедливости, первое мѣсто. Самая судьба преслѣдовала на нашей сценѣ это уродливое дѣтнще французской фантазіи; такъ, напримѣръ, *миновенное* превращеніе *Рутланда* (г. Бертошь) — продолжалось, при громкомъ смѣхѣ зрителей, чуть-ли не четверть часа. Вообще представленіе во всѣхъ отношеніяхъ не клеилось. Г-жѣ Терпкъ, впрочемъ, поднесли три букета и огромнѣйшій вѣнокъ. Немудрено, что двое изъ зрителей отъ нечего дѣлать сами разыграли небольшую пьесу, вотъ ея содержаніе:

Одинъ, военный, положимъ г. Т., вѣроятно отъ скуки, постукивалъ ногой въ кресло сидѣвшаго передъ нимъ мирнаго гражданина, положимъ г. В. Очень естественно, господину В. не понравилось хотя и легкое, но все таки неприятное сотрясеніе кресла, онъ очень вѣжливо попросилъ своего тирана избавить его отъ этого удовольствія. Г. Т. былъ въ дурномъ расположеніи духа и сказалъ что-то, не совсѣмъ мягкое, господину В.; тотъ отвѣтилъ ему тѣмъ-же, и затѣмъ оба продолжали любоваться невѣроятными похождениями *воздушной дѣвы*. Въ антрактѣ господинъ Т. потрепалъ по плечу господина В. и назвалъ его храбрцомъ; тогда дѣло приняло оборотъ болѣе серьезный и поучительный: господинъ В., замѣтите — господинъ В., а не господинъ Т., былъ выведенъ. Ахъ, какъ пріятно быть военнымъ!...

Въ оба бенефиса, о которыхъ шла рѣчь выше, на судъ петербургской публики являлась молодая дебютанка дѣвица Деверія. Молодая артистка эта, очень миленькая, съ чистымъ и симпатичнымъ голосомъ, весьма наивная и граціозная, сдѣлала на нашу публику чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Въ игрѣ ея видны и теплота и смыслъ. Если г-жа Деверія останется у насъ, и, не соблазняясь легкими успѣхами, станетъ серьезно и добросовѣстно заниматься своимъ дѣломъ, ей смѣло можно предсказать искреннюю любовь петербургской публики и видное мѣсто въ нашей французской труппѣ.

Г. Деверія замѣчательнѣе болѣе, какъ отецъ прекрасной артистки и, главное, какъ ея наставникъ—этого за глаза довольно, чтобы снисходительно смотрѣть на его собственное сценическое безсиліе.

Быть хорошимъ наставникомъ въ дѣлѣ сценическаго искусства заслуга немалая. Хорошіе наставники въ драматическомъ искусствѣ вообще рѣдкость, а у насъ, нечего грѣха таить, ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Дѣло это до такой степени важно, что давно пора-бы подумать о немъ серьезно. Въ настоящее время, когда

само правительство, виявъ гласу истины, заботится объ улучшеніи многого, на что смотрѣлось прежде сквозь пальцы, — въ настоящее время, отчего бы, казалось, не подумать и о воспитаніи подростяющаго, растущаго и молодаго поколѣнія артистовъ; отчего бы не сознаться, откровенно, что до-сихъ-поръ, въ этомъ отношеніи, мы сдѣлали очень мало, даже просто ничего не сдѣлали. Не грустно-ли смотрѣть какъ молодыя артистки и молодые артисты, подающіе сначала большія надежды, но лишеныя дѣльных наставленій и совѣтовъ, сбиваются очень скоро съ прямого пути, хватаются за рутину и погружаются въ нестерпимо-самолюбивую посредственность. Чѣмъ они виноваты бѣдныя? Большинство публики, весьма нетонко понимающее искусство, вкривь и вкось раздающее рукоплесканія, рѣшительно сбиваетъ ихъ съ толку; рецензенты коротко и неясно говорятъ: *«такая-то не совсѣмъ поняла свою роль или такой-то весьма плохъ»*, — иной пожалуй и похвалитъ не впопадъ; старыи артистъ думаетъ преимущественно о себѣ; откуда-же, у кого и какъ научиться молодому артисту? Будь молодой артистъ подготовленъ правильнымъ воспитаніемъ, онъ, пожалуй, еще могъ-бы и одинъ кое-какъ выбратъ на прямой путь; онъ зналъ-бы — что ему прочесть, чего держаться; хорошия начала развились-бы сами собой; но если ничего этого нѣтъ?.. Ложное направленіе прививается быстро, малѣйшій успѣхъ, основанный нерѣдко на безвкусіи массы, кружить голову, молодой артистъ подымаетъ носъ и... прощай хозяйскіе горшки! Дурно, когда у молодаго артистическаго поколѣнія нѣтъ хорошихъ наставниковъ; но еще хуже, когда есть дурные. Весь Петербургъ еще недавно имѣлъ случай убѣдиться, какъ пагубно вліяніе наставниковъ, не совсѣмъ понимающихъ свое дѣло. Молодая дѣвушка, съ прекраснѣйшею наружностью, съ пріятнымъ голосомъ и очень хорошими манерами, читающая правильно и со смысломъ, очевидно — не безъ дарованія, явилась на русской сценѣ и была принята публикою самымъ блистательнымъ образомъ. Все, со включеніемъ рецензентовъ, пророчило молодой и прекрасной артисткѣ огромный успѣхъ. На нее посыпался дождь ролей; она стала играть и въ водевиляхъ и въ комедіяхъ и въ драмахъ; она пѣла, танцевала и плакала чуть-ли не каждый вечеръ. Но, увы, у нея явились наставники и она стала говорить, какъ говорилъ-бы ея наставникъ, — смѣяться, какъ смѣялся-бы наставникъ, — плакать какъ плакалъ-бы ея наставникъ; словомъ — всякій жестъ, всякое слово, всякое движеніе, были чужіе, заученные, неестественные. Не смотря на Богомъ данную

ей красоту, она вздумала даже и наружности-то своей дать видъ неестественный, поддѣльный; появились брови выше настоящихъ, потемнѣли рѣсницы и проч. Даже большинство публики замѣтило это и стало холодно къ недавней своей любимицѣ, а между-тѣмъ виновата-ли она?.. Баснь эту можно-бы и болѣе пояснить, да... мѣста мало; обратимся къ представителю стараго артистическаго поколѣнія.

У насъ гоститъ теперь ветеранъ московской сцены М. С. Щепкинъ. Нельзя сказать, чтобы онъ не постарѣлъ, но и въ дряхлѣющемъ дѣлѣ остался высокой истинный художникъ, на котораго смотришь съ невольнымъ уваженіемъ. Сколько еще неподдѣльнаго жара и живости сохранилось въ этомъ почтенномъ артистѣ, какою честною и горячею любовью привязанъ онъ къ своему искусству. Какой поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ онъ молодежи. До-сихъ-поръ онъ сыгралъ у насъ три роли: *Фамусова* (Горе отъ ума), *Спанареля* (Хоть тресни, а женись) и *Дженкинса* (Любовь и предразсудокъ). Лучше изъ нихъ вышла, по моему мнѣнію, роль *Спанареля* — это весьма понятно, если припомнить, что М. С. Щепкинъ почти воспитался на Мольерѣ. Сколько веселости, сколько истиннаго, изящнаго комизма, какое мастерское чтеніе, устарѣвшихъ уже и аляповатыхъ, стиховъ, какое, наконецъ, искусство слушать, когда говоритъ другой артистъ! Роль *Дженкинса* удалась М. С. Щепкину менѣе. Невольно приходишь на память другой ветеранъ, другой истинный художникъ, нашъ почтенный И. И. Сосницкій, который превосходитъ въ этой роли; можетъ быть, даже, это сравненіе и вредило нѣсколько впечатлѣнію игры М. С. Щепкина. Какъ-бы то ни было, пріѣздъ М. С. Щепкина во всякомъ случаѣ новость пріятная, и петербургская публика доказываетъ весьма явно и громко свое расположеніе къ гостю. По всей вѣроятности онъ пробудетъ у насъ нѣкоторое время и мы еще будемъ имѣть случаи не разъ и полюбоваться его мастерскимъ исполненіемъ и поговорить о немъ.

Настоящее время, т. е. весна, воспѣваемая обыкновенно поэтами и порицаемая, несправедливо, фельетонистами, особенно дорога тому, кто искренне любитъ театръ. Весной вмѣстѣ съ ласточками, даже нѣсколько прежде ихъ въ Петербургъ является множество дебютантовъ и дебютантокъ. Правда: много званыхъ, но мало избранныхъ; есть, однакожь, надежда, а надеяться — такъ пріятно. Каждое новое имя въ такъ называемой *красной* строкѣ влечетъ въ театръ; думаешь: авось хорошій

актеръ или хорошая актриса. Какое счастье, если надежда оправдается.... Сказать по совѣсти, давно уже этого не бывало.

Г-жи Подобѣдова 2-ая (изъ театральной школы) и Прокофьева; гг. Пронскій, Ивановъ и Милославскій — вотъ лица, явившіяся на петербургскую сцену за лаврами или... не знаю зачѣмъ. Да позволено мнѣ будетъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ, искреннихъ и нелицеприятныхъ.

Г-жа Подобѣдова 2-ая очень миловидная, но еще очень молодая дѣвушка. Трудно сказать о ней что-нибудь рѣзкое и определенное. Она читаетъ весьма правильно, держитъ себя на сценѣ хорошо, если не считать маленькаго жеманства, которое можетъ-быть и пройдетъ, какъ прошло оно у г-жи Снѣтковой 3-й, а можетъ-быть и останется, какъ осталось у г-жи Владиміровой. Жеманство—качество не природное, а прививное и стало-быть всегда, если захочешь, можно отдѣлаться отъ него; но стоитъ только поддаться ему и оно вѣтается какъ ржавчина, которую потомъ и не отчистишь. Отъ жеманства прямой и естественный переходъ къ рутинѣ, а подъ этой крапивою глохнетъ и дарованіе. Прежде всего молодой артисткѣ должно хлопотать о простотѣ и естественности; потомъ вглядываться въ истинно хорошую игру извѣстной артистки, изучать ее; но отнюдь не подражать ей; подражаніе всегда выходитъ передразниваніемъ. Потомъ, необходимо читать и читать, это развиваетъ вкусъ, а безъ него нельзя обойтись артисту. Потомъ, это весьма важно, не увлекаться рукоплесканіями и вызовами, они ровно ничего не доказываютъ.... Грустная мысль приходитъ мнѣ въ голову: зачѣмъ я говорю все это, кто меня послушаетъ. Гдѣ-же начинающему устоять противъ искушенія, когда ему поддаются и закаленные драматическіе бойцы. Я помню слова одного изъ нашихъ артистовъ, давно уже подвизающагося на драматическомъ полѣ.

— Что мнѣ,—говорилъ онъ,—миѣніе десяти, пятнадцати человѣкъ противъ тысячи; какое мнѣ дѣло, что скажете вы, десять человѣкъ, если весь театръ трещитъ и вызываетъ меня. Неужто я, для того, чтобы вы, десять человѣкъ, похвалили меня, долженъ усыпить весь театръ?

Что прикажете сказать противъ такой логики?

Г-жа Прокофьева уже довольно опытная артистка, она пріѣхала сюда, кажется, изъ Казани. Нельзя отнять у нея дарованія, она знаетъ хорошо сцену, недурно поетъ, говоритъ очень хорошо; но и въ манерѣ и даже въ самомъ голосѣ есть что-то неприятно-грубоватое. Провинція-ли наложила эту печать или

нѣвѣрное пониманіе сценической смѣлости и бойкости—не знаю; по отъ всей души совѣтую г-жѣ Прокофьевой позаботиться и, если можно, отдѣлаться отъ этого недостатка. Безъ него она могла-бы быть очень хорошей и полезной артисткой. Я забылъ сказать, что природа надѣлила г-жу Прокофьеву и наружностью весьма пріятною. Если г-жа Прокофьева останется на нашей сценѣ, я съ большимъ удовольствіемъ стану слѣдить за ея успѣхами.

Г. Ивановъ—артистъ, уже совершенно сформировавшійся, на комическія роли, роли самыя трудныя для начинающаго. Произвести смѣхъ въ публикѣ незнакомой—дѣло тяжкое. Очень естественно въ начинающемъ желаніе насмѣшить, а такое стараніе—могла смѣху; чѣмъ больше онъ старается, тѣмъ хуже. А. М. Максимовъ рассказывалъ мнѣ однажды весьма поучительный въ этомъ отношеніи случай.

Въ Бозѣ почивающій Императоръ Николай Павловичъ, какъ извѣстно, любилъ театръ и часто приходилъ за кулисы, чтобы поощрить словомъ или даже взглядомъ артиста, достойнаго этой чести. Разъ увидя А. М. Максимова, тогда еще очень молодаго артиста, но уже любимца публики, покойный Императоръ спросилъ его:

— Играешь ты сегодня?

— Играю, Ваше Императорское Величество — отвѣтилъ артистъ.

— Въ какой пьесѣ?

А. М. Максимовъ назвалъ, не помню какой, водевилъ.

— Будешь смѣшить? — спросилъ покойный государь.

— Постараюсь, Ваше Императорское Величество. — Отвѣтилъ Максимовъ.

— Смотри-же, — сказалъ Государь — я нарочно для тебя остаюсь въ театрѣ.

— Ну, и постарался — рассказывалъ мнѣ А. М. — Изъ кожи лѣзу, Государь хмурится; я еще больше стараюсь, Государь хмурится сильнѣе; наконецъ всталъ и вышелъ изъ ложи. Когда кончилась пьеса, А. М. Гедеоновъ пришелъ на сцену и говоритъ:

— Ну, Максимовъ, Государь велѣлъ тебѣ сказать, что со-всѣмъ несмѣшно....

Вотъ, что значитъ стараться смѣшить.

Г. Ивановъ сыгралъ покуда еще только одну и весьма не важную роль въ водевилѣ «Мотя». Въ этой роли онъ сумѣлъ,

однакожь, соблюсти одно несомнѣнное достоинство — простоту. Что будетъ дальше — увидимъ.

Г. Пронскій также уже не новичокъ на сценѣ, игравшій, впрочемъ, до-сихъ-поръ, только въ провинціи и не видѣвшій даже нѣкого изъ первоклассныхъ артистовъ, а между-тѣмъ обладающій чрезвычайно приличными манерами. Онъ очень представительной наружности, прекрасно держитъ себя, читаетъ вѣрно и толково, но нѣсколько сухъ, можетъ быть, отъ неувѣренности въ своихъ силахъ. Г. Пронскій началъ очень скромно, небольшими ролями, и это не мало уже говорить въ его пользу.

Наконецъ, мнѣ приходится сдѣлать отзывъ, болѣе справедливый, чѣмъ пріятный, о г. Милославскомъ. Г. Милославскій, стяжавшій провинціальныя лавры, явился на петербургской сценѣ въ роли «Гамлета»; слѣдовательно, думаетъ о себѣ немало и даетъ право судить себя строго. Но, полагаю, и самый снисходительный судья не нашелъ-бы сказать ничего въ пользу этой провинціальной знаменитости. Не совѣмъ пріятный голосъ, совершенное непониманіе роли, бойкія, размахистыя движенія, странное ухорство и безконечная самоувѣренность Г. Милославскаго сдѣлали изъ роли «Гамлета» что-то странное, совершенно непонятное, уродливое; тоже вышло и изъ другой, исподненной имъ, роли (Керуана, въ переводной драмѣ: «Старая мыза»). Публика выразила, даже весьма ясно, свое неудовольствіе; да послужить это спасительнымъ урокомъ излишней самонадѣянности.

Репертуаръ русской сцены увеличился новою пьесою, въ которой одинъ умираетъ отъ задушенія, другой отъ яду, а третій отъ яду бѣжитъ неизвѣстно—куда. Новая драма г. А. Б., въ 5 дѣйствіяхъ, называется «Банкрутъ». Сюжетъ, сказано въ афишѣ, отчасти заимствованъ изъ романа Шиндлера «Иезуитъ». Дѣйствіе происходитъ въ Бременѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, слѣдующимъ образомъ:

Негоціантъ Мюссингеръ (г. Самойловъ) запуталъ свои дѣла и близокъ къ банкротству; единственная надежда выйти изъ сквернаго положенія основана имъ на бракѣ дочери Юстины (г-жа Подобѣдова 2-ая) съ Георгомъ Биржеромъ (г. Малышевъ) сыномъ богатаго негоціанта (г. Зубровъ). Отецъ Георга Биржера, узнавъ о плохомъ положеніи дѣлъ своего будущаго родственника, рѣшается помочь ему; но помощь, давъ предварительно запутавшемуся Мюссингеру добрый урокъ. Съ этою цѣлью Биржеръ-старшій скупаетъ векселя Мюссингера, — является въ Бременъ, инкогнито, подъ именемъ *приѣзжаго изъ Голландіи*, и требуетъ съ

своего будущаго родственника уплаты по вексялямъ. Мюссингеръ уплатить не можетъ и, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, готовъ даже на нѣкоторую подлость, готовъ отдать *пріѣзжему изъ Голландіи* дочь, за что тотъ, тутъ-же, довольно рѣзко осуждаетъ малодушнаго отца. Объясненія становятся крупнѣе да крупнѣе; наконецъ, вспыльчивый Мюссингеръ схватываетъ за горло *пріѣзжаго изъ Голландіи* и *пріѣзжій изъ Голландіи* падаетъ на полъ бездыханнымъ трупомъ. Мюссингеръ, само собою разумѣется, въ ужасѣ; но ужасъ его удваивается, когда онъ узнаетъ, что задушенный пмъ, *пріѣзжій изъ Голландіи*, — Биржеръ-старшій, отецъ Георга Биржера, женхя Юстины. На эту бѣду въ комнату преступления входитъ прикащикъ Мюссингера — Нотгафть (г. Максимовъ 1), плутъ и негодяй первой степени. Ужасная тайна ввѣряется Нотгафту; онъ помогаетъ Мюссингеру скрытъ на время преступленіе, распустивъ слухъ, что Биржеръ-старшій умеръ скоропостижно отъ удара. Сначала дѣло идетъ хорошо; пріѣзжаетъ Биржеръ-младшій и, какъ ни грустно его сыновнему сердцу, собирается жениться на Юстинѣ. Между-тѣмъ, вдругъ, Нотгафть получаетъ наслѣдство и, сдѣлавшись богачемъ, изъявляетъ желаніе жениться на дочери своего бывшаго хозяина. Мюссингеръ въ отчаяніи; это невозможно, онъ даетъ слово Георгу Биржеру. Но Нотгафть пускаетъ въ дѣло свое сильное оружіе: тайну преступления.

— Уже по городу, — говоритъ Нотгафть — ходитъ слухи; всѣ подозрѣваютъ убійство; мнѣ стоитъ сказать слово и вы — на висѣлицѣ.

— Но какъ-же отдѣлаться отъ Биржера? — спрашиваетъ Мюссингеръ.

— Очень просто — отвѣчаетъ Нотгафть — если кто-нибудь хѣшаетъ, надо его столкнуть. Биржера можно отправить на тотъ свѣтъ.

Нотгафть приносить яда.

— Двѣ, три капли — рекомендуетъ онъ — довольно, что-бы избавиться отъ того, кто мѣшаетъ.

Тогда Мюссингеръ отравляется самъ, отравляетъ Нотгафта и, признавшись во всемъ будущему зятю и дочери, умираетъ. Нотгафть — убѣгаетъ неизвѣстно куда и неизвѣстно за чѣмъ.

Драма немного растянута, немного скучна, немного неестественна; но смотрится и, можетъ быть, нѣкоторымъ нравится. Дѣло вкуса — такое запутанное дѣло.

Мнѣ пора, однакожь, раскланяться съ театромъ и обратиться къ другимъ новостямъ и наслажденіямъ въ Петербургѣ.

Лебединою пѣснью зимняго сезона былъ недавно маскарадъ въ Благородномъ Собраніи. Новое помѣщеніе этого Собранія прекрасно. Большая зала отдѣлана и освѣщена великолѣпно; да и другія комнаты и красны и приличны; вездѣ прекрасная мебель, великолѣпнѣйшія зеркала и богатое драпир. Семейные вечера, которые даются Собраніемъ въ великомъ посту, имѣютъ свой особенный, оригинальный характеръ. Здѣсь, вы увидите и великолѣпный бархатъ, прилично украшающійся брилліантами, и простое шерстяное платице, украшенное хорошенькимъ, свѣжимъ лпчикомъ. Встрѣтитите безукоризненнаго джентльмена и труженника, въ форменномъ вицъ-полукафтанѣ, явившагося сюда въ сопровожденіи шести дочерей, которыя, судя по приданному, готовятся въ Христовы невѣсты. Увидите бойкую, пожилую барыню, съ претензіями на наивность и ребячество, самодовольно, неизвѣстно почему, лорнирующую молодое, въ самомъ дѣлѣ наивное созданіе, которое всѣми силами старается притвориться опытною дѣвицею. Увидите офицера, которому, какъ онъ полагаетъ, стоитъ только взглянуть на женщину, чтобы она страдала. Увидите зеленоватаго господина, которому стоитъ только взглянуть на женщину, чтобы страдать потомъ нѣкоторое время. Словомъ—каждый вкусъ удовлетворенъ. Можете сидѣть, ходить, говорить, молчать и, наконецъ, слушать музыку.

Вспоминая музыку Благороднаго Собранія, я, по долгу правдиваго фельетониста, не могу умолчать о г-жѣ Кохъ. Молодая пѣвица эта обладаетъ и прекраснымъ голосомъ и очень хорошею манерою. Небольшія пьески и романсы она исполняетъ прекрасно; въ ея пѣніи много симпатическаго и задушевнаго. Отдавая полную справедливость ея дарованію и голосу, надо отдать честь и ея похвальной скромности. Нпскольکو не увлекаясь восторженными похвалами и рукоплесканіями, г-жа Кохъ постоянно и съ горячею любовью занимается своимъ искусствомъ и, стало-быть, пойдетъ впередъ и впередъ.

Въ одно прекрасное утро, недавно, мнѣ довелось быть въ Благородномъ Собраніи на концертѣ въ пользу какой-то офицерской вдовы.—Концертъ этотъ замѣчательнъ, во первыхъ, по безмодью, а, во вторыхъ, какою-то, особенною безцеремонностью. Дѣти, по парно, обнявшись, бѣгали по залѣ, лазили по диванамъ и окнамъ; бездна лицъ, вѣроятно родныхъ и знакомыхъ вдовы, выглядывали изъ дверей; лакей, которому нужно было поставить

табуретъ на опрокинутый, пустой ящикъ, покрытъ этимъ ящикомъ табуретъ къ неудержимому гнѣву въелончелиста г. Германиа; на г-жу Германиъ, которая акомпанировала всѣмъ участвовавшимъ въ концертѣ, всѣ участвовавшіе сердились, вѣроятно, чтобы скрыть собственные грѣхи; словомъ: много было потѣхи и неурядицы. Измученный и голодный я поднялся, наконецъ, съ кресла; поднялась и вся почтенная публика, побуждаемая вѣроятно тѣми-же неприятными ощущеніями. У выхода изъ залы, совершенно уже опустѣлой, меня остановила какая-то дама.

— Сдѣлайте одолженіе — сказала она мнѣ — вернитесь; концертъ еще не кончился.

Не правда-ли навпво? При всемъ моемъ желаніи, я не могъ принять приглашенія этой доброй дамы, потому что въ залѣ уже никого не было.

Еще два, три бенефиса и лѣто вступить въ свои права, съ дачами, загородными гуляньями, удушливою пылью, пронзительными свистками пароходовъ, нестерпимымъ жаромъ, постройками домовъ и развороченными мостовыми... Мимоходомъ сказать, хоть это и ново, мостовыя у насъ весьма плохи; не смотря на десятки предложеній и опытовъ, мы, по старому, кряхтимъ и охаетъ, катаясь по ухабамъ.

Не менѣе охаютъ многіе и при переѣздкѣ изъ города на дачи и съ дачъ въ городъ; охаютъ за мебель, которая если и не ломается иногда въ дребезги, по крайней мѣрѣ постоянно трется и портится. Въ послѣднее время Петербургъ богатъ разными, болѣе или менѣе полезными, компаніями; какъ хорошо было-бы, еслибъ кому-нибудь пришла счастливая мысль основать компанію для перевозки мебели; нетрудно и недорого было-бы учредить такіе экипажи, въ которыхъ мебель ограждалась-бы отъ порчи, какой подвергается она постоянна, и нѣтъ сомнѣнія, что, при благоразумномъ назначеніи умѣренной цѣны за перевозку, компанія получила-бы огромныя выгоды. Въ Петербургѣ много лицъ, которыя съ благодарностью воспользовались-бы улучшеннымъ и дешевымъ способомъ перевозки мебели и, такимъ образомъ, на выгодѣ однихъ выиграли-бы и другіе. Да и самый видъ улицъ выиграть-бы отъ исчезновенія безобразныхъ возовъ, съ разнымъ хламомъ, поверхъ котораго обыкновенно красуется какая-нибудь кухарка съ цвѣточнымъ горшкомъ въ рукахъ. Неужелюзія эти и движущіяся пирамиды не загораживали-бы проѣзда; словомъ — во многихъ отношеніяхъ было-бы хорошо. Подождемъ-глядя на многія улучшенія и усовершенствованія, можно на;

дѣяться, что ожидать придется долго. Вотъ, на дняхъ, появилось, между прочимъ, новое, у насъ, примѣненіе пара. При пожарномъ дѣло пробуются вновь изобрѣтенная машина, гдѣ вода накачивается въ рукава посредствомъ пара. Этимъ способомъ сохраняется нѣсколько рукъ отъ довольно утомительной работы; сверхъ того есть возможность значительно увеличить длину рукавовъ, что весьма удобно при пожарахъ и, наконецъ, воду бьетъ изъ рукавовъ чрезвычайно сильно. Вся машина удобно перевозится съ мѣста на мѣсто четверкою лошадей. Нельзя не порадоваться такому полезному нововведенію, если только оно будетъ принято у насъ.

Телеграфы подводные и подземельные распространяются, мало-по-малу, подъ Петербургомъ, а въ самомъ городѣ разрастается мода на гласность. Кажется, что можетъ-быть лучше этого благороднаго оружія, которымъ общественное мнѣніе имѣетъ возможность преслѣдовать, карать и искоренять все злое, безчестное и тупоумное.

Но нашлись-же мудрецы-промышленники, которые ухитрились и это благородное оружіе обратить въ ключъ, опирающій шкапулки съ деньгами.

Вотъ случай, который рассказывали мнѣ на дняхъ. Одинъ господинъ, весьма богатый, кажется откупщикъ, получилъ недавно записку, разумѣется безъ подписи, почти такого содержания:

«М. Г. Если вы не желаете, чтобы біографія ваша, не со всѣмъ красиваго свойства, была напечатана и такимъ образомъ распространена по всеобщее свѣдѣніе, то васъ просятъ покорнѣйше, захвативъ съ собою приличную сумму, явиться въ Пассаажъ, *такого-то* числа, — въ *такомъ-то* часу, для личныхъ объясненій по этому дѣлу.»

Жаль очень, если господинъ, получившій подобную записку, не явился въ назначенный срокъ въ Пассаажъ, въ сопровожденіи полиціи, и, при посредствѣ ея, не растолковалъ аферисту, что значитъ гласность и что значитъ мерзость. Такого біографа слѣдовало-бы проучить порядкомъ въ назиданіе всѣмъ его собратамъ, если только такіе существуютъ въ просвѣщенномъ Петербургѣ.

Только теперь замѣчаю, что, заболтавшись, я ни слова не сказалъ о праздникѣ Пасхи; но что-бы я могъ сказать о немъ? Что *подъ качелями* было обычное гулянье и извѣстныя представленія въ пустыхъ, большею частью, балаганахъ, что погода

была плохая; на улицахъ стояли лужи и грязь? Занимательнаго и новаго во всемъ этомъ весьма мало и развѣ только съ дарованіемъ молодаго художника г. Лебедева можно нарисовать нѣсколько, удачно подмѣченныхъ, картинокъ на тему: «Святая недѣля».

Тетрадь состоитъ изъ пяти рисунковъ: первый — представляетъ христосованье дворника съ кухаркой, несущей изъ булочной хлѣбъ и баранки; дворникъ вѣжливо снялъ шапку и приготовилъ красное яйцо. На второмъ, — солидный мужчина, въ форменномъ кафтанѣ, очень-нѣжно христосывается съ молоденькой женщиной и держитъ въ рукахъ картонку. На третьемъ, — христосываются молодые люди; поцѣлуй обоюдно-страстный и нѣжный; двое малютокъ заняты катаньемъ яицъ и не обращаютъ ровно никакого вниманія на большихъ. Четвертый рисунокъ представляетъ христосованіе служебное: подчиненный въ мундирѣ сладострастно впился въ щеку начальника, одѣтаго, попросту, въ халатъ. На пятомъ, — толстая помѣщица снисходительно позволяетъ дворовымъ приложиться къ рукѣ своей и къ рукѣ сына; мальчишка важно протянулъ свою барскую ручонку; вся фигура его подаетъ пріятную надежду, что онъ перещеголяетъ свою мамашу, сдѣлавшись бариномъ, если только крѣпостные останутся до-тѣхъ-поръ крѣпостными.

Нужно видѣть бойкій карандашъ г. Лебедева, нужно видѣть ловко-очерченныя фигуры дѣйствующихъ лицъ, мастерски-составленныя группы и выраженіе лицъ, чтобы убѣдиться, что г. Лебедеву предстоить широкій и блистательный путь истиннаго артиста.

Молодой артистъ этотъ уже знакомъ петербургской публикѣ, во изданной имъ тетради рисунковъ «Пикникъ», и, какъ слышно, работаетъ теперь снова. Вторая тетрадь будетъ служить продолженіемъ «Святой недѣли»; нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ вызвались снабжать даровитаго художника надписями къ его рисункамъ; такимъ-образомъ интересъ ихъ увеличится, хотя и безъ надписей они довольно-краснорѣчивы.

Съ удовольствіемъ указываю на замѣчательное дарованіе г. Лебедева и отъ всей души желаю ему успѣха. Каждый, понимающій сколько-нибудь искусство, согласится, что въ отзывѣ моемъ не только нѣтъ ничего преувеличеннаго, но что онъ, напротивъ, слишкомъ-умѣренъ.

Такъ-какъ рѣчь зашла у насъ опять о художествѣ, то кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ молодомъ художникѣ, об-

ратившемъ на себя вниманіе почти всего Петербурга. Я говорю о г. Оже, фотографическія произведенія котораго доведены до возможнаго совершенства. Мастерская его цѣлый день полна народомъ; г. Оже не успѣваетъ удовлетворить безчисленнымъ заказамъ и требованіямъ на превосходно дѣлаемые имъ портреты. И это весьма понятно. Портреты г. Оже отличаются необыкновеннымъ сходствомъ, изяществомъ и умѣренной цѣною. Какъ художникъ, г. Оже умѣетъ посадить снимающаго портретъ, дать ему позу, свободную и ловкую, что весьма-важно въ фотографіи. Коллекція портретовъ нашихъ литераторовъ, которую издаетъ г. Оже, можетъ послужить яснымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго мною. Приобрѣтя ее, по весьма-дешевой цѣнѣ, каждый на дѣлѣ убѣдится, что портреты г. Оже вполне заслуживаютъ общее вниманіе.

Но на прекрасныхъ портретахъ дѣло еще не останавливается. Г. Оже снимаетъ копіи съ картинъ, писанныхъ масляными красками и снимаетъ такія удачныя копіи, что онѣ не уступятъ хорошей гравюрѣ. Совершенствуясь въ этомъ искусствѣ, день-ото-дня, онъ нашелъ секретъ, посредствомъ котораго пробуетъ, въ настоящее время, снять копію съ Теньера — и, кажется, попытка его увѣнчается успѣхомъ. Усовершенствованное это примѣненіе фотографіи представляетъ безчисленное множество полезныхъ послѣдствій — этого, я полагаю, не надо и доказывать.

Въ число чисто-весеннихъ удовольствій Петербургцевъ входитъ обычная выставка на биржевомъ скверѣ: звѣрей, птицъ и раковинъ. Выставка эта составляетъ приличный предлогъ проѣхаться или пройтись на Васильевскій островъ подышать тѣмъ воздухомъ, отъ котораго у почтенныхъ старичковъ являются какія-то невѣдомыя силы, потолкаться передъ безчисленнымъ множествомъ попугаевъ и канареекъ, истратить отъ 5—200 рублей, смотря по характеру и состоянію, и, за-тѣмъ, пообѣдать съ большимъ аппетитомъ. Нынѣшняя выставка, до-сихъ-поръ, весьма небогата; главную роль играютъ канарейки и попугаи да невѣроятно-дорогія цѣны. Послѣднее немножко-странно, потому-что съ птицъ, напримѣръ, не берутъ пошлины, какъ брали ее прежде, слѣдовательно, ихъ можно было-бы продавать дешевле прежняго. Впрочемъ, это случается каждый годъ, высокія цѣны въ началѣ, къ концу выставки значительно падаютъ, тѣмъ обыкновенно пользуются люди небогатые и расчетливые; такъ будетъ, вѣроятно, и нынче.

Впередѣ двѣ выставки: художественныхъ произведеній, въ Императорской Академіи Художествъ, и растений, отъ «Общества русскаго садоводства», — послѣдняя украшена фонтанамъ, прудами и двумя оркестрами музыки. Первая еще не открыта, а на вторую милости просимъ....

Печальная новость, которую я долженъ объявить съ прискорбіемъ нашимъ читателямъ, не входитъ, въ тѣсномъ смыслѣ, въ область петербургской общественной жизни, но касается равно всѣхъ, кто любитъ и уважаетъ умъ и науку.

Европа лишилась одного изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ представителей ума и полезной учености, извѣстнаго цѣлому міру Александра Гумбольдта. Онъ родился 14-го сентября 1769 года, въ одинъ годъ съ императоромъ Наполеономъ I, а скончался 6-го мая (н. с.) нынѣшняго года, стало-быть, почти 90 лѣтъ. Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала читатели встрѣтятъ, вѣроятно, полную біографію знаменитаго покойника.

Егоръ Меллеръ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Мы начали настоящую книжку отрывкомъ изъ поэмы г. Никитина, къ самородному таланту котораго питаемъ мы большую и вѣроятно, многими раздѣляемую симпатію. Надѣемся, что г. Никитинъ будетъ не случайнымъ гостемъ въ нашемъ журнальцѣ, а однимъ изъ постоянныхъ его сотрудниковъ.

Во второй и третьей статьяхъ Д. А. Смирнова: «Черновая тетрадь Грибоѣдова», читатели наши найдутъ единственные, удѣлившіе отрывки изъ «Грузинской почтѣ» и нѣсколько другихъ поэтическихъ отрывковъ, изъ которыхъ въ особенности указываемъ, какъ на нѣчто цѣльное, на стихотвореніе: «Дѣлежъ добычи».

Продолженіе статьи объ Амурѣ, по причинамъ, отъ редакціи не зависящимъ, должно было быть отложено до слѣдующей книжки, — мы постарались замѣнить это продолженіе статью г. Благоу свѣтлова, исполненною столь-же современнаго интереса и касающеюся одного изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ минуты.

По поводу разсказа г. Витте: «Взяточникъ», мы должны повторить то-же самое, что выразили въ замѣткѣ о статьѣ «Становой приставъ», помѣщенной въ прошедшей книжкѣ. Мы готовы сознать, что недостатки, лишенія, бѣдность окладовъ и т. п., служатъ сильными искушеніями для человѣка и могутъ легко его завлечь на путь неправды, лихоимства и казнокрадства; но мы считаемъ долгомъ своимъ еще разъ повторить, что эти-же лишенія, въ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей, не могутъ быть признаны за настоящій и единственный корень зла, всѣми нами сознаваемого и возбудившаго столько вопросовъ и толковъ. Если эти лишенія могутъ точно служить сильнымъ искушеніемъ для человѣка, то, конечно, въ слѣдствіе многихъ существенныхъ недостатковъ судоустройства и судопроизводства, которые, впрочемъ, со дня на день болѣе и болѣе обращаютъ общее вниманіе.

Въ «Смѣси» мы помѣстили большое собраніе переводовъ изъ Гейне, которые, вмѣстѣ взяты, представляютъ такимъ образомъ нѣкоторое единство и присовокупили къ нимъ небольшое вступленіе, желая охарактеризовать въ немъ поэтическую фязіономію одного изъ немногихъ истинныхъ лириковъ нашей эпохи.

Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ мы надѣемся помѣстить статью П. Л. Лаврова, автора статей о «Гегелизмѣ» и о «Механическихъ теоріяхъ міра».

*Графъ Г. Кушелевъ-Безбородко.
Я. Полонскій.
А. П. Григорьевъ.*

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 5.

Замѣчаніи г-на М. А. на сочиненіе князя Урусова. — Искусственная партія къ одной изъ задачъ Стаммы. — Новый шахматный журналъ «La Rivista degli Scacchi». — Извѣстія изъ Америки, Австраліи, Остъ-Индіи. — Партіи: Дюбуа съ де-Ривіеромъ; Дюбуа съ герц. Брауншвейгскимъ, гр. Казабланка и г-мъ Прети (игравшими по консультаціи); Дюбуа съ Муромъ; Индуса Рупхундера съ Гриномъ; И. С. Шумова съ кн. Д. С. Урусовымъ; кн. Д. С. Урусова съ В. М. Михайловымъ. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи.

Когда мы сообщили нашимъ читателямъ, что на страницахъ Шахматнаго Листка будетъ печататься «Руководство къ изученію шахматной игры» князя С. Урусова, то тутъ же обѣщали сдѣлать, со временемъ, подробный критическій разборъ этого сочиненія. Это могло показаться нѣсколько страннымъ, ибо, по общепринятому обыкновенію, никакой журналъ не печатаетъ разборовъ въ немъ же помѣщаемыхъ статей. Но съ другой стороны нельзя не согласиться, что Листокъ, находясь, по причинѣ своей специальности, въ совершенно исключительномъ положеніи, имѣетъ не только право, но даже обязанность, отступить въ этомъ случаѣ отъ обще-принятаго порядка. Представляя единственный шахматный органъ въ Россіи, онъ не можетъ надѣяться, чтобъ какой-нибудь другой журналъ обратилъ вниманіе на помянутое Руководство, взялъ на себя трудъ подвергнуть его критическому анализу. Кто же послѣ того объяснитъ русскимъ любителямъ значеніе труда князя Урусова, укажетъ на его достоинства и недостатки, если не тотъ же Шахматный Листокъ? Конечно, принявъ на себя печатаніе «Руководства» мы тѣмъ самымъ обнаружили, что признаемъ за нимъ извѣстнаго рода достоинства, думаемъ, что оно будетъ не бесполезно русскимъ шахматистамъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы соглашались со всѣми положеніями автора, раздѣляли всѣ его мнѣнія. Во всякомъ случаѣ теперь еще не

время приступить къ разбору сочиненія князя Урусова, такъ какъ оно не вполне напечатано; а между тѣмъ мы получили на дняхъ, по почтѣ, небольшой, подписанный буквами М. А., мемуаръ, заключающій возраженія на нѣкоторыя изъ положеній этого сочиненія; авторъ мемуара изъявляетъ желаніе, чтобы онъ былъ напечатанъ. Принимая во вниманіе, что возраженія эти относятся исключительно до предлагаемыхъ княземъ Урусовымъ вычисленій,—а эта статья уже совершенно окончена,—мы считаемъ возможнымъ исполнить желаніе Г-на М. А. и помѣщаемъ здѣсь его замѣчанія.

«Прочитавъ на дняхъ 1-ю статью сочиненія князя Урусова подъ заглавіемъ «Руководство къ изученію шахматной игры», и не бывъ въ состояніи согласиться съ положеніями автора, въ особенности, относительно того, что касается силы пѣшекъ, я почелъ своимъ долгомъ указать редакціи Шахматнаго Листка на недостатки, по моему мнѣнію весьма не маловажные, въ опредѣленіи абсолютной и относительной силы пѣшекъ.

«Прежде всего замѣчу, что нельзя означать силы хода пѣшки одною и тою же буквою (такъ-какъ авторъ буквами означаетъ величины постоянныя), потому что значеніе хода растетъ съ приближеніемъ пѣшки къ линіи, на которой она дѣлается ферземъ. Но такъ-какъ при этомъ вычисленія сдѣлались бы очень сложными, то г. Урусовъ, можетъ быть, потому допустилъ эту погрѣшность, считая ее маловажною. Я не вычислялъ разности силы ходовъ при различныхъ положеніяхъ пѣшекъ и потому допущу съ г. Урусовымъ, что здѣсь произойдетъ ошибка незначительная. Тогда можно будетъ составить уравненія:

$$(A) \quad \begin{array}{l} 1) \quad y \quad + \quad x = 21 \\ 2) \quad y' \quad + \quad 2x = 21 \\ 3) \quad y'' \quad + \quad 3x = 21 \\ 4) \quad y''' \quad + \quad 4x = 21 \\ 5) \quad y'''' \quad + \quad 5x = 21 \\ 6) \quad y''''' \quad + \quad 6x = 21 \end{array}$$

«Гдѣ y, y', y'', y''' ... означаютъ силы пѣшекъ на клѣткахъ a_7, a_6, a_5, a_4 , а буква x представляетъ соотвѣтствующія имъ значенія одного хода пѣшки. Г. Урусовъ составилъ эти уравненія и вотъ, какъ они разрѣшаются имъ: онъ говоритъ, что y'''' по смыслу игры можетъ быть или 1, или 6, или 11, или 16. На основаніи какихъ соображеній авторъ дошелъ до этого—не знаю. Во всякомъ случаѣ, если эти соображенія существуютъ, нужно было бы указать на нихъ читателю. Принимая эти ве-

лучины y'''' , авторъ получилъ изъ уравненія (5) для x величины 4, 3, 2 и 1. Далѣе онъ говоритъ:

«Но, какъ извѣстно, сила пѣшки на линіи дамки, то-есть 21, плюсъ x , то-есть сила хода, можетъ быть равна или 2 (и тогда $a8$ будетъ 23), или 4 (и тогда $a8 = 25$), или 6 (и тогда $a8 = 27$), то слѣдовательно средняя сила хода $= 4$.» — Трудно понять эти предложенія. Мнѣ кажется, что смыслъ ихъ таковъ: такъ-какъ ферзь съ линіи дамки, гдѣ онъ имѣетъ значеніе 21, можетъ стать однимъ ходомъ на клѣтки, дающія ему значенія 23, 25, 27, то слѣдовательно значеніе этого хода можетъ быть или 2, или 4, или 6. И это-то значеніе хода ферзя авторъ считаетъ тождественнымъ съ ходомъ пѣшки или съ x , на томъ основаніи, что пѣшка можетъ сдѣлаться ферземъ? Это уже совершенно не вѣрно. Сдѣлавшись ферземъ, пѣшка получаетъ другой кругъ дѣятельности, и значеніе каждаго хода ея уже не имѣетъ никакого сходства съ тѣмъ, что авторъ означаетъ чрезъ x . Почему вычислять величину хода x по силѣ хода ферзя рѣшительно невозможно. Отсюда понятна и «безсмыслица» (выраженіе автора), получаемая авторомъ чрезъ подстановку напр. величины 2, которая между-тѣмъ получается и при вычисленіи силы хода ферзя и передъ тѣмъ отъ рѣшенія уравненія (5). Между-тѣмъ какъ безсмыслицы отъ рѣшенія уравненій выдти никогда не можетъ, если уравненія составлены и рѣшены правильно. Подставляя всѣ найденныя величины вмѣсто x , г. Урусовъ находитъ, что всегда выйдетъ нелѣпость, исключая случая $x = 4$, гдѣ она не обнаруживается явно, — почему онъ и считаетъ эту подстановку правильною.

«Далѣе, для вычисленія относительной силы пѣшекъ, на клѣткахъ среднихъ и крайнихъ линій, авторъ говоритъ: «Законъ измѣненія силы ферзя на свободной доскѣ извѣстенъ; она можетъ быть равна, одному изъ четырехъ количествъ 21, 23, 25, 27. Слѣдовательно если сила пѣшки измѣняется отъ перестановки на линіяхъ b, c, d , то она измѣняется не иначе какъ соотвѣтственно измѣненію силы ферзя.» — И такъ-какъ ферзь на среднихъ клѣткахъ имѣетъ большее значеніе чѣмъ на крайнихъ, то отсюда авторъ заключаетъ, что и пѣшка на среднихъ клѣткахъ будетъ имѣть большее значеніе. Но пѣшка дѣлается ферземъ на крайнихъ клѣткахъ; находилась-ли она передъ тѣмъ на среднихъ или не находилась, оттого значеніе ея не измѣняется въ моментъ принятія ею значенія ферзя, а всегда будетъ 21. А потому если пѣшка на среднихъ клѣткахъ и имѣетъ

большее значеніе, то навѣрное не оттого, что, будучи ферземъ, она бы здѣсь имѣла больше ходовъ.

«Послѣ этого авторъ говоритъ: «Сила пѣшки на 8-й линіи не измѣняется ни на b_8 , ни на c_8 и т. д. слѣдовательно для пѣшекъ на этой линіи получимъ:

$$b_8 + 4 = 25, c_8 + 4 = 25 \text{ и т. д.}»$$

Откуда получились эти уравненія — не знаю. Мнѣ кажется они имѣютъ связь съ первую, мною приведенною, выпискою словъ автора, и дошелъ онъ до нихъ повидимому слѣдующими соображеніями: пѣшка на 8-й линіи имѣетъ значеніе 21, сила хода, кромѣ того ей принадлежащая $= 4$, а потому вся сила ея выразится числомъ 25. Да какая же это сила хода? неужели опять тотъ же x , который былъ вычисленъ на томъ основаніи, что пѣшка чрезъ него дѣлается ферземъ. Такой силы хода авторъ не давалъ вѣдь ни одному офицеру. Почему же пѣшка, сдѣлавшись ферземъ, сохраняетъ за собой это право, и потому, находясь на 8-й линіи, дѣлается у него не равною по силѣ ферзю, а больше его. Это противорѣчитъ даже уравненіямъ (А), такъ-какъ въ нихъ ясно видно, что пѣшка, имѣя на a_3 пять силъ хода или $5x$, теряетъ чрезъ каждый ходъ одинъ x , и потому на a_8 уже не будетъ имѣть ни одной силы хода. По всему видно, что авторъ, будучи знакомъ на практикѣ, хотя только приблизительно, съ относительною силою пѣшекъ при различныхъ ихъ положеніяхъ, хотѣлъ теоретически вывести эти же численныя величины, почему для достиженія цѣли прибѣгалъ на каждомъ шагу къ натяжкамъ. Болѣе всего бросается въ глаза подобная натяжка въ примѣрѣ, который авторъ приводитъ въ подтвержденіи справедливости, выведенныхъ имъ численныхъ значеній пѣшекъ. Онъ говоритъ «такъ какъ сила двухъ центральныхъ пѣшекъ d_5 и $e_5 = 30$, а сила $c_5 + f_5 = 26$, то соединенныя пѣшки сильнѣе отдѣльныхъ.» Авторъ здѣсь приникалъ примѣръ, который его удовлетворялъ. Возьмемъ изъ его же таблицы другой примѣръ и будемъ разсуждать подобнымъ же образомъ. Значеніе пѣшекъ $c_4 = 9$, $b_4 = 7$, $f_4 = 9$. Отсюда $b_4 + c_4 = 16$, $c_4 + f_4 = 18$, т. е. сила отдѣльныхъ пѣшекъ болѣе соединенныхъ; другими словами, получаемъ нелѣпость. Я ничуть не утверждаю, что численныя величины, выведенныя г. Урусовымъ для относительной силы пѣшекъ, были бы невѣрны. Я только напаяю на пріемъ опредѣленія этой силы.

«Я прошу редакцію Шахматнаго Листка напечатать мою записку. Можно сдѣлать только два предположенія: или я не такъ

понялъ слова г. Урусова, и въ этомъ случаѣ редація вѣроятно потрудится разъяснить недоразумѣнія, которые могли возникнуть не только у меня, но и у другихъ читателей. Или же мои возраженія справедливы. Тогда нужно будетъ для опредѣленія силы пѣшекъ обратиться къ другимъ приемамъ, которые навѣрное откроются кѣмъ-нибудь изъ господъ читателей. Во всякомъ случаѣ напечатаніе моей записки принесетъ нѣкоторую пользу. Лѣтя себя только этою надеждою, я рѣшился представить эти *нѣсколько словъ* на судъ публики.»

Входить въ подробное разбирательство вопроса о томъ, кто правъ—князь Урусовъ или его критикъ—мы считаемъ излишнимъ, какъ потому, что основательность возраженій Г-на М. А. очевидна, такъ и потому, что мы имѣли уже случай выразить несогласіе наше съ вычисленіями автора «Руководства». Изъ всѣхъ этихъ вычисленій мы признаемъ основательнымъ только способъ опредѣленія силы офицеровъ по числу атакуемыхъ ими кѣтокъ *); въ остальномъ безпрестанно встрѣчаются натяжки, произвольныя предположенія, неясность въ изложеніи. Составитель мемуара совершенно правъ, нападаая на эти недостатки, но онъ кажется ошибается, говоря, что нельзя понять почему по словамъ князя Урусова, y'''' должно быть равно или 1 или 6 или 11 или 16; это, по нашему мнѣнію, довольно ясно или, по крайней мѣрѣ, яснѣе многого остальнаго; а именно: изъ уравненія $y'''' + 5x = 21$ получается $x = \frac{21 - y''''}{5}$; теперь предполагая, что x есть непременно количество цѣлое, а не дробное, y'''' дѣйствительно выразится однимъ изъ вышепомянутыхъ чиселъ; при всякомъ другомъ подстановленіи, x будетъ числомъ дробнымъ **).

Недавно получили мы изъ Орловской губерніи, помѣщаемую здѣсь шахматную партію съ любопытнымъ свѣдѣніемъ о ея происхожденіи. Почтенный корреспондентъ сообщаетъ, что онъ записалъ ее лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Кременчугѣ, по указаніямъ одного старика Еврея, имѣвшаго при себѣ грязную, пожелтѣвшую отъ времени тетрадку, въ которой эта игра была

*) Этотъ способъ давно извѣстенъ; онъ объясненъ уже въ сочиненіи Пратта «Studies of Chess», первое изданіе котораго напечатано въ 1803 году.

**) Тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые пожелають ближе ознакомиться съ способомъ примѣненія математики къ шахматной игрѣ, советуемъ прочесть статью г. Яниша «Essai sur le calcul mathématique des valeurs relatives des pièces de l'échiquier», помѣщенную въ Паламедѣ 1845 г. (стр. 155 — 175).

воспѣта еврейскими стихами. Еврей читалъ поэму съ большимъ одушевленіемъ, увѣрялъ, что она написана до потопа и продать тетрадку не согласился. Разсмотрѣвъ игру, мы убѣдились, что это не дѣйствительно игранная партія, а такъ называемая искусственная, нарочно составленная съ цѣлю привести шашки къ любопытному положенію, которое можетъ служить проблемою. Убѣдиться въ этомъ нетрудно; бѣлые, начиная съ двадцать-девятаго хода, играютъ мастерски и рядомъ самыхъ блестящихъ маневровъ даютъ противнику матъ въ восемь ходовъ, а между тѣмъ, эти же самыя бѣлые ведутъ начало партіи довольно плохо и дѣлаютъ даже грубыя ошибки; согласить такое противорѣчіе нельзя иначе какъ посредствомъ сказаннаго предположенія. Но какъ бы то ни было, а эта партія сильно возбудила наше любопытство; конечно, съ свойственнымъ нашему вѣку скептицизмомъ, мы не слишкомъ вѣрили въ допотопность ея происхожденія, но все-таки надѣялись, что, можетъ быть, счастливая звѣзда Листка даетъ ему случай отрыть шахматную древность, еще неизвѣстную любителямъ. Наведенныя справки разрушили нашу надежду; изъ нихъ оказалось, что эта игра уже напечатана въ Lehrbuch des Schachspiels Ланге, который объясняетъ, что онъ воулчилъ ее изъ Одессы отъ Г. Эйхенбаума и что она составляетъ искусственное начало къ одной изъ задачъ Стаммы.

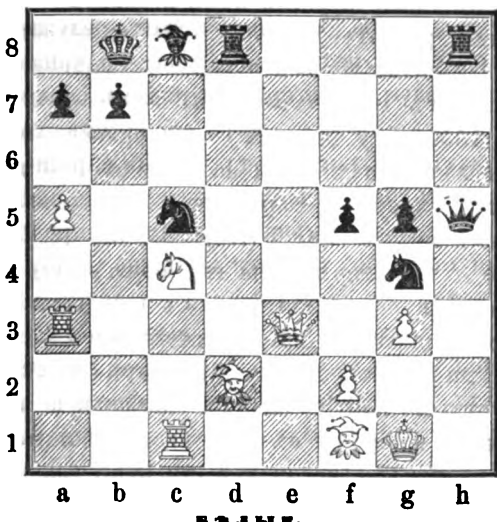
№ 30.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЬ.

(Черные.)	(Бѣлые.)	14) c5—d4°	f3—d4°
1) e7—e5	e2—e4	15) b5—a5	c1—d2
2) d7—d5	e4—d5°	16) a5—a3°	d4—b3
3) d8—d5°	g1—f3	17) c8—b8	b3—a5
4) c8—e6	c2—c4	18) e6—c8	a5—c4
5) d5—c6	g2—g3	19) a3—e7	d1—b3
6) e6—c4°	d2—d3	20) f7—f5	h2—h3
7) c4—e6	f1—g2	21) h7—h6	h3—h4
8) b8—a6	0—0	22) g7—g5	h4—g5°
9) 0—0—0	f3—e5°	23) h6—g5°	f1—c1
10) c6—b6	b1—a3	24) e7—g7	a2—a4
11) f8—a3°	b2—a3°	25) g8—h6	a1—a3
12) b6—b5	d3—d4	26) g7—g6	a4—a5
13) c7—c5	e5—f3	27) g6—h5	g2—f1

28) a6—c5 b3—e3 Теперь игра приведена къ
29) h6—g4 положенію задачи Стаммы.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

29)	e3—f4+	33) c5—a6	c1—c8°+
30) g5—f4°	d2—f4°+	34) d8—c8°	a3—a6°+
31) b8—a8	c4—b6+	35) b7—a6°	f1—g2+
32) a7—b6°	a5—b6°+	36) c8—c6	g2—c6°×

Но можетъ быть нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей неизвѣстно кто такой Стамма? Филиппъ Стамма, уроженецъ города Алеппо въ Сиріи, одинъ изъ сильнѣйшихъ игроковъ минувшаго столѣтія, извѣстенъ составленіемъ замысловатыхъ шахматныхъ задачъ; ему же принадлежитъ честь изобрѣтенія алгебраической нотации, усовершенствованной въ 1784 году Гиршелемъ. Собраніе своихъ проблемъ Стамма издалъ въ первый разъ въ Парижѣ въ 1737 году; восемь лѣтъ спустя онъ дополнилъ свое сочиненіе анализами употребительнѣйшихъ дебютовъ и издалъ его въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: The noble game of chess, or, a new and easy method to learn to play well in a short time: together with a curious account of its antiquity, derivation of its terms etc. By Phillipp Stamma, native of Aleppo in Syria; and interpreter of the Oriental languages to his Majesty the King of Great-Britain. По смерти Стаммы задачи его были перепеча-

таны много разъ; лучшее изданіе принадлежит прусскимъ шахматистамъ Бледову и фонъ-Оппену (Берлинъ 1856).

Читатели наши конечно съ удовольствіемъ, узнаютъ, что число періодическихъ шахматныхъ изданій увеличилось недавно появленіемъ въ Римѣ журнала подъ названіемъ «La Rivista degli Scacchi.» Редакторъ этого журнала, Серафимъ Дюбуа, принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ игроковъ нашего времени; въ Италиі онъ не знаетъ себѣ соперника, а во время пребыванія въ Парижѣ, въ 1855 году, доказалъ свое превосходство и надъ корифеями пресловутаго Café de la Régence, въ числѣ которыхъ тогда не было, впрочемъ, Гаррвитца. Нѣсколько помѣщаемыхъ въ настоящемъ листкѣ партій (N° 31, 32, 33, 34 и 35) могутъ дать понятіе о характерѣ игры г. Дюбуа.

Въ Америкѣ царственная игра съ каждымъ днемъ приобретаетъ новыхъ адептовъ; число шахматныхъ клубовъ быстро увеличивается; многіе журналы помѣщаютъ на своихъ столбцахъ шахматныя статьи, партіи, задачи. Извѣстія о побѣдахъ Морфи встрѣчаются въ Америкѣ съ восторгомъ и тамъ образовали даже особый комитетъ (не знаемъ только въ какомъ именно городѣ; вѣроятно въ Нью-Йоркѣ или Новомъ Орлеанѣ), имѣющій назначеніемъ выразить молодому герою признательность его соотечественниковъ за прославленіе американскаго имени на мирномъ шахматномъ поприщѣ. Этотъ комитетъ открылъ подписку для поднесенія Морфи золотой медали съ приличною надписью и шахматъ изъ чистаго золота и серебра; каждый подписчикъ, пожертвовавшій не менѣе пяти долларовъ, получитъ бронзовый экземпляръ медали. Между Нью-Йоркомъ и Филадельфіею съиграли недавно, по электрическому телеграфу, дѣтъ консультаціонныя партіи. Со стороны Нью-Йорка играли: Фиске, Лхтенштейнъ, Томпсонъ, Медъ и Перринъ, а со стороны Филадельфіи Монгомери, Томасъ, Рандольфъ, Льюсъ и Элькинъ. Первая партія (отказанный гамбитъ ферзя) длилась пять вечеровъ и окончилась разыгршемъ; о второй мы не имѣемъ свѣдѣній.

Подобное же электро-шахматное состязаніе происходило въ іюлѣ минувшаго года между двумя городами Австраліи: Джорджтауномъ и Гобарттауномъ. Вотъ начало партіи:

Джорджтаунъ. Гобарттаунъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)
1) e2—e4	c7—c5
2) f1—c4	e7—e6
3) g1—h1	d7—d5

Дальше выписывать не стоит; изъ этихъ немногихъ ходовъ уже видно, что Австралийцы, — или по крайней мѣрѣ жители Джорджътауна, — не слишкомъ сильные шахматисты. Во всякомъ случаѣ пріятно видѣть, что наша игра распространяется и въ пятой части свѣта. Въ тоже время она дѣлаетъ успѣхи и въ древнемъ своемъ отечествѣ, на берегахъ Ганга и Брахмапутры; Г. Гринъ, бывший членъ Лондонскаго клуба, находящійся съ нѣкотораго времени въ Остъ-Индіи, сообщаетъ о блестящихъ успѣхахъ одного туземца по имени — Рунхундеръ; одну изъ его партій мы помѣщаемъ въ настоящемъ Листкѣ (№ 36).

№ 31.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКАГО КОНЯ.

С. Дюбуа. (Бѣлые.)	де-Ривьеръ. (Черные.)	10) d1—d2	h6—g4
1) e2—e4	e7—e5	11) f4—g5	g7—f6
2) f2—f4	e5—f4°	12) g5—f6°	d8—f6°
3) g1—f3	g7—g5	13) f3—e5	f6—g7(3)
4) f1—c4	f8—g7	14) e5—f7°(4)	d6—d5
5) d2—d4	d7—d6	15) e4—d5°	f8—f7°
6) b1—c3	c7—c6	16) d5—d6	g4—f6
7) 0—0	g8—h6(1)	17) f1—f6°	g7—f6°
8) h2—h4(2)	g5—h4°	18) a1—f1	c8—f5
9) e1—f4°	0—0	19) c3—e4	f6—g6
		20) e4—g5	черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи No 31.

- (1) Нехорошій ходъ. Слѣдовало играть h7 — h6.
- (2) Вообще говоря подвигать пѣшки, прикрывающія короля, опасно, но въ настоящемъ положеніи h2 — h4 хорошо сыграно, потому что этимъ ходомъ разрывается связь пѣшекъ противника.
- (3) Предложить мѣну ферзей посредствомъ f6 — h6 было гораздо лучше.
- (4) Тутъ начинается красивая и сильная атака, посредствомъ которой бѣлые скоро выигрываютъ.

№ 32.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

де-Ривьеръ. (Бѣлые.)	С. Дюбуа. (Черные.)	2) e4—d5°	g8—f6
1) e2—e4	d7—d5	3) f1—b5+	c8—d7
Отд. IV.		4) b5—d7°+(1)	d8—d7°
			16

5) c2—c4(2)	c7—c6	15) d2—d4	c5—d4°
6) d5—c6°	b8—c6°(3)	16) b1—d2	f2—d3+
7) g1—f3	e7—e5	17) g1—h1	d3—e1°
8) 0—0	e5—e4	18) f1—f5°	f8—f5°
9) f1—e1	0—0—0	19) h2—h3	e4—e3
10) f3—g5	d7—f5(4)	20) d2—e4	f5—f1+
11) g5—f7°	f8—c5	21) h1—h2	d4—e5+
12) e1—f1	f6—g4	22) g2—g3	c6—d4
13) f7—h8°	g4—f2°		
14) d1—e1	e8—f8(5)		

бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ парти No. 32.

(1) Слѣдовало играть b5 — c4.

(2) Защищать такимъ образомъ гамбитную пѣшку—ведетъ къ потерѣ времени, гораздо было бы лучше отдать ее и сыграть g1 — f3.

(3) Теперь черные имѣютъ превосходство положенія.

(4) Г. Дюбуа нарочно оставляетъ пѣшку f7 подъ ударомъ въ виду замышляемой имъ сильной атаки ферземъ, слономъ и конемъ на пунктъ f2.

(5) Теперь игра черныхъ необходимо выиграна. Съ перваго взгляда тутъ представляется 14) $\frac{f2-d3+}{f2-d3+}$, но это было бы гораздо менѣе сильно.

№ 33.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

де-Ривьеръ.	С. Дюбуа.	12) d4—e5°	f6—g4
(Бѣлые.)	(Черные.)	13) b1—d2	c8—e6
1) e2—e4	e7—e5	14) c4—d3	g7—g6
2) g1—f3	b8—c6	15) d3—e4	e6—d5
3) f1—c4	f8—c5	16) a1—d1(1)	d5—e4°
4) b2—b4	c5—b4°	17) d2—e4°	d8—e7
5) c2—c3	b4—c5	18) e4—f6+	g4—f6°
6) 0—0	d7—d6	19) e5—f6°	d7—c5(2)
7) d2—d4	e5—d4°	20) c2—d2	c5—h5
8) c3—d4°	c5—b6	21) d2—f4	a8—d8
9) c1—b2	g8—f6	22) g2—g4	h5—h3
10) d1—c2	0—0	23) f3—g5	h3—h6
11) e4—e5	d6—e5°	24) b2—c1	c6—d4

25) f1—e1	h6—g5°(3)	39) g2—f3	a5—a4
26) d1—d4°	g5—f4°	40) f3—e4	c7—c5
27) d4—f4°	f8—e8	41) e4—d3	g8—f8
28) f4—e4	e8—e4°	42) g5—h4	f8—e8
29) e1—e4°	h7—h5	43) g3—g4	e8—d7
30) c1—h6	h5—g4°	44) g4—g5	d7—e6
31) e4—g4°	d8—d4	45) h4—e1	e6—d5
32) g4—g3	d4—h4	46) e1—d2	c5—c4+
33) h6—g5	h4—e4	47) d3—c2	d5—e4
34) g3—h3(4)	e4—g4+	48) a2—a3	d4—c5
35) h3—g3	g4—g3°+	49) d2—c1	c5—d6
36) h2—g3°	b6—d4	50) c2—c3	d6—f4°
37) g1—g2	b7—b5		
38) f2—f4	a7—a5		

Черные выигрывают.

Примѣчанія къ партіи No. 33.

(1) Хорошо сыграно. Теперь бѣлые имѣютъ очень сильную атаку.

(2) Единственный ходъ, спасающій партію черныхъ, ибо если бѣлые помѣстили бы ферзя на клетку h6, а они могли сдѣлать это въ два хода, матъ чернымъ былъ бы неизбеженъ.

(3) Бѣлые очевидно не предвидѣли этого хода; онъ совершенно уничтожаетъ атаку и даетъ перевѣсъ чернымъ.

(4) Ошибка, ускоряющая гибель бѣлыхъ.

№ 34.

ГАМБИТЪ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

С. Дювау. Герцогъ Брауншвейг-скій, Графъ Казабанка, Г. Прети.		10) c3—e4	g7—f8
		11) d4—d5	c6—c5
(Бѣлые.)	(Черные.)	12) d1—e1(2)	a7—a5
1) e2—e4	e7—e5	13) c1—d2	b5—b4
2) f2—f4	e5—f4°	14) d5—d6	c8—a6+
3) f1—c4	d8—h4+	15) f1—g1	b8—c6
4) e1—f1	g7—g5	16) e4—f6+	g8—f6°
5) b1—c3	f8—g7	17) e5—f6°+	e8—d8
6) d2—d4	c7—c6(1)	18) f3—e5	c4—c5
7) g1—f3	h4—h5	19) e5—c6°+	d7—c6°
8) e4—e5	b7—b5	20) e1—c5	c4—b3°
9) c4—b3	h7—h6	21) e5—a5°+	d8—e8(3)
		22) a1—e1+	a6—e2

23) a5—c7	a8—d8	25) c6—c8+	d7—d8
24) c7—c6°+	d8—d7	26) d6—d7×	

Примѣчания къ партіи No. 34.

- (1) Тутъ обыкновенно играетъ 6 $\overline{d7-d6}$
- (2) Бѣлые замышляютъ e4 — f6 +.
- (3) d8 — d7 было бы лучше.

№ 35.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

С. Дюбуа. (Бѣлые.)	Генераль Муръ. (Черные.)	11) d1—a4+	c8—d7
1) e2—e4	e7—e5	12) a4—c4°	g8—f6(1)
2) g1—f3	b8—c6	13) e4—e5(2)	d6—e5°
3) f1—c4	f8—c5	14) c1—a3	c7—c6
4) b2—b4	c5—b4°	15) f1—e1	d8—c7
5) c2—c3	b4—a5	16) e1—e5°+	e8—d8
6) 0—0	a5—b6	17) d5—d6	c7—c8
7) d2—d4	e5—d4°	18) f3—g5	b6—f2°+
8) c3—d4°	d7—d6	19) g1—f2°	f6—g4+
9) d4—d5	c6—a5	20) c4—g4°(3)	d7—g4°
10) b1—c3	a5—c4°	21) g5—f7°+	d8—d7
		22) e5—e7×	

Примѣчания къ партіи No 35.

- (1) Кажется было бы лучше сыграть g8 — e7.
- (2) Этимъ пожертвованіемъ пѣшки бѣлые приобрѣтаютъ чрезвычайно сильную атаку.
- (3) Блестящее пожертвованіе, послѣ котораго партія черныхъ не можетъ быть спасена.

№ 36.

ДЕБЮТЬ ПѢШКИ ФЕРЗЕВА СЛОНА.

Гринъ. (Бѣлые.)	Рунхундеръ. (Черные.)	6) e5—d3°	f8—d6
1) e2—e4	e7—e5	7) d1—b3	d5—e4+
2) c2—c3	d7—d5	8) c1—e3	c8—e6
3) g1—f3	d5—e4°	9) b1—d2	e5—c6
4) f3—e5°	d8—d5	10) d3—b4	d6—b4°
5) d2—d4	e4—d3°	11) b3—b4°	a7—a6
		12) d2—c4	g8—e7

13) c4—a5	c6—d5	21) b2—b4	h8—e8
14) a1—d1	b8—c6	22) e3—d2	d8—d6
15) a5—c6°	d5—c6°	23) d2—b2	e8—d8
16) f1—d3	e7—d5	24) d3—c2	e6—d5
17) b4—e4	0—0—0	25) a2—a4	d5—g2°
18) 0—0	f7—f5	26) b4—b5	g2—f3
19) e4—d4	d5—e3°		
20) d4—e3°	c8—b8		

и черные непременно выигрываютъ.

№ 37.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЬ.

Кш. Д. С. Урусовъ.

И. С. Шумовъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	29) h7—g8°+	a8—g8°
2) g1—f3	b8—c6	30) a2—a3	c5—e7
3) d2—d4	e5—d4°	31) h4—f3	c7—c5
4) f1—c4	f8—c5	32) f3—e5+	f7—f8
5) 0—0	h7—h6	33) e1—e3°	d4—e3°
6) e4—e5	g8—e7	34) f2—e2	e7—h4
7) e2—c3	d4—c3°	35) h1—h2	h4—f2
8) b1—c3°	0—0	36) g2—g4	f8—e7(2)
9) c3—e4	d7—d6	37) h5—g3	e7—e6
10) c1—h6°	g7—h6°	38) g3—f5	g8—f8
11) e4—f6+	g8—g7	39) f5—e3°	f2—e3°
12) d1—d2	f8—h8	40) e2—e3°	e6—d6
13) f6—h5+	g7—f8	41) h2—g3	b7—b5
14) d2—f4	d6—d5	42) f4—f5	a7—a5
15) c4—d3	f7—f5	43) g3—f4	b5—b4
16) e5—f6°	e7—g8	44) h3—h4(3)	c5—c4
17) f6—f7(1)	g8—f6	45) g4—g5	h6—g5°
18) f4—f6°	d8—f6°	46) h4—g5°+	f8—c8
19) h5—f6°	c8—e6	47) a3—b4°	a5—b4°
20) a1—e1	f8—f7°	48) g5—g6	c4—c3
21) f6—h5	c5—d6	49) b2—c3°	b4—c3°
22) f3—h4	c6—e5	50) e3—e1	c3—c2
23) d3—c2	h8—g8	51) e5—d3	c8—c4+
24) f2—f4	d6—c5+	52) f4—e3	c4—e4+
25) g1—h1	e5—g4	53) e3—d2	e4—e1°
26) h2—h3	g4—e3	54) d3—e1°	d6—e5
27) f1—f2	d5—d4	55) e1—c2°	e5—f5°
28) c2—h7	e6—d5	56) c2—e3+	f5—g6°
		57) e3—d5°(4)	игра ничья.

Примѣчанія къ партіи No 37.

- (1) f3—h4 — было бы лучше.
- (2) Кажется сильнѣе было бы сыграть d5—b3, для того чтобъ потомъ занять слономъ клетку d1.
- (3) Лучше бы e3—d3.
- (4) Вообще о настоящей партіи можно замѣтить, что въ началѣ бѣлые имѣли прекрасную атаку, но не вполне ею воспользовались, отчего игра и кончилась розыгрышемъ. Черные, въ срединѣ и концѣ партіи, защищались мастерски.

№ 38.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКАГО КОНЯ.

В. М. Михайловъ. (Бѣлые.)	Кн. Д. С. Урусовъ. (Черные.)	27) c4—c5(5)	d6—f5
1) e2—e4	e7—e5	28) h4—h7	a8—d8
2) f2—f4	e5—f4°	29) d2—f1	e3—f1°
3) g1—f3	g7—g5	30) f4—f1°	d8—d2
4) f1—c4	f8—g7	31) b3—d1	d2—d1°
5) 0—0	h7—h6	32) f1—d1°	f5—g3°+
6) d2—d4	d7—d6	33) h2—g3°	g4—d1°
7) c2—c3	c7—c6	34) h7—d3	d1—g4
8) g2—g3	g5—g4	35) d3—d8+	e7—e8
9) c1—f4°	g4—f3°	36) d8—d2	g7—b2°
10) d1—f3°	g8—f6	37) d2—h6+	b2—g7
11) e4—e5	d6—e5°	38) h6—d2	f8—g8
12) f4—e5°	b8—d7	39) h1—g1	e8—e5
13) e5—d6	d7—b6	40) d2—d8+	g7—f8
14) f1—e1+	e8—d7(1)	41) d8—b8	e5—e1+
15) d6—e7(2)	d8—e7°(3)	42) g1—f2	e1—e2+
16) e1—e7°+	d7—e7°	43) f2—f1	e2—b2
17) b1—d2	h8—e8	44) b8—a7°	g4—h3+
18) c4—b3	c8—g4	45) f1—e1	b2—b1+
19) f3—f4	e7—f8	46) e1—d2	f8—h6+
20) f4—d6+	e8—e7	47) d2—c2	h3—f5+
21) a1—f1	f6—d5	48) c2—c3	b1—c1+
22) c3—c4(4)	g7—d4°+	49) c3—d4	c1—d1+
23) g1—h1	b6—c8	50) d4—c4	f5—e6+
24) d6—h6°+	d4—g7	51) c4—c3	h6—g7+
25) h6—h4	d5—e3	52) c3—b4	d1—b1+
26) f1—f4	c8—d6	53) b4—a4	g7—e5
		54) a7—a5	b7—b5+

- 55) c5—b6° e6—b3+ 56) c5—b4 e5—c3+
 56) a4—b4 b3—d1+ бѣлые сдаются.
 57) b4—c5 b1—c1+

Примѣчания къ партіи № 38.

(1) 14) $\frac{c8-e6}{c8-e6}$ 15) $\frac{c4-e6^\circ}{d8-d6^\circ}$ дало бы чернымъ еще болѣе крѣпкое положеніе.

(2) c4—f7° — было бы несравненно лучше.

(3) Черные вынуждены отдать ферзя за слона и ладью, но, итѣя уже лишняго офицера, они все таки сохраняютъ перевѣсъ.

(4) Грубая ошибка.

(5) f4—g4^b не спасло бы моей партіи, ибо тогда 27) $\frac{d6-f6}{d6-f6}$
 28) $\frac{h4-g5}{e3-g4^\circ}$ 29) $\frac{g5-f5^\circ}{e7-e1+}$ 30) $\frac{d2-f1}{g4-e3^\circ}$ 31) $\frac{f5-c5+}{f8-g8}$ 32) $\frac{c5-e3^\circ}{e1-e3^\circ}$ 33) $\frac{f1-e3^\circ}{g7-b2^\circ}$
 и черные выигрываютъ.

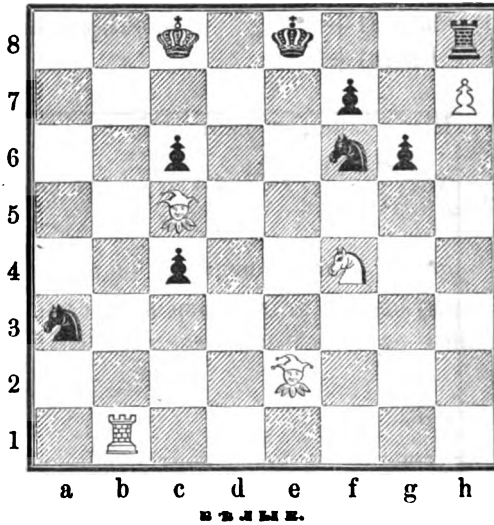
По нѣкоторымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ мы принуждены отложить до будущаго мѣсяца продолженіе «Руководства» кн. Урусова, а потому переходимъ теперь непосредственно къ рѣшенію помѣщенныхъ въ мартовскомъ Листкѣ задачъ.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 5.

Сообщая рѣшеніе этой задачи, мы считаемъ необходимымъ перепечатать здѣсь и самую задачу, ибо изображающая ее въ мартовскомъ Листкѣ диаграмма имѣетъ важный недостатокъ, а именно: бѣлый король отпечатался на ней такъ темно, что его можно принять за чернаго.

ЧЕРНЫЕ.

- 1) e2—h5 a3—b1° (A)
- 2) f4—c6 какъ хочетъ
- 3) слонъ или конь даетъ матъ.

A.

- 1) f6—d5
- 2) f4—d5° какъ хочетъ
- 3) конь, слонъ или ладья даетъ матъ.

№ 6.

- 1) g8—g6 a7—b8° (A) (B)
- 2) d1—d5+
- 3) f4—d3+
- 4) g4—c4+
- 5) g6—c6×

A.

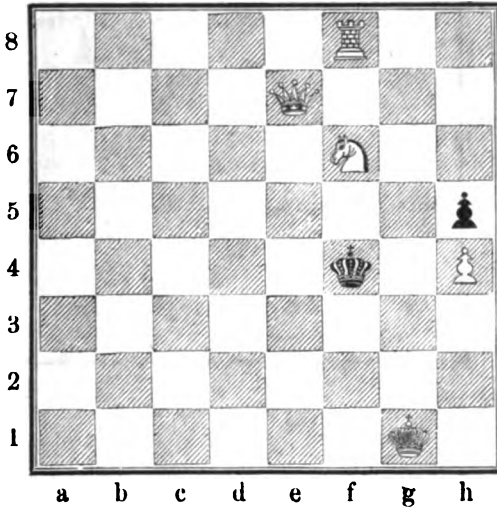
- 1) b5—c3°
- 2) d1—d6+
- 3) d6—a6+
- 4) f4—d3+ какъ хочетъ
- 5) ферзь даетъ матъ.

B.

- 1) b5—d4
- 2) d1—d4°+
- 3) d4—d7+ и т. д.

№ 9.

ФОНТЪ · ОПШЕНА (въ Берлинѣ).
Посвящается Н. Н. Николаеву.
Черны е.

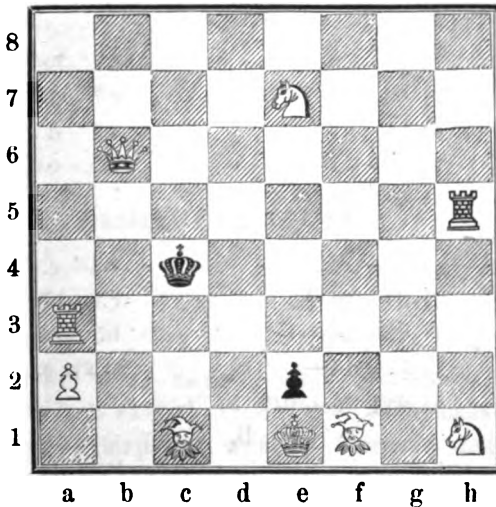

Бѣлы е.

Бѣлы е начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ.

№ 10.

М. БЕЦЦЕЛЯ (въ Ансбахѣ).
Посвящается К. А. Янишу.
Черны е.

Бѣлы е.

Бѣлы е начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 12 ходовъ.

ЗАПИСКИ МЕДКОТРАВЧАТАГО.

ЗАПИСКИ

МЕЛКОТРАВЧАТАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Е. Э. ДРІЯНСКАГО.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО СЛОВА».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМЕНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 6 мая 1859 года.

Ценсоръ С. Палазовъ.

ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТАГО ¹⁾.

I.

Отъездъ. — Проказы гѣшаго. — Удачное salto mortale. — Картина ночлега охотниковъ. — Бацовъ и Петруничъ. — Мелкотравчатые. — Котловина. — Голуба. — Волкъ и Чаусъ. — Клинское. — Обѣдъ. — Савелій и Красотка.

«Съ волками жить — по волчьи выть», говоритъ пословица. Всѣ пословицы я уважаю за тотъ широкій смыслъ, который лежитъ въ ихъ основаніи, а значеніе послѣдней какъ нельзя лучше оправдалось на мнѣ самомъ.

Жилъ я долго въ такомъ благодатномъ мѣстѣ, куда, съ каждой весной, прилетало множество дичи, въ просторныхъ поляхъ водилось пропасть зайцевъ, а въ болотахъ и заводяхъ выплывался выводками красный звѣрь, а въ сосѣди мои, за рѣдкимъ исключеніемъ, были страстные охотники: глядя на нихъ и я завелъ своры двѣ борзыхъ и, мало-по-малу, научился выть по волчьи, слѣдить заячью тропу по порошгѣ и съ первой смѣтки отличать въ жирѣхъ слѣдъ на логово, добыть лису по нарыску и проч., и проч. Однимъ словомъ, въ короткое время, я, какъ говорится въ комедіи, «дошелъ до степени извѣстныхъ» или же, какъ выражались старые сутяги, сталъ «въ родѣ своемъ не послѣдній».

Какъ все это сдѣлалось и какими судьбами я превратился изъ простаго смертнаго въ образъ мелкотравчатого, разъяснить

1) *Мелкотравчатыми*, на охотничьемъ языкѣ, называются тѣ охотники, которые держатъ не болѣе десятка собакъ и охотятся съ ними безъ гончихъ — на хлопки.

того не умѣю. Разсуждая о томъ иногда самъ съ собой, я припоминаю тѣ впечатлѣнія, которыя сопровождали меня въ началѣ моего поприща, и, чтобъ не забыть ихъ совсѣмъ, записываю въ томъ видѣ, какъ представляетъ ихъ еще не измѣнившая мнѣ память.

Однажды, сидя въ просторной залѣ за обѣденнымъ столомъ у графа Атукаева, въ кругу двадцати человѣкъ общихъ сосѣдей—псовыхъ охотниковъ, я, какъ страстный ружейникъ, заспорилъ горячо о преимуществахъ ружейника передъ борзятникомъ. Двадцать голосовъ самой жаркой оппозиціи не въ силахъ были поколебать моихъ въ томъ убѣжденій. Споръ, доходившій подъ часъ до неистовыхъ возгласовъ и стукотни кулакомъ по столу, кончился далеко за полночь, уже во время ужина; кончили тѣмъ, что я далъ слово хозяину отправиться съ нимъ на всю осень въ отъѣздное и присутствовать тамъ въ качествѣ наблюдателя.

Срокъ для съѣзда въ условленномъ мѣстѣ былъ не за горами, а потому, дождавшись назначеннаго дня и уложивъ свой дорожный скарбъ въ телѣжку, я тронулся въ путь.

До мѣста перваго ночлега нашего, подъ открытымъ небомъ, слѣдовало проѣхать верстъ тридцать. Времени въ запасѣ у меня было много, а потому, не рискуя опоздать, я завернулъ по пути къ одному изъ помѣщиковъ, на чашку чаю, и вмѣсто того, чтобъ пробыть у него, какъ намѣревался, не больше часа, волею-неволею, я долженъ былъ *разгирать пулю* и досидѣлъ до десяти часовъ вечера. Взглянувши на часы, я заторопился и, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, рѣшился ѣхать. Мы распрощались.

Два человѣка, держа каждый по свѣчкѣ въ рукѣ, открывали мнѣ путь по крутой и высокой лѣстницѣ; добравшись кое-какъ до послѣдней ступеньки, я невольно ахнулъ: отворенная настежь дверь нарисовала моему, вдругъ притупѣвшему, зрѣнію картину самаго темнаго, мокраго и холоднаго погреба; на вершокъ отъ носа, кромѣ мрака, пахнувашаго мнѣ въ лицо чѣмъ-то непривѣтливимъ, ничего не было видно; одну свѣчу задуло тотчасъ; наконецъ, посредствомъ другой, выставленной на показъ вѣтру, въ выгараченныхъ глазахъ моихъ мелькнуло на мгновеніе подбобода передняго колеса и половина хвоста лѣвой пристяжной; все остальное пожиралъ мракъ.

— Игнатка, ты тутъ?—спросилъ я, двинувшись шагъ впередъ и махая руками по воздуху.

— Здѣсь!—отвѣчалъ Игнатка, и по звуку этого дѣльнаго

сухаго «здѣсь», я тотчасъ смекнулъ, что лицо Игнатки было — живая копія съ темноты и погоды.

— Какъ-же? Десять верстъ не близко. Какъ мы доѣдемъ?

— Авось.... выгѣдимъ.... аглядимси....

Я отыскалъ ошущю кузовъ телѣжки; большая капля дождя упала мнѣ на носъ; пристяжная встрепенулась и загремѣла бляхами; свѣчка погасла. Я сѣлъ.

Выгѣхавъ со двора, нужно было повернуть тотчасъ направо и спускаться по излучистому пригорку, окаймленному съ одной стороны садовымъ тыномъ, а съ другой отвѣсною водомонной, которая, расширяясь постепенно, спускалась вмѣстѣ съ этимъ узкимъ проѣздомъ къ плотинѣ, пересѣкавшей большой прудъ. Эта дорога и днемъ, какъ то извѣстно и памятно было всѣмъ и каждому, считалась не изъ лучшихъ. Дѣло въ началѣ пошло у насъ очень степенно, хотя по частому трясенію головы кореннаго битюка я не хотя уразумѣлъ, что онъ видимо терялъ охоту къ солидному отправленію своей должности. Наконецъ онъ заблагоразсудилъ пуститься рысцой: схватясь обѣими руками за грядки телѣжки, я не успѣлъ еще порядочно одуматься, какъ одна изъ пристяжныхъ вдругъ скрылась изъ глазъ; раздалось громогласное тиррру! пара остановилась; Игнатка, крехтя, охая и причитывая что-то, погѣзъ съ козелъ. По повѣркѣ оказалось, что она попала въ яму, изъ которой мужики роютъ глину. Употребя около получаса на устройство оборваннаго валька и упряжи, мы, наконецъ, благополучно очутились на другомъ концѣ плотины.

— Не вернуться-ли, Игнатка? Судя по началу, намъ не скоро добратъся до мѣста!

— Авось, теперь какъ нибудь.... штопъ имъ тутъ, окаянные.... дуй васъ горой!... середь ѣзду глину роютъ.... и баринъ-то у нихъ, согрѣшилъ грѣшный.... Право-ну. Эхъ-ма.... доѣхать-бы....

Все это причитываніе сопровождается приличнымъ количествомъ эховъ, вздоховъ и покрякиваній, пока Игнатка усаживался и подбиралъ возжи; наконецъ послышалось одно изъ невыразимыхъ междуметій, и послѣдующее за тѣмъ: «Э-э-Бо-гомъ», и лошади побѣжали рысью.

Прыть эта, однакоже, продолжалась не долго; по судорожному встряхиванью и нисколько неусладительной качкѣ экипажа, неминуемо слѣдовало пригѣпиться къ довольно основательной мысли, что мы прогуливаемся вовсе не по дорогѣ; послѣ изряд-

наго толчка слѣдовало неизбежное тирру! и немедленное отправление Игнатки для отысканія болѣе эластическаго пути.

Оставшись одинъ, я отъ бездѣлья началъ приспособлять свое тупое зрѣніе къ сказанному Игнаткой «аглядимси». Успѣхъ былъ такъ великъ, что я увидѣлъ дугу; лошади стушывывались съ грунтомъ. Минуть двадцать прошло въ частыхъ переключкахъ; изъ причитываній, какими онѣ сопровождались, я вывелъ заключеніе, что мы «безъ сумленія» обойдены лѣшимъ.

На горизонтѣ мгновенно блеснула и погасла искорка огня, и заронила въ мою голову частичку свѣтлаго соображенія: если этотъ блескъ изъ кабинета, думалъ я, то нашъ путь лежитъ налѣво; если-же изъ передней, то слѣдуетъ круто повернуть назадъ.

— Баринъ, а баринъ! Мы не туда ѣдемъ, сказалъ Игнатка, подойдя ко мнѣ на голосъ.

— Вѣрю, мой милый. И даже вѣрю, что мы теперь вовсе никуда не ѣдемъ, а преспокойно стоимъ на мѣстѣ.

— Какъ-же быть-то?

На этотъ разъ глаголь *быть* терялъ свою вспомогательную силу.

— Надо найти дорогу и ѣхать по ней, — отвѣчалъ я, послѣ короткаго раздумья.

— Вонъ тамъ, влѣвѣ, дорога есть, да видно не наша.

— Коли есть, такъ она и наша.

Вздыхая и причитывая, Игнатка велъ коренную подъ уздцы; саженой двѣсти продолжалась качка, наконецъ колеса покатились плавно; стало замѣтно, что мы перемѣнили направленіе: мелкій, сыпучій дождикъ увлаживалъ мой правый бокъ. Съ помощью «аглядимси», я предался наслажденію созерцать Игнатку въ непрерывномъ поклоненіи дорогѣ, то направо, то налѣво часа два времени протекло незамѣтно; лошади нѣсколько разъ порывались бѣжать рысью, но междуетія Игнатки и возжи мѣшали ихъ усердію; наконецъ раздалось новое тирру! и коренная уперлась въ межевой столбъ. По тщательномъ осмотрѣ оказалось, что мы стоимъ на распутьи трехъ дорогъ. Не желая получить вмѣсто одного, три вопроса вдругъ, я обратился первый къ Игнаткѣ.

— Какъ думаешь, гдѣ мы?

— И дѣ это мы? Атцы мои... Ахъ, дуй-тѣ горой... Куда-жъ теперь? было — отвѣтомъ.

Всворѣ Игнатка снова затынулъ «э-э-Бо-гомъ» и лошади пустились трусцою по неизвѣстному всѣмъ намъ пути.

Дождикъ началъ переставать: я накрылъ голову мокрымъ воротникомъ шинели, рѣшась ни о чемъ не думать, но часъ времени прошелъ по пустому. Стало скучно.

— Игнатка, спой что-нибудь; ты-таки мастеръ.

— Эхъ, сударь, грѣхъ-отъ какой! И гдѣ водится, чтобъ въ етакіе разы, кто сталъ пѣсни пѣть. Ну, не равенъ случай, какъ съ дядей Никифоромъ.... Ну, какъ не приведи.... да вотъ.... съ нами крестная сила.... Игнатка поспѣшно началъ креститься.

Впереди насъ, казалось не вдалекѣ, вдругъ заблестало нѣсколько отдѣльныхъ огоньковъ; всѣ они какъ-будто были въ движеніи; нѣкоторые изъ нихъ свѣтились очень ярко и отбрасывали искры, другіе были слабѣе, но передъ ними двигались какія-то неясвенныя фигуры и тѣни. Полагая, что это перестановка происходила отъ движенія нашего экипажа, я велѣлъ остановиться, но сумятица все-таки продолжалась: всего-же страннѣе было видѣть то, какъ одинъ изъ этихъ огоньковъ вдругъ исчезалъ, и на мѣстѣ его появлялся другой, гораздо ярче и пламеннѣе, и вслѣдъ за тѣмъ снова начиналось передвиженіе.

— Э-ва! расплясались! Чтожъ, сударь, куда теперь ѣхать прикажете?

— Ступай прямо на освѣщеніе.

Вѣсто должнаго исполненія, Игнатка обернулся и смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Говорятъ тебѣ, ступай.

— Баринъ, а баринъ! Неужто вы занапрасно хотите душу губить!

— Дуракъ, гдѣ есть огонь, тамъ навѣрное если не тепло, то сухо. Пошелъ прямо!

Вздохнувъ глубоко, Игнатка повиновался. Не смотря на близость освѣщенія, мы ѣхали, очень долго, то спускаясь въ лощины, то поднимаясь на бугры; по мѣрѣ приближенія нашего къ этому освѣщенію, оно слабѣло и погасало; не желая потерять изъ вида и послѣдняго изъ этихъ свѣточей, я велѣлъ свернуть съ дороги и ѣхать прямо; послѣ мучительнаго переѣзда по пашнѣ, мы выбрались на луговину и очутились у опушки лѣса. Пропутавъ довольно долго между порубей и кочекъ, мы снова попали на дорогу, которая повела насъ вдоль опушки. Рассчитывая по мѣсту и времени, я былъ вполне увѣренъ, что

мы находились вблизи видѣннаго нами огня: въ воздухѣ былъ слышенъ запахъ дыма и копоти, и сквозь густую кучу деревьевъ блеснула синеватая искорка угасавшаго огня; но въ ту минуту, какъ я намѣревался остановиться для освидѣтельствованія этой надежды на просушку, сонная чаща, казалось, пробудилась. Въ одно мгновеніе послышался звонъ желѣза, шумъ, трескъ, лай и ревъ огромной стаи псовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся эта одрава 1) казалось, со всею кущею березъ, дубовъ и осинъ, рушилась прямо на насъ: болѣе я ничего не взвидѣлъ, потому что въ это время раздался неистовый крикъ Игнатки и лошади во всю прыть помчали насъ снова на кочковатый лугъ. Уцѣпившись крѣпко за телѣжку, я несея какъ стрѣла; кувыркаясь со стороны на сторону, бросаю возжи и закрывъ лицо руками, Игнатка при каждомъ толчкѣ, прыгала передо мною, какъ эластическій мячъ; раздавался одинъ изъ самыхъ сокрушительныхъ ударовъ о пень, телѣжка крикнула, Игнатка прыгнувъ выше обыкновеннаго, и, въ тоже мгновеніе, вмѣсто его заплясала передо мною дуга; склонившись на бокъ, я промчался еще нѣсколько саженой впередъ; наконецъ послѣдовалъ отчаянный скачокъ внизъ, дуга скрылась, подо мной что-то грохнуло, блеснуло, я щелкнулъ зубами и очутился верхомъ на пристяжной. «Аглядѣвшись», я увидѣлъ вверху надъ собой цѣлую стаю собакъ: всѣ онѣ, казалось, не рѣшались приблизиться ко мнѣ по причинѣ крутаго спуска; вскорѣ послышалось хлопанье арапниковъ и какія-то сиповатыя голоса кричали: «атрышъ! къ нему! въ стаю!» Вслѣдъ за тѣмъ, между собаками появились двѣ длинноватыя тѣни, въ родѣ человѣческихъ.

По пересылкѣ изряднаго количества вопросныхъ пунктовъ, сверху внизъ и снизу верхъ, двѣ тѣни тотчасъ превратились въ Сергѣя и Ваську, двухъ смиренныхъ выжлятниковъ 2) графа Атукаева.

Вскорѣ я вышелъ на сушу и съ помощью выжлятниковъ и прибывшихъ на голосъ ихъ двухъ псарей, прежде всего пустился въ розыски. Всѣ оклики и призывы наши оставались безъ отвѣта. Вскорѣ, однакоже, мы увидѣли среди луга четырехъ гончихъ, которые что-то обнюхивали. Мы пошли туда: помѣстясь между двухъ мягкихъ кочекъ, Игнатка лежала вверхъ носомъ и смотрѣла изступленными глазами. Только мой голосъ

1) Толпа, скопище.

2) Помощники ловчаго.

способенъ былъ вызвать его изъ этой нѣмой созерцательности. Сложивъ всѣ доказательства во-едино, мы наконецъ привели его въ чувство, но убѣжденіе въ томъ, что мы были обойдены лѣшнимъ, онъ далъ себѣ клятвенное обѣщаніе сохранить — *по конецъ проба жизни* и отправился вытаскивать лошадей изъ тины.

Между тѣмъ, огни запылали снова; я подошелъ къ одному изъ костровъ и вынулъ изъ кармана часы; стрѣлка показывала три. Послѣ часовъ, глазамъ моимъ предстали три огромныя фуры, такой емкости и величины, что каждая изъ нихъ способна была поглотить самую многочисленную семью правовѣрнаго Кутуфты.

Одна изъ этихъ громадъ была на рессорахъ, длиннѣе прочихъ, и по множеству круглыхъ окошекъ, прорѣзанныхъ въ обоихъ бокахъ кузова, являла изъ себя собачью колесницу. Кромѣ этихъ великановъ экипажной породы, подъ сѣнью ихъ стояли дрожки и другіе крытые экипажи и, сверхъ того, смиренныя русскія телѣги, вокругъ которыхъ, пятками и десятками, стояло около шестидесяти лошадей.

Обрамленная съ обѣихъ сторонъ двумя отрогами лѣса, площадка вдавалась мысомъ въ непроницаемую кущу ельника, подъ сѣнью котораго бѣлѣли двѣ палатки, а подлѣ нихъ нѣсколько шалашей, наскоро устроенныхъ изъ вѣтвей, соломы, попонъ и войлоковъ.

Одно изъ пепелищъ было обставлено треножниками, кострюлями, котликами, ящиками, самоварами и прочими кухмистерскими принадлежностями; кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ было послано множество соломы, на которой покоились борзые, или туго свернувшись кренделькомъ, или на всемъ боку, нѣжно потягиваясь и выпрямляя усталыя ноги.

Я раскурилъ сигару и занялся разсматриваніемъ подробностей этой картины. Псаря и конюхи пробуждались поочередно и, выползая, то изъ среды борзыхъ, то изъ чащи, немедленно приступали къ исполненію должностей; лошади начали потихоньку ржать и постукивать копытами, храбро поглядывая на приступившихъ съ торбами къ одной изъ фуръ, для насыпки овса; то вдругъ которая-нибудь изъ собакъ вскакивала, садилась на четвереньки, горбилась, зѣвала, вытягивала шею, и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ на мѣстѣ, ложилась снова и свертывалась въ клубокъ: эта перекладка на другой бокъ сопровождалась неизбѣжнымъ рычаньемъ одной или обѣихъ сосѣ-

докъ; инья изъ нихъ были такъ неуживчивы, что вскакивали сами, съ явнымъ намѣреніемъ къ дракѣ: затѣвалось общее ворчанье; въ такомъ случаѣ немедленно присоединялся къ нимъ голосъ котораго-нибудь изъ псарей: «но-о! а-си-на! въ сваз-ку», и спокойствіе водворялось. Но вотъ, въ палаткѣ раздалось одно изъ многозначительныхъ покрякиваній, за нимъ протянулось мягкое, эластическое «эй!» и два псаря побѣжали къ крайнему шалашу: «Артамонъ Никитичъ! Артамонъ Никитичъ! графъ проснулся.» Въ отвѣтъ на это раздалось громкое и быстрое «сейчасъ!» — и высокій, стройный малый выскочилъ изъ шалаша въ одномъ жилетѣ. Онъ тотчасъ напялил на себя темный казакинъ и, не мѣшкая, отправился къ ящикамъ: вынулъ серебряный судокъ съ пустымъ стаканомъ, подъ лѣвую мышку захватилъ графинъ съ водой, а въ правую руку взялъ бутылку съ фонаремъ.

На встрѣчу къ нему изъ палатки вышла красивая борзая собака, потянулась сначала назадъ, потомъ напередъ, потомъ уперлась на всѣ четыре лапы, мощно встряхнулась, загремѣла ошейникомъ и замахала хвостомъ, привѣтствуя Артамона Никитича.

Отправясь вслѣдъ за графиномъ и бутылкой, я услышалъ въ началѣ явственные признаки полосканія графскаго рта, потомъ полосканіе стакана и всплескъ воды на траву, потомъ, когда въ слѣдъ за этимъ всплескомъ стаканъ снова началъ наполняться жидкостью, уже не изъ графина, а изъ бутылки, я успѣлъ раза два погладить мягкіе и красивые завитки сѣраго Чауса.

— Кажется, ночью былъ дождикъ?—спросилъ Атукаевъ своего камердинера послѣ трехъ звучныхъ глотковъ.

И тотчасъ смекнулъ, что человекъ, имѣвшій удовольствіе размачивать себя въ продолженіе пяти часовъ, имѣетъ полное право доносить о дождяхъ, слякотяхъ и прочихъ выскочкахъ природы, а потому, не желая вводить въ грѣхъ полусоннаго камердинера, входя въ палатку, сказалъ:

— Былъ и очень порядочный.

Въ отвѣтъ на это донесеніе меня встрѣтили неизбежныя: ба, ба, ба! и слѣдующія за тѣмъ привѣтствія, что я свалился съ неба.

— Просто-на-просто, твои выжидники вытащили меня изъ какой-то трясины, сказалъ я, усаживаясь на графскую постель, состоящую изъ полукопны сѣна, застланной ковромъ.

Послѣ этого пошло въ ходъ подробное описаніе моего путешествія, въ замѣнъ котораго, по примѣру всѣхъ романистовъ, слѣдовало бы заняться описаніемъ графской особы, но мы, найдясь, успѣемъ ознакомиться съ нимъ и безъ этихъ предисловій.

— И прекрасно,—сказалъ Атукаевъ, выслушавъ до конца мое повѣствованіе: — это тебѣ въ наказаніе за прежніе отказы потѣшиться вмѣстѣ съ нами. Ну, теперь какъ-же ты хочешь поступить на счетъ дальнѣйшаго странствованія?

— Это будетъ зависѣть отъ тѣхъ удобствъ, какія представитъ мнѣ мой экипажъ, при появленіи своемъ изъ болота.

— А по-моему, такъ эту статью придется повести иначе.

— Какъ же?

— А вотъ какъ это мы устроимъ. Во-первыхъ, ты, какъ прибудная овца, волею-неволею пригнѣпляешься къ нашему стаду, и я, какъ пастырь, беру тебя подъ свою опеку. Второе и главное есть то, что у меня вчера здѣсь былъ переходъ (дневка), и вечеромъ подвыли пять голосовъ въ котловинѣ, да два отозвались въ Асоргинскихъ; по-этому мы нынче объедаемъ въ Клинскомъ, а вечернее поле беремъ въ Глѣбковѣ: оттуда, какъ тебѣ извѣстно, останется до дома всего-то восемь верстъ: слѣдовательно, Игнатка твой откормитъ здѣсь лошадей и увезетъ на парѣ изломанную телѣжку домой; третья уйдетъ, вмѣстѣ съ кухней и моими заводными, въ Клинское, а завтра возница твой, съ новой таратайкой, явится къ намъ въ Глѣбово. Гуть?

— Да еще какой гуть! просто, на славу.

— Ну, и чудесно. Значитъ, ты теперь въ моемъ распоряженіи?

— Въ полномъ. Однимъ словомъ, я одна изъ самыхъ послушныхъ овецъ твоихъ, и попечительство начнется тѣмъ, что ты велишь тотчасъ подать мнѣ стаканъ самаго горячаго чаю, потому-что я продрогъ до костей.

— Ну, и прекрасно. Эй! Чаю!

Въ это время я отвернулся къ стоявшему въ углу фонарику, чтобъ раскурить сигару и вдругъ почувствовалъ, какъ двѣ ладони закрыли мнѣ глаза, и звонкій теноръ произнесъ надъ ухомъ:

— Узналъ?

— Узналъ,—отвѣчалъ я на-угадъ, желая скорѣй освободиться; но этимъ не кончилось: я долженъ былъ выдержать полный курсъ обниманій, прижиманій и лобзаній, и только по окончаніи этой давки могъ явственно отличить высокую фигуру Луки Лукича Бацова отъ дубленаго полупубка, облекавшаго ону.

— Каковъ! прискакалъ! слышалъ, братецъ, слышалъ все, какъ ты тамъ въ болотѣ... ну, да это пустыки. Вообрази, мы почти годъ, какъ не видались; ну, да это пустыки. А вотъ что: вчера подвыли семерыхъ; а главное, вообрази, Карай-то мой, Карай! третьяго-дня — лису матерую, то-есть, можешь ты себѣ представить, съ первой угонки, какъ вложился — джи!...

Лука Лукичъ не окончилъ еще начатаго рукою жеста, выражавшаго, по его мнѣнью, ловкость и удалство Карая, какъ изъ сосѣдней палатки послышался знакомый мнѣ голосъ г. Стерлядкина.

— Вреть, все вреть! Не вѣрьте ему...

— Такъ и поволокъ, — продолжалъ Бацовъ. — Ну, что онъ тамъ оретъ съ просонковъ, эта щучья пасть: не вѣрь, братецъ, онъ что ни скажетъ — все пустыки. Здравствуй, графъ. А гдѣ-жъ Хлюстиковъ?

— Эй! Подать сюда Петрунчика, — сказалъ графъ людямъ. — Да онъ вчера такъ нахлестался, что, я думаю, и теперь еще не пришелъ въ память.

— Ничего, — кричалъ Стерлядкинъ изъ своей палатки. — Это ему не въ первый разъ, да и не въ послѣдній. Здравствуй, графъ, каково спалось подъ дождикомъ?

— Хорошо. А у васъ вчера что-то долго шла потѣха. Ну, что: на чемъ рѣшили?

— Извѣстное дѣло, на чемъ. Карая нынче придется по хвосту.

— Слышишь, Лука, — сказалъ графъ, обратясь къ Бацову, — и ты въ силахъ будешь перенести этотъ ударъ? А съ кѣмъ идти?

— Съ Азарнымъ, — кричалъ Стерлядкинъ. — На перваго подозрѣннаго, прибылые не въ счетъ; да еще добро-бы до первой угонки, а то прямо на-загладай.

— Ого! Ну, что ты, братъ, Лука? ужь видно, на-прямикъ съ ума спятилъ! Воля твоя, у меня въ-чужѣ сердце замираетъ. Добро-бы еще, на дюжину шампанскаго, а то, посуди самъ: вѣдь это срамъ на всю жизнь.

Бацовъ молча покручивалъ усы; замѣтно было, что онъ начиналъ трусить. — Пустяки! — сказалъ онъ, но уже не такъ громко и отчетливо.

— У тебя все пустыки! А разсуди-ка самъ: Карай твой, слова нѣтъ, собака добрая, во всѣхъ задахъ, да молода; притомъ-же ты самъ знаешь — псовая, пылкая, слѣдовательно, на короткѣ; сверхъ-того, коли не осердишься, я скажу правду: онъ, братъ,

у тебя больно подуздовать 1)! а коли ты охотникъ съ толкомъ, такъ знай, что подуздовая собака всегда не поимиста. Куда-жь ты заѣхалъ? Добро-бы на садочнаго, да еще до угонки; а то, давай намъ подозрѣнаго, да материка: экъ, куда хватилъ! Съ Азарнымъ — шутка! Нѣтъ, братъ, я Азарнаго знаю.... Графъ не кончилъ и началъ вслушиваться. За палаткою шла страшная возня: «слышь, прочь, прибью; подлець буду — прочь; зарѣжу!»

Я выглянулъ изъ палатки.

Въ шалашѣ, изъ котораго недавно появился камердинеръ, лежалъ маленькій человекъ въ заячьемъ полукафтанѣ, и размахивалъ ногами, отбиваясь отъ двухъ псарей, которые старались завладѣть имъ. По голосу и складу бранчивой и отрывистой рѣчи, я тотчасъ узналъ въ немъ Петра Сергѣевича Хлюстикова.

— Тащи, тащи его! — кричалъ голосъ изъ палатки.

— Слышите, Петръ Сергѣичъ, графъ кличетъ; пойдѣте, — говорилъ псарь.

— Пошелъ, дуракъ! ты видишь — я сплю.

— Нельзя: приказано будить.

— У-у! Нельзя, нельзя, скотина! прочь убирайся!

— Бери, тащи его! — раздался голосъ Бацова.

— Петръ Сергѣичъ, Лука Лукичъ зоветъ....

— Лу-ка! Лу-кичъ! Скажи ему, что онъ такой-же скоть, какъ и ты.... А Карай, просто, шалава....

Въ палаткѣ раздался общій смѣхъ.

— Тащи, тащи его, — кричалъ Стерлядкинъ, выходя изъ своей палатки въ колпакѣ и бѣличьемъ халатѣ.

— Еще одинъ! А-а-ай! не буду. Голубчики, пустите.... Иду, право, иду, — кричалъ Хлюстиковъ, барахтаясь на рукахъ у псарей.

Въ палатку подали чай.

Хлюстиковъ явился въ слѣдъ за самоваромъ.

Украшенное тройнымъ комплектомъ веснушекъ, лицо его было до крайности мало, и въ минуту выражало на себѣ тысячу различныхъ оттѣнковъ; темнокаштановые курчавые волосы, наперекоръ всѣмъ прическамъ, постоянно убѣгали вверхъ; вообще же, сочетаніе всѣхъ мелкихъ частицъ этого лица носило выраженіе, порождавшее въ каждомъ невольный смѣхъ. На взглядъ, Хлюстикову было лѣтъ около пятидесяти.

Онъ подобострастно подошелъ къ постели Атукаева, который погладилъ его по головѣ и потрепалъ по щекамъ.

1) Нижняя челюсть короче верхней.

— Вотъ, Петрунчикъ, умница; всталъ раненько; а теперь пойдетъ, умоется, причешетъ головку, и явится къ намъ молодець-молодцомъ.

— И подадутъ ему стаканъ чаю,—прибавилъ Бадовъ, ударяя на слово: чай.

— Чаю... дуракъ! Я не гусь... Эй, ча-ла-экъ! Отставному губернскому секретарю, чуть-чуть не кавалеру Петру Сергѣеву, сыну Хлюстикovu— трубку, водки и сеledки; но-о!—Эти слова были произнесены подобающимъ тономъ.

Въ минуту было подано то и другое.

Взявши въ одну руку коротенькую трубочку, а въ другую налитую рюмку, Хлюстикovъ значительно подмигнулъ глазкомъ, крякнулъ, плюнулъ, показалъ языкъ Бадову и мигомъ опорожнилъ рюмку; но въ то же мгновение глаза его выпучились, лицо сморщилось, онъ вздрогнулъ и сердито швырнулъ рюмку человѣку подъ ноги.

Разразился общій смѣхъ.

— Пад-ле-цу-ку-су-су... шипѣлъ Хлюстикovъ, харкая и отплеиваясь.

Наконецъ, онъ жадно приступилъ къ куренью. Послѣ трехъ сладостныхъ затяжекъ, передъ носомъ Хлюстикова взлетѣлъ огненный фонтанъ отъ вспыхнушаго пороха, положеннаго на дно трубки, и Хлюстикovъ опрокинулся на графскую постель. Наконецъ онъ вскочилъ и съ бранью убѣжалъ въ шалашъ.

Допивши второй стаканъ чаю, я вышелъ изъ палатки.

Игнатка мой крѣпко спалъ, растянувшись передъ пылавшимъ костромъ; испачканныя въ грязи и тинѣ лошади исправно ѣли овесъ, опуствя головы въ изломанную телѣжку, которая казалась вовсе негодною къ употребленію. Вокругъ меня все было въ движеніи: псаря осѣдывали лошадей; кучера впрягали другихъ въ брики и колесницу; повара укладывали костюлы въ ящики; выжлятники смыкали гончихъ; стремянной, съ двумя борзятниками, подлавливалъ графскихъ сворныхъ и пихалъ въ колесницу. Между охотниками шли непрерывныя перебранки и пересмѣшки; собаки выли, прыгали, вытягивались и махали хвостами, ласкались къ своимъ хозяевамъ.

— Глядь-ка, глядь, Кирюха! Савелій Трофимычъ знаетъ-таки учливость, — сказалъ борзятникъ Егорка своему сосѣду.

Всѣ обратились къ колесницѣ.

Тамъ, передъ графскимъ стремяннымъ, стоялъ старичекъ-

охотникъ, лѣтъ шестидесяти, безъ шапки, и низко кланялся; на рукахъ у него лежала тощая борзая собаченка.

— Эхъ, Трофимычъ, твою-бы Красотку, замѣсь каляски, хоть и повыше куда вздыбить, такъ въ тужь пору...

Охотники засмѣялись.

— И, что вы, батюшка Ларивонъ Петровичъ; собака—мысли; передъ Богомъ не лгу; не перебрамшись, слабосилокъ, въ разликѣ. А да-ка намъ... Намедни, какъ по матеромъ-то, она! съ графской Заигрой, пострѣленокъ, ухо въ ухо! передъ Богомъ не лгу... ажно сѣдио подо мной затрепыхало... Поди, матушка, подь туды, подь... продолжалъ старикъ, сдавая свою любимицу стрелянному на руки.

Собага мигомъ очутилась въ рыдванѣ, и, глядя въ окошко на удалявагося Трофимыча, жалобно взывала.

— Ишь, она къ почету-то не привыкла, сказалъ Егорка.

— Не замай, графъ увидить; она въ тѣ норы за сукъ уцѣпится, отвѣчалъ Кирюха, затыгивая подиругу.

Я еще разъ взглянулъ на спавшаго Игнатку, и мнѣ стало жаль будить его. Съ правой стороны, сквозь чашу просвѣчивала заря. Я пошелъ снова къ палаткѣ: тамъ былъ слышенъ голосъ Бацова; графъ былъ уже одѣтъ; Хлюстиковъ по прежнему сидѣлъ на постели подбоченясь, и, прищуря глазъ, насмѣшливо поглядывалъ на Бацова.

— Это пустяки, продолжалъ Бацовъ. Послѣ этого ты станешь увѣрять меня, что я не человекъ.

— Конечно, развѣ ты человекъ! Ты — Бацовъ. Графъ, голубчикъ, прикажи дать рюмочку.

— Петрунчикъ, ты, душка, кажется намѣренъ съ утра сдѣлаться никуда не годнымъ, сказалъ Атукаевъ, щипля его за щеку. Этимъ ты меня очень огорчишь.

— Голубчикъ, ваше сіятельство. Одну только, право одну. Я вѣдь по одной пью.

— Ну, нечего дѣлать. Дай ему мадеры.

— Только, побѣлѣй, этой — знаешь, великороссійской изъ-подъ орла... Кхе! Тутъ Хлюстиковъ щелкнулъ языкомъ, заболталъ ногой и выразилъ многозначительную мину.

— А знаешь-ли за что его изъ суда выгнали? спросилъ Бацовъ, обратясь ко мнѣ.

— Умны были, догадались... эхъ, Бапочка моя, ты и того не смыслишь! расталке муа... Кхе!

Хлюстиковъ мигомъ опорожнилъ рюмку.

Люди начали спмать палатку.

Отдавъ наскоро кое-какія порученія своему кучеру, я поспѣшилъ къ обществу.

Шестьдесятъ гончихъ стояли въ тѣсномъ кружкѣ, подъ надзоромъ четырехъ выжлятниковъ и ловчаго, одѣтыхъ въ красныя куртки и синіе шаравары съ лампасами; у ловчаго, для отличія, куртка и шапка были обшиты позументомъ. Борзятники были одѣты тоже однообразно, въ верблюжьи полукафтаны, съ черною нашпивою на воротникахъ, обшлагахъ и карманахъ; рога висѣли у каждого на пуцовой гарусной тесьмѣ, съ кистями. Всѣ они были окружены своими собаками и держали за поводья бодрыхъ и красивыхъ лошадей сѣрой масти.

Намъ подвели осѣдланыхъ лошадей; людямъ начали подносить вино.

— Ну, смотри у меня, началъ графъ, обратясь къ охотникамъ:—на лазу 1) стой, глазъ не раскидывай; проудишь 2)—не твоя бѣда, прозѣваешь—ремешкомъ заплатишься. Чуть запримѣтилъ, что красный звѣрь пошелъ на тебя: не зарься, дай поле: поперечь, а то, въ щпонецъ 3) нажидай.. особенно, лису — запущничала подлѣ тебя безъ помычки, на глади — стой, не дехни; а мѣсто есть на пролазъ, тотчасъ рогу ловчему посылай Ты, Кондрашка, смотри, берегись: я видѣлъ самъ прошлый разъ, какъ ты Бацовскую лису, безъ голоса, втравилъ въ отъемную вершину... А главное, на драку 4) безъ толку не подавать; у всѣхъ васъ есть эта замашка; глядишь, чуть щелкнула когорая, или тамъ увидалъ полѣно 5) али трубу 6), и пошелъ кличь кликать—и всѣ, дурачье, сыплютъ къ нему, а ловчій хоть умйрай на рогу: «у насъ, дескать, своя забота!» Вотъ я за вами самъ начну присматривать. Садись. Люди начали садиться на лошадей; собаки радостно взвыли и заматались вокругъ охотниковъ.

Ловчій 7) со стаею тронулся впередъ; за нимъ поехали длинная фура съ борзыми; доѣзжачіе 8) разравнялись по три въ

-
- 1) Мѣсто, откуда нажидаютъ звѣря.
 - 2) Протравилъ — не поймалъ.
 - 3) Пашть.
 - 4) На подмогу.
 - 5) Волчій хвостъ.
 - 6) Лисій хвостъ.
 - 7) Правящій стаею гончихъ собакъ.
 - 8) Охотникъ съ борзыми.

рядъ: раздался свистокъ; Егорка поправилъ на себѣ шапку, тряхнулъ головой, откашлянулъ и залился звонкимъ переливистымъ теноромъ:

«Эхъ — не одна во полѣ дороженька».

Еще свистокъ и двадцать стройныхъ, свѣтыхъ голосовъ грянули разомъ:

«Пролегла...»

Вскорѣ и эхо изъ гѣсу крикнуло намъ вслѣдъ:

«Эхъ заростала...»

Русское солнышко засвѣтило намъ съ лѣвой руки.

Отойдя съ версту, мы увидѣли въ сторонѣ маленькую деревушку. Графъ приказалъ охотникамъ идти до мѣста, а мы повернули на право, и, въ сопровожденіи стреляющихъ, поѣхали рысью по узкой проселочной дорожкѣ. У крайней избы стояли пять осѣдланныхъ разномастныхъ лошадей; возлѣ нихъ бродило около дюжины борзыхъ и два человѣка въ нагольныхъ полубухахъ, туго подпоясанныхъ ремнями.

— Вотъ и наши мелкотравчатые, сказалъ Атукаевъ, слѣзая съ лошади.

Навстрѣчу къ намъ выбѣжалъ изъ избы низенькій, плотный, съ крошечными усиками и распухлыми щеками, не старый человѣчекъ, въ сѣренькомъ казнетовомъ сюртучкѣ, и началъ раскланиваться на всѣ стороны.

— Что, ваше сіятельство, заждались? а мы было тотчасъ только что... лепеталъ онъ, пожимая съ низкими поклонами руку Атукаева.

— Вотъ, прошу познакомиться: нашъ помѣщикъ Трутневъ, сказалъ Атукаевъ, обратясь ко мнѣ.

— Очень приятно-съ. Честь имѣю рекомендоваться, лебезилъ Трутневъ, шаркая ногами.

— Я, кажется, уже имѣлъ удовольствіе васъ встрѣчать?

— Ахъ, да, виновать: у Трещоткиныхъ... они, признаться сказать, немощко мнѣ съ родни... Здравствуйте, почтеннѣйшій Петръ Сергѣичъ; мое вамъ почтеніе, Лука Лукичъ! Степану Петровичу...

Трутневъ остался на крылечкѣ съ Стерлядкинымъ; мы вошли въ просторную крестьянскую избу: два окна на улицу и одно на дворъ, печка, полати и кругомъ лавки; въ красномъ углу стоялъ длинный столъ: одна половина его была густо исчерчена хлѣбомъ и завалена газетами; на другомъ концѣ красовался гра-

финъ съ водкой, а подлѣ него, солонка, кусочекъ чернаго хлѣба и полуизгрызенный кренделекъ. Тутъ-же, опершись локтемъ о конецъ стола и задумчиво опуствя лысую голову, сидѣлъ озабоченный мужчина, въ телячьемъ ярмакѣ; онъ держалъ между пальцевъ на вѣсу погасшую трубку, и не обращая ни на что вниманія, разсуждалъ самъ съ собою.

— Мо-шен-никъ ты.. валяетъ семь ст. пол-тиной.. на-роль про-пгр-аль! Са-а-вра-саго взять — нѣтъ, прешь, Во-лодь-ка! бормоталъ сидящій.

Явился человекъ, потеръ полою столъ и убралъ карты; потомъ протянулъ руку къ графину.

— Ст-ой, дур-ракъ. Ку-да! завопилъ разсуждавшій. Онъ медленно поднялъ голову и уставилъ въ насъ глаза: Граб-ит-е-ли! произнесъ онъ, опускаясь снова, и уронилъ трубку на полъ.

— Этотъ теперь ни на что не годенъ, сказалъ Бацовъ.

Вбѣжалъ Трутневъ, и началъ торопливо будить протянутого вдоль лавки мужичку въ синемъ пальто, съ густыми бакенбардами.

— Стѣпа, а Стѣпа, вставай! Графъ пріѣхалъ.

Стѣпа отбивался локтемъ и бормоталъ: От-стань не хочу.. ну, пошелъ....

— Экъ ты ихъ усахарилъ, сказалъ Бацовъ Трутневу.

— Стѣпа... графъ! крикнулъ Трутневъ надъ самымъ ухомъ.

Стѣпа обернулся, отгѣнилъ глаза рукою, всмотрѣлся и вскочилъ какъ встрепаный.

Въ это время Хлюстиковъ овладѣлъ графиномъ, налилъ рюмку и запѣлъ: «Чарочка моя и проч.»

— Ахъ, M-r le comte! Mille pardons! Извините, право извините, болтали бакенбарды и кинулись будить лысину.

— Петръ Ивановичъ! чтожъ ты? мы всё...

— Граб-ит-ель-и... у-къ!.. Петръ Ивановичъ еще икнулъ и замоталъ головой.

— Ну, не замай его — травить тутъ, сказалъ Бацовъ. Мы выпили.

Полями, буграми, лощинами, перелѣсками, то тротомъ, то шагомъ, проѣхали мы верстъ десять, и наконецъ, спускаясь на луговину, услышали стройный хоръ пѣсенниковъ. Завидя насъ, они перестали пѣть и начали поить у ручья лошадей и выпускать борзыхъ изъ фуръ. Освобождаясь отъ заточенія, собаки радостно взывали, прыгали, потягивались и ласкались къ лошадямъ и

охотникамъ. Нѣкоторые изъ нихъ стрѣлой помчались къ намъ и съ радостнымъ визгомъ начали прыгать на сѣдла къ своимъ господамъ.

— Ты, Ларка, сказалъ графъ стремянному, — возьми теперь къ себѣ Обругая, Крылата и Язву; а мнѣ къ Чаусу, Зюлма и Наградку, а Сокола и Пташку отдай тому охотнику, котораго, вотъ, имъ — графъ указалъ на меня — угодно будетъ взять къ себѣ на лазъ.

Пока я благодарилъ графа за вниманіе, стремяншой ловко повернулся ко мнѣ и шепталъ: — возьмите, сударь, кума Никанора, у него сабаки пріемисты. Это предложеніе мнѣ не понравилось: я мѣтилъ на удалаго малаго, Егора.

Мы подѣхали къ стаѣ.

— Ну, выбирай любого, сказалъ Атукаевъ, обратясь ко мнѣ. Они у меня всѣ знаютъ свое дѣло.

У cadaго изъ охотниковъ, на которыхъ я мелькомъ взглядывалъ, просвѣчивало въ глазахъ сильное желаніе попасть ко мнѣ на барскій лазъ. Не желая быть невнимательнымъ къ предложенію стремяннаго, я рѣшился, какъ говорятъ, однимъ камнемъ сдѣлать два удара.

— Кумъ Егоръ, со мной! сказалъ я отрывисто.

— Эхъ, сударь, забыли; я вамъ докладываю: Никанора, шепталъ стремянной.

— Ну, братъ, извини. Промахнулся.

Егорка, съ радостнымъ лицомъ, подбѣжалъ ко мнѣ и принялъ на свору Сокола и Пташку.

Поднявшись на крутой бугоръ, мы проѣхали съ версту по полю, и остановились у котловины. Графъ пригласилъ гостей и приказалъ доѣзжачимъ занимать мѣста.

Стал гончихъ и красныя куртки тотчасъ отдѣлились отъ насъ, и медленно потянулись вверхъ.

— Сударь, не изволите отставать отъ графа, шепталъ Егорка. — Онъ пойдетъ на лѣво, за эти дубки: тамъ, я знаю, лучшій лазъ. Вишь, Бацовскій стремянный такъ и пляить туда свои бѣльмы.

Мы спустились и поднялись изъ оврага, проѣхали саженей двѣсти по полю и кустарникомъ и остановились въ головѣ обрывистой водомоины, которая, расширяясь постепенно, сливалась съ котловиною. Графъ и стремянный потянулись отъ насъ за дубки.

Стратегическое достоинство пункта, избраннаго Егоркой, если и не удовлетворяло всѣмъ потребностямъ, нужнымъ для опыт-

наго охотника, за то зрѣнію моему было чистое раздолье. Подъ ногами у насъ неизмѣримо длилась глубокая впадина земли, образовавшая изъ себя болото, съ высокими кочками, заросшими густымъ олешникомъ и камышами. Въ широкую ложбину эту, такъ кстати названную котловиною, врѣзывались со всѣхъ сторонъ покатыя бугры, пересѣкаемые лощинами, оврагами и водомойнами. Пунктъ, на которомъ остановились мы, владѣлъ всей мѣстностью, и я могъ отчетливо слѣдить за движеніемъ охотниковъ, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ любоваться сметливостью cadaго изъ нихъ, при занятіи мѣстъ. То исчезая, то выростая словно изъ земли, красныя куртки ловчаго и выжлятниковъ, медленно плыли по горизонту. Наконецъ, они утонули въ лабиринтѣ спусковъ и только черезъ четверть часа показались снова на скатѣ высокаго холма, поѣхали прямо на насъ, и вдругъ остановились. Стоявшіе на мѣстахъ охотники были всѣ на виду; въ сосѣдствѣ со мной, на лѣво, саженьхъ въ полутораста, былъ Ларка-стремянный, а за нимъ, дальше, графъ; на право, въ кустарникѣ, черезъ который мы прошли, помѣстился старикъ Савелій Трoвимичь, съ своею Красоткой.

Прошло минутъ пять въ бездѣйствіи; наконецъ Атукаевъ приложилъ серебряный рожокъ къ губамъ: раздался короткій и трескучій звукъ; старшій доѣзжачій тотчасъ повторилъ его на другой сторонѣ ложбины, по-ближе къ ловчему; сигналъ этотъ, въ переводѣ на языкъ человѣческій, означалъ: *мечи гончили въ острогъ!* Я явственно увидѣлъ, какъ четыре красныя куртки упали въ стаю; ловчій одинъ поѣхалъ медленно съ бугра, и къ его ногамъ, словно мухи, покатались разомкнутыя гончія, отрываясь по-парно отъ темнаго пятна, посреди котораго копошились красныя куртки; наконецъ, онѣ остались однѣ, и мгновенно вскочивъ на лошадей, помчались въ низъ, въ слѣдъ за остальными гончими. На краю болота заревѣлъ басистый рогъ ловчаго, захопала четыре арапника — и пошло порсканье.

— Теперь, сударь, извольте становиться на мѣсто.

— Развѣ я не на мѣстѣ?

— Нѣтъ. Теперь намъ нужно въ притинъ, сказалъ Егорка.
— Извольте видѣть? продолжалъ онъ, указывая на окрестность.

Я взглянулъ. Дѣйствительно, мѣста, на которыхъ, за минуту до этого, стояли охотники, были пусты. Всѣ они расплзались, словно мухи по щелямъ.

— Куда-жь намъ?

— А вотъ, — сказалъ Егорка и поворотилъ лошадей.

Мы въѣхали въ густой кустъ ивышка, изъ-за котораго можно было видѣть только однѣ наши головы; мѣстность отсюда открывалась еще явственнѣе.

Вскорѣ къ порсканю присоединился голосъ одной собаки.

— Это Будило, сказалъ Егорка.

Къ первому голосу примкнули еще два, такіе-же басистые.

— Это Ромокъ и Квекша, продолжалъ мой стремянный.

Красныя куртки зашевелились въ болотѣ, и начали накликать на горячій ¹⁾.

— Что-жъ это значить?

— Это еще ничего! Вотъ, кабы Кукла да Соловей... А, вотъ, и онъ.... Эхъ, варять... подваливаютъ... Ну, повисъ на щипцѣ! Теперь, баринъ, держитесь крѣпче; лошадь подъ вами азарная.

Я укоротилъ поводья, укрѣпился въ сѣдлѣ и взглянулъ на Егорку: онъ дрожавшими руками перебиралъ узду и выпралялъ свору; лицо его блѣднѣло, ротъ былъ полураскрытъ, глаза свѣтились, какъ у молодого ястреба.

Ловчій подалъ въ рогъ.

— По красному, сказалъ Егорка, чуть дыша. Съ этимъ словомъ въ котловинѣ закипѣлъ адъ: съ фэготистыми на-подборъ голосами собакъ слился тонкій, плакучій, переливистый и неуловимый голосъ Куклы; къ ней подвалили всю стаю, и слызось зоркое порсканье. Камышъ затрепеталъ, болото пошло ходуномъ, и словно вадрагивало и колебалось, подъ громомъ этого бѣсовскаго речитатива.

— Ну, одна катить, прошепталъ Егорка, глядя въ болото.

Я тоже началъ всматриваться.

Лисица тихо прокрадывалась мимо насъ по болоту, и, какъ тонкій осенній листокъ, стлалась между кочекъ, то поднимая свою вострую головку, то, припадая къ землѣ, она, наконецъ, миновала нашъ лагерь, и, подбуженная новымъ приливомъ порсканья, вынеслась на бугоръ и пошатилась прямо въ кусты: старикъ Трефимычъ стоялъ не шевелясь; наконецъ онъ заулюлюкалъ, указавъ ее собакамъ и скрылся изъ вида.

Въ то же время на противоположной намъ сторонѣ, въ разныхъ мѣстахъ, охотники принялись травить въ нѣсколько своръ.

Мнѣ почудилось, наконецъ, что стая погнала въ нашу сторону и действительно, черезъ минуту, что-то начало ломиться въ камышъ; вскорѣ за тѣмъ выкатилъ матерой волкъ, и понесся по

1) Свѣжій слѣдъ.

кочкамъ, прямо въ вершину, въ головѣ которой былъ нашъ секретный постъ.

— Егорка, видишь? спросилъ я шопотомъ.

Егорка мой стиснулъ зубы и только дрожащею рукой подавъ мнѣ знакъ пригнуться: онъ блестящими глазами своими, казалось, прожигалъ кустъ, сквозь который смотрѣлъ на возка.

Наконецъ, звѣрь очутился противу насъ, саженьяхъ въ десяти: Егорка молча показавъ его собакамъ и бросилъ свору изъ рукъ. Пять собакъ рванулись разомъ, и Соколъ первый, грудь-въ-грудь, сдѣлся съ волкомъ: оба они слились въ одно неразрывное цѣлое, прокатились по землѣ, и исчезли въ водомоинѣ; прочія собаки скучились и прыгнули туда-же; мы очутились тамъ-же, но, увы! раздался пронзительный визгъ и храбрый нашъ Соколъ, облитый кровью, катался по землѣ: волкъ сидѣлъ, оцелкиваясь отъ прочихъ собакъ, которыя не смѣли уже къ нему подступить. Егорка подавъ на драку, но звѣрь прыгнувъ на чистоту, принявъ на право и поскакавъ полемъ. Не долго, однако-жъ, длилась эта прыть: въ рытвинѣ, противу насъ, мелькнула шапка стремянаго, и въ то-же время три свѣжія собаки понеслись на встрѣчу дерзкому бѣглецу.

Волкъ не устоялъ противу перваго напора приѣмистыхъ и свычныхъ съ дѣломъ бойцовъ: онъ оробѣлъ, оцелкнулся и пошелъ на утекъ, но Крылатъ и Обругай повисли на немъ; наши собаки подоспѣли, скучились, и свалка сдѣлалась общеою; прежде однако-жъ, чѣмъ мы успѣли подскать, волкъ стряхнулъ съ себя кучу собакъ и, оцелкиваясь, сѣлъ въ кружку, страшно сверкая глазами: подлѣ него катался по землѣ Обругай, съ прокушеннымъ бокомъ. Егорка прыгнувъ съ лошади и пошелъ къ волку съ кнжалою въ рукѣ. Видя новаго врага, разсвирѣпѣвшій звѣрь рванулся отчаянно впередъ, и побѣжалъ, оцелкиваясь отъ собакъ, мимо дубковъ къ кустарнику. Но, вотъ, изъ-за куста, между поляныю, шмыгнуло что-то, съ свистомъ, какъ пущенная стрѣла, и сѣрый Чаусъ, въ мгновеніе ока, сдѣлся съ звѣремъ, и покатылся съ нимъ по пашнѣ; собаки налетѣли на нихъ гурьбой, и изъ нихъ образовался одинъ неразрывный клубокъ.

Къ намъ подскакали старикъ Савелій и графъ.

И вотъ, въ срединѣ этого кружка, что-то сильно поколебалось; собаки разлетѣлись въ розъ, и посреди ихъ, какъ два достойные бойца, волкъ и Чаусъ поднялись на дыбы, схватились яростно и снова грянулись на землю; собаки снова накрыли ихъ плотною броней.

Графъ приказалъ принять звѣря.

Охотники прыгнули съ лошадей, и Егорка первый, схватя волка за заднюю ногу, всадилъ ему въ пахъ кинжалъ по рукоятку; собаки отскочили; на землѣ остался одинъ только Чаусъ: пасть его впилась въ волчье горло и замерла на немъ; звѣрь, хрипя, лежалъ въ растяжку; стремянный бросился къ Чаусу и рознялъ ему пасть кинжаломъ. Храбрый боецъ, при общихъ похвалахъ, отошелъ тихо въ сторону и снова палъ на землю, сильно дыша; изъ горла у него валла клубомъ кровавая пѣна; налитые кровью глаза блестѣли, какъ раскаленные угли.

Егорка съ радостнымъ лицомъ принялся вторачивать волка, какъ трофеей, принадлежавшей ему по правамъ охоты.

— Ваше сіятельство! Честь имѣю поздравить вашу милость съ полемъ, батюшка, — сказалъ старикъ Савелій, снимая шапку.

— И васъ также, Савелій Трофимычъ, — отвѣчалъ графъ весело и подражая старику въ ухваткахъ.

У Трофимыча была въ торокахъ лиса.

Мы спѣшились и пошли лѣвымъ берегомъ котловины, весело разговаривая о событіяхъ удачной травли. Я гладилъ Чауса, который шелъ подлѣ графа, и сдѣлался смиренъ, какъ овца. Атукаевъ былъ очень-доволенъ быстротою дѣйствиій и сметливостью своихъ охотниковъ.

Ловчій, стоя на бугрѣ, вызывалъ на рогъ гончихъ изъ острова; мы подошли къ нему; вскорѣ и прочіе охотники начали туда съѣзжаться.

На той сторонѣ котловины затравили двухъ волковъ прибитыхъ, лисицу и нѣсколько зайцевъ. Каждый изъ охотниковъ, рассказывая подробности травли, приписывалъ своей сворѣ необыкновенныя достоинства; но всѣ они, однако-же, завистливо поглядывали на торока Егоркины, потому-что подобнаго волка нѣкому еще изъ нихъ не случалось возить за своимъ сѣдломъ.

— Сорокъ лѣтъ сижу на конѣ, ваше сіятельство, повторялъ Трофимычъ, а такихъ не принимывалъ!

Въ это время къ намъ подѣхали Бацовъ и Стерлядкинъ съ прочими господами.

— Посмотри-ка, Лука Лукичъ, сказалъ я, указывая на волка.

— Это, братецъ, пустяки; а ты,образи себѣ, Карай-то мой, Карай, опять лису, такъ, вотъ: жи!...

— Гдѣ-жъ она? спросилъ Стерлядкинъ.

— Ну, вотъ, у Кирюхи, отвѣчалъ Бацовъ, указывая на графскаго охотника.

— Значить, ты травилъ въ чужіе терона!

Всѣ засмѣялись.

Въ Асоргинскихъ, до обѣда, мы еще затравили одного волка и двухъ лисичъ, и ровно въ часъ за полдень жители Клинскаго, всѣ, отъ мала до велика, выбѣжали за околицу встрѣчать нашу поѣздъ. Съ гордымъ и веселымъ видомъ, съ бубнами, свистками и нѣснями вступили удалые охотники въ деревню, обвѣшанные богатою добычей.

У новой и просторной на видъ избы стояли походные брики, а на крылечкѣ люди и повара, ожидавшіе нашего возвращенія.

Съ шумомъ, весельемъ и смѣхомъ вскорѣ усѣлись мы за столъ. Во время обѣда, графъ по-очередно призывалъ къ себѣ отличившихся охотниковъ, выдавалъ имъ опредѣленную награду за краснаго и подчивалъ виномъ. Уже подали намъ жаркое, и въ стаканахъ запѣнилось искристое вино, когда вошелъ старикъ Савелій, съ своею неразлучною Красоткой.

— Ну, старикъ, поздравляю съ полемъ, сказалъ графъ, — говорятъ, что Красотка хорошо скачетъ? Отчего она такъ худа?

— Въ разинкѣ, батюшка, ваше сіятельство: не перебрались.

— Это за краснаго; а Красотку дарю тебѣ за усердную службу.

— Много доволенъ вашей милостью, сказалъ старикъ. Навсегда вамъ слуга, ваше сіятельство.... Сорокъ лѣтъ на конѣ сижу.... Еще покойному дѣдушкѣ вашему, графу Павлу Павловичу, служилъ вѣрою и правдою; передъ Богомъ, не лгу.... продолжалъ онъ, утирая рукавомъ радостныя слезы.

— Старикъ, продай мнѣ Красотку, сказалъ Бацовъ, подавая ей кусокъ пирога.

— Какъ продать-то, баринъ?... свой выкорюкъ, сударь, батюшка: самому-то не причемъ быть.... на старости лѣтъ, ни роду ни племени; одна племянница была, и тое Господь прибралъ.

— Ну, чтожъ? вѣдь Красотка тебѣ не внучатная? возразилъ Бацовъ.

Старикъ посмотрѣлъ въ началѣ на Бацова, потомъ на Красотку, и потрясъ головою.

— Нѣтъ, сударь, не продажная!

Мы встали.

II.

Споръ. — Тамбовская идилия. — Подозрѣный. — Карай и Азарной. — Травля. — Явленіе изъ болота. — Застава изъ благороднаго матеріала. — Пльнѣ. — Новооткрытый способъ продовольствовать армию. — Ганька и Мотрюха. — Новый инструментъ. — Предметъ сатисфакціи съ бабушкой. — Ужигъ подъ столомъ. — Дверь невидимка. — Побѣгъ.

Послѣ обѣда между охотниками начался жаркій споръ съ различными шутками, прибаутками и прочими варіаціями. Стерлядкинъ отпускалъ остроты на счетъ Бацова и ловко надъ нимъ подтрунивалъ; послѣдній возражалъ, горячился, отбранивался, но все это было у него какъ-то не въ попадъ, какъ говорятъ «не въ строку». Меня одолѣвала дремота, но уснуть не было возможности, потому что волею-неволею я обязанъ былъ состоять въ роли свидѣтеля и посредника.

— Ну, ты, скажи пожалуйста, такъ ли это все было, какъ я говорю? обращался ко мнѣ Атукаевъ, рассказывая о подвигѣ Чауса.

Вслѣдъ за тѣмъ, Бацовъ, въ спорѣ съ Стерлядкинымъ и прочимъ, приступалъ ко мнѣ съ умоляющимъ видомъ: — Ну, вотъ ты, какъ сторонній человѣкъ, увѣрь ихъ, пожалуйста и т. под.

Правду сказать, не выдавши по дальности разстоянія ничего, что дѣлалось на той сторонѣ котловины, я бралъ многое на софѣсть, но не желая оставить въ одиночествѣ бѣднаго Луку Лукича, поддерживалъ его, сколько могъ.

Вскорѣ, однакоже, этимъ разговорамъ положенъ былъ конецъ. Вошелъ стреманный и доложилъ Атукаеву, что къ нему припожаловалъ пастухъ Ерема.

— Ну, вотъ, кстатн; давай его сюда, проговорилъ графъ стремительно. Вотъ вамъ, господа, и конецъ всѣмъ побасенкамъ, прабавилъ онъ, обратясь къ Бацову и Стерлядкину. Вѣрно есть, подозрѣный.

Съ этимъ словомъ, въ отворенную настежь дверь, протиснулся необычайнаго вида человѣкъ. Ростомъ онъ былъ—косая сажень, лицомъ страшенъ, борода включена, въ нечесаной головѣ торчала солома и ржаные колосья. Нарядъ его состоялъ изъ лаптей, посконныхъ затасканныхъ портовъ и побурѣвшаго сермяжнаго полукафтаныя съ множествомъ заплатъ и отрепанными рукавами; подъ мышкой держалъ онъ баранью шапку, а въ правой рукѣ такую палицу, что ой-ой-ой! При взглядѣ на это страшное

миѣ тотчасъ вспалъ на мысль Геснеръ, съ его Менаками, Данисами, Палемонами и со всею вереницею пригоженькихъ лицъ, удержанныхъ памятью изъ дѣтскаго чтенія. Поверхъ кафтана, отъ дожда, Ерема драпировался толстою неудобосгибающеюся и не идущей въ складки дерюгой, накинутаю на плеча въ видѣ гусарскаго ментика Помолясь Святымъ, Ерема поклонился всей честной компаніи, отшатнулся къ притолкѣ и загородилъ собою дверь.

— Что скажешь, Ерема? началъ графъ.

— Русачка обошелъ, ваше графское сіятельство; произнесъ Ерема такимъ голосомъ и тономъ, по которому можно было понять съ разу, что этотъ страшный и неуклюжій дѣтина былъ простѣйшее и добрѣйшее существо.

— Хорошо. А гдѣ лежитъ? На чистотѣ? Травить можно?

— Какъ-же, батюшка. Въ Мышкинскихъ зеленяхъ, на мышши. Трави, куды хошь. Матерой русачина; сузѣтошній. Онъ самый, батюшка, безобманно...

— А, ну, если только онъ, такъ спасибо. Вотъ тебѣ за усердіе (графъ подаль ему цѣлковый рубль); а эти господа еще отъ себя прибавятъ. Только, смотри, тотъ ли? Пожалуй, вмѣсто его, ты насадишь собакъ на какого-нибудь настовника! 1) какъ-бы намъ не сплеховать?

— Будьте въ надеждѣ, батюшка, ваше графское сіятельство, онъ самый; ужъ я къ нему приглядѣлся: что ни день, почитай, выдаю. И къ скотниѣ приобыкъ.... энтю, нарочно нагоню стадамъ — только что ужимается, пѣсь, да уши щулить.... лобанна, такой...

— Ну, вотъ вамъ господа, и дѣлу конецъ, сказалъ Атукаевъ Стерлядкину и Бацову. Вотъ и увидимъ чья возьметъ. А, ужъ русачокъ, рекомендую, распотѣшить дружковъ, если это лишь тотъ, которымъ я прошлый годъ потѣшался разъ до трехъ, такъ ужъ скажу напередъ — одолжить! Будетъ за кѣмъ повозить воду! Ну, Лука Букичъ?

— Чтожь, пустяки, отвѣчалъ Бацовъ, выпуская обильную за Тяжку дымомъ, но въ этихъ, какъ-то небрежно сказанныхъ словахъ уже было замѣтно раздумье.

— Этакъ, пожалуй, мы, недолго думая, и на понятную... прибавилъ Стерлядкинъ.

1) Молодой заяцъ, февральскій и мартовикъ.

— У, щучья пасты! на попятную; кто на попятную? ты, что ли пойдешь?

И у Бацова съ Стерлядкинымъ пошли перекоры. Пользуясь ихъ увлечениемъ, графъ подмигнулъ миѣ глазомъ и я пошелъ за нимъ въ сосѣднюю свѣтелку.

— Поддерживай, пожалуйста, Луку, сказалъ онъ почти шопотомъ. Миѣ хочется, чтобъ онъ отравилъ этого барышника (Стерлядкина); ужъ онъ слишкомъ допекаетъ бѣднаго Бацова, а Карай, можетъ быть, и оскачетъ: собака по породѣ выше Азарнаго.

— Чтожь, господа, полноте вамъ спорить, не видя дѣла. Хотите сажать, уступлю вамъ зайца, а не хотите — стану мѣрять своихъ молодыхъ, сказалъ Атукаевъ, входя обратно.

— Вотъ, тебѣ, и весь сказъ, возразилъ Стерлядкинъ Бацову. Идетъ — такъ? Я не отступаю отъ вчерашняго уговора.... Только не иначе, какъ на-завладай, и заднюю по хвосту. Миѣ не жаль собакъ....

— Ну, вотъ, что ты меня, дурака что ли пашель! Пущу я на-завладай съ осенистой и втравленной собакой! Тебѣ говорятъ русскимъ языкомъ, что Карай погодокъ — и скачетъ щенячью.... До-угонки, изволь. Я тѣ вставлю очки! Развѣ я не видалъ твоего рѣдкомаха? За псарскими воду возить; а тутъ ... Пустяки братъ.... ты меня храбростью не удивишь!

— Ха, ха, ха! Вотъ онъ каковъ! А вчера, какъ рисовался?

— Полно-те, господа, кончайте; къ чему тутъ въ далекое, забѣгать? Еще собакъ вздумали портить!... помѣряли и — конецъ.... Вы за славу, а мы за васъ попридержимъ. Ты за кого держишь? спросилъ меня графъ.

— Я? Теперь, пока незнаю. А вотъ, взгляну, которая покажется, отвѣчалъ я.

— Ну, и прекрасно. Такъ, идетъ что ли, господа? Велите вести собакъ.

— Да, къ чему и вводить? У насъ семь пятницъ на недѣлѣ. А, тамъ, пожалуй, чего добраго, еще и разрешется, какъ тюлень на льду, произнесъ какъ-то съ высока и самонадѣянно Стерлядкинъ, поднимаясь со стула.

— Ахъ, ты щучья п.... началъ было Бацовъ съ свойственной ему быстротой и энергіей, но графъ не далъ ему кончить. Всѣ мы приступили къ состязателямъ и уговорили ихъ — смѣрять

1) Т. е. первую осень.

собакъ» просто, а сами вызвались присутствовать въ качествѣ судей и общимъ приговоромъ утвердить славу за **быстрѣйшей**.

Послали привести собакъ на поглядѣнье. Перваго Азарнаго ввелъ Стерлядкина стремяный на сворѣ. Это была муруготѣгая, чисто псовая собака, собранная вполнѣ, рослая, круторебрая, на твердыхъ ногахъ, но, собака скамьястая 1) и съ короткимъ щипцемъ. Увидѣвши своего господина, она степенно подошла къ нему и положила голову на колѣно.

Всгѣдъ за нимъ, на свистъ Бацова, вихремъ влетѣлъ Карай въ комнату и прыгнувъ къ нему на грудь, заскиглилъ и замалкъ хвостомъ. «Охъ, ты мой... шалунокъ...» приговаривалъ Бацовъ, лаская своего любимца. Карай спустился на полъ и началъ бѣгать и обнюхивать. Это была очень породистая псовая собака, почти во всѣхъ ладахъ 2): онъ былъ немного лещеватъ, но съ крутымъ верхомъ 3) и на вѣрныхъ ногахъ: сухая голова, глаза на выкатѣ, тонкій щипецъ, хотя немного подуздоватъ. Глядя на этого, съ черною лоснящеюся шерстью и проточиной на збу, бѣлогрудаго красавца, видно было, что онъ еще не опсовѣлъ и во молодости не сложилися вполнѣ, но, по ладамъ и «розвязи» мельзя было не предпочесть его Азарному.

— Ну-съ, ваше сіятельство, сказалъ я, полупутя, еслибъ пришло попридержать, я бы не отсталъ отъ Карая.

— И прекрасно, отвѣчалъ Атукаевъ, а я, пожалуй, потянусь, за Азарнымъ.

Трутневъ подобострастно приткнулъ къ графу и хвалилъ Азарнаго; г. Бакенбарды молча управлялся съ недошитымъ стакономъ.

Карай, какъ будто понимая мои слова, прыгнулъ ко мнѣ на грудь; но эта минутная ласка ничего не значила въ сравненіи съ тѣмъ взглядомъ, какимъ подарилъ меня Бацовъ.

Черезъ полчаса охота, въ полномъ составѣ, тронулась съ мѣста. Сопутствуемые ватагой мальчишекъ, мы выѣхали за околицу. Графъ приказалъ ловчему идти въ Глѣбово, но если не будетъ дождя, остановиться въ завалахъ, гдѣ надѣялись найдти лисицъ; ловчій со стаей и охотниками принялъ на лѣво и пошелъ торной проселочной дорогой; мы же, по слѣдамъ Еремы, разравнялись и поѣхали прямо полемъ. Кромѣ Карая и Азарнаго

1) Или *прямостеная*, т. е. съ ровной спиной.

2) Статьи собаки.

3) Спина съ оваломъ.

ь нами не было собакъ. Впереди всѣхъ, держа по прежнему шапку подъ мышкой, широко шагала наша нефькиновский до- жакъ: онъ, казалось, подвигался впереди очень медленно, но лошади наши постоянно шли за нимъ третомъ; скорѣе начались зелени и посрединѣ ихъ возвышался небольшой, засѣянный рожью- же, курганъ; на гѣво это озимое поле отдѣлялось отъ осяница широкимъ рубежемъ и тотъ-же самый рубежъ загибалъ подъ прямымъ угломъ и тянулся на право по легкому скату въ бо- лотную ложбину, поросшую кустарникомъ и молодыми березка- ми, гдѣ и заканчивались озими.

Поднявшись на темя теперъ почти незамѣтнаго для насъ воз- вышенія, казавшагося издали плоскимъ курганомъ, пастухъ ос- тановился и показалъ прямо на низину поля, гдѣ, саженьхъ въ озрока отъ насъ, былъ круглый мшарникъ, или, лучше сказать, не засѣянный рожью мочевинникъ, какихъ бываетъ множество въ озимыхъ поляхъ: желтая сухая трава ярко отдѣлялась отъ окаймлявшихъ ее густыхъ зеленей.

— Ну, какъ, сударики, прикажете? куда гнать будемъ? спросилъ Ерема Бацова и Стерлядкина.

— Да онъ здѣсь? спросили оба разомъ.

— Тутотка, вонъ, вывѣ, къ самой головкѣ.

— А куда передомъ? Ты видѣлъ?

— Да, такъ-вотъ, на выносъ, въ уголь, къ рубежамъ.

— Не хлопочте, господа, сказалъ графъ. Если это ру- сакъ и материкъ, такъ я васъ увѣряю, что онъ потянетъ рубе- жемъ; другого ходу у него быть не можетъ и какъ вы не отъ- ѣзжайте, а на живво вамъ его не сбить, скорѣй-же заловятъ на зеленяхъ, если осилать.

— Какъ-же поднимать? спросилъ Бацовъ.

— Просто, спуститесь на вашу грань и — катая изъ подъ араника. Сосворьте собакъ.

Комуужъ показывать?

— Да, вотъ, хоть мой стремянный. — Ларка, продолжалъ Атукаевъ своему стремянному: — насади собакъ и доскачивай. А ты, Лука Лукичъ, отдай свой араникъ Еремѣ, онъ подни- метъ русака. Да не путай-же своры — экая горячка! Смотри, точно на энаототъ его ведутъ. Ну, братъ, вижу, ты огневый!..

И точно, отдавши араникъ пастуху, Бацовъ принялся сосво- ривать собакъ: а замѣтилъ, какъ пропуская свору узломъ внутрь, дрожаящія руки его едва попадали въ кольца.

— Что онъ дѣлаетъ? крикнулъ графъ. Смотри, Лука, какъ

ты сосворишь? ты захлещешь кобелей на мертвую петлю, или самъ полетишь съ сѣдла!

— Ахъ, да не торопите.... вижу.... приговаривалъ Бацовъ, суетливо вымахивая свору назадъ.

Наконецъ, уладивши дѣло, онъ очутился въ сѣдлѣ.

Щожъ, азь пугнуть? спросилъ Ерема, броса палку и шапку.

— Погоди, вотъ баринъ станетъ на мѣсто, сказалъ графъ.

Бацовъ спустился саженой на десять по скату.

— Довольно, крикнулъ ему Стерлядкинъ. Тутъ и двадцати саженой не будетъ.

— Ступай теперь, хлопай у края, сказалъ графъ. Да не кричи, какъ вскочить.

Пастухъ, съ кнутомъ въ рукѣ, отправился во мшарникъ. Стремянный подобралъ поводья и сталъ саженяхъ въ десяти ниже Бацова.

Минута тревожнаго ожиданія настала для всѣхъ. Мнѣ очень хотѣлось взглянуть въ лицо Бацову, но онъ стоялъ къ намъ спиною и глядѣлъ впередъ. Всѣ молчали; одинъ только Трутневъ шепталъ что-то Бакенбардамъ. Мнѣ, почему-то казалось, что Ерема и вѣкъ не доползетъ до мшарника.. но, вотъ, онъ очутился на краю, между кочками, посмотрѣлъ на насъ и — хлопнулъ; со вторымъ хлопкомъ заяцъ поднялся съ логова: онъ былъ почти голубой, потому что выпѣлгъ и не смотря на раннюю осень, началъ затирать пазонки 1). Пошелъ онъ не во весь бѣгъ, а перетраивалъ, поднималъ уши, вслушивался и, принявши круто на лѣво, держалъ прямо къ рубежу. — Вотъ, такъ дѣтина! примолвилъ графъ, любуясь выступкой русака. Съ такимъ чортомъ едва-ли они сладятъ. Этотъ дастъ себя знать!

Съ первымъ прыжкомъ русака, стремянный пустился рысью и указывая на него арапникомъ, приговаривалъ: о-то-то-то!.. до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ передъ собой собакъ, послѣ чего онъ пустилъ лошадь во весь опоръ и зарко заухалъ.

Какъ передать простымъ, текущимъ словомъ невыразимую быструю и измѣнчивость той картины, которая развилась теперь передъ нами — ясная, живая, но едва сослѣдимая глазами?... Мы говоримъ: полетъ сокола, блескъ молніе, но, что наричаютъ эти слова въ понятіи человѣка слѣпаго отъ рожденія и

1) Заднія ноги.

не видѣвшаго ни лѣта соколиного, ни синяго неба, ни черныхъ тучъ съ ихъ огненной утробой?!... 1)

Бацовъ выдержалъ себя молодцомъ; онъ подалъ собакъ во время, по охотничьи, по первому звуку голоса доѣзжачаго и самъ остался на мѣстѣ. Собаки помчались ухо-въ-ухо по лошади; Азарной первый возрѣлся въ русака, но прыть его длилась только на мгновение: завидя звѣря, Карай пахнулъ мимо его и оставя далеко за собою, круто, щегольски, угналъ русака, т. е. «поставилъ уши назадъ», и самъ пронесся далеко въ сторону; громкое, единодушное браво сопутствовало ему; мы тихо спустились и окружили Бацова.

Азарной, по слѣдамъ Карая, примѣрялся, вложился, но, разѣхался съ русакомъ легко и быстроногій звѣрекъ въ мгновение ока, отросъ отъ него и очутился на рубежѣ и пока сладилась и возрѣлись собаки — онъ былъ уже далеко. Азарной первый пошелъ по немъ рубежемъ, но, тутъ ему суждено было осрамиться окончательно. Растерявшись отъ своей первой заркой угонки, Карай не скоро сладился и не видя зайца, пошелъ по Азарномъ, но, въ тотъ мигъ, когда взглянулъ на русака, онъ собрался съ разу, объѣхалъ Азарнаго «съ ушей» и отдѣлился отъ него на столько, что тотъ, скача сзади съ натугой, казался словно стоячимъ, или, говоря языкомъ охотника, началъ «удить».

Взрывъ общаго одобренія раздался вокругъ меня, но онъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ необъяснимымъ звукомъ челювѣческаго голоса, какой послышался мнѣ съ правой руки. Я взглянулъ на Бацова: онъ былъ блѣденъ и смутно глядѣлъ впередъ; ротъ у него былъ открытъ, губы дрожали, онъ, мнѣ казалось, былъ близокъ къ помѣшательству... Да, глядя на Бацова, я только теперь понялъ значеніе слова — «охотникъ». Нѣтъ, это не простой, обыденный, понятный каждому терминъ:

1) Однажды на всегда прошу извиненія у моихъ читателей за тѣ выраженія, которымъ я обязанъ придерживаться при описаніи подобныхъ сценъ и въ разговорахъ между охотниками. Языкъ охотничій испещренъ множествомъ такихъ словъ и оборотовъ, которые могутъ казаться правильными и понятными только для однихъ охотниковъ. Какъ передать, наприимѣръ, не измѣняя смысла и не умаляя силы выраженія: *повисъ на щипцѣ, заложился по русаку, заяцъ началъ отростать* и тысячи подобныхъ терминовъ? Въ другомъ случаѣ, избѣгая ихъ и выражаясь языкомъ книжнымъ, я рискую подвергнуться нареканію у специалистовъ дѣла и заслужить справедливый отъ нихъ упрекъ въ непониманіи предмета.

въ не есть кое-что такое, чему, можетъ быть постижутся, но не разгадають, не поймутъ многіе...

Но, вотъ, съ страшной силой и неуловимой для глаза быстрой, Карай швырнулъ зайца съ рубежа на озими и самъ полетѣлъ кубаремъ; отъ этого внезапнаго толчка, оторопѣвшій русакъ понесся прямо въ пасть къ Азарному. Новое браво изъ нашего кружка привѣтствовало удалца; молчалъ одинъ только Бацовъ.

Заложась на встрѣчу къ зайцу, Азарной скололся, свихнуть его къ рубежу, повисъ на немъ и держалъ долго на щипцѣ, но осилѣтъ не могъ; Карай, справившись, снова швырнулъ русака отъ рубежа. Сбившись на зелени, заяцъ началъ *услыдать*, нарочья все-таки достигъ другого рубежа, но Карай не давалъ ему хода; раза два собаки скучивались, залавливали и мы слышали даже, какъ стреманный отгокать ихъ... но, видно, что и тутъ пришлась по Сенькѣ шапка: въ тотъ мигъ, когда обѣ собаки скучились и я считалъ уже зайца пойманнымъ, онъ прыгнулъ на сажень вверхъ и, пока собаки слаживались, очутился отъ нихъ сажень въ двадцати и катилъ по рубежу прямо въ кусты. Насталъ послѣдній дебютъ для Карая, заискавшаго уже общее сочувствіе: всѣ постепенныя впечатлѣнія для глаза исчезли при видѣ той заркости и быстроты, съ какой онъ снова подоспѣлъ къ русаку и швырнулъ его съ рубежа на сосѣднее жниво, но самъ уже не пошелъ съ мѣста; зайцемъ завладѣлъ Азарной и, скача за нимъ «въ намахъ», проводилъ въ кусты. Бѣдный нашъ Карай, сѣдя на мѣстѣ, съ поднятою ногой, жалобно взвизгивалъ. Бацовъ проговорилъ что-то неопредѣленное и помчался во всю прыть къ своему любимцу; мы тоже поскакали вслѣдъ за нимъ.

Когда мы остановились, Бацовъ сидѣлъ уже на рубежѣ и держалъ на рукахъ Карая изъ передней лапы у него текла обильно кровь. По осмотрѣ раны оказалось, что онъ сорвалъ передній ноготь. У пылкихъ собакъ это бываетъ за-частую, особенно если неопытные и горячіе охотники травятъ ими въ позднюю осень по мерзлой пашиѣ. Впрочемъ сорванный ноготь, кромѣ сильной боли на первыхъ порахъ и двухнедѣльной храмоты, пока образуется молодой поготокъ, худшихъ послѣдствій за собой не влечетъ.

Всѣ мы обрадовались этому незначительному случаю, тѣмъ больше, что, скача за Бацовымъ, графъ и прочіе охотники полагали увидѣть собаку съ переломанной ногой.

Подѣбхалъ Стерлядкинъ и волею-неволею началъ поздравлять

и привѣтствовать своего соперника; но онъ не успѣлъ промолвить и пяти словъ, какъ за ложбиной послышалось отчаянное: ату-зво! и протравленный нами русакъ вынесенъ обратно изъ кустовъ по рубежу прямо къ намъ; его гналъ Азарной и пять новыхъ собакъ, а за собаками, на рьяномъ конѣ, не разбирая ни кустовъ, ни кочекъ, безъ шапки, поблескивая лысиной, съ висками на отлетѣ, выскочилъ, въ полномъ смыслѣ слова, изъ боюта Петръ Ивановичъ! Заяцъ увидѣлъ насъ и вильнулъ въ сторону; Карай возрѣлся, рванулся, взвизгнулъ, помчался и, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ русака, послѣдній, лежа на боку, только потрепыхивалъ лапками: Карай убилъ его грудью.

— О-го-го-го! загудѣлъ Петръ Ивановичъ, соскакивая съ лошади въ то время, какъ Азарной и его собаки накрыли убитаго русака. «Атрышъ! атрышъ!» закричало все наше общество. Графскій стремянный очутился тутъ-же.

— Отпазончи ¹⁾ русака и вторачивай ²⁾ въ свои торока, скажь ему Трутневъ.

— Какъ это? Что такое! Я травилъ... да это разбой, господа... это... я... отнять насильно — пожалуй... а, въ противномъ случаѣ, я не позволю... я...

— Ну, что ты мелешь, не выдавай дѣла, перебилъ его Трутневъ. Ты выслушай напередъ.

Всѣ наперерывъ принялись объяснять Петру Ивановичу обстоятельства дѣла; онъ слушалъ внимательно и съ увлеченіемъ повторялъ: онъ... съ рубежа... опять... съ Азарнымъ! Фу, чортъ, знатно!... Лихо! лихо! А что, я говорилъ вамъ, господа, прибавилъ онъ, обратясь къ Бакенбардамъ и Трутневу, что Карай будетъ дивная собака! я это вижу по ладамъ. Ну, Лука Лукичъ, поздравляю!

Подѣхали два человѣка Петра Ивановича и привезли отысканную въ болотѣ шапку; стремянный отпазончилъ и второчилъ русака. Всѣ мы обратились къ Бацову и дружно поздравляли его съ полнымъ успѣхомъ; Стерлядкинъ тоже усердно вторилъ намъ; Бацовъ, глядя на насъ молча, былъ какъ-то сановитъ, тихъ и серьезенъ; онъ еще не успокоился и былъ словно въ угарѣ послѣ такихъ сильныхъ и дорогихъ охотнику впечатлѣній, испытанныхъ въ столь короткій срокъ. Карай сидѣлъ подлѣ него и зализывалъ большую ногу. Ерему всѣ одѣлили щедро.

1) *Отпазончить*, т. е. отрѣзать заднія лапки. Ихъ отдаютъ тутъ же поймавшей русака собакѣ.

2) Привязать къ сѣду.

— Господа, пора вамъ тронуться; времени остается немного, сказалъ Атукаевъ, глядя на часы.

— Нѣтъ, о, нѣтъ! ваше сіятельство, какъ можно? Надо замочить лапки; за то, чтожъ это будетъ... Что мы за охотники послѣ этого? А ночевать ко мнѣ, господа, прибавилъ Петръ Ивановичъ; я ужь такъ распорядился; графъ, ваше сіятельство, ночевать ко мнѣ... и Петръ Ивановичъ, принимая отъ своего стремяннаго флягу, прошѣлъ со всѣми онерами извѣстную охотничью пѣсню: «*Выпьемъ, друи, на кровн...*» и пр.

Но выпилъ только одинъ Петръ Ивановичъ; прочіе отказались.

Верстахъ въ пяти отъ мѣста нашли мы охоту; когда мы очутились близко отъ экипажей, стоявшихъ на лугу, въ сторонѣ отъ дороги, изъ одной брыки выскочилъ Хлюстинковъ и пустился въ присядку; онъ былъ уже «въ своемъ видѣ», т. е. былъ пьянъ.

— А, Петрунчикъ! такъ-то ты держишь слово? произнесъ грозно Атукаевъ: — ты хотѣлъ спать, а теперъ — «въ положеніи». Кто это его употчивалъ?

— Н-не изв-вѣстно-съ, отвѣчалъ поваръ, стараясь держаться какъ можно прямѣе,

— А, понимаю, продолжалъ графъ, глядя во всѣ глаза на своего приспѣшника.

— Не изв-вольте сумлеваться... васьсьво... мы нетокма-что ни-чевость... обидно, васьсьево!... во-какъ горько, обидно... Поваръ застучалъ кулакомъ по груди и прегорько заплакалъ.

— Прибрать ихъ въ фургонъ, сказалъ графъ людямъ.

Петрунчика обиженнаго подхватили на руки и, какъ мѣшки съ мякиной, попихали въ собачью фуру.

Стерлядкинъ простился съ нами и, взявши обѣщаніе со всѣхъ — завтра у него обѣдать, пересѣлъ въ дрожки и отправился домой.

Мы кинули гончихъ въ сосѣдній островъ и до сумерекъ заправили русаковъ двадцать на котель, т. е. для собакъ. Въ то время, когда я подѣзжалъ къ острову вмѣстѣ съ Бацовымъ, графъ обусловилъ насъ — не соглашаться на предложеніе Петра Ивановича ѣхать къ нему на ночлегъ. «Мы ночуемъ въ Глѣбковѣ, какъ дома; а тутъ, эти господа налижутъя непремѣнно и не дадутъ спать до утра, или, что всего хуже, затравятъ насъ клопами; я ужь это испыталъ», прибавилъ графъ. И, точно, во время гоньбы, Петръ Ивановичъ подѣзжалъ къ Атукаеву и къ намъ: тотъ ссылался на насъ, а мы отказались на-отрѣзъ. Петръ Ивановичъ, успѣвшій уже порядочно подбодрить себя, въ самыя

разгаръ гоньбы ускакалъ съ людьми и собаками домой. Быстрые осенніе сумерки застали насъ въ ту пору, когда мы вызвали гончихъ изъ острова. Сдавши собакъ, мы съ однимъ стремяннымъ пустились на рысяхъ до мѣста нашего ночлега. Дѣло въ томъ, что намъ никакъ нельзя было миновать усадьбу Петра Ивановича, которая была всего-то въ двухъ верстахъ отъ Глѣбова. Мы условились пронестись мимо дома на маршъ-маршѣ и тѣмъ избавиться отъ объясненій, въ случаѣ, если-бы даже самъ Петръ Ивановичъ, стоя у воротъ, вздумалъ приглашать насъ вторично. Но, увы, плану нашему суждено было остаться тамъ, откуда онъ и возникъ, т. е. въ воображеніи: не доѣзжая усадьбы за полверсты, намъ предстояло проѣхать плотину и пересѣкавшій ее мостъ; все это состояло въ единственномъ, безспорномъ владѣніи помянутаго уже не разъ Петра Ивановича. Тутъ-то представилось зрѣлище, которое я увидѣлъ первый разъ въ жизни: на плотинѣ стояла толпа мужиковъ, съ кирками, кольями и топорами, а подвинувшись ближе, мы увидѣли самого Петра Ивановича: растянувшись персонально, поперегъ дороги, онъ заградилъ намъ путь; на мосту торчали однѣ перекладины; накатникъ былъ снятъ и лежалъ въ кучѣ.

— Нѣтъ дальше ходу! крикнулъ намъ Петръ Ивановичъ и застучалъ каблуками по землѣ. Или застрѣлюсь тутъ на мѣстѣ, или вы ночуете у меня...

Мы, молча, переглянулись.

— Полноте, Петръ Ивановичъ! Къ чему вы это затѣваете? Я вѣдь вамъ сказалъ уже, что я не одинъ. Со мной, вотъ, господа, прислуга, охота, цѣлый обозъ; мы вамъ надѣлаемъ столько хлопотъ...

— Ломай дальше! крикнулъ Петръ Ивановичъ мужикамъ. Ночуйте у меня или въ полѣ... Бррр! У меня все готово... Арміи давай сюда! угостимъ армію... бррр...

— Чего-же вы хотите?... Чтобъ мы почсвали на мельницѣ?...

— И я съ вами!

— Мы вернемся назадъ...

— И я съ вами!

— Мы, наконецъ, уѣдемъ домой.

— И я съ вами... бррр.

И на все это Петръ Ивановичъ, по его понятіямъ, рѣшался единственно потому, что онъ благородный человѣкъ и товарищъ истинный, а не жомпни, не щелкоперъ! Что онъ готовъ для насъ

перехватить себѣ горло ножемъ. «А вы вотъ этого не сдѣлайте!» прибавилъ онъ наивно.

Пока мы торговались съ этимъ навязчивымъ кунакомъ, подвалилъ обозъ и стая къ плотинѣ. Увидѣвши Трутнева, Петръ Ивановичъ вскочилъ какъ встрепанный. — Володя! другъ! помоги... Рѣжутъ, жгутъ... обида! понимаешь — обида!...

— Горько, обидно! васъ съево! вторилъ ему плачевный голосъ изъ фургона.

— Чтожъ, ваше сіятельство, удостойте; мы, этакъ, тово, вечерокъ вмѣстѣ... прибавилъ Трутневъ.

Съ послѣднимъ словомъ Трутнева, Петръ Ивановичъ отутлился на колѣняхъ передъ лошадью Атукаева.

Между тѣмъ стемнѣло совсѣмъ, нахмурилось, брызнулъ мелкій дождикъ.

Что оставалось послѣ этого? Подумали и согласились!

Обрадованный кунакъ нашъ кинулся какъ шальной къ мосту, прикрикнулъ на мужиковъ и принялся самъ настилать накатникъ. Переправя стаю и обозъ впередъ, мы, наконецъ, всѣмъ обществомъ тронулись въ путь и начали подниматься на пологую гору; налѣво отъ насъ потянулась каменная стѣна, направо начали попадать въ глаза неопредѣленнаго вида строенія. Минувавши ихъ, мы повернули въ высокіе каменные ворота; направо стоялъ громадный, съ заколоченными наглухо ставнями, старинный домъ; за нимъ, въ углу, свѣтились два окна флигеля, гдѣ помѣщался Петръ Ивановичъ съ семьей. Услыша топотъ, къ намъ вышелъ подслѣпый лакей со свѣчкой и, мигая вѣками, стараясь освѣтить двѣ ступеньки крылечка подъ соломенной крышкой.

При входѣ въ первую комнату изъ скверной, вонючей и сорной передней, мы тотчасъ были пожалованы въ званіе друзей Петра Ивановича и распѣловавшись съ нимъ какъ подобало, вступили въ слѣдующую комнату, игравшую роль гостиной, потому что въ ней обрѣтался ситцевый диванъ, нѣсколько креселъ и стояло въ углу старинное, необыкновенной формы фортепяно, съ оваломъ на спинѣ и круглыми боками, очень походившее на супоросную свинью.

— Вотъ, тутъ, господа, пожалуйста... Графъ, прошу садиться, а я вотъ вамъ, тотчасъ жену, тово... чаю... Эй! Каролина, выходи! чаю господамъ... Ком-гиръ! крикнулъ онъ, громко стуча кулакомъ въ дверь. Да вы не хотите-ли, тово... передъ чаемъ пройдтись по водкѣ, лучше... А, вотъ она; рекомендую, графъ... да! вы уже знакомы... вотъ, господа, рекомендую, моя жена!

только, вы съ нею не очень-то... просто, этакъ, тово, она глуха — чортъ, не знаю чѣмъ лечить... русскія лекарства не дѣйствуютъ... Вы, пожалуйста, не церемоньтесь съ ней... Каролина, чаю господамъ... Тей! тей! крикнулъ Петръ Ивановичъ, выдѣлалъ рукой какъ наливаютъ чай и убѣжалъ.

Пока это говорилось и показывалось, между намъ, медленно отворя дверь, еще медленнѣе появилась молодая дама съ завязанной щекой, въ опрятномъ сѣренькомъ капотѣ изъ полутерно; въ то время, какъ мужъ выкрикивалъ у нея надъ ухомъ: тей! она успѣла выдѣлать два книксена и, по исчезновеніи Петра Ивановича, молча сѣла въ ближайшія кресла: въ черныхъ, прекрасныхъ глазахъ ея свѣтилась какая-то робость, спротливость; на блѣдномъ, кроткомъ, чисто нѣмецкаго типа лицѣ была замѣтна грусть, а глядя на тощую грудь и руки этой женщины, нельзя было сомнѣваться, что у нея до крайности потрясены и разслаблены нервы.

Кое-какъ откланявшись, мы тоже начали усаживаться гдѣ попало; графъ помѣстился ближе и, какъ знакомый, первый вступилъ въ разговоръ.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ довольно громко.

— Ваше зѣтельство на аютъ? отвѣчала Каролина Федоровна.

Въ такомъ родѣ длился у нея разговоръ съ Атукаевымъ около четверти часа; наконецъ, я подошелъ какъ можно ближе и сказалъ довольно громко по-нѣмецки:

— Вы вѣрно скучаете, живя постоянно въ деревнѣ?

— Мои родные въ Карлсруэ, отвѣчала она и грустно улыбнулась.

— Вы любите чтеніе? спросилъ я еще громче.

— У моего мужа умерли всѣ собаки, было отвѣтомъ.

Я снова сѣлъ на мѣсто.

Вошелъ Трутневъ и не обращая вниманія на Каролину Федоровну, пустился въ розказни.

— Что, вамъ, я полагаю, скучно, ваше сіятельство? Тутъ, тово....

— Нѣтъ. Только жаль, что вотъ наша дама затрудняется въ отвѣтахъ. Прежде она слышала хорошо.

— Представьте, это Петръ Ивановичъ ее оглушилъ... Когда онъ бываетъ подъ гулькомъ, такъ знаете, этакъ, ему вздумается тово, по праву супружества... Одинъ разъ, какъ-то въ сердцахъ, по головѣ, тово... ну и оглохла. Изъ сняжковъ не выходитъ, прибавилъ онъ, улыбаясь.

Каролина Федоровна слѣдила за выраженіемъ лица Трутнева и, полагая, что онъ рассказываетъ намъ очень смѣшную исторію, весело улыбалась.

Я вскочилъ, самъ не зная по какой причинѣ, съ мѣста и вышелъ въ другую комнату.

Петръ Ивановичъ, преобразившись изъ яргака въ архалухъ, бѣгалъ по комнатамъ, выскакивалъ на крыльцо, кричалъ, бранился и торопилъ прислугу, отдавая каждому по пяти самыхъ разнорѣчивыхъ приказаній. Между прочимъ, я слышалъ часто произносимыя имъ имена: Ганьки и Мотрюшки.

— Ну, что, сказалъ? спросилъ онъ, поймавши за воротъ бѣжавшаго черезъ залъ рыжаго, съ веснушками, въ сѣромъ казачкинѣ мальчика.

— Сказалъ.

— И Ганькѣ сказалъ?

— Сказалъ.

— И Мотрюшкѣ?

— Сказалъ.

— Да, ты, дуракъ, ты бы Ганькѣ сказалъ, чтобъ она тово... а Мотрюшкѣ, чтобъ она это... понимаешь? Сарафанъ, дуракъ, бѣги, скажи опять-моль, въ сарафанахъ и ткача сюда.. А ты куда? накинута онъ на подслѣпаго лакея.

— Дуракъ! Я сказалъ, чтобъ столъ, тово, карты и все такое, въ кабинетъ...

— Да я бѣгу по вашему приказу, чтобъ клюшника послать, овса добыть, овса нѣтути...

— Дуракъ, тебѣ говорятъ—карты! понимаешь? въ кабинетъ, ты — столъ тамъ, чтобъ и все этакое...

И Петръ Ивановичъ влетѣлъ въ гостиную.

— Чтожъ, чаю о сю пору? Чаю! Что ты тутъ разсѣлась! грибъ нѣмецкій! Тей! тей! крикнулъ онъ, дергая жену за плечо. Блѣдная, растерянная, она робко взглянула ему въ лицо, и по направленію руки Петра Ивановича вышла въ дверь.

— Друзя мои! Графъ! Ваше сіятельство! Не поскучайте, пожалуйста; пзвините, а сейчасъ.... Только, вотъ, на счетъ пѣвчихъ....

И Петръ Ивановичъ снова исчезъ.

Не смотря на это громкое — тей! чая намъ вовсе не дали, и Петръ Ивановичъ больше не вспоминалъ объ этомъ; Каролина Федоровна, тоже, словно въ воду канула и больше къ намъ не появлялась.

Оставшись въ троёмъ, мы принялись разсуждать о скачкѣ Карая; такъ прошло около получаса; въ это время я увидѣлъ, какъ Петръ Ивановичъ, подкравшись на цыпочкахъ къ нашей двери, тихо притворилъ обѣ половинки; вслѣдъ за тѣмъ, мы услышали топотъ и установку въ залѣ, кое-кто покашливалъ и пересмѣивался; наконецъ, дверь распахнулась снова и Петръ Ивановичъ появился къ намъ съ довольнымъ лицомъ.

— Неугодно-ли, господа, сказалъ онъ какъ-то торжественно и, обратясь къ двери, хлопнулъ въ ладоши.

Съ этимъ сигналомъ, въ сосѣдней комнатѣ разразился неистовый крикъ. Я не помню, какъ я очутился тамъ: толпа деревенскихъ бабъ, подъ управленіемъ ткача, горланила какую-то вступательную пѣсню, звуки которой какъ-то лопались въ ухахъ. Наконецъ, при появленіи графа и Бацова изъ гостиной, а Трутнева съ Бакенбардами изъ кабинета, двѣ бабы, разряженныя въ китайчатые съ мишурной оторочкой сарафаны и самъ ткачъ съ его необыкновеннымъ инструментомъ, отдѣлились отъ сонмища и начали какую-то мордовскую пляску подъ пригѣвъ хора:

«Ахвицеръ, ахвицеръ, ахвицерикъ молодой!

Ахвицерикъ молодой,

Подъ нимъ коникъ вороной:

Конь копытомъ землю бьетъ, а дѣвица слезы льетъ!»

Ганька и Мотрюха отжигали непостижимыя колѣнца, а ткачъ трещалъ подъ пѣсню хора на своемъ неслыханномъ инструментѣ. Инструментъ этотъ былъ ни что иное, какъ тупейный гребешокъ съ придѣланной къ нему какъ-то бумажкой.

«Ну, Каролина Федоровна знала для чего оглохла,» думалъ я, слушая этотъ *валтъ*.

Не такъ онъ дѣйствовалъ на Петра Ивановича: упоеніе его было, какъ видно, безгранично; онъ и шевелилъ плечами, и выступалъ козыремъ, и засучивалъ рукава, и притопывалъ, и прищелкивалъ и, наконецъ, что всего хуже, кажется, окончательно забылъ о насъ грѣшныхъ. Трутневъ тоже началъ понемногу увлекаться этимъ зыкомъ; г. Бакенбарды держалъ себя гордо и степенно, хотя и можно было поручиться, что не будь тутъ этотъ *Monsieur le comte*, онъ непремѣнно закружился-бы въ обцемъ водоворотѣ.

Мы вернулись въ гостиную и начали со смѣхомъ и досадой пополамъ высказывать каждый свое мнѣніе о беззаконномъ на-

шемъ арестѣ. Бацовъ въ особенности выражался на счетъ этого очень ѣдко и убѣдительно, но все его краснорѣчіе заканчивалось общимъ и дружнымъ между нами смѣхомъ и едва мы смѣли-бы придумать что-нибудь для своего избавленія, еслибы не слѣдующій случай:

Неизвѣстно откуда появился передъ нами камердинеръ Атукаева съ весьма недовольнымъ видомъ и промзнесъ на первый разъ очень простую, но до крайности вразумительную фразу:

— Ваше сіятельство! Какъ вамъ будетъ угодно, а ночевать тутъ не приходится.

— А что?

— Помилосердуйте.... Лошади у насъ не отпряжены и стоятъ безъ корма. Собаки о сю пору на дворѣ, подъ дождемъ: приюту никакого.... Въ конюшнѣ, въ сараяхъ, вездѣ течъ; все стоитъ не покрытое; поварь, вишь, крыши изводитъ ни плиту. Людямъ ѣсть нечего и размѣститься негдѣ; у экипажей я поставилъ караулъ, того и гляди очистятъ!...

— Вотъ - тѣ разъ! Хотѣлъ угощать армію! проговорилъ графъ въ раздумьи. Неужели нѣтъ корму ни людямъ, ни лошадямъ?

— Точно такъ-съ. У нихъ и свои лошади третьи сутки овса не нюхали, а тутъ гдѣ-же взять на такое количество; сами изволите знать: у насъ не десять лошадей! Да, вотъ, для васъ тоже кушать о сю пору не готовятъ. Дворовые бѣгали на село куръ да яйца собирать: мужики ихъ приняли въ колья; тамъ драка, безобразіе, пьянство, крикъ.... А дворня-то — всѣ воръ на ворѣ, у своихъ тащитъ изъ-подъ замка.... помилуй Богъ, бѣды но оберешся!...

Прослушавъ это донесеніе, мы переглянулись въ разъ и громко, отъ души захохотали.

Отнеся этотъ смѣхъ не счетъ сочувствія нашего общему веселью, Петръ Ивановичъ влетѣлъ въ гостиную козыремъ, выдѣлалъ колѣнце и заключилъ меня перваго въ объятія, но Мотрюха выручила остальныхъ отъ этой мяки. Появившись съ припляской передъ Петромъ Ивановичемъ и маня его къ себѣ руками, она пригвѣвала въ тактъ; «О-охъ, кости болятъ! Всѣ суставы говорятъ» и т. д. — Геній, а не женщина! крикнулъ тотъ и умчался за своей дамой, пригвѣвая: ходи разъ, ходи два! и т. даѣе.

— И прекрасно, началъ Атакуевъ, обдумавши тѣмъ временемъ, свой планъ:—вели людямъ собраться какъ можно тише и

тронуться въ разъ со двора; лошадей нашихъ держать наготовѣ, а Петрунчика дать сюда: пусть его веселится сколько дунѣтъ угодно; мы его, господа, употребимъ вмѣсто громоотвода и отдадимъ на жертву, а сами улизнемъ отъ сюда.... Ступай-же и обдѣлай все, какъ можно аккуратноѣе.

— Слушаю.

И обрадованный Артамонъ Никитичъ, заговаривая и занг-рывая съ бабами, ловко добрался до передней.

Его мѣсто въ гостиной замѣнилъ г. Бакенберды.

— А мусье ле конты! началъ онъ. Же ву ле фелисить авекъ дю бьенъ э-три гранъ плезирь!

Злодѣи! такъ и видно было по лицу, какъ долго онъ мучился надъ постройкою этой необыкновенной фразы.

— Чтожъ, намъ тутъ очень весело, сказалъ графъ по-русски, глядя на меня такъ убійственно, что я чуть не лопнулъ, подобно ракетѣ, отъ усилія не разразиться смѣхомъ.

— Но, мнѣ, признаться, это всегдашнее тужуръ пердри надѣлю, проговорилъ Бакенбарды и, à la Чайдъ-Гарольдъ, помѣстился возлѣ меня въ креслахъ.

— Къ тому-же вамъ для занятія досталась такая дама, которая ничего не слышитъ: хоть стрѣляй! началъ онъ, относясь ко мнѣ.

— Да, жаль.... промолвилъ я, кусая свою губу. — Давно она потеряла слухъ?

Вотъ, съ великаго поста.... Это муженекъ ее оглушилъ. Вздумаешь стучать объ эту печку и еслибъ я не случился тутъ.... да что и говорить, когда-нибудь онъ-таки ее доканаешь.... мѣсяца три голова у нея была настоящая подушка.... Да, вотъ, и старшая дочь, вы не видали ее? сдѣлалась уродомъ, должно быть во его милости: теперь у нея растутъ горбокъ....

И замѣтя наше расположеніе слушать, г. Бакенбарды пошелъ дальше. Изъ его длиннаго повѣствованія, за исключеніемъ французскихъ фразъ, мы уразумѣли слѣдующее:

Оставшись послѣ родителей подесятому году, Петръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ меньшей сестрой своей, попалъ на воспитаніе къ бабушкѣ, женщицѣ известной въ околоткѣ по богатству и гордому характеру. Въ семнадцать лѣтъ Петръ Ивановичъ возмѣтилъ рѣшительное намѣреніе прицѣпиться къ боку саблю. Черезъ десять лѣтъ службы въ гусарскомъ полку, онъ явился на родину, съ отставкой въ карманѣ и съ полнымъ запасомъ антигусарскаго удалства. Поселясь въ отцовскомъ большомъ и пре-

красно устроенномъ имѣніи, котораго, прибавивъ въ скобкахъ, теперь не осталось и половины, Петръ Ивановичъ часто навѣщалъ бабушку и не замедлилъ тамъ влюбиться въ компаньибку своей сестры, то есть въ Каролину Ѳедоровну. Освѣдомясь объ этомъ, бабушка вскипятилась и чуть не отодрала розгами поручика Петрушку; но Петрушка былъ гусарь и страстный поклонникъ сатисфакцій: зная на вѣрное, что бабушка его никакъ не согласится стать на барьеръ, или такъ называемую *благородную дистанцію*, онъ придумалъ задать ей сатисфакцію другаго рода: забрался къ ней въ садъ и, лежа подъ кустомъ, выждалъ время, когда хорошенькая нѣмочка, по обычаю, вышла помечтать. Увидѣвши предметъ своей любви и сатисфакціи, Петръ Ивановичъ накинулся на нее какъ Бедуинъ, заткнулъ ей глотку носовымъ платкомъ, схватилъ ее подъ мышку à la Малекъ-Адель въ свои владѣнія. Очутившись въ той самой гостиной, въ которой теперь шла у насъ рѣчь, Каролина Ѳедоровна увидѣла передъ собой Петра Ивановича, во-первыхъ, на колѣняхъ и съ гусарской клятвой на устахъ; во-вторыхъ, Петръ Ивановичъ взялъ предметъ своей сатисфакціи съ бабушкой подъ ручку и ввелъ его въ сосѣднюю комнату: тамъ сказалъ онъ ей: *«су зетъ майне либе фрау»*, и кончилъ сатисфакцію съ бабушкой.

Черезъ два дня послѣ этого соблазнительнаго происшествія, пріѣхалъ предводитель съ дворянами и отобравши отъ бѣдной нѣмки и дворовыхъ людей показаніе, посоветовалъ Петру Ивановичу прекратить это дѣло и побережь себя, а то, дескать, тутъ явится и бабушка и уголовная палата и проч. и проч. Вообразивъ, что все это дѣлается по проискамъ бабушки и желая «насолить» ей окончательно, Петръ Ивановичъ послалъ за приходскимъ священникомъ и, въ присутствіи трехъ благородныхъ свидѣтелей, прекратилъ уголовное дѣло въ самомъ его зародышѣ, а что всего лучше «утеръ носъ и пазатѣ и бабушкѣ!»

Черезъ годъ послѣ этого, когда у Петра Ивановича родилась старшая его дочь, заботливый папаша, вообразивъ почему-то, что трусливѣе жидовъ и нѣмцевъ нѣтъ людей на свѣтѣ, вздумалъ вывѣтривать заранѣе изъ дѣвочки нѣмецкій духъ: схватя ребенка съ рукъ матери, онъ отнесъ его и положилъ въ ясли къ самому злому жеребцу и началъ его подхлестывать. Лошадь трясла головой, щулила уши и вздымалась на дыбы, а Каролина Ѳедоровна, растянувшись на полу, обнимала колѣни Петра Ивановича и кричала неистово. Вотъ уже пошелъ девятый годъ,

какъ Петръ Ивановичъ варьируетъ этотъ способъ на разные лады, для того, чтобы вывѣтрить пзъ жены и двухъ дочерей своихъ — нѣмецкій духъ.

— А впрочемъ, — заключилъ г. Бакенбарды, — надо сказать, что за исключеніемъ этихъ маленькихъ шалостей, онъ, по истинѣ, благороднѣйшій человѣкъ и удивительный товарищъ! Сетуньомъ де комильфо! Мы съ нимъ вмѣстѣ служили.... Въ полку у насъ было общество необыкновенное — не то, что въ пѣхотѣ; всѣ мы говорили не иначе, какъ по-французски; Боже сохрани, по-русски! или высморкать носъ передъ фронтомъ, тотчасъ вызовутъ на дуэль!

Съ появленіемъ Хлюстикова, Петръ Ивановичъ пришелъ въ совершенную ражу, кинулся цѣловать Атукаева и доказывать, что онъ способенъ быть благороднѣйшимъ человѣкомъ и удивительнымъ товарищемъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ-бы въ награду намъ, выслалъ бабъ и велѣлъ накрыть столъ. Трудно передать, какая суета и давка пошла въ залъ, гдѣ, чтобъ сберечь время для танцевъ, Петръ Ивановичъ шнырилъ безвыходно, торопилъ прислугу и надѣлялъ всѣхъ затрещинами. Между-тѣмъ, грачъ подозвалъ Петрунчика и приказалъ ему пить какъ-можно-больше за ужиномъ и развлекать вниманіе Петра Ивановича.

Въ одиннадцать часовъ мы сѣли за столъ. Что это была за сервировка! У меня въ приборѣ не доставало ножа; г. Бакенбарды помѣстился за пустой тарелкой; Бацовъ стащилъ у Трутнева съ прибора салфетку. Наконецъ, появилось огромное, но единственное блюдо нарѣзанной кусками курятины, облитой какимъ-то желтоватымъ растворомъ. Курятина оказалась совершенно сырою. По-счастью, подъ столомъ очутилась борзая собака и пожирала кусокъ за кускомъ. Петрунчикъ велъ себя удивительно: перепивая и забавляя хозяина, онъ завладѣлъ имъ до того, что Петръ Ивановичъ обратилъ на насъ вниманіе только въ то время, когда, убѣдившись, что брошенные нами подъ столъ куски уничтожены, мы разомъ поднялись съ мѣстъ.

Въ гостиной между-тѣмъ появились три постели, приготовленные для насъ во время ужина, а въ залъ, по снятіи стола, собралось бабъ въ двое больше прежняго и мы убѣдились, что протѣсниться къ выходу намъ не было возможности. Въ довершеніе удара, Бацовъ, осматривая постель, вздумалъ поднести свѣчу по-ближе къ дивану; онъ ахнулъ и подозвалъ насъ. Было отъ чего ахнуть: по всей обивкѣ дивана и на проточенныхъ обояхъ сидѣли въ три шеренги клопы.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонь! — крикнулъ энергически Лука Лукичъ и выбѣжалъ вонъ.

Мы боялись, что онъ, по-горячности, испортитъ дѣло наше въ конецъ. И точно, было близко къ тому, когда Бацовъ вернулся къ намъ, таща Бакенбарды за руку.

— Посмотрите, что это? — заговорилъ онъ, проводя свѣчкой вдоль дивана. — Это свинство, это подлость, наконецъ; затащить гостей насильно, не дать чашки чаю, кормить, чортъ знаетъ, чѣмъ, и послѣ, травить!... Это на смѣхъ, что-ли, онъ дѣлаетъ? — прибавилъ Лука Лукичъ, ставя свѣчку и сверкая глазами.

— Полно, Лука Лукичъ! приступили мы къ Бацову.

— Нѣтъ, этотъ мерзавецъ стоитъ пятисотъ нагаекъ, — крикнулъ Бацовъ, свирѣпѣе.

— Что-жъ тутъ, господа, — лепеталъ Бакенбарды, — домъ не мой, я былъ-бы радъ... если-бъ... да не знаю, какъ помочь...

— Оставь, Лука Лукичъ, — перебилъ Атукаевъ и обратился къ Бакенбардамъ. — Послушайте, — сказалъ онъ, — вы видите ясно, что въ этой берлогѣ остаться мы не можемъ. Помогите намъ, пожалуйста, выбраться отсюда такъ, чтобъ онъ не замѣтилъ этого...

— Очень-радъ, очень радъ; лошади у васъ готовы? Гдѣ онѣ? Я прикажу подавать.

— Какъ-же вы это сдѣлаете?

— Очень просто, ихъ подведутъ къ балкону; я притворю дверь въ залъ, вы выйдете въ эту дверь и....

— Представьте! — крикнули мы всѣ трое, глядя вопросительно другъ на друга. Передъ нами была дверь на балконъ и мы только теперь ее замѣтили.

Пока г. Бакенбарды хлопоталъ о лошадяхъ, мы успѣли подать знакъ Хлюстикову; тотъ, вмѣсто танцевъ, придумалъ водить хороводъ, окружилъ Петра Ивановича бабами и запѣлъ: «Дунай мой, Дунай, веселый Дунай!»

Явился Бакенбарды и получивъ отъ насъ, при рукожатъ, тройной титулъ: избавителя, благодѣтеля и еще чего-то, раскланялся съ достоинствомъ, повторилъ разъ пять: «бонъ нощ», и захопнулъ дверь въ залу.

Съѣхавши по-тихоньку со двора, мы живо домчались до мѣста и очутились въ чистой и просторной крестьянской избѣ. Нужно ли повторять, какими глазами смотрѣлъ я, изнуренный двухдневной бессонницей, на три приготовленные для насъ по угламъ постели? но это увлеченіе было мелко въ сравненіи съ тѣмъ

громкимъ возгласомъ, кашимъ привѣтствовали мы Артамона Никитича, представшаго намъ съ клокочущимъ самоваромъ въ рукахъ: «Тей! Тей!» крикнули мы, словно по командѣ, и смѣялись какъ дѣти, припоминая въ разбивку впечатлѣнія проведеннаго нами вечера.

За вторымъ стаканомъ чая я какъ-то прилежъ носомъ къ подушкѣ и... «Тей! Тей!» крикнули два громкіе голоса у меня надъ ухомъ; я открылъ глаза, но это было уже въ десять часовъ утра. Графъ и Бацовъ хохотали, стоя у моей постели; на столѣ, по-прежнему, кипѣлъ самоваръ, а у порога стоялъ мой Игнатка.

III.

Мы у Стерлядкина. — Что такое Трутневъ? — Тревожная вѣсть. — Братовка. — Алексѣй Николаевичъ. — Племя волкодавовъ. — Разногласица. — Беопень. — Выдержка гончихъ. — Отъѣздъ въ Чурюково.

Черезъ часъ явился Хлюстиковъ съ распухшимъ лицомъ и глазами, какъ у кролика; онъ прибылъ пѣшкомъ, разставшись съ своей компаніей на разсвѣтѣ дня, въ то время, когда Петръ Ивановичъ свалился на одну изъ приготовленныхъ для насъ постелей.

— Что-жъ ты такъ долго путешествовалъ, моя радость? спросилъ графъ.

— Гм, гм, мы на пути, этакъ — вздремнули.... «Вотъ на пути село большое», затянулъ-было Хлюстиковъ, но голосъ измѣнилъ ему. Графъ, ваше сіятельство! голубчикъ! прикажи Петрунчику рюмочку.... душу отвести; смерть, такъ вотъ и горитъ....

Нечего дѣлать: видя страданіе Петрунчика и твердое его обѣщаніе исправиться, поднесли ему рюмочку и сдали его Артамону Никитичу на-руки, для приведенія въ надлежащій человѣческій видъ. Тотъ свелъ его и уложилъ въ одну изъ брикъ. Между-тѣмъ, люди позавтракали, разсадили борзыхъ и стаю, выпрягли лошадей и тронулись въ предстоявшій намъ далекій путь.

Въ полдень, при ясномъ солнечномъ небѣ и этой нетомящей теплотѣ осенняго дня, мы сѣли въ открытую коляску и поѣхали на полныхъ рысяхъ. Прижавшись бокомъ къ мягкому кузову, я молча курилъ сигару и лѣниво глядѣлъ на бѣгущія мимо насъ грядки однообразныхъ полей; солнце свѣтило по-лѣтнему; по темной зелени перелѣсковъ игралъ подсохшій листъ, поблескивая

золотистыми искорками, словно рѣдкая сѣдина въ головѣ еще не устарѣвшаго человѣка; пѣпаясь концами за живую, кругомъ насъ плавала длинная паутина: ее было столько, что издали, на припорѣ свѣта, поле было какъ-будто накрыто хрустальнымъ ковромъ; даль терялась кругомъ въ глубокомъ туманѣ; кой-гдѣ гуляло стадо по изложинамъ; курился дымокъ, двѣ-три бабы вертѣлись съ граблями по живцу, да стрепета свистѣли крыльями, перелетывая стаями съ пашни на пашню.

— Вотъ и бабѣ гѣто подошло, — проговорилъ наконецъ Лука Лукичъ, поймавъ летучее волокно паутины.

— Да, какъ-бы не пошло на сушь; тогда плохо! — прибавилъ Атукаевъ въ раздумьи.

(Не по душѣ это бабѣ гѣто псовому охотнику; ему съ руки — изгарь, прохолодь, частыя перемочки, сѣрые деньки...)

Спутники мои снова молчали, глядя по-моему въ даль; графъ, какъ казалось мнѣ, былъ озабоченъ какою-то неотвязною мыслью.

— Которое сегодня число? — спросилъ онъ послѣ изряднаго срока.

— Седьмое, ваше сіятельство! — отвѣчалъ Артамонъ Никитичъ, покачиваясь въ лакейскомъ мѣстечкѣ.

— Шутка, какъ летитъ время! Я боюсь, какъ-бы нашъ *заправилло* не тронулся безъ насъ. Мы два дня просрочили.

— Да, я самъ только-что объ этомъ думалъ, — прибавилъ Бадцовъ.

— Не извольте сумлеваться, ваше сіятельство; Алексѣй Николаевичъ не тронутся безъ насъ, для-того, что ужъ если они дадутъ слово, такъ можно сказать, что навѣрное.... — возразилъ успокоительно Артамонъ Никитичъ.

Больше, кажется, и не было рѣчей во всю дорогу. Въ два часа мы подъѣхали къ дому Степана Петровича Стерлякина. Кругомъ надворное строеніе и вообще вся усадьба поблескивала на манеръ тѣхъ яркихъ пейзажей, какіе малюютъ продавцы игрушекъ на дѣтскихъ складныхъ картинкахъ. Все было уравнено, подсажено, подновлено, подиращено; даже въ саду, какъ я увидѣлъ послѣ, въ концѣ аллеи, упиравшей въ простой частоколь, была дощатая стѣна съ намалеваннымъ на ней какимъ-то фантастическимъ замкомъ, съ моремъ, съ кораблемъ и скалами, на которые было потрачено не менѣе полупуда охры. Хозяинъ радушно встрѣтилъ насъ на верхней ступенькѣ крыльца и проводилъ въ домъ, гдѣ стоялъ уже накрытый столъ. Въ гостиной, за зеленымъ столикомъ, трудились четверо обще-знакомыхъ

нимъ сосѣдей: они добрымъ пульку — по маненькой. Стерлядкина чувствуютъ вообще какъ стараго холостяка и хлѣбосола, но вмѣстѣ съ тѣмъ понимаютъ его какъ человѣка, который «молотить на обухѣ рожи» и говорятъ, что у него каждая копейка прибита алтынными гвоздями. Тутъ, какъ кажется, дѣло не обходится безъ зависти, потому что Степанъ Петровичъ, какъ человѣкъ «пѣтлый», скопилъ периодичный капиталъ и всѣ тѣ, которые трактуютъ его снисходитель и сквалыгой за глаза, большею частью держатъ себя на — «придите поклонимся» и только люди независимые, на манеръ Бацова, обходятся съ нимъ запросто.

— Ну, Лука Лукичъ, поздравляю. Слышали мы, какъ Карай, тово... отлично! отлично! Можно чести приписать! Басилъ одинъ изъ игрововъ, протягивая черезъ столъ пятифунтовую мяжку кисть къ Бацову.

— Да отъ кого вы слышали?

— А вотъ, Степанъ Петровичъ, не нахвалится; просто, чудо что, говорить...

— Совсѣмъ не то я вамъ говорилъ, господа, перебилъ Стерлядкинъ, подмигнувъ намъ глазами. Я и теперь готовъ повторить мои слова: Карай, точно, собака надежная, и будетъ со временемъ скакать порядочно, когда сложится, потому что вчера онъ ни на видъ не отставалъ отъ Азарнаго. Неправда-ли, графъ?

— Да, я видѣлъ... началъ Атукаевъ.

— Пустяки, господа! этикъ вы меня теперь не взбѣлесите; а ты, говори-ка дѣло, а не юли... возразилъ Бацовъ, бросая напкку на одно изъ кресель.

— Да я и говорю тебѣ дѣло... Чтожъ, Карай, собака ладная и съ ногами; хочешь пѣнка? я готовъ, хоть на Азарнаго... и придачи немного возьму...

— У, шучья насть! придачи! тоже суется съ Азарнымъ! Нѣтъ, ты, братъ, его теперь прирячь подальше, а то, пожалуй, и въ правду мѣшки хвостикъ отточать...

Подобные переморы шли у нихъ до тѣхъ норъ, пока мы не усѣлись за трансезу. Спасибо Степану Петровичу, мастеръ корчить! а серебра на столѣ у него было видимо-невидимо: изъ двухъ вазъ по концамъ торчали засмоленные горлушки бутылокъ. Ты всѣ исправно. Въ одномъ концѣ стола оставались прибора четыре незанятыхъ; кто-то обратилъ на это вниманіе.

— Да я полагалъ, что похѣдутъ еще наши мелкотравчатые, отвѣчалъ хозяинъ.

Съ легкой руки Стерлядкина начался у насъ подробный раз-

сказать о вчерашнемъ вечерѣ у Петра Ивановича; графъ говорилъ обо всемъ легко и шутя, но Лука Лукичъ, при воспоминаніи объ ужнѣ и клопахъ, и по поводу ихъ о Ганькѣ и Мотрюхѣ, а въ особенности о положеніи Каролины Федоровны, сильно раздражался и говорилъ обо всемъ чуть не съ проклятіями.

— Нѣтъ, любезному племянничку, повершилъ Стеркиджкичъ. (Петръ Ивановичъ былъ ему съ родни), какъ видно, не миновати суммы, если онъ поведется дальше съ этимъ пройдохой. Извините, Андрей Васильевичъ, обратился онъ къ одному изъ гостей, я говорю о Трутневѣ: онъ вамъ какъ-то съ родни... Изъ пѣсни слова не выкинешь.

— Чтожъ, отвѣчалъ тотъ, противъ правды возражать нельзя. Притомъ-же вы сами знаете, что этотъ Трутневъ сидитъ у меня вотъ тутъ! Гость показалъ на затылокъ.

— Пустяки, вмѣшался Бацовъ. Никогда не повѣрю, чтобъ какой-нибудь Трутневъ заставилъ меня дѣлать то, что противно и совѣсти, и всему...

— Чудакъ! ты вотъ говоришь и горячишься, не зная дѣла! Да знаешь-ли, что Петру Ивановичу теперь остается дѣлать только то, что Трутневу угодно; онъ не смѣетъ безъ него шагу ступить. Трутневъ богаче его въ десятеро!

— Что ты мнѣ толкуешь! Пустяки, братъ; Трутнева состояніе я знаю... Давно-ли онъ ѣздилъ на колымажкѣ, въ нанковомъ сюртукѣ и выпрашивалъ по пудикамъ, чтобъ кормить семью. И отецъ-то его былъ больше ничего, какъ однодворецъ: самъ пахалъ...

— Я это знаю не хуже тебя, да дѣло въ томъ, что Трутнева состояніе теперь не вогнешь и во сто-тысячъ!

— Какъ-же это могло случиться?

— Выходитъ, могло, коли случилось! А дѣло склеилось само по себѣ, безъ нашего вѣдома. Какъ вышелъ въ отставку мой чудо-юда (тогда онъ былъ все не то, что сталъ теперь), Трутневъ, вотъ, въ томъ самомъ сюртукѣ, что и тебѣ памятенъ, и шастъ къ нему на дворъ... дескать «отставной корнетъ уланскій! по бѣдности, жену имѣю, трое дѣтей... осмѣливаюсь просить, что милость будетъ...» и т. д. Какъ! крикнулъ гусарь, всплеснувъ руками, уланъ! кавалерія! (нашъ братъ-пѣхота, у нихъ ни почемъ!) прошу садиться! А тотъ, не будь дуракъ, вмѣсто стула, за гитару, да какъ хватить камаринскую и пошелъ въ присядку... Черезъ часъ послѣ того, новые знакомые и братья по оружію обнялись, поцѣловались, собрали бабъ, и къ вечеру стали

друзья неразрывные.. На утро, Трутневъ смекнувши въ чемъ дѣло, держалъ къ другу такую рѣчь: «есть, дескать у тебя, другъ, по сосѣдству со мной мельница; отдаешь ты ее мужику за три тысячи въ годъ; такъ не лучше-ли будетъ имѣть дѣло съ другомъ и благороднымъ человѣкомъ, чѣмъ съ какой-нибудь бородастой шельмой, у которой, дескать, никакихъ благородныхъ чувствъ въ наличности не имѣется... а я стану по третямъ вносить тебѣ ту-же сумму.» Какъ не пособить благородному человѣку? Ударили по-рукамъ — бороду долой и другъ сталъ арендаторомъ. Пришелъ срокъ, Трутневъ привозитъ за первую треть денежки, аккуратно, всѣ до копеечки... ну, тутъ, какъ водится, опять пляска, а тамъ раскрыли столъ; арендаторъ метнулъ направо — на лѣво, и тысяча пошла назадъ въ нанковый карманъ, да мимоходомъ зацѣпила и за другую треть помола; за остальномъ поѣхалъ къ съемщику самъ хозяинъ и вмѣсто тысячи, получилъ три, а векселекъ выдалъ. Съ тѣхъ поръ повадился мой владѣлецъ навѣщать друга арендатора, да въ пять лѣтъ дописался до такой премудрости, что и на всю мельницу подмахнулъ закладную въ сорокъ тысячъ! А вѣдь вы знаете сами, прибавилъ Стерлядкинъ, что при ней одного лугу полтараста десятинъ, да гѣсь непочатой, Заикнись онъ мнѣ хоть словомъ, сейчасъ внесу на купчую пятьдесятъ тысячъ и буду въ барыщахъ!

Всѣ слушали Стерлядкина, какъ говорится, разиня ротъ.

— А теперь слухъ носится, прибавилъ раскащикъ, что сверхъ закладной, онъ набралъ векселей еще тысячъ на тридцать.

— Непонятно, однако-же, сказалъ Атукаевъ, какъ можно брать векселя, устраивать подобныя сдѣлки, безъ гроша, за-даромъ...

— Нѣтъ, оно, коли хотите, такъ вовсе не за-даромъ, а за-дѣло, — возразилъ Стерлядкинъ.

— Да какъ-же это? за какое дѣло?

— А вотъ за какое: выслушайте и согласитесь, что Трутневу не за-даромъ достаются эти векселя и закладныя... Вотъ, недавно, по лѣту, вздумалъ мой мужичокъ продать выкормика-меренка. Лошадь, знаете, не хозяйственная, мужику не подходящая: въ соху слаба, борона тоже ей не подъ силу, а побѣжка на легкѣ, есть; не-то, чтобъ иноходь, а такъ, трепачокъ; откуда ни возмись Трутневъ, бацъ, бацъ, по рукамъ: за сорокъ за пять стащилъ у мужика вислоухаго жеребенка, продержалъ недѣли двѣ на канюшнѣ, подчистилъ, подстригъ ушки, расчесалъ гривку, запрягъ въ бѣговые, да и пахнулъ къ другу подъ крыльцо:

тотъ, какъ взглянулъ на *казанскую инокходца* и разинулъ ротъ... Какъ вы думаете, на чемъ покончили? спросилъ Стерлядкинъ.

Мы всё молча и вопросительно взглянули ему въ лицо.

— Взялъ онъ у друга коренную-битюка, лошадь рублей въ двѣсти, пролетки московскія въ шести-стахъ на ассигнаціи, да векселекъ въ триста цѣлковыхъ: теперь вѣдь на ассигнаціи векселей не пишутъ! Вотъ и говорите — даромъ: анъ не даромъ! Такъ, вотъ, и во всемъ...

Стерлядкинъ, какъ видно, хотѣлъ продолжать, но остановился и началъ вслушиваться; мы тоже обратили головы къ окну: оказалось, что на дворъ вѣѣзжали наши охотники. Степанъ Петровичъ тотчасъ началъ отдавать приказаніе челоуѣку, какъ размѣстить обозъ и охоту. Вскорѣ затѣмъ, безъ зова и доклада, появился у двери плотный дѣтина, въ синей черкескѣ съ патронами на груди; въ одной рукѣ держалъ онъ косматую шапку, а въ другой письмо.

— А? Аванасій! Здравствуй! Какъ ты попалъ сюда? заговорилъ графъ къ вошедшему.

— Алексѣй Николаевичъ приказали кланяться и просить поспѣшнѣе, сказалъ Аванасій, поднося письмо графу.

— Какъ-же ты узналъ, что я здѣсь?

— Я было ѣхалъ въ Клинское, да версты за четыре отсюда встрѣлъ охоту вашего сіятельства...

Атукаевъ углубился въ чтеніе, но не конча всего письма, бросилъ его на столъ и обратился къ намъ съ досадою: — ну, вотъ вамъ и новость, господа! Жигуновы съ компаніей ѣдутъ на наши мѣста! Ну, что это за народъ! Цунятники... дѣла не дѣлаютъ, а другимъ портятъ! Вотъ, читайте, продолжалъ онъ, кидая письмо черезъ столъ.

Я схватилъ и прочелъ въ слухъ слѣдующее:

«По обѣщанію твоему, я ждалъ тебя весь день нятаго, и недождавшись, сегодня въ ночь посылаю марочного. Поспѣши пожалуйста, какъ можно скорѣе, потому что дальше нятинцы я ждать не могу и тронусь, чтобъ захватить по дорогѣ ближайшія отозаванья мѣста въ Чурюковѣ, Бокниѣ и дальніе. Вотъ еще новость: я узналъ навѣрное, что Жигуновы съ компаніей идутъ на наши лѣсы Новокоперскія мѣста. Если вы не поспѣете ко мнѣ въ Братовку раньше десятаго, то идите прямо къ Чурюкову, гдѣ я буду стоять на крови, или въ Бокнино на передохъ, гдѣ стану поджидать васъ.»

«Твой п проч.

Алексѣй Агѣевъ.»

— Вотъ вамъ и радость! прибавилъ графъ сердито.

— Ну, это еще дѣло не страшное, возразилъ Стерлядкинъ. Развѣ это охота! это сбродъ мелкоты, вотъ, въ родѣ Трутнева и насъ грѣшныхъ... Тамъ сколько собакъ, столько и господъ!

— И точно, ваше сіятельство, безнокоутся тутъ не о чемъ, прибавилъ Аѳанасій увѣрительно: — объ Жигуновской охотѣ и поминать грѣшно: собаки—цуньки, полуборанки... Прошлый годъ мы прослышали въ Грайворонѣ объ лисицахъ... подходимъ къ острову, а Жигуновы ужъ тутъ: порсканье такое идетъ... Мы скружили стаю, слушаемъ: тьявъ, тьявъ! съ тѣмъ и вызвали! а сами глядятъ на насъ... Мнѣ Алексѣй Николаевичъ изволилъ приказать осмотрѣть ихнюю стаю: нѣтъ-ли съ затѣкомъ; вотъ, я, этакъ, подѣхалъ, оглядываю... Тутъ самъ баринъ ихній: чей человѣкъ? говоритъ. Такъ и такъ, молю, сударь, посланъ осмотрѣть собакъ, нѣтъ-ли, дескать, какого сумленія, (извѣстно, на счетъ чумы) хотимъ, молю, метать своихъ гончихъ...—Кланяйся, говоритъ, Алексѣю Николаевичу и доложи, молю, что чумы у меня нѣтъ, да и лисицъ въ островѣ не найдете: монхъ только что вызвали. Ну, такъ и доложилъ... Вздоръ! изволилъ сказать нашъ баринъ. Мечи! говоритъ ловчему... Какъ заровнялся нашъ Θεопень! только что прошелъ опушку, варомъ заварила сталь... слышимъ, рогъ, другой! Пятерыхъ къ намъ на щипцѣ и вынесли, тутъ, при ихнихъ-же глазахъ и вторичили всѣхъ... Баринъ-то Жигулинъ, говоритъ, перчатки изорвалъ, глядя на насъ...

— Отъ кого-же узналъ Алексѣй Николаевичъ, что они ѣдутъ въ наши мѣста?

— Ловчій нашъ Θεопень ѣздилъ на отзывѣ, такъ, вишь, козловскіе купцы почевали съ нимъ, тѣ сказывали, говорятъ, навѣрное. А волковъ что у насъ отозвано, ваше сіятельство! такъ, въ пору, хоть-бы и въ отъѣзжее не трогаться; во всю осень, кажется, не перетравить, и на пороши хватить...

— Ну, что будетъ, то будетъ, сказалъ графъ, въ раздумьи. Надо ѣхать, господа. Ты съ нами, Степанъ Петровичъ?

— Да, ужъ такъ условлено... Придется промять старыя кости.

— Такъ вотъ что, Аѳанасій, ты останься тутъ до утра, а завтра пойдешь съ охотой вмѣстѣ... мои плохо знаютъ дорогу; а мы съ вечера вышлемъ подставныхъ лошадей, и къ обѣду, какъ разъ, въ Братовкѣ.

— Слушаю.

— Степанъ Петровичъ! уложи же насъ, пожалуйста, нынче

пораньше, а завтра и самъ пошевеливайся. Надо, въ самомъ дѣлѣ, поспѣшить.

Послѣ обѣда гости разѣхались. Къ Степану Петровичу начали являться—старосты, гуменщикъ, ключникъ и прочіи людѣ, для выслушанія его распоряженій. Мы закурили сигары и отправились въ садъ, гдѣ между прочимъ видѣли и помянутую уже картину. Когда мы вернулись назадъ, Степана Петровича уже не было въ домѣ, онъ стоялъ у дверей одной изъ кладовыхъ: тамъ при немъ отщипывали окорока, отвѣшивали муку и разную поварскую провизію; мы пошли туда и были свидѣтелями слѣдующей сцены:

За спиной у Стерлядкина стоялъ бѣлокурый, съ живыми глазами, миловидный мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, въ зеленомъ ототничьемъ казакнѣ; онъ всхлипывалъ и утиралъ рукавомъ слезы. Услыша этотъ плачь, Стерлядкинъ обернулся и произнесъ полусердито и наставительно:

— Пошелъ, пошелъ, говорятъ тебѣ; еще расхныкался тутъ! Другой-бы радъ былъ, что оставляютъ его дома, на печкѣ... Что, за тобой няньку, что-ли, позить? Ты разсуди, вѣдь это не въ Осоргино хлопунцомъ прокатиться... тутъ, братъ, осень на сѣдлѣ сидѣть... чичеръ захватить, разнеможешься... куда тебя дѣвать? Притомъ-же, въ охотѣ что будешь дѣлать? волка отродясь не травливалъ, лиспы въ глаза не видалъ...

— Помилосердуйте, сударь... Чтожъ я опосля того за челоуѣкъ выхожу... Когдажъ я долженъ научиться? выходить, мнѣ и вѣкъ изъ хлопунцовъ не выдти!... а вотъ, прикажи только, я лучше старыхъ балбесовъ управлюсь съ дѣломъ...

— О чемъ онъ хлопочеть? спросилъ графъ.

— Да вотъ, дуракъ, оставляю дома, при молодыхъ, такъ нѣтъ, возьми его, въ отѣзжее! Тоже охотника корчить... возьми, а тамъ и нянчься съ нимъ! Онъ думаетъ, что это легкое дѣло, домашнее...

— Батюшка, ваше сіятельство! заступитесь... нечто, я ужъ такъ, не челоуѣкъ... приступилъ мальчикъ.

Кое-какъ общими силами склонили Стерлядкина, онъ согласился, примолвя: — смотри-же у меня, если ты только тамъ раскиснешь или лошадь подобьешь, я тебя тогда пѣшкомъ прогоню домой. Ступай, собирайся.

Обрадованный мальчикъ не находилъ какъ выразить свою радость, онъ поцѣловалъ руку Стерлядкина, поклонился намъ и побѣжалъ по двору въ припрыжку.

Вечеромъ мы долго не засиживали и напившись чая, часу въ десятомъ, разошлись по мѣстамъ, обѣщая каждый встать ранѣе другихъ; Стерлядкинъ слушалъ и подсмѣивался, и онъ былъ правъ, какъ оказалось на дѣлѣ: на утро, никто изъ насъ не думалъ еще открывать глазъ, какъ комната наша освѣтилась и въ ней появился человекъ съ подносомъ, а вслѣдъ за нимъ и самъ хозяинъ въ своемъ утреннемъ нарядѣ.

— Чтожъ, горячіе охотники, видно вы только на словахъ! Поднимайтесь-ка...

Мы вскочили словно по командѣ, собрались живо и, въ свою очередь, начали торопить самого Стерлядкина къ отъѣзду.

Чуть брежжилось, когда мы сѣли въ коляску и поскакали по ровной проселочной дорогѣ; смѣнивши въ полупути подставныхъ лошадей, мы, ровно въ полдень, очутились на широкомъ выгонѣ, отдѣлявшемъ большое село Братовку и господское гумно отъ усадьбы.

Миновавши конный дворъ съ конюшнями и высокимъ манежемъ и множество хозяйственныхъ новыхъ и прочно поставленныхъ строеній, мы подъѣхали дворомъ къ одному изъ флигелей, съ мезониномъ и балконами по обѣимъ сторонамъ, въ родѣ продолговатыхъ крытыхъ террасъ. Прямо противъ насъ стоялъ небольшой, довольно уже ветхій домъ, за которымъ раскидывался во всю ширину двора густой садъ, а надъ нимъ высился тонкій шпиль красивой колокольни и куполъ домової церкви.

Поднявшись изъ маленькой передней по лѣстницѣ вверхъ, мы прошли двѣ небольшія комнаты и очутились въ рабочемъ кабинетѣ Алексѣя Николаевича Алѣева: письменный столъ, съ часами и бумагами, стоялъ по срединѣ, сафьянный диванъ, кушетка, нѣсколько креселъ, да коверъ во всю стѣну, густо увѣшанный ружьями, рогами, ошейниками, сворами, охотничьими ножами, книжками и проч., вотъ и вся немудрая обстановка этого обиталища.

— А вотъ и они! произнесъ Алексѣй Николаевичъ двумъ своимъ собесѣдникамъ, завидя насъ изъ другой комнаты и проворно поднимаясь къ намъ на встрѣчу.

— Здравствуй, кумъ ты мой любезный! заплѣлъ графъ, переступая порогъ.

— Ну, заждались... только что объ васъ шла рѣчь... приговариваятъ хозяинъ, цѣлуя графа и Бацова. — Здравствуйте, Степанъ Петровичъ; очень радъ... и вы съ нами?

— А вотъ, братъ, рекомендую... перебилъ графъ, показы-

вая на меня. Это еще ружейникъ... отщепенецъ... да мы его втравимъ въ дѣлю!

Мы пожали другъ-другу руки и разгѣлялись обычными привѣтствіями.

Алѣевъ былъ мужчиною лѣтъ пятидесяти, довольно высокаго роста, худощавый, мускулистый, бодрый, съ открытою рѣзкою фizioноміей, чистый типъ, такъ сказать, отшлифованнаго, внешненнаго служаки кавалериста: голубые глаза его смотрѣли смѣло, открыто впередъ, а по очертаніи рта и подвижности лица при разговорѣ, въ немъ былъ замѣтенъ человѣкъ съ энергіей и рѣшительнымъ характеромъ. Есть люди такого склада, съ которыми встрѣтятся первый разъ въ жизни, послѣ двухъ, трехъ обыденныхъ фразъ, вы подчиняетесь невольному влеченію относиться къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, открыто, прямо, безъ задней мысли — на распахну... къ этому водвигнуть всякаго могъ легко, съ разу Алексѣй Николаевичъ.

Кромѣ Алѣева, былъ тутъ еще два его собесѣдника: одинъ изъ нихъ, недалеій сосѣдъ—охотникъ, мужчиною еще маложивый съ лица, но съ совершенно бѣлой головой, другой, владимірецъ-охотникъ, прискакавшій сюда за восемь сотъ верстъ потѣннаться; онъ былъ постарѣе годами перваго, но коренастѣе, здоровѣе его, съ быстрыми пріемами и веселымъ характеромъ.

Трудно было слѣдить весь ходъ разговора, который возникъ съ разу между охотниками, по случаю подвига Чауса; графъ описывалъ его безъ всякихъ прибавленій и охотничьихъ прикрасъ, но по увлеченію, съ какимъ онъ говорилъ о травлѣ *матерою*, можно было угадать въ немъ страстнаго охотника.

— Ну, очень радъ, что Чаусъ тебѣ служитъ, заключилъ Алѣевъ, да иначе и быть не могло: онъ отъ хорошаго гнѣзда; его однокорытники у меня работаютъ на славу.

— Да, спасибо, я доволенъ. А признайся, однакожь, прибавилъ графъ, съ лукавой усмѣшкой, что порода въ немъ все-таки не прямая.... Я, братъ, самъ охотникъ и знаю, чего стоитъ выпустить кровную собаку изъ рукъ!

— Чегожь тебѣ еще надо? Вѣдь я не продалъ же его, а подарилъ.... ты вѣдь знаешь моихъ собакъ и порода твоего Чауса тебѣ извѣстна.

— Да, оно такъ, а знаешь-ли, все какъ-то думается, нѣтъ-ли тутъ подмѣсы?..

— Говорю-же тебѣ серьезно, что онъ Шылаевой крови; да вотъ, справься, посмотри самъ: мать его убила въ прошломъ годѣ

во зайцу, въ Астабескинкѣ, она дочь Пылая, а отецъ, Ахидь, вотъ что за Васильемъ рыщетъ; собака тоже кровная... Ну а твой Бѣлогрудый что подѣлываетъ? Теперь онъ негодовалъ. Какъ ему клочка? Карай что-ли? Я думаю, ужъ скачка видна? спросилъ Алѣевъ у Бацова.

— А вотъ-съ, неугодно-ли вамъ будетъ отнестись по принадлежности, къ почтеннѣйшему Степану Петровичу, они вамъ будутъ имѣть честь доложить, какъ ихъ дворянская совѣсть узнауетъ, отвѣчалъ Бацовъ весело и самонадѣянно.

Тутъ снова завязался у насъ общій и самый оживленный разговоръ о скачкѣ Карая.

Ознакомившись и поговорившись вдоволь, мы въ два часа отправились всѣмъ обществомъ въ домъ къ обѣду. Боже мой, какой столпик протаскивался вдоль зала! Вокругъ него стояли и стулья обыкновенные, и креслы, и дѣтскіе стульчики на высокихъ ножкахъ. Раскланявшись въ гостинной съ хозяйкой дома, молодой, довольно полной блондинкой, съ живыми голубыми глазами, мы, черезъ пять минутъ общаго разговора, оживленнаго присутствіемъ и находчивостью нашей веселой собесѣдницы, сдѣлались какъ-бы давно обитающими здѣсь членами одного семейства. Тѣмъ временемъ въ залъ и въ гостинную набралось такое множество разнохарактерныхъ лицъ, что у меня съ непривычки начало неструтъ въ глазахъ: тутъ были и дядька, молчаливый, сверцательный, но довольно впрочемъ сытый нѣмецъ, и восклиценная своей таліей и прической гувернантка, и, грѣшнымъ дѣломъ, русскій учитель, и учитель музыки, крохотный полячокъ съ носомъ, взятымъ на прокатъ у великана, и нѣсколько дамъ родственныхъ и неродственныхъ, живущихъ въ домѣ, такъ, «чтобъ жить»; а дѣтей набѣжало столько, что и не перечесть: два сына и маленькая дочь, были дѣти собственно Алѣева, остальное все было—племянники, племянницы, воспитанники, воспитанницы, бѣдныя сироты и проч. Все это населеніе быстро разиѣстилось вокругъ стола, а лакеи принялись повязывать имъ салфетки подъ бороды. Интересно было наблюдать, какъ всѣ члены этого шаловливаго общества старались вести себя за столомъ, какъ можно благочиннѣе, а между тѣмъ, пользуясь зѣвкомъ гувернантки и прочаго начальства, выдѣлывали разныя штучки.

Послѣ обѣда дѣти убѣжали въ садъ, а мы, съ сигарами и съ чапками кофе въ рукахъ, вышли и разиѣстились на балконѣ.

— Не хотите-ли, я вамъ покажу своихъ молодыхъ? сказалъ Алѣевъ.

— Сдѣлай милость: я давно хотѣлъ предложить тебѣ... да, ты, ужъ, пожалуйста, кажи намъ всѣ своры. Вотъ онъ посмотритъ, прибавилъ графъ, указывая на меня.

— Васька! обратился Алѣевъ къ коренастому молодому малому, съ красными одутлыми щеками и сонной рожей. — Вели охотникамъ вести сюда по сворно псарскихъ, а самъ съ Мишкой приведи впередъ молодыхъ. Я теперь пустилъ немного, всего-то одиннадцать, за то всѣ племенные, продолжалъ Алѣевъ.

Вскорѣ Васька и слѣдомъ за нимъ мальчикъ въ нанковомъ сюртукѣ привели на сворахъ одиннадцать молодыхъ собакъ; глядя на нихъ, трудно было вѣрить, что это щенки. Не знаю, что думали мои охотники, но я сознавалъ, что такой красоты, статей и роста собакъ вижу первый разъ въ жизни.

— Вотъ, звѣрни! проговорилъ графъ, сходя съ балкона къ собакамъ.

— Сколько имъ? спросилъ Бацовъ, отправляясь вслѣдъ за Атукаевымъ.

— Восьмой мѣсяцъ.

— Заиркинымъ не будетъ; она выметала позднѣе, прибавилъ Васька, указывая на четырехъ половопѣгихъ.

— Ну, что тамъ, разница въ двухъ недѣляхъ, возразилъ Алѣевъ.—Вотъ, посмотри, Лука Лукичъ, пара, у Мишки на право, одинакіе съ загривинами; только и наслѣдства мнѣ отъ моего Дорогаго! Они отъ Лейды. Эти, вотъ, Заиркины; а тѣ, пятеро, отъ Вьюги и Поражая.

Графъ и Бацовъ обходили кругомъ и разсматривали собакъ съ такимъ вниманіемъ и увлеченіемъ, что я больше смотрѣлъ на нихъ, нежели на собакъ, отъ которыхъ дѣйствительно трудно было оторвать глазъ.

— Лучше ты мнѣ и не кажи этихъ цунекъ (повѣсь, негодныхъ), сердце не будетъ болѣть.... проговорилъ графъ, отчаянно махнувъ рукой и пошелъ обратно на балконъ.

— А что? А кобели-то теперь будутъ безъ малаго аршинъ въ наклонѣ! прибавилъ Алѣевъ.

— Мы мѣряли съ Никитой: эти всѣ по тринадцати вершковъ, а этому вотъ, больше....

— Ну, ужъ ты все вымѣрялъ тамъ.... пошелъ прочь отсюда, проговорилъ Атукаевъ.

Васька самодовольно улыбнулся, подвиснулъ и увелъ собакъ.

— А знаешь-ли, прибавилъ графъ, я скоро, кажется, перестану ѣздить къ тебѣ.

— Отчего?

— Да какъ сказать? не думаю, чтобъ зависть, что ли... а такъ, какъ нагяжусь на твоихъ собакъ, на своихъ и глазу-бы не накидываю; такъ и подмываетъ перевѣшать всѣхъ до тла, да и забастовать....

— Помилуй, чегожъ ты хочешь еще? Давно-ли ты сталъ охотникомъ? Все бы разомъ! Нѣтъ, этого скоро не достигнешь.... Надо выждать. Вотъ, вѣдь, добился же наконецъ: стая у тебя, хоть куда! Чегожъ еще желать! Ну, что, Соловей работаетъ?

— Да только, кажется, и собакъ, что Соловей да Кукла. Все же отъ твоихъ....

— Ну, вотъ и веди породу.

Тутъ человекъ десять охотниковъ, одѣтыхъ на манеръ Аванасья, въ синія черкески съ позументомъ и патронами на груди, привели по сворно своихъ собакъ. Всѣ мы сошли съ балкона и принялись разсматривать этихъ волкодавовъ, о которыхъ слава гремѣла во всѣ концы охотничьяго мірка, такъ-что коренной охотникъ владимірецъ или костромичъ, при встрѣчѣ съ своимъ братомъ воронежцемъ или тамбовцемъ, перечисляли помянно охотниковъ и по сворно собакъ «братовской породы», и каждый желая возвысить достоинство собственной охоты, говорилъ: «вотъ мать моихъ собакъ, внучка Наяну», или «отецъ этихъ собакъ, сынъ Пылая и Юрги», прямо изъ Братовки!» Эту геральдику собачьей породы твердятъ охотники издавна, еще со временъ существованія дѣда и прадѣда Алѣева. Я засматривался больше на тѣхъ собакъ, у которыхъ были *цапины* и *хватки*, и обращался объ этомъ съ вопросомъ къ охотникамъ... «Волкъ попятналъ», было общимъ отвѣтомъ.

— А вотъ, отецъ твоего Чауса, говорилъ между тѣмъ Алѣевъ, показывая на сѣропѣгаго кобеля въ сворѣ у охотника Василья. Вотъ мать твоего Карая, Лука Лукичъ, продолжалъ онъ къ Бацову; а отецъ его, «Крылатъ», рыщетъ за Аванасьемъ, его тутъ нѣтъ. Собака злобная; я надѣюсь, что Карай будетъ брать волка въ одиночку, и проч.

За псарскими, Васька, какъ стремянный, привелъ барскую свору: всѣ почти собаки были половопѣгіе, но какими глазами долженъ былъ смотрѣть на нихъ опытный и горячій охотникъ, я желалъ бы лучше спросить у него самаго, а не рисоваться на чужой счетъ въ выраженіи чуждыхъ мнѣ впечатлѣній. Между тѣмъ, пока мы обходили и разсматривали этихъ необыкновенныхъ собакъ, Алексѣй Николаевичъ разъяснялъ намъ ихъ по-

роду: — вотъ, это — Наградка, мать этой Запрки; а это — Награждай и Поражай, ея сыновья. Эти собаки чиста Няяновой крови. А эти, вотъ: Побѣдимъ, Лихачъ и вотъ эта, отъ Пылая.

— А эта? спросилъ я нетерпѣливо, глядя бѣлую какъ кипень, съ шелковистыми завитками и черными на выкатѣ, блестящими глазами собаку поразительной красоты.

— А, это — Аптекарьша! отвѣчалъ Алѣевъ, смѣясь. Она будетъ двоюродная Наградкинымъ дѣтямъ; отецъ ее Масювской породы. Она скачетъ первую осень.... Вообразите, какую штуку она выкинула дней шесть тому назадъ. Въ Астабеньскихъ вывели на меня гончія молодого волчка; она вынеслась первая къ нему, на всѣхъ духахъ, да какъ понюхала—не тѣмъ пахнетъ! вертъ, да поджавши хвостъ ко мнѣ подъ лошади!... Ну, теперь, господа, я вамъ покажу собаку, которая по истинѣ дивитъ меня самого. Васька! приведи своего чернопѣгаго.

Ко всѣмъ впечатлѣніямъ, испытаннымъ нами при осмотрѣ прежнихъ собакъ, намъ оставалось бы прибавить не многое къ достоинствамъ чернопѣгаго, еслибъ Алексѣй Николаевичъ не объяснилъ нѣкоторыхъ подвиговъ этой удакой собаки. Васька одинъ, кажется, былъ недоволенъ холоднымъ рассказомъ своего барина о его любимцѣ, посредствомъ котораго онъ самъ началъ «выходить въ люди» въ кругу заслуженныхъ уже охотниковъ.

— А онъ долженъ быть золъ, сказалъ я, глядя на глаза чернопѣгаго, которыми онъ смотрѣлъ какъ-то непривѣтливо.

— Напротивъ, завершилъ Алѣевъ, смиреннѣе его едва ли найдется теперь собака въ охотѣ и присворенъ удивительно; отъ стремени ни на шагъ.

Вечеромъ, во время чая, когда мы, простившись съ семействомъ Алѣева, ушли къ нему на верхъ и облеклись въ халаты, главные охотники принялись разсуждать о подробностяхъ вчерашняго заранѣе маршрута. Это для меня было въ высшей степени занимательный разговоръ, потому что мнѣніе Атукаева рѣзко расходилось съ мнѣніемъ большинства, на сторонѣ котораго былъ и Алѣевъ. Возникъ вопросъ: прямо ли идти намъ *въ степь* «на лисьи мѣста», или взять по пути мѣста трудныя но вѣрныя, гдѣ было отозвано нѣсколько выводковъ волковъ ловчимъ Оеопеномъ, за которые онъ ручался. Алексѣй Николаевичъ крѣпко стоялъ на томъ, чтобъ брать поле въ Чурюковѣ, гдѣ были подвыты и сосчитаны волки; графъ зналъ это мѣсто, но трусилъ его: онъ уже не разъ уходилъ оттуда *не видя шерстника*, съ измученной стаей.

— Правду тебѣ скажу, по совѣсти, повторять онъ разъ до двухъ, я боюсь Чурюкова, какъ огня! Тутъ, мнѣ кажется, не справишься ни какими силами: мѣсто крѣпкое, уйма, разлетистое; тутъ мы ничего не сдѣлаемъ, избежемъ собакъ, а время уйдетъ!

— Помилуйте, графъ, возражать тотъ:— Чурюкова бояться, лучше и охотникомъ не слыть. Я, третьяго года, въ одно поле взялъ оттуда девятнадцать, и въ томъ числѣ двухъ матерыхъ и шесть перееяровъ, да прошлый годъ, прохожешь изъ Бокина, съ измученной стаей и подбитыми сворами, кинулъ по пути, и то добылъ шестерыхъ.... Скорѣе-же въ Бокинѣ не справишься безъ тенѣтъ, а тутъ, что...

Надо сказать, что подобная фраза въ устахъ другаго охотника была-бы чистое самохвальство, но въ устахъ Алѣева, это было больше ничто, какъ сама истина; о предметѣ этомъ онъ и говорилъ какъ бы мимоходомъ, по необходимости.

Батовъ, Стерлядкинъ и Владимірецъ возстали общимъ бунтомъ противъ Атакуева и твердо держались мнѣнія Алексѣя Николаевича; всѣ они, какъ я замѣтилъ, жаждали скорѣе увидѣть въ дѣлѣ его стаю и ловчаго Феопена, котораго слава была утверждена давно и окончательно. При томъ-же, травить матерыхъ волковъ одной царской сварой, а при нуждѣ принимать изъ-подъ одной собаки, для многихъ казалось чѣмъ-то невѣроятнымъ.

— Ну, какъ знаешь такъ... повершилъ графъ. Ты, вѣдь, всему голова, и пословица говорить—куда голова, туда и ноги.... Я только, вотъ, на счетъ лисьихъ мѣстъ.... все боюсь, какъ-бы намъ не опоздать.

— Какъ ты это судишь, графъ? Да знаешь-ли, что намъ раньше октября въ тѣ мѣста носа совать не слѣдуетъ!... Вѣдь тамъ степь не нашей чета! Разлетъ, соры, уборка поздняя (хлѣбовъ), время теплое, звѣрь не въ рыску. Пусть-ка эти господа, горяченькіе (говорять, уже полетѣли туда), попробуютъ.... увѣрю тебя, что они останутся безъ собакъ и вернутся ни съ чѣмъ; а мы возьмемъ обоюгъ полей шесть славныхъ, выступимся во время и, съ свѣжими собаками, явимся къ мѣсту.... И такъ рѣшено? Въ Чурюково?

— Въ Чурюково, крикнулъ Атакуевъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Ура! У-ра-а-а! Закричали мы разомъ такъ, что, кажется, стѣны дрогнули.

— А я-то, я-то? отецъ семерыхъ дѣтей! Изъ Владиміра вѣ Чурюково! прибавилъ Владимірецъ пискливымъ голосомъ, складывая крестообразно руки, и разсмѣшилъ всѣхъ.

— Вопли Аванасій и камердинеръ Атукаева.

— А вотъ и твои прибьли, сказали Алѣевъ. Аванасій вели же размѣстить охоту и накормить людей.

— Да вѣдь охоты моей тутъ нѣтъ; она въ Лозовкѣ...

— Какъ-же это? Отчето-же не сюда?

— Ну, нѣтъ, я себѣ не позволю этого, возразилъ Атукаевъ. Пусть ловчій посмотреть, тогда и соединимся... а то, въ случаѣ какого нибудь несчастья, да и лучше всѣхъ собакъ лишусь, чѣмъ сдѣлать неприятность; особенно тебѣ!

— Вотъ еще нѣжности! Вѣдь у тебя собаки здоровы?

Да, это такъ; только не наше дѣло! Пусть ловчіе тамъ какъ знаютъ 1).

На другой день утро мы провели въ манежѣ, гдѣ часа три продолжалась выводка лошадей, потомъ, по прежнему, отправились въ домъ къ обѣду, а часу въ четвертомъ послѣ обѣда уѣхали на псарный дворъ, смотрѣть гончихъ; для меня собственно интереснѣе было взглянуть на личность Алѣевского ловчаго Теопена.

Околесивъ страшнаго размѣра господское гумно, мы спустились къ мостику, гдѣ, на омытомъ рѣчкой съ трехъ сторонъ бугрѣ, былъ устроенъ псарный дворъ.

— Гдѣ Теопенъ? спросилъ Алѣевъ у выжлятника Пашки, понавѣшавшаго къ намъ навстрѣчу.

— Ушелъ въ проводку.

— Вотъ-те разъ! пріѣхали, а смотрѣть не на что. Теопенъ-то стаю увелъ. Да скоро-ли онъ вернется?

— Запарка готова, отвѣчалъ Пашка. Сейчасъ станемъ кормить.

Отъ бездѣлья, я занялся разсматриваніемъ мѣстности; на право поле высокимъ гребнемъ тянулось надъ рѣкой въ даль и заканчивалось у села Никольскаго; на лѣво, въ верстѣ отъ насъ, у сельца Воскресенскаго, надъ берегомъ той-же рѣки, шумѣла красивая ольховая роща; кругомъ были луга, а сзади— Братовка.

1) Между охотниками настоящими, это правило должно быть соблюдаемо въ точности и лежать на отвѣтственности ловчихъ, потому что нѣтъ ничего легче привить чуму, какъ неосмотрительнымъ сообщеніемъ съ чужой неизвѣстной охотой.

— А вотъ и онъ, сказалъ Атукуевъ, указывая по направленію къ рождѣ.

И точно, Теопенъ, незамѣтно для насъ, подошелъ берегомъ рѣки къ мостику: на немъ былъ помятый картузь, синяя поддѣвка и длинныя, выше колѣнъ, сапоги. Подъ мышкой онъ держалъ араникъ, а за спиной у него висѣлъ большой длинный рогъ.

— Это онъ. Да гдѣ-же стая? спросили разомъ Стерлядкинъ и Бацовъ.

— Вѣрно бросилъ гдѣ-нибудь въ полѣ, отвѣчалъ Агѣевъ.

Между тѣмъ, Теопенъ, увидя нашъ экипажъ, подошелъ къ кучеру; понюхалъ табаку, спросилъ что-то и той-же медленной стопой пошелъ къ намъ и снялъ шапку.

Здравствуй, Теопенъ! крикнули графъ и Бацовъ.

— Здравія желаю... извольни прибыть... вотъ и хорошо... Теопенъ наклонился къ корыту и опробовалъ рукой налитую въ немъ запарку.

— Гдѣжъ твоя стая? спросилъ графъ.

— Да вонъ... шишкинскихъ гусей стерегутъ. Давай сухари, прибавилъ онъ, обратясь къ Пашкѣ.

Графъ, Бацовъ и прочіе охотники въ недоумѣніи глядѣли другъ на друга. Гораздо послѣ я уразумѣлъ значеніе этой переглядки. Было отъ чего разинуть ротъ любому охотнику: ловчій уводитъ не сомкнутую стаю, за версту, за двѣ т. е. туда откуда слышенъ рогъ въ лѣсъ, въ поле, въ дуга, гдѣ ходятъ гуси, пасутся овцы, мычатъ телята; крикнетъ онъ собакамъ: — стай-сь! и стая скучилась, сжалась, усѣлась и глядитъ поднявши гозовы какъ, понюхивая табачокъ, ея пестунъ бредетъ одинъ до дому, и когда-то ему вздумается позвать въ рогъ своихъ послушныхъ дѣтокъ?... Сидятъ собаки, не шевелятся, ждуть, а вокругъ нихъ столько жирныхъ, лакомыхъ блюдъ... тамъ гусыня гогочетъ къ стаду, тутъ мычить телокъ.... Да! спросите у любого ловчаго о подобной продѣлкѣ и онъ станетъ клясться, божиться, что тутъ дѣйствуетъ не человѣчья, а нечистая сила, а между-тѣмъ, у ловчаго Теопена это дѣло будничное, урядовое; это его азбука — склады увидимъ послѣ,...

Пашка принесъ полумѣрокъ сухарей; Теопенъ разсыпалъ ихъ по корыту и резмѣшалъ лопаткой, потомъ вскикнулъ рогъ черезъ плечо и далъ позовъ. Съ этимъ звукомъ, роща огласилась визгомъ и стая безъ смычковъ помчалась къ мосту: охотники

наши пристально глядѣли на собакъ, я, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на ловчаго.

Дѣтина этотъ былъ лѣтъ сорока, роста средняго, влечистъ и крѣпокъ. Черными полуоткрытыми глазами своими глядѣлъ онъ ровно, устойчиво; глаза эти какъ-то жививо переходили съ предмета на предметъ. Говорилъ онъ плавно, съ отрывомъ, недумавши, какъ будто не-хотя. Длинный носина его былъ наглухо заколоченъ частыми понюшками кабаку, отчего Θεопень гнусилъ, произнося слова. Но какъ рѣзко, при всей этой неразвязности манеръ, неклеякости протяжной рѣчи, обозначался въ немъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ мудреныхъ людей, которые «себѣ-на умѣ», которые «не даютъ маха»!

Собаки скоро очутились на бугрѣ и усѣлись въ два ряда во кругъ корыта, въ такомъ отъ него разстояннн, что можно было между ними и корытомъ проѣхать на телегѣ. Θεопень снова взбуровилъ овсянку лопаткой, стукнулъ о край и крикнулъ: дбруцъ! собаки живо кинулись къ корыту и принялись лакать.

— Ну, Θεопень, ты колдунъ! сказалъ Атакуевъ.

— Чѣмъ это... ваше сѣгельство?

— Да какъ-же? Кому-жъ придется въ голову кинуть въ чужомъ поселкѣ, заглазно, разомкнутую стаю! Долго-ли до грѣха?

— М-м... ничево-сь... они привычны... Стой! крикнулъ Θεопень собакамъ.

Собаки тѣмъ-же порядкомъ отскочили отъ корыта и выпрѣвнялись; Θεопень снова размѣшалъ овсянку.

— Дбруцъ!

Пиръ начался снова.

— Что, ваше сѣгельство, собачки наши служатъ вамъ?

— Какъ-же. Соловей началъ стаю править.

— А голосаи какъ?

— Тонкоголосы оба, онъ и Кукла.

— Гл... этакой дряни и у насъ много...

— Ну, давай мѣника, я двухъ толстоголосыхъ отдамъ за одного пскуна.

— На что-жъ... не замай пицать...

— То-то; ты себѣ на умѣ... Вотъ я-бы этихъ арлекинновъ пару взялъ.

— На что-жъ... они и намъ годятся...

Въ такомъ родѣ длился у нихъ разговоръ, пока не вернулся

Алѣксъ съ пещернаго двора, куда онъ уходилъ съ Владимірецемъ осматривать молодыхъ гонимыхъ; онъ объявилъ Θεопену, на утро, въ десять часовъ, выступленіе.

— Слушаю. А куда идти думаете?

— Идемъ въ Чурюково.

— Слушаю.

Мы уѣхали.

На другой день, часу въ восьмомъ утра, охота наша въ полномъ составѣ пришла въ Братовку и въѣхала на дворъ довольно-парадно; Алѣвскіе охотники вышли на встрѣчу къ своимъ собратамъ, здоровались съ людьми и осматривали собакъ, послѣ чего обѣ партіи отправились въ одинъ изъ флигелей, гдѣ былъ приготовленъ для всѣхъ завтракъ. Начали выносить и укладывать наши пожитки; часа два времени прошли въ суетахъ и сборахъ; особенно на дворѣ было до крайности пестро и шумно. Я почти не отходилъ отъ окна и засматривался на эту разительную картину: тамъ, борзятникъ одѣлялъ недоѣденнымъ пирогомъ свою свору; тутъ, конюхъ отъѣзжающій перебранивался съ конюхами-домосѣдами за подиѣнный недоуздокъ; два обозничихъ разбивали на зѣбня огромный ворохъ тенеть и укладывали стетомъ въ тенетную фуру; подгѣ нихъ, дворовая женщина, въ синемъ холстинковомъ платьѣ, въ бѣлой косынкѣ на плечахъ, совала сыну борзятнику двѣ чистыя сорочки и что-то съѣдобное, въ узелкѣ; тутъ, вострая борзая сученка вертѣлась кольцомъ передъ двумя волкодавами, а тѣ шутили уши и топали какъ индѣйскіе пѣтухи, съ поднятыми къверху хвостами.... Наконецъ явился Алексѣй Николаевичъ въ полномъ нарядѣ и возвѣстилъ намъ минуту общаго подъема. Подпоясавшись чермесскими ремнями, съ сворами черезъ плечо и кинжалами у бока, мы всей компаніей вышли на крыльцо. Обѣ охоты были въ полной готовности къ выступленію. Охотники были одѣты легко и щеголевато, не смотря на походное свое положеніе; одишь только Θεопень нарядился въ какой-то длинный балахонъ, въ которомъ онъ, съ своимъ носомъ и помятымъ козырькомъ, былъ похожъ на нѣбнаго Турка.

Алѣвъ подалъ знакъ; двѣнадцать борзятниковъ сошлись въ кучу и съиграли свой позовъ: звуки были какъ-то торжественны, и грустны, и пронцающи глубоко.... собаки взвыли и запрыгали; изъ дому высыпалъ народъ, и дѣти, и няньки, и дядьки, и куча зѣвакъ; все это глазѣло, слушало.... и вотъ, Θεопень взмогился на своего соловаго киргиза, снявъ шапку, перекрестился, под-

свиснулъ стаю и тронулся со двора; за стаей тронулась другая, потомъ пошла своры, за ними двинулся обозъ.... Мы ушли въ домъ: тамъ, на кругломъ столѣ, былъ уже готовъ для насъ сытный завтракъ; ѣсть не хотѣлось никому; всѣ мы были какъ-то странно настроены: воображеніе рисовало въ безсвязныхъ картинахъ эту степь и даль, и чудилась заранѣе тревога нашей кипучей, кочевой жизни.... но вотъ, загремѣли колеса и бубенчики подъ крыльцомъ; всѣ мы, по обычаю, усѣлись по мѣстамъ, поднялись въ разъ, помолились; Алѣевъ простился на-долго съ семьей и мы въ четырехъ экипажахъ стѣхали со двора....

Теперь, господа, до свиданія въ Чурюковѣ.

IV.

Статья *intermedio*, о томъ — что такое ловчій? Каковъ онъ есть и какимъ ему быть подобаетъ.

Въ мірѣ, насъ окружающемъ, есть много такихъ лицъ и предметовъ, съ ихъ относительнымъ значеніемъ, о которыхъ, говоря мимоходомъ, вскользь, мы выражаемся съ увѣренностью въ полнотѣ и непогрѣшительности ихъ пониманія; а между-тѣмъ, въ иную пору, спрашивая себя добросовѣстно о томъ или другомъ предметѣ, кажемся намъ какъ-нельзя-лучше яснымъ и понятнымъ, мы станемъ въ тупикъ и не придумаемъ, что отвѣчать на свой навязчивый вопросъ. Кажется, понятно различіе между санникомъ и колесникомъ: такъ, вотъ, и думается, что санникъ ни за что не натянетъ обода на спицы, а колеснику и во вѣкъ не умудрится — накрутить вязокъ, уравнять полозъ и т. под. а спросите-ка инаго краснбая, что такое санникъ и что колесникъ? вотъ тутъ и выдетъ запятая.... А что такое ловчій? слышится мнѣ прежній вопросъ, не смотря на то, что я уже имѣлъ честь докладывать однажды, что ловчій есть, во-первыхъ — человѣкъ, какъ и всѣ мы люди, а во-вторыхъ, охотникъ — правящій стаей гончихъ собакъ; но, чудится мнѣ снова, что этотъ вопросъ, словно нить Ариадны, потянется за мной далеко, если я не скажу теперь-же нѣсколько вразумительныхъ словъ о томъ, что такое ловчій.

И такъ, вмѣсто описанія грустной картины нашего ночлега въ «степныхъ дворникахъ» (лежащихъ, не знаю, подъ какимъ градусомъ широты и долготы, верстахъ въ двадцати отъ села

Чурюкова, куда мы держимъ путь), я счелъ за лучшее позмаковать васъ короче съ этой, стоящей вниманія, личностью.

Ловчихъ есть два, пожалуй, даже три рода: можетъ-быть, кто-нибудь отыщетъ ихъ и больше, да о тѣхъ говорить не стоитъ, потому-что они люди такого сорта, для которыхъ все-равно, быть-ли ловчимъ или каменщикомъ, плотникомъ, сапожникомъ, однимъ-словомъ, быть тѣмъ, чѣмъ имъ быть *приказано*, слѣдовательно, каждый изъ нихъ попалъ въ ловчіе только потому, что ему не пришлось быть ни пастухомъ, ни дворникомъ. Но ловчій по природѣ, по призванію, по *охотѣ*, это другое дѣло, и дѣло новое, невообразимое для тѣхъ, кто не испытывалъ на себѣ и не видывалъ изъ примѣра, на что бываетъ способенъ человѣкъ и что можетъ сдѣлать онъ по увлеченію, по страсти, по *охотѣ*. Ловчій по призванію, это абрекъ, сорви-голова, жизнь-копейка! человѣкъ на диво другимъ, человѣкъ по волѣ, по охотѣ обрекшій себя на трудъ, на рискъ, на испытаніе, на истязаніе.... По натурѣ своей онъ долженъ быть не ровня другимъ людямъ: это натура-особнякъ, это двужилый, желѣзный человѣкъ!

Говоря объ артистѣ, не худо имѣть нѣкоторое понятіе и объ инструментѣ, на которомъ онъ играетъ, и потому скажемъ въ началѣ кое-что и о томъ орудіи или инструментѣ, посредствомъ котораго ловчій пріобрѣтаетъ себѣ или громкую извѣстность и славу (конечно, между охотниками), или совершенное безславіе.

Изъ всѣхъ собакъ, которые, по своей породѣ и свойствамъ, принадлежатъ къ различнымъ родамъ охоты, едва-ли отыщется хоть одна, которой-бы суждено было терпѣть такую скорбную участь, какой обречена наша русская, такъ-называемая стайная — паратая гончая собака 1). По самой уже природѣ она предназначена къ постоянно-тщетному доискиванію чего-то, вѣчно-убѣгающаго отъ нея, о близости котораго доноситъ ей тонкое чутье; она тянется изъ всѣхъ жилъ, работаетъ до истощенія послѣднихъ силъ, носится, ищетъ, гонитъ, хлопочетъ и все это

1) Чистыхъ туземныхъ породъ гончихъ собакъ, между охотниками, въ Россіи признается двѣ: первая польская, тяжелая — ружейная, и порода *паратая*, т. е. быстро, «на всѣхъ духахъ», гонящая звѣря. Наилучшею признается порода такъ-называемыхъ костромскихъ звѣрогоповъ, употребляемыхъ исключительно подъ борзыми; но между этими двумя породами есть пропасть варіацій въ слѣдствіе умничанья самихъ охотниковъ, посредствомъ подмѣшиванія англійской, тумана, арлекина и проч., такъ точно, какъ непонимающіе дѣла нѣкоторые борзятники мѣшаютъ кривку и горскую со левовой породой борзыхъ и тѣмъ уничтожаютъ кровныхъ собакъ.

для доставленія потѣхи другимъ, сама-же не можетъ и не смѣетъ дотронуться до предмета своихъ вѣчныхъ поисковъ и чуть она отрыскала, увлеклась дальше своего предѣла, какъ уже крикъ выжлятника и грозная рука съ арапинкомъ встрѣчаютъ и провозжаютъ ее къ новымъ поискамъ, гоньбѣ и тревогѣ. И за всю эту усердную службу въ награду — скудная запарка, всегданный кнутъ и вѣчное заключеніе въ тѣсную закуту въ обществѣ неживчивыхъ и задорныхъ товарищей, среди удрушающихъ мязмовъ, грызни, блохъ, богѣзней, подъ тяжкимъ гнетомъ неволи, укорачивающей и безъ того ея недолгій вѣкъ.

За что-же эта необходимѣйшая и самая дорогая собака въ охотѣ, эта рьяная, самоотверженная, добыточная труженица и вѣрнѣйшая помощница охотнику, доставляющая ему одно изъ наилучшихъ для него удовольствій, оставлена имъ въ такомъ черномъ тѣлѣ и не выходитъ ни на мигъ изъ-подъ тиранин своихъ грозныхъ надсмотрщиковъ и стражей, въ то время, какъ сухопарая борзая и вислухая лягавая пользуются такимъ почетомъ и ласкою своего господина, ѣдятъ съ одной съ нимъ тарелки, спятъ на мягкихъ диванахъ и пользуются всѣми благами довольствъ и свободы? а за то, что ни одна изъ охотничьихъ собакъ не обладаетъ такимъ количествомъ звѣрскихъ инстинктовъ, сколькоими надѣлена гончая собака, преимущественно звѣрогонь; его жадность, заркость и злоба, безъ постоянного вниманія и строгаго за нимъ десмотра, ведутъ его прямо къ звѣрской одичалости, къ «лабаловкѣ», т. е. онъ изъ звѣрогона дѣлается «скотинникомъ» и можетъ разомъ испортить всю стаю, оттого-то выдержка стаи гончихъ такъ трудна и требуетъ большаго терпѣнья, уиѣнья и мастерства. Мы уже видѣли мимоходомъ примѣръ выдержки собакъ и то, что заставило охотниковъ опытныхъ и знающихъ, т. е. графа и Бацова ахнуть отъ удивленія, при взглядѣ на стаю, брошенную ловчимъ въ поле безъ призора и острастки; чтобъ знать причину этого удивленія, постараемся уяснить ее примѣромъ, болѣе общимъ и, къ сожалѣнію, не рѣдкимъ во многихъ охотахъ.

Положимъ, что общій нашъ знакомый, примѣрно г. Иксъ, вышелъ, какъ водится, поручикомъ въ отставку и, поселясь въ опустѣломъ отчемъ домѣ, въ началѣ принялся горячо за такъ называемую агрономію; провозившись года два съ этой *штукой*, которая прежде ему и во снѣ не грезилась, онъ сбиль съ толку старосту и уполовинилъ собственный доходъ, наконецъ разсердился захандрилъ и растянулся вдоль дивана съ трубкою въ

зубахъ и съ твердымъ намѣреніемъ лежать и скучать; но, лежать и скучать, подѣ-часъ бываетъ очень скучно.

Толпа приспѣшниковъ и прислужниковъ рабски поглядываетъ на Икса и подмигивая глазкомъ, извѣщаетъ другъ друга, что, дескать, баринъ нашъ «тово». Понявши широкій смыслъ этого «тово», ближайшій изъ прислужниковъ и довѣренное лицо, сирѣчь *камардинъ*, улучивъ минуту, закладываетъ за спину руки, припадаетъ къ притолкѣ, заводитъ длиную рѣчь о томъ, о семь, и заключаетъ ее тѣмъ, что ихъ милости за *мн ради скуки* слѣдуетъ завести свою охоту. На дѣльное возраженіе барина, что если онъ не нашелъ достойныхъ сподвижниковъ и исполнителей по части агрономіи, то откуда возьметъ онъ охотниковъ, потому что это дѣло требуетъ и охоты и знанія, и пр. и пр., камардинъ возражаетъ еще дѣльнѣе, что, дескать, помилуйте, сударь! да намъ-ли не управиться! плѣвое дѣло охота! и т. д. И это плѣвое дѣло сдѣлало то, что г. Иксъ всю ночь промечталъ о мѣдныхъ рогахъ и кафтанахъ съ позументомъ, и на утро составилось новое совѣщаніе, на которомъ положено, что виновникъ затѣи, т. е. камердинъ, исполнитъ роль стремяннаго, Васькѣ и Петрушкѣ быть борзятниками, а скотнику Ефиму, что еще при покойникѣ дѣдушкѣ ѣзжалъ *прм юмчихъ* и знаетъ дѣло, быть ловчимъ. Кончено, Васькѣ и Петрушкѣ объявлено, что они *борзѣски*, а скотника Ефима потребовали къ барину на лицо:

— Сдай свою должность Аеонасью; ты получишь надбавку мѣщны и будешь ловчимъ, говоритъ г. Иксъ тономъ диктатора и обладателя рода человѣческаго.

— Слушаю-сь.

— Ступай, пусть снимутъ съ тебя мѣрку на охотничій кафтанъ.

— Слушаю-сь.

— А послѣ поѣдешь, вотъ, съ нимъ, для покупки гончихъ у помѣщика Охабнева; только выбрать лучшихъ, первый сортъ...

— Слушаю-сь.

И такъ, дѣло устроено; семь смычковъ *первый сортъ* гончихъ и пять своръ удивительныхъ (по словамъ Охабнева) борзыхъ прыгаютъ у крыльца вокругъ разряженныхъ охотниковъ; подводятъ Иксу коня и онъ приказываетъ ловчему идти въ такое мѣсто, *идь больше звыря*:

— Слушаю-сь, отвѣчаетъ преображенный скотникъ, красуясь въ зеленомъ кафтанѣ на барской пристяжной, и топчетъ неистово свою стаю.

Чтобъ найти побольше звѣря и потѣшить барина, ловчій избралъ заранѣе мѣстомъ своего поприща самый большой и частый лѣсъ. Пришли. Баринъ и новые охотники стали по мѣстамъ, гдѣ кому пришло по праву; посвистывая, ловчій въѣхалъ въ опушку: ни съ того, ни съ сего, собаки рывкнули и понеслись; поскакали и ловчій, — куда, зачѣмъ, — никто не знаетъ... Стоять, ждутъ; вотъ, вотъ, побѣгутъ зайцы, лисицы, волки; пожалуй, не выскочитъ бы медвѣдь!.. У всѣхъ глаза и уши на сторожѣ; но, вотъ, прошелъ часъ, прождали другой, нѣтъ лѣсу ни слуха, ни послушанія... не выждатъ Иксъ: шлетъ онъ Петрушку искать ловчаго; пропалъ и Петрушка; шлютъ Ваську, привести Петрушку, и Васька, словно въ воду канулъ... Наконецъ, выпуча глаза, на взмыленной лошади, несется ловчій изъ лѣса и кричитъ стремянному, не встрѣчалъ-ли онъ собакъ?

— Какихъ собакъ?

— Да гончихъ... чтобъ ихъ розорвало..

— Послушай, скотина, кричитъ Иксъ: — если ты у меня потеряешь собакъ, я тебя тогда..

— Слушаю-съ... И ловчій скачетъ шибче прежняго и трубитъ неустово.

Стоять и ждутъ баринъ и стремянный и дождался вечера! А, вотъ, вышла наконецъ одна гончая изъ лѣса на опушку и облизывается; грудь и морда у нея въ крови; за нею приплелась другая, такая-же красенькая; сошлись и всѣ, а ловчаго нѣтъ, какъ нѣтъ... Явился наконецъ ловчій, Васьки нѣтъ; вернулся Васька, Петрушка пропалъ... Что за диво! Отродясь такихъ чудесъ никто надъ собой не видывалъ! А дива нѣтъ тутъ никакого: дѣло видимое, простое: лѣшій спутилъ, вотъ и весь сказъ! На томъ рѣшили и тронулись въ обратный путь. А отчего гончія въ крови? о томъ и слова никто не вымогивалъ: «должно быть такъ надо», думаетъ баринъ и молодые охотники; только Петрушка, вернувшись изъ лѣсу, пошепталъ что-то ловчему на ухо, а тотъ почесалъ затылокъ да махнулъ рукой.

Второе поле задумали взять тамъ, гдѣ-бы не было лѣшихъ; выбрали залежи: мѣсто все въ отѣмахъ, а зайцами — прудъ пруди! Вотъ, разравнялись полемъ и ѣдутъ къ мѣсту: борзятники хлопаютъ по межамъ, а ловчій ведетъ стаю и любитесь на выжища Громплу, какъ тотъ тянетъ передомъ и вскидываетъ носъ на вѣтеръ. «Должно быть верхочутъ», думаетъ ловчій, глядя ласково на выжища, вмѣсто того, чтобъ дать ему кнута и вернуть въ стаю; а Громпло поднялъ носъ еще выше, рывкнулъ

и пошелъ писать... Стой, стой! назадъ! Не тутъ-то было! Рванулась и вся стая, слѣдомъ за старымъ вожакомъ; поскакалъ и ловчій...

«А, вѣрно горячій слѣдъ», думаетъ Иксъ въ простотѣ сердечной и плетъ Ваську и Петрушку на помощь къ ловчему. «Вотъ теперь-то увижу настоящую травлю», думаетъ онъ снова и подается впередъ, глядя на шапку ловчаго, чуть видную пзъ-подъ бугра и... передъ баринномъ вскорѣ развернулась картина въ полномъ блескѣ! Десять овецъ лежатъ на лугу, уже бездыханныя, стая навинулась и теребитъ телька... борзья шныряютъ по стаду за поросятами... Кричатъ Иксъ, кричатъ охотники... Грозитъ Иксъ выпоротъ ловчаго; тотъ кричитъ «слушаю-съ», топчетъ овецъ лошадю и поретъ кнутомъ свою остервенѣлую стаю. А вотъ, на крикъ пастуховъ, является толпа бабъ мужиковъ съ цѣпами и дубинами... Иксъ заскрипѣлъ зубами, махнулъ рукой и почался къ дому, проклиная себя, и Охабнева, и собакъ, и охоту, и охотниковъ.

Пора однакоже намъ обернуть темную сторону медали.

Изъ этого примѣра, я думаю, достаточно понятно то, что можно и должно требовать отъ каждаго ловчаго и сколько требованій, по строгому уставу правильной псовой охоты, обязанъ онъ выполнять въ разъ, въ одно и тоже время, а сверхъ того, иногда удовлетворять и «затѣямъ барина», этой, большей частью, ни къ чему не ведущей помѣхѣ дѣлу.

Для отчетливаго выполненія своей обязанности, ловчему необходимо первѣйшее изъ условій: желѣзное здоровье и съ нимъ вмѣстѣ — страсть къ своему дѣлу. Съ ними не страшны для него ни бессонныя ночи, ни тѣ труды, о которыхъ говорить не станемъ, потому что увидимъ ихъ со временемъ на дѣлѣ. Съ этими двумя качествами, онъ долженъ совмѣщать въ себѣ слѣдующія необходимыя достоинства: искусство въ ѣздѣ, то-есть, смѣтливость, проворство, находчивость, умѣнье сберечь стаю, а главное, мастерская выдержка собакъ, неусынное наблюденіе за ними, заботливость объ отвращеніи заразы и чумы; порсканье, удайство и прочіе атрибуты, за которыми гоняются многіе бары-охотники, я признаю въ ловчемъ достоинствами второстепенными.

Говорить отдѣльно о каждомъ изъ этихъ качествъ, здѣсь не мѣсто: лучше мы дотронемся до орбиты годичной дѣятельности настоящаго ловчаго.

Зима на дворѣ, покончилось мелкія пороши, занастѣлъ снѣгъ,

заперъ ловчій стаю на лежку и самъ справляетъ камникулы, то-
естъ, протянулся вдоль лавки подъ окномъ и сосетъ свою носо-
грѣйку, да сходитъ вечеромъ въ застольную поточить ляды,
порядиться о святкахъ скоморохомъ и т. под. Впрочемъ и въ это
время есть у него забота, и важная — *блеститъ выжляекомъ*, но
этотъ предметъ мы пройдемъ молчаніемъ и оставимъ ловчаго
на боку до-тѣхъ-поръ, пока не сошла вешняя вода, не заиграетъ
въ полушку листъ на молодыхъ березкахъ; пришла, значитъ,
ловчему пора сѣдлатъ коня: за медвлю до выхода, подвинутъ
онъ погодковъ выжлять къ стаѣ, далъ имъ обнюхаться, обси-
дѣться и, прощай родная сторона! Версть за пятьдесятъ ве-
детъ онъ старую, умѣлую стаю, перемкнувши ее съ молодыми
и сталъ въ бору на мѣсяць срокомъ. Изъ-дня-въ-день, утрен-
нюю и вечернюю зори, гамить, трубить и скачетъ ловчій по
лѣсу... Вотъ, *молодые* узнали слѣдъ, идутъ *въ добора*, не гонять
по зрячему, стали *тверды тропя*, перестали *скальются*, узнали
позовъ, затвердили голосъ своего пестуна, привыкли къ *стоюкк*,
однимъ словомъ, ловчій подровнялъ стаю, а самъ узналъ голоса,
изучилъ помычку, изслѣдилъ характеръ гоньбы каждаго ново-
бранца и вотъ, къ Петровскимъ заговѣнямъ привелъ ихъ домой
на отдыхъ, на поправку. Взгляните теперь на ловчаго: глаза у
него гноятся и горять, какъ раскаленные угли, лицо раздулось
отъ комара, борода отросла на вершокъ, горло издастъ звукъ
на манеръ чугунаго котла, оснѣтъ нашъ ловчій, разломилъ его!
Ничего, вздохнетъ, оправится; а когда прикажете ему заняться
этою овракою? Петровка «на дворѣ», а у него не подыгте, не
сосчитано ни одного гнѣзда! Времени осталось «нисколько»; до
Успенья «рукой подать», а тамъ... На другой день, утромъ, на-
казавъ выжлятникамъ на-строга, что, дескать, безъ меня, пока
вернусь, «Сороку въ отсадку, Крутишку въ подмазку, Заливку
выпустить въ отгуль, Бушуя съ Бандоркою запереть въ случ-
ную, а у Веронины, какъ при мнѣ, восду засыпать». Ловчій
нашъ засѣдалъ свѣжаго коня и къ вечеру, за сорокъ верстъ
отъ дома, поджидая солнечнаго заката, сидитъ на завалинѣ у
Щениловской мельницы, а клинобородый хозяинъ баетъ съ нимъ
на такую статью, дескать, Азарьинскимъ приходить круте: голова
двадцать пощетила за весну; а Кунаевскіе, хоть со двора не
спускай: что ни день, те овцу или жеребенка стацать...

— А отголось ваши ребята слыхивали?

— Какъ не слыхатъ; почитай, что ни день, въ нашихъ вер-
ховьяхъ воютъ.

- Ну, ладно, дяди, пригляди за лошадыю; а мнѣ нора.
- Да ты бы щець хлебнулъ, родной; семь соберуть...
- Нѣтъ, спасибо, нора.

И вотъ, идучи глѣсомъ, съ аршинкомъ подъ мышкой и до-
скиваясь между махоркой въ кисетѣ кремня, ловчій нашъ ду-
шесть: «ну, коли въ Кунаевѣ, да въ Азарынѣ похватывають,
такъ гнѣздо на старомъ мѣстѣ.»

Пришелъ онъ къ «верховьямъ», прислушался, глядитъ... На
право простралось круглое озеро, словно зеркало изъ вороненой
стали, только въ одномъ углу его еще дрожить и медленно
таетъ розовая полоска отъ заходящаго луча; отъ него широ-
кими кривомъ вдавлено болото въ боръ, надъ болотомъ всплы-
ваетъ и стелется тонкій вечерній паръ... Тихо, пустынно, таин-
ственно, тепло и дѣвственно кругомъ; ни звука, ни шороха...
только заблѣкъ время отъ времени заведетъ свою печальную
заревую пѣсню, да западалый чирокъ просвиститъ крыльями
надъ чащей и свалится опукой въ темную гладь озера. Вотъ
еще молодой мѣсяцъ, словно запятая, черкнутая перомъ, при-
дѣлился къ макушкѣ сосны... Сидитъ ловчій на нѣ и выкола-
чиваетъ о каблукъ золу изъ носогрѣйки, но, чу... на право у
песа, что-то шуркнуло, плеснуло... Вотъ, зарычала «старуха»,
грызнула одного, нискнулъ другой... разсыпались, зашлепали,
взвизгнувъ еще одинъ тонкій голосокъ и, вслѣдъ затѣмъ—мѣр-
ная хода, словно телокъ побрелъ по мелководью, ближе и бли-
же... прилпъ ловчій къ соснѣ, глядитъ, чуть дышетъ... вышла!
встрякнулась, постояла, прислушалась, пошла... «Незамай, обси-
дятся», думаетъ ловчій и садится у сосны. Прождавши свое
время, онъ приложилъ ладони ко рту и воетъ «старухинымъ» го-
лосомъ; у песа заворонились волчата, одинъ взбrehнулъ, двое
отозвались, а на той сторонѣ болота загудѣлъ переярокъ. «Лад-
но»; взмылъ олягъ, подхватили всѣ въ разъ и зашлепали по бо-
лоту прямо на голосъ... вотъ, одинъ по одному вышли на лу-
говину и принялись кататься и играть, теребать другъ-друга...
а ловчій глядитъ да шепчетъ разъ, два, три... первой, другой,
семеро! ладно!... Поиграли волчата и ушли; ловчій пошелъ кру-
гомъ болота оглядывать по зарѣ тропу...

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого вытѣя, проѣзжій мужичекъ по-
дастъ барину нисню подъ восковой печатью, заглѣпенной гро-
шекъ; въ немъ, безтолковѣйшимъ манеромъ, изложены положе-
нія нашего ловчаго:

«А докладая вашей милости по отъпуске писъма сего здравъ

«только меня разламлю прибываю теперь на Любань, а думаю «ехать въ чумкины—завазы а зачалъ я отъ щепловки—гнѣздо «проверилъ и маладыхъ семь п бревнисты ранніе а на утре три «переряковъ перевидѣлъ и матерого а матерыхъ все ходъ одинъ «все съ поля отъ азарына, а въ телятникахъ мужики гдѣздо «тронулі молодыхъ перебілі а старіе вышли въ тукуевѣ прому- «чїлся подъ гнѣздомъ трі дня а нашолъ-таки matka изъ моло- «дыхъ во ржі свѣла на чїстоту только четверо-леядици малы. «а гнѣздовики вышли оттедова въ зарамное. всѣхъ перевидѣлъ «ночі не спалъ. въ грачахъ просидѣлъ надъ отноркомъ две ночі «лисятъ сѣмеро а всѣхъ по сей дѣнь подвыто девѣтъ гнездъ да «три лисїихъ а впередъ постараюсь. а ребятамъ наказоваю ко- «ли у ворошины воспа прашла то і ладна, а залівку пара запи- «рять а катора запустуитъ ту въ атсадку а то і такъ собакъ «мало а приеду вчемъ будитъ недоглядъ больна изабкю. округъ «втарова спаса надеюсь прїбыть. за тѣмъ—дѣла подходятъ.

И вотъ, за два дня до Успенья, ловчїй вернулся домой и до- «кладаетъ барину, что подвыто гнѣздъ шестнадцать, да огляже- «но пять лисїихъ выводковъ, а самъ чешетъ въ затылкѣ, да под- «кряхтываетъ, что времени «нисколько» и что настоящей ѣзды «осталось двѣ недѣли!

Оставимъ-же теперь ловчаго съ его проводкою и подготовкою къ «ѣздѣ» и выхватимъ себѣ на поглядѣнье только одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней, къ которымъ онъ такъ заботливо гото- «вился весной п лѣтомъ.

Вотъ клонится сѣренькій осенній день къ вечеру; мелкій дож- «дикъ, какъ булавочныя головки, сыпетъ въ лицо и щиплетъ за уши; ловчїй вызвалъ мокрую стаю изъ болота и рѣзкимъ ходомъ «ведетъ ее на ночлегъ; борзятники, одинъ по одному поспѣшаютъ за нимъ слѣдомъ. Вотъ подвална охота къ двору; ловчїй ску- «чилъ стаю на улицѣ и пошелъ оглядѣть хозяйскихъ собакъ, нѣтъ- «ли заразной-чумной; заглянулъ въ клевы, ругнулъ обозничаго за мокрую постилку и свиснулъ стаю на дворъ. Въѣзжаютъ борзятники, разсѣдываютъ лошадей, выторачиваютъ зайцевъ, «уносятъ потники на просушку; въ избѣ (откуда хозяйская семья перешла въ холодную, а красную на дворѣ очистили для гос- «подъ, поваръ хлопочетъ съ ужиномъ) появляются охотники, швыряютъ потники на печь, угромащиваютъ шапки съ рогами, «сворапъ п арапниками на полку, распиваютъ мокрые кафтаны «вокругъ палатей; вбѣгаетъ борзая, кладетъ голову на столъ и «умильно глядитъ на жареную курицу; поваръ кричитъ, топаетъ,

гонитъ собаку; борзятникъ отпускаетъ остроту на счетъ повара и курицы; рогъ и арапникъ валятся съ полки и падаютъ на блюдо съ котлетамъ; брань усиливается, смѣхъ возобновляется; входятъ новыя лица: таже раскладка потниковъ, распялка кафтановъ. Въ избѣ стало душно, тѣсно, темно: голубой дымъ отъ жажорки стелется пластомъ и колетъ глаза... Входятъ, выходятъ...

Голосъ изъ сѣней. Дядюшка, Игнать! къ барину!

Голосъ съ палатей. Котораго тебѣ Игната?

Голосъ изъ сѣней. Игната Савельича, ловчаго.

Новый голосъ. Нѣту-ти. Не приходилъ. Ищи у стап, либо у котла.

2-й голосъ изъ темноты. Куда, это? Видно, на провѣрку?

1-й голосъ изъ темноты. Извѣстно въ провѣрку... Въ Зарамное, глядишь...

2-й голосъ изъ темноты. Нечто тамъ подвыты?

Новый голосъ. А то какъ-же! Завтра въ Зарамномъ, а къ ночи чтобъ поспѣть въ Телюхи; ловчій самъ сказывалъ.

Вбѣгаетъ казачокъ. Охотники! Бурого бѣлоголазаго сѣдлайте подъ ловчаго. Скорѣй!

(Дѣлаетъ козла и убѣгаетъ).

Голосъ съ палатей. Сбѣгай, Ѳомка, скажи выжлятникамъ.

Голосъ Ѳомки изъ темноты. А самъ-то что?.. Вишь за сѣлъ въ каменны палаты!

Голоса. Ха, ха, ха.

Вновь вошедшій охотникъ, развѣшпвая кафтанъ. А у насъ вотъ тутъ шатры шелковые. Чтожъ, ребята, полно скалиться, пора ужинать.

А тѣмъ временемъ ловчій стоитъ у притолки въ красной избѣ и прихлебывая изъ блюдечка чашку, докладываетъ барину, что завтра «безпремѣнно слѣдуетъ брать Зарамное, чтобъ къ вечеру поспѣть въ Телюхи на провѣрку...»

Сидятъ борзятники вокругъ стола съ ложками; пришелъ ловчій въ пѣбу, переобулся, смѣнилъ мокрый кафтанъ, вторично про запасъ чуйку, сѣлъ на бурого бѣлоголазаго и поѣхалъ со двора. На шестой верстѣ свернулъ онъ съ большой дороги на переселокъ, перешибъ поле, подѣхалъ къ острову и началъ подвывать, но, отголосу не слышать; опоздалъ ловчій къ мѣсту: *олки на добычъ!* «А какъ снесла ихъ нелегкая совсѣмъ!» думаетъ огорченный охотникъ и выбираетъ мѣстечко повыше, да посуше, садится на земь, надѣваетъ чумбуръ на руку, накрываетъ

ся чуйкой, раскуришь, съ грѣхомъ пополамъ, свою носогрѣйку, курить и слушаетъ, какъ дождикъ пополамъ съ круной барабанить по кожанному потнику и сѣдельной подушкѣ. Дождавшись разсвѣта, онъ сѣлъ на коня и отѣхалъ дальше отъ острова на темя бугра, откуда видно въ даль... А вотъ, на право подемъ *старикъ* тащить на спинѣ овцу... вотъ и *матка*; за нею четверо молодыхъ протянулись въ ниточку и идутъ слѣдъ въ слѣдъ; съ другаго конца бѣгутъ на рыскахъ два переряка и всѣ одинъ по одному спустились къ болоту и пошли на логово. «Ладно», думаетъ ловчій, а самага бьетъ лихорадка, только не настоящая, а охотничья...

...Къ двумъ часамъ за полдень болото очищено, гончіе вызваны, ловчій переобулся, т. е. вылилъ изъ обоихъ сапоговъ воду и надѣлъ ихъ на ноги *безъ воды*, взмогился на коня и повелъ стаю за двадцать верстъ въ Телюхи. Тутъ, по прежнему, борзятники сѣли ужинать, ловчій поѣхалъ «повѣрять гнѣздо...»

Какихъ сортовъ и видовъ ревматизмовъ не призапаситъ себѣ на старость этотъ «охотникъ-неработникъ», этотъ *бездѣльный* человѣкъ въ жизни; въ которой изъ костей его не окажется зуда и ломоты, тогда, какъ поконча съ дѣломъ — подслѣпный, оглохшій, забытый и брошенный, пойдетъ перепазывать съ лавки на печку... Эхъ, сказалось-бы! да... пора въ Чурюково.

V.

Что-то въ родѣ проклятiя. — Мордва русская и французская. — Ливрейный картузь и двойникъ его сiятельства. — Два новые штриха по Владимiрцу и Бацову. — Чурюково. — Отзывъ волковъ. — Ловчій и стая. — Травля. — Пирогъ. — Глуховѣшкой.

На другой день мы торопились разстаться какъ можно ранѣе съ скверными двориками, гдѣ каждый изъ насъ, начиная отъ человѣка до послѣдней собаки, *претерпѣлъ* въ полномъ смыслѣ слова тѣ неудобства, какими, по примѣрной гадости, тѣснотѣ и вони, могутъ надѣлать путника (и въ добавокъ не даромъ) эти тамбовскіе каравансарай... Извините за отступление: право, и теперь меня разбираетъ зло при одномъ воспоминанiи объ этомъ и ему подобныхъ ночлегахъ, въ которыхъ, нельзя не прибавить, многіе сочинители-патріоты находятъ столько поэзіи а аромата, какъ будто, помимо этой копоти и вони, нѣтъ на Руси предмета для ихъ хвалебныхъ гимновъ. Господи! да когда же прогля-

луть и принимаются къ настоящему дѣлу эти восторженные *мелуны*, когда, подобно шляпкамъ и кринолинамъ, войдутъ у насъ въ моду и человѣческія пристанища?!

Верстахъ пятнадцать мы догнали обозъ и охоту, пересѣли на заранѣе осѣданныхъ лошадей и, присоединивъ къ себѣ борзятниковъ обѣихъ охотъ, тронулись до мѣста. Любо было глядѣть на эту длинную нить всадниковъ бодрыхъ, развязныхъ, веселыхъ, съ бравой посадкой, на одномастныхъ, крѣпкихъ и красивыхъ лошадяхъ. Можетъ быть, мнѣ бы и не пришло на мысль говорить объ этомъ, еслибъ справедливость моего впечатлѣнія не подтверждалась свидѣтельствомъ совершенно постороннимъ.

По пути намъ слѣдовало проѣзжать помѣщичье село; охотники съѣхались и грянули пѣсно; широкая улица вела селомъ къ барской усадьбѣ, мимо сада которой лежалъ нашъ путь. Народъ повалилъ къ намъ на встрѣчу: мужики, съ цѣпами и метлами въ рукахъ, бѣжали словно на пожаръ; мальчики и дѣвочки бѣжали во всю глотку; имъ вторили дворовыя собаки, трусливо выставляя морды изъ-подъ воротъ; куры взлѣтались, кудахтали и выприкивали свою куриную тревогу; впереди насъ, поднявши хвостъ, металась по улицѣ испуганная телушка и ревѣла нештово; изъ сѣней выскакивали на улицу черныя, словно изъ трубы, закоптѣлыя бабы и гамѣли къ сосѣдкамъ:

— Акулька! Акулька! глядь-кіо-о-о-о! И-на, какой, о-о! Мотька, не дурн, съисть....

Но Мотька все-таки горланила какъ-то не по человѣчьи и донскиваясь въ навозѣ щепки, чтобъ метнуть ея въ борзыхъ.

1-й охотникъ. Вотъ она, мордва-то, семиглазая... Кирюха, глядь-ка, вонъ выскочила: еще потемнѣй!

Кирюха (*къ бабѣ потемнѣй*). Ты, красотка, изъ котораго села?

Баба ослабилась и закрыла ротъ рукавомъ.

3-й охотникъ (*пропѣвая*). Вотъ онѣ каковы нонѣшнія!

4-й охотникъ. Хуже давешнихъ.

5-й охотникъ. Ха, ха, ха! Новыя — псовыя, бурдастымъ съ родни....

Задніе. Незамай, умоеся.... А то приснится.

Последній. Эй, матка! рыло-то приберн въ чуланъ; къ празднику годится....

Баба. Ишь-ты.... Мотька, не дурн!

У рѣшетки палисадника появились нѣсколько дамъ и бары-

пень; всё онѣ, какъ было замѣтно, жадно разсматривали и любовались нашимъ поѣздомъ; одна изъ нихъ, самая живая и восторженная, говорила безъ умолка: «Voilà chasseurs! Ah, quels cheveaux Regard, Alexandrin, quelle charmente — птичка! настоящая!...» и барышня протягивала ручку, чтобъ приласкать Савельеву красотку.

— А эта, видно, охотница, сказалъ Владимірецъ.

— То-есть, до собакъ? прибавилъ Агѣевъ.

Поясненія не послѣдовало. На балконѣ появился должно быть папаша этой охотницы: въ этомъ явленіи, конечно, важность не велика, но велико и важно то, какъ лоснилось и отдувалось у этого папаша брюшко, солидное, хорошее, настоящее брюшко; какъ мягкій, нѣжный подбородокъ папаша лежалъ въ видѣ подковы на вздутой манишкѣ, словно невареная колбаса; важнѣе же всего, какъ держалъ этотъ папаша салфетку въ правой рукѣ и какъ щурился онъ одинъ глазъ, зорко, устойчиво оглядывая насъ остальнымъ.

— Ну, этотъ что, Виссаріонъ Николаевичъ? спросилъ графъ у Владимірца.

Тотъ измѣрилъ разстояніе, на которомъ былъ отъ папаша, отскакалъ саженой на пятьдесятъ впередъ, повернулъ лошадь и поѣхалъ къ намъ шагомъ. Въ минуту, этотъ способнѣйшій копровщикъ отдулъ брюшко, прищурился лѣвый глазъ и такъ держалъ арапникъ въ рукѣ, что мы съ разу признали въ немъ папашу съ салфеткою и разразились общимъ смѣхомъ; Владимірецъ все-таки ѣхалъ и молчалъ, но лице его какъ нельзя яснѣе договаривало: «дескать, дурачье! куда васъ нелегкая несетъ? Нельзя ли, этакъ.... вотъ, холодная индѣйка.... битокъ заказать; а пока подадутъ, грибки, вотъ селедка, рекомендую, сливки настоящія... для возбужденія...» И Владимірецъ зачмокалъ, простоналъ и посмотрѣлъ на насъ съ упрекомъ, съ сожалѣніемъ, дескать, эхъ! пустой народъ! Не знаютъ что нужно человѣку!

Выѣхавъ изъ села, мы отпустили обозъ и гончихъ впередъ, а борзятники пошли въ заѣздъ и начали заравниваться. Вскорѣ всё охотники вытянулись въ прямую нить версты на двѣ разстояніемъ и принялись охлופывать мѣжи и кустики: то тамъ, то-сямъ поднимали зайца, но свѣжія собаки не давали хода бѣдняку и мигомъ его залавливали; рѣдкій русакъ перещитывалъ двѣ-три своры и все-таки попадалъ въ торока. Бацовъ, я и Владимірецъ ѣхали въ троемъ, сзади, безъ собакъ, и любовались измѣнчивымъ видомъ этой живой, постоянно движущейся кар-

тины. Отъѣхавъ версты за четыре отъ села, мы увидѣли шибко скакавшаго въ слѣдъ за нами вершника; на головѣ у него было что-то въ родѣ шара, по сторонамъ плескались два зеленые крыла. Вблизи оказалось, что это мчался къ намъ лакей въ зеленой ливреѣ, а на головѣ у него торчалъ круглый плюсовый набитый пухомъ, картузь, съ желтымъ позументомъ на околышѣ. Не долго думая, посланецъ принялъ Владимірца за графа и со всѣми онерами объяснилъ его сіятельству цѣль своей скачки.

— Прекрасно. А какъ зовутъ твоего барина? спросилъ нашъ шутникъ, преобразась въ минуту, и тономъ чисто Атукаевскимъ, что, конечно, было понятно только намъ.

— Навелъ Павловичъ Здобновъ и супруги ихъ Катерины Антоновны-съ; они-съ очень желаютъ полюбопытничать на вашу охоту; а больше того, ваше сіятельство, барышни желаютъ — Катерина Павловна, Александра Павловна, Непила Павловна, Антонина Павловна, и Агафоклея Павловна, Пелопея Павловна, Федосья Павловна, Палаг....

— Прекрасно, прекрасно, мой милый.... очень довольно.... нынче, довольно! Завтра, если барину угодно взглянуть.... очень радъ, скажи.... я беру волковъ въ Чурюковѣ.... ну, кланяйся, мой милый....

— Слушаю-съ.

— Да... вотъ что! Картузы эти у васъ дома шьютъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Заказные; это ливрейные-съ.

— Чудесно, удивительно! Ну... кланяйся... очень радъ, скажи....

И самозванецъ нашъ очень вѣжливо пригласилъ насъ продолжать путь.

Вслѣдъ за тѣмъ пошло у него представленіе въ лицахъ семейной сцены, какъ Непила, Антонина, Пелопея и прочія Павловны упрашиваютъ своего папашу послать гонца, какъ папаша велитъ этому гонцу надѣть ливрею, пуховый картузь и проч.

— Вотъ оно! наконецъ произнесъ какъ-то торжественно Бацовъ, ударивъ меня крѣпко по плечу, и поѣхалъ молча.

Это «оно» было не что иное, какъ Чурюково, но оно было еще на десять верстъ разстояніемъ отъ насъ. Передъ нами, вдали, направо, начала темнѣть гряда лѣса; отъ лѣсу, налѣво, стало виднѣться замѣтнымъ село, а отъ него, полудугой, хлестнула тонкая полоса и только. Я ѣхалъ и изрѣдка поглядывалъ въ эту даль, но больше смотрѣлъ на Бацова: изъ веселаго, разсѣяннаго, онъ превратился въ человѣка озабоченнаго одною неотвяз-

ною мыслью; не трудно мнѣ было угадать эту мысль: я зналъ коротко Бацова-охотника: онъ былъ близокъ къ Чурюкову!

Люблю я Луку Лукича; онъ весь наружу, не любилъ рисоваться; да къ такимъ незатѣйливымъ и честнымъ натурамъ не липнетъ никакая подмалевка. Весь онъ какъ-то собрался и выразился въ этомъ одномъ завѣтномъ для него словѣ «пустяки». Говоря о скверномъ, подломъ поступкѣ сосѣда, къ слову пустяки, онъ не прибавитъ ни одной буквы; чужую и свою бѣду, неудачу, и проч., онъ клеймитъ однимъ словомъ *пустяки*; богатство у него и бѣдность, горе и радость, все — *пустяки*! Глядя вскользь на Бацова, иной подумаетъ, что этотъ человѣкъ на столько простъ, сухъ и легокъ, что изъ него не выжмешь ничего другаго, какъ тѣ же пустяки, но, кто взглянется попристальнѣе въ эту своеобразную, безхитростную натуру, тотъ помыслитъ о немъ иначе. Поконча съ службой, Лука Лукичъ принялся за устройство дѣлъ семейныхъ: присватался къ его сестрѣ женихъ; былъ онъ человѣкъ достойный, да «недостаточный», — пустяки, сказалъ Бацовъ, седьмой части мало и, охватилъ полъ-имѣнія собственнаго и отдалъ за сестрой въ приданое; на остальной половинѣ содержитъ себя и покоитъ старуху мать. Чудакъ! съ чѣмъ же ты останешься? говорятъ доброжелатели. — Пустяки, говоритъ Бацовъ. — По крайности, пріѣзжай на выборы: мы тебя вкатаемъ въ исправники.... заживешь, поправишься.... — Пустяки, господа, вы этимъ меня не потчивайте, говоритъ Бацовъ и ѣдетъ на «узерку».

А вотъ и Чурюково! Подѣхавъ ближе, я началъ внимательно разсматривать эту обѣтованную землю.

Громадное село потянулось по крутобережью и ушло въ глубь, откуда виднѣются только главы двухъ церквей да шпили колоколенъ. Лѣсъ, что казался издали смежнымъ, отошелъ теперь далеко отъ села на край горизонта. Перепруженная плотинами рѣка, образовала огромное озеро; нагѣво оно узкимъ клиномъ вошло въ непродорную кущу чепыжника и камышей, между которыми густою дубравой стоятъ гигантскіе дубы и ольхи, и все это узкою полосой потянулось нагѣво въ даль, вонъ изъ глазъ. По ту сторону, надъ кущей этой тянется крутымъ гребнемъ глубокое поле; по сю сторону, отъ озера, до намъ, просталась во всю длину мѣстности широкая луговина; по ней бродитъ скоть, лошади и паслось стадами безчисленное множество гусей. Нечего сказать, приволье!

Въ виду Чурюкова охотники перестали хлопать и начали

сбѣзжаться къ дорогѣ: у всѣхъ вилѣло въ торокахъ по нѣскольку зайцевъ.

Съ помощью проводника, встрѣтившаго насъ у одной изъ плотинъ, мы очутились въ Чурюковѣ и пошли путать,—я-бы сказать, изъ улицы въ улицу, если-бъ только можно было назвать улицу эту нитъ узкихъ, перепутанныхъ съ примѣрной безтолочью, вляющихъ туда и сюда возможностей на проѣздъ, огороженныхъ вмѣсто всякаго заборника и плетня безобразною настилкой изъ перегнившей соломы.

Четыре двора были заняты для нашего временнаго пребыванія въ Чурюковѣ. Въ трехъ избахъ были очищены квартиры для насъ, изъ четвертой доносилась къ намъ мельная дробь отъ поварскихъ ножей. Помѣщеніе это, послѣ гнуснаго ночлега въ дворникахъ, казалось намъ очень способнымъ: люди, прибывшіе раньше насъ съ обозомъ, успѣли кое-что подмыты, подскрестъ, кое-гдѣ подсыпать песочку, завѣсить ковраны и проч. Четыре избы эти стояли одна къ другой такъ, какъ будто между ними произошла недавно ссора; драки быть не могло, потому что ихъ раздѣляла неправильная лужайка, обрамленная той-же соломЕННОЙ загородкой; эта площадка служила съ пользою для нашего обоза и экипажей. Вскорѣ на ней образовалось что-то въ родѣ ярмарки; звѣрки обоюго пола и всѣхъ возрастовъ набѣжали отовсюду и запрудили се со всѣхъ концовъ.

Общая трапеза наша происходила въ квартирѣ Стерлякина, какъ ближайшій къ поварамъ; къ чаю всѣ собрался у Алексѣя Николаевича. Общій разговоръ какъ-то не склеивался; всѣ говорили отрывками о томъ-о-семъ и каждый заканчивалъ постороннюю матерію неизмѣннымъ вопросомъ: «Что-то будетъ завтра?» «Найдемъ-ли звѣря?» прибавлялъ другой тутъ-же, не надеясь услышать ни отъ кого отвѣта на первый вопросъ. Всѣ знали, что для рѣшенія этой загадки былъ между нами только одинъ человекъ — ловчій Теопенъ. Надежды было, конечно, много: волки подвыты, огляжены, сосчитаны, мы шли на *спр-илка*; но, вѣдь могло-же случиться, что какой-нибудь мужичонка, разсердясь за украденную у него овцу, «стронуть гнѣздо» или, жатка увела гнѣздо на добычу и, обыскавъ мѣсто, перекочевала въ *крьль* и держать тамъ выводокъ, а гнѣздовики перележиваютъ въ старомъ мѣстѣ *набродомъ*. Мало-ли какихъ диковинокъ не случается въ такомъ сложномъ и хитромъ дѣлѣ!

— А что, Теопена ты поплѣ чаемъ? спросилъ Алѣевъ у своего камердинера Петруши, высокаго, худощаваго и статнаго ма-

лаго, который, къ слову сказать, былъ страстный охотникъ и считался первымъ борзятникомъ.

— Какъ-же-съ, онъ напился давно.

— Какъ-бы кликнуть. Вотъ отъ него узнаемъ скорѣе, господа.... Коли не заартачится! прибавилъ потомъ Алѣевъ.

— Ну, Θεопень Иванычъ, теперь держись! теперь отъ тебя зависитъ вся наша потѣха! заговорили почти всѣ мы въ разъ къ вошедшему.

Перешагнувъ порогъ, Θεопень Ивановичъ изволилъ поклониться всей честной компаніи, оглянулъ насъ по своему и сталъ у двери.

— Ну, что, объ гнѣздѣ слухъ какъ? началъ Алѣевъ.

— Хтошъ ихъ знаетъ.... Какъ скажешь тутъ? Мужичонковъ спрашивалъ которыхъ, говорятъ молодыхъ видають.

— Ну, коли молодыхъ видають, такъ и гнѣздовики тутъ! подхватилъ графъ.

— А какъ знать.... Вашему сіятельству извѣстно, чай, какъ вѣрить мужику?... у него что зарубилъ, потомъ и тещеть.... а тамъ, поди, снуй основу.... Θεопень остановился, подумалъ и прибавилъ: — вотъ провѣримъ.... безъ звѣря не быть.... гдѣ нибудь да найдутся.

Какъ много въ этихъ простыхъ, отрывочныхъ, какъ будто нехотя сказанныхъ словахъ заключалось и твердой увѣренности въ себѣ, и необыкновеннаго знанія своего дѣла: у всѣхъ посыпались съ разу доводы, предположенія, заключенія и проч. Молчалъ только одинъ Алѣевъ; онъ зналъ своего ловчаго и потому не сталъ больше разговаривать о возможности дѣла, а заговорилъ о самомъ дѣлѣ.

— Какъ думаешь, тенетчики намъ будутъ нужны?

— Мы.... оно не мѣшаетъ крылъ десятокъ перекинуть, тамъ, вотъ, изволите припомнить, у хмѣлины, въ дубкахъ, повыше пчельника, гдѣ матерой у насъ пролѣзъ, мѣсто не безъ опаски.... неравно опять сунется.... Ружейниковъ поставить тоже не мѣшаетъ: убить хоть не убьетъ, да все повинудить.

— Такъ ты распорядись. Вели Качнову, Дмитрію; пускай, еще кого-нибудь захватятъ съ ружьемъ. Да чтобъ колья подготовили....

— Слушаю. Скажу.

— А если вмѣсто тенетъ поставить своры двѣ надежныхъ? спросилъ графъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, какъ можно! да тутъ какую

свору ни дай — ототрется! Мѣсто короткое, дубы въ охватъ, ржавцы, перелом, крѣпъ, рѣка; собаку потерять не долго! чуть какая озарилась, тутъ и протянетъ лапки.... Вотъ спросите у барина, какъ Дорогой у нихъ въ дубкахъ волка залавливалъ: разбѣжался, пришелся въ дубъ, — только одноводохнулъ; а собака-то была какая! Въ свѣтъ первая! Ни разу не видалъ я, чтобъ онъ силялся, либо што.... какъ зазрѣлъ, голову къ верху, и пошелъ козыремъ отщитывать! Нѣтъ, такихъ собакъ у насъ не осталось!

Къ этому панегирику о Дорогомъ, Феопенъ Ивановичъ неожиданно, непрошено, пришелъ еще случая два-три, доказавшіе, какъ опасно травить «въ дубкахъ, да въ пенькахъ», и угостивши насъ этими побасенками, ловко избѣжалъ даже намекъ о томъ, что будетъ завтра, изволилъ очень вѣжливо раскланяться и объявилъ, что ему пора на «отзывъ».

— Ну, Феопенъ Ивановичъ, сказалъ я, не выдержавъ и уступая сильному желанію сблизиться и изучить на сколько удастся эту крутую, замкнутую натуру:—какъ хочешь, а меня возьми съ собой на повѣрку; я охотникъ въ новѣ: авось, съ твоей легкой руки, начну помаленьку понимать дѣло.

— Какъ вамъ будетъ угодно. Только вашей милости неравно скучновато покажется.... пора теперь глухая.... звѣрь попримолкъ....

— Ужъ это не твоя забота. Скучно будетъ мнѣ, а не тебѣ. Ты только возьми меня съ собой.

— Чтожъ, поѣдете. Только вотъ, на счетъ спокойствія вамъ, какъ.... можетъ придется остаться до утра?

— Да ужъ объ этомъ не хлопочи.

— Такъ извольте собираться. Время нисколько....

Феопенъ вышелъ.

— Ну, что, господа, поняли вы, что онъ тутъ бантъ? спросилъ Алѣевъ Стерлядкина и графа.

Тѣ посмотрѣли на него вопросительно.

— А я вамъ скажу, что это значить.

— Что-же такое?

— А то, что волки у него за пазухой. Вотъ, увидите: завтра мы, навѣрное, съ полемъ. Я покоентъ.

Въ девять часовъ я ѣхалъ о бокъ съ Феопеномъ Ивановичемъ на *отзывъ*.

Выѣхавъ изъ села, мы пустились по лѣвой, т. е. по нагорной сторонѣ пруда къ чащѣ. То спускаясь въ изложны, то подни-

маясь вверхъ, мы подвигались впередъ молча. Въ воздухѣ была тишина невыразимая, ни звука, ни шелеста; на небѣ недвижимо стояли топкія облака; сквозь нихъ чуть-чуть мерцалъ какой-то чахлый отблескъ свѣта; полный мѣсяцъ, пресѣкая туманную оболочку, расплылся по небу широкимъ бѣлымъ пятномъ. Спутникъ мой сидѣлъ въ сѣдлѣ словно деревянный, только по воротнику фризоваго балахона, торчавшему высокой рамкой на затылкѣ, было замѣтно движеніе его головы. Оставивъ прудъ за собою, мы отъѣхали еще версты двѣ полемъ и, принявъ круто на лѣво, остановились у самой окраины.

Не меньше, я думаю, часу торчали мы тутъ, какъ двѣ статуи: не зная расположенія Θεопена Ивановича, я рѣшился молчать и терпѣливо ждать отъ него рѣчи. Раза два луна показывалась на чистоту въ полномъ блескѣ и мигнуть на пять ярко освѣщала окрестность: у ногъ нашихъ, въ страшной глубинѣ, тянулася широкая низина; по ней, разбившись на множество рукавовъ, лѣниво сочилась рѣка, образовавшая дальше чурюковское озеро. Между этими рыскавшими туда и сюда водными пятнами, въ неправильныхъ формахъ стлались камышевые плавуны, ржавцы, приболотни, затканые сплошнымъ чепыжникомъ; на право чернѣла лѣсная куща.

— Вотъ, вамъ и скучновато тутъ — началъ въ полголоса Θεопенъ.

— Напротивъ.... я радъ.... Вотъ, только ничего не слышно.... — проговорилъ я, обрадованный случаю выйдти хоть на мигъ изъ апатіи.

— Сыти, пострѣль ихъ возьми; либо, чего добраго, въ рискъ.... А гиѣздо тутъ.

— Гдѣ? — спросилъ я стремительно.

— Вонъ, тутъ, вотъ, какъ кнутомъ хлеснуть — къ той сторонѣ, вотъ, за широкимъ камышемъ, на плавунѣ, въ чепыжникѣ.

— Какъ-же ты узналъ, гдѣ гиѣздо?

— Какъ не узнать!... Нахаживали не въ такихъ крѣпяхъ; это что: только что лѣтомъ мокренъко, а зимой хоть въ бакин играй.... бѣляку простора мало.

Снова молчаніе.

Наконецъ, далеко, на другой сторонѣ болота, въ полѣ, гдѣ-то къ Чурюкову, взвыли два голоса.

— Это какіе? спросилъ я шопотомъ.

— А такъ, шатуны, отъ гиѣзда переярки; вотъ, побродятъ округъ села, гуська гдѣ спакоутъ, либо къ падали пробіраются.

Вскорѣ отъ того мѣста, гдѣ было гнѣздо, послышалась мѣрная стопа по болоту и три волка вышли саженьхъ въ тридцати отъ насъ, поднялись на бугоръ и сѣли; одинъ изъ нихъ взвылъ толстымъ голосомъ, подошелъ къ березѣ, поднялъ заднюю ногу, поскребъ лапмп землю и всѣ трое пошли полевмъ.

— Вотъ, эти за дѣломъ идутъ, — проговорилъ имъ въ слѣдъ Θεонентъ.

— Какіе-жъ это?

— Старикъ съ переярками; на добычу вышли. А вотъ и она осаживаетъ молодыхъ, чтобъ не плялись зря, — прибавилъ мой опытный пстолкователь, вслушиваясь въ шлюпотню и грызнию въ болотѣ, и въ слѣдъ за тѣмъ завылъ самъ рѣзко.

Около десятка различныхъ голосовъ отозвались разомъ въ болотѣ и тутъ-же пошло новое плесканье и перегрызка; отслушавши и сочтя голоса, мы тронулись съ мѣста, спустились съ крути и проѣхавъ версты полторы луговиную, по край лѣса и болота, очутились у какой-то пустой мазанки.

— А который-то теперь часть? — спросилъ Θεонентъ такимъ тономъ, по которому можно было заключить, что вопроситель находится въ добромъ расположеніи духа.

Для того, чтобъ различить стрѣлки, надо было зажечь спичку, и я кстатн закурилъ сигару.

— Ого! мы долгонько простояли тамъ, уже перваго четверть.

Съ этихъ словъ зашла у насъ длинная и плодovitая бесѣда, но, увы, всѣ мои дипломатическія тонкости, всѣ подходы разлетались въ прахъ и лопались, какъ мыльные пузыри о каменную стѣну, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ казалось, нужно было мнѣ сдѣлать только одинъ шагъ, чтобъ переступить изъ области догадки въ область чистаго сознанія. Одно, что только могъ я на этотъ разъ уловить внутри этого замкнутаго человѣка, это вѣчное недовольство настоящимъ, неудовлетворенная жажда къ совершенствованію, постоянное стремленіе достигнуть крайняго предѣла, именно: доведя стаю до такой удивительной стойки, на какую, можетъ-быть, способна только одна лигавая собака, я увѣренъ, что онъ былъ-бы не прочь доучить и гончую до искусства носить и подавать поноску, если-бъ это не было уже безуміемъ съ его стороны, и не служила къ тому явнымъ препятствіемъ грубая и дикая натура гончей собаки.

Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я, съ особеннымъ искусствомъ, затрговывалъ въ немъ общечеловѣческую и самую звучную струну, т. е. самолюбіе артиста, онъ былъ глухъ, безпробуденъ. Если

я, тутъ-же спохватившись, говорилъ: «нѣтъ, Феопенъ Ивановичъ, я, вѣдь, говорю тебѣ это къ тому, что я слышалъ о твоей ѣздѣ уже давно — и въ Питерѣ, и въ Москвѣ, отъ всѣхъ охотниковъ.... Отвѣтомъ мнѣ было:

— Да, што, какая ѣзда.... то-жъ, бываетъ, иной....» И снова молчаніе.

— Опять-таки, — прибавлялъ я, — стоя у тебя, всё говорить — удивительная.

— Да, што стая.... ничево, ницатъ.... И опять молчокъ. Тутъ я забѣгалъ уже въ тылъ и для вѣрнѣйшаго успѣха перемѣнялъ оружіе.

— Вотъ, пожалуй, — говорилъ я, — какъ-бы намъ и съ хорошей охотой не обманули, какъ Жигуновы хлопаютъ наши мѣста и проч.

— Да, што, ничево.... они себѣ.... И только.

— А какъ придется на пустоколь? Въ мѣста обобраныя?

— Да, што; найдется и про насъ.... безъ звѣря не быть.... — И опять мы молчимъ.

Въ одномъ только мѣстѣ онъ поскользнулся и то на короткую дистанцію, но былъ рѣчистѣе, именно: когда я коснулся обязанности ловчаго вообще и указалъ на нѣсколько человѣкъ, плохо знавшихъ свое дѣло.

— Конечно, иной не за свое дѣло берется; а иной, пожалуй, и радъ-бы, да сметки нѣтъ, а позаняться не отъ кого....

— Нѣтъ, ужъ, этого мастерства, мнѣ кажется, наукой не добудешь, возразилъ я.

— Да, оно и съ мастерами то-же, всяко случается. Наше дѣло тожъ бываетъ задачливо.... Конечно, насадить на гнѣздо не штука, да, поди, вотъ, тутъ ведешь къ мѣсту, душа въ тебѣ перемираетъ, не знаешь, ногой которой ступить, а тутъ какой съ нагулу, отметный — пырь, тебѣ въ собакъ; какъ удержать? не на возжахъ!... помкнули, зарвались; а тамъ, глядишь, гнѣздо, сажень за тридцать, въ сборѣ, на лежкѣ, и расплылось, словно, масло по кашѣ.... тогда, поди, накликай, снуй по заплеткамъ! Нѣтъ хуже того дѣла.... наказаніе.... хоть изорвись, ничего не подѣлаешь! Изволите сами знать, каково бываетъ — какъ matka изъ-подъ молодыхъ приметъ на себя стаю, да волочаетъ ее на хвосту.... кажется-бы, такъ, вотъ, въ землю живой ушелъ!

И съ легкой руки Феопенъ Ивановичъ изволилъ понюхать табуку и удостоилъ меня дальнѣйшей бесѣды; разсказалъ мнѣ нѣсколько рѣдкихъ случаевъ, но вездѣ и во всемъ, гдѣ только

участвовалъ онъ лично, собственную персону отодвигалъ на второй планъ, ставилъ въ темноту, говорилъ о ней вскользь, мимоходомъ: «вотъ, извольте видѣть, *кинули мы гончихъ....*», «вотъ онѣ, *по нечаянности*, и натекли....», «вотъ онѣ и вывели какъ разъ на то мѣсто, словно, кто *имъ шепнулъ....* и проч.» — Однако, пора! заключилъ онъ, — вставая съ мѣста.

Мы сѣли на коней, поднялись на крутизну и пустились полемъ къ прежнему мѣсту. Заря разгаралась; легкій восточный вѣтерокъ подыхалъ порывами; небо очистилось: все предвѣщало ведренный день. Едва приостановились мы и я успѣлъ лишь взглянуть на часы, какъ спутникъ мой прошепталъ: «трогайтесь» и поѣхалъ медленно впередъ; слѣдуя за нимъ, я раскидывалъ глаза по сторонамъ, наконецъ, оглянувшись круто назадъ, приостановилъ лошадь: сзади насъ, саженьяхъ въ сорока, матерой волкъ несъ на спинѣ огромную бѣлую дворную собаку, съ оторванной передней ногой; слѣдомъ за нимъ шли переряжки съ полными черевами. «Не стойте», прибавилъ мнѣ Теопень. Когда волки спустились въ болото, онъ поворотилъ лошадь назадъ и рысью подѣхалъ къ прежнему мѣсту: по движенію камыша и всплескамъ было ясно видно, что волки шли на логово.

— А вотъ и она, — сказалъ Теопень, указывая въ даль, на ту сторону.

Съ непривычки я едва могъ отличить, версты за двѣ, на той сторонѣ, какъ волчица и слѣдомъ за ней, гуськомъ, растянувшись въ ниточку, штукъ восемь молодыхъ волковъ спускались съ бугра въ болото. На обратномъ пути мы еще перевидѣли трехъ переряжковъ, тащившихъ по гусю.

— А откуда старикъ добылъ такого здоровеннаго пса? — спросилъ я.

— Захватили на падали, — отвѣчалъ мой опытный наставникъ.

Когда мы подѣхали къ квартирѣ, тамъ уже все было въ полномъ и суетливомъ движеніи. Бацовъ, Алѣевъ, Стерлядкинъ и графъ встрѣтили насъ на площадкѣ и допытывались что и какъ? Я считалъ себя не въ правѣ говорить; Теопень-же изволилъ промолвить только: «ничего-съ.... надо ѣхать....» и пошелъ пояснять Качнову, гдѣ и какъ перекидывать тенета. Черезъ десять минутъ двѣ тройки съ тенетами, кольями и ружейниками тронулись на рысяхъ. Охотники ушли одѣваться. Мы съ Теопеномъ Ивановичемъ были приглашены пить чай. Всѣ собрались у графа.

Минута ожиданія чуть-ли не радужнѣе, чуть-ли не слаще минуты самаго исполненія. Всѣ были то въ тревожномъ раздумьи,

то вдругъ оживясь, болтали какой-то вздоръ. Бацовъ, которому я не могъ не сообщить тайкомъ всего, что видѣлъ и зналъ, суетился, блѣднѣлъ, козотилъ меня поминутно по плечу, заглядывалъ таинственно мнѣ въ глаза и десять разъ выбѣгалъ прощаться съ Караемъ, котораго не могъ еще взять съ собой по случаю хромоты. Между-тѣмъ, Θεопенъ Ивановичъ, прилебывая съ блюдечка, приговаривалъ: «графскихъ, которыхъ по выбору; перегростить съ нашими; своръ двѣнадцать мнѣ нужны, въ бугры.»

— Когожь ты думаешь взять туда?

— Первымъ дѣломъ, старшка Андрея поставить: у него свора—мертвая и привалена; къ нему придать охотниковъ попылчѣй, по глазастѣй, вотъ, хоть нашего Николая, да Егорку графскаго; затѣмъ, Петра Григорича, съ двумя, а верхи займетъ Василій, съ двумя; въ заѣздъ пустить Аванасьеву свору...

— Ну, Аванасья мнѣ-бы хотѣлось поставить въ заѣздѣ у себя, возразилъ Алексѣй Николаевичъ.

— Вамъ-бы все къ себѣ! Тамъ перестроститесь.. у васъ въ заѣздѣ станеть Никита поваръ; чего лучше? собаками не возьметъ, самъ доправить; а тутъ неравно матерки прорвутся.. съ кѣмъ орудовать: всего четыре своры!

— Ну, ну, ладно. Распорядись тамъ; прикажи всѣмъ, какъ знаешь, перебилъ Алѣевъ.

Θеопенъ ушелъ.

Ог-ой! штой-то бу-у-у-дить?

Май-го ба-а-а-тюшку, кладуть съ ма-а-тушкой!

Во ма-гилку!

II Владимірецъ, сидя на лавкѣ, опустилъ руки и заголосилъ по бабьему.

Всѣ захохотали.

Допивши свой стаканъ, я очутился на крылечкѣ. На безоблачномъ небѣ солнце горѣло полнымъ блескомъ. Охотники выводили на площадку осѣдланыхъ лошадей; обѣ охоты раздѣлились въ парадные костюмы: графскіе были въ зеленыхъ кафтаняхъ, расшитыхъ серебрянымъ галуномъ, и въ малиновыхъ шараварахъ съ широкимъ лампасомъ; Алѣевскіе въ новыхъ черкескахъ съ яркой оторочкой, поясами, патронами, блестящими рогами; все это сходилось и составляло группу, отъ которой трудно было оторвать глаза; но лица у всѣхъ были свѣтлыѣ и торжественныѣ самаго наряда. Вокругъ этихъ молодцовъ прыгали и гремѣли ошейниками сворныя собаки. Шутка за шуткой, острота

за остротой перелетали изъ конца въ конецъ и все это повершалось общимъ смѣхомъ.

А вотъ, скрипнули ворота, выгѣхалъ выжлятникъ Пашка черкесомъ, за нимъ появился Сергѣй въ такомъ-же папахѣ, и слѣдомъ Ѳеопентъ, окруженный своими выжлятами, вывелъ въ поводу соловаго: тотъ-же помятый картузь на Ѳеопентѣ Ивановичѣ, тотъ-же фризовой бурый балахонъ до пять... опять появилось это живое изображеніе пѣннаго Турка между блестящими казаками и черкесами...

— Развѣ ты не всю стаю берешь? спросилъ Алѣевъ, глядя на малочисленность гончихъ.

— Да, што.... на кой-ихъ.... будетъ и этихъ.... И Ѳеопентъ Ивановичъ полѣзъ ногой въ стремя. Сергѣй, ты пойдешь правой стороной, съ борзятниками; а ты, Пашутка, со мной, прибавилъ онъ и подвиснулъ собакъ.

Сергѣй остался; Пашка поѣхалъ съ ловчимъ.

— Ну, Ѳеопентъ Ивановичъ нашъ сомкнулъ Бушуя съ Крутешкой, а Громилу съ Бандоркой — быть работѣ! сказалъ борзятникъ Николай, слѣдя за стаей.

— Работа, не работа! а осмѣлся-ка онъ не поставитъ волчка къ мопмъ собачкамъ, самаго приму въ торока, прибавилъ Никита.

Общій смѣхъ.

Голосъ изъ толпы. А кстати, онъ-же нонѣ и глядитъ по волчичному.

Борзятникъ Василий (*Никитъ*). Ты, пожалуй, чего добраго; отъ тебя станется... Вишь у тебя на шеѣ, только что ободья гнуть. Какъ подъ нимъ лошадь уставиваетъ!

Никита. Какую невидаль изволили сморозить, Василий Евдокимовичъ! А мы авчера еще знали, что я одинъ полегче васъ шестерыхъ.

Новый смѣхъ.

Конюхи подвели къ крылечку нашихъ лошадей. Всѣ вышли садиться.

— Кто идетъ на право? спросилъ Алѣевъ.

— Мы, отвѣчали нѣсколько голосовъ.

— Сколько васъ?

— Одинадцать своръ.

— Ну, отдѣляйтесь.

Охотники раздѣлились на двѣ половины, одна ушла на право, другая примкнула къ намъ.

Къ девяти часамъ мы были у острова. Борзятники начали занимать мѣста: Бацовъ, я и Владимірецъ отправились смотрѣть какъ Теопень заводитъ стаю.

На лужайкѣ, вдавшейся клиномъ въ болотную чащугу, сидѣли въ тѣсномъ кружку разомкнутыя гончія; тутъ-же были двѣ осѣдланныя лошади, Пашка и Теопень; ловчій нашъ лежалъ на лугу, опершись на локоть, въ какомъ-то полудремотномъ состояніи и держалъ въ рукѣ березовую тавлинку; подлѣ него были брошены рогъ, охотничій ножъ и длинный шестъ. Налѣво протекалъ одинъ изъ рукавовъ рѣки; за нимъ зыбкая трясина, а дальше — камышъ.

— Что? еще не утыкались? спросилъ насъ Теопень.

— Нѣтъ еще, отвѣчали мы. Крайніе на мѣстахъ, а тѣ еще разстанавливаются.

— Пашутка, глянь, какъ тамъ у нихъ.

Пашка вскочилъ на лошадь и помчался. Вскорѣ онъ прискакалъ назадъ и донесъ своему дядюшкѣ, что своры обѣихъ половинъ на мѣстахъ. Въ тоже мгновеніе долетѣлъ до насъ короткий звукъ рожка. Гончіе встрепенулись и подняли уши.

— Ну, кличутъ на ердань, проговорилъ нашъ ловчій, вставая съ мѣста, и, скинувши балахонъ, передалъ его Пашкѣ — вторачивать. Оставшись въ одной курткѣ и длинныхъ сапогахъ, онъ принялся перевязывать голянища веревочками.

— Табачокъ-то прибрать поближе къ носу; неравно, не отсырѣлъ-бы, прибавилъ онъ, конча перевязку и, отсыпавъ изъ тавлинки въ бумажку, положилъ ее въ картузь.

— Пашутка, ты до помычки останься тутъ, носъ къ полю, береги лѣво, да осторожнѣй сбивай — не оттопалъ-бы какого.. Счастливо оставаться, прибавилъ онъ намъ, вскидывая рогъ за плечи и съ пятиаршиннымъ шестомъ въ рукѣ отправился прямо въ рѣку. Очутившись по грудь въ водѣ, онъ крякнулъ и подвиснулъ къ себѣ стаю: собаки затопали на берегу и подбуженныя Пашкой, съ пискомъ и визгомъ начали прыгать въ холодную воду и поплыли слѣдомъ за своимъ пестуномъ.

Такъ учинилась первая переправа; очутившись на берегу, Теопень принялъ направо трясиную; собаки молча пошли по пятамъ его гуськомъ, одна по другой и скрылись вмѣстѣ съ нимъ въ камышѣ.

— А для чего онъ потащилъ съ собой этотъ шестъ? спросилъ я у Пашки.

— Какъ-же, сударь, безъ него нельзя. Въ плавунахъ по немъ

грудью перепалзываетъ; а нной случится въ продушину попасть, съ головой всосеть! а какъ шесть подь мышкой, ну, и не дасть потонуть человѣку: на него опрется и выгѣзеть...

— Вотъ она, охота пуще неволи! заключилъ Владимірецъ.

Мы поѣхали къ мѣсту на полныхъ рысяхъ: охотники, стоя саженьяхъ во ста другъ отъ друга, окаймили островъ длинной цѣпью и были всѣ на виду; передъ нами лежала такая ровная и чистая луговина, что не ней можно было свободно счесть даже гусинья перышки. Я сталъ возлѣ Атукаева; на лѣво отъ него былъ Ларка стремянный, на право стоялъ Алѣевъ, имѣя съ правой руки стремяннаго Ваську, съ его лихой сворой. Странно мнѣ было видѣть первый разъ, что изъ шести своихъ собакъ Алѣевъ не имѣлъ ни одной на сворѣ, всѣ онѣ размѣстились и лежали вокругъ его лошади. У Васьки, знаменитый его чернопѣгій лежалъ тоже на свободѣ; у остальныхъ охотниковъ собаки всѣ до одной были на сворахъ. Бацовъ, какъ не дѣйствующій, сталъ около Алѣева; Владимірецъ отѣхалъ далеко къ другимъ охотникамъ.

Долго однакожъ простояли мы послѣ этого, ожидая, что — вотъ, вотъ, начнется гоньба: я зажегъ и искурилъ до половины толстую сигару, но въ островѣ все-таки было тихо, какъ въ могилѣ, только однѣ синицы перепархивали вдоль опушки. Стало скучно.

— Чтожъ это? спросилъ я, потерявъ терпѣніе.

— А тоже, отвѣчалъ графъ, что это заводитъ стаю Феопень, а не ктонибудь другой! Вотъ, слушай и замѣчай, если у него хоть одна пойдетъ въ доборъ: этотъ чортъ сядетъ со всѣми прямо на матку... Чу!

Съ этимъ словомъ я дрогнулъ въ сѣдлѣ.

Въ островѣ, въ одинъ мигъ, какъ будто упавшая въ пропасть, взревѣла стая. Но, что это были за звуки! Это былъ ни взбрехъ, ни лай, ни ревъ—это, прорвалась какая-то пучина, полилась одна непрерывная плакучая нота, слитая изъ двадцати голосовъ: она выражала что-то близкое къ мольбѣ о пощадѣ, въ ней слышался какой-то предсмертный крикъ тварей, гаснущихъ, истаевающихъ въ невыносимыхъ мукахъ. Кто не слышалъ гоньбы Братовской стаи, тотъ можетъ вообразить только одно: какъ должна кричать собака, когда изъ нея медленно тянуть жилы или сдираютъ съ живой кожу...

Загудѣлъ рогъ съ двумя перебойями; сигналъ этотъ сказалъ намъ: «я сталъ на гвѣздо!» и вслѣдъ за тѣмъ голосъ этого

колдуна повершилъ всю стаю: «Сл-уш-ай! Вались къ нему! Эхъ, дѣти мои... О-го-го-го!»

Самъ сатана, вселясь въ плоть и кровь человѣка, не заyleтся и не крикнетъ такимъ голосомъ! Нѣтъ, буква мертва и не пѣвуча для выраженія этихъ, не для нея изготовленныхъ пѣсень...

«Такъ-то онѣ *пищатъ!*» «Такъ вотъ онъ, тотъ ловчій!» думалъ я и чувствовалъ, что меня треплетъ лихорадка.

— Слышалъ? спросилъ меня Атукаевъ.

— Да... протянулъ я, недоумѣвая что сказать.

— Взгляни на Луку, прибавилъ графъ.

Я посмотрѣлъ на Бацова: стоя сзади Алексѣя Николаевича, онъ утиралъ платкомъ глаза.

«У-а! влисъ кнму! у! раздалось снова въ болотѣ и стая залилась еще зарче пошла въ разнбой; нѣсколько голосовъ повели въ нашу сторону.

Прямо на насъ выкатилъ переярокъ.

«Стой, стой! тихо приговаривалъ графъ, силясь удержать свору. Увидя звѣря, собаки рвались, становились на дыбы... Наконецъ, выждавъ волка на себя, графъ отдалъ свору и началъ травить; въ тоже время раздался голосъ Алѣева: «назадъ! Лихачъ! Побѣдимъ! назадъ!» Но, онъ опоздалъ: возрѣвшись въ волка, пять собакъ Алѣева снесли и накрыли его вмѣстѣ съ графскими собаками. Алексѣй Николаевичъ остался съ однимъ Поражаемъ. Это обстоятельство породило случай рѣдкій въ охотѣ.

Въ слѣдъ за переяркомъ, двѣ гончія вывели изъ острова огромнаго волка прямо на Алѣева; изъ всѣхъ собакъ одинъ только Поражай возрѣлся въ звѣря, и выждавъ его на себя, храбро понесся къ нему на встрѣчу: они схватились, поднялись на дыбы, сцѣпились зѣвъ въ зѣвъ, расперлись, и стали какъ вкопанные: ни волкъ, ни собака, не трогались съ мѣста и не разнимали пасти. Слѣдовало подать скорую помощь Поражаю, но взять ее было неоткуда: остальные собаки Алѣева жадно теребили нашего волка и не внимали никакимъ призывамъ; Васька накрылъ своей сворой прибылаго волка и тоже не видѣлъ происходившаго; кричалъ и суетился одинъ только Бацовъ; но ему не удалось промолвить порядкомъ и десяти словъ, какъ Алѣевъ заскакалъ звѣря и пошелъ къ нему сзади, вынимая кинжалъ: одинъ мигъ и кинжалъ этотъ вошелъ по ручку волку въ пахъ; Поражай перемѣстился въ горло и, матерой волкъ, въ нашихъ глазахъ былъ принятъ изъ-подъ одной собаки.

Управившись съ дѣломъ, охотники подали одинъ за другимъ

три сигнала ловчему, что *«зелье принять»*. Минутъ десять послѣ того борзятники изъ различныхъ пунктовъ извѣщали въ рога о томъ-же и Теопенъ началъ вызывать гончихъ изъ острова. На нашей сторонѣ приняли восьмерыхъ; на правой сторонѣ затравли волчицу съ тремя молодыми и двухъ перепарковъ. Наконецъ, подали позовъ *«охотникамъ на съездъ»*, я и Бацовъ поѣхали взглянуть на Теопена. Пашка носился по лугу и сбивалъ тѣхъ гончихъ, которыя успѣли прорваться изъ острова. Рогъ ловчаго гудѣлъ уже близъ опушки. Когда мы уже подѣхали къ тенетамъ, Теопенъ только что вылѣзъ изъ труппы и стоя на дугу, гудѣлъ въ рогъ безъ умолка; подлѣ него собралась уже небольшая кучка собакъ, остальные одна за другой валились съ различныхъ сторонъ: однѣ ложились тотчасъ, свертывались въ козачко и вздрагивая грѣли бока на солнушкѣ, другія катались и вытирались о траву. На Теопена страшно было смотрѣть: какъ видно, ему не одинъ разъ пришлось окупиться съ головой, потому что на этой головѣ не было ни одного сухаго волоса и сверхъ того за правымъ ухомъ и на вискѣ лежала лепешка болотной тины, въ видѣ пластыря; у ногъ его валялся мокрый картузъ и бумажка съ растворомъ табаку, въ родѣ кофейной гущи.

— Ну, Теопенъ Ивановичъ, началъ я, мы присланы благодарить тебя отъ всего общества; а наше спасибо прими особнякомъ.

Но моихъ словъ едва-ли дошла и половина до Теопеновыхъ ушей, потому что Бацовъ, вскоча съ лошади, принялся обнимать его и приговаривать: Теопенушка, голубчикъ, ты промокъ, простудисься... возьми, вотъ, попридѣнь съ меня сухую чайку, и проч.

Поддаваясь нехотя этимъ нѣжностямъ, голубчикъ нашъ, какъ видно, былъ не совсѣмъ въ голубинномъ расположеніи духа.

— На што... и такъ жарко... проговорилъ онъ сухо и снова загудѣлъ въ рогъ. Вотъ, Сорока, Помыкай не подваливаются; ужъ такія собаки, ядащія... Что ротъ-то разинулъ! Сымай тенеца! Аль ночевать тутъ собрались?

Эти послѣднія слова относились къ двумъ мужикамъ-тенетчикамъ, которые съ дубинками въ рукахъ молча глазѣли на насъ съ какимъ-то смущеннымъ видомъ.

— А что? Развѣ они тутъ дали зѣвка? спросилъ Бацовъ.

— Какъ-же! Двухъ прозѣвали. Выкатились изъ тенетъ.

— Щожъ, Хвепенъ Иванычъ! Нешто мы тутъ причивою...

только что грѣха на душу накладывать... какъ оно было, такъ оно и есть.... тебѣ говорить — я къ ему съ тыпнкой, только было, вотъ-бы.... а юнъ и тас....

— Гу! зѣпало распустилъ! таго, тас! Сымай тенета, говорить.... Галманы!

Сорока и Помыкай подвалились; вслѣдъ за ними и Пашка привелъ соловаго, съ фризовой хламидой въ торокахъ. Прежде всего Теопенъ Ивановичъ взялся за тавлинку и послѣ доброй понюшки, глянулъ веселѣе и спросилъ насъ, на кого вышелъ материкъ?

Мы не замедлили рассказать со всѣми подробностями, что Алексѣй Николаевичъ принялъ его изъ-подъ одного Поражая.

— Собака-то помягче тѣхъ.... Ну, да ладно! заключилъ Теопенъ и съ помощью Пашки принялся выкручивать воду изъ всей одежды.

На обратномъ пути предстало намъ зрѣлище совершенно новое, неожиданное и вмѣстѣ съ тѣмъ неприятно подѣйствовавшее на моего спутника.

— Посмотри, вѣрно этотъ вчерашній пузанъ притащился сюда и кажется со всѣмъ выводкомъ! Вотъ, досада! произнесъ Бацовъ, показывая на стоявшую вдали линейку, запряженную шестерикомъ, съ форейторомъ. Тутъ-же пестрѣла коллекція шляпокъ и зонтиковъ.

— Вѣрно такъ. Чтожъ, я очень радъ поглазѣть на этотъ выводокъ, можетъ быть тутъ найдутся и хортыя и бурдастыя и всякія, отвѣчалъ я, чтобъ подразнить Бацова. Притомъ-же, знаешь, новыя знакомства съ прекраснымъ поломъ всегда къ чему-нибудь да поведутъ....

— Пустяки. Терпѣть не могу этой пенъковой гвардіи, и къ чему прилѣзли? что съ ними дѣлать?

И Бацовъ началъ горячиться, прибирать и причитывать, не зная самъ на что рѣшиться: ѣхать-ли ему впередъ, или вернуться снова къ Теопену и отправиться съ нимъ домой.

Тѣмъ временемъ я успѣлъ счесть шляпки и зонтики, окружавшіе то мѣсто, гдѣ лежали затравленные нами волки, и посмотрѣлся вдоволь, какъ Пузанъ, разглагольствуя и пожимая руки у Стерлядкина, Алѣева и графа, при каждомъ поклонѣ непременно откидывалъ одну ногу назадъ.

— Вотъ, рекомендую, это наши товарищи, сказалъ Алѣевъ, когда мы, сдавши лошадей своихъ охотникамъ подошли къ обществу.

Послѣ обычныхъ привѣтствій съ папашей разговоръ нашъ съ барышнями начался, какъ подобало, сожалѣніемъ съ ихъ стороны о томъ, что онѣ не видали самой травы, а съ нашей, увѣреніемъ, что помянутая «травля» имѣла-бы для насъ самихъ двойной интересъ въ присутствіи такихъ.... (Э! ужъ была не была! видно пошло на правду....) вовсе не *прелестныя*, а, такъ себѣ, чуть, чуть сносныхъ свидѣтельница.

— Это папа виноватъ, прибавила одна изъ восьми Павловенъ; мы говорили, что надо ѣхать раньше.

— Ахъ, матушка, да, какъ-же! какъ это ты такъ говоришь! возразилъ папа, разставляя руки, и голосомъ, которому, чортъ ее знаетъ откуда, подыгрывала сопѣлка.

— Ты говоришь, вотъ, пана!... нельзя-же матушка, сырой тащить изъ печки.... сама знаешь, я тоже всталъ съ семи часовъ, да, какъ-же тутъ.... А вотъ что, прибавилъ онъ, обратясь уже къ намъ, я рассчитывалъ, что застанемъ охоту; ну, время, знаете, тово.... извините, я думаю, что и теперь уже есть часовъ одиннадцать?

— Да, ужъ четверть двѣнадцатаго, отвѣчалъ Алексѣй Николаевичъ, посмотрѣвши на часы.

— Слѣдовательно, надо закусить.... По правамъ охоты.... графъ, господа, извините, тутъ лишняго ничего не будетъ, одно лишь скажу: мы съѣдимъ по кусочку пирога.... это кушанье по сезону; вотъ у меня мастерицы брать грибки.... сей-часъ вотъ..

Очевидно, что цѣль всѣхъ или нѣкоторыхъ Павловенъ была любопытство; можетъ быть онѣ желали имѣть понятіе о томъ, какъ травятъ волковъ; можетъ быть.... ну, да на свѣтѣ все можетъ быть.... но очевидноѣе всего, что цѣль ихъ папаша была—пирогъ; онъ, т. е. папаша, не удостоилъ даже взгляда ни людей, ни волковъ, на которыхъ такъ засматривались всѣ Павловны. Получа согласіе наше на счетъ уничтоженія пирога, особа его, съ необыкновенной легкостью и проворствомъ кинулась на опустошеніе длиннаго и емкаго ящика лифѣйки; оттуда, какъ изъ рога изобилія, глядѣли и горлушки бутылокъ, и баночки съ маринованными грибами, и съ огурчиками въ укусѣ, и опять-таки, пикули и цыплята съ сухой посыпкой, и множество всего такого, что про всякъ часъ и пригодно, и потребно человѣку.... и наконецъ, съ помощью носителя ливрейнаго картуза и собственноручной поддержки, вынутая бережно на длинномъ противнѣ и освобожденная изъ-подъ листовъ сахарной бумаги, дѣвственно, стыдливо, румяно глянула на всѣхъ насъ кулебяка

или пирога, какъ хотите назовите, но, дѣло въ томъ, что Павелъ Павловичъ самъ поставилъ его на коверъ, разосланный на лугу, и, чего тутъ не поставилось и не положилось вокругъ этого соблазнительнаго пирога!

— Вотъ кому бы армію-то угощать, шепнулъ мнѣ Атукаевъ.

— Не худо, еслибъ къ этому затѣялъ онъ и пляску, прибавилъ я.

— Только не подъ гребешокъ, заключилъ графъ.

Наконецъ мы приступили къ доброму дѣлу, кто на дрогахъ, кто на лугу, кто-гдѣ какъ попало; для дамъ нашихъ подостлали снятыя съ дрогъ подушки, и пошли пиръ пировать.

— А гдѣ же папъ Виссаріонъ Николаевичъ, спросилъ, спохватившись, Алѣевъ.

Словно по щучьему велѣнью, Владимірецъ явился среди луга и ѣхалъ къ намъ. Послѣ травли, онъ вздумалъ объѣхать охотниковъ и по пути завернулъ къ тенетамъ, взглянуть на Феопена. Наконецъ, онъ очутился среди насъ, но... что это было за твореніе въ подсолнечной! Можно было поручиться, что если бы не знакомый костюмъ и извѣстная всѣмъ способность этого человѣка къ превращеніямъ, мы, не долго думая, приняли бы его за новое незнакомое намъ лицо. Человѣкъ этотъ, по истинѣ былъ неузнаваемъ: глазами онъ глядѣлъ какъ-то на манеръ алебастровыхъ статуй; на рѣсницахъ явились у него двѣ слезки; ротъ нижней губой клянулся къ бородѣ; лобъ преобразовался со всѣмъ... выраженіе лица сдѣлалось какъ-то тупо, безмысленно: однимъ словомъ, передъ нами появилось что-то превращенное въ одинъ мигъ изъ человѣка настоящаго, въ существо пошлое, жалкое, униженное до пидіотизма.

Мы смотрѣли, какъ говорится, разиня ротъ, и не знали, что подумать объ этомъ новомъ фокусъ-покусѣ: графъ смотрѣлъ вопросительно на меня, я переглядывался съ Стерлядкинымъ, Бяцковъ толкалъ подъ локоть Алѣева.

— Вотъ еще одинъ изъ нашихъ, началъ Алѣевъ, чуть дыша: — это мой добрый пріятель, владимірскій помѣщикъ....

— Очень радъ, очень радъ, весьма пріятно, перебилъ толстякъ, схватя за руку Владимірца и откинулъ ногу по прежнему.

Тотъ, не говоря ни слова, выдѣлалъ туже штуку ногой.

Не было никакихъ средствъ удержаться отъ смѣха: я предвидѣлъ, что тутъ не обойдется безъ дальнѣйшихъ штукъ и искалъ заранѣе мѣста для спасенія.

— Вы вѣрно тоже охотникъ? страстный? началъ Пузанъ.

— Ме-ме-э-ме! проблемагъ нашъ шутникъ и показалъ себѣ на уши.

— Ахъ, какая жалость, подхватили двѣ Павловны, — онъ глухонѣмой!

— Пирожка, водочки; вотъ, рекомендую, съ грибами.... говорилъ между тѣмъ папаша, подавая кусокъ нѣмому. Антуанетъ, подчуй, занимай.... а вы, господа, сначала прошу.... прекрасная мадера; а потомъ.... И Павелъ Павловичъ принялся наполнять рюмки мадерой.

Между тѣмъ Антонина Павловна подложила нѣмому еще кусокъ пирога; у Александрины Павловны попросилъ онъ самъ; глядя на сестеръ, сердобольная Ненила Павловна прибавила отъ себя четвертый кусокъ. Такъ, собравши полъ-пирога и разложив передъ собой на сахарной бумагѣ, нѣмой командировалъ сестеръ за цыплятами; тѣмъ же путемъ очутились возлѣ него банки съ пиккулями и огурчиками; слѣдомъ за ними прибывали — рюмки за рюжкой съ наливками, мадерой, хересомъ и проч. Обзаведясь хозяйствомъ, глухонѣмой разсадилъ вокругъ себя Павловенъ и началъ ихъ угощать. «Ахъ, какой онъ милый, внимательный, забывчивый», раздавалось со всѣхъ сторонъ. Заслужа такое расположеніе и довѣріе во время завтрака, герой нашъ, угостивши всѣхъ до-сыта, принялся за ворожбу и разгадываніе судебъ; для произведенія этого фокуса, онъ пользовался безвозбранно ручками и ладонями всѣхъ Павловенъ; но когда онъ, обратясь къ намъ, показалъ на ливрейный картузъ и сдѣлавъ примѣрный нарѣзъ на ладони, началъ вытряхивать и раздувать пухъ по вѣтру, для насъ, понимавшихъ о чемъ идетъ рѣчь, настала совершенная попытка.... Кстати, Павелъ Павловичъ, вообразивъ, что Владимірецъ воздастъ этимъ должную похвалу тѣсту въ его пирогахъ, не обращая на насъ вниманія, началъ самъ раздувать пухъ и потряхивать головой въ знакъ совершеннаго согласія.

— Это правда, прибавилъ онъ, на счетъ тѣста могу похвалиться; тортъ настоящей!

Мы отвѣчали на это, что глухонѣмой былъ въ правѣ замѣтить это раньше насъ, потому-что онъ знаетъ поварское дѣло превосходно.

— А что, батюшка, обратился ко мнѣ папаша, скажите мнѣ что онъ съ роду такой, или...

— Да, подхватилъ я, онъ глухонѣмой отъ рожденія; но, не смотря на этотъ недостатокъ, онъ человѣкъ съ большими талантами; сверхъ того, у него удивительный фокусъ въ глазахъ.

— Какой же это фокусъ?

-- Да тотъ, что ему всё предметы кажутся вверхъ ногами.

— Что жъ это? Какъ же это такъ?

— Очень просто. Вотъ, напримѣръ: это дерево, для насъ оно вотъ какое, а для него оно стоитъ корнемъ вверхъ...

— А?... такъ.... Антониночка, оправься. Нина, сиди хорошенько. Сашокъ, не вертись...

И Павелъ Павловичъ тотчасъ приказалъ убирать посуду и подавать лошадей.

Въ это время мимо насъ лугомъ Θεопень провелъ стаю домой и мы его встрѣтили рукоплесканіями и проводили общимъ единодушнымъ браво!

Тутъ послѣдовало прощанье съ нашимъ радушнымъ гостемъ и его веселенькими спутницами; кажется, что онѣ не въ правѣ будутъ на насъ жаловаться, потому-что при концѣ свиданія, все, чѣмъ можно было доказать нашу предупредительность и вниманіе къ нимъ, съ нашей стороны было выполнено въ точности; сверхъ того, когда экипажъ тронулся, мы всё очутились на лошадахъ и, съ конвоемъ, состоявшимъ человекъ изъ десяти тѣхъ охотниковъ, у которыхъ не было въ торокахъ звѣря, проводили линейку версты за двѣ до поворота.

Возвратясь на квартиру, мы начали пировать по своему: четырнадцать волковъ были выторочены и лежали рядомъ на показъ зѣвакамъ, которыхъ набралось видимо-невидимо; тутъ же, пользуясь краснымъ днемъ, охотники выставили столы на площадку и усѣлись за сытный обѣдъ, съ преизобильной порціей вина и пива; послѣ обѣда составилъ хоръ: пляска и пѣсни продолжились до полуночи.

На другой день мы выступили въ Бокино.

VI.

Бокино.— Новое знакомство.— Неудачное поле.— Полштофъ въ опасности.— Садка. — Травля встрѣчныхъ. — Отъѣздъ.

Въ два часа за полдень увидали мы Бокино. Посворно, какъ и вчера, охотники равнялись полями, но зайцевъ находили мало, что доказывало близость и обиліе краснаго звѣря. Отъ Бокина до Чурюкова всего-то двадцать верстъ дорогою, а прямикомъ полями и того ближе; острова почти смежны, слѣдовательно,

волки, рыская постоянно вокругъ своихъ гнѣздъ — *выжмаютъ* русака.

Оставя въ лѣвой рукѣ большую дорогу, мы, по отлогому скату поля, подъѣзжали къ мѣсту: налѣво, на самой крути бугра стоялъ большой барскій домъ съ колоннами и красивымъ полисадомъ; направо отъ него тянулось по бугру село съ церковью; низина вся была заткана сплошнымъ камышомъ и чепыжникомъ, между которыми мѣстами поблескивала довольно широкая рѣка. По краямъ болота, въ полуверстѣ другъ отъ друга стояли крестьянскіе пчельники. Въ этомъ-то болотѣ, которое протянулось на нѣсколько десятковъ верстъ и огибало нѣсколько селъ и деревень, разселенныхъ по обѣимъ его сторонамъ, изстари, завѣдомо, «за-знать», плодятся во многихъ мѣстахъ звѣрь выводками. Обапольные мужики знаютъ своего звѣря и не *стромаютъ* гнѣздъ, потому-что и волки вблизи своихъ селъ не *щелятъ* скотины.

Борзятники стянулись на дугъ и поѣхали на квартиру; мы спустились ко второму пчельнику, вблизи котораго, по словамъ Θεопена, было гнѣздо. У камышевой изгородки пчельника, невзрачный, остарковатый мужичонка съ рѣдкою русою бородкой кинномъ, стоя на одномъ колѣнѣ, тесалъ что-то на обрубкѣ колоды. Мы подъѣхали къ нему и начали распрашивать о волкахъ.

— Какъ же, есть, милостивцы, есть звѣри.. Это мои собачки, батюшка, прибавилъ онъ какъ-то умленно, голосомъ мягкимъ и вскрадчивымъ, какимъ обыкновенно владѣютъ проходимцы и святоши. — А вы, сударики, охотнички?

— Да, мы охотники.

— То-то, вотъ, давѣ, отъ господъ былъ приказъ; оповѣщали береговыхъ по пчельникамъ, чтобъ осторожнѣй съ звѣремъ быть и охотниковъ не допускать, а докладать ихъ милости, на случай какіе наѣдутъ.

Мы значительно переглянулись.

— Развѣ господа твои здѣсь? Вѣдь баринъ вашъ умеръ. Кто же тутъ теперь? спросилъ Алѣевъ.

— А молодые-то, дѣтки, батюшка. Вотъ по лѣту наѣхали къ намъ; изъ полку прибыли. Теперь вотъ, старшой-то, Иванъ Петровичъ, за мѣсто батюшки покойника вотчиной править взялся, а меньшой, Петръ Петровичъ, охочъ больно до лошадокъ, такъ за заводомъ приглядываетъ.

Я видѣлъ что это извѣстіе произвело въ моихъ спутникахъ впечатлѣніе нерадостное.

— Чтожъ, твои господа сами, что-ли, хотять охотиться? спросилъ графъ.

— А Господь вѣдасть, сударики; сами, что-ли.. Приказъ есть, чтобъ охотниковъ не допускать; а тамъ, что у нихъ на умѣ, неизвѣстно.. Вотъ, было недѣли двѣ назадъ, пріѣзжалъ сюда Жигуновъ съ охотою, господь съ нимъ таково много; досылали тожъ и къ нашимъ, да, нѣтъ, должно быть, запретъ не снять; такъ и отъѣхали. А то, еще по лѣту былъ тутотка человѣкъ издадеча, двѣ ночи ночевалъ у меня на пчельникѣ; ужъ и мудренъ-же этотъ человѣкъ! и по имени както не такъ, чтобъ знакомио было.

— Не Феопеномъ-ли звать?

— Такъ-то, такъ, милостивецъ; онъ самый.. ужъ этотъ на счетъ звѣриныхъ дѣловъ такой дотошникъ, что и не привидано!

— А что?

— Да такъ-то, батюшка; я диву дался глядя на него. Какъ передневалъ онъ тутотка, да обшарилъ, почитай, всю округу, и говоритъ мнѣ, — у тебя, говоритъ, дядя, въ гнѣздѣ звѣря мало; — какъ, мало, говорю: да тутъ ихъ видимо-не-видимо! — Нѣтъ, говоритъ, всего-то, съ стариками, головъ десятокъ, больше не будетъ: вотъ, считай самъ, говоритъ.. и пошелъ онъ, милостивецъ ты мой, за энто плесо — и ну гудѣть по звѣринному, на разные голоса, а они, звѣрье-то, сударь ты мой и вышли всѣ вотъ къ пчельнику, прямо ко мнѣ, вотъ сюда, игрище затѣяли.. И заподлинно всего-то на все девятеро съ молодыми; а опосля того видывалъ сколько разъ; больше того нѣту..

— Ну, а теперь выводокъ тутъ? спросилъ Бадовъ.

— Какъ-же. Тутотка. Да, они наши-то, спокойны, пообрусѣли и къ народу пріобыкли. Вотъ, старпкъ, всѣмъ сталъ знакомить: выйдетъ-ной середь дѣя и ляжетъ, гдѣ на межѣ — поглядываетъ, какъ мужички пашутъ. Года съ два назадъ, завелся было у насъ на селѣ мужичокъ-охотникъ; не-то, чтобъ заправскій, какой, а такъ, добылъ онъ гдѣ-то капканъ — и ну ставить; вотъ онъ, волчокъ-то и попади въ капканъ передней лапой, да не ловко задѣло, отгрызся.. а ногу повредилъ, вѣстимо, пальцы отшибло; такъ и теперь бродить, съ дулдышкой..

Мы больше не стали слушать словоохотнаго пчелинца и отправились на квартиру.

— Однако жъ, скверно, если эти господа Петровичи заартачатся и не пустять насъ въ островъ, сказалъ графъ.

— Это ничего не значить, отвѣчалъ Алѣевъ: — дураго въ

этомъ я вижу лишь то, что мы должны будемъ откочевать отсюда верстѣ на десять вверхъ и лишимся на время удобной стоянки; за то будемъ имѣть больше звѣря.

Бокино торговое село, стоящее при одномъ изъ тѣхъ бойкихъ трактовъ, который въ зимнюю пору проявляетъ изъ себя что-то въ родѣ чистилища для господъ проѣзжающихъ; тутъ такіе ночлеги и ухабы, для которыхъ надо имѣть въ запасѣ и чугунную голову и стальные бока. Часть села, примыкающая къ большой дорогѣ, состоитъ изъ постоянныхъ дворовъ различной формы и величины; два изъ нихъ, лучшіе на видѣ, были заняты нами. Помѣщеніе, опредѣленное для насъ, состояло изъ двухъ очень просторныхъ и очень грязныхъ покоевъ, гдѣ каждая половая доска исполняла роль фортепьяннаго клавиша. Натѣшившись вдоволь надъ этою клавиатурой, мы усѣлись за трапезу, и Алѣевъ велѣлъ кликнуть Аѳанасья.

— Ступай, сказалъ онъ вошедшему, на барскій дворъ: — узнай къ кому изъ господъ слѣдуетъ тебѣ явиться для переговоровъ; кланяйся и проси позволенія метать завтра гончихъ. Ну, ты ужъ знаешь какъ тамъ поступить.

— Слушаю-сь.

— Надо сказать, прибавилъ Алѣевъ по уходѣ посланнаго: — я какъ-то невольно узаконилъ за Аѳанасьемъ право подобныхъ переговоровъ: его краснорѣчіе при убѣжденіяхъ до того фигурно и непонятно, что всякій съ нимъ соглашается поневолѣ.

Неизвѣстно, какъ велъ себя Аѳанасій на дѣлѣ, но, лишь мы встали изъ-за стола, какъ онъ явился съ извѣстіемъ, что самъ баринъ Иванъ Петровичъ изъявилъ желаніе познакомиться съ нами и прибудетъ для того вскорѣ.

И точно, черезъ полчаса времени у оконъ нашей квартиры появился статный бѣгунъ въ пролеткѣ, и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ къ намъ плотный, высокаго роста мужчина, въ теплому скюртукѣ съ бобромъ: это былъ еще очень молодой человѣкъ, съ лицомъ цвѣтущимъ здоровьемъ и отмѣченнымъ добрымъ, спокойнымъ выраженіемъ; лучше-же всего въ немъ было то, что ни въ словахъ, ни въ пріемахъ его не было и тѣни этого фразерства и вычурности, которыми рѣдкій изъ насъ не пробавляется въ минуту перваго знакомства.

Въ короткій срокъ, знакомясь со всѣми, Иванъ Петровичъ объяснилъ Алѣеву, что слышавшись о достоинствахъ его охоты и зная, что ловчій его по лѣту подыскивалъ здѣсь звѣря, они съ братомъ всѣми мѣрами старались сберечь выводки для насъ

и не допускали другихъ охотниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ пригласилъ насъ переселиться въ домъ на все время нашего здѣсь вѣгредчанія. Нельзя было и думать объ отказѣ съ нашей стороны, потому, что приглашеніе это было выражено съ такимъ радушіемъ, ласкою и готовностью доставить намъ угодное, что мы, не возражая ни однимъ словомъ, тотчасъ же собрались и отправились всѣмъ обществомъ къ дому. На встрѣчу къ намъ вышелъ меньшой братъ Ивана Петровича, Петръ Петровичъ этотъ былъ моложе его нѣсколькими годами, ниже ростомъ; тонокъ и строенъ; судя по щеголеватости одежды и нѣкоторой изысканности въ пріемахъ, онъ, какъ казалось, былъ не прочь отъ разыгрыванія свѣтскаго и тоннаго молодого человѣка, но вида нашу совершенную простоту и безцеремонное обхожденіе, тотчасъ измѣнилъ себя и съ свойственной ему живостью и энергіей доискивался и предупреждалъ желаніе каждаго изъ насъ и не уступалъ въ радушіи своему брату. Такъ составилось это неожиданное нами знакомство; оно было причиною того, что вмѣсто однихъ сутокъ, мы пробыли въ Бокниѣ — пять, и долго и часто послѣ того вспоминали о встрѣчѣ съ этими добрыми и пріятными людьми.

Къ девяти часамъ люди принесли необходимыя для насъ вещи и мы размѣстились очень удобно, гдѣ кому пришло по праву; домъ состоялъ изъ множества большихъ комнатъ, отдѣланныхъ со вкусомъ и удобно расположенныхъ. Въ гостиной и сосѣдней съ нею комнатѣ висѣло много замѣчательныхъ картинъ; между ними были Рюнсдаль и Боппа, а также копии и оригиналы извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Отецъ нашихъ радушныхъ хозяевъ былъ страстный любитель живописи, а небольшая галерейка, имъ собранная, доказывала, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и знатокъ этого дѣла. Чай пить мы сошлись въ просторномъ кабинетѣ Ивана Петровича; съ этого времени неистощимый нашъ Владимірецъ вступилъ въ свою колею: открытіе сезона началось у него повѣствованіемъ о томъ, какъ русскій мужикъ продавалъ нѣмцу козу; далѣе, пошла въ ходъ исторія о вчерашнемъ пузанѣ, репетиція раздуванія пуха изъ ливрейнаго картуза и проч. Репертуаръ нашего краснобая былъ обилень, блестящъ и разнообразенъ; послѣ какого-нибудь анекдота, тотчасъ шло у него представленіе въ лицахъ кого-нибудь изъ общезнакомыхъ или присутствующихъ: малѣйшій оттѣнокъ характера въ каждомъ изъ насъ былъ уловленъ и передаваемъ съ изумительнымъ искусствомъ; дошелъ наконецъ чередъ и до Ивана Петровича,

какъ тотъ приглашалъ насъ къ себѣ и какъ Петръ Петровичъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ общество посреди двора; оба брата катались по дивану, хохоча страшно и прихватывая бока ладонями. Въ два часа за полночь, съ колякой въ бокахъ, улеглись мы наконецъ въ постели.

На другой день мы всѣмъ обществомъ выѣхали въ поле. Своры стояли уже по мѣстамъ; графскій ловчій держалъ сомкнутую стаю вблизи пчельника; новые знакомцы наши внимательно осматривали все и нетерпѣливо ждали начала общей потѣхи, но тетечки замедляли дѣло: едва достало крыльевъ, чтобъ забрать разстояніе саженой въ шестьсотъ длиннику; наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, ловчій со стаей тронулся въ островъ, и, увы! всѣ наши хлопоты и грозныя приготовленія послужили ни къ чему; волки, подбуженные съ утра неосторожнымъ говоромъ тетечниковъ, снялись съ логова и бродили по острову, предчувствуя грозу; ловчій не успѣлъ пройти и десяти саженой, какъ собаки, почуявъ свѣжіе слѣды, пошли въ доборъ и вся стая помкнула въ разной. При первой помычкѣ, волки ватагой бросились въ рѣку и скрылись мимо тенеть.

Намъ тотчасъ подали сигналъ съ нагорной стороны, что «звѣрь прорвался», и крайніе охотники той и другой половины проворно тронулись съ мѣстъ и пустились на полныхъ рысяхъ вдоль острова: Иванъ Петровичъ, Бацовъ и я поскакали къ тенетамъ узнать, что и какъ происходило въ самомъ островѣ. Спѣшившись, мы подошли топкою луговиной къ лѣвому крылу тенеть и были зрителями слѣдующаго казуса:

Петрунчикъ, (къ слову сказать) получившій съ помощью бдительнаго надъ нимъ надзора «надлежащій человѣческій видъ», этотъ хитрый и замысловатый Петрунчикъ, въ избѣжаніе докучнаго надъ собой досмотра, вздумалъ отправиться къ тенетамъ, въ качествѣ охотника; на самомъ-же дѣлѣ значилось, что этотъ величайшій трусъ и вовсе не охотникъ, загѣзъ въ болото съ цѣлью праздновать тамъ первые минуты своей свободы, для чего, обезпечивъ себя полуштофомъ пѣнника, расположился, для большей безопасности, у крайняго крыла тенеть; но едва-ли удалось ему пропустить и одинъ глотокъ, какъ стая помкнула, и молодой волкъ, отбившись отъ гнѣзда, побѣжалъ въ торопяхъ краемъ болота прямо на владѣтеля полуштофа. Взглянувши на волка, Петрунчикъ, съ милой своей посудиною, прыгнулъ отъ тенеть и прилипъ къ березѣ; волкъ, между-тѣмъ, съ разлета,

ударилъ въ тенета, сорвалъ два крыла съ колевъ, закрутился въ нихъ и, дѣлая отчаянные прыжки, поволокъ тенета къ той-же березѣ, зацѣпилъ концемъ за корень и, описавши тура четыре вокругъ дерева, туго прикрутилъ къ нему Петрунчика, а самъ, окутанный тройными складками тенеть, растянулся у ногъ его и щелкалъ зубами. Прижимая полштофъ къ груди, Петрунчикъ кричалъ неистово и взывалъ къ намъ о спасеніи. Насъ одолевалъ смѣхъ.

— Пустяки, братъ; ты вотъ его посудиною по головѣ, онъ и уймется, приговаривалъ Бацовъ.

— Голубчикъ, Бабочка! а-ай!. Конецъ мой пришелъ! кричалъ тотъ.

Волкъ отъ этого крика ворочался пуце и грызъ тенета.

— Пустяки, братъ, ты вотъ лучше передъ послѣднимъ концомъ выпей, а онъ вотъ тебя закуситъ, прибавилъ Лука Лукичъ.

Наконецъ, наскучивъ этимъ крикомъ, Бацовъ подалъ въ ровъ «на драку» и два охотника мигомъ явились на позовъ, сострунили волка и распутали Петрунчики. По общему рѣшенію полуштофъ поступилъ во владѣніе избивителей.

Очутившись на свободѣ, Петрунчикъ усердно просилъ насъ не сказывать графу объ этомъ соблазнительномъ происшествіи, но шила въ мѣшкѣ, какъ извѣстно, не утаишь; охотники не замедлили передать этотъ случай къ общему свѣдѣнію, и такимъ путемъ вѣсть о немъ достигла до ушей грознаго Артамона Никитича и т. д.

Въ слѣдъ за тѣмъ, велѣно снимать тенета и мы поѣхали домой, нисколько не досадуя на эту первую неудачу; Атакуевъ вздумалъ было обвинять своего ловчѣго въ оплошности, но мы всѣми силами старались доказать ему невозможность успѣха въ этомъ, заранѣе испорченномъ дѣлѣ.

За обѣдомъ Алѣевъ совѣтовалъ Бацову испытать Карая на волкѣ, и въ подмогу ему, какъ новичку, предложилъ выбрать любую изъ собакъ своей своры.

Всѣ въ одинъ голосъ подбивали Бацова взять чернопѣгаго и, послѣ обѣда, въ награду за неудачное утреннее поле, мы полюбовались на садку. Волка вынесли на луговину передъ палисадникъ. Карай, у котораго нога почти зажила, былъ на сворѣ у Бацова. Васька, съ чернопѣгимъ стоялъ въ сторонѣ, за паро-

домъ. Когда разструнили и пустили волка, Карай, съ маху, подлетѣлъ, поволокъ его за *лапы* и опрокинулъ его на спину, но, дальше, какъ молодая собака, не давая ему хода, началъ, по выраженію охотниковъ, «*оплыватъ* звѣря». Волкъ щетинился, отщелкивался, забиралъ силу и наровилъ на-утѣкъ; тогда Васька, по знаку Алексѣя Николаевича, выѣхалъ на чистоту и показалъ его своей собакѣ. Чернопѣгій ринулся, и въ одно мгновеніе волкъ лежалъ къ верху ногами; Карай, съ этой помощью, впился въ звѣря, какъ пъявка, безъ отрыва; это значило, что изъ Карая можно было ожидать собаку-мертвую, потому, что борзья, принимающія звѣря въ-отхватъ, въ настоящей охотѣ признаются за негодныхъ. Мы поздравили Луку Лукича съ открытіемъ новаго достоинства въ его любимцѣ и отправились въ домъ, гдѣ, какъ и вчера, заключили нашъ охотничій день живою дружеской бесѣдой и общимъ смѣхомъ.

Во все время пребыванія нашего въ Бокинѣ, мы взяли два выводка волковъ и травили ихъ блистательно. Говорить подробно объ этой потѣхѣ я не намѣренъ, а лучше расскажу моимъ читателямъ-охотникамъ о вѣрномъ способѣ травить волковъ *встрѣчными*. Это былъ нашъ послѣдній подвигъ въ Бокинѣ, видѣнный мною первый разъ и едва-ли знакомый кому-нибудь изъ псовыхъ охотниковъ. Дѣло шло вотъ какъ:

Волки, распуганные нами въ первое утреннее поле, по естественному закону должны были возвратиться на старое логовище. Давъ имъ сутки двой обжиться у гнѣзда, мы старались узнать на вѣрное, въ которую сторону гнѣздовики выходятъ на добычу. Услѣдить за этимъ и высмотрѣть входъ и выходъ звѣря, была забота нашихъ неутомимыхъ ловчихъ. Все было исполнено ими съ тѣмъ похвальнымъ усердіемъ, котораго можно ожидать лишь отъ истинныхъ охотниковъ. На пятый, т. е. въ послѣдній день нашей стоянки въ Бокинѣ, часа за два до разсвѣта, люди разбудили насъ и въ домѣ началась суeta страшная; мы выпили по стакану чаю, одѣлись не мешкая, раскурили сигары и вышли въ переднюю; тамъ встрѣтилъ насъ Теопенъ, а у крыльца ожидали осѣдланная лошади и гремѣли ошейниками сворные собаки. Борзятники обѣихъ охотъ собрались на лужку, гдѣ была садка и ожидали нашего выхода. Въ такомъ составѣ, предшествуемые Теопенемъ Ивановичемъ, мы очутились на лугу, противъ втораго пчельника. Отсюда приказано охотникамъ раздѣлиться на двѣ половины, развѣзжаться на дистанцію и стать полудугой, въ полбугра, лицомъ къ полю. Мы всѣ отѣхали на

версту впередъ и укрылись въ кустѣ 1); остался одинъ Бацовъ и занялъ мѣсто съ Васькой близъ пчельника. Петръ Петровичъ вызвался быть у насъ «сторожевымъ»; для этого онъ подвинулся болѣе нежели на версту впередъ и когда разсвѣло совершенно, мы увидѣли его стоящимъ на гороховомъ ометѣ. Не долго мы смотрѣли на этотъ длинный гребень омета, на которомъ недвижимо торчалъ силуэтъ чернаго всадника. Вскорѣ сторожевой нашъ, съ гикомъ, помчался прямо на насъ; передъ нимъ, словно, черные клубки, катились по полю семеро волковъ: вотъ, ближе и ближе, и мы уже начали различать ихъ по возрастамъ. Матка тянула впереди, за нею мчались волчата, далеко отставая другъ отъ друга; сзади, злобно оглядываясь назадъ, прыгалъ старый волчина. Выждавъ на дистанцію, Алексѣй Николаевичъ указалъ своей сворѣ матку; графскіе собаки сметались и возрѣвшись, сѣли на молодаго волчка. Оставя все, Петръ Петровичъ, какъ видно было, занялся однимъ старикомъ; онъ висѣлъ на немъ, не жалѣя лошади, и старался поставить его прямо на кустъ, но хитрый звѣрь, видя травлю впереди и такую неотвязную погоню сзади, надалъ скачки, покосилъ и началъ забирать въ лѣво, но мы успѣли заскакать на перерѣзъ и вмѣстѣ съ Петромъ Петровичемъ *подали* его прямо на Васькину свору. Въ награду за эту услугу мы были ближайшими зрителями, по-истинѣ, удивительнаго приѣма Черношѣгаго и тутъ-же признали, что это, по удали, первая собака во всей Алѣевской охотѣ. Бацовъ, глядя, какъ его Карай тормозилъ уже заколоннаго волка, чуть не плясалъ отъ радости. Это былъ тотъ самый волкъ съ отшибенными пальцами, о которомъ мы слышали отъ пчелинца.

Такъ закончили мы нашу пятидневную потѣху въ Бокинѣ.

Послѣ обѣда люди, обозъ и экипажи выступили, на походномъ положеніи, въ дальнѣйшій путь; мы-же не могли не остаться еще на одну ночь подъ гостепріимнымъ кровомъ нашихъ радушныхъ хозяевъ. Правду сказать, намъ и самимъ не хотѣлось разставаться съ ними, а они, съ горемъ пополамъ, высказывали невозможность намъ сопутствовать.

На другой день, послѣ обильнаго завтрака, мы простились съ искреннимъ сожалѣніемъ и поспѣшно вышли и размѣстились въ двухъ тарантасахъ, приготовленныхъ для насъ съ вечера, но,

1) *Кустомъ* охотники называютъ или небольшой отъемный лѣсокъ, стоящій на гладь, среди поля, или небольшую лозниковую заросль съ кочками, мѣсто удобное для лежки зайцамъ и для прочаго.

кучеръ, бывшій впереди, вмѣсто-того, чтобъ тронуть съ мѣста, погѣзъ съ козелъ и началъ что-то оправлять у коренной: вскорѣ оказалось, что это была «штука», придуманная братьями. Иванъ Петровичъ, въ сѣромъ казакинѣ, подпоясанный кушакомъ и въ картузѣ на бекрень, появился на крыльцѣ: не говоря намъ ни слова, онъ погѣзъ на козлы; слѣдомъ за нимъ вышелъ Петръ Петровичъ, съ налитыми стаканами шампанскаго.

— Что это вы дѣлаете? спросили мы въ одинъ голосъ.

— А ночуемъ еще ночку вмѣстѣ, — отвѣчалъ добрякъ, разбывая возжи и наворачывая кнутъ на руку.

— Вмѣстѣ, вмѣстѣ! — крикнули мы разомъ, приняли чуть-ли не по десятому уже стакану въ руки, чокнулись и грянули «ура!» Петръ Петровичъ, накинувъ пальто на плечи, вскочилъ къ намъ въ тарантасъ, усѣлся какъ попало и мы помчались.

Братья проводили насъ слишкомъ за сорокъ верстъ; ночевали мы вмѣстѣ въ крестьянской избѣ и на утро простились, тоже со «штукой», но и не безъ грусти.

Медленнымъ и скучнымъ переходомъ достигли мы наконецъ до «Колягиной вершины», т. е. до *главнаго пункта*, къ которому стремились. Тутъ только началось наше «отгѣзжее поле», а съ нимъ и рядъ тѣхъ замѣчательныхъ случаевъ и сценъ, для которыхъ все сказанное можетъ служить вступленіемъ или приговленіемъ къ настоящему охотничьему дѣлу.
